3 1761 08821402 8

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso06koro

LR
K8467

Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Polnoe sobranie sochinenij

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. КОРОЛЕНКО.

v.6

ТОМЪ ШЕСТОЙ

489679
12. 4. 49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1914

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

НАДЪ ЛИМАНОМЪ.

(Изъ записной книжки путешественника).

I.

„Некрасовскій корень“ *).

Наша лодка тихо скользитъ по лиману...

Весла мѣрно опускаются въ синюю, какъ будто загустѣвшую отъ зноя воду и такъ же мѣрно подымаются, сбрасывая съ себя серебристыя капли. Впереди за легкою дымкой, едва смягчающей переливы красокъ, виднѣется красивая цѣпь невысокихъ горъ. На одной изъ нихъ темнымъ вѣнцомъ рисуются развалины старинной генуэзской крѣпости.

Лиманъ называется Reaselm (Рязельмъ),—но наши соотечественники некрасовцы, издавна поселившіеся здѣсь, на гирлахъ Дуная, по плавнямъ и на равнинахъ Добруджи—зовутъ его Разинымъ. Они говорятъ, будто Стенька Разинъ, въ одинъ изъ трудныхъ промежутковъ своей дикой карьеры, приходилъ сюда, бродилъ по этимъ берегамъ, мечтая устроить здѣсь свою вольную общину. Разумѣется, это только совпаденіе названій.

На берегу, вдоль котораго, мимо рыбныхъ заводовъ, „скелей“ и „кирганов“ **), спокойно подвигается наша лодка—раскинулось липованское село Сарыкіой. Село большое,—„больше 600 нумеровъ“, какъ выражаются селяне,—все утонуло въ зелени. Хаты строены изъ чамура (земля, смѣшанная съ навозомъ, отрубями и соломой), выбѣлены чисто известкой,

---

*) Атаманъ Игнатій Некрасовъ, имя котораго часто упоминается въ этомъ очеркѣ, сподвижникъ атамана Булавина. Послѣ усмиренія булавинскаго бунта, Некрасовъ въ началѣ XVII столѣтія вывелъ за собой съ Дона казаковъ и поселился на низовьяхъ Дуная, въ Добруджѣ. Въ настоящее время потомки некрасовцевъ живутъ слободами подъ властью румынъ.

**) „Скеля“—пристань-помостъ, ведущій отъ берега къ „киргану“, зданію для солки рыбы.

кое-гдѣ окна украшены синими разводами. По большей части на улицу глядитъ одно окно,—двери и остальныя окна продѣланы во дворъ, крѣпко обнесенный заборами. Старая, „раскольничья“ привычка, отъ которой не было причинъ отступаться при турчинѣ. Кое-гдѣ въ наружныхъ окнахъ видны желѣзныя рѣшетки.

Живутъ сарыкіойцы „пространно“ и, пожалуй, богато. Лошади у нихъ здоровыя, коровы сытыя, хлѣбъ жнутъ жнеями, а возятъ съ полей на „гàрманы“ такими огромными возами, что подъ вечеръ, когда я ѣхалъ сюда, мнѣ показалось, будто по дорогѣ на меня надвигается домъ. Кромѣ того, у сарыкіойцевъ есть рыбныя ловли въ лиманѣ и отличные виноградники. Въ иномъ русскомъ селѣ не пьютъ столько квасу, сколько сарыкіойцы выпиваютъ вина и пеленý (вино, настоенное на полыни).

Въ Сарыкіоѣ двѣ корчмы: одну арендуетъ болгаринъ Дмитрій, другую Рышканъ. Уже издалека слышится легкій виноградный запахъ, которымъ корчмы обвѣяны такъ же, какъ наши кабаки запахомъ сивухи. Передъ корчмой утоптанная площадка, слегка возвышающаяся надъ улицей. На площадкѣ столики и скамейки, а надъ столами и скамейками—зеленыя тѣнистыя акаціи. Необыкновенно пріятное мѣсто. Поглядишь налѣво—улица съ бѣлыми хатами и кудрявыми садами, а въ ея перспективѣ, точно изогнутый хребетъ дракона, синѣютъ вершины далекаго Махмудійскаго горнаго кряжа. Поглядишь направо—глазъ пробѣгаетъ по такой же веселой улицѣ и падаетъ прямо въ лиманъ, который затѣмъ все точно подымается и подымается кверху, захвативъ своей колыхающейся синевой полнеба... И кажется: вотъ-вотъ море хлынетъ въ село... Грѣетъ теплое южное солнце, вѣетъ теплый вѣтеръ, то и дѣло стучатъ по столамъ кружки, и два молодыхъ болгарина проворно шмыгаютъ съ „полъ-оками“ свѣтлаго, холоднаго вина. Есть, конечно, горькая нужда и въ Сарыкіоѣ. Но и самая нужда какая-то чистенькая и прибранная, не лѣзущая въ глаза рванью и растрепанными крышами...

Въ первый разъ я былъ въ этомъ селѣ года четыре назадъ, но тогда попалъ не совсѣмъ удачно. Пріѣхалъ я съ русскимъ докторомъ изъ Тульчи, человѣкомъ необыкновенно популярнымъ въ Добруджѣ. Занесенный сюда тѣмъ же вѣтромъ, который гналъ съ незапамятныхъ временъ на Синій Дунай столько русскихъ людей, „шукавшихъ“ кто счастья, кто воли, а кто и вѣры, докторъ бродилъ въ молодости по заливу съ рыбацкой артелью, въ качествѣ ея атамана, и еще къ этому времени относятся его знакомство и дружба съ сарыкіойцами.

Теперь его пріѣзду очень обрадовались многочисленные пріятели, а такъ какъ, вдобавокъ, недавно кончили сборъ винограда, и былъ праздникъ, то въ Сарыкіоѣ проснулось внезапно „старинное гостепріимство“ — добродѣтель чрезвычайно свирѣпая и опасная. Сначала мы сидѣли подъ акаціями у Рышкана, пили бѣлое вино и горьковатый пеленокъ. Потомъ насъ повели по избамъ. Въ домахъ подносили вино, пироги и рыбу. Хозяйки кланялись, хозяева угощали и обижались отказами. Потомъ хозяева присоединялись къ намъ, и точно лавина, выростающая на пути, вся наша компанія перекатывалась дальше. Въ избахъ стоялъ только нестройный веселый гулъ, чавканіе, отрывочныя и мало понятныя рѣчи. На улицахъ сторожили нашъ выходъ, во дворахъ впередъ ставили самовары... Отъ этого гостепріимства я скоро почувствовалъ что-то похожее на предсмертную тоску и, узнавъ отъ доктора, что эта процедура едва ли можетъ закончиться ранѣе слѣдующаго утра, запросилъ пощады. Жизнь какъ-то сразу потеряла въ моихъ глазахъ всю свою цѣну, и даже чудесная рамка Сарыкіоя, съ синимъ лиманомъ и жемчужною цѣпью горъ на другой сторонѣ — опостылѣла до послѣдней степени. Мнѣ казалось, что на каждой горѣ закипаетъ по самовару, а отъ лимана пахло ухой и яичницей.

Сарыкіойцы сначала немного обидѣлись и даже начинали слегка шумѣть... Но докторъ рѣшительно стукнулъ кулакомъ по столу,—и они уступили. Было извѣстно, что онъ не чтитъ многихъ священныхъ обычаевъ, и ему это прощалось...

— Ну счастливо, господинъ, — говорили мнѣ сарыкіойцы, гурьбой провожая насъ къ повозкѣ. — Поѣдете въ Рассею,— скажите „нашимъ“, какъ мы тутъ живемъ.

— Вотъ наша церква... видѣли?

— Двѣ церквы у насъ. Бѣлокриницкая и безпопская.

— Не безпопская. Говори: бѣглаго священства. Безпопская на турецкой магалѣ, у Тульчѣ...

— Все одно — нѣтъ попа, такъ безпопская.

— Сбѣжалъ!—насмѣшливо замѣтилъ кто-то, но другой, пополитичнѣе, тотчасъ же прибавилъ, прекращая готовый возникнуть между двумя „вѣрами“ споръ:

— Звонъ имѣемъ. Жалко, не остались до завтра, — звона нашего не слышали.

— При турчинѣ, и то звонъ имѣли. На Дунаѣ слободно.

— Намъ и турчинъ ничего! Жили, слава Богу, и при турчинѣ.

— Что жалиться! И рамунъ тоже ничего. Подати ты ему заплатилъ, остальное либеръ... Конституцыя!

— Точно такъ. Намъ и турчинъ ничего былъ, и рамунъ ничего. Ты до ево хорошъ, и онъ до тебя хорошъ. Не зачипаетъ...

Но теперь, когда, черезъ четыре года, я опять посѣтилъ Добруджу и завернулъ въ Сарыкіой, принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не подвергаться опасному общественному гостепріимству, настроеніе сарыкіойцевъ было уже не такъ благодушно...

Румынъ сталъ сильно „зачипать“ нашихъ соотечественниковъ надъ Дунаемъ.

Вчера, когда я ѣхалъ по дорогѣ къ Сарыкіою, на-встрѣчу мнѣ попалась толпа, представлявшая странное, нѣсколько даже прискорбное зрѣлище. Пятнадцать румынскихъ конныхъ жандармовъ ѣхали верхами, держа въ правой рукѣ на вѣсу по заряженному ружью. А въ серединѣ этого воинственнаго кольца шествовали около 20 человѣкъ сарыкіойскихъ обывателей. Солнце жгло побѣдныя русыя головушки, а изъ-подъ ногъ подымалась густая, летучая пыль, облѣплявшая потныя лица и мокрыя жилетки. Мой возница хохолъ Лукàшъ свернулъ въ сторону каруцу и провожалъ зрѣлище своими черными задумчивыми глазами... Трудно было угадать ихъ выраженіе: любопытство или усмѣшка? Сочувствіе или злорадство?.. Встрѣчались по дорогѣ болгаре, молдаване, попадались татары и турки въ красныхъ фескахъ, всѣ оглядывались и ѣхали дальше, не выражая ни вражды, ни сочувствія... Дѣло, за которое вели въ Бабадагъ сарыкіойскихъ липованъ, видимо, не задѣвало ничьихъ интересовъ. Это было ихъ собственное „липованское“ дѣло.

— Что это такое? — спросилъ я у Луки.

— Воспы не хотять прищепливать. А румынъ судить да амендуеть (штрафуетъ), а кому амендъ платить нечѣмъ, сажаеть въ тюрьму, — отвѣтилъ онъ спокойно, опять выводя лошадей на дорогу... За нами по широкому шляху туча пыли двигалась въ направленіи къ Бабадагу...

Послѣ этого, поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Сарыкіой. Пришлось довольно долго стучать въ ворота, пока ихъ, наконецъ, открылъ самъ хозяинъ, Иванъ Гавриловъ. Это былъ человѣкъ необыкновенной толщины, но бодрый и крѣпкій. Надъ необъятнымъ туловищемъ и круглыми плечами сидѣла небольшая голова съ чертами очень толстато младенца и маленькими, веселыми, лукавыми глазками... Онъ принялъ меня очень радушно и устроилъ постель на почетномъ мѣстѣ, т. е. въ душной комнатѣ на широкой кровати съ периной и пологомъ. Но подъ этимъ радушіемъ всетаки чувствовалась

нѣкоторая озабоченность и какъ будто дурное расположеніе духа.

— Что это у васъ въ селѣ, неспокойно? — спросилъ я.

— Нѣтъ! Чего неспокойно, все слава Богу.

— А куда же повели столько народу?

— Куда повели! У Бабу, у острогъ! Что ты съ дураками будешь дѣлать!.. Безпопскіе это. Обмерзѣли уже и правительству.

И, внезапно закипѣвъ, толстякъ безпокойно задвигался на мѣстѣ и заговорилъ съ неожиданной горячностью:

— Воспы не прищеплюють, записываться не хотять... Судите сами, — чего имъ еще нужно: насчетъ религіи румынъ не стѣсняеть, — молись, какъ хочешь. Дитенковъ учи по своему, только онъ желастъ, чтобы по румынски тоже знали. Ну, что еще надо? А они супротивничають... Повѣрите вы: есть которые уже по 300 и 400 франокъ аменду платили. У острогъ по второму разу идуть...

— И много такихъ?

— Много. Вотъ у насъ двѣ церквы. Одна бѣлокриницкая, наша. Мы, значыть, приняли архіепископа Амвросія... называется австрійская іерархія. Номеровъ двѣсти насъ. Имѣемъ священника. Онъ у насъ все дѣло ведеть и метрики пишеть... Отчего не писать? Ну, скажите вы мнѣ, пожалуйста!

— А другіе?

— А тѣ по бѣглому священству. Лѣтъ по десяти поповъ не имѣють, потомъ сманють выпиваку какого-нибудь изъ Рассеи... Онъ пріѣдеть, дѣтей покрестить, отцовъ съ матерями повѣнчаеть... Опять нѣтъ никого... Етые вотъ и бунтують. Ихъ противъ насъ тутъ вдвое. Номеровъ ста четыре... Покою не дають...

— Да вамъ-то, Иванъ Гавриловичъ, что же?.. Васъ вѣдь не трогаютъ...

Онъ заскребъ въ головѣ, и его лицо еще болѣе напомнило толстаго младенца...

— Да вѣдь жалко, — сказалъ онъ. — Какъ бы то ни было, — тотъ же корень... Некрасовскій...

Онъ плюнулъ съ негодованіемъ и пожелалъ мнѣ доброй ночи...

— Такъ вамъ, значить, на утро лодью?... У Ераклею хотите? Старую крѣпость смотрѣть?

— Да, если можно, Иванъ Гавриловичъ.

— Чего не можно! Усе можно... Спите съ Богомъ.

На другой день послѣ ранняго обѣда наша лодка скользила по тихимъ водамъ лимана. Мимо насъ мелькали виноградники, сбѣгавшіе къ самой водѣ, за ними изъ-за зелени привѣтливо выглядывали бѣлыя стѣны хатокъ. Потомъ „шпилекъ“ (мысъ) прогоняетъ насъ вглубь лимана, и скоро свѣжая зелень высокой плавни скрыла село отъ нашихъ глазъ.

День былъ чудесный, лодка тихо покачивалась при ударахъ веселъ, лиманъ шевелился кругомъ, какъ живой... Вдали чувствовалось спокойное колыханіе томной бирюзовой глади.

Насъ въ лодкѣ было пять человѣкъ и четыре вѣры. Въ серединѣ, на лавочкѣ сидѣлъ Иванъ Гавриловъ и его зять, такой же толстый, одѣтый въ такую же косоворотку, такъ же подпоясанный подъ грудью гайтаномъ, изъ-подъ котораго горой выступалъ толстый животъ. На головахъ у нихъ были маленькія круглыя шляпенки, на ногахъ — туфли-отопки. На первый взглядъ этихъ липованскихъ богатырей можно было принять за близнецовъ, но зять Игнатъ былъ моложе, и лицо у него было нѣсколько другого типа: правильныя черты, окладистая борода, выраженіе сдержанное и спокойное. Иванъ Гавриловъ былъ человѣкъ сравнительно рыхлый, необъятная фигура Игната точно отлита изъ чугуна. Чувства тестя прорывались легко и бурно. Игнатъ былъ тактиченъ и сдержанъ. Оба они — бѣлокриницкіе. Игнатъ состоитъ старостой при церкви и пользуется большимъ вліяніемъ въ своемъ приходѣ.

На передней лавочкѣ за веслами сидѣли два мужика, безъ шапокъ и босые. Мы уже садились въ лодку, на скелѣ, когда они выступили, какъ-то осторожно оглядываясь, изъ-за деревянныхъ зданій рыбнаго завода и попросились съ нами „на той берегъ“. Иванъ Гавриловъ посмотрѣлъ на улицу, по которой только-что промелькнула какая-то фигура въ пиджакѣ, вѣроятно, кто-нибудь изъ румынской сельской администраціи,— потомъ на смиренныя фигуры просителей... Въ его глазахъ засверкалъ насмѣшливый огонекъ, и готова была сорваться какая-то ѣдкая острота, когда его зять сказалъ спокойно:

— Садитесь... Намъ что!.. Вы на „гарманъ“ *) что ли?

— То-то вотъ. Намъ бы только догарманить... Сами знаете...

— Разумѣется, знаемъ... Дѣло понятное...—опять такъ же спокойно сказалъ Игнатъ.—Садитесь.

Оба мужика безъ дальнихъ разговоровъ сѣли прямо къ весламъ, какъ будто по безмолвному договору. Это были „супротивники“ изъ бѣглопоповской части Сарыкіоя, вѣроятно, тоже подлежавшіе отправкѣ въ Бабадагъ. Они скрылись, чтобы докончить уборку хлѣба.

*) Гарманъ — токъ для молотьбы.

Рядомъ со мною сидѣлъ такой же „простецъ“, тоже безъ шляпы, только одѣтый аккуратнѣе и чище. Густая шапка кудрявыхъ волосъ, съ красивой серебристой просѣдью, защищала его голову отъ жаркихъ лучей солнца. Онъ сидѣлъ неподвижно, положивъ руки ладонями на колѣняхъ и глядя передъ собой остановившимся и страннымъ взглядомъ. Маленькая бородка клиномъ тоже сильно серебрилась, черты лица были правильны и пріятны, только въ выраженіи сжатыхъ губъ и въ морщинѣ между бровями виднѣлось что-то горькое. Казалось, онъ вглядывался своими мечтательными глазами въ какую-то мысль, мучительную и неясную, и успѣлъ состариться съ этой мыслью.

Это былъ безпоповецъ, пріѣхавшій въ Сарыкіой по какому-то дѣлу. Дѣло было свое, „безпопское“, и его не разспрашивали...

Наконецъ, у руля на кормѣ сидѣлъ молодой еще человѣкъ въ соломенной шляпѣ, изъ-подъ которой на лобъ падали завитками русые кудри. Свѣтлая борода клиномъ удлиняла его лицо съ большими умными глазами, глядѣвшими спокойно и немного себѣ на умѣ. Это былъ Иванъ Гордѣевъ, сынъ бѣглопоповскаго дьячка и начетчика, державшаго въ рукахъ дѣла бѣглопоповской части Сарыкіоя, какъ Игнатъ— бѣлокриницкой.

Молодой Гордѣевъ представлялъ собою типъ, довольно распространенный теперь среди „древле-православнаго“ населенія и въ нашемъ отечествѣ. Воспитанный начетчиками на „старыхъ книгахъ“, онъ успѣлъ какъ-то познакомиться съ свѣтской литературой, и это сразу сдѣлало его равнодушнымъ къ тонкимъ діалектическимъ вопросамъ, поглощающимъ всю умственную жизнь его среды. Онъ читаетъ техническія книги, интересуется газетами и водитъ дружбу съ бѣлокриницкими, спокойное и умѣренное настроеніе которыхъ ему, видимо, болѣе по душѣ, чѣмъ воинствующее ожиданіе антихриста.

Но все это ему приходится держить про себя: всѣ существенные интересы Ивана Гордѣева все-таки въ прежней средѣ, которая и безъ того уже „блазнится“ и смотритъ косо на сына своего воротилы, чувствуя, что онъ уже чужой, хотя ничѣмъ этого не проявляетъ. Это деликатное положеніе требуетъ много выдержки, и мнѣ не въ первый уже разъ приходилось видѣть въ старообрядческой средѣ такой же взглядъ умныхъ глазъ, задернутыхъ какъ будто завѣсой и высматривающихъ изъ-за нея чутко и осторожно. Съ годами въ этомъ взглядѣ накопляется что-то непріятное... Необходимое лицемѣріе не проходитъ даромъ.

Настроеніе въ нашей лодкѣ было какое-то сдержанное. Чувствовалось, по крайней мѣрѣ, между „тремя вѣрами“ (если не считать меня) не мало несведенныхъ счетовъ и взаимнаго раздраженія...

Гребцы сильно ударили веслами и потомъ опустили ихъ вдоль бортовъ. Лодка тихо вошла въ узкій рукавъ плавни. Одинъ изъ нихъ обтеръ рукавомъ потъ на лбу.

— Что, много еще кончать на гарманѣ?—спросилъ у него Игнатъ.

— На недѣлю еще осталось... Эхъ, какъ-бы-нибудь...

И, оглянувшись растерянно кругомъ, онъ опять взялъ весло и прибавилъ, сплевывая на руку:

— Стѣсненіе пошло, братіе... Лютое стѣсненіе. При турчинѣ того не было...

— При ту-урчинѣ,—насмѣшливо сказалъ толстякъ Иванъ Гавриловъ.—Ишь чего захотѣлъ: турчина ему верни.

— Ето правда,—поворачивается онъ ко мнѣ, и его круглое полное лицо съ вздернутымъ носомъ расплывается въ такую широкую улыбку, что даже на подбородкѣ, плохо прикрытомъ жиденькой бороденкой, появляется ямка, какъ у ребенка.—Турчина, бывало, какъ хотишь, такъ и обманешь... Сдѣлаешь чего-нибудь—сейчасъ къ нему, да и заплачешь. Ахъ, ехвендій, я бѣдный человѣкъ, такъ и такъ... да лиру ему у руку... Ну, и дѣлу конецъ!

— Податя теперь...—сказалъ одинъ изъ гребцовъ:—скотина роговая ходила вольно... Только, бывало, за свинью отдай три лева...

— Свинью дюже онъ не уважалъ.

— Ну, не скажи ты насчетъ роговой скотины,—спокойно вмѣшался Игнатъ.—Бралъ и онъ на косѣ за роговую скотину. А на твоей землѣ и рамунъ не возьметь...

— Нѣтъ, не бралъ...

— Бралъ, зачѣмъ дурно говорить?.. А не заплатишь,—тоже судить бывало...

— Судъ вовсе былъ слабой, — весело заговорилъ опять Иванъ. — Кто до него первый заскочилъ, да лиры хоть три бакшишъ сунулъ, тотъ и правъ. Одинъ побилъ другого, такъ что даже и ноги отшибъ. Той лежить, а етой бѣжить. Прибегъ до каймакана: „Ой, ехвендій. Мене такой человѣкъ побилъ до смерти...“—„А гдѣ онъ?“—„На дорогѣ лежить!“ Сейчасъ посылаетъ привести этого человѣка. — „Ты, собака, зачѣмъ человѣка убилъ!“ А на то не глядитъ, что убитый самъ прибѣгъ, а этого на рукахъ заптіи принесли.

— У рамуна судъ правильнѣе, — говоритъ опять Игнатъ

безпристрастнымъ тономъ. Замѣтно, что бѣлокриницкіе относятся къ „рамуну“ спокойнѣе и доброжелательнѣе. Бѣглопоповцы—съ большимъ раздраженіемъ...

— Тоже и турчинъ озоровалъ много...—прибавляетъ Игнатъ.—Много у его етого озорства было...

— Особливо какъ русскій царь сталъ наступать на турецкаго,—говоритъ Иванъ...—Тутъ вся азіятчина поднялась, какъ хмара... и курдъ, и албанѣсъ, и черкесъ, всякая, словомъ сказать, урвань, все одно, какъ тая саранча. Ну, мы тогда свое село шанцемъ окопали, калавуры держали, думали, и намъ войну сдѣлаетъ. А не сдѣлалъ. Есть тутъ, километра съ четыре отъ насъ—деревнюшка молдаванская. Тую пограбилъ чисто. Прибѣгли къ намъ молдавана: „помоги, кажуть, Игнатъ-казакъ! Черкесъ набѣжалъ“. Мы, человѣкъ со сто, сѣли на коней, айда, какъ на пожаръ. А черкесы возы накладывають. Увидали насъ, кричать: „Зачѣмъ Игнатъ пришелъ? Смотри, липованъ, за своя хатка!“ Значить, мы васъ не трогаемъ, и вы не у свое дѣло не лѣзьте. Ну, мы повернули да назадъ.

— Такъ и ограбили молдаванъ?

— Пограбили. Убить никого не убили. Болгаръ, правда, порѣзали-таки не мало. Русначовъ (хохловъ) тоже кое-гдѣ попортили. А къ намъ, бывало, подъѣдетъ подъ шанецъ, вертится на конѣ, какъ той комаръ, и кричитъ: „не бойся, липованъ, твоя не тронемъ“. Болгаръ послѣ, какъ русскіе войски Тульчу заступали, хуже лютовалъ.

Лодка дѣлаетъ поворотъ, и мы выплываемъ на чистое мѣсто, у самаго берега. Баги (виноградники) кончились, пошло жнивье, на выпуклой косѣ желтѣютъ нивы, видиѣется стогъ, около стога расчищенъ токъ и начата молотьба. Но работа брошена недоконченной. Кругомъ ни души, надъ раскиданными для молотьбы снопами, важно озираясь, стоитъ огромный аистъ и скачутъ суетливыя вороны и галки.

— Это чей гарманъ?—спрашиваетъ Иванъ.—Для чего не работаютъ?

— Родіона,—угрюмо отвѣчаетъ черный гребецъ. — Только принялся съ сыномъ молотить, а ихъ и взяли.

Лодка опять уплываетъ въ извилину плавни, гарманъ скрывается отъ глазъ, но воспоминаніе о грустномъ зрѣлищѣ даетъ новое направленіе мыслямъ.

Мнѣ невольно вспомнилась вчерашняя картина—толпа сарыкіойскихъ узниковъ и равнодушныя лица румынскихъ солдатъ: ни злобы, ни возбужденія, присущаго усмиренію бунта!.. Не было ни выстрѣловъ, ни борьбы, ни сопротивленія! Скромный

господинъ въ сѣромъ костюмѣ прочиталъ протоколъ и постановилъ рѣшеніе за непрививку оспы... И придунайская вольница чувствуетъ, что это рѣшеніе сильнѣе всей турецкой урвани, которая налетала, какъ буря, и какъ буря исчезала. Современное государство смыкается кругомъ, неодолимое и сильное,—то самое, отъ котораго они убѣгами съ Игнатомъ Некрасовымъ въ эти опасныя и пустынныя степи.

И что всего хуже, — это сила роковая, стихійная, почти пассивная. Потомки атамана Некрасова чувствуютъ себя, точно на островѣ, со всѣхъ сторонъ охваченномъ волнами все приливающаго новаго государственнаго уклада...

— Что же у васъ будетъ дальше? — спрашиваю я, чтобы нарушить тяжелое молчаніе.

— А что будетъ!—раздраженно прорывается экспансивный Иванъ.—Мы, бѣлокриницкіе, подчиняемся, приняли и воспу, завели и книги.

— Ваше дѣло,—холодно говоритъ гребецъ.

— А вы обмерзѣли уже и намъ, и правительству. Что вамъ надо, хоть и отъ рамуна? Что онъ вамъ вѣру стѣснилъ, крестъ отнялъ?.. Чего вы шукаете? Вамъ надо, чтобы васъ рамунъ сослалъ отсюдова!

— Куда онъ насъ сошлетъ? Его здѣсь не было, а мы уже были.

— Мало ли что! Всетаки царскій указъ надо исполнять. У нихъ король—все одно, что царь...

Я сижу близко отъ сына бѣглопоповскаго начетчика и обращаюсь къ нему съ вопросомъ объ оспѣ. Онъ кинулъ быстрый взглядъ... Вопросъ ставилъ его въ неловкое положеніе, но онъ всетаки принялъ вызовъ.

— Видите, господинъ,—отвѣтилъ онъ съ полной объективностію:—насчетъ воспы говорится...

— А у тебя прищеплена?—ядовито перебилъ Иванъ, уставившись въ него своими маленькими сверкающими глазами.

— Обо мнѣ нѣтъ рѣчи!.. Воспа, господинъ, признается за печать антихриста. Въ соборникѣ Ипполита, папы римскаго, говорится, что антихристъ будетъ ставить свои печати, подъ видомъ, какъ бы для болѣзни.

— Не для болѣзни, неправда,—горячо возразилъ Иванъ,— а сказано, что придетъ скудость и будетъ подманивать раздачею хлѣба...

— То особо, а также и подъ видомъ болѣзни...

Иванъ Гавриловъ посмотрѣлъ на говорившаго долгимъ загорѣвшимся взглядомъ. Какое-то неосторожное полемическое словцо готово было сорваться по адресу лицемѣрнаго защитника антихриста, но тотъ не смутился и продолжалъ:

— Ну, правда, сто дѣло, насчетъ антихриста, темное. Оный же Ипполитъ въ концѣ книги пишетъ,—что, говоритъ, братіе мои, и самъ я насчетъ времени антихристова пришествія весьма опасаюсь вамъ объяснить. Что будетъ, то ужъ это вѣрно: будетъ!.. А какъ его признать, по какимъ предметамъ, то это очень трудно...

— Пришелъ уже, — мрачно буркнулъ гребецъ. — Не надо намъ его, а станетъ нудить,—опять за море ускочимъ.

— За море ты ускочишь, — передразнилъ Иванъ. — За моремъ не тѣе же самое? На Майносъ сколько тысячей съ Игнатомъ ушло, а теперь мужчинъ, говорятъ, осталось съ шестьдесятъ, да бабъ сотни двѣ! Да и тамъ, сказываютъ, теперь турчинъ налоги наложилъ и народъ у себя пишетъ... Тоже за умъ взялся, какъ и прочіе короли... Образовался уже и турчинъ... За море вы ускочите! Тьфу! съ этимъ народомъ говорить, и то обмерзѣть!

И онъ съ досадой плюнулъ въ воду залива...

Въ лодкѣ, водворилось молчаніе. Невдалекѣ тяжело взлетѣла утка и скрылась, прежде чѣмъ Игнатъ успѣлъ схватиться за ружье. Вершина Енисалейской горы съ развалинами продвинулась надъ линіей камышей, лодка вошла опять въ широкое пространство.

— Дай ружье,—сказалъ Иванъ.

— Чего ты?

Иванъ всталъ въ лодкѣ, широко раздвинувъ ноги. На серединѣ заводи безпечно проплывалъ большой черный бакланъ. Птица эта никуда негодная, но экспансивный липованинъ хотѣлъ дать исходъ накопившейся въ немъ досадѣ. Рѣшительный тонъ чернаго бѣглопоповца и молчаніе остальныхъ дѣйствовали на него, повидимому, раздражающе и сильно: подъ ними чувствовался невысказанный укоръ за отступничество. Недаромъ и отецъ Ивана Гаврилова, и самъ онъ когда-то былъ въ „етой же вѣрѣ“. Не изъ-за нея ли ушелъ изъ Россіи Игнатъ Некрасовъ, не передъ этими ли все наступавшими признаками мірского государственнаго уклада отступалъ все дальше „игнатовскій корень“, снимаясь сначала изъ Россіи, изъ Стародубщины и съ тихаго Дона, а потомъ и съ благословенныхъ дунайскихъ равнинъ, переселяясь въ невѣдомую и гибельную „Падолію“...

И вотъ, теперь умѣренные его потомки „престали отъ брани“ и мирятся съ новымъ укладомъ. Румынъ не тѣснитъ ни языка, ни вѣры, это правда; его учрежденія проникнуты національной и вѣроисповѣдной терпимостью; въ его школѣ

ребенокъ иновѣрца не учится чуждой религіи, онъ не мѣшаетъ никому учить его своей. Онъ требуетъ только минимальныхъ познаній также о божіемъ мірѣ, знанія „гражданской“ грамоты и соблюденія общихъ мѣръ безопасности. Но „игнатовскій корень“ чувствуетъ, что этотъ спокойный приливъ самоувѣренной государственности и культуры — гораздо опаснѣе. Это—сама „сила вещей“ и, признавая ея законность,—тѣмъ самымъ приходится осудить все прошлое, съ его упорнымъ противленіемъ...

По этой причинѣ бѣдный бакланъ долженъ былъ погибнуть. Всѣ слѣдили за участію птицы, безпечно продвигавшейся межъ двухъ стѣнъ камыша, Грянулъ выстрѣлъ. Дробь взрыла воду кругомъ, но бакланъ, оглянувшись, снялся съ мѣста и неторопливо полетѣлъ надъ плавней. Стрѣлокъ посмотрѣлъ на всѣхъ, сконфуженный и какъ-то забавно удивленный.

— Не попалъ?—спросилъ онъ почти жалобно.

— Какъ не попалъ? Видѣли, кругомъ вода вскипѣла. И спереду, и сзаду, и съ боковъ...

— А летитъ...

— Летитъ ровно. Не пострѣленъ.

— Ну, значитъ ему жить!..

— Счастливый значитъ. Хоть ты въ него сто разъ пали, ему ничего.

Всѣ провожаютъ „счастливаго баклана“ почтительнымъ взглядомъ, какъ существо, отмѣченное перстомъ судьбы... По сторонамъ лодки тихо шелеститъ камышъ, и вода морщится на поверхности. Изъ-за плавни на поворотѣ опять внезапно показывается вершина горы съ величавыми развалинами. Занятый разговорами, я какъ-то потерялъ ее изъ виду, и теперь, совсѣмъ близкая и выросшая высоко къ синему небу, она какъ-то неожиданно для насъ всѣхъ заглянула съ своей высоты въ затишный уголокъ, по которому скользила наша лодка.

— Ераклея,—сказалъ рулевой.

— Чудное дѣло, зачѣмъ етому народу потребовалось поставить ее тутъ, надъ лиманомъ?

— А вотъ видишь ты,—отвѣтилъ Игнатъ.—Старики сказывали, что тутъ когда-то было гирло. Дунай мимо Бабы подавался у море. Мой отецъ разсказывалъ: когда-то, въ старое время, подошелъ изъ моря вонъ туда, къ Портицѣ чужестранный корабль съ мореходцами. Спустили они лодку и пытаютъ у рыбалокъ: гдѣ тутъ есть Портица? — Ета самая, говорятъ рыбалки.—А какъ намъ у Бабу-городъ кораблемъ пройтить? У насъ есть старые планты, и тѣмъ плантамъ уже 260 лѣтъ.

Такъ на ихъ тутъ обозначаетъ Портица, и отъ нея ходъ дунайскимъ гирломъ у Бабу и выше въ дунайскіе города.— Ну,—говоритъ рыбалка имъ,—теперь тутъ не то что корабль вашъ, и наша лодочка у Бабу не проталапается.

— Такъ оно и было, вѣрно. А теперь тутъ сталъ лиманъ, и плавня рыночками поросла, а къ Бабѣ пошло озеро. Тутъ, значитъ, прежде Дунай проходилъ.

Это объясняетъ странное присутствіе развалинъ въ глубинѣ непроходимаго лимана. Старые остовы стѣнъ какъ будто сторожатъ умершее и никому не нужное гирло... Всѣ задумались. Весла тихо взламывали спокойную, стоячую воду... Сквозь молчаніе дремлющаго лимана какъ будто раскрылась какая-то завѣса, а изъ-за нея на одно мгновеніе выглянуло на насъ давнее прошлое... Высится крѣпость... стоятъ на стѣнахъ невѣдомые воины, и давно исчезнувшія волны плещутся въ берегъ, и давно истлѣвшіе корабли съ тяжелыми и странными парусами плывутъ мимо, и мореходцы обмѣниваются съ крѣпостью непонятными сигналами... Плавня съ шепчущими камышами вся наполняется образами прошлаго...

Въ лодкѣ послышался глубокій вздохъ.

Это вздохнулъ безмолвно сидѣвшій до сихъ поръ курчавый старикъ съ руками на колѣняхъ, глядѣвшій впередъ своимъ мечтательнымъ взглядомъ. Все время, пока въ лодкѣ разговаривали и спорили, пока горячился Иванъ Гавриловъ и черный бѣлопоповецъ кидалъ свои сердитыя реплики, онъ молчалъ и, повидимому, думалъ все объ одномъ и томъ же предметѣ. Теперь, когда лодка была уже близка къ цѣли и на насъ надвигались близкіе уступы горы съ виноградникомъ, онъ безпокойно задвигался на мѣстѣ, выраженіе его лица стало еще прискорбнѣе, и онъ сказалъ, не глядя ни на кого въ частности (видимо, однако, онъ возлагалъ какія-то надежды на меня, заѣзжаго ученаго человѣка):

— А что... сказываютъ... есть еще гдѣ-то настоящій Некрасовъ?..

— Что тебѣ... У Майносѣ и есть настоящій, — отвѣтилъ Иванъ.

— Нѣтъ... той принялъ амвросіанскихъ поповъ... будто дальше, въ Надоліи... Не то у Сирійскомъ царствѣ... Гдѣ-то, сказываютъ, живетъ настоящій...

— Едва ли, — отвѣчаю я, чувствуя, что, не глядя на меня, онъ мнѣ адресуетъ этотъ вопросъ.

— А насчетъ вѣры... какъ теперь у Рассеѣ?..

— Знаешь самъ, какъ у Рассеѣ... Чего пытаешь? — буркнулъ Иванъ и опять съ досадой плюнулъ въ лиманъ...

Водворилось молчаніе. Было слышно, какъ вода стоячей плавни тихо булькаетъ на носу лодки. Глаза старика все съ тою же печалью глядѣли въ пространство.

— Есть... правильный-те законъ Господень, — сказалъ онъ наконецъ своимъ старческимъ голосомъ. — Ударилъ гдѣй-то, какъ шнуръ. Прямо, правильно! Да мы-то вотъ, шукаемъ его да блукаемъ, какъ слѣпые, найти не можемъ.

— У землю лѣземъ, — опять съязвилъ экспансивный Иванъ. — Вонъ какъ у Тирашполѣ...

Старикъ истово сложилъ двуперстіе и перекрестился. По сморщенной щекѣ тихо скатилась слеза. Безпоповцы-гребцы угрюмо налегали на весла. Развалины старой крѣпости глядѣли на насъ со своей недоступной вышины и надвигались все ближе...

II.

„Искатели“.

Лодка внезапно вывернулась изъ ерика и ткнулась носомъ въ болотистый берегъ. По склону берегового холма раскинулась небольшая бага и баштанъ съ созрѣвшими уже дынями. Старый молдаванъ, въ бараньей шапкѣ, съ сѣдыми длинными усами, лѣниво подошелъ къ берегу и, какъ будто обдумывая трудности всякаго движенія, подтянулъ лодку.

Лодка отчаянно закачалась подъ ногами двухъ сарыкіойскихъ богатырей; потомъ легко выскочили босоногіе гребцы и тихо выбрался грустный старикъ, который тотчасъ же, ни съ кѣмъ не попрощавшись, пошелъ по дорогѣ къ румынскому селу.

Изъ ближайшей лощинки курился дымокъ. Оттуда выглянула молодая красивая липованка, но тотчасъ же, увидѣвъ меня, скрылась.

— Иди, Параскева, иди, чего ты! — ободрилъ ее Иванъ Гавриловъ. — Не видишь, и твой тутъ. Не съѣдятъ тебя. Э! Да вы вотъ гдѣ хоронитесь, — прибавилъ онъ весело, заглядывая въ лощинку.

— Что намъ хорониться, — отвѣтилъ босой мужикъ, тоже вышедшій изъ овражка и уловившій насмѣшливую ноту въ голосѣ „бѣлокриницкаго“ односельчанина...—Страху не имѣемъ... А что извѣстно, — надо отгарманить, потомъ что будетъ...

— Да ужъ извѣстно, что будетъ: не отбѣгаешься! Не у турчина. Да у васъ и бабы, и дѣтенки тутъ...

— Увесь матеріалъ, — усмѣхнулся мужикъ.

Дѣйствительно, въ лощинѣ виднѣлся шатеръ. Нѣсколько дней уже стоялъ большой жаръ, и потому шалашъ, видимо, оставался безъ употребленія. На землѣ, въ тѣни густого ста-

раго орѣшника, на грязныхъ подстилкахъ лежали маленькія дѣти; надъ огонькомъ, въ котлѣ, закипала уха. Вода бурлила, и на ея поверхности среди пузырей и мутной пѣны то и дѣло появлялись бѣлые бока только что изловленной въ лиманѣ рыбы.

Липованка послѣдовала приглашенію Ивана и, опустивъ подолъ подобранной юбки, обратилась къ мужику, пріѣхавшему съ нами:

— Ну, чего тамъ у васъ на селѣ подѣялося?

— А чего подѣялось. Извѣстно, побрали народъ, да у Бабу погнали!

— А тебя выкликали?

— Ево вонъ выкликали, мене еще нѣтъ. А Семенъ самъ набивался: а мене, говорить, что не берете? А съ тебе, говорить, амендъ возьмемъ. Имѣешь съ чего заплатить.

— Ему скольки?

— Триста франокъ.

— Посидишь за етые деньги, плата хорошая, — расхохотался Иванъ.

— Какъ же теперь будеть? — озабоченно спросила баба, оглядываясь на ребенка; невинная причина злоключеній родителей, защищающихъ его отъ „антихристовой печати“, тихо зашевелилась въ тѣни орѣшника.

— А какъ будеть? Вотъ отгармàнимъ, уберемся, сами у Бабу придемъ: такъ и такъ, дóмнуле, зачѣмъ насъ кликали?

Всѣ весело засмѣялись.

— Не знаешь, зачѣмъ кликали, — сказалъ Иванъ, заливаясь своимъ тонкимъ смѣхомъ. — Пеленомъ угостить хотять, извѣстно...

— Ну, теперь вамъ, господинъ, вотъ этой тропочкой идтить, у гору, — сказалъ Игнатъ. — Тутъ перейдете горку, будетъ низина, покопано маленько. То, сказывають, царь Траянъ лагорь ставилъ... А дальше все у гору, держитесь больше къ камню. Трава на етой горѣ не дай Богъ скользкая... А мы у Куриловку подадимся. Если не захотится вамъ насъ дожидать, сойдите сюда на багу, то они васъ за франчишку опять свезуть у Сарыкой. А не то, такъ и мы не дюже долго забавимся. Оттуда съ горы вамъ журиловскую дорогу будеть видно, какъ мы по ней пойдемъ... А? Что тебѣ?

Бѣглецы, собравшись въ кружокъ, о чемъ-то живо толковали, дѣлая Игнату какіе-то таинственные знаки. Игнатъ подошелъ къ нимъ и скоро вернулся.

— Глупый народъ, — чего толкують.

— А что?

— Да что! Будто, говорятъ, на горѣ етой огонь по ночамъ у крѣпости горитъ.

— Вѣрно! — горячо подхватилъ одинъ изъ мужиковъ. — Явственно не обозначаетъ, чтобы, напримѣръ, теплина или поломя. А такъ отливаетъ по стѣнамъ, вродѣ издалека. А вы, господинъ, можетъ по стимъ дѣламъ?

— По какимъ?

— Насчетъ кладовъ?.. Такъ оно, дѣйствительно, старики говорятъ: гдѣ огонь горитъ, тутъ, значитъ, деньги огнемъ скидываются. Очищаетъ ихъ.

Всѣ собрались около насъ.

— Ночью дитенокъ у меня скричалъ, — говоритъ своимъ пѣвучимъ голосомъ молодая липованка, какъ будто стыдясь обращеннаго на нее вниманія. — Скричалъ дитенокъ, пить запросилъ. Я ему кувшинъ подаю, глядь, а на горѣ чегой-то блеститъ. Я Марью побудила. Гляди, говорю, Марьица, блеститъ... Съ нами крестная сила!

— Вѣрно,—блестя изъ-за чьей-то спины черными глазами, застѣнчиво подтверждаетъ Марья.

— Ежели вы насчетъ „етого дѣла“, такъ можетъ народъ нанимать будете?.. — таинственно начинаетъ мужикъ.

— Нѣтъ, — перебиваетъ его Игнатъ. — Они етыми глупостями не займуются.

— А для чего пріѣхалъ?

— Старинность посмотрѣть. Значитъ у ихъ, у Россеѣ етого ничего нѣту.

— А здѣсь много... У Добруджѣ сколько хошь!

— Куда хошь поди. Усюду могилы да городища. А на степу ночью огни много горятъ.

— Воевали тутъ, извѣстно.

— И все искатели копаютъ.

— Шукаютъ, чего не поклали.

— Чего не положилъ, не возьмешь. Есть-то они есть, огни не даромъ горятъ... Да, вишь, не всякому дается.

— Теперь рамунъ запретилъ и копать. Надо бумагу выправить.

— Извѣстно. Короли поклали, король и возьметъ.

Разговоръ исчерпывается. Иванъ съ зятемъ подымаются на холмъ, и вскорѣ могучія фигуры сарыкіойскихъ богатырей вырисовываются на его верхушкѣ. Зрѣлище до такой степени внушительное, что на минуту оно приковываетъ общее вниманіе.

— Гляди, усю гору покрыли... Двое...

— И крѣпости не видать стало. Могутные люди.

— Некрасовской корень! Богатыри! Этакой, сказывають, и Игнатъ былъ, и Стенька Разинъ.

Я невольно улыбнулся. Толстыя брюха липованскихъ богатырей стали исчезать за холмомъ. Я тоже попрощался и сталъ подыматься на Енисалейскую гору. Красивая, гладкая издали, она оказалась покрытой каменными выступами и морщинами. Отъ накалившихся за день камней еще пыхало жаромъ. Между ними, шурша сухой травой, безпечно извивались ящерицы, и черные скорпіоны мелькали и быстро исчезали въ норахъ. Все было мертво и непривѣтливо на этихъ склонахъ. Вверху еще величавѣе рисовались въ синевѣ неба развалины.

Черезъ полчаса я былъ на вершинѣ, среди развалинъ, вѣнцомъ охватившихъ гору. На юго-западной сторонѣ сохранилась еще половина шестигранной генуэзской башни и рядомъ съ нею остатки воротной стѣны, съ широкими пазами, по которымъ когда-то ходили подъемныя ворота. Прямо подъ ними зіяла крутизна, а вдали по невысокимъ горамъ бѣлой лентой вилась дорога. Много разъ, — подумалось мнѣ,—давно умершіе люди съ тревогой смотрѣли отсюда на заливъ и на дорогу, ожидая враговъ... Теперь по дорогѣ двигались замѣтными точками два грузныхъ липованина.

Есть что-то особенное среди развалинъ. Какое-то специфическое ощущеніе прошлаго, насыщающее почти до осязаемости атмосферу, прорѣзанную мшистыми камнями и неправильными изломами старыхъ стѣнъ. Что-то щемящее, проникнутое грустью почти до боли душевной и вмѣстѣ вѣющее въ душу страннымъ успокоеніемъ... Не замѣчаешь, какъ летитъ время. Бѣлыя облака тихо продвигаются въ пролетахъ бойницъ и оконъ, высоко въ небѣ паритъ хищная птица, и сухая трава колышется и шепчетъ что-то, такъ довѣрчиво, какъ будто вы непремѣнно должны ее понять, и такъ жалобно, потому что вы всетаки ее не понимаете! Проходятъ минуты, или часы, или годы... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ столѣтія, которыя пронеслись надъ этими стѣнами, не кажутся теперь минутами, а въ настоящія минуты не промчались въ душѣ призраки цѣлыхъ столѣтій...

Въ этотъ разъ „ощущеніе прошлаго“ говорило во мнѣ особенно сильно, можетъ быть потому, что у моихъ ногъ разстилалась Добруджа, романтическая и сонная степь, переживающая сны прошлаго, но еще не проснувшаяся для трезваго, настоящаго дня. Внизу, широко и далеко разстилался лиманъ, окрещенный именемъ Стеньки Разина. Чуть замѣтная, тонкая

мгла дѣлала синюю поверхность почти матовой, и подъ нею скорѣе угадывалось, чѣмъ замѣчалось тихое переливаніе ряби. Вотъ сверкнула вдругъ на водѣ тонкая серебряная полоска, заискрилась, постояла и угасла. Можетъ быть, метнулась зашедшая съ моря крупная рыба, или поднялась встревоженная стая дикихъ гусей... Впрочемъ, вотъ и причина тревоги: черной полоской на лиманѣ мелькаетъ лодка, и надъ ней расплывается клубокъ бѣлаго дыма. Гулъ выстрѣла скрадывается разстояніемъ.

Далеко!.. Черезъ минуту я уже не могу разыскать глазами эту лодку, и свѣтлая струйка исчезла, какъ сонъ. Гдѣ-то подъ самой полоской туманной земли, отдѣлившей лиманъ отъ Чернаго моря, мелькнулъ парусъ, освѣтился на поворотѣ косыми лучами солнца и тихо угасъ... На косѣ чуть виднѣется миніатюрная колоколенка. Ближе, на берегу лимана Сарыкіой мелькаетъ бѣлыми стѣнами среди зелени садовъ, за нимъ мрѣютъ очертанія Махмудійской горы... А затѣмъ только ровная гладь воды и смутная волнистость степи...

Все проходитъ, все угасаетъ, какъ сверкающая полоска на глади лимана. Исчезли генуэзцы, строившіе эти стѣны, исчезло могущество османовъ, ихъ возобновлявшихъ. Заросло гирло, по которому проплывали когда-то корабли, стихли военные крики вольницы, въ теченіе вѣковъ проносившейся по степи и исчезавшей, какъ пыль, подымаемая вѣтромъ... Затихла братоубійственная борьба запорожцевъ и некрасовцевъ, рѣзавшихъ другъ друга на низовьяхъ Дуная; ушли и турки. Исторія перевернула свою страницу, и послѣдніе отголоски исчезающаго прошлаго сказываются развѣ въ сравнительно благодушной борьбѣ между противниками оспы и бабадагскимъ мировымъ судьей... Анархическая степная воля отступаетъ передъ государственнымъ укладомъ...

Все проходитъ!.. Вотъ, почти на серединѣ лимана, обвѣянный синеватою мглою, лежитъ, какъ спина чудовища, островъ Попинъ. Существуетъ старая легенда: въ пещерѣ, на Енисалейской горѣ, жилъ огромный змѣй, который подземнымъ ходомъ пробирался отсюда на островъ и ложился тамъ, глядя выпученными глазами на степь и море... Островъ весь изрытъ кладоискателями, находившими, вмѣсто змѣиныхъ сокровищъ — катакомбы и подземныя церкви... Надъ ними проходили столѣтія; люди, копавшіе катакомбы, сами слышавшіе старую легенду о змѣѣ, давно истлѣли въ могилахъ. Приходили новые, искавшіе воли или хотя бы только безопаснаго пріюта на бѣломъ свѣтѣ, кидали въ эти волны свои сѣти, повторяли тѣ же легенды, дивились на развалины Енп-

сале и умирали. И еще новые пришельцы раскапывали слѣды ихъ собственныхъ жилищъ... И такъ таяли поколѣнія, какъ эти бѣлыя облака, плывущія по синему небу, какъ эти синія волны, ровными грядами набѣгающія на берегъ внизу, подъ моими ногами, въ умершемъ дунайскомъ руслѣ.

И я съ грустью думалъ о томъ, сколько такихъ волнъ, живыхъ и сверкавшихъ уже въ мое время, теперь вошли въ иныя русла или затихли, затянувшись, какъ лиманъ, дремотными плавнями. На этомъ самомъ островѣ въ 70-хъ годахъ, мой тульчанскій знакомый, русскій докторъ, бродилъ со своею рыболовною артелью, отказавшись отъ привилегій образованія, отъ своей профессіи, отъ всего своего прошлаго, для мечты, одушевлявшей тогда его поколѣніе...

Прошло и это...

Я отдавался воспоминаніямъ, и часы летѣли надъ моей головой. Тѣни старыхъ башенъ ползли внизъ по горному склону и уже легли на плавню.

Внезапно я вздрогнулъ отъ неопредѣленнаго безпокойства. Мнѣ вдругъ показалось, что я не одинъ среди развалинъ. „Ощущеніе прошлаго“ сгустилось до иллюзіи и вскорѣ приняло ясную звуковую форму. Кто-то будто шептался невдалекѣ. Кто-то хрипѣлъ.

Я приподнялся. Камень сорвался изъ-подъ моей ноги и полетѣлъ внизъ, подскакивая на крутыхъ уступахъ. Когда я опять вошелъ внутрь крѣпости,—все было тихо. И однако, мнѣ казалось всетаки, что кто-то есть недалеко и сторожитъ меня. Въ памяти вдругъ возникли странные звуки, которые еще въ то время, когда я весь отдавался своимъ воспоминаніямъ, будили мое вниманіе, поглощенное прошлымъ. Все это теперь стало до того живо и осязательно, что я рѣшился обойти кругомъ крѣпости.

Я уже кончалъ свой обходъ, никого не встрѣтивъ. Но вдругъ я невольно вздрогнулъ и остановился: несомнѣнно, кто-то хрипѣлъ, недалеко, подъ моими ногами.

Тутъ была большая яма, сажени въ три длины и въ $1^1/_2$ ширины, правильной формы, выложенная ровно обтесаннымъ камнемъ. Можно было догадаться, что это углубленіе служило когда-то водоемомъ для гарнизона крѣпости. Послѣ минутнаго раздумья, я спустился туда. Мнѣ пришлось спрыгнуть на кучу камней, которая съ трескомъ подалась подъ моими ногами, и я скатился внизъ. Поднявшись, я очутился противъ большого углубленія, свѣже выбитаго въ стѣнѣ бывшаго водоема. Въ этомъ углубленіи, прислонясь къ разрытой землѣ и закинувъ голову, спалъ неизвѣстный человѣкъ.

Шумъ разбудилъ его; онъ раскрылъ глаза и уставился на меня мутными, не то сонными, не то пьяными глазами. Рядомъ—лежали лопата, кирка и еще стеклянная посудина, съ остаткомъ вина на самомъ днѣ.

Все это было такъ неожиданно, что я смотрѣлъ на незнакомца молча, не зная, что сказать въ этихъ экстренныхъ обстоятельствахъ. Онъ тоже смотрѣлъ на меня тупымъ взглядомъ круглыхъ, какъ у птицы, голубыхъ глазъ.

— Дудикъ, ты?.. а гдѣ Филимонъ?—спросилъ онъ и затѣмъ, не мѣняя тона, прибавилъ:—вы, господинъ, откеда взялись?

— Изъ Тульчи,—отвѣтилъ я машинально.

— А я изъ Журиловки... „Журиловка слобода, у ей хорошая вода“... Слыхали?

Онъ глупо засмѣялся, и глаза его стали смыкаться.

— Русскаго доктора у Тульчѣ знаете? — заговорилъ онъ лѣниво едва ворочавшимся языкомъ.—Я съ нимъ на матулѣ работалъ... У насъ по 12 свѣчей горѣло... всѣ рыбалки у красныхъ рубахахъ... Книжки читали... А я зиму работалъ, весной прощался. Прощай, староста. Пойду на степь рыбалить. Ты лови, что у водѣ плаваетъ, я буду, что по степѣ ходить... Сердится бывало...

Онъ лукаво прищурился и сдѣлалъ попытку приподняться.

— Шулика знаете? Я Шуликъ. Шуликъ называется птица-соколъ... Ну, а я шуликъ орелъ. Го-го!.. Человѣкъ не простой, имѣю розумъ большой. Дѣдъ у меня стародубской былъ, бабушка полячка. Пѣсни польскія пѣла... Круля, крулеву... етое все намъ извѣстно...

Онъ засмѣялся, пробормоталъ еще нѣсколько невнятныхъ фразъ, въ которыхъ попадались польскія и румынскія слова, и виднѣлись попытки риѳмованной рѣчи, и закрылъ глаза. Но вдругъ они опять открылись, губы странно искривились, носъ заострился крючкомъ, и вся физіономія страннаго Шулика приняла дѣйствительно выраженіе хищной птицы.

— Хотите вы одному человѣку такъ сдѣлать, чтобъ его не было на свѣтѣ?.. Моя бабушка умѣетъ, и я умѣю. Сдѣлаетъ одну плачинду *), скажетъ слово: человѣкъ самъ придетъ, возьметъ ету плачинду, скушаетъ, — и готовъ. Вотъ какой человѣкъ Шуликъ. Съ Филимономъ клады копаю... Слово знаю... Давай вина, Филимонъ! Господина угостить...

Онъ опять прищурился, но вдругъ глаза его угасли, на этотъ разъ окончательно: на мгновеніе въ нихъ мелькнуло еще изумленіе, какъ будто вопросъ, а затѣмъ, откинувшись

*) По румынски—пирогъ.

на спину, онъ захрапѣлъ. Навѣрное и я, и весь нашъ разговоръ явились для него лишь эпизодомъ сна.

Я выбрался изъ ямы съ неопредѣленнымъ ощущеніемъ. Безсвязные разговоры человѣка-птицы, въ которыхъ было столько фантастическаго, служили какъ бы продолженіемъ моего фантастическаго настроенія. Стародубье и Польша, и даже исторія русскаго доктора и все, о чемъ я думалъ подъ старой стѣной надъ лиманомъ, казалось, носится также туманными образами надъ этимъ спящимъ субъектомъ. Однако,— кто же этотъ Филимонъ и Дудикъ, о которыхъ упоминалъ Шудикъ? И гдѣ они?

Съ этими мыслями я спустился за крѣпостную стѣну, намѣреваясь заглянуть еще въ змѣиную пещеру и затѣмъ спуститься внизъ. Спускъ былъ извилистый и крутой. Тощій ясень, висѣвшій надъ кручей, уцѣпившись за расщелины скалъ, прикрывалъ входъ въ пещеру. На его вѣткахъ качались отъ вѣтра клочки волосъ, какія-то ленточки и обрывки разноцвѣтныхъ матерій. Это служило мнѣ указаніемъ. Я зналъ, что на Троицынъ день откуда-то изъ лѣсныхъ скитовъ сюда приходитъ старый калугеръ и, водворившись въ пещерѣ, лѣчитъ больныхъ лихорадкой въ гротѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами... Полупомѣшанный калугеръ шепчетъ странные заговоры, больные ползаютъ по сырому полу пещеры и потомъ, исполняя какой-то языческій обрядъ, вѣшаютъ на вѣтвяхъ ясеня ленты и волосы въ жертву невѣдомому божеству прошлыхъ временъ.

Дойдя до входа, я остановился... Было темно... Когда глаза мои привыкли нѣсколько къ темнотѣ, я увидѣлъ, что изъ глубины сталактитовой пещеры на меня смотрятъ двѣ пары тоже какъ будто испуганныхъ глазъ.

Здѣсь было два человѣка. У одного была длинная сѣдая борода, почти до пояса, благообразное старческое лицо, узкія плечи; небольшая сгорбленная фигура была одѣта въ синій русскій кафтанъ. Старикъ глядѣлъ на меня робко, сконфуженно и вопросительно. Изъ-за него выглядывало безусое, сморщенное лицо съ узенькими, совершенно потонувшими въ морщинахъ, глазами.

— Пожалуйте, господинъ,—первый заговорилъ благообразный старикъ, подымаясь съ сталактитоваго выступа.—Насчетъ пещеры имѣете любопытство? Дудикъ, пропусти.

Онъ говорилъ спокойно и повелительно, какъ настоящій хозяинъ этого мѣста... Наружность старика была пріятная и внушала довѣріе. Онъ имѣлъ видъ почтеннаго начетчика или вѣрнѣе—сектантскаго учителя. Благообразное лицо съ румян-

цемъ свѣжей старости, благодушные сѣрые глаза и тонкія, повременамъ старчески жующія губы.

По его приказу субъектъ, названный Дудикомъ, торопливо выскочилъ наружу и сталъ у входа. Это былъ человѣкъ неопредѣленной національности, неопредѣленнаго возраста; одѣтъ онъ былъ въ одеждѣ городского покроя, совершенно неопредѣленнаго цвѣта и повидимому былъ чрезвычайно робокъ. Мое появленіе испугало его, и теперь, стоя у стѣны, онъ держался рукою за выступъ, и его колѣни въ узкихъ брюкахъ замѣтно дрожали...

Приглядѣвшись, я узналъ обоихъ. Въ Тульчѣ я не разъ видѣлъ Дудика въ открытомъ широкомъ окнѣ портняжной мастерской. Онъ сидѣлъ на лавкѣ по турецки, подогнувъ колѣни, и цѣлые дни шилъ, дѣлая торопливые стежки.

Старика звали Филимономъ и онъ порой заходилъ къ русскому доктору. Профессія его была неопредѣленная: онъ бродилъ по Добруджѣ по лѣсамъ и на старыхъ вырубкахъ и добывалъ „копанину“—древесные корни, изъ которыхъ приготовлялъ клещи для хомутовъ, затѣйливые набалдачники для палокъ и тому подобные предметы. Онъ былъ немного художникъ. Фантастическія головы на набалдачникахъ и трубкахъ его работы имѣли всѣ одно выраженіе: какого-то свирѣпаго недоумѣнія. Покупались его произведенія охотно, и зарабатывалъ онъ достаточно для своего одинокаго существованія... Поработавъ нѣсколько недѣль сначала въ лѣсныхъ трущобахъ, а потомъ на дому, — онъ превращалъ свою каморку въ настоящую лавку причудливыхъ палокъ, вѣшалокъ, трубокъ и хомутовыхъ клещей, потомъ распродавалъ ихъ на базарахъ и любителямъ, и затѣмъ запиралъ опять на замокъ убогое жилище и исчезалъ на цѣлыя недѣли, бродя среди старыхъ городищъ и роясь въ курганахъ.

Эти экскурсіи быстро поглощали его небольшія сбереженія, и повременамъ онъ являлся въ городъ, чрезвычайно озабоченный, дѣлая торопливые займы. Повидимому въ Тульчѣ, Бабадагѣ и въ богатыхъ селахъ у него были приверженцы, слѣпо вѣрившіе въ его судьбу и оказывавшіе ему кредитъ.

Самымъ горячимъ изъ нихъ былъ Дудикъ. Существованіе этого бѣдняги было вообще чрезвычайно жалкое. Жизнь онъ велъ трезвую, работая отъ зари до зари. Только когда Филимонъ заканчивалъ распродажу своихъ произведеній—на Дудика нападало состояніе вродѣ запоя. Онъ становился безпокоенъ, раздражителенъ и въ концѣ концовъ исчезалъ вслѣдъ за Филимономъ...

При турчинѣ кладоискателямъ можно было рыться гдѣ угодно.

Румынъ и тутъ „сдѣлалъ стѣсненіе“, требуя предварительныхъ плановъ и объявокъ. У пріятелей не хватало средствъ для снятія плановъ, и они копали тайкомъ, „украдучись“. Филимона это не смущало. Онъ смотрѣлъ на свои поиски, лишь какъ на предварительные. Сначала нужно добыть хоть „малое количество“, ничтожный кладъ „тысячъ хоть въ двадцать пять франокъ“... А затѣмъ онъ уже примется за настоящую работу.

Съ этими двумя искателями столкнула меня теперь капризная судьба на развалинахъ Енисале.

— Вотъ, извольте посмотрѣть, — радушно говорилъ мнѣ Филимонъ.—Вотъ сюда... Это была его пещера... То есть самаго ераклейскаго змія. Тутъ имѣлъ пребываніе и отдыхалъ... Тутъ лежало его туловище. Вотъ сюда былъ поднявши его хвостъ. А главу держалъ здѣсь... А вотъ тутъ, самое это мѣсто—видите: слѣды лапъ и когтей... Вотъ... гдѣ цапано по камню...

Большая, грузная капля воды сорвалась со свода пещеры и шлепнулась на руку старика, показывавшаго мнѣ, гдѣ именно „цапано“.

— Да не вода ли это и выбила ямки? — усомнился я.

На Филимона это замѣчаніе не произвело никакого впечатлѣнія. Но Дудикъ метнулся отъ входа, наклонился, пощупалъ пальцами и посмотрѣлъ кверху. Черезъ нѣкоторое время новая капля шлепнулась въ другую ямку на камнѣ... Потомъ долго ничего не было слышно...

— Во-во-во... да? — сказалъ Дудикъ, сильно заикаясь, и умоляюще посмотрѣлъ на Филимона.

— Все можетъ быть, — отвѣтилъ Филимонъ спокойно. — Только видите сами: явственно обозначаетъ пять когтей.

Дудикъ опять наклонился, сосчиталъ слѣды, дѣйствительно поразительно напоминавшіе отпечатокъ когтистой лапы.

— Во-во-отъ,—сильно заикаясь, произнесъ онъ, поднимая глаза кверху, гдѣ уже тихо набиралась новая капля.—Гляди, Филимонъ... опять вдарить..

Старикъ спокойно отвернулся отъ Дудика и сказалъ:

— Да тутъ, впротчемъ сказать, сумма положена не большая. На три локтя отъ входа, гдѣ обозначаетъ лѣвую лапу. Самое вотъ это мѣсто, „змѣиная капища“... А только сумма небольшая дѣйствительно. Вы по этой же части? — спросилъ онъ живо.—Можетъ имѣете чертикатъ (разрѣшеніе)? Такъ мы бы съ вами вмѣстѣ, сопча...

— Нѣтъ, я просто интересуюсь стариной.

Старикъ важно погладилъ бороду.

— Въ нашихъ мѣстахъ старинности много. Это вотъ крѣпость Ераклея. Здѣсь ераклейскій идолъ стоялъ, къ коему во времена Маккавеевъ сгоняли на поклоненіе. Много здѣсь этого. Около Славы тоже городище старое, царица какая-то строила. Монета старинная по землѣ разсыпана, сказываютъ такъ, что еще Александры Македонскаго. Я тамъ плитку нашелъ мраморную, на плиткѣ обликъ и цифирь римская. У меня ее г-нъ Стефанеску купилъ. Сказывали послѣ — маре антика, значитъ по русски сказать: большой антикъ. Въ музеѣ находится. Вамъ что? Выйти угодно?

— Да, здѣсь сыровато.

— Дѣйствительно, и у меня кости что-то мозжатъ. Дудикъ, возьми кирку.

Дудикъ покорно захватилъ кирку и послѣдовалъ за нами наверхъ. Старикъ проворно вскарабкался на выступъ и, обойдя стѣну, вывелъ меня на площадку, съ которой открывался опять видъ на лиманъ, на Махмудійскія горы и на степи Добруджи. Онъ присѣлъ и погладилъ бороду, Въ его лицѣ виднѣлось какое-то особенное достоинство и спокойное довольство владыки, обозрѣвающаго свои владѣнія.

— Васъ какъ звать, господинъ? — спросилъ онъ не безъ важности.

— Владиміромъ. А васъ, кажется, Филимономъ?

— Знаете, стало быть? Это не вы ли у русскаго доктора въ Тульчѣ проживаете?

— Да. А вы тоже, кажется, не здѣшній уроженецъ?

— Мы давно изъ Рассеи выбѣжали, изъ Стародубья... Дѣдушка мой, покойникъ, еще живъ былъ... Давно...—прибавилъ онъ опять, помолчавъ.

— Изъ-за вѣры?—спросилъ я.

— За нее,—отвѣтилъ онъ неохотно.—Всякъ по своему съ ума-то сходитъ. Много я ихъ, вѣръ этихъ, видѣлъ.

— А теперь?

— Да мы молокане были... Я, признаться, теперь не хожу и къ нимъ. Вы пресвитера ихняго, Василія Федорова не знаете?

— Знаю.

— Обличаетъ онъ мене. А я говорю: посмотрите на свое обчество, особливо на молодежь! Пьянство, пѣсни, а добрыя дѣла-те гдѣ?

Онъ усмѣхнулся тонкой улыбкой и сказалъ опять:

— Ты, говоритъ, мосонъ. Это онъ хохлу Карпенкѣ повѣрилъ... Карпенку знаете вы? Нѣтъ? И не связывайтесь вы съ нимъ пожалуйста... этотъ хохолъ на бабинской дорогѣ, на

одиннадцатой километрѣ гору раскапываетъ. Тамъ, дѣйствительно, большая сумма заложена, да взять-то онъ не умѣетъ. Народъ обманываетъ. Сколько на него уже работали даромъ! Вотъ у Дудика выманилъ послѣднія 60 франокъ. Подумайте: человѣкъ семейный... Въ землю закопалъ деньги!

Лицо Дудика приняло выраженіе глубокаго отчаянія. При напоминаніи о шестидесяти франкахъ, глаза тусклаго человѣка замигали, и губы повело судорожной гримасой. Но тотчасъ же, при дальнѣйшихъ словахъ Филимона, черты его освѣтились дѣтской благодарностью.

— Ничего. Я его утѣшу,—благодушно продолжалъ старикъ.—Не попомню зла, что онъ мнѣ изъ-за Карпенки измѣну сдѣлалъ... Молчи, Дудикъ, потерпи, будетъ и на твоей улицѣ праздникъ.

Онъ повернулся ко мнѣ и сказалъ съ спокойной увѣренностью:

— Этотъ кладъ я возьму. Я рожденъ подъ тою планетой, что мнѣ найтить большія несмѣтныя деньги. Про меня въ планетникѣ сказано, „что будетъ искать себѣ счастья по морямъ и по водамъ, и наконецъ найдетъ подъ землею“. И притомъ вся моя физіономія описана... Уже искалъ я и по морямъ и по водамъ — сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ, — всего видѣлъ. Теперь уже мнѣ 78 лѣтъ. Приблизилось мое время,—найду, безпремѣнно, подъ землею...

Я съ удивленіемъ взглянулъ на него... Въ словахъ „планетника“ слышалась такая горькая и зловѣщая шутка! Но лицо Филимона было ясно. Дудикъ смотрѣлъ на него съ надеждой и благоговѣніемъ.

— Этотъ Карпенко чуетъ, что я возьму, гдѣ онъ не можетъ. „Винъ, кажетъ, немоляка, мосонъ“. А что такое мосонъ, развѣ они понимаютъ?

— А что же это такое?

— Такіе были іерусалимскіе каменоломщики. Тайности природы проникали, внутренность земли видѣли. Я думаю, не иначе—по планетамъ? Въ исторіяхъ пишутъ, что будто весь видимый міръ отпечатанъ въ планетахъ, какъ все равно въ зеркалѣ. И есть люди астрономы, по писанію иначе называемые звѣздочеты. Они не то что, напримѣръ, считаютъ звѣзды. Это невозможно для ума человѣческаго. А глядятъ въ трубы. Въ трубѣ у него планета, а въ ней отраженіе всего міра вещественнаго...

Дудикъ подвинулся ближе и, приподнявшись на локтѣ, жадно слушалъ слова Филимона.

— Теперь, — продолжалъ Филимонъ, тономъ ученаго, рас-

крывающаго тайны науки, — взять спиритизьму. Знаете, господинъ. что такое спиритизьма?

— Немного слыхалъ.

— Къ чему ее примѣнить? Василій Федоровъ, молоканскій пресвитеръ, считаетъ за волшебство. Неправда, не волшебство, а отраженіе міра невидимаго. Я человѣкъ мало ученый, а эту натуральность понимаю...

Онъ задумчиво улыбнулся и продолжалъ тономъ величаваго презрѣнія:

— „Ты, говоритъ, душу свою погубилъ. Немоляка ты, мосонъ, волшебникъ!.. Ты бы хоть къ жидовской синагогѣ или къ турецкой мечети присталъ, все лучше“... Не надо мнѣ...

Онъ пожевалъ губами, какъ будто пережевывая что-то невкусное, и сказалъ:

— Много я этихъ вѣръ видалъ: безпоповцы, хатники, астрицкіе, филиповскіе, ѳедосѣевскіе, молоканскіе. Одни другихъ проклинаютъ, анаѳемѣ придаютъ... Отъ Меркурія все это идетъ... Темное меркуріево порожденіе!

— Какъ отъ Меркурія?—удивился я.

— А вы не знаете? Таковые вѣроучители больше подъ меркуріевой планетой рождаются. Объ нихъ сказано въ планетникѣ: „лобъ имѣютъ низкій, умъ короткій, тѣло тяжелое, къ работѣ мало охотны, философы и ворбиторы, по русски сказать—ораторы, а безъ вѣры сердечной... Полководцы и великіе обманщики именемъ божіимъ“... Сколько я ихъ видалъ, со всѣми поругался. — „Вы,— я имъ говорю, — меркуріево порожденіе, ваша планета темная“. И вѣрно. Вы въ Галацѣ бывали?

— Бывалъ.

— Видѣли: тамъ извозчики, биржари, — все скопчики. И есть тамъ одинъ, Федоръ, по здѣшнему Тодоръ. Такъ тотъ говоритъ мнѣ разъ: — Я, говоритъ, богъ! — Хорошо, говорю, вы богъ. А какое ваше занятіе? — Биржарь. — Значитъ дать дать вамъ франку, вы меня можете въ рай доставить?

Филимонъ засмѣялся. Дудикъ тоже хихикнулъ.

— Полиція и та его знала. Приходитъ гвардистъ,—„унди есте Тодоръ?“—Какого вамъ Тодора надо?—„Тодоръ Думнезеу (значитъ по румынски „богъ“). Надо, говоритъ, „Тодора Думнезеу у часть, къ комиссару“. Этотъ Тодоръ родился въ 1837. Всѣ такіе: тридцать седьмого, сорокъ четвертаго, пятьдесятъ перваго—все обманщики именемъ божіимъ. Много я къ нимъ присматривался, пока не понялъ. Потомъ уже наскрозь всѣхъ разглядѣлъ. Войдетъ онъ — я его вижу вся нутренняя. Разъ прибѣжалъ изъ Рассеи человѣкъ, зашелъ ко мнѣ. Лобъ ма-

ленькій, глаза съ мечтой. Глядить на тебя и не глядитъ, изъ себя сухой. „Вы, говорю, когда родились?“ — Въ 1851 году, говоритъ.—„А пророкомъ не бывали?“ — Нѣтъ, не бывалъ.— „Ну, такъ будете вы большой пророкъ“. Такъ оно и вышло. Оказался такой пророкъ, что хлѣба не сталъ ѣсть; обнаружились у него и ученики таковые же, тоже не ѣдятъ: молоко можно, творогъ, капусту, сноски... А хлѣба ни крохи. И то семь денъ постятся, на восьмой поѣдятъ. Вскорѣ стали помирать одинъ за однимъ.

Дудикъ закинулъ голову, какъ пѣтухъ, собирающійся крикнуть, и судорожно захихикалъ. Филимонъ, все такъ же съ сожалѣніемъ глядя передъ собой, продолжалъ:

— А то есть еще константцкой жудецы (уѣзда), городъ Мангалія, надъ Чернымъ моремъ, къ болгарской границѣ, во-онъ, туда...

Онъ кивнулъ головой въ сторону Чернаго моря, на юго-востокъ.

— Около этого города есть деревня, въ ней семей тридцать скопцовъ. У нихъ опять таковой же человѣкъ меркуріевой звѣзды былъ. Изъ Россіи перебѣжалъ... Тотъ сказалъ всѣмъ: „Сто дней буду поститься, на сотый день вознесусь на небо. Не то что какъ-нибудь поститься... — воды не стану пить“. Ну, стали къ нему собираться, особливо женскій полъ, плачутъ, въ восторгѣ бываютъ. Я, признаться, въ то время тоже искалъ этого. Думаю, вотъ чудо объявится... Потащился и я въ Мангалію...

— Что же, умеръ?

— По сейчасъ живъ, какъ быкъ!.. И вѣдь вотъ удивительно. Таковому обманщику и теперь вѣрятъ, онъ, говорятъ, лучше Христа. Тотъ сорокъ дней постился, а нашъ сто, и то живой. Этотъ рожденія 44-го году, тоже подъ Меркуріемъ. Собралъ себѣ такихъ же: сухіе, коротколобые... Стали они радѣть въ хатахъ: кричать, вертятся, конецъ міра возвѣщаютъ, дѣлаютъ неистовства. И дверей, подлецы, не закрываютъ. Народъ мимо ходитъ: болгары, молдавана, турки — станутъ на улицѣ, глядятъ, соблазняются. Ну, тутъ ужъ другіе, изъ ихнихъ же, которые въ другіе годы рождены, особливо подъ Сатурномъ, — повскакали у хату, гдѣ они вертѣлись, давай ихъ кулаками потчевать. Той вертится,—онъ его кулакомъ, другой вопіетъ — онъ его въ ухо, третій пророчествуетъ,—онъ его подъ ребро и на полъ...

Филимонъ замолчалъ, все такъ же поглаживая бороду, и затѣмъ сказалъ:

— Много отъ вѣры заблужданія бываетъ. И въ другихъ

прочихъ вѣрахъ, все они же болѣе, меркуріево племя, дѣйствуютъ. Той изъ одной чашки съ тобой не ѣсть, другой ближними гнушается. А я такъ одного жидовина всѣхъ больше любилъ. Въ двадцать восьмомъ годѣ рожденъ, подъ знакомъ солнца. Ликъ имѣлъ свѣтлый, открытый, взглядъ быстрый. Много мнѣ этотъ мудрецъ открылъ... Вол-шебство! Нѣтъ,— рѣшительно перемѣняя тонъ, продолжалъ онъ. — По этому дѣлу чистота требуется. „Найди ты, говоритъ, Филимонушка, отроковицу или отрока, чистыхъ, у коихъ, говоритъ, душа не возмущалась еще нечистымъ помысломъ. Положи на землю зеркало,— они черезъ это зеркало увидятъ земную утробу". Это вотъ вѣрно. Самая сущая правда...

— Что же, вы пробовали?

— Пробовалъ,— неохотно сказалъ Филимонъ.—Міръ теперь осквернился и дѣвство уже нечисто. Сказывали мнѣ люди,— попытай въ Мургулѣ дѣвицу у Ивана рыбалки... Нѣтъ, запоздалъ!.. Худого я про нее не скажу: дѣвица непорочнаго поведенія... Ну, не видитъ уже: „зеркало, дѣдушка, больше ничего". Ну, видно, милая познала нечистый огонь желанія, душа-то и замутилась... Въ этомъ дѣлѣ вотъ чистоту какую нужно! А они—волшебство!

Онъ вдругъ перевелъ глаза на меня и сталъ пытливо всматриваться въ мое лицо.

— А вы, господинъ,—въ которомъ году рождены?

— Въ 1853,—отвѣтилъ я съ недоумѣніемъ.

— Какъ вы въ этотъ годъ попали? — съ раздумьемъ произнесъ Филимонъ.—Этого рожденія люди очень крѣпки корпусомъ. А годъ хорошій,—произнесъ онъ ласково.—Вѣрно, что вы не по „этой части" ѣздите?

— Вѣрно: не по этой.

— Жаль. Я бы васъ въ компанію взялъ. Годъ вашъ хорошій. Мене докторъ въ Тульчѣ знаетъ... Здѣсь сторона такая,— только заняться умному человѣку. Какъ ночи пойдутъ темныя къ осени или весной, — такъ тутъ по всей степѣ все огни горятъ. Деньги очищаются.

Онъ окинулъ мечтательнымъ взглядомъ разстилавшуюся у нашихъ ногъ за лиманомъ равнину и остановилъ глаза на синей Махмудійской горѣ.

— Вонъ у той горѣ находятъ много древностей... Найдена подземная древняя церковь и тамъ дароносица... Англичанинъ пріѣзжалъ, астрономъ, хотѣлъ купить это мѣсто у казны. А клады не на томъ мѣстѣ. Клады подальше, въ горѣ. Дудикъ ходилъ туда.

Дудикъ утвердительно мотнулъ головой.

— Семь человѣкъ ихъ собралось и турчинъ съ ними (опять утвердительный жестъ со стороны Дудика). Нашли ходъ между камней, отмѣрили тридцать локтей отъ дуба, и тутъ обнаружилась желѣзная плита. А у турчина черная книга, по коей клады отчитывають.

Дудикъ насторожился и удивленно поднялъ брови.

— Далъ онъ всѣмъ по свѣчѣ, и говоритъ: „Смотрите... Что бы ни увидѣли, что бы ни услыхали, — вы молчите! А скажете слово, бѣда!“ Подняли плиту, спустились по лѣстницѣ, видятъ: въ горѣ большая горница, выложена камнемъ. Турокъ раскрылъ книгу, читаетъ...

Дудикъ сдѣлалъ безпокойное движеніе.

— Читалъ-читалъ, выбѣгаетъ собачка, побѣгала, понюхала, ушла. Потомъ выбѣгаетъ буйволъ, огромная животная, пристрашнаго вида. Сталъ на мѣстѣ, взрылъ копытами землю, какъ взревѣть страшнымъ голосомъ, такъ что содрогнулась земная утроба. Тутъ одинъ еврей не выдержалъ, крикнулъ. Откуда ни возьмись поднялся вихорь, вынесъ всѣхъ изъ подземелья...

На лицѣ Дудика виднѣлось полное изумленіе. Онъ заикнулся, хотѣлъ сказать что-то, заикнулся еще сильнѣе и наконецъ сказалъ:

— Д-д-дя-дя Фил...Фи...Филимонъ... Т-турки н-не было... И со...со...собачки тоже не было...

Филимонъ въ свою очередь посмотрѣлъ на него, какъ человѣкъ, пробужденный отъ сна, и сказалъ:

— Не было?.. Какъ не было?.. Ахъ, да! Это не съ тобою. Это они съ Шуликомъ ходили. Вѣрно, вѣрно. Ну, однако, въ той же было Махмудійской горѣ...

Онъ перевелъ свои добрые глаза на другія мѣста степи, на которой тихо угасали лучи заката. И всѣ мѣста, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ будто оживали подъ его взглядомъ. Земная утроба, ревниво хранящая свои сокровища, разверзалась, и оттуда сверкало золото, „очищенное уже огнемъ“ и ожидающее человѣка. Вонъ тамъ, на юго-западѣ, подъ Калагарманомъ, привлеченный ночными огнями, турокъ раскопалъ печку, а въ печкѣ оказались... угли. Но это турчинъ или выдумалъ, чтобы скрыть золото отъ правительства, или дѣйствительно не догадался: въ печахъ всегда закапываются клады, а угли если кладутся, то лишь для примѣты. Подъ Исакчей огонь горѣлъ у старой мельницы. Мельникъ сталъ копать и выкопалъ корыто, а въ корытѣ гнилое просо, труха. Мельникъ опять не догадался, что это только примѣта, просо выкинулъ, а яму заровнялъ. Повыше Махмудіе есть деревня Куртъ-

банръ. На зарѣ мимо этой деревни шелъ человѣкъ, и видитъ: горитъ огнемъ, будто хата. На этомъ мѣстѣ послѣ нашли могилу, вродѣ избы, а денегъ опять взять не сумѣли.

Филимонъ говорилъ долго и съ важнымъ спокойствіемъ. Дудикъ уже забылъ свои недавнія недоумѣнія и слушалъ его, какъ загипнотизированный. Я тоже слушалъ Филимона съ истиннымъ наслажденіемъ: его рѣчь была образна, въ самомъ голосѣ была какая-то тайная сила внушенія. Я глядѣлъ на темнѣющія степи, на задумчивые холмы, надъ которыми косые лучи солнца уже только скользили, не освѣщая... И мнѣ казалось, что я самъ вижу и огни, и золото, сверкающее въ глубинѣ земной утробы. Но все это были еще малые клады („тысячъ по двадцать и по сту"). Такой же кладъ долженъ былъ находиться и въ енисалейской крѣпости въ томъ мѣстѣ, гдѣ водоемъ... Но самый главный кладъ заложенъ въ курганѣ по бабинской дорогѣ, гдѣ хохолъ Карпенко раскапываетъ могилу, не зная тайны...

Исторія этого клада не особенно древняя, но, быть можетъ, чудеснѣе всѣхъ остальныхъ. Я уже видѣлъ ранѣе самый курганъ, безобразно разваленный лопатами, видѣлъ однажды даже хохла Карпенко. Онъ стоялъ на свѣже разрытомъ бугрѣ и распоряжался работами. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Россіи, копалъ уже два года; сначала у него работало 100 человѣкъ, потомъ это число уменьшалось, довѣріе къ хохлу падало, и теперь онъ едва находилъ по десятку забулдыгъ, которыхъ поилъ водкой и подбодрялъ чудесными разсказами. Фигура Карпенко была огромная и мрачная. Широкая, желтая борода, огромная бородавка на носу, брови, какъ усы, и тяжелый взглядъ единственнаго глаза, — все это придавало старому кладоискателю видъ угрюмый и даже зловѣщій.

Что его привлекло изъ Россіи, откуда онъ, въ Херсонской губерніи узналъ о небольшомъ курганѣ надъ дунайской плавней,—сказать трудно, несомнѣнно только, что слава скромнаго кургана носилась далеко среди подвижнаго и предпріимчиваго на все фантастическое населенія Добруджи. Около него рылся какой-то неизвѣстный солдатъ, потомъ какой-то „святогорецъ" бросилъ келью на Аѳонѣ и, въ монашескомъ одѣяніи, бродилъ съ старинными „описями", въ которыхъ значится и этотъ курганъ. Потомъ говорили о какомъ-то пріѣзжемъ изъ Россіи офицерѣ... Наконецъ, появился Карпенко и, взявъ разрѣшеніе, приступилъ къ серьезнымъ работамъ. На эти работы смотрѣлъ, улыбаясь, Филимонъ, увѣренный, что онъ одинъ знаетъ секретъ клада. И дѣйствительно, Карпенко уже „закопалъ въ землю" собственныя деньги, деньги Дудика, поплатились до-

вѣрчивые тульчанскіе купцы изъ русскихъ и даже одинъ скупой болгаринъ; разрыли курганъ до материка, развалили землю по сторонамъ, но не нашли ничего. А Филимонъ все улыбался...

И теперь эта улыбка бродила на его лицѣ, когда, глядя на сѣверо-западъ, онъ движеніемъ руки указывалъ мнѣ въ направленіи къ томно сверкавшимъ излучинамъ Дуная.

— Да можетъ тамъ ничего и нѣтъ?—сказалъ я.

— Есть,—увѣренно отвѣтилъ Филимонъ.—Я тутъ когда-то копанинку искалъ; нашелъ на учурку да на пару клещей, иду назадъ по шакчинской дорогѣ. Гляжу: сидитъ человѣкъ, сдѣлалъ себѣ тѣнку отъ солнца. Здравствуйте, говорю. Здравствуйте. — Разговорились. — А здѣсь, кажетъ, деньги есть, да еще не очищенныя. Русскій генералъ Красновъ поклалъ...

— Зачѣмъ?

— А это, видите, было послѣ войны, двадцать восьмого году. Русскіе, значитъ, стояли у Адріанополѣ, а турки призвали изъ Надоліи, съ теплой стороны, всякую урвань. А въ теплой сторонѣ въ тую пору была чумная боль, умирали дюже шибко... Вотъ турки стали перевозить такихъ умершихъ и пускали въ ручьи и рѣки. И пустили заразу. Тогда, значитъ, русскія войски снялись и пошли назадъ, а турчинъ кинулся имъ на перерѣзъ, отъ Калафату. Да видишь и самъ не поспѣлъ ускочить: какъ попалъ на это мѣсто, такъ и пошло его косить, — всѣ такъ и луснули, а русской уже подался къ Шакчѣ (Исакчѣ)... Поставили высокіе шесты, запалили смоляные канаты, сдѣлали ночь, какъ день, снялись русскія войски, все идутъ и идутъ. Потомъ прошли и стало мѣсто, гдѣ были лагори, пусто... А она, боль, притаилася. Вотъ на зарѣ, на самой, скачетъ на почтовой тройкѣ кульеръ къ главнокомандующему, и на немъ сумка съ казной. Какъ доскакали до того мѣста, такъ тутъ всѣ и погибли: пали лошади, померъ ямщикъ, и самъ кульеръ отбѣжалъ недалеко, тоже померъ. И случилось на ту пору, булгаръ проѣзжалъ изъ лѣсу. Видитъ: всѣ мертвые, и сумка лежитъ съ казной. Взялъ онъ слегу большую, зацѣпилъ тую сумку, волокетъ къ себѣ. Когда посмотритъ, а изъ сумки выскочилъ вродѣ клубокъ дыму, да по слегѣ къ нему ползетъ... Онъ кинулъ и шестъ и сумку, давай Богъ ноги. Прибѣжалъ къ генераламъ: такъ и такъ. Тогда значитъ поняли, что она, боль эта, больше всего угрызается въ металъ. Вотъ царь Миколай и приказалъ генералу Краснову всю войсковую казну закопать въ землю. На семнадцати тройкахъ привезли и закопали въ самый этотъ курганъ...

— Отчего же до сихъ поръ не выкопали?

— Боялись, что не очистились еще. Приходили два солдата изъ Рассеи. Царь Александра Миколаевичъ бумагу имъ давалъ: ежели, говорить, что-нибудь станеть Карла румынской прекословить, скажите: мои это деньги. А Карла, видишь, не дозволилъ: вы на мое королевство боль пустите... Ну, теперь уже я вѣрно знаю, что все очистилось... Только бы какънибудь Карпенку съ этого мѣста содвинуть, я этотъ кладъ ввесь возьму. Плантъ сдѣлать нужно, требуется 50 франокъ... Я говорилъ землемѣру, сдѣлай мнѣ плантъ, а я тебѣ послѣ полъ-боченка золота отсыплю... Не хочеть... дурной человѣкъ, подъ Венерой имѣетъ рожденіе...

— —

— Эй, Филимонъ!

Мы всѣ трое вздрогнули отъ неожиданнаго окрика. Онъ раздался сзади изъ развалинъ, и эхо старой башни придавало ему странный отголосокъ.

— Филимонъ, старый чортъ! Куда схоронился?

Филимонъ весь съежился и сталъ приподыматься съ земли, упираясь старческой рукой въ камень. Въ пролетѣ башни, всклокоченный, съ заспанными глазами появился человѣкъптица, котораго я видѣлъ въ старомъ водоемѣ. Лицо его запухло, борода свалялась, онъ былъ, видимо, сердитъ и недоволенъ. Подойдя къ намъ и не обращая вниманія на кого-нибудь въ отдѣльности, онъ сѣлъ на камень и дрожащими руками сталъ свертывать папиросу, поставивъ предварительно на землю пустую бутыль.

— Пустая!—сказалъ онъ, указывая на посуду. И потомъ, вытаскивая изъ кармана коробку спичекъ, прибавилъ лаконически:—ну, давай франку! Побѣгу за виномъ въ Енисалу, а то къ багаджію.

Старые глаза Филимона заморгали еще сильнѣе. Передо мной, вмѣсто недавняго владыки гераклейскихъ, махмудійскихъ и вообще всѣхъ добруджанскихъ сокровищъ, былъ жалкій сконфуженный старикъ, глядѣвшій на человѣка-птицу виноватымъ взглядомъ.

— Послушай, что я тебѣ скажу, Шуликъ...

— Я тебѣ не Шуликъ,—отрѣзалъ тотъ.

— Ну, Макарушка, послушай ты меня. Давай безъ вина копать. Скоро откопаемъ малый кладъ...

Шуликъ строго посмотрѣлъ на старика и сказалъ гордо, сквозь зубы, въ которыхъ торчала еще незажженная папироска:

— Что еще будешь мнѣ говорить?.. Ты меня, Макара Шулика, не знаешь?..

Филимонъ заискивающе и подобострастно засмѣялся.

— Бѣдовый ты, Макарушка, право бѣдовый. Ну, что дѣлать. Я сколько тебѣ обѣщалъ отъ этого клада? Двадцатую долю? Бери десятую часть! Ну, ну, пятую... Пять тысячъ франокъ?

— Вина мнѣ давай!

— Нѣту, Макарушка...

— Такъ пущай же тебѣ черти копаютъ...

— Ахъ, Макарушка, въ нашемъ дѣлѣ нехорошо такія слова говорить. Ну, что дѣлать! Мы съ Дудикомъ какъ-нибудь безъ тебя ужъ... А то... ты и самъ не копаешь, и намъ не даешь ходу.

— Бе-езъ мене? — спросилъ Шуликъ съ злобной усмѣшкой...—А бумага у тебе есть? — спросилъ онъ вдругъ совершенно начальственнымъ тономъ...—Покажи чертикатъ, покажи планты...

Онъ чиркнулъ спичкой, закурилъ и, важно усѣвшись на камнѣ, сказалъ:

— Я здѣшній человѣкъ, Журиловскій... Мене мэръ знаетъ... а вы кто такіе собрались? Сейчасъ у Енисалу до нотаря дойду, онъ васъ усѣхъ тутъ шатающихъ...

Но тутъ глаза его остановились на мнѣ. Въ нихъ мелькнуло какое-то воспоминаніе, и онъ прибавилъ смягченнымъ тономъ:

— Я не про васъ, господинъ. Вы можете понимать Шулика... А они кто? Тьфу!

Онъ сплюнулъ и презрительно засмѣялся.

— Пять тысячъ сулить... Дуракъ! Давай ты мнѣ пять франокъ, да сейчасъ! Слышишь! Чего тутъ шукаешь, голова!..

Видъ у Филимона былъ совершенно уничиженный. Онъ забормоталъ что-то о желѣзной плитѣ, о какой-то комнатѣ подъ водоемомъ, куда липоване опускали на веревкѣ шалыгу, и какъ эта шалыга стучала въ чугунную дверь, о томъ, какъ на горѣ бываютъ огни... Но Шуликъ, скептическій и наглый, только смѣялся.

— Огонь! Гдѣ ты видѣлъ огонь на горѣ? Огонь бываетъ на степѣ...

— Ну, вотъ, Макарушка, и на степѣ тоже.

Шуликъ многозначительно подмигнулъ мнѣ и сказалъ:

— Нар-родъ! Дураки, такъ они дураки и есть. Правда, господинъ? Онъ думаетъ, какъ огонь горитъ, то сейчасъ ему и кладъ. А того не понимаетъ, отчего онъ, огонь, только подъ пасху горитъ?

— А отчего?

— Я знаю отчего! — сказалъ онъ самодовольно. — Вы у меня спросите: тутъ прежде запорожцы были. Знаете запорожцевъ? Войну усе дѣлали, вбивали ихъ на войнѣ много, да у могилахъ закапывали. Вонъ тамъ усюду, по степѣ: гдѣ увидите могилу, называется курганъ, то подъ каждымъ запорожецъ лежить... Такой у нихъ законъ былъ: кого на войнѣ убьютъ, то они бывало миромъ мирують. Такъ ето теперь подъ пасху миро надъ могилами горыть. А они думають,— клады. Ха-ха-ха!

Шуликъ хрипло засмѣялся и, довольный своимъ объясненіемъ, опять подмигнулъ мнѣ, какъ человѣку, который можетъ его понимать.

— Усякая вещь имѣетъ свою натуральность, — прибавилъ онъ докторальнымъ тономъ. Очевидно, онъ считалъ себя матеріалистомъ.

Филимонъ тихо дернулъ меня за рукавъ и отвелъ въ сторону, за уголъ башни. Войдя на время подъ старыя ворота, онъ порылся въ темномъ уголкѣ и вышелъ оттуда съ посохомъ, набалдачникъ котораго изображалъ фантастическое чудовище. Палка была, видно, недавно начата и даже не отдѣлана.

— Хотите палочку, на память? — сказалъ онъ, не глядя мнѣ въ глаза.—Дадите отдѣлать, палочка хорошая...

— Хорошо,—сказалъ я.—Но вѣдь вы бы ее продали. Скажите, сколько это стоитъ?

— Четыре франочки не покажется дорого?

— Хорошо, возьмите пять.

— Нѣтъ, четыре будетъ... Дурной человѣкъ этотъ Шуликъ, напрасно я съ нимъ и связался. А теперь ужъ нельзя. Малость и докопать-то осталось, а онъ вотъ какъ поступаетъ...

Я отдалъ пять франковъ. Старикъ густо покраснѣлъ, принимая деньги, и сказалъ застѣнчиво:

— Можетъ и не стоить пять франокъ. Ну, хорошо, господинъ. Найду кладъ, и вы счастливы будете. Фунтъ золота отдамъ...

III.

Новый крикъ донесся, заглушенный разстояніемъ, снизу. Это подымались на гору и звали меня мои знакомые липованe, уже возвращавшіеся изъ Журиловки. Филимонъ забезпокоился, встревоженный Дудикъ выбѣжалъ изъ-за угла.

— Сойдите къ нимъ, господинъ, поскорѣе,—попросилъ меня Филимонъ.—Не хорошо, когда застануть насъ...

— О-го-го-го!—раздался тонкій голосъ богатыря Ивана Гаври-

лова совсѣмъ близко. Шуликъ, не торопясь, тоже присоединился къ намъ. Филимонъ сунулъ ему въ руку монету. Человѣкъ-птица посмотрѣлъ ее, усмѣхнулся и исчезъ за выступомъ скалы въ сторонѣ, противоположной той, откуда приближались липоване. Пока я слѣдилъ за нимъ, — Филимонъ и Дудикъ тоже исчезли. Я оглянулся кругомъ: все было тихо, развалины стояли темныя и молчаливыя, какъ въ первую минуту, когда я поднялся сюда. Можно было подумать, что моя встрѣча съ „искателями“ была сномъ, если бы надъ старымъ водоемомъ не показалось вдругъ испуганное лицо Дудика:

— Кирку, кирку давайте, — прошипѣлъ онъ, указывая на желѣзную кирку, лежавшую на травѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ.

Я подалъ кирку, голова опять скрылась. Въ эту самую минуту, въ разломѣ стѣны показалось могучее брюхо Ивана.

— Ну что, сняли планты? — спросилъ онъ, отдуваясь и озираясь по сторонамъ. — Вотъ она, Ераклея! Повѣрите: сорокъ пять лѣтъ уже здѣсь не бывалъ. Мальчонкомъ бѣгалъ... Ишь тишина какая!

И на выразительномъ лицѣ некрасовца легкой тѣнью промелькнуло особенное выраженіе. Очевидно, и на него вѣяло отъ этихъ стѣнъ „ощущеніемъ прошлаго“.

Внизу сарыкіойскіе бѣглецы угостили насъ ухой, и черезъ часъ наша лодка опять качалась на водахъ лимана. Изъ-за стѣны камыша опять глядѣла на насъ сверху „Ераклея“, величавая, потемнѣвшая. Мѣсяцъ подымался тонкимъ, почти не свѣтящимъ серпомъ, глубокое небо искрилось, точно въ его глубинѣ ползали миріады живыхъ свѣтляковъ... Земля и вода, и линіи горизонта утонули въ сплошномъ сумракѣ. Только вверху изломы Енисалейской крѣпости рисовались въ небѣ причудливо и странно.

— Гляди, гляди, братцы, — сказалъ вдругъ, среди общаго молчанія, гребецъ...—На Ераклеѣ опять огонь...

Дѣйствительно, на самыхъ верхушкахъ крѣпостныхъ стѣнъ слегка мерцали красноватые отблески. Должно быть „искатели“ варили ужинъ въ водоемѣ.

— Стало быть, правда?..—задумчиво сказалъ Игнатъ.

— Очищается... — прибавилъ гребецъ, и наша лодка двигалась дальше, среди молчанія, проникнутаго ощущеніемъ близкой и глубокой тайны.

Черезъ два дня, на зарѣ, я подъѣзжалъ къ Тульчѣ. Подъ самымъ городомъ, на росистой дорогѣ, мы обогнали двухъ пѣшеходовъ. Филимонъ шелъ спокойно, какъ всегда. Дудикъ плелся за нимъ, подавленный и угнетенный.

1897 г.

НАШИ НА ДУНАѢ.

I.

Ходоки изъ „Русской Славы“.

Солнце недавно поднялось, и тульчанская гора кидала еще синюю тѣнь, холодную и сырую, изъ которой свѣтлой иглой вынырнулъ только минаретъ турецкой мечети. Легкій запахъ росы и пыли ютился еще въ кривомъ узкомъ переулкѣ, гдѣ у воротъ „русскаго доктора“ начала собираться толпа. Это были все русскіе люди, въ кумачевыхъ и ситцевыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ кожаными ремнями или цвѣтными гайтанами. Бородатыя лица, сильно загорѣлыя, наивныя, грубыя. На головахъ шляпенки, мягкія и измятыя, или жесткіе котелки, очень не идущіе къ скуластымъ круглымъ физіономіямъ. На ногахъ грубые сапоги, страшно отдающіе запахомъ ворвани и пота, который въ Добруджѣ считается характерной принадлежностью „липованъ“ *). У нѣкоторыхъ изъ-за голенищъ торчали кнуты. Лошадей и телѣги они оставили на базарѣ.

— Докторъ спитъ еще?—спрашиваетъ одинъ изъ нихъ у выбѣжавшей изъ калитки служанки.—Что больно долго?.. Гляди, солнце давно взойшло...

— Буди, смотряй. А то сами разбудимъ.

Черезъ нѣкоторое время, нагибаясь въ калиткѣ, появляется огромная фигура доктора. На немъ старенькая беззаботно примятая шляпенка и лѣтній костюмъ неопредѣленнаго цвѣта, очевидно много разъ мытый. У него сѣдые усы, сѣдина въ волосахъ, черты лица выразительныя, крупныя, отмѣченныя грубоватымъ юморомъ. Онъ останавливается, жмурится отъ

*) Липованами въ Добруджѣ называютъ старообрядцевъ, старинныхъ выходцевъ изъ Россіи.

свѣта и нѣкоторое время молча, сверху внизъ, смотритъ на липованъ. Въ его глазахъ свѣтится что-то насмѣшливое и вмѣстѣ добродушное. Липоване переминаются подъ этимъ взглядомъ и тоже молчатъ. Иные улыбаются...

— Ну!—говоритъ докторъ.—Чего васъ столько привалило? Какая хвороба принесла?

— Къ твоей милости, Ликсандра Петровичъ,—говоритъ передній липованъ, съ бронзовымъ лицомъ, отороченнымъ бѣлокурой растительностью. Черты у него нѣсколько интеллигентнѣе, и одѣтъ онъ опрятнѣе другихъ.—Бѣда у насъ.

— Гдѣ?

— Да гдѣ же еще? У Русской Славѣ.

— Что ты говоришь?

— Да вотъ у насъ тутъ человѣкъ. Человѣка мы тутъ нашли. Онъ объяснить. Дыдыкало! Идѣ Дыдыкало?

— Дыдыкало, выходи!—заговорили липоване, оглядываясь.—Идѣ ты, чортъ, хоронишься?

— Дыдыкало! Дыдыкало!

— У кырчму опять улѣзъ! Такой человѣкъ: голова! Ну, до солнца уже пьяной.

Двое липованъ выводятъ изъ сосѣдней ресторації не то сѣдого, не то только очень свѣтловолосаго старика, съ длинной бородой и нависшими густыми бровями. Скулы у него пухлыя и лицо розовое, какъ у ребенка, носъ красенъ, какъ вишня, ротъ впалый, и въ немъ почти нѣтъ зубовъ. Идетъ онъ, при поддержкѣ двухъ липованъ, мелкими торопливыми шажками, но вдругъ сильно закатывается въ сторону и чуть не падаетъ на каменную мостовую.

— Стой ты, чортъ! Ишь спозаранку готовъ.

— Налимонился уже!

— А вы чего смотрѣли. Сказано вамъ было: не давай...

— Ништо за нимъ углядишь. И выпилъ пустяки!

— Съ воздуху пьяной.

Докторъ, огромный и неподвижный, смотритъ на приближающагося старца повеселѣвшимъ взглядомъ. Потомъ беретъ рукой за подбородокъ и поднимаетъ его голову.

— Мы-ый!—издаетъ онъ употребительное румынское междометіе, которому умѣетъ придать особую выразительность.—Гдѣ вы такого красавчика выкопали? Надыдыкался уже? Милашечка!

Липоване хохочутъ. Дыдыкало съ поднятымъ кверху лицомъ жмурится отъ свѣтлаго неба и безпокойно трясетъ головой.

— Докторъ... Домну докторе,—съ трудомъ говоритъ онъ...—Ликсандра Петровичъ...

— Чего мотаешь головой, — негодующе говоритъ липованс.—Объясняй дѣло! Объ дѣлѣ тебе пытаютъ. Для чего тебе привели.

Старецъ оглядывается, вдругъ сдвигаетъ брови, топаетъ ногами и кричитъ жидкимъ пьянымъ голосомъ:

— Вонъ пошли. Всѣ. Не надобны вы! Домну докторе... Ты мине знаешь... Дыдыкало... Напишу, такъ ужъ будетъ крѣпко. Рамунъ зубомъ не выгрызетъ...

— Ну, уберите его,—рѣшительно говоритъ докторъ.—Ступай, милашечка, ступай, проспись гдѣ-нибудь...

— Вонъ всѣ! Ненадобны!—отбивается Дыдыкало.—Домну докторе! Гони ихъ. На что оны годятся... Шкуру драть, больше ничего.

— Поговори! Съ тебе здеремъ.

— И вѣрно, когда дѣла не издѣлаешь.

— Веди его... Ну-ка, заходи справа... Вотъ такъ. Наддай теперича...

— Съ Богомъ.

Старца уводятъ куда-то вдоль переулка, а докторъ, обращаясь къ мужикамъ, говоритъ:

— Ну, кто у васъ тутъ не совсѣмъ очумѣлый? Говорите, въ чемъ дѣло. А то уйду.

Мужики сдвинулись и загалдѣли разомъ.

— Мы-ы-ый. Стой. Не всѣ вдругъ. Говори кто-нибудь одинъ.

— Говори, Хвадей. Или ты, Сидоръ, говорите...

— Пущай Сидоръ....

— Нѣтъ, Хвадей пущай...

— Ну, Сидоръ, что ли, говори,—рѣшаетъ докторъ.—Что у васъ тамъ?

— Да что, Ликсандра Петровичъ,—напасть.

— Ну?

— Перчепторъ *) одолѣваить...

— Изъ-за чего?

— Да за чего-жъ? За податей.

— Вотъ, вотъ, это самое,—одобрительно поощряетъ толпа.

— Ну?

— Ну, видишь ты, какое дѣло... Самъ знаешь: при рамунѣ не какъ при турчинѣ: за все ему подай. За скотину, значитъ, за выпасъ десять левовъ **) съ головы...

— Это вотъ вѣрно: обклалъ кажную голову. Свиненка не упустить: подай ему и за свиненка.

*) Percepteur—сборщикъ податей.

**) Leu—монета, равная одному франку.

— За пашню по ектарамъ... Кто сколько ектаровъ сѣялъ, пиши у декларацію. Потомъ плати. Такъ я говорю?.. Ай можетъ не такъ что-нибудь?

— Вѣрно. Ето што говоритъ,—правильно.

— Вотъ, значитъ, самая причина у етомъ... Видишь ты...

Сидоръ какъ-то нерѣшительно оглянулся на товарищей и крѣпко заскребъ въ головѣ. Какъ бы по сочувствію заскреблось въ затылкахъ еще нѣсколько рукъ.

— Ну! Разсказывай,—поощряетъ докторъ. — Чего церемонишься. Вы, вѣрно, не сдѣлали декларацiи.

— Нѣтъ. Зачѣмъ не сдѣлали? Сдѣлали. Какъ можно!

— На то у насъ нотàрь (писарь) есть. Примàрь тоже. Какъ можно.

— Такъ что же?

— Декларацію-то, видишь, сдѣлали. Порядокъ знаемъ. Скольки годовъ у доменей *) землю рендуемъ... Съ самой съ туречины. Ну, никогда такого дѣла не было. Подашь декларацію, деньги у кассу-доменилоръ отвезъ. Готово.

— А теперь что же?

— А теперь, видишь ты: перчепторъ землемѣра привезъ... Давай мѣрять...

— И, конечно, вы, милашки, запахали больше, а въ декларацiи наврали...

Въ головахъ заскреблись еще сильнѣе.

— Оно самое,—сказалъ Сидоръ.—У кажнаго ектаръ, ектаръ жуматати лишку ангасыть **).

Докторъ плюнулъ и, качая укоризненно головой, сказалъ:

— Мы-ы-ый... Умныя вы головы!.. Что-жъ вы ко мнѣ притащились? Что я вамъ: такое лѣкарство пропишу, чтобы съ васъ денегъ не брали? Убирайтесь вы къ чортовой матери!

— Постой, домну докторе. Чего разсердился?

— Что дюже горячій сталъ! Нечистаго поминаешь!.. Ты слушай насъ. Не все вить еще...

— Что же еще?.. Говори толкомъ...

— Видишь ты. Вымѣрялъ, потомъ кажетъ:—давай деньги по декларацiи. Мы обрадовались: думаемъ, пронесло. Отдали деньги по декларацiи, честь честью.

— Расписки взяли?

— Взяли. Какъ безъ расписокъ.

— Ну, такъ что же?

— А то: теперь взыскиваетъ у трое... Значитъ: у двое

---

*) Управленіе государственными имуществами.

**) Гектаръ, гектаръ съ половиной нашелъ лишнихъ.

амендъ *). А за что еще третій? Когда по декларации уже плачено. Правильно ето?

— Какой ето законъ,—вдругъ возбужденно прорвалось въ толпѣ.—При турчинѣ никогда етого не было...

— И рамунъ сколькі годовъ землю не мѣрялъ!

— Теперь на тебѣ: давай мѣрять...

— Стойте вы, чего глотки дерете!—закричалъ докторъ.—Сказано: говори одинъ.

— Хвадей, говори... Ты, Сидоръ, говорите...

— Да мы развѣ не говоримъ. Не чуете, али какъ? Уши позакладало?.. Говоримъ: теперь у трое требуеть.

— Кто требуетъ?

— Да кто? Рамунъ. Перчепторъ. Съ епистатами **) пріѣхалъ.

— Тотъ самый, что выдалъ расписки?

— Онъ.

— Нѣтъ не той, другой...

— Кто ихъ тамъ до лиха разбереть... Рамунъ, функціонаръ.

— Всѣ однимъ миромъ мазаны...

— А вы расписки показывали?

— А то нѣтъ, подъ самый носъ совали: подивись, дѝмнуле...

Липоване опять заволновались. Пошелъ безпорядочный, возбужденный говоръ.

— Ну, стой!—остановилъ опять докторъ.—Будетъ. Поѣзжайте по домамъ. Я вамъ завтра человѣка пришлю.

— На етомъ вотъ спасибо. Дыдыкало, положимъ, у насъ. Вторую недѣлю поимъ.

— Дыдыкалу гоните въ шею...

— Чуете, докторъ своего пришлеть.

— Подождемъ, когда такъ.

— Докторъ, можеть—къ самому префекту схòдить!—закинулъ Сидоръ, глядя на доктора вопросительно исподлобья.

— Къ кому и идтить, какъ не къ префекту...

— А ты ему, докторе, хочъ и префекту, тоже не очень вѣрь... Ты насъ слухай, что мы говоримъ.

— Ну, ну!—учите меня,—сказалъ докторъ презрительно.—Я хуже васъ знаю, куда идти и кому вѣрить. Ступай, ребята, ступай, проваливайте!

И онъ своей сильной рукой сталъ поворачивать липованъ и поталкивать ихъ въ спины... Толпа расходилась. Остался

---

*) Штрафъ.

**) Epistat—полицейскій, вродѣ нашихъ жандармовъ.

еще Сидоръ. Онъ подошелъ къ доктору ближе, оглянулся на уходящихъ и сказалъ:

— Сдѣлай милость, Лександра Петровичъ,—похлопочи ужъ. А то у насъ такой калабалыкъ пойдетъ—не дай Богъ.

Его умные глаза печальны. Въ грубомъ лицѣ видиѣется скорбь „мірского человѣка", озабоченнаго серьезнымъ положеніемъ дѣла.

— Самъ знаешь, какой у насъ народъ. Все еще которые турчина вспоминаютъ. Есть горяченькіе. Плохой марафетъ выйдетъ.

— Ну, ну, — сказалъ докторъ. — Не знаю самъ, что ли! Сказалъ: постараюсь.

— А ты кого пришлешь?

— Катріана...

Сидоръ почесался.

— Такое дѣло... Хочъ и Катріана. А тольки, чтобы того...

— Что такое?

— Насчетъ Бога, чтобы... Знаешь нашъ народъ...

— Ну, ну! Что вы его молебенъ, что ли, служить зовете? Знаетъ, зачѣмъ ѣдетъ...

— То-то вотъ... А то мы ничего. Такъ ужъ ты, докторе, того... похлопочи.

Они разстались. Сидоръ торопливо пошелъ на базаръ, докторъ подошелъ къ кофейной турка Османа, гдѣ его ожидала уже маленькая фарфоровая чашка и томпаковый кувшинчикъ съ дымящимся турецкимъ кофе. Солнце освѣщало уже весь переулокъ. Съ Дуная несся продолжительный гудокъ морского парохода. По улицамъ къ пристани гремѣли колеса... Съ базара начинали расползаться возы царанъ. Ѣхали и липоване, хмельные, съ обнаженными на солнцѣ головами: котелки и шляпы попрятали въ сѣно. Пьяному легко потерять.

II.

Домну Катріанъ, соціалистъ.

Послѣ обѣда, когда солнце далеко перешло за зенитъ, докторъ вышелъ изъ дому и направился вдоль переулка къ Strada Elisabetha doamna, главной улицѣ Тульчи. Высокій и прямой, онъ шелъ по узкому переулку, чуть не задѣвая головой за низкія черепичатыя крыши и то и дѣло отвѣчая на поклоны. Порой онъ останавливался, громко привѣтствуя какого-нибудь заѣзжаго знакомаго, съ кѣмъ-нибудь здороваясь за руку или безцеремонно ероша волосы какого-нибудь пробѣгавшаго молодого человѣка. И шелъ дальше, оставляя за собой повеселѣвшія осклабленныя лица.

Такъ онъ вышелъ на Strada Elisabetha и повернулъ къ Дунаю. По пути на лѣвой сторонѣ былъ бойкій ресторанъ. Изъ его открытыхъ оконъ неслось лихое пѣніе цыганъ-лаутаровъ, а въ тѣни стѣнъ, прямо на камняхъ широкой панели стояли столики, занятые публикой. Въ Румыніи жизнь проходитъ значительной частью на улицѣ.

Поровнявшись съ этимъ рестораномъ и обмѣнявшись многими поклонами, докторъ увидѣлъ за однимъ изъ столиковъ серьезнаго нестараго господина, погрузившагося въ чтеніе газеты.

— А! Домну су-префектъ,—сказалъ докторъ громко и направился къ нему, лавируя между столиками и стульями съ такимъ видомъ, какъ если бы башню пустили между фигурокъ кегельбана. Румынъ отложилъ газету и вѣжливо приподнялся на-встрѣчу.

Это былъ су-префектъ тульчанскаго округа (нѣчто вродѣ нашего вице-губернатора). Либералъ, европеецъ не только по внѣшности, онъ, какъ большинство состоятельныхъ румынъ, получилъ высшее образованіе въ Парижѣ. Въ молодости, тоже какъ всѣ румыны, писалъ стихи, былъ немногу публицистомъ, немного критикомъ и отдалъ свою дань увлеченію соціализмомъ. Теперь, призванный къ власти съ перемѣной политическаго курса, онъ привезъ въ Добруджу вмѣстѣ съ необыкновенно свѣжими воротничками и жилетами также свѣжій либерализмъ и свѣжее благожелательство ново-испеченнаго министерства. Человѣкъ тонкій, серьезный и приличный, онъ стоялъ за скорѣйшее введеніе въ Добруджѣ конституціоннаго представительства и полнаго равноправія. За отъѣздомъ префекта онъ теперь исполнялъ его должность, слышалъ уже о начинающихся въ Русской Славѣ волненіяхъ и былъ въ свою очередь радъ поговорить объ этомъ съ русскимъ докторомъ, старожиломъ, популярнымъ въ Добруджѣ.

Его взглядъ на дѣло былъ опредѣленный и ясный. Началось это еще при прежнемъ министерствѣ. Вѣдомство доменей скоро обратится къ администраціи за содѣйствіемъ по взысканію податей и штрафовъ за землю. Онъ не въ правѣ разсуждать о неправильностяхъ обложенія. На это есть гражданскій судъ. Кто-нибудь одинъ долженъ предъявить искъ. Выигрышъ одного дѣла будетъ прецедентомъ для другихъ однородныхъ. Тогда экзекуція будетъ пріостановлена. Нашего единаго сельскаго „міра“ законъ не знаетъ и имѣть съ нимъ дѣло не можетъ.

Этотъ серьезный разговоръ происходилъ среди рокочущаго говора ресторанной публики. Порой его прерывало какое-

нибудь необыкновенное furioso цыганскаго хора или шумный хохотъ сосѣдней компаніи щеголеватыхъ румынъ и кокетливыхъ румынокъ. Собесѣдниковъ толкали ресторанные мальчишки, торопливо проносившіе приборы, пѣвица красивымъ движеніемъ протягивала къ нимъ свой тамбуринъ, прося на ноты. Солнце заливало мостовую, черепичатыя крыши домовъ, стѣны изъ сѣраго камня, выхватывая изъ тѣни то бѣлую панаму, то яркій дамскій зонтикъ, то свѣтлые костюмы какой-нибудь уходящей компаніи. Въ перспективѣ улицы Елизаветы виднѣлась стальная полоса изнывающаго отъ жары Дуная, покачивались мачты рыбачьихъ лодокъ, просовывалась турецкая кочерма и порой, какъ тучи, проносились клубы густого чернаго дыма. Приставшій утромъ морской пароходъ далъ уже свой гудокъ, но отъ него и къ нему еще гремѣли ломовые возы. Разгружали и увозили желѣзо. На мостовой подымался лязгъ и громъ. Собесѣдники смолкли, но затѣмъ румынскій администраторъ и русскій эмигрантъ продолжали обсуждать положеніе затерявшейся въ глухомъ ущельи русской деревни.

Докторъ поднялся, подозвалъ проѣзжавшаго извозчика и куда-то послалъ его. Минутъ черезъ десять коляска вернулась, и изъ нея живо выскочилъ молодой человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ во все черное: черная шляпа, черный долгополый сюртукъ, черные ботинки и даже толстая черная палка была у него подъ мышкой. Онъ поискалъ въ толпѣ своими живыми сѣрыми глазами, и на его желтоватомъ, не особенно здоровомъ лицѣ появилась улыбка. Онъ быстро прошелъ между столами, держа подъ мышкой сучковатую палку, что заставило молодого румына съ вздернутыми кверху черными усиками посторониться съ дѣланнымъ комическимъ испугомъ, а его дама захохотала.

— Чи май фаче, докторе *),—сказалъ новоприбывшій веселымъ рѣзкимъ голосомъ, подавая доктору руку, не особенно бѣлую и въ мозоляхъ.—Какъ здоровъ?

Затѣмъ онъ приподнялъ шляпу по направленію су-префекта. Румынъ корректно отвѣтилъ на поклонъ.

— Домну Катріанъ,—сказалъ докторъ.

— Денисъ Катріанъ, соціалистъ,—подчеркнулъ пришедшій и протянулъ руку. Изящный румынъ протянулъ въ свою очередь холеную руку, и его тонкое лицо на мгновеніе невольно исказилось отъ слишкомъ крѣпкаго пожатія соціалиста. Но тотчасъ же оно опять приняло выраженіе серьезной учтивости.

*) Обычное румынское привѣтствіе.

— Имѣлъ удовольствіе слышать вашу фамилію, domnu Catrianu,—сказалъ онъ.

Улыбка пробѣжала по желтоватому лицу соціалиста, а у глазъ собрались веселыя морщинки.

— Proletarii din toata lumea unici-va *)! — сказалъ онъ задорно. — Нашъ лозунгъ, господинъ су-префектъ, лозунгъ растущаго рабочаго класса! Недавно еще правительство насъ преслѣдовало. Господа либералы насъ терпятъ, пока не увидятъ опасности.

Онъ громко засмѣялся и, вынувъ портсигаръ, принялся свертывать папиросу желтыми, сильно обкуренными пальцами. Лицо румынскаго чиновника оставалось прежнимъ: серьезные глаза, старательно взлохмаченные кончики усовъ, вѣжливое вниманіе и замкнутость.

— Ну, постой, слушай меня,—сказалъ по русски докторъ, прекращая дальнѣйшія самодовольныя изліянія Катріана.— Можешь ты завтра съѣздить въ „Русскую Славу“?

— А для чево мине ѣхать у „Русская Слава“? — переспросилъ Катріанъ, закуривая папиросу. По русски онъ говорилъ съ сильнымъ болгарскимъ акцентомъ. Отецъ его былъ румынъ, мать болгарка.

Докторъ принялся объяснять, въ чемъ дѣло. Лицо Катріана стало внимательно и серьезно. Вникнувъ въ сущность столкновенія нашихъ земляковъ съ перчепторомъ, онъ опять весело мотнулъ головой и сказалъ, обращаясь къ су-префекту.

— Штіу (понимаю). Вы не хотите на первыхъ же порахъ столкновеній. Хотя не наша роль смягчать классовыя противорѣчія, но... тутъ дѣло другое... Правовое сознаніе нужно развивать,—закончилъ онъ догматическимъ тономъ.—Я поѣду.

Румынъ одобрительно кивнулъ головой, вынулъ изъ кармана изящную записную книжку и, доставъ визитную карточку, написалъ на ней нѣсколько словъ.

— Это на случай,—сказалъ онъ, передавая карточку Катріану.—Покажите, въ случаѣ надобности, примару...

Онъ позвонилъ, заплатилъ за свое кофе и вѣжливо попрощался. Видимо онъ былъ доволенъ. Помимо всего прочаго, начинать новое управленіе громкимъ столкновеніемъ въ Добруджѣ было бы плохой услугой новому министерству. Гораздо лучше разбить дѣло нашихъ безпокойныхъ соотечественниковъ на отдѣльные иски въ судѣ, чѣмъ встрѣтиться съ упорнымъ сопротивленіемъ страннаго и непонятнаго рус-

*) Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь.

скаго „міра“... Вопросъ о Добруджѣ и объ ея правахъ встаетъ отъ времени до времени на румынскомъ политическомъ горизонтѣ, и почти каждое министерство начинаетъ съ обѣщанія окончательно пріобщить Добруджу къ общерумынской конституціи. Но дѣло не двигается дальше обѣщаній. Какъ извѣстно, Добруджа присоединена къ Румыніи по берлинскому трактату, взамѣнъ части Бессарабіи съ Измаиломъ и Киліей. Это отторженіе сѣвернаго гирла Дуная съ кореннымъ румынскимъ населеніемъ является до сихъ поръ незаживающей раной румынскаго національнаго самолюбія. Румыны далеко не считаютъ себя вознагражденными присоединеніемъ плодородной Добруджи, населенной почти поровну русскими выходцами, болгарами и только на остальную треть — румынами. На этотъ край они смотрятъ, какъ на подкидыша, стоившаго жизни родного ребенка, и не торопятся съ окончательнымъ усыновленіемъ. Къ тому же и само населеніе, повидимому, не выражаетъ особеннаго нетерпѣнія получить права представительства въ парламентѣ. Степь живетъ своею стихійною жизнью, вздыхаетъ „о турчинѣ“, съ его дикимъ, но въ сущности довольно добродушнымъ режимомъ и въ свою очередь косится на „мачеху“, посылающую сюда новыя арміи функціонаровъ съ каждой перемѣной министерства. Только въ этихъ перемѣнахъ мѣстнаго служебнаго персонала степь чувствуетъ біенье конституціоннаго пульса...

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, добруджанскій вопросъ опять ожилъ: образовалось общество процвѣтанія Добруджи („Propasirea Dobrogei“), и на открытіе величественнаго Констанцкаго моста ожидались депутаціи изъ-за границы...

При такихъ-то обстоятельствахъ у воротъ скромной квартиры русскаго доктора и за столикомъ ресторана на Strada Elisabetha встрѣтились интересы темнаго русскаго села, забившагося въ ущелье балканскихъ предгорій, съ дипломатическими соображеніями обновленной добруджанской администраціи.

Теперь я долженъ нѣсколько ближе познакомить читателя съ домну Катріаномъ, тульчанскимъ соціалъ-демократомъ.

III.

Удачи и неудачи домну Катріана.

По профессіи онъ—сапожникъ. Родился въ Добруджѣ, но съ дѣтства попалъ въ Бухарестъ, гдѣ учился ремеслу въ одной изъ сапожныхъ мастерскихъ столицы. Тутъ судьба

свела его съ кружкомъ соціалистической молодежи и рабочихъ, а затѣмъ, не знаю ужъ почему, онъ опять переселился въ Добруджу убѣжденнымъ соціалъ-демократомъ. Здѣсь, въ скромной квартиркѣ на предмѣстіи онъ повѣсилъ вывѣску, гласившую, что сапожникъ изъ Бухареста готовъ оказывать гражданамъ и гражданкамъ Тульчи всякого рода услуги по части обуви съ ручательствомъ за изящество и прочность. Сапожникъ онъ былъ порядочный, но настоящимъ его призваніемъ была политическая агитація, которой онъ и отдалъ свои досуги.

Добруджа не имѣетъ представительства, но на нее распространены обще-конституціонныя свободы: свобода совѣсти, печати, союзовъ и слова. Правда, Добруджа не торопилась пользоваться и этими гарантіями, но все же соотвѣтствующіе параграфы стояли „въ хартіяхъ“, ожидая своего времени. Катріанъ, вѣроятно, по внушенію еще изъ Бухареста, рѣшилъ открыть въ Тульчѣ первый рабочій клубъ (clubul muncitorilor).

Впослѣдствіи клубъ былъ закрытъ, но я еще имѣлъ случай присутствовать на одномъ изъ его собраній.

Это было въ воскресенье. Я проходилъ по базарной площади, наблюдая своеобразныя картины разноплеменнаго торга и прислушиваясь къ разноязычному говору. Тутъ были липованскіе возы, румынскіе дилижаны и каруцы. Между горами огромныхъ арбузовъ сидѣли торговки-болгарки; румыны-пастухи, не скидающіе въ жару бараньихъ безрукавокъ, молчаливо оглядывались изсиня черными наивными глазами; недавніе владыки — турки въ красныхъ фескахъ продавали всякую мелочь съ лотковъ; липоване изъ Сарыкоя и Рязина и потомки запорожцевъ—равнодушно сидѣли на возахъ, налитыхъ до краевъ золотой душистой пшеницей... Шныряли арнауты и мало-азіатскіе курды съ лимонадомъ въ грязныхъ стеклянныхъ кувшинахъ или съ сапожными щетками, пробѣгалъ газетчикъ съ листками каррикатуръ, на которыхъ Фердинандъ болгарскій изображался съ слоновымъ хоботомъ вмѣсто носа, а порой и regele Carol румынскій являлся въ болѣе или менѣе непочтительномъ видѣ. Въ общемъ—преобладала деревня, съ хлѣбомъ, кукурузой или раннимъ виноградомъ, разноязычная, характерная, живописная, съ рослыми дюжими мужчинами и застѣнчивыми черноглазыми женщинами...

Я уже собирался уходить, какъ вдругъ на углу площади и одного изъ переулковъ, надъ „чайникомъ“ (ceaiciu) болгарина Николая, на балконѣ появился молодой человѣкъ въ черной парѣ и, помахавъ надъ волнующимся внизу базаромъ

черной шляпой, закричалъ рѣзкимъ, молодымъ голосомъ, раскатившимся надъ толпой:

— Domnilor! Граждане и гражданки... Сейчасъ открывается конференція рабочаго клуба съ участіемъ друзей студентовъ (prieteni studenti). О трудѣ и капиталѣ... Проблема богатства и бѣдности... Борьба классовъ и будущее пролетаріата. Poftim... Пожалуйте, входъ безплатный...

Вслѣдъ за этимъ возгласомъ онъ отступилъ, и двое рабочихъ свѣсили съ балкона огромное малиново-красное знамя, на которомъ бѣлыми буквами было вышито:

— Proletarii din toata lumea uniti-va *).

Базаръ продолжалъ медлительно кишѣть разноплеменной толпой и рокотать разноплеменнымъ говоромъ, между тѣмъ какъ вѣтеръ шевелилъ складки знамени съ бѣлой струящейся надписью. Къ дверямъ подходили отъ времени до времени то осторожно-любопытный болгаринъ, то широколицый бородатый липованъ, съ лукавой усмѣшкой, то высокій турокъ въ красной фескѣ и широкихъ штанахъ... Больше всего было, конечно, городскихъ ремесленниковъ, въ пиджакахъ и даже порой крахмальныхъ сорочкахъ. Они входили увѣренно и поощряли деревенскихъ обывателей, робко подымавшихся по широкой лѣстницѣ и оглядывавшихся въ залѣ съ видимымъ сомнѣніемъ: для нихъ ли, полно, приготовлены эти стулья?

Я вошелъ тоже, и вскорѣ конференція началась. Первымъ говорилъ Катріанъ,—говорилъ быстро, такъ что мнѣ трудно было услѣдить за его румынской рѣчью, въ которой, однако, бойко мелькали знакомые термины: прибавочная стоимость... борьба классовъ. Затѣмъ выступили prieteni studenti,—изящно одѣтые, чистенькіе молодые люди, пріѣхавшіе сюда попробовать свои ораторскія силы. Они говорили о землѣ и земельномъ законѣ, жестикулировали и повышали голосъ, съ пафосомъ громя „буржуазное“ правительство... Румынъ полицейскій, фигура почти партикулярнаго вида, сохранялъ безмолвіе и неподвижность статуи. Молодые ремесленники съ магалы (предмѣстія) апплодировали и кричали браво. Деревенскіе слушали въ загадочно-суровомъ молчаніи... По окончаніи конференціи они такъ же молча разошлись по базару, а потомъ разъѣхались по шляхамъ, унося „новое слово“ въ такія же молчаливыя поля, охваченныя горизонтомъ, на которомъ нигдѣ не видно было ни высокихъ фабричныхъ трубъ, ни многоэтажныхъ корпусовъ съ рядами оконъ. Поля, поля... села съ домами изъ дикаго камня, крытые очеретомъ, виноградники,

*) Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь.

гарманы со слѣдами молотьбы... И степной вѣтеръ, который старательно гонитъ въ невѣдомую даль сухое перекати-поле...

А еще недавно у катріановскаго клуба была пора расцвѣта и головокружительнаго успѣха.

Тульча — бойкая дунайская пристань, въ которую заходятъ даже большія морскія суда. Капитаны этихъ судовъ обращались для разгрузки и нагрузки къ ватафамъ, посредникамъ, которые поставляли имъ нужное количество грузчиковъ за изумительно низкую плату. Ватафъ бралъ себѣ львиную долю; хамалы, темные и живописные разноплеменные люди, сгибаясь подъ тяжестью, таскали огромные кули, смиренно получали ничтожную плату, пропивали ее въ дешевыхъ шинкахъ и корчмахъ, а потомъ сидѣли или лежали на береговыхъ откосахъ, ожидая новой работы.

Такъ просто и колоритно сложились на румынскомъ берегу Дуная взаимныя отношенія „иностраннаго капитала и мѣстнаго труда“, пока на нихъ не обратились зоркіе молодые глаза домну Катріана и его товарищей. Вскорѣ въ газетахъ появились бойкія статьи о „судовомъ промыслѣ“, и соціалисты совали ихъ въ руки неповоротливымъ хамаламъ. Дюжіе широкоплечіе геркулесы въ лохмотьяхъ стали появляться на конференціяхъ и жадно слушали разъясненія о „прибавочной стоимости“, попадавшей въ карманы ватафовъ. Эту сторону дѣла они поняли скоро.

Въ одинъ прекрасный день въ Тульчѣ разразилась стачка грузчиковъ. Огромный морской пароходъ загудѣлъ, описалъ огромный кругъ и присталъ къ дамбѣ. Ватафы забѣгали по набережной сгонять грузчиковъ, но хамалы спокойно сидѣли на откосахъ, курили трубки и философски глядѣли на пароходъ, какъ сторонніе зрители. Съ ватафами они не желали имѣть никакого дѣла, а капитану объявили, что пойдутъ работать не иначе, какъ за удвоенную плату. Пароходъ стоялъ, пыхтѣлъ, гудѣлъ и ушелъ кверху, къ Галацу, не разгруженный.

Неожиданная стачка поразила всю страну. О ней писали въ газетахъ, говорили въ парламентѣ. Консервативные органы требовали вмѣшательства власти. Соціалисты и либералы возражали, что было бы странно штыками принуждать румынскихъ подданныхъ работать на иностранцевъ дешевле, чѣмъ тѣ же капитаны платятъ за границей. Положеніе становилось напряженнымъ. Ватафы пробовали замѣнить профессіональныхъ грузчиковъ всякимъ сбродомъ. Къ приходу пароходовъ выходили на берегъ солдаты. Катріанъ и клубисты употребляли всѣ усилія. чтобы не допустить столкновенія.

Грузчики держались образцово, спокойно наблюдая, какъ непривычные штрейкбрехеры роняли въ воду тюки. Однажды грекъ ватафъ, юркій, тщедушный и горячій, выведенный изъ терпѣнія философскимъ спокойствіемъ своихъ недавнихъ рабовъ, ударилъ по щекѣ гиганта-албанеса или турка. Тотъ вздрогнулъ, но, помня наставленія, удержался и только сталъ озираться кругомъ съ видомъ такого комическаго недоумѣнія, что берегъ огласился хохотомъ, а для вмѣшательства полиціи и властей всетаки не оказалось повода.

Стачка была выиграна. Иностраннымъ капитанамъ пришлось впервые отмѣтить въ расходныхъ книгахъ плату тульчанскимъ грузчикамъ въ такихъ же размѣрахъ, какъ и австрійскимъ. Катріанъ на нѣкоторое время сталъ знаменитостью и рѣшилъ расширить поле своей агитаціи.

На среднемъ гирлѣ Дуная, у впаденія его въ море, стоитъ Сулинъ. Его длинный волноломъ вдается далеко въ море, вглядываясь по вечерамъ въ туманныя морскія дали послѣдними огнями Европы. На взморьѣ стоитъ огромное зданіе европейской коммиссіи, регулирующей дунайскую навигацію. Тутъ превосходная набережная, электрическое освѣщеніе, музыка, туалеты прямо изъ Парижа. А немного въ сторонѣ, въ жалкихъ переулкахъ, прижавшихся къ дунайской плавнѣ и часто заливаемыхъ болотной водой,—лихорадки, грязь, нищета и лохмотья. На косѣ, обмываемой Дунаемъ и взморьемъ — блескъ европейской культуры встрѣчается какъ будто съ задворками Азіи.

Въ одинъ прекрасный день сюда явился домну Катріанъ въ своей черной парѣ, съ узловатой дубинкой и беззаботно самоувѣреннымъ видомъ. Вечеромъ онъ расхаживалъ съ нѣсколькими молодыми ремесленниками по набережной у европейской коммиссіи, жестикулируя и громко излагая свои идеи. На слѣдующій день нанялъ помѣщеніе, а на третій объявилъ властямъ, что сегодня онъ открываетъ собранія рабочаго клуба. Съ утра красное знамя, съ сакраментальнымъ призывомъ къ пролетаріямъ всѣхъ странъ, впервые развернулось въ Сулинѣ.

Румынія—страна противорѣчій и неожиданностей. Наряду съ свободнѣйшей конституціей деревенская масса темная и забитая, отъ которой, какъ отъ ледяной глыбы, вѣетъ на всю страну темнотой и безправіемъ. Это даетъ просторъ для яркихъ контрастовъ свободы и произвола, особенно на добруджанской окраинѣ. Въ Сулинѣ въ то время префектомъ былъ человѣкъ цѣльнаго темперамента, кажется, выходецъ изъ Бессарабіи, мало читавшій газеты, еще меньше придававшій

имъ значенія, привыкшій на своей косѣ любезничать съ Европой и не церемониться съ домашними. Узнавъ, что какой-то сапожникъ изъ Тульчи вывѣсилъ „красное знамя“, префектъ распорядился просто: двое полицейскихъ въ самомъ началѣ „конференціи“ безцеремонно схватили оратора и повлекли его въ кутузку, гдѣ и заперли впредь до распоряженія. А съ распоряженіемъ префектъ не торопился. Вечеромъ онъ беззаботно игралъ съ европейцами въ карты, забывъ и думать о такомъ пустякѣ, какъ сапожникъ въ кутузкѣ.

Въ Сулинѣ все шло по старому: горѣло на косѣ электричество, звенѣлъ надъ морской гладью оркестръ, гуляла нарядная публика. Надъ плавней висѣла меланхолическая луна, заглядывавшая и въ узкій переулокъ, гдѣ изъ-за рѣшетки виднѣлось блѣдное лицо Катріана. Но вотъ изъ густой тѣни вынырнули двѣ фигуры. Это молодые представители сулинскаго рабочаго класса прокрались, чтобы навѣстить своего апостола въ темницѣ. Такъ, вѣроятно, много вѣковъ назадъ молодые іудеи подходили къ римской каталажкѣ, гдѣ сидѣлъ апостолъ Петръ. Катріанъ тотчасъ же подозвалъ ихъ и выбросилъ въ окно листокъ бумаги. Это была телеграмма. Телеграфъ—учрежденіе европейское, дѣйствующее независимо отъ взглядовъ префекта. Щеголеватый телеграфистъ съ любопытствомъ прочелъ текстъ, усмѣхнулся и сдалъ въ аппаратъ. Аппаратъ застучалъ, и слова побѣжали по проволокѣ черезъ пустынныя плавни. На слѣдующій день соціалъ-демократическая газета „Новый міръ“ (Lumea nova) появилась съ телеграммой изъ Сулина и съ громовой статьей о грубомъ нарушеніи консервативной администраціей основныхъ законовъ страны. Къ вечеру всѣ вечернія прибавленія либеральныхъ газетъ ударили въ набатъ.

Въ сущности то, что сдѣлалъ сулинскій префектъ, въ Румыніи не такая ужъ рѣдкость и при другихъ обстоятельствахъ легко сходитъ съ рукъ. Но не всегда. И въ этомъ „не всегда“ можетъ быть пока заключено все значеніе такихъ неокрѣпшихъ конституцій. Рѣшительный поступокъ сулинскаго „бессарабяна“ совпалъ съ назрѣвавшимъ кризисомъ. Консерваторы начинали колебаться. Всякій ихъ шагъ подвергался страстной и придирчивой критикѣ, а король Карлъ начиналъ подумывать, не пора ли ему опять выступить въ роли конституціоннаго акушера, содѣйствующаго родамъ новаго политическаго курса. И вотъ, въ такую минуту всѣ либеральныя газеты бурно накинулись на „вопіющій произволъ“ сулинскаго префекта.

Первый же верховой пароходъ выкинулъ на улицы Сулина эту бурливую волну газетнаго негодованія. Префектъ уже ранѣе получилъ суровый запросъ отъ министра. Требовали оффиціальнаго опроверженія...

Безпечный администраторъ схватился за голову и немедленно командировалъ коммиссара, чтобы выпустить Катріана. Коммиссаръ пришелъ съ страннымъ извѣстіемъ, что Катріанъ не идетъ. Требуетъ составленія протокола. Пробовали удалить силой. Оказываетъ сопротивленіе и хватается за рѣшетки. У оконъ собирается толпа.

Пришлось составить протоколъ, и только тогда, подписавъ бумагу, Катріанъ вышелъ изъ каталажки, встрѣченный восторженными криками „ура“. На слѣдующій день клубъ былъ торжественно открытъ, при чемъ, наряду съ черными отъ угля блузами грузчиковъ, виднѣлись модные рединготы и парижскія шляпки, а ближайшая почта принесла извѣстіе объ отставкѣ префекта. Падающее министерство успѣло еще выместить досаду на неловкомъ администраторѣ, не сумѣвшемъ обойтись болѣе „тактично“.

Въ Сулинѣ, конечно, тотчасъ же разразилась стачка грузчиковъ и, какъ пожаръ полосой соломы, забастовки пробѣжали по всему Дунаю отъ Сулина до Галаца и Браилы... Казалось, молодой румынскій соціализмъ растетъ по часамъ и готовъ побѣдно охватить всю страну. Либеральное министерство и печать въ свою очередь стали задумываться надъ „грознымъ движеніемъ“. Но вскорѣ оно такъ же неожиданно упало, какъ поднялось. Грузчики добились своего и съ этихъ поръ, кажется, плата въ этой отрасли никогда уже не падала до прежняго уровня. Но затѣмъ пожаръ, поглотивъ весь наличный горючій матеріалъ, угасъ на рубежахъ широкихъ степей, съ ихъ нивами, виноградниками и очеретяными крышами. Даже неблагодарные грузчики, добившись своего, перестали ходить на конференціи, предпочитая имъ собственныя конференціи за графинами дешеваго вина, въ корчмахъ или просто на открытомъ берегу Дуная... Молодой соціализмъ, напугавшій всѣхъ своимъ богатырскимъ ростомъ, умиралъ у предѣловъ неподвижной и загадочной земледѣльческой степи.

Тогда Катріанъ, живой и дѣятельный, сталъ обращать глаза въ сторону этой невѣдомой деревни и думать о пробужденіи „правового сознанія“ въ неповоротливыхъ тяжелодумныхъ мужичьихъ головахъ.

Вотъ почему онъ охотно принялъ предложеніе доктора ѣхать въ полудикую „Русскую Славу“, чтобы толковать съ липованами о вопросахъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ

классовой борьбой, ни съ прибавочной стоимостью въ капиталистическомъ производствѣ.

Я рѣшилъ присоединиться къ нему, чтобы посмотрѣть на мѣстѣ моихъ земляковъ липованъ изъ „Русской Славы“.

IV.

Лука и его жена.

Я не знаю, какъ пѣли пѣвцы древней Эллады. Знаю только, что нѣтъ ничего ужаснѣе современнаго греческаго пѣнія. Образчики этой ново-греческой гармоніи перешли въ нѣкоторые наши монастыри въ видѣ аѳонскаго столпового напѣва. Это хоровой крикъ въ унисонъ, нескладный и дикій, устраняющій всякую грѣховную прелесть мелодіи и рождающій суровую идею о вопляхъ грѣшниковъ въ аду.

Въ узенькомъ переулкѣ, какъ разъ противъ квартиры доктора, у котораго я гостилъ въ Тульчѣ, помѣщался маленькій греческій ресторанчикъ, въ которомъ порой отъ заката солнца до восхода происходили греческія оргіи. Тульча городъ музыкальный, да и вообще румынскіе города лѣтомъ наполнены пѣніемъ и порхающими звуками оркестровъ. Но все это обыкновенно стихаетъ около полуночи. Только ново-греческая муза почему-то оказывалась въ то время совершенно неугомонной. Можетъ быть, это совпало съ какими-нибудь экстренными успѣхами въ торговлѣ, и греки праздновали ихъ усиленными возліяніями, но только цѣлыя ночи напролетъ изъза старенькаго забора съ запыленными акаціями неслись такіе ни съ чѣмъ несравнимые звуки, что сосѣди обратились, наконецъ, къ городскимъ властямъ. Поэтому временами, когда музыкальный восторгъ грековъ достигалъ высшихъ предѣловъ, къ садику, насквозь пропахшему ароматомъ вина, пива и амміаку,—подходилъ полицейскій, стучалъ по забору своей палочкой и говорилъ печально-снисходительнымъ голосомъ:

— Poftim, domnilor! Poftim! (пожалуйста, господа, пожалуйста).

Греки стихали, но не надолго. Черезъ нѣкоторое время пьяные голоса опять заводили свою какофонію, сначала осторожно, потомъ громче и громче. Надъ нестройнымъ хоромъ, грохотавшимъ, какъ начинающійся приливъ на каменистомъ берегу, взлетало рѣзкое женское сопрано, и за нимъ крикъ мужскихъ голосовъ, подобный реву цѣлаго стада буйволовъ, опрокидывался на переулокъ. А такъ какъ при этомъ, отказавъ грекамъ въ тонкости слуха, природа наградила ихъ необыкновенной силою легкихъ, то ихъ пѣніе вы-

летало далеко за предѣлы переулка и неслось надъ спящимъ городомъ за рѣку. Опять раздавался стукъ палочки и голосъ полицейскаго, казавшійся теперь особенно музыкальнымъ.

— Domnilor... Poftim, domnilor... La ora asta e interzis*).

Впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду, повидимому, не столько практическіе результаты, сколько удовлетвореніе общественнаго мнѣнія... Безсонные сосѣди получали пріятную увѣренность, что власть дѣлаетъ съ своей стороны, что можетъ, хотя это выходило еще хуже. Едва я привыкалъ, наконецъ, къ неистовому реву и начиналъ забываться,—стукъ палочки и голосъ полицейскаго вносилъ новую ноту и прогонялъ чуткій сонъ. Поэтому я искренно обрадовался, когда въ концѣ переулка послышалось дребезжаніе кованыхъ колесъ по круглымъ булыжникамъ мостовой. Это ѣдетъ Лукашъ, со своею каруцой, на которой мы съ Катріаномъ отправимся въ „Русскую Славу“.

Я открываю окно и выглядываю наружу. Уже разсвѣло. Въ перспективѣ переулка подкатывается къ намъ каруца, запряженная парой крѣпкихъ лошадей. На козлахъ сидитъ человѣкъ лѣтъ тридцати въ толстомъ широкомъ пиджакѣ, подъ которымъ виднѣется шитая рубашка и красный шерстяной поясъ. На головѣ барашковая шапка. Лицо загорѣлое и сквозь загаръ проступаетъ румянецъ. Волосы черные, глаза тоже черные, не быстрые, скорѣе медлительные, задумчивые и глубокіе. Въ чертахъ какая-то грубоватая печальная мягкость. „Каруца“ останавливается у нашихъ воротъ.

Въ ней сидитъ женщина, одѣтая на половину по деревенски. Платье на ней слишкомъ широко и обвисаетъ складками. Голова повязана простымъ платочкомъ, изъ-подъ котораго глядитъ худое, истомленное и истонченное страданіемъ молодое лицо. Въ черныхъ глазахъ усталость и какая-то особенная печаль.

Лука кладетъ бичъ, заматываетъ возжи и немного неуклюже, съ медвѣжеватой манерой слѣзаетъ на мостовую. Подходитъ къ воротамъ, пробуетъ калитку и, поднявъ глаза кверху, видитъ меня въ окнѣ.

— Чи май фаче (здравствуйте),—говоритъ онъ по румынски и потомъ спрашиваетъ:

— Докторъ хибà еще спитъ?

— Скоро встанетъ.

---

*) Въ эти часы пѣть запрещено.

— Ну, хорошо. Вы отоприте фортку (калитку)... Я вотъ тутъ бабу свою привезъ. Больная, такъ къ доктору.

Я наскоро одѣваюсь, сбѣгаю внизъ и открываю калитку. Лука подходитъ къ сидѣнію, останавливается около и говоритъ: „ну“... Худая женская рука ложится ему на плечо. Лука сразу сильнымъ и осторожнымъ движеніемъ подымаетъ женщину на руки. Я подхожу ближе, чтобы помочь ему, но это оказывается лишнимъ: онъ уже держитъ ее, какъ ребенка. Блѣдное лицо молодой женщины лежитъ на его плечѣ съ трогательной улыбкой страданія и нѣги.

Пѣніе греческаго хора уже смолкло. Стучитъ калитка, и греческая компанія выходитъ на улицу. Дюжія крѣпкія фигуры, нѣсколько сутулыя спины, загорѣлыя лица, глядящія исподлобья. Изъ-подъ черныхъ шляпъ выбиваются впередъ матово-черные волосы. На одномъ—круглая шапочка съ галунами. Это юноша, почти мальчикъ. За нимъ появляется и пѣвица. Ея бѣлое лицо съ русыми волосами выдѣляется, точно свѣтясь, среди черныхъ, какъ головешки, грековъ. Глаза у нея голубые, большіе и выразительные. Ночь кутежа какъ будто совсѣмъ не отразилась на ихъ блескѣ.

Увидѣвъ Луку съ больной женщиной на рукахъ, она на мгновеніе останавливается, какъ будто въ легкомъ испугѣ. Крѣпкая, пышущая здоровьемъ фигура ея обрисовывается съ какой-то особенной кричащей пластичностью, а выраженіе испуга смѣняется насмѣшливой наглостью. Она вся подается впередъ, вглядывается съ жаднымъ любопытствомъ, говоритъ что-то вполголоса и смѣется. Греки тоже останавливаются и съ пьяной тупостью смотрятъ на Луку, который быстро поворачивается и несетъ жену на крутую панель, потомъ по двору и вноситъ въ пріемную доктора. Это собственно застекленныя сѣни, съ неприхотливой мебелью. Легко, какъ перышко, онъ усаживаетъ больную на диванъ, подкладываетъ подушки и вздыхаетъ глубоко и тяжело, хотя, казалось, ноша не стоила ему особеннаго усилія. Потомъ поворачивается и тихо уходитъ. Женщина раскрываетъ усталые глаза и смотритъ ему вслѣдъ. Въ этихъ глазахъ видна жалость не къ себѣ, а къ этому человѣку, пышущему здоровьемъ и силой.

Онъ привезъ ее къ доктору и оставитъ здѣсь. Черезъ часъ, когда мы уѣдемъ, за нею пріѣдетъ Ѳедоръ, городской „биржаръ“, большой пріятель Луки. Онъ такъ же бережно возьметъ ее на руки и отвезетъ за городъ, гдѣ у Луки домъ и хозяйство. По городу Лука не ѣздитъ. Онъ пашетъ землю и гоняетъ почту. Теперь онъ повезетъ насъ въ „Русскую Славу“, такъ какъ этого хочетъ докторъ.

Лука—„хохолъ“. Это названіе довольно употребительно въ Добруджѣ, въ отличіе отъ старообрядцевъ, великороссовъ и потомковъ некрасовцевъ. Предки Луки вышли изъ Запорожья, послѣ „зруйнованія“ днѣпровской Сѣчи и поселились сначала въ австрійскихъ предѣлахъ на Дунаѣ. Потомъ спустились въ низовья, заняли южное кытерлезское гирло, выбили некрасовцевъ, которые ушли въ Анатолію, а сами разселились затѣмъ по Добруджѣ, не смѣшиваясь ни съ румынами, ни съ липованами. Дома съ отцомъ, братомъ и женой Лука говоритъ на чистомъ украинскомъ языкѣ. Для внѣдомашняго употребленія у него есть своеобразное обще-добруджанское „руснацкое“ нарѣчіе. Въ немъ формы русскихъ глагольныхъ окончаній смягчены по украински и, кромѣ того, вошло не мало румынскихъ и турецкихъ словъ и оборотовъ. Этотъ особый смѣшанный, наивно неправильный говоръ—результатъ междуплеменнаго лингвистическаго компромисса, слышится часто въ пестрой толпѣ добруджанскихъ базаровъ и вообще надъ Дунаемъ. Его кажется выработали липоване въ періодъ своихъ передвиженій черезъ Стародубщину и Буковину и за время пребыванія въ Добруджѣ. Напоминаетъ онъ отчасти и то испорченное русское нарѣчіе, которое можно слышать въ Херсонщинѣ и около Одессы и которому, кто еще знаетъ, какая роль предстоитъ въ судьбахъ нашего языка...

Лука выходитъ опять къ лошадямъ. Я за нимъ. Остановившись за воротами, онъ кидаетъ быстрый взглядъ вдоль переулка, какъ будто кого ищетъ. Лицо Луки печально и нѣсколько угрюмо. Онъ взволнованъ. Можетъ быть, судьбой этой хрупкой больной женщины, можетъ быть, еще чѣмъ-нибудь. Его наивные черные глаза слегка затуманены.

Въ переулкѣ просыпается движеніе: надъ заборомъ садика появляется туча пыли, открывается калитка, и блѣдный кельнеръ, не спавшій всю ночь, выбрасываетъ на улицу соръ, клочки бумаги и осколки стекла. Турокъ Измаилъ, высокій съ красивыми умными глазами, открылъ свою cafeana (кофейню). Глаза его тоже тумапны: всю ночь онъ толокъ въ деревянной ступѣ кофейныя зерна. Онъ гордится тѣмъ, что никто лучше его не умѣетъ приготовить чернаго кофе, и, кажется, видитъ въ этомъ свое назначеніе.

Мы съ Лукой подходимъ къ нему первыми. Онъ кланяется, выноситъ маленькій столикъ и два стула и ставитъ на узкомъ тротуарѣ. Мальчишка въ фескѣ подаетъ кофейникъ и двѣ крошечныя чашки. Лука беретъ одну изъ нихъ своею загорѣлой грубой рукой. Османъ становится въ дверяхъ, опершись о притолку, и смотритъ на Луку сочув-

ственнымъ взглядомъ. Онъ видѣлъ, что Лука привезъ больную жену.

— Болѣзнь и здоровье отъ Бога, — говоритъ онъ по румынски своимъ глубокимъ пріятнымъ голосомъ.

Лука ставитъ чашку на столъ, какъ будто обдумывая то, что сказалъ турокъ, и потомъ говоритъ мнѣ:

— Етой турокъ, господинъ Владиміръ, дарма што невѣрный. Ну, справедливый человѣкъ. А бѣдный... Работаетъ, работаетъ, а денегъ у себя не имѣетъ.

Османъ нѣсколько понимаетъ распространенное въ Добруджѣ „руснацкое“ нарѣчіе и говоритъ опять:

— Богатство и бѣдность тоже отъ Бога.

Лука киваетъ головой.

— Ну, и ето опять правда... А почему Богъ такъ дѣлаетъ, что однымъ даетъ счастье, другимъ не даетъ... Етого тоже никто не можетъ знать.

— Аллахъ одинъ все знаетъ... Самъ дѣлаетъ, самъ и знаетъ.

— Правда! Вотъ у мене баба. Молодая, ну, хворая. Отчего хворая? Отъ работы. Надорвалась, глупая. Теперь страдаетъ. И я съ нею.

— Богъ велитъ людямъ терпѣть.

— Терплю. Докторамъ однимъ сколько переплатилъ. Возьмите себѣ усё. Лошади у мене, — продамъ! Двѣ каруцы. И каруцы продамъ. Домъ... выдѣлюсь отъ отца, тоже продамъ. Все себѣ возьмите, только сдѣлайте такъ, чтобъ была она здоровая. Будетъ здоровая, возьму ее за руку, пойдемъ у двоихъ по свѣту новой доли шукать... Лѣчили. Деньги брали. Много. Не помогли.

— Докторъ нѣ...—пытается Османъ выразить свою мысль по русски.—Думне-зеу... Аллàхъ.

Для бо̀льшей вразумительности турокъ торжественно показываетъ на небо.

— Аллахъ значится по ихнему Богъ. Думне-зеу, — ето опять Богъ по румынски, — поясняетъ мнѣ Лука. — Хорошо. Богъ! Ето правда. Значитъ не надо лѣчить?

— Ну-й треба (не нужно), — говоритъ турокъ убѣжденно.

— Ну, ето брехня,—говоритъ Лука въ раздумьи.—Когда бы не лѣчилъ, давно бы въ могилѣ была... Вотъ я вамъ, господинъ Владиміръ, скажу, какъ ето было. Рамуны лѣчили, лѣчили, нѣтъ пользы. Какъ тутъ пріѣзжаетъ русскій докторъ. У Букарештахъ былъ. Вернулся. Приходитъ ко мнѣ, осмотрѣлъ ее... — „Слушай ты, что я тебѣ буду говорить: хочешь ты, чтобы жива осталась?“ — Хочу. — „Вѣрно, гово-

рить, хочешь? Помни: работница она тебѣ не будетъ".—Ето ничего не значыть. Хочу я, чтобъ была живая. Чтобъ дышала, глядѣла на свѣтъ. Чтобъ зо мною говорила. Больш ничего не надо...—„Ну, хорошо. Вызову я, говорить, одного тутъ доктора изъ Букарештовъ. Рамунъ молодой. Онъ изъ нея хворь вынеть".

Лука залпомъ выпиваетъ остывшій кофе, задумывается подъ сочувственнымъ взглядомъ Османа, потомъ продолжаетъ. Въ голосѣ и глазахъ его печаль и точно удивленіе. Какъ будто онъ разсказываетъ странный нелѣпый сонъ.

— Привезъ. Посмотрѣли. Рѣзать надо (Османъ чмокаетъ губами и неодобрительно мотаетъ головой). Когда бы не докторъ Александръ Петровичъ, не далъ бы. Ну, рѣзали. Потомъ зашили. Александръ Петровичъ, можетъ, ночей пять не спалъ.—„Ну, говори, дуракъ, слава Богу. Живая будеть, на ноги встанеть". Я заплакалъ! „Бери теперь у мене усё". А онъ говорить: „Дуракъ ты. Корми лучше больную бабу. Она не работница. Ничего не надо".

Лука поднимаетъ на меня свои черные глаза, въ которыхъ неподвижно стоитъ растроганность, печаль, недоумѣніе, и заканчиваетъ съ какой-то особенной силой внутренняго одушевленія:

— Я ему говорю: слухай, Александръ Петровичъ. Что ты за человѣкъ, я не знаю. Ну, только скажи ты мнѣ, пока я живой: Лука, лѣзь у воду. Богомъ клянусь: полѣзу. Скажешь, иди, Лука, у огонь. Слова не скажу, у огонь пойду. Помни: я теперь твой человѣкъ до самой смерти.

Онъ поднимается, смотритъ вдоль переулка помутившимся взглядомъ, потомъ говоритъ:

— Катріанъ не йдёть. А вы, господинъ Владиміръ, пеленкў *) со мною выпьете? Не хочете? Оно и правда: спозаранку не хорошо. А я... выпью.

Улица густо усѣяна пивными. Лука направляется къ гостепріимно открытой двери, надъ которой виднѣется вывѣска: „Birt iconomic. Vin si bere". Хозяинъ Николаки встрѣчаетъ его съ почтительной радостью. Напротивъ другая пивная Георгія, гдѣ тоже есть vin si bere (вино и пиво). Прежде Лука посѣщалъ Георгія, но хитрый шинкарь и вмѣстѣ ростовщикъ разъ ухитрился взыскать съ простодушнаго Луки двойныя деньги по векселю. Лука заплатилъ и съ тѣхъ поръ къ нему ни ногой. Плохая месть за 200 франковъ, но по лицу Георгія видно, что въ немъ кипитъ желчь при видѣ своего посѣ-

*) Пеленокъ—мѣстное вино съ полынью. Считается полезнымъ отъ лихорадки.

тителя въ заведеніи противника. Лука заказываетъ графинъ за графиномъ. Пить онъ можетъ много, и это бываетъ замѣтно только въ его рѣчи: постоянная задумчивая меланхолія принимаетъ въ такихъ случаяхъ торжественный оттѣнокъ: говоритъ онъ еще медленнѣе, протяжнѣе, съ паузами, слегка нараспѣвъ.

Въ концѣ переулка появляется фигура домну-Катріана. Въ одной рукѣ у него бѣлый узелокъ, въ другой — палка. Славное свѣжее утро, повидимому, бодритъ его: онъ идетъ размашистымъ шагомъ и повременамъ ударяетъ своей суковатой палкой по булыжникамъ. Ему, кажется, доставляетъ удовольствіе звонкій лязгъ, отдающійся отъ каменныхъ стѣнъ. Онъ видитъ ожидающихъ лошадей, оглядывается кругомъ и быстро входитъ во дворъ. Я расплачиваюсь съ туркомъ и иду за Катріаномъ. Застаю его въ передней. Онъ съ особенной дружественной галантностью жметъ руку женѣ Луки и говоритъ ей по румынски комплименты. На блѣдномъ лицѣ молодой женщины выраженіе застѣнчиваго любопытства. Она смотритъ на молодого человѣка съ выраженіемъ интереса, какъ на рѣдкій для нея экземпляръ человѣческой породы...

Черезъ десять минутъ, готовый ѣхать, я выхожу изъ комнаты. Больная спитъ, откинувъ на подушки блѣдное лицо. Лука стоитъ въ дверяхъ и смотритъ на нее. Лицо его еще болѣе покраснѣло, можетъ быть, оттого, что онъ выпилъ у Николаки съ Катріаномъ. Въ глазахъ особенное выраженіе. Увидѣвъ меня, онъ отворачивается, будто слегка застыдившись, и говоритъ тихо:

— Будемъ ѣхать...

Катріану нужно было еще заѣхать на магалу (предмѣстье, окраина города) надъ Дунаемъ, чтобы отдать заказъ, надъ которымъ онъ просидѣлъ почти всю ночь. Поэтому мы поворачиваемъ къ рѣкѣ и ѣдемъ берегомъ. Европейская коммиссія, регулирующая русло Дуная, производитъ тутъ какія-то работы. Берегъ оживленъ: каменщики стучатъ молотами, пильщики работаютъ между штабелями лѣса. Солнце кидаетъ вдоль берега густые золотые лучи, и на рѣкѣ сверкаютъ тѣла купальщиковъ.

— Теперь налѣво,—говоритъ Катріанъ. Но Лука будто не слышитъ и гонитъ лошадей прямо по насыпи; лошади бѣгутъ быстро, а Лука подергиваетъ возжами.

Невдалекѣ, у самой насыпи, я замѣчаю знакомую пару: бѣлокурую пѣвицу, выходившую утромъ изъ греческаго садика, и молодого грека. Она идетъ безъ платка, подставляя солнечнымъ лучамъ свои бѣлокурые мокрые волосы. Они, оче-

видно, только-что выкупались въ Дунаѣ. Увидѣвъ Луку, она остановилась у насыпи, удержавъ за руку и своего спутника. Когда мы были близко, она подняла свое красивое лицо съ мягкими округленными чертами и сказала на-встрѣчу Лукѣ румынскую фразу:

— De ce ai dus mostele la doctorul... Du le la cimitir...

Фраза была сказута съ такимъ невиннымъ видомъ, въ лицѣ было столько красиваго, привѣтливаго расположенія, что я не сразу понялъ ея оскорбительный смыслъ. Лаская Луку взглядомъ голубыхъ глазъ, красивая дѣвушка спрашивала, зачѣмъ онъ привезъ къ доктору „мощи", и совѣтовала свезти ихъ на кладбище...

Наша коляска вдругъ дрогнула и качнулась. Мнѣ показалось, что мы летимъ подъ откосъ и что Лука уже наполовину свалился. Но это было только мгновеніе. Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ Лука наклонился съ козелъ и взмахнулъ бичомъ. Что-то рѣзнуло воздухъ, коляска опять выровнялась и тихо покатилась по насыпи. Лука оглядывался, повернувъ смуглое лицо, съ странно внимательными глазами.

Я тоже оглянулся. Молодой грекъ съ смѣшнымъ выраженіемъ стоялъ безъ своей шапки съ галуномъ, которая лежала въ пыли, и держался за щеку. На полномъ плечѣ женщины виднѣлась полоса: плотно натянутый рукавъ былъ разрѣзанъ, точно ножомъ, разошелся и обнажилъ тѣло съ рѣзкимъ краснымъ рубцомъ.

Лука задержалъ лошадей. Лицо его было спокойно, въ глазахъ можно было замѣтить одно только любопытство. Онъ будто ждалъ чего... Но грекъ все съ тѣмъ же выраженіемъ испуга и недоумѣнія наклонился, поднялъ шапку и сталъ тщательно обтирать ее рукавомъ...

Лука мотнулъ головой и подобралъ лошадей. Но тутъ произошла новая неожиданность: едва молодой грекъ надѣлъ свою шапку, какъ женщина размахнулась, ударила его изо всей силы по щекѣ, такъ что звукъ разлетѣлся далеко по берегу, а сама опустилась на штабель бревенъ и заплакала. Плакала громко, жалобно, по дѣтски. Ея круглыя плечи вздрагивали, какъ у огорченнаго ребенка. И на лѣвомъ плечѣ проступала изъ рубца кровь...

— Кынеле гречяска (греческая собака), — пробормоталъ Лука про себя и повернулъ коляску тихо назадъ. Мы еще разъ проѣхали мимо этого мѣста. Грекъ имѣлъ видъ все еще изумленный. Это былъ почти мальчикъ, рослый и стройный... Онъ испуганно посторонился, услышавъ близко шуршаніе колесъ; женщина закрыла лицо руками и заплакала

еще сильнѣе... Когда каруца поровнялась съ нею, все ея большое красивое тѣло сильно дрогнуло, какъ будто она ждала новаго удара... Но она не посторонилась, только плачъ ея сталъ судорожнѣе: плакалъ уже не обиженный ребенокъ. Плакала женщина, сильная, чувственная и жестоко оскорбленная...

— Зачѣмъ вы это сдѣлали, Лука?—спросилъ я съ невольной досадой.

Лука не отвѣтилъ.

Катріанъ насупился и покачалъ головой...

Коляска въѣхала въ переулокъ предмѣстья, и берегъ Дуная исчезъ изъ нашихъ глазъ.

V.

На магалѣ.

Мы остановились у маленькаго крытаго черепицей дома. Тутъ же подъ навѣсомъ здоровенный бондарь, рослый, свѣтловолосый и курчавый, съ лицомъ славянскаго типа, набивалъ обручи на новую винную бочку. Увидѣвъ Катріана, онъ оставляетъ работу и кричитъ:

— Лилика! Лилика!

Красивая, маленькая румынка появляется на порогѣ дома. Катріанъ бережно съ самодовольнымъ видомъ вынимаетъ изъ платка пару новенькихъ лоснящихся ботинокъ, при видѣ которыхъ лицо Лилики вспыхиваетъ. Она закрываетъ лицо поднятой рукой и, глядя изъ-за локтя застѣнчиво восхищенными глазами, говоритъ:

— О, думне-зеу! Зачѣмъ такіе? Вѣдь дорого!

Дюжій бондарь самодовольно смотритъ то на свою крошечную жену, то на полусапожки съ круто выгнутыми каблуками, сверкающіе на солнцѣ чернотой и яркими бликами. Онъ беретъ одинъ изъ нихъ такъ осторожно, точно боится, чтобы онъ не разлетѣлся въ его грубыхъ рукахъ, и говоритъ съ оттѣнкомъ удивленія:

— И можетъ это прійтись на человѣческую ногу?..

— А вотъ, посмотримъ, — самодовольно говоритъ Катріанъ.—Poftim, cucoana (пожалуйте, сударыня)... Прошу примѣрить.

Женщина все съ тѣмъ же нерѣшительнымъ видомъ садится на опрокинутую кадушку и говоритъ:

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! это не годится... и очень дорого... И, навѣрно, не придется по ногѣ.

Какъ бы для того только, чтобы доказать, что *это* дѣйствительно не годится, она проворно снимаетъ старый баш-

макъ, стыдливо ставитъ его за кадушку и надѣваетъ новый. Ея маленькая нога въ черномъ полусапожкѣ становится на бѣлыя стружки.

— Точно вылито, смотрите, пожалуйста!—говоритъ она съ притворнымъ удивленіемъ и уже не можетъ оторвать глазъ отъ своей ноги. Катріанъ становится на колѣни, застегиваетъ, обглаживаетъ и начинаетъ хвастать: посмотрите подъемъ. Трудно найти другой такой въ Тульчѣ. Но надо также артиста, чтобы такъ обрисовать его. Ну, смотрите спереди, сбоку, сзади... Каково? А?

Бондарь доволенъ. Онъ искоса поглядываетъ на жену, которая на разные лады поворачиваетъ ногу, и его рука лѣзетъ въ карманъ.

— Ну, сколько же?—спрашиваетъ онъ.

Катріанъ поднимается съ колѣнъ. Лицо его становится серьезно.

— Доу-зѣчи де леу *), — говоритъ онъ небрежно. — Я вѣдь говорилъ уже...

Женщина испуганно вскидываетъ глазами на мужа и тихо стаскиваетъ башмакъ. Бондарь озабоченно сводитъ брови.

— Доу-зечи?..—повторяетъ онъ. — И не дорого это за такія маленькія штучки?.. Я за эти деньги долженъ сработать двѣ среднія бочки. Выпилить клепки, выстрогать, пригнать, набить обручи. Четыре дня работы, а то и больше. А ты ихъ сдѣлалъ въ два дня... Суди самъ, товарищъ, развѣ это справедливо?..

Бондарь посѣщаетъ clubul muncitorilor, слушаетъ конференціи Катріана и „пріетеней-студентовъ“ и теперь пытается примѣнить къ частному случаю формулы трудовой стоимости и обмѣна. Между ними начинается оживленный споръ, который я понимаю только отчасти, такъ какъ говорятъ по румынски. Катріанъ горячо говоритъ о „квалифицированномъ трудѣ“. Онъ увлекается, приводитъ примѣры, жестикулируетъ. На говоръ выходитъ сосѣдъ-столяръ и кузнецъ съ молотобойцемъ. Слушаютъ внимательно... Бондарь возражаетъ неувѣренно и слабо, потомъ хлопаетъ оратора по плечу и вынимаетъ кошелекъ. Онъ видимо доволенъ. Доволенъ маленькой женой, доволенъ башмаками, доволенъ, что онъ заказчикъ, что Катріанъ ждетъ отъ него уплаты, доволенъ, наконецъ, даровой конференціей, прочитанной здѣсь извѣстнымъ ораторомъ собственно для него. Довольны также и слушатели: каждый изъ нихъ нашелъ свое мѣсто въ строй-

*) Двадцать левовъ (франковъ).

ной теоріи, а это всегда радуетъ человѣка. При этомъ оказалось, что чистыхъ пролетаріевъ во всей компаніи только два: Катріанъ и молотобоецъ. Столяръ, кузнецъ и бондарь— мелкіе капиталисты и пропріетары... Болѣе всѣхъ, однако, довольна маленькая бондариха. Видя, что мужъ сдался и вынимаетъ деньги, она съ жадной быстротой хватаетъ ботинки, завертываетъ ихъ въ передникъ и убѣгаетъ, забывъ даже попрощаться...

Только Лука съ своихъ высокихъ козелъ смотритъ тяжелымъ взглядомъ. Можетъ быть, онъ вспоминаетъ, что у его жены такая же маленькая нога, что онъ могъ бы заказать ей такіе же полусапожки, и она такъ же радовалась бы, если бы была здорова.

VI.

Гора Денизъ-Тепе.

Тульча осталась назади. На гребнѣ возвышенности видны еще валы бывшей турецкой крѣпости, разрушенной послѣ берлинскаго договора. Послѣдніе слѣды владычества турокъ на берегахъ Дуная. По нимъ теперь ходятъ овцы, и фигура чабана долго рисуется, неподвижная въ чистомъ небѣ.

Становится жарко. Солнце высоко. По степи, не успѣвшей остыть за ночь, уже тянетъ опять теплый вѣтеръ. Четыре пары подковъ ровно стучатъ по твердой дорогѣ. Вдали, колеблясь, пробѣгаютъ пыльные вихри, падаютъ, встаютъ опять въ другомъ мѣстѣ, точно это пространство они пробѣгали невидимками... Съ отдаленнаго Дуная, затерявшагося у мглистаго горизонта, чуть слышно долетаетъ гудокъ парохода... Отъ молчаливаго волнистаго простора Добруджи вѣетъ смутными воспоминаніями, точно это встаютъ въ убаюканной памяти какіе-то сны, которые видѣли, можетъ быть, еще наши предки...

Все кажется сердцу странно знакомымъ и еще болѣе странно чужимъ. Это неуловимое, общее впечатлѣніе сопровождаетъ меня всюду въ моихъ скитаніяхъ по этимъ придунайскимъ степямъ...

Большое село какъ бы выползаетъ изъ оврага и, когда мы приближаемся, оно растетъ и ширится. Оврагъ раздѣляетъ его на двѣ части.

— Каталуй ето,—вяло говоритъ Лука, указывая кнутомъ.— На етой вотъ половинѣ, направо, тальяны живутъ...

И черезъ нѣкоторое время прибавляетъ:

— Откуда взялися—неизвѣстно... Давно живутъ.

За тальянами, въ Ени-кеѣ, живутъ болгары. Бѣленькая

привѣтливая кырчма отбѣжала отъ этого села къ самой дорогѣ. Стѣны ея сверкаютъ на солнцѣ и въ двери видна густая заманчивая тѣнь. Лука приворачиваетъ сюда, разнуздываетъ лошадей и подвязываетъ имъ мѣшки съ овсомъ. Намъ ставятъ столикъ въ тѣни, подаютъ вино и кашкавалъ (простой овечій сыръ). Я соблазняюсь зарисовать эту корчму, стоящую въ чистомъ просторѣ, безъ садика, безъ деревца, безъ тына. Пока я рисую, Лука наливаетъ мутноватое вино и каждый разъ чокается съ Катріаномъ. Потомъ требуютъ второй графинъ. Теперь наливаетъ Катріанъ и чокается первый. Лука разсказываетъ ему что-то медленно, серьезно, съ видомъ человѣка, который интересуется предметомъ, но не можетъ его понять. Катріанъ—слушатель экспансивный: онъ весь подался черезъ столъ, чмокаетъ губами (выраженіе крайняго вниманія) и порой издаетъ восклицанія. Говорятъ по румынски, но я улавливаю отдѣльныя фразы. Рѣчь идетъ о пѣвицѣ, которую Лука хлестнулъ кнутомъ. Никто не знаетъ, откуда она, кто ея родители. Привезъ ее какой-то нѣмецъ, который давно умеръ. Съ тѣхъ поръ перебывала во многихъ мѣстахъ. То появляется, то исчезаетъ. Знаетъ четыре языка: нѣмецкій, румынскій, греческій и немного руснацкій. Водится теперь съ греками, но сама не гречанка. Кажется, Лука считаетъ ее немного колдуньей и... самъ удивляется своей заинтересованности... Катріанъ презрительно смѣется... Закипаетъ какой-то споръ, но, когда я подхожу къ столу, Лука смущенно смолкаетъ... Онъ показываетъ мнѣ вдаль, гдѣ почти на горизонтѣ виднѣется синеватая цѣпь холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Она раздѣлена въ одномъ мѣстѣ переваломъ.

— Вотъ намъ куда надо: у етой дялъ будетъ лѣзть,—говоритъ Лука.—Далеко еще. Поздно выѣхали. Какъ бы дощъ не засталъ у балканахъ... *).

Опять ровный топотъ копытъ... Долго... Часы... Клонитъ дремота. Солнце перешло на другую сторону неба. Однообразная равнина начинаетъ волноваться. Въ одномъ мѣстѣ изъ-за близкаго горизонта мелькнула круглая верхушка горы. Мелькнула и скрылась и потомъ встала вся отъ вершины до подошвы огромнымъ курганомъ. Она будто бы выбѣжала сюда одна отъ далекихъ горъ и стала одиноко и сурово со своей тѣнью, какъ передовой стражъ, господствуя надъ равниной. Стучатъ копыта, каруца катится, гора растетъ. Зовутъ ее Денизъ-тепе,—можетъ быть, потурченное названіе горы Діониса, забредшаго далеко на сѣверъ въ страну варваровъ и

*) Балканы нарицательно—горы. Дялъ (deal)—долина, раздѣляющая горный кряжъ.

здѣсь одичавшаго эллинскаго бога... По сторонамъ ея широкимъ кругомъ, охватывающимъ гору, виднѣются, каждый со своею тѣнью, меньшіе курганы. Движеніе коляски производитъ странную иллюзію: кажется, что огромная и грузная гора стоитъ на мѣстѣ и только растетъ къ небу, а курганы передвигаются, обходятъ насъ стороной, охватываютъ, окружаютъ магическимъ кругомъ... Это—какъ будто старый лагерь... Ставки невѣдомыхъ вождей или маленькіе алтари вокругъ гигантскаго жертвенника... Отъ всей группы вѣетъ загадочной торжественностью, застывшею старою тайной...

Лука поворачиваетъ ко мнѣ, указываетъ кнутомъ и говоритъ:

— Етыя могылы, господинъ Владиміръ,—усё люди подѣлали... Народы какіе-то... А какіе народы, я не могу знать... И никто не знаетъ...

Потомъ, помолчавъ, прибавляетъ:

— Теперь отъ тыхъ народовъ не осталось, можетъ, ни одного человѣка... Нигдѣ на усёмъ свѣтѣ. Только однѣ могилы...

Есть въ этой простой фразѣ Луки и въ его глубокомъ голосѣ, когда онъ ее произноситъ, что-то особенное... Или это только мнѣ кажется потому, что мы уже въѣхали въ синюю тѣнь Денизъ-тепе. Сначала въ нее нырнули лошади, потомъ, зыбью пробѣжавъ по ихъ вздрагивающимъ спинамъ, она покрыла Луку и легкимъ вѣяніемъ холодка обдала наши лица. И кругомъ насъ сразу стало холоднѣе и печальнѣе. По бокамъ что-то осторожно шептала сухая степная трава, и чудились какія-то давнія времена, и странная ночь, и чуждое небо, и не нынѣшняя луна и звѣзды, и невѣдомые „народы“, собиравшіеся здѣсь для невѣдомыхъ дѣлъ. Для войны? Для мира? Для совѣта?.. И на этихъ мелкихъ курганахъ горѣли огни?.. А на вершинѣ совершалась тайна?.. Лилась жертвенная кровь? Гремѣли завѣты грознаго божества?.. И кругомъ во тьмѣ склонялись тысячи людей, въ молитвѣ и ужасѣ, и по склоненнымъ спинамъ пробѣгали трепетные отблески огней...

Катріанъ въ наивномъ удивленіи смотритъ на курганы. Онъ вздыхаетъ, качаетъ головой, и его рѣзкій голосъ вспугиваетъ обаяніе минуты.

— Ахъ, господинъ Володя (такъ онъ величаетъ меня по болгарской привычкѣ къ уменьшительнымъ именамъ). Какой народъ былъ глупый... Для чего потерялъ свой трудъ? Для чего потерялъ свой капиталъ?..

Я невольно улыбаюсь. Чѣмъ-то удивительно наивнымъ звучитъ этотъ возгласъ. Лука поворачивается, смотритъ на Катріана въ упоръ и говоритъ:

— Тебе не спытали...

— Мене спыталъ бы.—съ той же наивной простотой отвѣчаетъ Катріанъ,—я бы не позволялъ. Это есть одна глупость. Лучше строить школа, народнаго дворца, театра. Для чего столько земля таскалъ? Какой надобность столько земля таскать у одно мѣсто? Мало гора на свѣтѣ?..

Вопросъ поставленъ такъ ясно и просто, что Лука не находитъ возраженія и глубоко задумывается. Мнѣ чудится, что какія-то смутныя симпатіи связываютъ его простую душу съ тайной этого мѣста, гдѣ давно исчезнувшія поколѣнія оставили послѣ себя эти курганы и смутныя тѣни давно исчезнувшей вѣры. Но рѣзкій раціональный голосъ Катріана распугиваетъ смутныя ощущенія: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, таскать столько земли въ одно мѣсто?..

Отвѣтить Лука не умѣетъ. Онъ задумчиво покачиваетъ головой и гонитъ лошадей, чтобы онѣ поскорѣй унесли его отъ неразрѣшимаго вопроса...

VII.

Собственный цыганъ Луки.

На-встрѣчу, по дорогѣ, огибающей Денизъ-тепе, ползетъ возъ и скоро тоже ныряетъ въ тѣнь.

Это кочевая телѣга цыгана. Онъ идетъ впереди одинъ. Подъ навѣсомъ телѣги — его нехитрый скарбъ и, вѣроятно, семья. Далеко не доѣзжая до насъ, онъ торопливо сворачиваетъ съ дороги, останавливаетъ лошадь. Я съ удивленіемъ вижу, что онъ вытолкнулъ изъ-подъ навѣса чернаго лохматаго цыганенка, а другого, поменьше, взялъ за шиворотъ и волокетъ къ дорогѣ, по которой мы должны проѣхать. Тутъ онъ швыряетъ ребенка на шоссе и кидается самъ на землю. Всѣ трое лежатъ почти на серединѣ дороги...

Лука замедлилъ бѣгъ лошадей и сворачиваетъ въ сторону. Лошади осторожно пробираются краемъ, прижимаясь другъ къ другу, колеса сухо шуршатъ по щебню... На-встрѣчу намъ съ земли глядятъ съ страннымъ выраженіемъ три пары цыганскихъ глазъ, точно въ рамкѣ изъ матовыхъ черныхъ лохматыхъ волосъ... Поровнявшись съ ними, Лука тихо замахивается кнутомъ и покрываетъ всѣхъ ласково-шутливымъ ударомъ. Цыганы, точно по командѣ, приподнимаются на колѣни и начинаютъ порывисто кланяться вслѣдъ нашей тихо удаляющейся каруцѣ. А сбоку таинственно, серьезно и одобрительно смотритъ на эту картину загадочная гора Денизъ, окруженная своими курганами...

— Что это такое?—спрашиваю я съ удивленіемъ у Катріана. — Они просятъ милостыни?

Катріанъ пожимаетъ плечами:—Ну штіу (не знаю),—говоритъ онъ.—Че аста (что это), Лукашъ?

Лука стыдливо вытягиваетъ лошадей кнутомъ и говоритъ послѣ короткаго молчанія:

— Ето Янку... мой цыганъ.

— Зачѣмъ же онъ ложится на дорогу?

Лука нѣкоторое время молчитъ, думаетъ о чемъ-то.

— Такой у его обычай...—говоритъ онъ затѣмъ серьезно.—Моду себѣ такую узялъ. Какъ мене завидитъ, такъ сейчасъ и ляжетъ. И дѣтей покладетъ на шляхъ... Значыть: поѣзжай, Лука, черезъ мене, черезъ моихъ дѣтенковъ. Топчи копытами, ничего.

— Но зачѣмъ же?

— Такъ...

Онъ опять застѣнчиво смолкаетъ. Но потомъ, соображая, что мы въ недоумѣніи, говоритъ какъ-то неохотно и вяло:

— Ты, Катріанъ, знаешь, гдѣ тутъ за горою Европа Дунай ровняла и дорогу строила..

— Знаю.

— Ну, выкопали они тутъ фосу (канаву) и шанецъ насыпали. А потомъ сверху, можетъ отъ Желѣзныхъ воротъ, а то отъ Семендріи вода по Дунаю пошла и покрыла усё ето мѣсто, и шанецъ, и фосу, геть усё... Ничего не видно... Ну, а етой цыганъ не зналъ. Онъ кочуетъ далеко: пойдетъ себѣ степами на Констанцу, въ Туречину залѣзетъ, пропадаетъ долго... Поѣхалъ етымъ мѣстомъ, задумалъ коней купать... Отпрегъ, повелъ у воду. Думаетъ себѣ, дурной, что тутъ мелко. Дошелъ до етой фосы,—бухъ у воду съ головою, давай уже тонуть... Когда бы не глупый былъ, то не былъ бы выпустилъ повода. Лошади бы его выволокли. А онъ дурной: боится коней втопить, отпустилъ...

Лука усмѣхается и качаетъ головой...

— Ну? — живо понукаетъ Катріанъ.

— Такъ и утопъ бы собака. Да на тую пору мене чортъ принесъ: ѣду себѣ надъ Дунаемъ изъ Сары-коя; вижу, что-то у водѣ чернѣется. Покажется и мырнетъ опять. А по берегу цыганчата эти самые бѣгаютъ, лопочуть, руки кверху здымаютъ. Когда вижу: лошади надъ шанцомъ показались. Тутъ уже я догадался. Соскочилъ сейчасъ, орчики отъ каруцы отчепилъ, дышло вынялъ да съ дышломъ у воду.

— Такъ и вытащилъ цыгана? — смѣясь, спрашиваетъ Катріанъ.

— Самъ было утопъ, — серьезно отвѣчаетъ Лука. — Цыганъ мой ужъ одурѣлъ: я ему дышло у носъ, а онъ того понятія уже не имѣетъ, чтобы ухватить руками... Что тутъ дѣ-

лать у такой бѣдѣ? А самъ я плавать тоже не умѣю. Ну, побѣжалъ на берегъ, схватилъ буланка, возжу ему за шею подвязалъ, да у воду. Спрыгнулъ съ коня у фосу, хлеснулъ его, самъ лѣвою рукою за возжу держусь, другою цыгана ухватилъ за чуприну... Онъ, дурной, мене на дно тянетъ, буланка на мѣстѣ бьется, ажъ вода кипитъ, по берегу цыганчата бѣгаютъ, кричатъ...

Онъ усмѣхнулся.

Совсѣмъ было пропалъ съ проклятымъ цыганомъ. Надо бы кинуть, а мене уже зло взяло. Пущай же я его дурного вытащу, а то и самъ пропаду, когда мнѣ можетъ такая смерть написана... Ну, вестаки выволокъ насъ буланый до шанца,— руку мнѣ возжой всю ободралъ. Взялъ я етого цыгана на руки, донесъ до берега, положилъ лицомъ у низъ, вытрясъ изъ его воду. Можетъ съ ведро. Душа вернулась. Вотъ онъ съ тѣхъ самыхъ поръ все мнѣ и кланяется... ѣду я, онъ на дорогу ляжетъ. У городѣ встрѣнетъ, руки цалуетъ... Цыганъ, цыганъ, а душа такая же. „Я твой человѣкъ“.—А на что ты мнѣ, дурной, здался?..

— Ты есть алтруистъ, — говоритъ Катріанъ серьезно.— Omul brav (храбрый человѣкъ). Тебѣ треба у нашего клуба писаться.

— Не понимаю я, чего ты говоришь. — Лука пожимаетъ плечами и переводитъ разговоръ на другую тему.

— Тутъ вотъ могылочка будетъ, такъ въ ей хохолъ съ Херсонщины усё кладъ шукаетъ... Вотъ и теперь тутъ.

Денизъ-Тепе назади. Теперь гора повернулась къ намъ освѣщенной стороной и въ ровномъ косомъ свѣтѣ кажется далекой. Въ тѣни чуть замѣтнымъ пятнышкомъ маячитъ цыганскій возъ... По мѣрѣ движенія нашей каруцы, странно передвигается цѣпь кургановъ; послѣдніе изъ нихъ подбѣжали къ нашей дорогѣ, какъ бы загораживая выходъ изъ магическаго круга...

Одинъ подошелъ вилоть. Въ его бока врѣзалась канава. Изъ ямы, точно комъ земли среди другихъ комьевъ, видна лысая голова съ сѣдыми усами. Живые глаза провожаютъ насъ внимательно, подозрительно и враждебно. Лука кланяется съ обычнымъ серьезнымъ видомъ. Катріанъ громко смѣется.

— Nebun (сумасшедшій), — говоритъ онъ безцеремонно.— Съ малаго труда хочетъ большой дохода... Съ малаго труда не надо большой дохода... Правда, господинъ Володя?

„Балканчики“ все ближе. Надъ ними мутныя тучи тихо клубятся, громоздясь другъ на друга, но какъ будто не рѣ-

шаясь покинуть гряду, чтобы двинуться къ долинѣ. Надъ нами и за нами еще свѣтло и весело. Вьется жаворонокъ, разсыпается гдѣ-то невидимой трелью и, какъ черная грудочка земли, падаетъ въ сухую траву. Высоко пролетаютъ ласточки, искрещивая воздухъ зигзагами. Вверху, освѣщенный солнцемъ, паритъ степной орелъ.

Лука и Катріанъ давно уже ведутъ о чемъ-то бесѣду по румынски. Бесѣда дѣловая. Началъ ее Лука: „Аскульта, Катріане“,—сказалъ онъ, слегка повернувшись, и затѣмъ медленно, какъ будто сконфуженно сталъ ему говорить что-то о функціонарѣ, который приходилъ къ нему и о чемъ-то его просилъ... Катріанъ сначала смѣялся, потомъ заговорилъ такъ быстро, что я пересталъ улавливать смыслъ его румынской рѣчи; онъ привставалъ къ Лукѣ, опять кидался въ сидѣніе и даже стучалъ кулакомъ по ладони.

Наконецъ, рѣдкія реплики Луки совсѣмъ стихли. Онъ ѣхалъ молча и наклонивъ голову на бокъ, не то изучая побѣжку лошадей, не то раздумывая. Потомъ заговорилъ по русски, обращаясь уже ко мнѣ:

— Вотъ, господинъ Владиміръ... Мы тутъ съ Катріаномъ майструемъ у двохъ надъ однимъ дѣломъ...

— Какимъ?

— Хочемъ такъ сдѣлать, чтобъ одного человѣка оставить безъ хлѣба.

Я невольно улыбаюсь. Катріанъ лукаво подмигиваетъ на Луку. А Лука продолжаетъ своимъ медлительно-вдумчивымъ голосомъ:

— Видите... Какой тутъ марахветъ вышелъ. Приходятъ разъ ко мнѣ у дворъ помощникъ перчептора (по вашему сборщикъ) и два епистаты. Значитъ, по вашему сказать жандармы. Усѣ пьяные. Вышла къ нимъ тутъ теща моя, старая женщина. „Что вамъ надобно?“ — Подавай подать... Слыхали?—Ну, она ему отвѣчаетъ: что ты у бабы подать пытаешь? Умный ты или дуракъ? Онъ ее — бить... Выбѣжала жена...

Онъ поворачиваются ко мнѣ. Глаза его сверкаютъ жалостью и гнѣвомъ.

— Вы ее видали: больная. Онъ и ее, подумайте, господинъ Владиміръ,—ногою вотъ сюда, подъ грудки... А меня не было. Я съ отцомъ и братомъ на гарманѣ былъ. Ворочаюсь до дому: жена моя лежитъ на постели. Съ этыхъ поръ вотъ опять до доктора вожу...

— Hotz, tilhar, Bürokrat!—гнѣвно сверкая глазами, произноситъ Катріанъ.

— Ну, правда, — поясняетъ мнѣ Лука. — Тильгàръ, гоцъ—значится разбойникъ. И вѣрно, что разбой... А у меня, сказать вамъ, и подать давно заплачена... Они, значыть, хотѣли съ етыхъ женщинъ на вино себѣ выманить... Что, господинъ Владиміръ, у васъ такъ бываетъ, у Россіи?

— Случается тоже...

— Что тогда дѣлаютъ у васъ люди?

— Что-жъ... жалуются, конечно.

— Ну, такъ... И вы то же самое говорите. А у насъ, господинъ Владиміръ, прежде при тýрчинѣ былъ другой обычай... При тýрчинѣ, то взялъ бы я себѣ добрый атаганъ... ножъ значыть, или пушку, по вашему рушницу, и пошелъ бы на дорогу дожидаться. Когда бы онъ пошелъ дорогою, то уже кому бы Богъ далъ. Или ему, или мнѣ. Кому, значить, какое счастіе. Мнѣ бы Богъ помогъ, я бы ему голову розбилъ. А если бы ему Богъ далъ, то онъ бы меня уклалъ на шляху. До кого бы, значыть, смерть пришла, то отъ смерти никому нельзя убѣжать... Ни одному человѣку... При турчинѣ у прежнее время оно такъ было...

— Глупый народъ былъ, — категорически отрѣзываетъ Катріанъ.—Феодальный време рушница дѣйствовалъ. Буржазный време—законъ!

— Ну,—мотаетъ головой Лука.—Прежде такъ былò. Отецъ у меня, конечно, человѣкъ старинный. Такая, говоритъ, видно, твоя доля, а что покинуть этое дѣло нельзя... Ну... пошелъ я къ доктору. Прощай, говорю, домну докторе. Чи увидимся, чи можетъ уже не увидимся, я не знаю. Ну, онъ роспыталъ мене.—Хочешь ты, дурной, мене послухать? — Я завсегда, говорю, долженъ тебе послухать. — Такъ покинь ты этыя турецкія глупости. Не надобно. Лучше я тебѣ одного человѣка пошлю... Онъ тебѣ дасть порàду... И прислалъ, вотъ его, Катріана.

Онъ тычетъ, повернувшись, ручкой бича по направленію къ Катріану и продолжаетъ:

— А онъ, Катріанъ, вотъ какой человѣкъ, вы его еще можетъ не знаете. Башмачникъ, чеботарь, черная кость. Худородный, какъ все одно я, или другой. А никого не стыдится. И имѣетъ силу...

Катріанъ самодовольно улыбается. — Помнишь Костю? — говоритъ онъ.

— Я не объ томъ, — говоритъ Лука,—что ты Костю свалилъ. Мене не свалишь. У тебе сила большая, а короткая... А я, господинъ Владиміръ, вотъ о чемъ: приходить, напримѣръ, у ресторацію, или у градину (садъ), гдѣ сидить самъ

прехвектъ. Здоровкается за руку. Заналюсть цигарку, сажается себѣ на стулъ...

— Ты смотришь на префектъ, какъ на одинъ Богъ,—говоритъ Катріанъ. — А я не смотрю на его, какъ на одинъ Богъ. Затово что онъ народный слуга. Пишись, глупый царанъ, у нашего клуба, будешь понимать все.

Лука задумчиво стегаетъ лошадь и, оставивъ восклицаніе Катріана безъ отвѣта, продолжаетъ:

— Пришелъ Катріанъ ко мнѣ въ домъ, распыталъ. Аштяпъ (подожди), говоритъ. Ты покамѣсть не мѣшайся въ этое дѣло. Мы будемъ у газету писать. Потомъ, когда уже газета не поможетъ, напишемъ петицу *)... На что мнѣ, я говорю, твоя газета и петица? Газета—бумага, а онъ у мене бабу билъ. Я ему, тилгару, кишки выпущу, какъ онъ ее подъ грудки вдарилъ.

Катріанъ иронически усмѣхается.

— А какъ онъ тебѣ кишки выпустить. А? Или посадятъ тебе у пенитенціаръ... Бабѣ лучше будетъ?

— Вотъ!—подтверждаетъ Лука. — Это правда опять. Давай, говоритъ, мы у етыхъ людей кусокъ хлѣба изъ роту вырвемъ. Это имъ будетъ лучше атагàна и рушницы. Теперь онъ получаетъ себѣ шестьдесятъ леовъ каждый мѣсяцъ... А мы у его отберемъ...

Лука качаетъ головой, какъ бы удивляясь, и продолжаетъ:

— Написалъ у газету. Пришла газета изъ Бухарештовъ до насъ. Люди читали,—газета, газета!.. Ну, а дальше что?— Аштяпъ, — говоритъ, значитъ: погоди. Не твое дѣло. Ты только побожись на образъ, что безъ мене не будешь съ нимъ мириться никакъ. Ну, я побожился. Почему побожился? Я ихъ въ то время живыми бы у землю радъ закопать...

Катріанъ при упоминаніи о клятвѣ на образъ лукаво улыбается и подмигиваетъ на Луку...

— Ну, хорошо,—продолжаетъ Лука.—Прійшла газета, кличутъ мене у прехвектуру. И онъ тамъ, перчепторъ и епистаты съ нимъ. Стоятъ, чисто овечки. „Правда у газетѣ написана?“—„А какъ же!“—„Били они?“—„Били. И сейчасъ баба больная“.—„Какъ же вы,—говоритъ функціонаръ,—можете прійти къ пропріетару въ домъ и бить его кукòну? Это не дозволяется никàкъ... За этое дѣло отвѣтите строго. Ну, и что вы думаете: пройшло дня можетъ три или четыре,

*) Petitia—жалоба.

приходить ко мнѣ этой перченторъ. Бухъ у ноги... „Ярта ме пентру думніе зеу“... Значить: прости ты мене для Бога.

Голосъ Луки становится жалобнымъ.

— Прости, говоритъ. Не помни этого дѣла... Ноги цѣлуетъ. Потому что, видите вы, господинъ Владиміръ,—у него тоже баба и два дитёнка. Чѣмъ имъ кормиться?.. А?..

— Ну, и что же вы, простили?

Лука нѣкоторое время молчитъ, Катріанъ сидитъ, сдвинувъ брови. Потомъ Лука говоритъ съ особенной медлительностью.

— Я вамъ правду скажу: хотѣлъ попуститься. Жалко. И жена просила. Ну, нельзя: присягалъ. А онъ, Катріанъ, не позволяетъ никакъ...

Катріанъ дѣлаетъ рѣзкое движеніе и говоритъ:

— Вотъ, господинъ Володя, смотрите вы на этого народа: изъ рушница хотѣлъ стрѣлять, атаганомъ хотѣлъ рѣзать, голова хотѣлъ разбивать,—теперь хочетъ отпускать вовсе...

И, привставъ съ гнѣвно сверкающими глазами, онъ спрашиваетъ у Луки:

— Онъ тольки у тебя въ домѣ бабу билъ?

— Это правда, господинъ Владиміръ, — смиренно отвѣчаетъ Лука,—у другихъ тоже билъ. Мужики изъ дому, они у домъ. Которыя бабы испугаются, дадутъ лева три, а то четыре, они идуть дальше... А которая не дасть—бить...

— За эта причина нельзя простить, — отчеканиваетъ Катріанъ, обмусливая скрученную папиросу.—Asta afacere cetacenesca (это общественное дѣло). Когда ты увидишь одна змія,—убій его!.. Убій, чтобы не укусилъ другому...—заканчиваетъ онъ тономъ глубокаго безповоротнаго убѣжденія.

Блѣдное лицо соціалиста покраснѣло отъ волненія. Лука молчитъ сконфуженно и покорно.

VIII.

Липованъ изъ Черкесской Славы.

Перелѣсокъ. Дорога грязная. Здѣсь недавно шелъ дождь, рѣдкія капли проносятся въ воздухѣ и висятъ на листахъ. Изъ-за деревьевъ видны недалекія крутыя вершины лѣсистыхъ горъ, задернутыхъ дождливой пеленой. Слышенъ шумъ тихій и ровный. Разбѣжавшіяся лошади чуть не набѣгаютъ на препятствіе. На поворотѣ, у кустовъ, стоитъ возъ съ хворостомъ, наклонившійся на сторону. Правыя колеса по ступицу ушли въ колею. У воза хлопочетъ липованъ въ маленькой шляпенкѣ и кожаныхъ постолахъ, вымокшій, грязный и запотѣвшій. Въ перспективѣ лѣсной дорожки равнодушно поскрипываетъ другой возъ и скоро исчезаетъ за

кустами. Липованъ хлещетъ взмокшую лошаденку поперекъ спины, потомъ по шеѣ, по глазамъ. Лохматый конекъ тужится, выгибаетъ худой хребетъ. Возъ не трогается.

Лука останавливаетъ каруцу, медленно подвязываетъ лошадей, потомъ нѣсколько секундъ стоитъ молча, изучая положеніе воза.

— Топоръ есть?—спрашиваетъ онъ у липована.

Тотъ достаетъ топоръ, покорно подаетъ его Лукѣ и потомъ, снявъ шляпу, отираетъ мокрое лицо и слипшіеся на лбу волосы. Лицо усталое, апатичное. Онъ, видимо, дошелъ до тупого отчаянія, когда человѣкъ уже ни на что не разсчитываетъ и готовъ хлестать дорогу, деревья, оглобли и, конечно, лошадь. Лошадь больше всего, потому что она способна чувствовать его отчаяніе: она вся дрожитъ мелкою дрожью ужаса, и умные глаза ея плачутъ крупными частыми слезами.

Лука качаетъ головой неодобрительно и жалостливо. Потомъ беретъ топоръ, двумя-тремя ударами срубаетъ мѣшающія вѣтки, а затѣмъ вырубаетъ толстый корень у самой ступицы. Возъ осѣдаетъ и накренивается на Луку, но вдругъ подымается опять. Это Катріанъ, замѣтивъ опасное положеніе пріятеля, быстро подставилъ плечо и порывисто нервнымъ усиліемъ приподымаетъ возъ. Липованъ подхлестываетъ лошадь, возъ выползаетъ на ровное мѣсто.

Лука одобрительно смотритъ на Катріана... Липованъ снялъ обѣими руками мокрую шляпенку. Его рубаха изорвана, съ одной ноги обувь свалилась и тянется сбоку на ремешкѣ, лицо удивленно радостное и благодарное.

— А что же твои тебѣ не помогли? — спрашиваетъ Лука, указывая головой въ ту сторону, откуда еще слышно потрескиваніе корней подъ колесами.

— Не свои, — отвѣчаетъ липованъ, — это изъ Русской Славы, астрицкіе. Мы, стало быть, съ Черкесской. Безпопскіе...

— Ну, такъ что же? — говоритъ Лука поучительно. — У бѣдѣ человѣку надо помочь. Когда бы твоя конячка не была сдвинула сама, то я бы тогда выпрягъ своихъ... Нельзя человѣка въ такой бѣдѣ покинуть.

Онъ подходитъ къ липованскому коню и жалостливо гладитъ его по шеѣ.

— А коня, братъ, надо кормить. На бичѣ не уѣдешь. Главная сила у зернѣ. Лошади дай зерна, потомъ пытай работу. Безъ понятія вы, славскіе. Вотъ у Сарыкоѣ ваши тоже. Липованы. А посмотри ты коня, посмотри возъ... Всё справно.

Липованъ слушаетъ смиренно, потомъ вдругъ спохватывается. Широкое лицо его расцвѣтаетъ улыбкой.

— Пожди-ка. — говоритъ онъ, лукаво подмигивая, и кидается къ возу. Изъ-подъ хворосту онъ достаетъ объемистую посудину и большой стаканъ. Въ посудинѣ цуйка,—мѣстная сливяная водка, мутная, плохо очищенная, но необыкновенно крѣпкая. Онъ наливаетъ себѣ стаканъ, говоритъ: „Господи благослови“ и быстро опрокидываетъ въ ротъ. Потомъ подноситъ Лукѣ и Катріану. Они выпиваютъ. Липованъ наливаетъ по другому стакану.

— А самъ? — спрашиваетъ у него Лука, выпивъ послѣ Катріана.

Липованъ смотритъ съ наивнымъ сожалѣніемъ и чешетъ въ головѣ.

— Не догадался, вишь... Теперича нельзя мнѣ: посудину вы опоганили. — Онъ кидаетъ стаканъ въ кусты и прибавляетъ простодушно:

— Ну, ничего! Для добрыхъ людей не жалко.

Каруца катится лѣсомъ, который становится все выше. Безсонная ночь и тихое ровное движеніе берутъ свое: я начинаю дремать. Будто сквозь сонъ слышу, какъ Лука говоритъ:

— Тутъ, вотъ, долгоусы живутъ. А что за народъ — неизвѣстно.

И въ моихъ дремотныхъ глазахъ мелькаетъ лѣсная вырубка, хатки, синій дымокъ на фонѣ зелени, и черная голова на тонкой шеѣ, съ длинными усами, расходящимися надъ бритымъ подбородкомъ. Два глаза, съ темными, какъ угольки, зрачками. Потомъ какой-то цыганскій поселокъ съ землянками. Подобіе женщины съ черными лохмами и обнаженной терракотовой грудью...

Потомъ лѣсъ, сплошной, высокій, съ однообразнымъ убаюкивающимъ шумомъ.

IX.

Столкновеніе

— Для чего ты у нашъ клубъ не пишешься?—доносится ко мнѣ медленный голосъ Луки...—Хочется ему, чтобъ я записался у clubul muncitorilor. Ну, мнѣ не надобно... Почему не надобно?..

Онъ обращается ко мнѣ, и я просыпаюсь...

— Онъ, господинъ Володя, боится, что мы у Бога не вѣримъ,—живо подхватываетъ Катріанъ.—Боже мой!—пово-

рачивается онъ къ Лукѣ:—кто тебѣ запретитъ? Вѣрь ты у свой Бога, только будь солидаръ... Чтобы не давать своего труда кушать другому...

Лука не отвѣчаетъ. Катріанъ закуриваетъ. Опять долго ѣдемъ молча. Вечеретъ. Вверху надъ лѣсомъ проносятся красноватыя облака, точно торопятся на ночлегъ... И опять, очнувшись отъ дремоты, я слышу разговоръ:

— Такъ и не будешь жениться?—спрашиваетъ Лука.

— Не буду,—отвѣчаетъ Катріанъ и выпускаетъ въ воздухъ длинный густой клубъ дыма...

— Не хочешь... Ну, а какъ дитенокъ будетъ?..

— Дитенокъ родился уже, — говоритъ Катріанъ живо.— Одинъ большой мальчишка... Четыре кило тянетъ.

— Ты уже его на кàнтарѣ *) вàжилъ?

— Важилъ.

— Та-а-къ. А крестилъ?

Катріанъ молча пожимаетъ плечами.

— У какую-жъ ты его вѣру окрестишь?—съ глубокимъ интересомъ продолжаетъ Лука.—Въ церкву понесешь?

— Зачѣмъ у церковь? Не надо мнѣ церква.

Лука поворачиваетъ голову.

— Неужто у синагогу потащишь?

— Не надо мнѣ синагога,—равнодушно отвѣчаетъ Катріанъ. Лука слегка откидывается и весь поворачивается къ сидѣнію.

— Какъ же онъ у тебе будетъ?..

— Никакъ...

Глаза Луки дѣлаются круглыми и на нѣсколько секундъ какъ бы застываютъ... Онъ какъ будто не можетъ дать себѣ яснаго отчета въ слышанномъ и начинаетъ уяснять его себѣ, пустивъ лошадей. Потомъ опять поворачивается.

— Слышите вы, господинъ Владиміръ... Вотъ у его баба. Жидовка. Жениться онъ не хочетъ. У насъ у Руманіи это можно: либеръ, хочь съ христіанкою, хочь съ татаркою вѣнчаться можно. Неправду я говорю, Катріанъ?

— Правда,—подтверждаетъ Катріанъ.

— Ну, онъ не хочетъ. Значить такъ: збѣжалися какъ собаки у одно мѣсто... Свадьба...

Папироса въ губахъ Катріана слегка вздрогнула. Его блѣдное лицо еще поблѣднѣло, а въ сѣрыхъ глазахъ вспыхнулъ гнѣвный огонекъ.

— Ну,—продолжаетъ Лука успокоительно,—это ихъ дѣло.

---

*) Cântar—вѣсы.

У насъ тоже много такъ живутъ... Грѣхъ, конечно, ну, ничего. А вотъ что онъ теперь говоритъ... Это какъ?

— Слушай, Катріанъ,—говоритъ онъ странно перемѣнившимся, почти просительнымъ тономъ:—ты мнѣ этого не говори... Пож-жа-луйста не говори! Я тебе прошу... Ну, не хочешь у церкву, неси у синагогу... Будетъ онъ у тебе жиденокъ. Усё таки вѣра... Понесешь?

— Не...

— Въ мечеть неси. Будетъ онъ турчинъ.

— Не надо мнѣ мечеть. Никакая вѣра не надо...

Каруца катится совсѣмъ тихо. Лука смотритъ на Катріана. Катріанъ, крѣпко зажавъ въ зубахъ папиросу, смотритъ на Луку. Я съ нѣсколько тревожнымъ любопытствомъ смотрю на обоихъ.

Трудно представить двухъ людей, менѣе похожихъ другъ на друга. Лука — крѣпкій, прямоугольный. Все на немъ прочно, широко, сшито съ запасомъ. Движенія немного неуклюжи, но въ нихъ чувствуется какое-то грузное, медвѣжье проворство. Лицо смуглое, трудно выдающее душевныя движенія. Черные глаза глубоки, и въ этой глубинѣ все смутно. Точно въ головѣ и сердцѣ этого человѣка клубятся и передвигаются медлительныя чувства и мысли, похожія на облака ночью надъ курганами Денизъ-Тепе... Катріанъ, сухой и нервный, весь точно на пружинахъ. Такъ какъ въ горахъ сыровато и холодно, то я далъ ему пелерину отъ своего непромокаемаго плаща. Изъ-подъ нея виденъ черный сюртукъ. Все это какъ-то странно и случайно. Въ фигурѣ Луки чувствуется бытъ, по которому тяжело прошли вѣковыя перемѣны. Фигура Катріана вся — сегодняшній, можетъ быть, завтрашній день... На блѣдномъ отъ нездороваго труда лицѣ проступаетъ быстрый, непрочный, нервный румянецъ...

— Будешь крестить?—спрашиваетъ Лука медленно.

— Не буду,—говоритъ Катріанъ.

И въ турецкую вѣру не окрестишь?

— Отвяжись отъ мене...

Лука останавливаетъ коляску и говоритъ:

— Вылазь изъ каруцы...

— Вылазь изъ каруцы,—повторяетъ онъ крѣпче.—Ты мою каруцу опоганилъ. Я добрыхъ людей вожу. Вылазь изъ каруцы!

И затѣмъ медленно, замотавъ на облучкѣ возжи, онъ слѣзаетъ съ козелъ.

Едва онъ ступилъ на землю, какъ Катріанъ, быстрымъ какъ молнія движеніемъ, выпрыгнулъ изъ каруцы и сталъ противъ него въ своей шляпенкѣ и моей пелеринѣ, но не

смѣшной. Онъ весь выпрямился, какъ тугая пружина. Глаза его сверкали, тонкія черты стали красивы и значительны.

— Какъ ты смѣлъ говорить такъ о моей женѣ?—заговорилъ онъ по румынски звенящимъ голосомъ.

— А что-жъ тебѣ сказать?—медленно, тоже по румынски отвѣчаетъ немного оторопѣвшій Лука.

— Ты... ты глупый царанъ,—почти задыхаясь, заговорилъ Катріанъ,—звѣрь лѣсной... Ты вотъ это дерево, ты вотъ этотъ камень, ты ничего не можешь понимать. Ты не имѣешь разума... И ты смѣешь такъ говорить о моей женѣ. Она честная женщина, мать моего ребенка...

Онъ нервно засмѣялся и, указывая пальцемъ на Луку, заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, опять на своемъ руснацко-румынско-болгарскомъ жаргонѣ. Въ голосѣ его слышался горькій сарказмъ:

— Посмотрите на его, господинъ Володя:—это есть одинъ моралистъ, одинъ христіанинъ. Онъ учитъ мене, какъ держать моя семья. А самъ...

Онъ остановился и, пронизывая Луку горящимъ взглядомъ, прибавилъ:

— Имѣетъ одна жена у селѣ и одна любовница въ городѣ... Скажи: неправда я говорю?

Лука, ожидавшій, повидимому, болѣе простого разрѣшенія этого спора,—видимо, растерялся. Онъ смотрѣлъ на противника округлившимися несоображающими глазами.

— Ха-ха!—нервно захохоталъ Катріанъ.—Онъ, господинъ Володя, сегодня ударялъ кнутомъ эта дѣвушка. За чего ты ударялъ Марица?.. За того, что она тебе бросала, пошла къ грекамъ. А за чего ты ее билъ? Это я считаю низкость, бить одна слабая женщина. И ты... ты говоришь о моей женѣ...

По блѣдному лицу соціалиста прошла судорога. Сѣрые глаза вспыхнули. Онъ подскочилъ къ Лукѣ и схватилъ его лѣвой рукой за грудь.

Я выскочилъ изъ каруцы, чтобы предупредить столкновеніе, которое, я чувствовалъ, могло быть ужасно. Катріанъ, надорванный городской жизнью потомокъ сильныхъ предковъ, обладалъ всетаки запасомъ той „короткой“, какъ говорилъ Лука, нервной силы, которая даетъ вспышками огромное напряженіе. Лука подался назадъ, тяжело дыша и озираясь, какъ медвѣдь, поднятый изъ берлоги.

Такъ прошла одна или двѣ секунды, которыхъ я никогда не забуду, съ этой лѣсной дорожкой, съ тихимъ шорохомъ листьевъ и съ журчаніемъ невдалекѣ невидимаго источника. Одна лошадь повернула голову, вытянула шею и широко зѣвнула...

Лука отвернулъ лицо и тихо отстранилъ руку Катріана.

— Пусти,—глухо сказалъ онъ и тяжело, точно спросонья, перевелъ духъ...

Это тоже было неожиданно. Катріанъ, выпустивъ пиджакъ Луки, остался въ той же позѣ.

Тяжелое недоумѣніе разрѣшили лошади. Онѣ тихо двинулись по дорожкѣ и черезъ нѣсколько секундъ вынесли каруцу на площадку, гдѣ у подножья холма оказался небольшой каменный водоемъ. На стѣнкѣ виднѣлись завитушки арабскаго изреченія изъ Корана. Водоемъ былъ, очевидно, сдѣланъ въ турецкое время. Вода тихо стекала по желобку, съ мелодическимъ примирительнымъ журчаніемъ и звономъ. Мы втроемъ пошли за каруцой...

Лука снялъ недоуздки, и, когда лошади принялись жадно пить, онъ повернулъ ко мнѣ печальное смуглое лицо и сказалъ тихо:

— Это, господинъ Владиміръ, всё... правда. Только ты, Катріанъ,—повернулся онъ къ недавнему врагу,—не знаешь мою душу... Ни одинъ человѣкъ не можетъ знать чужую душу... Ни одинъ... На всёмъ свѣтѣ. Только вотъ кто знаетъ...

Его черные глаза печально поднялись кверху... А въ голосѣ звучала глубокая, хватающая за сердце тоска...

Катріанъ вынулъ изъ кармана портсигаръ, досталъ оттуда двѣ сигаретки и, подавая одну Лукѣ, сказалъ, покрывая весельемъ невполнѣ еще улегшееся волненіе:

— Давай, хахолъ. Выкуримъ по одна сигарка...

По кустамъ шелъ тихій шорохъ... Красныя облака вверху уже потухли. За балканчиками сѣло солнце. Булькала вода, вздыхала напившаяся лошадь... Казалось, въ тихомъ, застывающемъ воздухѣ слышенъ полетъ уходящей минуты...

X.

Вечеръ въ балканахъ.

...Надъ балканами тихо. Вечеръ, должно быть, еще ранній, но мнѣ кажется почему-то, что уже глубокая ночь. Мы ѣдемъ то темными лѣсными ущельями, то взбираемся на крутыя вершины, и тогда надъ нами широко и далеко раскидывается ласковое, чистое небо, на западѣ еще свѣтящееся отблескомъ отошедшаго дня. Нигдѣ не слышно стука колеса, человѣческаго голоса, собачьяго лая, живого звука... Кругомъ — крутыя горы,—лѣсистыя, молчаливо-таинственныя. Гдѣ-то здѣсь забилась въ ущельяхъ „Черкесская Слава“, гдѣ-то есть хутора. Все притаилось, замолкло, можетъ быть, уже заснуло. И если порой послышится въ сторонкѣ частый топотъ и побѣ-

житъ рядомъ съ нами шорохъ колесъ, смолкая и опять гулко отдаваясь въ чуткомъ воздухѣ, то это только звуковой призракъ: по ущельямъ бѣжитъ за нами наше эхо...

Катріанъ много куритъ. Огонекъ его сигареты вспыхиваетъ красной искрой. Тогда я вижу его блѣдное лицо, съ глазами, поднятыми къ небу. Оно неопредѣленно задумчиво, почти мечтательно... Въ этихъ поѣздкахъ онъ переживаетъ самый поэтическій періодъ своей жизни. Дѣтство въ тѣсныхъ, кривыхъ улицахъ полу-азіатскаго, полу-европейскаго большого города. Утомительный трудъ въ душной мастерской... Ни отдыха, ни игры, ни ласки, ни просвѣта. Недолгое обязательное ученіе въ школѣ... Потомъ грубый разгулъ съ товарищами-подмастерьями, потомъ случайная встрѣча съ соціалистической молодежью и яркія, нетрудныя, простыя откровенія, въ которыхъ онъ, какъ ему казалось, понялъ всю свою жизнь, какъ можно узнать коридоры и переходы въ большомъ домѣ... Переѣздъ изъ столицы въ Добруджу, опьяняющій успѣхъ пропаганды и непонятная ея остановка... Потомъ—деревенская темнота, деревенская стихійность. Лука, который становится его пріятелемъ, но по непонятнымъ причинамъ не пишется въ клубъ... а сегодня на минуту стоялъ передъ нимъ смертельнымъ врагомъ. Широта и раздолье степей, по которымъ разсѣяны величавые памятники человѣческой глупости, и ночь въ лѣсныхъ балканахъ, можетъ быть, первая въ жизни, проводимая такимъ образомъ.

Смутный звукъ, точно дальній призывъ или стонъ пробѣгаетъ въ чуткомъ воздухѣ... Ночь отъ него вздрагиваетъ, и эта дрожь замираетъ въ ущельяхъ. Потомъ другой, третій...

— Че аста (что такое)?—спрашиваетъ Катріанъ почти съ испугомъ.

— У ченобіи *), — отвѣчаетъ ему Лука, — къ вечернѣ вдарили.

— Значитъ, „Слава“ близко?—спрашиваю я.

— „Слава“ близко, а монастырь далеко. Это вотъ тутъ дялами (ущельями) доноситъ...

Дѣйствительно, мы оставляемъ за собой устье ущелья, и звонъ смолкаетъ... Опять тихо. Навстрѣчу изъ-за деревьевъ поднимается блѣдный серпъ луны, свѣженькій, точно сейчасъ обмытый дождями и росами. Онъ то пробѣгаетъ, будто играя за сѣткой зелени, то скрывается, падая за какую-нибудь вершину, то опять появляется, торопливо карабкаясь по вѣткамъ. И вдругъ смѣло пускается плыть по чистому небу... Катріанъ

*) Киновія, монастырь.

слѣдитъ за этими его продѣлками и поворачивается ко мнѣ. Лицо его здѣсь, на открытой горной площадкѣ, видно мнѣ довольно ясно. Въ немъ недоумѣніе и вопросъ, очевидно, выходящій изъ обычнаго круга его мыслей.

— Господинъ Володя, — говоритъ онъ медленно, — что я хочу васъ спрашивать?

— Пожалуйста, домну Катріанъ...

Онъ продолжаетъ слѣдить за луной, какъ будто отыскивая на ней какую-то свою заблудившуюся мысль, и потомъ, въ забывчивости, говоритъ по румынски:

— Vezi asta luna... Посмотрите на этого луна. Былъ круглый... потомъ не было. Теперь маленькій...

— Совершенно вѣрно,—что же?

— Я хочу знать: это все одинъ мѣсяцъ? Или все новый?

— Домну Катріанъ, — говорю я съ невольнымъ удивленіемъ,—развѣ въ школѣ вамъ этого не объясняли?

— Я учился мало,—печально говоритъ онъ.

Я кратко объясняю фазы луны человѣку, который понялъ сложные вопросы прибавочной стоимости и ея распредѣленія, но еще въ первый разъ задумался о томъ, что каждую ночь глядитъ на землю вѣчною заманчивой тайной. Катріанъ внимательно слушаетъ. Лука едва ли интересуется моими объясненіями. Онъ знаетъ это небо и эту луну по своему... Когда я кончаю, онъ тоже смотритъ кверху и говоритъ:

— А будетъ дощь. Завтра у полдни...

— Почему?—спрашиваю я.—Небо чистое.

— Оно чистое. А зори невеселыя...

Дѣйствительно, вверху протянулся почти незамѣтный, тонкій туманъ. Зори—это, на языкѣ Луки, звѣзды. Онѣ видны ясно, но точно свѣтящіеся паучки протянули въ туманѣ огненныя лапки...

XI.

Ночной сходъ въ „Русской Славѣ“.

Каруца плавно катится по отлогому склону, какъ будто падая въ темноту широкой долины. И по мѣрѣ того, какъ она падаетъ, на противоположной сторонѣ неба ширится и растетъ огромная гора, точно мглистая туча, занявшая половину горизонта. Она все подымается, поглощая вверху звѣзду за звѣздой. А внизу, у ея подножья вдругъ загораются огоньки. Одинъ. Другой. Третій... Потомъ огоньки посыпались кучками, выползая изъ невидимаго ущелья... Среди нихъ, чуть освѣщенная снизу, вырисовалась на фонѣ горы бѣлая колоколенка...

Это „Русская Слава“.

У въѣзда—околица, какъ у насъ въ Россіи, и у околицы огромный бородатый старичище поднимаетъ фонарь и смотритъ на насъ съ выраженіемъ той почтительной враждебности, съ какой и у насъ глухая деревня встрѣчаетъ невѣдомыхъ пріѣзжихъ господъ... Становой?.. Исправникъ?... Податной инспекторъ?.. Префектъ? Перчептòръ? Землемѣры?

На небольшую тѣсную площадку, сжатую надвигающимися склонами горы, привѣтливо свѣтитъ раскрытыми окнами большая корчма. Свѣтъ падаетъ на группу осокорей, у которыхъ стоитъ спутанная кучка телѣгъ. На одной тихо плачетъ маленькій ребенокъ. Дѣтскій голосъ постарше тянетъ, хныкая, жалобно и пѣвуче:

— Тять-ка! А, тятька. Тять-ка-а-жѐ! Чо-ортъ.

А тятька, должно быть, сидитъ за корчемнымъ столомъ, свѣсивъ буйную русую голову, побѣжденную хмелемъ, и забывъ, что пора ѣхать изъ села лѣсными дорогами, куда-нибудь на хуторъ, въ темное ущелье...

Отъ „Русской Славы“ съ первыхъ шаговъ вѣетъ на меня наивнымъ юморомъ и наивною печалью родины...

У корчмы на крыльцѣ и на заваленкѣ маячатъ фигуры. По тому сдержанному и молчаливому вниманію, съ которымъ смотрятъ на насъ, пока мы вылѣзаемъ изъ каруцы и когда входимъ въ корчму,—я чувствую, что насъ здѣсь ждали, о нашемъ пріѣздѣ много говорили, можетъ быть, много спорили, до хрипоты, до взаимнаго озвѣрѣнія, и разошлись съ неразрѣшенными спорами и съ гнѣвомъ.

Въ свѣтлой „кырчмѣ“ за прилавкомъ кырчмарь,—человѣкъ серьезный и дипломатичный. Онъ вѣжливо и сухо кланяется намъ. На вопросъ Катріана о Сидорѣ, къ которому его направилъ докторъ,—корчмарь поворачивается къ служащему съ краткимъ приказомъ:

— Поди. Позови.

Въ ожиданіи мы заказываемъ кофе и сыру. Въ избу потихоньку входятъ мужики съ широкими бородатыми лицами, смотрятъ на насъ пытливо, недоброжелательно и серьезно. Точно Катріанъ пріѣхалъ не по просьбѣ ихъ односельцевъ и не по ихъ собственному дѣлу, а съ неизвѣстными, можетъ быть, враждебными намѣреніями. И мнѣ кажется, будто изъ этихъ глазъ или черезъ эти головы къ намъ заглядываетъ въ открытое окно темная лѣсистая гора, которая закрыла надъ „Славой“ полъ неба своею мглистою тѣнью.

Приходитъ Сидоръ, тотъ самый, который послѣднимъ говорилъ съ докторомъ и выражалъ опасенія насчетъ отношенія

Катріана къ Богу. Онъ безъ шапки. Жесткіе бѣлокурые волосы угрюмо торчатъ въ разныя стороны. Въ глазахъ странное выраженіе сдержанной, неизвѣстно еще куда направленной злобы... Онъ непривѣтливо кланяется намъ и садится на лавку, быстро и пытливо оглядывая густѣющую толпу.

Катріанъ наскоро допиваетъ кофе, обтираетъ платкомъ тонкіе усики и говоритъ:

— Ну. Мене послалъ докторъ.

Молчаніе.

— Такое дѣло,—произнесъ Сидоръ, и опять его угрюмый, сверкающій взглядъ быстро вонзается въ толпу...

— Доктора довольно знаемъ,—произнесъ кто-то благожелательно.

— Докторъ, такъ и докторъ,—холодно говоритъ другой...

— Докторъ лѣчи... Наше дѣло особое...

— Не брюхи болять...

Сидоръ вдругъ вспыхиваетъ.

— Умные больно стали... Откеда набрались стольки ума...

Въ его голосѣ что-то закипаетъ, плечи нервно шевелятся.

— Въ люди за стимъ не ходимъ,—отвѣчаютъ ему...

— То-то вотъ. Не хотѣтся вамъ людей послушать. Своимъ умомъ наживете добра.

— Чаво не наживемъ, — раздается нѣсколько голосовъ сразу. — Сколькі время жили, не жàлились... Завсегда мірумъ... Сопчà...

— При турчинѣ мало дѣловъ бывало?.. Паша не грозился?.. Черкесъ не приходилъ?.. А?

— А чего взяли?.. Дрючковъ не попробовалъ онъ?

— Не объ турчинѣ дѣло!—кричитъ Сидоръ, вскакивая съ мѣста.—Тольки вы, старики, и знаете, что турчина поминать. Теперь не тѣ времена.

— Чаво не тѣ... — Толпа гудитъ на разные голоса, точно улей:—То-то и есть, что не тѣ... За турчина хуже что ли былò?

— Не объ этомъ и рѣчь, что хуже или лучше... Порядки были другіе... Турчинъ землю никогда не мѣрялъ!..

— И рамуну не дадимъ мѣрять, вотъ те и все. Не поддадимся...

— Не поддадишься ты...

— Чаво толковать: держись умѣстѣ, больше ничего... Ходоковъ послать у Букарешты...

— Чаво не ходоковъ... Не видали тамъ лапотниковъ...

— Бояринъ тоже сыскался.

— И то, братцы, бояринъ. Гляди, бороду-то ужъ постригать сталъ.

Кругомъ нашего стола становится тѣсно, душно, потно и жарко. Я беру свой стаканъ и выхожу изъ толпы, провожаемый пытливыми взглядами. Въ другой комнатѣ почти пусто. Въ открытыя окна вѣетъ свѣжестью, видна площадка, небольшіе домики, колокольня, кусокъ чистаго неба съ звѣздами и серпомъ мѣсяца надъ обрѣзомъ горы.

А сзади кипятъ споры, которые отсюда я различаю яснѣе. „Русская Слава“ раздѣлилась на двѣ партіи. Сидоръ и его сторонники, уже слегка подстригающіе бороды, стоятъ за Катріана, который своимъ звонкимъ голосомъ убѣждаетъ липованъ выступить съ отдѣльными личными исками. Другіе считаютъ, что это подвохъ и необходимо стоять всѣмъ одной безличной, сплошной мужицкою тучей. Имъ не страшно стать толпой хотя бы и противъ вооруженной румынской силы. Но страшно въ одиночку выступить, хотя бы только съ жалобой въ гражданскомъ судѣ...

— Поди-ка! Сунься къ ему...

— Онъ тебѣ покажетъ.

— Дряптъ, дряптъ (dreapt—право)...—передразниваетъ кто-то Катріана. — Онъ тибе дряпнетъ, погляди!

— Не бывало, что ли?

— За турчина... При черкесѣ...

— Держись умѣстѣ, больше ничего!

Снаружи, у дверей, какой-то топотъ... Новая кучка людей вваливается въ комнату. Говоръ сначала смолкаетъ, потомъ раздается еще шумнѣе, и изъ общаго гула выдѣляется тонкій, натреснутый, какъ будто знакомый мнѣ голосъ:

— Пустите, братцы... Я его поспрошаю сичасъ... Ты кто по здѣшнему мѣсту? А?.. Зачѣмъ пожаловалъ?

Вопросъ, очевидно, направленъ къ Катріану, и среди возстановившейся тишины раздается нѣсколько удивленный отвѣтъ:

— Я? Я есть Катріанъ, соціалистъ. А ты кто?

— А-а?.. Я кто? — передразниваетъ спрошенный такимъ тономъ, какъ будто уличаетъ Катріана въ преступленіи. — Не зна-а-ешь?

И вдругъ, переходя на басовыя ноты, говоритъ грозно:

— Я кто? Дыдыкало я. Ялбаръ *). Вотъ я кто! Православный христіанинъ... Былъ купецъ, теперя писецъ. Вотъ кто. За православныхъ постою крѣпко, съ Господомъ, съ Николаемъ чудотворцемъ... Дыдыкало напишетъ—рамунъ зубомъ не выгрызетъ... Вотъ кто я...

---

*) Ходатай по дѣламъ.

И вдругъ, затопавъ ногами, онъ закричалъ громко, визгливо, какъ тогда на улицѣ, когда гналъ всѣхъ липованъ за ненадобностью:

— Можешь ты мнѣ отвѣчать, сукинъ сынъ! Отвѣчай: кытъ есте терминъ де касаціе *)... Ежели тебѣ джудикаторъ де паче **) сдѣлалъ рефузъ ***), — куда ты пожалишься? А? Не зна-а-аишь, тынеръ, мукосъ (мальчишка, молокососъ)... У трибуналъ, вотъ куда! А ежели трибуналъ рефузуетъ?.. Иди у куртя де апелъ. А еще куда? Еще у куртя де касаціе... Не зна-аешь?.. А суешься! Туда-же—петицу писать! Ты знаешь, за это что бываетъ... За петицы? А?..

Сбитый съ толку, подъ этимъ градомъ безсмысленныхъ вопросовъ, которыми старый плутъ засыпалъ его, не давая времени для отвѣтовъ,—Катріанъ, повидимому, растерялся. Нѣкоторое время его не слышно. Передъ славскимъ міромъ состязались какъ будто два кудесника, споривше за преобладаніе въ невѣдомой и таинственной области румынскихъ законовъ, и старый знахарь, видимо, одолѣвалъ молодого. Когда онъ упомянулъ, наконецъ, о возможныхъ грозныхъ послѣдствіяхъ сепаратныхъ петицій,—корчма опять зашумѣла:

— Петицу, петицу!.. — Не надобно петицы!.. Не надо, не надо... Поѣзжай, отколь пріѣхалъ... — Докторъ прислалъ?.. — Докторъ лѣчи!.. — Платили, больше ничего!.. Квиты у насъ...

— Платили, платили. А сколько платили?..—кричитъ Сидоръ.

— Сколько! Какъ и прошлые годы, столько же и теперь...

— Такъ вѣдь слухайте вы, разумныя головы: тогда была земля немѣряна! А теперь обмѣрялъ. Дуракъ онъ по вашему хоть бы и рамунъ?.. Ты вотъ сколько платилъ, Тимохвей?

— Чаво сколько! Сколько у людей, столько и у мене. Сингуръ (одинаково). Чаво пытаешь?

— Нѣтъ, вре-ешь... У тебя сколько лишку?

— А тебѣ што... Тебѣ за мене платить, што ли?..

— То-то нахватали вы, богатѣи... Міръ за васъ пропадай. Войски онъ пришлетъ, рамунъ, вы рады въ мутной водѣ рыбу ловить...

— Чего брешете?

— Не брешетъ онъ... Правда!

— Ахъ, Богъ мой, выносится еще разъ звонкій голосъ Катріана. — Какой народъ. Какъ вы не понимаете простого дѣла..

---

*) Какой срокъ для кассаціи?

**) Мировой судья.

***) Отказъ.

— Ты понимаешь!.. Отколь взялся учить. Молоко не обсохло...

Дыдыкало стучитъ палкой и кричитъ визгливымъ голосомъ:

— Братцы! Православные! Онъ въ Бога не вѣруетъ... Ему, вишь-ты, и Богъ не надобенъ...

Шумъ становится сплошнымъ, и мнѣ начинаетъ казаться, что поѣздка домну-Катріана съ цѣлью пробужденія правосознанія среди моихъ земляковъ едва ли окончится успѣшно. Но въ это время на сцену выступаетъ новая дѣйствующая сила.

Мнѣ въ окно видна тихая площадь, облитая мягкимъ луннымъ свѣтомъ. По ней, въ направленіи къ корчмѣ, идетъ группа изъ трехъ человѣкъ, и на одномъ поблескиваютъ галуны. Когда эта группа подходитъ къ крыльцу, въ корчму врывается фраза, которая вдругъ заглушаетъ крики и шумъ:

— Примàръ...

— Примаръ идетъ... И нотàръ съ нимъ.

— Третій—епистàтъ.

Примàръ — это сельскій староста, нотаръ — писарь, епистатъ — полицейскій. Въ Румыніи должность сельскаго мэра считается выборной, но это только фикція; общество выбираетъ трехъ кандидатовъ, мѣстная администрація прибавляетъ еще двухъ, и изъ составленнаго такимъ образомъ списка высшая администрація назначаетъ одного. Нечего и говорить, что этотъ счастливецъ всегда бываетъ изъ рекомендуемыхъ администраціей. Въ Добруджѣ въ то время, особенно въ русскихъ селахъ, примарями были почти исключительно греки. Чуждые и по культурѣ, и по происхожденію мѣстнымъ жителямъ,—они являлись просто правительственными чиновниками, престижъ которыхъ поддерживался властью... Измельчавшая традиція прежнихъ турецкихъ порядковъ, когда такимъ же образомъ Высокая Порта навязывала балканскимъ народностямъ даже князей изъ фанаріотовъ.

Въ кырчмѣ водворилась выжидающая тишина. Я поднялся и заглянулъ черезъ головы въ комнату. На порогѣ стоялъ пожилой человѣкъ въ партикулярной сѣрой клѣтчатой парѣ, небольшой, весь квадратный, съ четыреугольнымъ лицомъ и торчащими волосами съ сильной просѣдью. Усы и борода у него тоже были сѣрые, и только глаза выдѣлялись ярко и властно изъ-подъ черныхъ густыхъ бровей. Лицо сельскаго владыки было спокойное и твердое. Онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, какъ будто считая ниже своего достоинства обращать вниманіе на отдѣльныя фигуры этой сѣрой толпы.

И только на Катріанѣ взглядъ авторитетнаго „начальника“ остановился пытливо и внимательно. Нотаръ, — молодой румынъ съ закрученными кверху усиками и съ претензіями на щегольство, и эпистатъ, недавно командированный въ „Славу“ для порядка,—почтительно и корректно стояли сзади.

Я съ любопытствомъ присматривался къ энергичному и неглупому лицу грека. Что онъ думаетъ и какую „политику“ проводитъ среди этого броженія умовъ? Оно можетъ разрѣшиться сепаратными жалобами, которыя, въ сущности, будутъ означать подчиненіе новымъ порядкамъ и обмѣру земли, или... тупымъ массовымъ сопротивленіемъ, вызовомъ войскъ, усмиреніемъ... Что нужно ему лично? Только порядокъ, какъ администратору? Или, наоборотъ, ему улыбается картина глупаго замѣшательства, за которымъ послѣдуетъ дешевая распродажа скота и имущества глупыхъ русскихъ дикарей? Въ лицѣ умнаго грека нельзя было найти отвѣта на эти вопросы.

Остановившись на мгновеніе и сразу изучивъ положеніе дѣла, онъ сказалъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Че интрунїре аста (что это за собраніе)?

Затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ среди разступившихся липованъ, подошелъ прямо къ Катріану и спросилъ въ упоръ, по румынски:

— Кто вы? И по какому праву собираете здѣсь сборища?..

Сотня внимательныхъ глазъ обратилась на Катріана, который стоялъ у самаго прилавка, прямой и спокойный. Лицо его оживилось, въ сѣрыхъ глазахъ переливалась и поблескивала насмѣшка. Теперь, лицомъ къ лицу съ привычнымъ противникомъ изъ администраціи, онъ, видимо, чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ.

— Я—Денисъ Катріанъ, соціалистъ... гражданинъ свободной страны, пользующійся своимъ правомъ.

Можетъ быть это заявленіе не особенно подѣйствовало ны на примаря... Въ румынской деревнѣ, особенно въ деревнѣ добруджанской, ссылка на гражданскія права звучитъ не особенно сильно. Но примаря немного озадачила насмѣшливая увѣренность, съ которой говорилъ этотъ странный пришлецъ. Какъ будто играя недоумѣніемъ авторитетнаго сельскаго чиновника, Катріанъ, все улыбаясь глазами, медленно вынулъ записную книжку, досталъ оттуда небольшой кусочекъ бѣлаго картона и подалъ примарю.

— Vedz asta, domnule (посмотрите это, сударь), — сказалъ онъ, продолжая насмѣшливо улыбаться...

Въ комнатѣ стало такъ тихо, что можно было слышать

шелестъ осокорей подъ ночнымъ вѣтромъ снаружи. Передъ затаившимъ дыханіе славскимъ міромъ происходило новое дѣйствіе изъ той самой таинственной и непонятной области, въ которой законъ и власть сплетаются въ магическій узелъ. Еще недавно этотъ молодой человѣкъ, казалось, былъ побѣжденъ старымъ знахаремъ Дыдыкаломъ. Теперь старикъ стушевался, и его хитрые глазки лишь злорадно загляды-вали изъ-за чужихъ плечъ, ожидая послѣдствій... Молодой стоялъ лицомъ къ лицу съ энергичнымъ грекомъ. Бѣлый кусочекъ картона въ рукахъ примаря привлекъ всѣ взгляды, какъ талисманъ. Подѣйствуетъ ли? — думали славцы. Молодой человѣкъ все такъ же весело поблескивалъ глазами...

Начинаетъ дѣйствовать: грекъ, властный, умный и хитрый, повидимому, растерялся. Онъ еще разъ прочиталъ карточку, повернулъ ее, осмотрѣлъ съ изнанки и, отдавая обратно, сказалъ довольно угрюмо:

— Bine (хорошо), домнуле... Вы можете дѣлать свое дѣло...

И окинулъ глазами тѣсно набитую корчму. Теперь онъ вглядывался въ отдѣльныя лица, повидимому, только за тѣмъ, чтобы скрыть нѣкоторую неловкость положенія и внушить этой руснацкой толпѣ, что власть его остается по прежнему твердой, хотя... въ видѣ этого лоскутка бѣлой бумаги сюда, въ глухое ущелье, заглянуло что-то новое... Она опредѣлила курсъ новаго министерства, обязательный хотя бы на нѣкоторое время.

Примаръ повернулся и вышелъ. За нимъ послѣдовали щеголеватый нотаръ и молчаливый полицейскій.

Въ кырчмѣ пронесся общій вздохъ, и я почувствовалъ сразу, что дѣло Катріана теперь окончательно выиграно. Его аргументы значили мало, но фактъ рѣшалъ дѣло. Сила молодого горожанина въ недоступномъ и таинственномъ мірѣ закона и власти была доказана. Толпа сразу перекрасилась настроеніемъ Сидора и его сторонниковъ.

— Что узялъ? — заговорилъ наивно-весело какой-то молодой голосъ.—Отскочилъ сразу...

— Найшлось и на нихъ слово.

— Молодой, молодой,—а гляди ты на его... А?

— Докторъ знаетъ, кого послать, зря не пришлетъ...

— Ну, чего тутъ,—сказалъ, выступая впередъ, Сидоръ. Лицо его было спокойно и даже вихры не торчали такъ сердито, какъ въ началѣ бесѣды.—Давайте кончать,—прибавилъ онъ дѣловито. — Поздно. Пиши петицу, домнуле... Кто хочетъ подписывать?

Въ толпѣ слегка замялись. Кому-нибудь нужно было подписать первому, а это все-таки требовало рѣшимости.

— Я подпишу,—выступилъ, расталкивая мужиковъ, рослый человѣкъ въ полугородскомъ костюмѣ.

— Герасимъ подписуетъ,—заговорили въ толпѣ.

— Откуль взялся? Не было его?

— Съ Дунаю вернулся. Сиводни...

— Да онъ землю-то развѣ оралъ?

— Оралъ... жуматати ектаръ (полъ гектара),—сказалъ насмѣшливо какой-то старикъ, очевидно, изъ противной партіи и, наклоняясь къ сосѣду, сказалъ хорошо слышнымъ полушопотомъ:

— Что ему? Такой же отчаянный... Молоко въ постъ въ городу хлѣбаетъ... Самъ видалъ...

— Что говорить. Остатнія времена пришли,—сказалъ тотъ, и оба повернулись къ выходу.

Катріанъ потребовалъ у корчмаря перо и чернилъ и на маленькомъ столикѣ открылъ походную канцелярію. Два или три экземпляра „петиціи“ были у него заготовлены. Герасимъ, завернувъ рукавъ и наклонивъ большую кудрявую голову, вывелъ свою подпись.

— И мене пиши,—выступилъ изъ толпы другой, тоже въ пиджакѣ и съ слегка подстриженной бородой.

— И мене, когда такъ...

— И мене...

— И мене пишите!

Тотъ, кто вошелъ бы сюда въ эту минуту, могъ бы подумать, что здѣсь спокойно и просто дѣлается обычное дѣло. Отъ прилавка, держа въ рукѣ стаканъ съ виномъ, смотрѣлъ на Катріана Лука своими глубокими черными глазами, не выдававшими ворочавшихся въ его головѣ мыслей. Мнѣ казалось, впрочемъ, что онъ доволенъ успѣхомъ пріятеля.

— Basta! — сказалъ Катріанъ, захлопывая въ бумажникѣ двѣ или три подписанныя петиціи.

Когда Лука подалъ лошадей, луна свѣтила уже съ самаго зенита. По площади расходились липованe, тихо разговаривали и скрывались въ тѣни домовъ. Подъ осокорями было пусто: телѣги разъѣхались и теперь, вѣроятно, поскрипывали плохо смазанными колесами по темнымъ лѣснымъ дорогамъ, въ ущельяхъ „балкана“.

Уѣхалъ и плакавшій мальчикъ. Я представлялъ себѣ, что его тятька, вѣроятно, храпитъ на возу, а онъ держитъ возжи и всматривается въ темноту круглыми, робкими, внимательными глазами.

Когда мы опять выѣхали за околицу, направляясь по до-

рогѣ въ монастырь, на сельской колокольнѣ ударило полночь. Задумчивый медлительный звонъ разносился надъ долиной, заглядывалъ въ сонныя ущелья, умиралъ, оживалъ вновь и бродилъ надъ лѣсомъ, и искалъ чего-то, и о чемъ-то спрашивалъ, закрадываясь въ глубокіе тайники уставшей души.

И отъ всего окружающаго вѣяло опять печальнымъ юморомъ и насмѣшливой грустью нашей родины...

Черезъ часъ мы стучали въ запертыя ворота старообрядческаго монастыря, погруженнаго въ глубокій сонъ за крѣпкими каменными стѣнами... Эхо отдавалось въ темномъ лѣсу, и мнѣ казалось, что какія-то чары перенесли насъ въ сѣдую глубину прошедшихъ временъ.

Катріанъ, наклонившись ко мнѣ, говорилъ своимъ наивно удивленнымъ голосомъ:

— Ахъ, господинъ Володя. Для чево народъ такой глупый?.. Таскалъ гора на ровномъ мѣстѣ. Строилъ монастыря, чтобы другіе жили безъ труда. Ахъ, Боже мой... Для чего это? . . . . . .

. . . . . .

Когда, года черезъ два, я опять пріѣхалъ въ Добруджу, Катріанъ все еще продолжалъ стучаться у дверей деревенскаго правосознанія и читалъ изрѣдка свои конференціи для ремесленниковъ города Тульчи.

Луки не было на свѣтѣ. Погибъ онъ безсмысленно, глупо, стихійно изъ-за той самой дѣвушки, которую ударилъ кнутомъ.

Но это уже другая исторія, о которой когда-нибудь послѣ.

1909 г.

ТУРЧИНЪ И МЫ.

(Изъ впечатлѣній въ Добруджѣ).

I.

Въ Румыніи живутъ наши соотечественники. Есть цѣлыя селенія недалеко отъ Яссъ, въ Молдавіи, но особенно много въ Добруджѣ. Здѣсь поселились сначала некрасовцы, донскіе казаки, ушедшіе при Петрѣ и поступившіе на турецкую службу. Этотъ первоначальный „исходъ“ на Дунай русскихъ людей, искавшихъ свободы старой вѣрѣ и, пожалуй, еще широкаго простора и дикой воли, впослѣдствіи пополнялся притокомъ новыхъ выходцевъ, старообрядцевъ.

Въ Добруджѣ ихъ называютъ липованами и стародубщиной. Послѣднее названіе указываетъ на историческій этапъ, на которомъ останавливалась эта волна, прежде чѣмъ покинуть родной берегъ и переплеснуть окончательно на чужбину. Потомъ теченіе эмиграціи шло черезъ Буковину, Румынію и широко разливалось по плоскимъ степямъ турецкой тогда Добруджи.

За некрасовцами, вышедшими въ началѣ XVIII вѣка, послѣдовала новая казачья волна съ раззоренiемъ Сѣчи. И тотчасъ же у украинскихъ пришельцевъ закипѣла, по обычаю славянъ, жестокая борьба съ соплеменниками. Хотя, казалось бы, на широкихъ дунайскихъ плавняхъ и по взморью, между гирлами Дуная, всѣмъ хватило бы мѣста для рыбныхъ промысловъ, а на равнинахъ Добруджи и теперь еще есть гдѣ разойтись плугу и косѣ, но Запорожье не ужилось съ некрасовцами. Дрались до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не ушли въ Анатолію. Теперь прямой „некрасовскій корень“ въ Добруджѣ почти вывелся, но есть села, заселенныя украинцами, и села липованскія. Православные украинцы не смѣшиваются съ людьми старой вѣры. Среди послѣднихъ много различныхъ

толковъ, враждующихъ между собою. Въ одномъ только я лично встрѣчалъ полное согласіе. Это въ отзывахъ о „турчинѣ“. Всѣ вспоминаютъ о временахъ турецкаго владычества съ какимъ-то особеннымъ теплымъ, почти мечтательнымъ чувствомъ.

Я старался разобраться въ этомъ странномъ на первый взглядъ явленіи: славяне, даже больше—выходцы изъ той же Россіи безпощадно дерутся между собою и въ то же время поминаютъ добрымъ словомъ варварскія времена турецкаго владычества...

II.

Можетъ быть, это оттого, что турецкое владычество для Добруджи—прошлое. „Что прошло, то будетъ мило“... Надъ Тульчей, по бабадагской дорогѣ сохранились еще до сихъ поръ слѣды турецкой крѣпости, разрушенной послѣ берлинскаго трактата. Теперь на остаткахъ валовъ и канавъ пасутся овцы. Но когда-то это было орлиное гнѣздо, откуда турки владычествовали надъ городомъ и равниной. Много ходитъ яркихъ разсказовъ о произволѣ и насиліяхъ пашей и военщины... И до сихъ поръ мѣстная архитектура городскихъ зданій сохранила еще отпечатокъ того времени: старые дома закрыты отъ улицъ сплошными стѣнами безъ дверей и оконъ. Это, конечно, не затѣмъ, чтобы отстрѣливаться изъ-за заборовъ: все равно не защитишься. Но, когда черезъ городъ проходили временами дикія орды курдовъ, арнаутовъ, башибузуковъ или просто знатный паша проѣзжалъ съ буйной челядью, они вливались, какъ вода, въ плохо запертыя ворота, наскоро грабили, насиловали женщинъ и выскакивали опять, сверкая дикими улыбками на бронзовыхъ лицахъ. Управы найти было не у кого.

Наконецъ, волна эта прошла въ послѣдній разъ въ 1877 году. Даже паша, командовавшій крѣпостью, прислалъ внизъ, въ городъ, предупрежденіе, чтобы жители покрѣпче запирали ворота. Онъ получилъ свой бакшишъ, чтобы избавить городъ отъ стоянки уходящаго отряда, но не ручался за то, что можетъ произойти мимоходомъ. И городъ весь трепеталъ въ своихъ дворахъ, за крѣпко запертыми воротами; жители прятались даже въ погреба и подвалы, пока по извилистымъ улицамъ тянулись дикіе всадники въ пестрыхъ одеждахъ, на поджарыхъ аргамакахъ. Земля стонала надъ головами отъ топота копытъ, и только, когда этотъ гулъ затихъ и смолкли дикіе крики и визгливая музыка азіатовъ, христіане стали выползать на свѣтъ Божій.

Но вотъ, на закатѣ, съ той самой стороны, гдѣ скрылись на бабадагской дорогѣ турецкіе отряды, опять показалось облако пыли, позолоченной косыми лучами. Въ городѣ опять поднялась паника: „турчинъ, турчинъ вертается!“ Оказалось, что это просто-на-просто возвращалось городское стадо...

Таково было послѣднее впечатлѣніе турецкаго владычества надъ Добруджей. Послѣ этого страна отошла къ Румыніи и стала Европой. Турецкую крѣпость срыли, и, когда я бродилъ по бывшимъ валамъ, то на нихъ, какъ на нашихъ степныхъ курганахъ, вѣтеръ игралъ въ высокихъ травахъ какую-то странную, невнятную слуху, но понятную славянскому сердцу пѣсню о томъ, что прошло... И потому, что прошло, стало мило...

— Турчинъ?.. Турчинъ былъ миляга,—говорилъ мнѣ у подножія бывшей крѣпости прохожій русскій человѣкъ, котораго я остановилъ на пыльномъ бабадагскомъ шоссе...

III.

Въ 1897 году мнѣ довелось присутствовать на празднованіи двадцатилѣтней годовщины освобожденія Румыніи и объявленія королевства. Въ полукаменномъ тульчанскомъ соборѣ служили благодарственный молебенъ, при чемъ мой русскій слухъ то и дѣло ласкалъ припѣвъ хора: „Домну милуешти“ (Господи помилуй). Кругомъ стояли войска мѣстнаго гарнизона, правду сказать, не щеголявшія особенной военной выправкой, среди которыхъ выдѣлялись два бравыхъ заѣзжихъ болгарскихъ офицера, совершенно похожіе на нашихъ. Биржари, частью тоже русскіе, въ сильно потертыхъ кафтанахъ, подвозили офицеровъ и городскую знать.

Когда „войска“ расходились съ площади, изъ толпы, шедшей рядомъ по тротуарамъ, слышались русскіе оклики:

— Митрій,—говорилъ женскій голосъ, — отпросись, слышь, севодни у командира...

И солдатикъ отвѣчалъ:

— Ладно!

И вѣяло отъ всего своимъ, роднымъ, русскимъ. А рядомъ шелъ журавлинымъ шагомъ настоящій бѣглый николаевскій солдатъ, старикъ лѣтъ 80-ти, вытягивая по николаевски носки, и крѣпко ругался:

— Какіе вы, такъ и этакъ... солдаты! Нешто такіе солдаты бываютъ?.. Вотъ у насъ, при императорѣ Николаѣ...

Офицеры и солдаты вяло шагали, не обращая на него вниманія...

Въ тотъ же день расшевелившіяся воспоминанія служили

предметомъ бесѣды въ кружкѣ нашихъ соотечественниковъ на берегу Дуная. Мы сидѣли на штабеляхъ бревенъ, мимо бѣжала и плескалась дунайская волна, вторя нашимъ разговорамъ о прошломъ. Разсказывали о грозной крѣпости, о разныхъ пашахъ и ихъ нравахъ, о разныхъ „ехвендіяхъ“ и ихъ взяткахъ, и въ тонъ разсказчиковъ стариковъ опять слышалось изумлявшее меня благодушіе:

— Э, что! При турчинѣ жить было можно.

— Турчинъ, конечно, басурманъ. Не нашей вѣры. А дурного про него не скажешь...

— Миляга былъ, вѣрно.

— Не къ рамуну прировнять.

Въ парадѣ и послѣдовавшемъ за нимъ торжествѣ, устроенномъ городскимъ муниципалитетомъ, участвовали школьники. Въ томъ числѣ воспитанники одной школы были въ фескахъ и велъ ихъ учитель тоже въ фескѣ. Публика относилась къ нимъ очень добродушно и никакихъ ироническихъ замѣчаній на тему о прежнемъ владычествѣ я не слышалъ. Лица дѣтей выражали дѣтскую заинтересованность происходящимъ, и только въ глазахъ виднѣлась особенная затаившаяся глубокая печаль. Но это, кажется, обычное выраженіе турецкихъ глазъ...

На слѣдующій день былъ праздникъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, и болгарская колонія воспользовалась этимъ днемъ, чтобы отпраздновать и свой праздникъ освобожденія. Добруджанскіе болгары у румынскихъ властей на подозрѣніи, такъ какъ, несомнѣнно, ихъ симпатіи тяготѣютъ къ Софіи. Но все же нельзя было запретить празднованіе чисто культурнаго праздника, и вечеромъ этого дня я получилъ приглашеніе на литературный вечеръ въ помѣщеніи болгарской школы.

Молодые учителя и учительницы, очень похожіе на нашихъ, только съ смѣлыми глазами и сверкающими одушевленіемъ лицами, читали патріотическіе стихи своихъ поэтовъ, и небольшая классная комната была густо насыщена впечатлѣніями прошлой борьбы. „Турецки-те тирана“—поминались то и дѣло. Загорѣлые, толстоусые и горбоносые болгары-лавочники, старыя и молодыя болгарки жадно слушали поэтическіе отголоски недавней еще національной борьбы. Кровь, смерть на колахъ, мужественное презрѣніе къ мученіямъ и— месть утѣснителямъ!..

Я вышелъ изъ душной комнаты въ сѣни, гдѣ стояла простая кадка съ свѣжей водой. Изъ темноты на меня выдвинулась вдругъ голова въ фескѣ, черные печальные глаза,

носъ крючкомъ и длинная борода... Старый турокъ тянулся ко мнѣ изъ темноты и говорилъ что-то на непонятномъ языкѣ... Явленіе было такъ выразительно, фигура такъ зловѣще и странно выдвигалась изъ мрака въ полоску свѣта, что я вздрогнулъ. Что нужно здѣсь этому „турецкому тирану“ и что онъ подкарауливалъ все время, въ темнотѣ у запертыхъ дверей, за которыми съ такимъ гнѣвомъ вспоминались его вѣковыя притѣсненія?

Въ это время дверь раскрылась: сдѣлали перерывъ, публика хлынула въ тѣсныя сѣнцы, и я сразу понялъ, что нужно было старому турчину. Онъ держалъ на рукѣ корзину съ орѣхами и сладостями, а въ углу у его ногъ стоялъ деревянный жбанъ съ лимонадомъ. Онъ вѣрно разсчиталъ, что болгаре, разгоряченные тѣснотой и пламенными воспоминаніями, захотятъ освѣжиться и живо расхватаютъ его запасы...

И, дѣйствительно, шумная молодежь со смѣхомъ и шутками увлекла его во дворъ и здѣсь, на просторѣ, у него быстро расхватали его товаръ... Черезъ двѣ-три минуты онъ торопливо захлопалъ своими туфлями на босу ногу по площади, ласково освѣщенной лучами южнаго мѣсяца.

Повидимому, онъ торопился возобновить свои запасы, въ надеждѣ воспользоваться еще однимъ, столь же для него благопріятнымъ перерывомъ.

И вся картина была обвѣяна такой лаской мягкаго придунайскаго вечера и такимъ благодушіемъ, что въ этотъ вечеръ у порога болгарской школки мнѣ казалось, что всѣ эти пламенныя декламаціи болгарской молодежи — уже поэзія прошлаго и даже... что, можетъ быть, ихъ глаза—старыхъ и молодыхъ—загораются такимъ пламенемъ лишь потому, что они мечтаютъ еще объ одномъ освобожденіи... Освобожденіи отъ румынъ и соединеніи съ метрополіей...

И не приходило въ голову — какая еще трагедія подымется изъ дыма и крови на почвѣ этого рокового „восточнаго вопроса“.

IV.

Въ одномъ изъ узкихъ и запутанныхъ переулковъ Тульчи невдалекѣ отъ дунайскаго берега стоитъ мечеть съ тонкимъ минаретомъ, и каждый вечеръ, когда солнце исчезаетъ за синими вершинами Махмудіе, фигура въ чалмѣ появляется на круглой галлерейкѣ, и горловой напѣвъ муэззина провожаетъ странно волнующими звуками уходящій день...

Кругомъ мечети небольшая турецкая колонія, но еще

больше домовъ русской магалы *), населенныхъ нашими выходцами, держащими „старый обрядъ“. Одинъ изъ нихъ, случайно встрѣченный, съ которымъ мы какъ-то скоро разговорились, предложилъ мнѣ зайти въ мечеть.

— Ничего, ничего! они дозволяютъ, — говорилъ онъ. — Ну, только, извините,—сапоги придется снять.

Дѣйствительно, старый турокъ-привратникъ указалъ на наши ноги и предложилъ надѣть, очевидно для этой цѣли запасенныя, туфли.

— На этотъ счетъ у нихъ строго, — комментировалъ мой провожатый, и въ голосѣ старообрядца слышалось уваженіе.

Въ обширномъ простомъ зданіи было прохладно и тихо. На полу, устланномъ ковриками, сидѣли бородатые турки, по восточному поджавъ ноги, и, закрывая лица и глаза ладонями рукъ, бормотали молитвы. Входили новые молящіеся, мѣняли туфли и тоже тихо погружались въ молитву. Картина была простая, молитва непонятная, но она какъ-то странно и значительно сливалась съ угасающимъ днемъ, прощально глядѣвшимъ въ высоко поднятые восточные вырѣзы оконъ.

— Да, вѣра, конечно, поганая. Въ Мухамеда вѣруютъ...— сказалъ мой провожатый, когда мы вышли.—Ну, а что ужъ свою релегію соблюдаютъ аккуратно. Табакъ, конечно, курятъ, вѣра ихняя дозволяетъ. Такъ вѣдь это, какъ сказать... На что у насъ строго воспрещается, а и то теперь сосутъ... Особенно, которые помоложе... Тьфу, прости Господи. Завелась пакость... Ну, что касающее вина,—ни Боже мой! Чтобы вы турчина встрѣтили пьянаго, наипаче еще, чтобы на улицѣ, да чтобы съ ногъ свалился, да у канаву... А у насъ уже и то бываетъ.

— А вы еще турецкое владычество помните?—спросилъ я.

— Помню хорошо. Молодъ былъ, конечно, ну, всетаки вспоминаю. Старики тоже разсказываютъ. Да вотъ, если любопытно, поспрошаемъ. Добрый вечеръ, старики!

Вдоль улицъ, наслаждаясь теплыми сумерками, сидѣли кучками на скамьяхъ, на бревнахъ, просто на травѣ жители магалы. Молодежь особо. Здѣсь слышались задорныя и смѣшливыя шутки, сверкали лукавые взгляды и порой яркія задирающія словечки. Люди постарше вели себя сдержанно и провожали меня любопытно-суровыми взглядами. Въ кучкѣ, къ которой мы подошли, шелъ, повидимому, серьезный разговоръ, и по рукамъ ходила толстая книга въ кожаномъ переплетѣ.

---

*) Предмѣстье.

— Вечеръ добрый!—отвѣтили намъ на привѣтъ.—Кого ты ето водишь, Тихонъ? Какого человѣка?

— Да это вотъ нашъ человѣкъ, изъ Рассеи пріѣзжій. Любопытствуетъ на счетъ турчина. Что какъ спрашиваетъ, при турчинѣ жили вы?

— Что-жъ... Жили и при турчинѣ... Не хуже нынѣшняго никакъ...

— Это вѣрно сказалъ.

— Конечно не хуже.

— Басурманъ, басурманъ. А вѣры онъ, главное дѣло, не рушилъ.

— Это вотъ правда!

— Этой у него манеры не было, что говорить напрасно.

— А развѣ румынъ за вѣру тѣснитъ?—спросилъ я.

— Не...—нерѣшительно сказалъ одинъ, помоложе, одѣтый въ городскую одежу. Но другой, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, рѣзко поднялся съ мѣста и, сверкая глазами, сказалъ запальчиво:

— Какъ вѣры не рушитъ? А за что нашихъ у тюрьму побралъ?.. Сколько народу?..

— Это дѣло особое.—сказалъ первый, обращаясь ко мнѣ.— Онъ, видите, писать захотѣлъ, рамунъ то есть. Скажемъ такъ: перепись народную хотѣлъ издѣлать... А нашимъ, значитъ, нѣкоторымъ это противно...

— Конечное дѣло, противно! А тебѣ не противно? На што она ему, перепись эта, занадобилась? Скажи-ка ты намъ, умная голова.

— Онъ, значитъ, такъ объясняетъ, что на счетъ сбору. Податя брать по описи и тому прочее, подобное.

— По-да-тя? — съ гнѣвной язвительностью спросилъ первый. — Надо, такъ бери! Что мы, отказываемъ, что ли? Не плотимъ или что? Взялъ съ меня,—запиши, куда хочешь: съ Ивана Макарова узято, напримѣръ, пятнадцать левовъ... Ну? Мы этому противимся, что ли?

— Этому мы не противны,—зашумѣли нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ,—продолжалъ первый.—Ему этого мало. Души ему писать надо...

— Ну, на што ему наши души? Куда ихъ?

— Конечно, души...

Среди моихъ соплеменниковъ закипалъ раздоръ. Одни изъ нихъ подчинились уже румынской регистраціи, другіе твердо стояли на отказѣ и рѣшили лучше пострадать „за вѣру“.

— Позвольте, — прервалъ я начинавшееся междоусобіе: — при чемъ же тутъ вѣра? Это дѣло мірское, гражданское...

— Какъ это, что вѣра не при чемъ? А царю Давыду что за это было?.. Не знаешь, что ли? Послушай вотъ, когда не знаешь...

И, раскрывъ старую книгу, къ которой, очевидно, уже прибѣгали въ бесѣдѣ, онъ прочиталъ главу изъ книги Царствъ о грѣшномъ желаніи Давида переписать народъ, и какъ Іоавъ убѣждалъ его отступиться отъ этого гибельнаго намѣренія... „да приложитъ Господь Богъ къ людямъ твоимъ, яко же быти имъ сторицею, и очи господина моего царя да увидятъ. И господинъ мой царь почто помышляетъ о словеси семъ?..“

— Вотъ видишь ты: глупѣй насъ Іоавъ былъ? А? Давыдъ его не послушался, что вышло?

— Моръ не пошелъ по всему народу? — подхватилъ другой.—Не видали ангела, изливающаго фіалъ гнѣва Господня? Что-о?..

Аргументъ былъ убѣдительный. Доказательство, можно сказать, документальное, и голоса возражателей смолкли.

— А развѣ,— спросилъ я: — турчинъ никакихъ переписей не дѣлалъ?

— Турчинъ?—сказалъ читавшій съ очевиднымъ уваженіемъ въ голосѣ: — станетъ тебѣ турчинъ писать!

— Ему это безъ надобности.

— Турецкій царь этихъ глупостей не приказывалъ.

— А податя и турчинъ бралъ. Просто было,—сказалъ сѣдой старикъ съ лохматой серебряной головой. — Вотъ какъ просто: идешь съ базару, встрѣтилъ онъ тебя на дорогѣ. — Стой, податя отдалъ? — Нѣтъ еще, ехвендій! — Ну, подавай сейчасъ. — Возьметъ съ тебя, сколько ему надо, камышину срѣжетъ, очинитъ... а чернила въ баночкѣ завсегда у него на поясѣ... на колѣнѣ квитокъ написалъ, готово! Ступай себѣ съ Богомъ...

— Тотъ много не писалъ!

Древній старикъ съ курчавой бородой и розовымъ лицомъ поднялъ сѣрые выцвѣтшіе глаза, посмотрѣлъ на всѣхъ лукаво улыбающимся взглядомъ и сказалъ:

— Писалъ и онъ тоже... Солдатъ или, скажемъ, казаковъ, этихъ писалъ.

— Безъ того, конечно, нельзя.

Старикъ окинулъ смѣющимися глазами все собраніе и продолжалъ:

— Вотъ я вамъ скажу, а вы послушайте, какъ онъ писалъ... Бывальщина это... Были у него, значитъ, козаки, наши рассейскіе...

— Некрасовъ. — подхватилъ кто-то.

— Зачѣмъ Некрасовъ! Некрасовъ подался у Анатолію, на Майносъ. А его, значитъ, заступили хохлы. У Кытерлезѣ стояли, да на Дунавцѣ, коло Калаорману... Атаманъ у нихъ Гладковъ былъ *). И числилось ихъ, значитъ, много полковъ. Тысячъ такъ что до сорока...

— Много!

— То-то вотъ, что числилось много: пороху, муницы тамъ, жалованья тоже самое шло на сорокъ тысячъ, а на лицо-то у него, у Гладкова—значитъ, было ли, нѣтъ ли тысячъ двадцать...

— Ишь ты!

— Ну, вотъ, бывало пишутъ этому Гладкову изъ Стамбула: смотри, ревизоръ ѣдетъ, важный паша. И, значитъ, тульчинскій начальникъ, прехвектъ по нонѣшнему, тоже отписываетъ: гляди, Гладковъ, штобъ было все въ порядкѣ. И выводи ты свои полки на смотръ у Тульчу, или тамъ у Бабу... Хорошо. Выѣзжаетъ, значитъ, этотъ самый паша на площадь... Становится, напримѣръ, посединѣ. Кругомъ офицерство это, честь честью и бумага въ рукахъ. Списки эти самые... А онъ, значитъ, атаманъ Гладковъ, поставилъ свои полки во-онъ туда, гдѣ мельницы. Ну, хорошо. Ударили въ бубны, затрубили въ трубы. Начинай! Повелъ онъ одинъ полкъ, повелъ другой, повелъ третій. Турчинъ пишетъ все... Столько-то тысячъ... Дальше да больше, дальше да больше. Двадцать, тридцать, тридцать пять тысячъ... уже и сорокъ подходитъ, а онъ все знай командуетъ: слѣдующій!.. И опять, значитъ, съ улицъ на площадь, какъ изъ рукава сыплетъ... Ѣдутъ и ѣдутъ козаки, конца не видно... Вотъ стамбульскій паша и пытаетъ у тульчанскаго-то: да сколько ихъ полагается? А тотъ говоритъ: сорокъ полковъ. Ну, тотъ ему: будетъ считать! Какъ бы большъ не насчиталъ, чтобы не пришлось нашему султану лишку приплачивать. И сейчасъ командуетъ: пошелъ по домамъ. Якши козаклеръ! Спасибо.

— А говоришь не было у Гладкова сороки-те тысячъ? — спросилъ одинъ изъ слушателей.

Старикъ опять обвелъ всѣхъ лукавыми глазами.

— Не было и есть! Думаешь, было?

— Дакъ какъ же?

— Хитрый былъ Гладковъ-то этотъ,—предположилъ кто-то.—

*) Гладкій Осипъ Михайловичъ, атаманъ дунайскихъ запорожцевъ. Въ 1828 году перешелъ на сторону русскихъ. Мѣстное преданіе, записанное мною въ Добруджѣ и излагаемое ниже, по своему объясняетъ этотъ переходъ.

Они вѣдь запорожскій корень,—вѣдуны, слышь, были. Глаза умѣли отводить...

— Не вѣдуны, такъ игдѣ бы имъ Некрасова-те съ Дунаю выбить...

— Вѣду-ны! — съ веселымъ пренебреженіемъ сказалъ старикъ. — Оно, можетъ, и было дѣло, да на этотъ разъ выходитъ просто.

— А какъ?

— Вамъ вотъ и невдомекъ. А такъ, что проведетъ онъ передъ пашой сколько-то полковъ, потомъ обернутъ по улицамъ,—да опять айда-те, ребята, на тую же площадь...

— А-ахъ ты!—съ истиннымъ восторгомъ загрохотали слушатели... — И что жъ, ничего?

— Зачѣмъ ничего: Гладкову отъ самаго султана благодарность!.. Ну, а какъ военный случай подошелъ, русскій царь пошелъ на турецкаго, тутъ уже нельзя было обманывать... Онъ видитъ, что дѣло-то выходитъ табакъ...

— Не увернешься...

— То-то, что не увернешься. Онъ туда-сюда... Да къ Николай Павловичу и подался. Опять на русскую сторону перешелъ...

— И вѣрно, что простякъ былъ турчинъ.

— Чего проще...

На небѣ, надъ минаретомъ мечети, надъ горой Махмудіе, надъ полоской Дуная, видной черезъ крыши, вырисовался въ вечернемъ небѣ серпокъ молодого мѣсяца, а мы все сидѣли на площадкѣ русской магалы и вспоминали о турчинѣ и о томъ, какой онъ былъ простякъ и какъ легко было его „обдуривать“... И вообще какъ было хорошо въ тѣ времена, когда еще не „Европа“, а турчинъ владычествовалъ и распоряжался въ Добруджѣ...

V.

Встрѣтился мнѣ какъ-то въ 90-хъ годахъ русскій человѣкъ, старикъ лѣтъ за 90. Онъ „выбѣжалъ изъ Рассеи“ еще во время севастопольской кампаніи. Съ тѣхъ поръ онъ бывалъ, какъ говорится, и на возу, и подъ возомъ, видалъ всякіе виды и хлѣбъ ѣдалъ изъ многихъ печей. Нерѣдко бывалъ съ турецкими паспортами и въ Россіи, преимущественно въ Одессѣ. Закинула его однажды судьба и въ Стамбулъ, гдѣ онъ нанялся конюхомъ къ „большому турецкому генералу“...

— Важный генералъ былъ, о-о, — настоящій. Въ Руманіи такихъ и нѣтъ. У нихъ, у турокъ, если ужъ генералъ, то

генералъ... Называемый паша: простому человѣку голову срубитъ, не отвѣтитъ.

Въ голосѣ нашего земляка слышалось истинное почтеніе. Хорошо это или плохо, — онъ судить не брался. Балканы — большія горы, паши—большіе генералы,—это только фактъ. Но на большія горы смотрятъ съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ на холмы.

— Царь у нихъ, вамъ скажу,—большой царь, настоящій, вродѣ нашего... Селямликъ праздникъ бываетъ... Поѣдетъ у мечеть, всѣ войска построены... Ура кричатъ, изъ пушекъ пальбу дѣлаютъ... На что паши, и тѣ, какъ листъ, дрожатъ. Самому большому министру прикажетъ голову срубить,—мигомъ снесутъ! О! что тутъ говорить... Такихъ царей и на свѣтѣ мало.

И случилось нашему земляку сильно провиниться: любимую лошадь паши испортилъ. Другіе конюхи говорятъ: „Кончено твое дѣло. Молись Богу. Вернется домой,—лучше на глаза не кажись. Наврядъ, что живой останешься“... Дѣлать нечего,— собрался онъ съ другимъ конюхомъ изъ болгаръ, и пустились въ бѣга, направляясь черезъ Балканы къ румынскому городу Констанцѣ...

Пробравшись кое-какъ черезъ населенныя мѣста по близости Стамбула, они углубились въ лѣсистые Балканы. Здѣсь все пугало русскаго человѣка: горы, покрытыя облаками и туманами, лѣса и особенно встрѣчи съ людьми. Онъ былъ увѣренъ, что первая же встрѣча грозитъ арестомъ, ужасными турецкими тюрьмами, а можетъ быть, и смертью... Пробирались поэтому глухими тропами, питались лѣсными растеніями, ягодами и корой, оборвались, обросли, стали похожи на лѣсныхъ звѣрей.

— Такъ шли мы, — говорилъ разсказчикъ,— съ недѣлю... Вдругъ однажды слышимъ: топоръ въ лѣсу стучитъ, — тюкъ да тюкъ! Пробрались мы, какъ волки голодные, къ тому мѣсту. Глядь, а это турчинъ черезъ Балканъ телеграфную линію гонитъ.—Что теперь,—спрашиваю у болгарина,—дѣлать станемъ? Кончатъ они насъ тутъ же. Расклюютъ насъ птицы, кости звѣрь по лѣсу растаскаетъ. Давай, опять подадимся въ лѣсъ... А болгаръ говоритъ: „нѣтъ, я не согласенъ“. Отощалъ очень. Пока мы совѣтуемся, собака насъ замѣтила, кинулась къ намъ. Дѣлать нечего, — вышли мы изъ кустовъ. Глядятъ они на насъ, мы на ихъ, — другъ дружки боимся. Особенно, какъ мы ободрались, почернѣли, чисто звѣри лѣсные

— Ну, однако, подошли они къ намъ, спрашиваютъ: что

за народы? — Я говорю: урýсъ, урýсъ. А они, — даромъ что воевали съ нами,—русскаго человѣка уважаютъ. Урусъ-йокчи! Указали дорогу: ступай, дескать, вотъ тутъ будетъ деревня. Выйдешь на улицу,—кричи старосту...

Бѣглецы такъ и сдѣлали. И послѣ этого дошли до самой румынской границы такъ же удобно и свободно, какъ еще недавно ходили, а можетъ быть, и теперь ходятъ наши бродяги по дорогамъ огромной Сибири. Такъ же, какъ и тамъ, никто у нихъ не требовалъ отчета, кто они и не убѣжали ли отъ правосудія. Они были странники, нуждавшіеся въ хлѣбѣ и въ ночлегѣ. И то, и другое предлагалось имъ просто и беззавѣтно.

— Придешь подъ вечеръ у деревню, сталъ средь улицы, кричи: „Ада-àй“... Десятника, значитъ. Десятникъ сейчасъ къ очередному, которому очередь странныхъ людей принимать. Отведетъ ночлегъ, напоятъ, накормятъ, переночуешь, хлѣба на дорогу дадутъ. Ступай дальше!

По вечерамъ, прослышавъ о невиданныхъ прохожихъ,— въ очередную избу набивались любопытные. Нашъ землячокъ, большой балагуръ и плутъ, быстро приноровился къ этой аудиторіи.

— Я имъ, бывало, начну, какъ умѣю, врать, мѣшаю бывальщину съ небывальщиной. Страсть любопытные. Особенно, начнешь разсказывать, какъ паны мучили крѣпостныхъ, что вотъ-дескать ребятъ отъ отцовъ-матерей въ неволю продавали, какъ все равно скотину. Они головами качаютъ, слезы по усамъ текутъ. „Чичкиръ московъ-гяуръ“. Значитъ: бѣдные русскіе люди. Жалко имъ...

И простодушные мужики въ глухой турецкой деревушкѣ, затерявшейся въ лѣсистыхъ Балканахъ, плакали надъ участію русскихъ мужиковъ, когда-то томившихся въ рабствѣ. Совершенно такъ, какъ въ нашихъ деревняхъ плачутъ, слушая захожаго болгарина, серба, можетъ быть, самозванца-перса, такого же плута, какъ и тотъ нашъ землячокъ,—разсказывающаго о турецкихъ звѣрствахъ... И, слушая эти разсказы, турецкіе мужики не вспоминали о поступкахъ своихъ башибузуковъ и курдовъ, какъ и наши мужики не вспоминаютъ ни объ армянской рѣзнѣ на нашемъ Кавказѣ, ни о звѣрствахъ, совершенныхъ надъ евреями въ Кишиневѣ и Бѣлостокѣ, ни о массовыхъ потопленіяхъ мирныхъ китайцевъ на Амурѣ... Хотя все это было... Такъ же, какъ были и свирѣпые башибузуки... Такъ же, какъ есть теперь „историческая месть“ македонскихъ четниковъ, истребляющихъ мужицкое населеніе турецкихъ деревень...

— Турчинъ,—онъ, конечно, басурманъ, мухамедовой вѣры,— закончилъ при общемъ сочувствіи разсказчикъ бродяжьей эпопеи.—Ну, однако, въ десять разъ лучше булгаръ... Попроси ты у булгарина денегъ... Удавится, не дастъ. А у турчина, бывало, переночуешь, особенно ежели который позажиточнѣе, поклонишься и скажешь: „Йокъ пари, ехвендій!". Значитъ: „денегъ у меня нѣту".—Что ты думаешь,—денегъ еще дастъ. Не посмотритъ, что ты не ихней вѣры... Нѣтъ, я такъ думаю: самый хорошій человѣкъ—турчинъ! Ежели бы въ нашу вѣру перешелъ, не было бы лучше этого народа...

— А самъ на силу урвался: пашѣ попался бы, не сносить бы головы!—замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— Ну, это ужъ дѣло такое... Самъ виноватъ, конечно. Онъ главное дѣло—съ пылу горячій былъ. Потомъ отойдетъ—и ничего... А подъ горячую руку, конечно, не попадайся...

И почти на каждое указаніе отрицательнаго свойства находилось смягчающее обстоятельство. Когда я старался оживить ихъ воспоминанія о пашахъ, жившихъ въ крѣпости надъ Тульчей, какъ въ орлиномъ гнѣздѣ, о чиновникахъ, полицейскихъ, жандармахъ, о насиліяхъ, взяточничествѣ, поборахъ, о національной заносчивости правящихъ классовъ, о несправедливости и подкупности судовъ, объ отсутствіи всякаго рода безопасности: личности, имущества, женской чести,— мои собесѣдники какъ-то пассивно соглашались, что въ этомъ отношеніи турчинъ оставлялъ желать много. Но и тутъ не обходилось безъ оговорокъ и колебаній...

— На этотъ счетъ,—прямо подлецъ былъ,—говорили одни.— Христіанина не почиталъ за человѣка, а все одно за собаку. Другого и слова не было у него. Придешь съ турчиномъ судиться,—первое слово турчину. Выслушаетъ его, потомъ уже тебя спрашиваетъ:—„Ну, теперь ты, собака, что скажешь?"

— Ну, а разсудитъ какъ?

— Ну, это какъ смотря по дѣлу. У нихъ тоже по закону это не полагается, что за своего стоять, правъ, не правъ...

— Это ужъ какъ выйдетъ, на чью сторону...

Эти нерѣшительные отзывы сразу примирилъ старикъ, сказавшій очень рѣшительно:

— Все одно—христіанинъ ли, турокъ ли. Кто бакшишъ больше далъ, тотъ и правъ.

Всѣ засмѣялись.

— Это вѣрно сказалъ.

— А у другихъ мѣстахъ не такъ?

— Гдѣ ты найдешь, чтобы по совѣсти?..

И лишь неохотно и вяло собесѣдники готовы были при-

знать, что румынъ менѣе лакомъ на бакшишъ, по крайней мѣрѣ, въ области суда. И всетаки въ концѣ концовъ всѣ одобрили рѣшительное заключеніе скептическаго старика:

— Той судъ и хорошъ, отъ котораго уйдешь...

— Вотъ это вѣрно сказалъ...

— Тикай отъ суда подальшъ...

— Лучше всего. Здоровѣе...

На счетъ насилій и грабежей чиновниковъ отзывы тоже были единодушны:

— Были, конечно, и добрые. Ну, иной разъ бывало заведется собака,—бѣда!

— Бабу красивую углядитъ,—береги, а то украдетъ.

— И управы не найдешь...

— Только ужъ на себя надѣйся... У котораго человѣка сердце горячее, не стерпитъ, то, значитъ, уже большъ на рушницу свою полагается да на темную ночь...

— Тутъ уже, значитъ, кому Богъ дастъ... Чье счастіе.

— Либо человѣкъ пропалъ, либо ему голову свою не носить...

— Ну, всетаки, бывали и хорошіе...

— Дюже хорошіе бывали. Добряки... Взять возьметъ, ну, обидѣть не дастъ.

— Это гдѣ хошь возьми: нѣтъ такой земли, чтобы все хорошіе были...

— Коровы у стадѣ, и то не одной шерсти.

— Другая пуще быка бодается...

Въ отзывахъ слышался почти турецкій фатализмъ: бывали начальники плохіе, бывали и хорошіе, какъ бываютъ ведреные и дождливые дни...

— Конечно, озорства было много... Отъ челяди...

— Нѣтъ, пуще всего отъ черкеса...

Послѣ выселенія черкесовъ съ Кавказа часть ихъ поселилась въ Добруджѣ. Исторія этого переселенія — настоящая эпопея кровавыхъ страданій и ужаса. Оголодалые, раззоренные, несчастные и больные, они отмѣчали свой путь павшими лошадьми, придорожными могилами и заразой... Турція дала имъ пріютъ, но къ дальнѣйшей судьбѣ единовѣрцевъ относилась съ равнодушіемъ фаталистовъ. И вотъ въ степяхъ Добруджи рядомъ съ цвѣтущими деревнями русскихъ выходцевъ выросли бѣдные черкесскіе поселки... Въ отрогахъ Балканъ есть два села неподалеку другъ отъ друга. И называются они—одно „Русская Слава“, другое „Слава Черкесская“.

Совершенно понятно, что этимъ двумъ „Славамъ“ трудно было уживаться по сосѣдству... Разсказы о взаимныхъ отношеніяхъ тоже носятъ печать эпическаго спокойствія.

— Что ему было дѣлать, хоть, скажемъ черкесу... Своей стороны рѣшился, климатъ ему здѣсь неподходящій. Опять же степь, а онъ привыкъ у горахъ... Ну, конечно, ужъ онъ больше надѣялся на свою ухватку...

— Вотъ, помню я, — разсказывалъ одинъ богатырь изъ Сары-кіоя, гдѣ, по преданію, живутъ остатки некрасовскаго корня.—Помню, разъ поѣхали мы съ базару, съ Тульчи. Къ себѣ у село. Батька съ братомъ, да я. Мальчонка я былъ тогда. Ну, на базарѣ, конечно, выпили здорово, ѣдутъ, пѣсни играютъ. Дѣло ночное, а мѣсяцъ. Только глядь: скачутъ по степѣ двое, вершно, и прямо къ намъ. Ну, тѣ пьяные, пьяные, а всетаки смекнули. Вылѣзли. Слеги съ ними на этотъ случай были,—выпростали изъ возовъ, ждутъ.—„Непремѣнно,— отецъ говоритъ,—Ибрагимка это съ Гассанкой на промыселъ выѣхали. Не зѣвай, братъ“. Подскакали они прямо къ намъ, лопочутъ по своему, ну, однако, можно понять, что дескать отдавайте деньги, коли живы остаться желаете. Ну, тѣ не сробѣли. Подняли слеги, да на нихъ. Какъ махнетъ надъ головой, такъ только свиститъ, вѣтеръ идетъ... Тѣ и съ конями какъ шарахнутся въ сторону,—все одно мухи...

— Ха-ха-ха!—загрохотали слушатели...—Не сладко!

— Извѣстно, народъ жидкій, не съ нашими сравнять... Посмотри ты на меня, а батька у меня вдвое дюжѣе былъ. Прямо сказать—башня. А черкесъ что?..

— Идѣ же черкесу!..

— Да еще голодный... Онъ, конечно, на конѣ и такъ, и этакъ вертится, какъ все одно комаръ. А подступу нѣтъ...

— Да вѣдь у нихъ, пожалуй, оружіе, пистолеты?

— Ну, что! Только слава одна. Стрѣлилъ онъ, положимъ, пулькой небольшенькой, такъ батька сразу и не замѣтилъ; послѣ уже, какъ до дому вернулись, фершалъ ему пульку эту выковырялъ... Такъ и отошли. Видятъ: марафетъ плохой. Тѣмъ болѣе наши такъ норовятъ, чтобы лошадей у нихъ попортить, а имъ лошадь дорого стоитъ... Повернули коней,— айда у степь. Только слѣдъ закурился...

— Что-жъ ваши, начальству не жаловались? — спросилъ я.

— Кому пожалишься,—съ добродушной усмѣшкой сказалъ разсказчикъ.—Турчинъ на это и вниманія не обращалъ. „Не убилъ, говоритъ, живого оставилъ? Чего-жъ тебѣ?“

— Значитъ, тебѣ Богъ не судилъ, когда ты живой остался... Больше ничего.

— А бывало, и убивали... Мало ли было, и-и! Боже мой...

— Тогда что же?

— А ничего! Что подѣлаешь?.. Жалься, пожалуй.—„Такъ и такъ, молъ, ехвендій, Махмудка у мене, напримѣръ, батьку до смерти убилъ, или, скажемъ, сына“... — Ну, такъ что? Убилъ—не вернешь! Что я тебѣ, Богъ что ли! Гдѣ я тебѣ новаго батьку возьму... Ступай себѣ!—Конечно, сдеретъ бакшишъ, сколько той можетъ его ублаготворить... И дѣду конецъ...

— Ну, опять же и самъ долго зла не помнилъ...

— Гассанку того батька послѣ у Бабѣ на базарѣ встрѣтилъ. Смѣется подлая душа.—„Здоровъ, говоритъ, Игнатъ-козакъ“. Это они нашихъ некрасовскихъ такъ зовутъ.—Здоровъ,—батько отвѣчаетъ.—Благодари своего Бога, что живъ убрался...

— Да, просто было...

— Самъ себя береги, ни на кого не надѣйся!

— Святое самое дѣло!

— На счетъ пашпортовъ тоже... Вотъ ужъ не тѣснилъ нисколько... Было разъ: выбѣжалъ тутъ одинъ такой человѣкъ изъ Рассеи, по старой вѣрѣ. И надо намъ было его опять у Рассею послать, у Сибирь... Надо, значитъ, дескирѐ, пашпортъ по ихнему. Айда, говорю, со мной. Приходимъ у конакъ... Сидитъ онъ на коврикѣ, ноги поджалъ, трубку куритъ.—Что вамъ, собаки? Зачѣмъ пришли?—Вотъ, говорю я, ехвендій, по какому дѣлу. Дескире треба, у Рассею податься. — Зачѣмъ?—По лошадиной части, у Одестъ.—А ты его знаешь?—пытаетъ меня.—Знаю, говорю, ехвендій, какъ не знать. Человѣкъ тутошній.—А спытай ты у него, самъ я кто такой, такъ и меня не знаетъ. Ни-и-чего! Сейчасъ на колѣнкѣ написалъ, печать приложилъ. Давай, что слѣдуетъ... Отдали, конечно, и готово.

— Ступай съ пашпортомъ, куда хочешь.

— Былъ Иванъ, сталъ Степанъ.

— Не любилъ этого турчинъ, что тѣснить понапрасну бумагами.

— Вѣрно! Простякъ былъ...

Все это кончилось. На низовыя придунайскія равнины ступила, въ лицѣ Румыніи, Европа. Румынія провела дороги, построила мосты, завела школы. Разбои прекратились. Несчастные черкесы еще разъ снялись и потянулись въ Малую Азію. Въ судахъ вмѣсто турецкихъ соломоновъ въ фескахъ засѣдаютъ судьи въ тогахъ и беретахъ. О бакшишѣ, по крайней мѣрѣ, въ судахъ, не слышно. Хотя Добруджа „не пріобщена еще къ благамъ представительнаго строя“ и не посылаетъ своихъ депутатовъ въ парламентъ, но все же она пользуется общими свободами: право собраній, свобода печати, слова и совѣсти...

Но наши сородичи смотрятъ на все это довольно равнодушно. О румынѣ они отзываются съ холодною сдержанностью:

— „Рамунъ—форсунъ!“—говорятъ они. И, дѣйствительно, румынъ любитъ, чтобы все у него было, „какъ у людей“. Самъ еще недавно выбившійся изъ-подъ турчина, — румынъ тѣмъ болѣе прилагаетъ старанія, чтобы все у него было или казалось по европейски. Мелкій чиновникъ и горожанинъ одѣвается щеголевато. Маленькій домикъ строится съ завитушками и съ претензіей на архитектуру. Общественныя зданія роскошныя, памятниковъ множество. Констанцскій мостъ—чудо искусства, не только по величинѣ, но и по красотѣ. Гигантскія фигуры чугунныхъ доробанцевъ стерегутъ его, зорко вглядываясь въ теченіе Дуная... И, чѣмъ огромнѣе эти чугунные гиганты, тѣмъ меньше и даже смѣшнѣе кажутся у ихъ ногъ лиллипутскія фигурки живыхъ солдатъ, тщедушныхъ, въ оборванныхъ до лохмотьевъ мундирахъ. Городъ шумитъ и пользуется значительной степенью политической и гражданской свободы. Деревня тонетъ въ невѣроятной темнотѣ, безправіи, вырожденіи. Румынія—государство маленькое, и ея мужику очень тяжело дается содержаніе арміи и флотовъ, правительства и представительства...

Это почувствовали и наши. Времена, когда простодушный взяточникъ-турокъ спрашивалъ подать у случайно встрѣченнаго на шляху плательщика и писалъ ему „квитокъ“ тутъ же срѣзанной камышиной, давно прошли. Румыну надо нести подать во-время. Пишетъ онъ хорошо и аккуратно. У него записанъ каждый домъ, и каждая душа въ домѣ, и каждый сарай, а въ сараѣ каждая голова скота, и каждая рыбачья лодка на берегу Дуная. Стоитъ родиться новому теленку, — онъ попалъ уже въ книгу и становится плательщикомъ государства. Стоитъ рыбаку вытянуть изъ воды сѣть, — около него ждетъ уже чиновникъ, безъ котораго нельзя продать ни одной рыбины.

VI.

По существу это тяжело, по формѣ — назойливо и непріятно. Но все же, прислушиваясь къ вздохамъ о прошломъ, которыми какъ будто обвѣяны эти степи и плавни, я слышалъ въ нихъ что-то болѣе глубокое, чѣмъ тяжесть румынскихъ налоговъ, что-то болѣе интимное, сросшееся съ самыми глубинами души нашихъ „уходцевъ“... То самое, что выманивало еще Игната Некрасова подъ власть басурманскаго царя, чего, значитъ, они не находили уже на родинѣ и надѣялись найти у турчина.

Какъ-то я задумался объ этомъ, проѣзжая степью между плавнями. Было тихо, пустынно и какъ-то мечтательно грустно. Кругомъ—ни человѣка, ни жилья, ни дымка на горизонтѣ, ни собачьяго лая. Колыхалась трава и камыши, и орелъ кружился, то подымаясь въ синюю высь, то камнемъ опускаясь на добычу...

И мнѣ все смутно вспоминалось что-то знакомое... Да, — это изъ Гоголя, „Тарасъ Бульба“... Козаки пробираются къ Днѣпру, какъ я теперь пробираюсь къ Дунаю... „Степь давно приняла ихъ въ свои объятья, и только черныя козачьи шапки мелькали надъ колосьями травы“. Бульба приподнимается на стременахъ и, указывая нагайкой на маленькую точку вдали, говоритъ:

— Посмотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ.

Это еще первый человѣкъ, встрѣченный на пути въ этой цвѣтущей пустынѣ. Сколько еще такихъ „черныхъ точекъ“ могли бы размѣститься на ней, не стѣсняя другъ друга! И все же первое побужденіе у степного вольнаго человѣка: „попробуйте догнать его!“—„И не пробуйте“,—съ сожалѣніемъ прибавляетъ старый Бульба. Далеко. Ускачетъ! А не будь такъ далеко,—они бы непремѣнно погнались. И кони мчались бы, какъ вѣтеръ, и травы разступались бы, какъ морскія волны, и духъ захватывало бы отъ простора и страстнаго чувства погони. И, если бы догнали, то... черезъ нѣсколько минутъ—была бы опять та же пустая степь кругомъ, и такъ же ѣхали бы по ней козаки, и только въ одномъ мѣстѣ подъ жаркими лучами солнца лежалъ бы въ зеленой травѣ трупъ человѣка, съ которымъ козакамъ оказалось тѣсно на этомъ необозримомъ просторѣ... И, оглядываясь, путники могли бы видѣть, какъ надъ этимъ мѣстомъ взлетаютъ и дерутся степные орлы...

Вотъ чего искали у турчина на придунайскихъ степяхъ Игнатъ Некрасовъ со своими козаками, когда они уходили отъ крѣпкой руки Петра съ его европейскими новшествами. И вотъ что нужно было запорожцамъ, когда ихъ гнѣздо раззорили екатерининскіе генералы съ европейскими косицами и европейскимъ военнымъ строемъ. И вотъ почему новые пришельцы изъ Россіи тотчасъ же стали биться съ некрасовцами не на животъ, а на смерть, какъ когда-то бились съ татарами, до тѣхъ поръ, пока отъ одного горизонта до другого не стало видно только своихъ... Некрасовцы ушли дальше, въ еще болѣе дикую Анатолію, а на взморьѣ и на лиманахъ осѣли запорожцы, рыбаки и разбойники одновременно...

И за козаками потянулось все, что искало шири и простора, немѣряныхъ полей для плуга, вольныхъ поймъ для косы, пустыни для молитвы... И, казалось, все это нашлось подъ властью турчина. Турецкое государство было очень плохое, самовластное, несправедливое, но за то у него были два подходящихъ качества: оно было терпимо и слабо... Если уже мириться съ властью государства,—то пусть это будетъ государство турчина, напоминающее смутныя туманныя преданія Азіи, съ мглистыми образами стихійныхъ, полумистическихъ владыкъ, далекихъ, какъ далеки клубящіеся надъ истомленною степью мглистые смерчи... Пусть порой налетитъ гроза, пусть все пригнететъ къ землѣ, придавитъ и истопчетъ. Гроза уйдетъ, а степная трава подымется опять и опять зацвѣтетъ на мѣстѣ недавняго опустошенія...

Теперь всюду на свѣтѣ становится тѣснѣе... Придунайскія степи тоже вымѣрены и распаханы, каждый клокъ записанъ и обложенъ... И у русскаго ихъ владѣльца не остается даже того утѣшенія, что хоть самъ-то онъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ, не записанный ни въ какія шнуровыя книги, не припечатанный никакими печатями. А при турчинѣ онъ не былъ записанъ и припечатанъ. Онъ владѣлъ потому, что пахалъ и косилъ... И нашимъ соплеменникамъ, жившимъ подъ его властью, кажется, что „миляга турчинъ“ унесъ съ собой и просторъ, и урожаи. При турчинѣ солнце свѣтило ярче, земля родила щедрѣе, даже рыба шла охотнѣе на приготовленные для нея крючья...

И огорченный степной человѣкъ оглядывается съ недоумѣніемъ: гдѣ же теперь его мѣсто на свѣтѣ?

VII.

Однажды я подъѣзжалъ на пароходѣ къ Тульчѣ съ низовьевъ Дуная. Сулинъ и плавни остались назади и къ берегу подступали отбѣжавшіе далеко отъ кряжа отроги Балканъ. Съ этой стороны я подъѣзжалъ еще впервые, и все мнѣ было интересно. Поэтому я обратился съ разспросами къ старику русскому. Онъ былъ мѣстный житель и, конечно, старовѣръ. Отвѣтивъ кое-какъ на мои вопросы, онъ, въ свою очередь, пытливо всмотрѣлся въ меня и спросилъ:

— А вы... рассейскіе?..

— Да, я ѣду изъ Россіи.

— Можетъ, бывали и въ Сибири?

— Да,—отвѣтилъ я,—бывалъ и въ Сибири.

Въ глазахъ старика мельнулъ огонекъ, онъ понизилъ голосъ и спросилъ:

— А теперь куда?

— Въ Тульчу.

Огонекъ разгорѣлся ярче и, наклонясь ко мнѣ, старый „раскольникъ“ спросилъ еще тише:

— Кого надо вамъ?..

— Я ѣду къ русскому доктору...

— А!

Онъ помолчалъ и, какъ будто обдумавъ что-то, заговорилъ про себя, но явно для моего свѣдѣнія, тономъ полувопроса:

— Бѣлки есть горы въ Сибири... далеко...

— Да, есть,—отвѣтилъ я, зная, что „Бѣлками“ или Бѣлогорьемъ называютъ Алтайскія горы...

— Нашихъ тамъ много, по старой вѣрѣ.

— Есть и это.

— Звѣря, говорятъ, много всякаго. Козы дикія... олени тоже... Земли довольно, ну, только очень дюже крѣпкая... Хлѣбъ не то что... Такъ себѣ. Не супротивъ здѣшняго... Рыбы тоже не сила, ну, рыба хорошая, и запрету нѣтъ... Кидай неводъ, куда хочешь...

— Да, все это, пожалуй, вѣрно.

— Такъ. Ну, однако, говорятъ: тѣсновато стало и тамъ... И начальство утѣсняетъ.

— Ну, и что же? — спросилъ я, чувствуя, что онъ ждетъ отъ меня еще чего-то.

Онъ искоса на меня посмотрѣлъ и, отвернувшись, продолжалъ будто про себя:

— Ну, были оттеда и у насъ двое. Не самые первые люди... Сказать: второй статьи... А другіе, слышь, письмо написали: что мы, говорятъ, въ Румыніи съ вами съѣдемся. А гдѣ у Румыніи—неизвѣстно. Она, Румынія, вонъ какая... Идѣ тутъ сыщешь... А надо: мы сами къ нимъ было думали, ну, а они вишь ладются къ намъ...

Я понялъ: старикъ, обманутый моими длинными волосами и окладистой бородой, считалъ меня, повидимому, эмиссаромъ сибирскихъ старообрядцевъ, которымъ стало тѣсновато въ Бѣлкахъ. Предстояли, можетъ быть, совѣщанія о новыхъ поискахъ, еще гдѣ-нибудь „за Бѣлками“, въ какомъ-нибудь таинственномъ Бѣловодскомъ царствѣ... И для этого должны были сойтись люди стариннаго уклада съ сибирскаго востока и съ придунайскаго запада. Старикъ искушалъ меня и выпытывалъ, думая, что я ѣду по этому дѣлу, только скрываюсь изъ осторожности.

VIII.

Въ другой разъ я зашелъ въ Тульчѣ въ небольшое демократическое заведеніе съ вывѣской „Birt economic. Vin si bere“, что соотвѣтствуетъ нашему „трактиру съ продажей питей“. Со мной былъ одинъ русскій добруджанецъ „бѣлокриницкой іерархіи“. Это наиболѣе успокоившаяся часть старообрядчества, нашедшая свою „благодать“ и увѣренно обладающая ею на законнѣйшемъ основаніи. У нихъ есть установленная іерархія, по характеру очень близкая къ нашей, есть церкви, монастыри, священники, епископы, соборы. Они наиболѣе податливы на требованія государства, ведутъ въ приходахъ метрическія книги, мирятся съ прививкой оспы, а на мятущихся внѣ признанной церкви „безпопскихъ“ соплеменниковъ смотрятъ съ большой ироніей и свысока...

Когда мы сидѣли въ „градинѣ“—небольшомъ садикѣ ресторана, туда вошли девять человѣкъ съ чисто русскими лицами и въ русскихъ костюмахъ: косоворткахъ и сибиркахъ. Только одинъ былъ одѣтъ въ шитую малороссійскую рубаху, въ пиджакъ и соломенную шляпу.

Мой собесѣдникъ, „австрійскій“, толкнулъ меня локтемъ...

— Посмотрите вы на этихъ людей.

— А что?

— Такъ. Любопытно вамъ. Это все разныя вѣры. Грызутся по вся дни. А вотъ сошлись воедино. Нужда стиснула.

Вошедшіе осмотрѣлись кругомъ. Былъ часъ, когда въ ресторанахъ еще мало народу. „Градина“, затѣненная сверху вьющимся по переплету виноградомъ, была пуста, — мы съ моимъ собесѣдникомъ были единственными посѣтителями. Вошедшіе выбрали уголъ подальше и стали размѣщаться за столикомъ.

— Этотъ вотъ съ краю, лысый съ рыжей бородой, — пояснялъ мнѣ мой собесѣдникъ,—это ѳедосѣевецъ, безбрачникъ. „Неженивые не женитеся, оженивые разженитеся“... Рядомъ филиповецъ. Эти женятся по благословенію. Вонъ тамъ на углу—два хатника безпоповца. Для молитвы собираются по пяти-шести семей въ одну хату. Тамъ вонъ еще два по бѣглому священству: переманиваютъ изъ Россіи бѣглыхъ поповъ... Спился который, отъ прихода отставленъ, — это имъ самый нужный человѣкъ. А вонъ тамъ, видите, прилизанный такой.

Онъ указалъ на щупленькаго мужиченка съ прямыми, точно смоченными, волосами. Лицо худое, нездоровое, бородка клиномъ, видъ загнаннаго собаками зайца...

— Это тоже хатникъ,—шепнулъ мой собесѣдникъ. — Не-

давно жудекаторъ (судья) посадилъ его на пятнадцать денъ въ пенитенціаръ, за то, что похоронилъ покойника, а въ примарію не заявилъ.

— Почему?

— Считаютъ за грѣхъ. Какъ младенцевъ, такъ равнымъ образомъ и покойниковъ не пишутъ ни у какія книги. Здорово ихъ теперь стиснулъ рамунъ: первый разъ на пятнадцать денъ, ну, а на второй разъ ужъ онъ хорошо знаетъ, что не пятнадцатью днями пахнетъ... Насчетъ воспы особенно ненавиствуютъ они. А рамунъ требуетъ. За турчина этого не было, конечно. Они обижаются: считаютъ, что антихристовы времена пришли.

Компанія размѣстилась за столомъ и заказала полъ-ока вина. Мальчикъ принесъ графинъ на подносѣ и стаканы, но гости отодвинули стаканы въ сторону и стали доставать изъ кармановъ свои собственные, обтирая ихъ фуляровыми платками.

— Видали?—смѣясь глазами, спросилъ собесѣдникъ.—Брезгуютъ. Не то что прочими, а и другъ друга за антихристовъ почитаютъ, даромъ, что всѣ такіе же... безпопскіе...

— Зачѣмъ же они сошлись?

— А это видите,—какъ во время потопа: всѣ звѣри сошлись на единую скалу... „Се левъ ста со овцой“... Совѣщаются, какъ имъ отъ записи и отъ воспы отбиться... Или, дескать, податься еще куда-нибудь въ отдаленныя земли... Одолѣваетъ рамунъ...

Онъ засмѣялся.

— Здѣсь, видите какъ. Здѣсь толеранца: вѣруй, какъ хочешь. Ну, ежели же ты наставникъ общины, — гражданскую запись веди. На этотъ счетъ у рамуна строго... Штрафъ да штрафъ, пенитенціаръ да пенитенціаръ. И что дальше, то больше... Не отвертишься никакъ. Податься некуда.

И, наклонясь ко мнѣ, онъ указалъ на высокаго человѣка въ соломенной шляпѣ и пиджакѣ.

— Этотъ вотъ, высокій... Знакомый мнѣ... Тоже притащился на совѣщаніе, а самъ еще въ прошломъ годѣ дѣтей у примаріи позаписовалъ. Только не признается имъ.—„Антихристъ, дескать, или не антихристъ, а ужъ я вѣрно знаю, что какъ помру, такъ у моихъ дѣтей землю отнимутъ. Это, говоритъ, не при турчинѣ, что безъ бумагъ владали, никому дѣла не было. А теперь записалъ,—будетъ крѣпко“.

Я смотрѣлъ на этихъ загнанныхъ русскихъ людей, тихо шептавшихся въ углу румынской „градины“. Солнце пятнами падало на ихъ озабоченныя лица; въ „градинѣ“ пахло виномъ

и сыростью, совсѣмъ близко мостовая узкой улицы трещала подъ кованными колесами каруцъ, буксирный пароходъ грузно пыхтѣлъ на рѣкѣ, мальчишки выкрикивали названія газетъ. Суетливая современность катилась мимо кипучей струей, а они совѣщались о томъ, какъ имъ спастись отъ этого потока, гдѣ еще найти сказочное „бѣловодское царство“ съ патріархами, благовѣрными царями и синклитами... Или если не Бѣловодію, то хоть недавнюю простоту добродушно-варварскаго „турчина“. И мнѣ показалось, что дѣйствительно это — кучка людей, захваченныхъ потопомъ на одинокой скалѣ...

IX.

Эти разговоры и совѣщанія не остались, повидимому, въ области однихъ намѣреній и предположеній. И наши, и румынскія газеты отъ времени до времени сообщаютъ о какомъ-то движеніи среди буковинскихъ и добруджанскихъ русскихъ, которые хотятъ сняться опять и двинуться на старую родину... Но всякій разъ беретъ раздумье и сомнѣнія. Помню, съ какимъ волненіемъ приходили ко мнѣ въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ эти люди старой вѣры съ разспросами о тираспольской трагедіи. Правда ли, что люди закопались живьемъ вслѣдствіе преслѣдованій?

— Стало быть, хорошо и у Рассеѣ?

— Живьемъ у землю полѣзли!

— Значитъ, больше ужъ некуда...

— Пришли остатнія времена...

Въ „дни свободы“ отголоски русскихъ событій дошли, конечно, и на низовья Дуная. Наши земляки встрепенулись... Казалось, Россія сдвинулась съ мѣста, и слово „воля“ окрашивало это движеніе. Какая воля?.. Какая бы ни было, во всякомъ случаѣ свобода вѣры... А если такъ, то они согласны жить хотя бы въ далекой Сибири, на Бѣлкахъ или хотя бы за Бѣлками...

И они, очевидно, двинулись... Въ 1911 году, когда я опять былъ въ Румыніи, хотя и не въ Добруджѣ, въ румынскихъ газетахъ вдругъ появилось извѣстіе, что въ Галацъ пришелъ пароходъ, на которомъ вернулись изъ Сибири нѣсколько десятковъ семей русскихъ переселенцевъ. Вернулись разоренные и разочарованные.

Къ сожалѣнію, мнѣ не привелось увидѣть ихъ и говорить съ ними, а человѣкъ, съ которымъ довелось говорить о нихъ, не могъ сказать много. Онъ былъ сдержанъ и неразговорчивъ, смотрѣлъ въ сторону тусклыми и апатичными глазами и думалъ какія-то свои думы.

— А!—сказалъ онъ на мои вопросы.—Что тутъ говорить? Поѣхали ни почто, пріѣхали ни съ чѣмъ. Тамъ — тоже тѣснота, а слободности нѣту...

Этимъ, впрочемъ, было въ сущности сказано много. Ихъ предки уходили изъ Россіи, когда въ ней еще не было тѣсно. Они уходили только отъ русскихъ порядковъ и у турчина искали терпимости. Теперь, вернувшись, они не находятъ на старомъ отечествѣ ни прежняго простора, ни новой свободы, ни хотя бы турецкой простоты. Румынъ ихъ писалъ только для фиска, и то имъ казалось непереносно. Въ Россіи всѣхъ тоже записываютъ и не разъ; въ одну книгу пишутъ для фиска, въ другую для сыска, въ третью еще для чего-нибудь, не менѣе непріятнаго...

Какъ бы то ни было, они вернулись, и передъ ними стоятъ тѣ же вопросы...

Вспомнилась мнѣ картина наводненія на низовьяхъ Дуная. Неуклонно, упрямо вода выступала изъ береговъ, переплеснула черезъ низкіе береговые откосы, затопила ерики, луговыя поймы, прибрежные камыши, охватывала кругомъ холмы и возвышенія. Стада, фыркая, торопливо брели къ этимъ возвышеніямъ. На одномъ холмикѣ собралось нѣсколько буйволовъ и съ красивымъ вдумчивымъ упорствомъ, уставясь крутороги ми лбами, смотрѣли на подымающійся приливъ... И казалось, что въ глазахъ внушительно красивыхъ животныхъ стоитъ какая-то мысль, упрямая, глубокая и философски-пассивная...

Картина показалась мнѣ выразительной и символистичной. Такъ европейскій западъ заливаетъ остатки европейскаго востока съ его политическимъ и душевнымъ строемъ, съ его привычками и идеологіей, требуя, чтобы онъ измѣнилъ своей старой формулѣ произвола и... свободы. Свобода для восточнаго мечтателя—это просторъ въ его нераздѣльномъ владѣніи. Это степь, по которой можно по булавински „погулять и на добрыхъ коняхъ поѣздить“, которую можно пахать и косить, гдѣ плугъ и коса сами захотятъ. Это широкія воды, въ которыя можно невозбранно кидать неводы и ставить крючья, не стѣсняясь никакими законами о рыболовствѣ... Это густыя лѣсныя чащи для уединенной молитвы, съ непуганнымъ медвѣдемъ по сосѣдству, который беретъ у пустынника изъ рукъ корочку хлѣба...

Восточный мечтатель не успѣлъ оглянуться, какъ эта степь, и эти лѣсныя чащи, и этотъ просторъ исчезли съ бѣлаго свѣта. Во всякомъ случаѣ вывелись въ Европѣ. И ему остался на память о нихъ только одинъ восточный произволъ, съ „про-

стотой" и слабой властью, „какъ у турчина", или безъ простоты и съ сильной чисто полицейской властью, какъ въ Россіи... Нѣтъ уже степей, по которымъ Бульба ѣхалъ недѣлю и только разъ могъ указать сыновьямъ: „посмотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!" Но за то есть могучіе русскіе паши, которые въ серединѣ мирнаго города палять изъ пушекъ, какъ восточный владыка въ необозримой степи...

Гроза, стихія, степное марево Азіи...

Европейскія представленія о сожительствѣ людей и свободѣ качественно другія. Въ Европѣ давно уже тѣсно, и она ломаетъ голову не надъ тѣмъ, гдѣ еще можно отыскать волшебныя и свободныя дали, а какъ устроиться людямъ „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ". Какъ сдѣлать, чтобы на ограниченномъ пространствѣ всѣмъ было просторно и всѣ чувствовали себя свободными, чтобы безчисленныя людскія воли двигались по своимъ путямъ, не сталкиваясь и не стѣсняя одна другую...

— Убери свою мельницу, — она закрываетъ мнѣ горизонтъ, — говоритъ европейскій король мельнику, и тотъ отвѣчаетъ:

— Не уберу, ваше величество. Она находится въ кругѣ моей маленькой воли, а не вашей большой. — И вотъ та самая сила, которая нѣкогда носилась надъ землей, какъ вихрь, сметая все передъ собой, осторожно обходитъ скромную мельницу, не рѣшаясь шевельнуть ея крыльевъ безъ воли ея маленькаго хозяина.

Эта европейская формула, по словамъ пророка, „принижающая горы и поднимающая долы", захвативъ западъ, доплеснула до послѣднихъ убѣжищъ европейскаго востока, затопила Сербію, Румынію, Болгарію, Грецію, кольцомъ охватила Стамбулъ... Внѣ ея вліянія оставались два большихъ государства: турчинъ и мы...

X.

Каждое вновь вступающее румынское министерство, излагая свою программу, непремѣнно обѣщаетъ „распространить на Добруджу блага представительнаго строя". Въ сущность это старое обязательство Румыніи, данное передъ присоединеніемъ Добруджи по берлинскому трактату, но Румынія не торопится внѣдрить выборное право въ низовьяхъ Дуная, да и Добруджа не очень требуетъ. Сила Добруджи въ ея степи, — а степь болѣе внимательно вслушивается въ невнятный говоръ вѣтра на могилахъ прошлаго, чѣмъ въ опредѣленныя требованія отъ будущаго.

На лѣвомъ берегу Дуная, немного повыше бойкой пристани Галаца (значитъ, не въ Добруджѣ, а въ коренной Румыніи), есть городокъ Браила, который наши называютъ Браиловымъ. Въ этомъ городѣ есть огромная „магала“, сплошь занятая русскими стараго обряда. Нѣсколько лѣтъ назадъ я былъ въ этомъ городѣ съ однимъ моимъ знакомымъ, тоже русскимъ, давно живущимъ въ Румыніи. У него была опредѣленная цѣль: склонить земляковъ къ тому, чтобы они воспользовались принадлежащимъ имъ правомъ голоса на предстоящихъ выборахъ. Для этого онъ вступалъ въ переговоры съ болѣе развитыми и интеллигентными изъ браильскихъ обывателей.

Тутъ было одно специфическое препятствіе: почему-то приходилось вносить 20 франковъ, чтобы въ первый разъ быть внесеннымъ въ избирательные списки. Объ эти 20 франковъ какъ-то спотыкалась рѣшимость русскихъ браиловчанъ, и они еще не пользовались своими элементарными гражданскими правами.

— Вамъ бы вотъ что,—посовѣтовали намъ между прочимъ.—Вамъ бы сходить къ Борису Егорову. Лицо видное и вліятельное. Ежели онъ подастся,—за нимъ ужъ пхнутся и другіе.

Борисъ Егоровъ принялъ насъ очень радушно. Это былъ еще не старый или только моложавый, кряжистый человѣкъ, въ каждомъ движеніи котораго чувствовалась привычка къ общему уваженію. Манеры у него были простыя и довольно привѣтливыя, въ глазахъ свѣтилась умная усмѣшка.

Онъ угостилъ насъ чаемъ съ медомъ и много разспрашивалъ о Россіи. Самъ онъ былъ старообрядецъ и даже строитель противоокружническаго храма, но въ его разговорѣ и манерахъ не было обычной суровой и холодной сдержанности, а интересы его были, очевидно, шире и разностороннѣе однихъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Только все это задергивалось, какъ занавѣсью, лукавой усмѣшкой. Трудно было разобрать изъ-за этой усмѣшки, къ чему онъ относится съ враждой, къ чему съ сочувствіемъ...

— Выборы?—сказалъ онъ, улыбаясь.—Ну, такъ!... Первое—плати 20 франокъ, запишутъ тебя... Второе: свои пойдутъ судачить, — „изъ ряду выходитъ Борисъ Егоровъ... Прежде этого не было, наши въ этотъ марафетъ не мѣшались“...

— Ну, надо же когда-нибудь начинать...

— А для чего?

И онъ впился въ говорившаго своими умными насмѣшливыми глазками. Мой спутникъ сталъ подробно и горячо доказывать, что отъ участія въ выборахъ всетаки можетъ быть

польза, хотя бы въ интересахъ мѣстнаго населенія. Я смотрѣлъ на лицо Бориса Егорова. Онъ слушалъ внимательно, хотя и было видно, что все это для него уже не ново, что онъ все это уже обдумалъ и даже составилъ уже рѣшеніе... Но все же онъ выслушалъ до конца съ видимой благосклонностью и сказалъ:

— Ну... двадцать франокъ не деньги. Хлопотъ тоже немного,—только и есть, что у Галацъ съѣздить. А у меня тутъ сыновья да зятья, да свояки. Посунемся усѣ—кучка порядочная... А станутъ наши корить да смѣяться, я ужъ знаю, что отвѣтить.

— Что именно вы отвѣтите?—заинтересовался я, замѣтивъ, какъ въ глазкахъ Бориса Егорыча забѣгали веселые огоньки...

— Сказать?

— Скажите.

— Вотъ видите: зашелъ разъ хохолъ у церкву. А хохлы, вы знаете, хитрые „до біса“. Купилъ свѣчекъ, да и натыкалъ передъ разными иконами. А въ старыхъ церквахъ такъ бывало, что бѣса тоже на иконахъ писали. Въ уничижительномъ видѣ, положимъ, ну, всетаки былъ и онъ, проклятый. Вотъ мой хохолъ послѣднюю свѣчку взялъ, да чорту передъ самымъ носомъ и воткнулъ. Идетъ назадъ, люди его окликаютъ:—„хохолъ, а хохолъ!“—Що вамъ, каже, треба?—„Ты погляди: кому ты свѣчку поставилъ?“—Та кому жъ? Передъ иконой и поставилъ.—„Да вѣдь она у тебя противъ чорта стоитъ какъ разъ... Сними поди“.—Онъ туда-сюда,—кинулся будто снимать, а потомъ махнулъ рукой и говоритъ:—„А нехай вже стоитъ, коли поставлена. Хто его, каже, знае, кому на томъ свѣтѣ попадешь у лапы“... Ну, вотъ... Простите Христа ради, ежели моя сказочка не нравится?—прибавилъ онъ, глядя на насъ вопросительно. Умный мужикъ понималъ, очевидно, что для интеллигентнаго русскаго человѣка въ „конституціи“ есть что-то большее, что-то отъ „свободы“ и, пожалуй, немного „отъ вѣры“. Оскорбить онъ насъ не хотѣлъ.

— Такъ, значитъ, пойдете всетаки?

— Пойду. Такъ и доктору скажите. Двадцать франокъ не деньги... А кто его знаетъ... Видно, и въ самомъ дѣлѣ времена подходятъ другія. Не при турчинѣ.

Кажется, онъ сдержалъ обѣщаніе, и въ ближайшіе выборы русская старообрядческая магала затеплила свою свѣчку передъ „конституціей“... Безъ энтузіазма, „безъ преувеличенныхъ надеждъ“, съ тупымъ опасеніемъ или лукавой усмѣшкой сомнѣнія и недовѣрія.

— Ну, всетаки шагъ сдѣланъ,—сказалъ мой спутникъ,—

когда мы шли по широкимъ улицамъ Браилы съ чистыми домиками и садами.—А каковъ мужичокъ!?—добавилъ онъ.

— Умница,—отвѣтилъ я.

— Да, умница большая! И вѣдь дѣйствительно... Кто знаетъ, кому и сколько разъ на этомъ пути попадешься еще въ лапы...

XI.

Въ 1897-мъ году мнѣ довелось прожить нѣсколько дней въ рыбачьемъ селѣ Кытерлезѣ, на южномъ дунайскомъ гирлѣ. Есть основаніе думать, что Кытерлезъ былъ опорнымъ пунктомъ, въ которомъ укрѣпились запорожцы прежде, чѣмъ выбить съ Дуная некрасовцевъ. Теперь это тихое село, на песчаной косѣ, омываемой гирломъ Дуная и взморьемъ, съ церковкой и съ рыбными ватагами, принадлежащими грекамъ. Одинъ изъ этихъ грековъ Яни Милану является настоящимъ владыкой Кытерлеза...

Однажды я зашелъ на почту вмѣстѣ съ нѣсколькими рыбаками. Начальникъ почты, щеголеватый румынъ, отдавая мнѣ письма и газеты, приподнялъ свой форменный картузъ и любезно поздравилъ.

— Salutari domnu Korolenko! Вашъ императоръ далъ Россіи конституцію!

Я засмѣялся. Это извѣстіе было для меня совершенно неожиданно. Только мѣсяцъ или полтора назадъ я выѣхалъ изъ Россіи, и никакой конституціей тамъ въ то время и не пахло...

— Это напечатано во французскихъ газетахъ.

— Посмотримъ, домнуле, что напечатано въ нашихъ,—отвѣтилъ я, откланиваясь.

Мои знакомые, рыбаки, были живо заинтересованы извѣстіемъ. Пройдя кучкой къ Дунаю, мы усѣлись на песчаномъ бугрѣ, и я вскрылъ газеты. Разумѣется, ничего даже похожаго на конституцію въ извѣстіяхъ русскихъ газетъ не было. Слухъ былъ просто выраженіемъ европейской увѣренности, что дальше намъ жить безъ конституціи невозможно, увѣренности, которой такъ или иначе суждено было современемъ оправдаться. Я прочиталъ всю газету и еще разъ пересмотрѣлъ ее, по требованію рыбаковъ, чтобы убѣдиться, что не пропустилъ чего-нибудь, хоть косвенно послужившаго поводомъ для слуха о конституціи. Ничего подобнаго не нашлось...

— Значитъ,—брехня?—сказалъ одинъ изъ рыбаковъ.

— Конечно.

— Ну, слава Богу,—облегченно вздохнулъ онъ.

— Почему же?—спросилъ я, удивленный этимъ непосредственнымъ отзывомъ.

Онъ немного помолчалъ и отвѣтилъ:

— Якъ вже у Рассеи буде конституцiя, то повынна Рассея пропасты.

Это былъ человѣкъ толковый, любознательный и даже выписывалъ дешевую русскую газету. Одно время поддерживалъ связи съ соціалъ-демократической партіей въ Тульчѣ, но съ нею вышла у него какая-то размолвка.

Оказалось, что о конституціи вообще кытерлезцы судили по румынскимъ порядкамъ, а нужно сказать правду, что румынская конституція поворачивается и къ своей-то деревнѣ сторонами довольно непріятными. Добруджа даже номинально не пользуется еще избирательными правами, и кытерлезскіе рыбаки о смѣнѣ министерствъ и ихъ программъ узнаютъ только потому, что и у нихъ тогда обновляется весь составъ администраціи, начиная съ сулинскаго префекта и кончая кытерлезскимъ почтаремъ.

— Только одинъ функціонаръ успѣетъ насосаться. Глядишь,—уже присылаютъ новаго, голоднаго.

— Одинъ Антипа усе остается,—иронически замѣтилъ другой.—Этого не смѣнятъ.

Г-нъ Антипа—фигура наиболѣе значительная для рыбаковъ во всемъ конституціонномъ строѣ Румыніи. Это завѣдующій рыбными промыслами, фаворитъ всѣхъ правительствъ, либераловъ, какъ и консерваторовъ, который сдѣлалъ доходъ отъ рыбныхъ промысловъ одной изъ важныхъ статей румынскаго бюджета. Надо сказать правду, что, ограничивъ хищническіе пріемы лова со стороны рыбаковъ, г. Антипа создалъ настоящую систему хищничества по отношенію къ рыбакамъ со стороны государства. А такъ какъ ни въ русской Килiи, ни въ Измаилѣ такихъ стѣсненій не было, и это знали румынскіе рыболовы, часто встрѣчающіеся съ русскими на рѣкѣ и въ морѣ, то естественно, что русское государственное устройство казалось имъ много лучше румынскаго.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы навести разговоръ на вопросы политики, на мнѣніе о турчинѣ, на ожиданія отъ будущаго.

О прошломъ мнѣніе было обычное: съ турчиномъ жить было можно: чиновники драли взятки, порой нестерпимыя, но именно потому и можно было жить, что брали взятки. Если станетъ ужъ очень невтерпежъ отъ меньшаго чиновника,—дашь взятку большему, глядишь, и убрали.

По сравненію съ этимъ прошлымъ, настоящее казалось кытерлезцамъ совершенно непривлекательнымъ: даже рыба почуявъ какъ-то, что у людей стало плохо, перестала ловиться

по прежнему. Какъ же быть въ ближайшемъ будущемъ?.. Мы перешли понемногу въ область мечтаній...

Мечтали о томъ, чтобы злого Антипу убрали и назначили „добраго“, и о томъ, какъ было бы хорошо, если бы вмѣсто грека Яни Милану вдругъ появился новый предприниматель, не менѣе богатый, но тоже добрый... Все это высказывалось вяло, тягуче и казалось такимъ же невнятнымъ и соннымъ, какъ плескъ воды на песчаной отмели...

— Усё не то! — сказалъ вдругъ высокій рыбакъ, до сихъ поръ молча лежавшій на пескѣ...

— Ну, а какъ?—повернулись къ нему.—По твоему что же?..

— Все дѣло — сказалъ онъ вдумчиво, — у Букарештахъ. Развѣ Антипа можетъ самъ писать регламентъ?..

— А кто же пишетъ, какъ не онъ?

— Ну, пишетъ онъ... А утверждаетъ кто?

— Извѣстно, король...

— Ну... Ежели бы теперь такъ было...

И рыбакъ заговорилъ, будто вглядываясь во что-то, постепенно возникающее въ его воображеніи.

— Ежели бы такъ... Чтобы намъ послать своихъ людей у Букарешты...

— Ну, и что?

— И чтобы могли они говорить со своей стороны... за насъ...

— Ну, ну?

— И чтобы никакого регламенту безъ нихъ не дѣлали...

Слушатели видимо оживились...

— Вѣрно! Вотъ это вѣрно...

— Сйгурно сказалъ.

— Таки правда!

— И чтобы,—продолжалъ первый,—усѣхъ такъ спрашивали: рыбалки за рыбалокъ, купцы нехай бы за купцовъ...

— Это вотъ былъ бы порядокъ...

Закипѣлъ разговоръ, представлялись возраженія. Я только слушалъ, какъ черта за чертой, въ видѣ утопіи, возникали въ наивномъ разговорѣ основныя черты демократическаго самоуправленія. Рыбаки очень удивились, когда я сказалъ, что это и была бы та самая „конституція“, отъ которой, по ихъ мнѣнію, Расеея „повынна пропасты“. Конечно, я не скрылъ, что такой „конституціи“ еще нѣтъ и въ Румыніи, что до нея еще далеко кореннымъ румынскимъ мужикамъ и рыбалкамъ, имѣющимъ якобы избирательныя права...

У нашихъ ногъ бѣжала мутная дунайская волна, такая же, какая встрѣчала ихъ прадѣдовъ, прибѣжавшихъ къ турчину искать своей казачьей воли... Вѣтеръ несъ со взморья

тонкій бѣлый песокъ, невдалекѣ бабы били вальками бѣлье, и пріятные женскіе голоса пѣли какую-то печальную старую пѣсню... Пѣсня была, должно быть, о старинѣ, о казакахъ, о турчинѣ... И я съ своеобразнымъ чувствомъ прислушивался и къ этой пѣснѣ, и къ тому, какъ на пепелищахъ старинной казачьей воли сама собой, стихійно и самостоятельно зарождается идея новаго европейскаго демократическаго строя, чуждая до сихъ поръ и турчину, и нашимъ...

XII.

Она ступила на турецкій и славянскій Балканъ впервые послѣ войны 1877 года. Турчинъ, разбитый и непріятно пробужденный отъ самодовольнаго фатализма, рѣшилъ привить себѣ европейскій строй, какъ талисманъ или магическое заклинаніе противъ грядущихъ катастрофъ. Но талисманъ пришелся не по вкусу падишаху и пашамъ, а народъ остался къ нему равнодушнымъ... Турецкій царь разогналъ депутатовъ, понявшихъ слишкомъ серьезно свою задачу, а иныхъ угналъ въ „отдаленныя мѣста“ Малой Азіи. И затѣмъ у турчина осталось все по старому... на три десятилѣтія...

Среди недавнихъ рабовъ шла усиленная прививка новаго политическаго міровоззрѣнія. Болгаріи пришлось пережить жестокій рецидивъ уже конституціоннаго рабства въ видѣ стамбуловщины, режима палочниковъ, дворцовыхъ переворотовъ. Сербія перестрадала Милана и Александра. И въ это время не разъ сербскому кмету казалось, что турчинъ былъ не хуже Милана, получившаго европейское воспитаніе на парижскихъ бульварахъ.

Но все это закончилось. Европейская формула охватила кольцомъ Стамбулъ съ престоломъ великаго падишаха. Турчинъ спохватился, почувствовавъ, что опасность грозитъ его національному существованію, и могущество падишаха рухнуло сразу, какъ глиняная стѣна, подмытая водой... Но на новый строй обрушились и традиціи, и преступленія старой Турціи, и вотъ на европейскомъ юго-востокѣ совершается мрачная и величавая трагедія. Имперія османовъ, съ ея благороднымъ и симпатичнымъ народомъ, съ разцуданными и пьяными отъ власти пашами, съ ея противорѣчіями „простоты“ и свирѣпости, терпимости и угнетенія, надменности и благодушія, лежитъ въ обломкахъ, и память ея въ Европѣ „погибаетъ съ шумомъ“.

Я очень жалѣю, что мнѣ не пришлось поговорить теперь съ моими знакомыми на широкомъ Дунаѣ, съ которымъ связано такъ много смутныхъ движеній славянской души. Что думаютъ они теперь о турчинѣ, о стамбульскомъ „большомъ

царѣ“, объ его недавнемъ волшебномъ могуществѣ и быстромъ паденіи, обо всемъ турецкомъ „патріархальномъ“ строѣ? Сочувствуютъ ли славянамъ? Жалѣютъ ли „простяка“ и „милягу“ турчина, давшаго послѣдній пріютъ ихъ мечтаніямъ объ исконной полуанархической волѣ?

Впрочемъ, развѣ „паши“ живутъ только на Дунаѣ? Развѣ то же самое міровоззрѣніе не разлито въ той или другой степени по всему лицу огромной Россіи, еще не перестрадавшей своего великаго перелома? Развѣ не живетъ оно въ ничѣмъ не сдерживаемой власти русскихъ пашей, въ канцеляріяхъ городовъ и въ захолустныхъ, нахлобученныхъ соломенными крышами деревушкахъ?

Трудно сказать, какія послѣдствія возникнутъ изъ великой катастрофы для балканскихъ народовъ. Можетъ быть, союзники, по славянскому обычаю, бросятся другъ на друга, разрывая на части добычу? Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Македоніи не разъ еще подъ игомъ новыхъ соплеменныхъ владыкъ вздохнутъ о турчинѣ, съ которымъ рѣзались не на животъ, а на смерть... Но, что бы ни случилось на Балканахъ, для насъ во всякомъ случаѣ въ турецкой катастрофѣ есть много поучительнаго и захватывающе интереснаго.

До послѣднихъ годовъ въ Европѣ были двѣ авторитарныхъ державы: „турчинъ и мы“...

Теперь „турчинъ“, не успѣвъ перестроиться по новому, съ трескомъ сходитъ съ европейской сцены. И, когда дымъ и пыль этой катастрофы улягутся, „мы“ увидимъ себя въ положеніи знаменательномъ и до извѣстной степени новомъ.

Турчина не стало, и мы одни стоимъ на рубежѣ Европы и Азіи, въ опасномъ колебаніи между невозвратимо погибающимъ прошлымъ, которое никогда не возвращается, и будущимъ, которое рождается съ такимъ трудомъ!..

1913 г.

НИРВАНА.

Изъ поѣздки на пепелища дунайской сѣчи.

(Отрывокъ).

...Въ 6 часовъ утра стукъ телѣжки подъ окномъ разсѣялъ легкіе признаки чуткой дремоты, которая лишь подъ утро начала спускаться на меня вмѣстѣ съ холодкомъ, вѣявшимъ изъ раскрытыхъ оконъ.

Я быстро одѣлся и вышелъ.

Домну Яни Фардуле, грекъ изъ Кытерлеза, уже сидѣлъ въ телѣжкѣ, запряженной въ одну лошадь. Сулинская улица около гостинницы „Boula vista“ была еще почти пуста, только около угольныхъ складовъ, какъ муравьи, копошились грузчики. На Дунаѣ начиналось движеніе. Гремѣла якорная цѣпь, пыхтѣли машины, и посвѣжѣвшій за ночь воздухъ начиналъ опять впитывать въ себя бурую копоть и дымъ...

Густой садъ около дома „европейской компаніи“ былъ переполненъ въ чащахъ голубыми тѣнями, а на солнцѣ сверкалъ росой. „Русская магала“ (предмѣстье) уже проснулась. Мужчины отправились на работу, женщины переходили черезъ улицы съ дѣловымъ видомъ занятыхъ хозяекъ. Какой-то рослый бѣлокурый субъектъ съ кувшиномъ въ рукѣ звонко выкрикивалъ:

— Lapte, lapte!

— Молока не угодно ли? — обратился онъ ко мнѣ по русски, сразу узнавъ земляка.—Куда это съ греками отправляетесь? У Кытерлезъ?

Промчались къ Дунаю два водовоза съ пустыми бочками. Одну везла тощая лѣнивая лошадь; другую—маленькій рѣзвый осликъ. Лошадь ковыляла, точно ноги у нея были деревянныя. Осликъ наоборотъ бѣжалъ рѣзво и при ударахъ кнута лягался такъ высоко, что заднія копыта мелькали

въ воздухѣ, а водовозъ, здоровый веселый дѣтина, откидывался на бочку. На эту картину съ крыльца „кырчмы“ смотрѣлъ тусклыми глазами только что опохмѣлившійся соотечественникъ. Бочки пронеслись, и на улицѣ опять повѣяло скукой начинающихся будней.

Мы выѣхали изъ магалы и поѣхали между пятнами воды, выступавшими изъ зеленой плавни. Затѣмъ, повернувъ на югъ, стали приближаться къ морскому берегу. На песчаномъ холмикѣ около какихъ-то сараевъ насъ ждалъ румынскій солдатъ въ рогатой шапкѣ и „вамишъ“ (таможенный чиновникъ). Съ видомъ людей, сознающихъ всю безполезность своего существованія на этой песчаной косѣ, они всетаки подошли къ телѣжкѣ и стали совать руки сначала въ сѣно, а потомъ и въ узелки домну Фардуле. Сулинъ, какъ извѣстно, porto franco, и румынская таможня слѣдитъ, чтобы окрестности не присваивали себѣ его привилегій... По окончаніи этой операціи телѣжка наша покатилась по самому обрѣзу морского берега, при чемъ правое колесо шуршало по крѣпкому песку, а лѣвое плескалось въ водѣ.

Дорога была очень оригинальна. Передо мной далеко на югъ лежала прямая, точно по линейкѣ, полоса морского берега. Море сверкало точно растопленное серебро, начинавшее расплавлять у горизонта даже тяжелую синеву неба. Вблизи оно плескалось, тихо и ласково, въ берегъ. Волна набѣгала, заворачивалась пѣнистой верхушкой и съ мелодическимъ глуховатымъ плескомъ валилась прямо на песокъ, озадачивая нашу молодую и видимо непривычную лошадку. Очутившись внезапно въ водѣ, она останавливается, мотаетъ головой и пытается оглянуться на хозяина. Но въ это время песокъ жадно всосалъ волну, и лошадь опять чувствуетъ себя на сушѣ. Она порывисто пускается дальше, но у самыхъ колесъ опять шлепается другая волна, за ней третья... Вблизи и вдали, на узкой полосѣ берега, движеніе, блескъ, пѣна и мелодическіе всплески, точно мѣрное дыханіе моря.

Я оглядываюсь. Сулинъ исчезаетъ за зеленою плавней, которая подступаетъ совсѣмъ близко къ берегу. Виднѣется еще пестрая полоска крышъ, потомъ только башня обсерваторіи, ведущая таинственные переговоры съ моремъ посредствомъ флаговъ... Потомъ лишь верхушка маяка и нѣсколько дымковъ на морѣ указываютъ еще мѣсто Сулинскаго порта...

Исчезаютъ и они. Передъ нами пустынное море, безконечная зеленая плавня и сжатая между ними полоска берегового песка...

Тихо, молчаливо, пустынно. Въ синемъ небѣ зарождаются очертанія бѣлыхъ кучевыхъ облаковъ. Надъ плавней паритъ орелъ. Большая чапура (цапля) перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, то и дѣло вспугиваемая нашей телѣжкой. Глупая птица не можетъ догадаться, какая намъ надобность гнаться за нею по узкому берегу... Наконецъ она отлетаетъ въ камыши и оттуда слѣдитъ за нами. Ея глупая голова на длинной шеѣ напоминаетъ ручку плохо изогнутой трости. Бѣлыя чайки кокетливо и граціозно играютъ съ волной, какъ будто стараясь подрѣзать ее серповидными тонкими крыльями. Тяжело и солидно пролетаетъ аистъ. Неуклюжія „бабы“ (пеликаны) проносятся съ моря, изогнувъ шеи и выставивъ впередъ толстые зобы, наполненные мелкой рыбешкой. Семейственная птица несетъ дѣтямъ въ плавню ранній завтракъ, и ей некогда заботиться о легкости и граціи полета.

— Гляръ лети... чепура лети,—говоритъ на своеобразномъ греко-румыно-болгарскомъ діалектѣ домну Кардуле, провожая праздным взглядомъ то аиста, то цаплю...

— Porco din mare...—киваетъ онъ головой, указывая на берегъ. Тамъ лежитъ и стихійно разлагается дельфинъ съ жирнымъ круглымъ туловищемъ и вспоротой грудью. Дальше намъ попадались еще такія же безвѣстно погибшія мертвыя тѣла... Какія-нибудь невѣдомыя драмы въ морской глубинѣ... Быть можетъ нападеніе разбойничьей стаи пилы-рыбы на мирнаго морского обывателя или просто безславная смерть на широкой прибрежной мели, куда занесло волненіе... Мало ли такихъ драмъ на бѣломъ свѣтѣ!

Мало ли видѣли ихъ и эти пустынные берега и вся эта тихая страна, съ ея плавней, солнцемъ и мелодіей морского прибоя!..

Все то же море, все та же синяя полоса воды, все тѣ же, вѣчно повторяющіяся и вѣчно измѣнчивыя формы облаковъ, тотъ же вѣтеръ, тѣ же колыхающіеся надъ нимъ камыши плавни...—И тысячи лѣтъ пролетаютъ надъ ними, и тысячи лѣтъ все такъ же поютъ и плещутъ волны...

О чемъ?..

Ни паруса на морѣ, ни крыши на землѣ, ни человѣка, ни лошади, ни собаки... Такъ и кажется, что вотъ-вотъ, надъ близкимъ, тяжелымъ обрѣзомъ морского горизонта покажется внезапно легендарный корабль аргонавтовъ, или скиталецъ Одиссей на разбитомъ ночной бурей плоту, или, наконецъ, изгнанникъ цезарскаго Рима Овидій, быть можетъ оставлявшій слѣдъ своихъ сандалій на пескѣ этихъ печальныхъ береговъ своего изгнанія...

Ad piceres nudos sine fronde, sine arbore campos...
Heu, loca, felici non adeunda viro... *)

. . . . . .

Мы ѣдемъ уже часа два. Домну Яни молчитъ. Можетъ быть и ему напѣваютъ что-нибудь эти рокочущія волны.

— Плавня кончилъ,—произноситъ онъ, наконецъ.—Кулиба видно.

Дѣйствительно, плавня, все время прижимавшая насъ къ самому морю, сначала отступила отъ берега, потомъ исчезла назади, а къ берегу подошли песчаныя дюны. Изъ-за нихъ, въ овражкѣ выглядывала остроконечная камышевая верхушка рыбацкой кулибы. Передъ ней виднѣлся навѣсъ съ развѣшенными рыбачьими снастями. Не доѣзжая до нея, мы свернули подъ прямымъ угломъ отъ моря и поѣхали унылою степью.

Не смотря даже на обиліе дождей въ низовьяхъ Дуная,—травы здѣсь плохи: осока, острецъ, кое-гдѣ суетливо и тревожно мечется подъ степнымъ вѣтромъ метлица, дикій лукъ торчитъ стрѣлками,—все это отдѣльными кустами и полосами, какъ будто даже травы чувствуютъ здѣсь потребность въ родственной солидарности и робко жмутся другъ къ другу. Въ каждой низинкѣ все еще буйно держится остатокъ плавни, зеленый камышъ, а впереди проглядываетъ сухой песокъ и солончаки.

Въ сторонѣ ненадолго появляется темная крыша; высокія ворота рисуются въ небѣ, какъ висѣлица. Это „кышла“, помѣщеніе для стадъ и пастуховъ, гдѣ люди живутъ вѣроятно жизнію, довольно точно описанной еще Гомеромъ. Вскорѣ и эти признаки человѣческаго жилья исчезаютъ. Только вѣтеръ шатаетъ жидкія травы, безпомощно пригибающіяся къ землѣ. Вотъ пятнами бѣлѣютъ овцы, и обугленный солнцемъ чабанъ, съ кнутомъ на плечѣ, провожаетъ насъ своимъ неподвижнымъ взглядомъ...

И отъ всего этого,—отъ солончаковъ, отъ травы, отъ чабана съ его стадомъ опять вѣетъ въ душу особое ощущеніе. Я спрашиваю себя,—что это такое? Тихое прозябаніе, безсознательная жизнь, накопляющаяся годами, десятками лѣтъ, вѣками,—вѣющая стихійной гармоніей и въ шелестѣ этой травы, и въ клекотѣ орла, и въ отчаянномъ крикѣ испуганной, быть можетъ погибающей степной птицы, и въ незамѣтномъ созрѣваніи зерна, и въ темныхъ глазахъ загорѣлаго чабана-румына.

---

*) Какъ извѣстно, поэтъ Овидій Назонъ умеръ въ ссылкѣ на берегу Чернаго моря (вѣроятно близъ Констанцы). Описывая равнину нагую, безъ деревца, безъ зелени, онъ восклицаетъ: „Мѣста, къ которымъ не подходите и близко, счастливцы!“

О чемъ онъ думаетъ, провожая взглядомъ нашу телѣжку, ныряющую по степнымъ ухабамъ?.. И думаетъ ли о чемъ-нибудь? Солнце надъ нимъ всходитъ, солнце надъ нимъ заходитъ, взмываютъ и ширятся тучи, льются дожди, садятся росы... Чабанъ мокнетъ вмѣстѣ съ травой и своимъ стадомъ и вмѣстѣ съ травой и стадомъ высыхаетъ на жгучемъ солнцѣ. И тотъ же опять вѣтеръ обвѣетъ его загорѣлую грудь и та же опять непогода пронесется надъ головой... Пасутся и жуютъ сухую траву овцы, потомъ вяло ищутъ воды и тѣни,—и чабанъ плетется за ними... Такъ онъ растетъ, мужаетъ, становится рослымъ, обгорѣлымъ на солнцѣ, сильнымъ. И тогда въ немъ происходятъ какія-то стихійныя перемѣны, что-то встаетъ въ душѣ, зовущее, яркое, безформенное, дразнящее. Иначе звенитъ птица, иначе шелеститъ трава и о чемъ-то новомъ шумитъ въ уши вѣтеръ. И по новому его „кымпойулъ“ отзывается на голоса природы. На просторѣ придунайскихъ степей и на пастбищахъ горныхъ Карпатъ онъ создаетъ мелодическія „дойны“, на которыя задрожитъ отвѣтными звуками всякое человѣческое сердце. Въ его пѣснѣ вѣетъ степной вѣтеръ, и шелеститъ трава, и шумятъ верхушки деревьевъ, и кромѣ того плачетъ и нѣжится, и тоскуетъ душа человѣка...

Онъ ли, впрочемъ, создавалъ эту пѣсню? Она выростала вѣками въ поколѣніяхъ этой черноземной силы человѣчества, смѣнявшихъ другъ друга, какъ смѣняются травы въ степяхъ. Онъ не знаетъ исторіи этой страны, но всѣ нашествія, напоившія землю кровью его предковъ, и греческое, и римское, и турецкое владычества, и притѣсненія своихъ „бояръ“,—все это отложилось въ его думахъ такъ же тихо, незамѣтно и неуклонно, какъ откладываются соки родной земли и родное солнце, и степной вѣтеръ въ зернѣ травы или въ цвѣткѣ. Что онъ заимствовалъ изъ пѣсенъ своихъ предшественниковъ, звучавшихъ, какъ стоны вѣтра, и что взялъ у степного вѣтра, звучавшаго какъ смутная пѣсня,—онъ не скажетъ и самъ. Банды цыганъ подхватятъ дойну и разнесутъ ее по свѣту. А степной поэтъ и не знаетъ своего успѣха. Онъ по-прежнему смотритъ на божій міръ своими не то тупыми, не то безконечно глубокими глазами и попрежнему смутно ищетъ исхода тому, что дрожитъ въ глубинѣ сердца въ отвѣтъ на призывные голоса природы. Порой онъ находитъ то, чего искалъ, въ черныхъ глазахъ такой же полудикой дѣвушки, иногда старѣетъ безпріютно и одиноко, какъ пень надъ степною балкой... Но пока наступитъ старость и присыплетъ снѣгомъ его жесткіе черные волосы,—онъ становится порой опасенъ для женщинъ, проходящихъ по степи мимо его стада...

И это человѣческая жизнь!.. И сколько ихъ, такихъ жизней расцвѣли, распустились и увяли, смѣняя другъ друга, какъ ковыль, зрѣя и увядая по очереди, безъ сознательной борьбы, безъ стремленій, не зная ни сомнѣній, да пожалуй не зная и вѣры...

Есть что-то особенное въ этой степи и въ этомъ солнцѣ, и въ ровномъ дыханіи степного вѣтра, и въ загадочномъ, какъ горное озеро, взглядѣ румынскаго пастуха... Что-то усыпляющее и влекущее, какое-то волшебство степной нирваны, всего этого бездумнаго хора первичной жизни... Какая-то летаргія человѣческаго духа, наполненная смутными поэтическими грёзами, проходящими въ видѣ обрывковъ въ каждой отдѣльной человѣческой душѣ и только на разстояніи столѣтія кристаллизующимися въ цѣльную мысль или цѣльный образъ... въ вереницу образовъ и въ одну каплю мысли...

Протяжный гулъ телеграфной проволоки. Да! Вотъ рядъ столбовъ съ протянутой на нихъ проволокой пробѣжалъ степью, погрузился и потонулъ въ зеленой плавнѣ. Это линія отъ Констанцы на Бухарестъ и далѣе въ Европу. Въ Констанцѣ происходятъ какія-то торжества по поводу постройки или открытія замѣчательнаго моста черезъ Дунай... Говорятъ рѣчи. Какой-нибудь министръ непремѣнно говоритъ и объ этой степи, и о томъ, что она вскорѣ будетъ пріобщена къ благамъ румынской свободной конституціи. Это лучшее патетическое завершеніе для политическихъ рѣчей румынскихъ государственныхъ ораторовъ, вотъ уже нѣсколько десятилѣтій... И еще вчера по пути въ Сулинъ я читалъ на пароходѣ отголоски этихъ рѣчей и слушалъ горячіе споры по этому поводу. И меня это волновало, и часть моихъ нервовъ сгорѣла надъ чуждымъ газетнымъ листомъ по поводу чуждыхъ мнѣ румынскихъ политическихъ вопросовъ.

Теперь въ этомъ прозябающемъ степномъ просторѣ все это казалось мнѣ такимъ далекимъ, какъ быстро улетающій изъ памяти сонъ... Что за дѣло до всего этого степной травѣ, этому стаду и чабану съ кнутомъ за плечами?.. Либералы, консерваторы... политическая борьба... все это блѣднѣло, отодвигалось и исчезало, какъ слѣдъ дыханія на стеклѣ, какъ на водѣ кругъ отъ брошеннаго камня, какъ звуки приснившагося когда-то шумнаго оркестра. Какимъ чудакомъ казался мнѣ старикъ Овидій, съ его порываніями къ столицѣ міра и съ его жалобами:

Heu, loca, felici non adeunda viro!

Какіе пустяки! Vanitas vanitatum! Что хорошаго видѣлось ему въ этомъ Римѣ, съ его суетными стремленіями къ міро-

ному господству, съ его жалкими полубогами и кесарями, съ изнервничавшейся, высокомѣрной и раболѣпной чернью, съ безнаказанной тиранніей Тиберіевъ, или безплоднымъ самоотверженіемъ Гракховъ... Не счастливѣе ли этотъ блаженный сонъ полусознанія, эта спокойная летаргія человѣческаго духа, въ сліяніи съ природой, живой, но не мыслящей, чувствующей, но не страдающей болями сознанія... Сліяніи, накопляющемъ черноземныя силы человѣчества... Не здѣсь ли истинное блаженство, завершеніе всякой философіи! Степная нирвана, сладкое усыпленіе, во время котораго снится только синее небо, только бѣлыя облака, только колыханіе травы, только клекотъ орла, только вѣяніе вѣтра, только смѣна дней и ночей, только зной и грозы, только дыханіе вѣчно могучей, вѣчно живой и всесильной, никогда не размышляющей природы...

. . . . . .

Стукъ телѣжки на солончаковомъ ухабѣ. Я гляжу вокругъ тѣми же глазами, но они видятъ все иначе. Я дѣйствительно спалъ. „Кышла" и чабанъ, и его стадо давно исчезли. Исчезло и обаяніе степной нирваны... Передъ глазами песчаные бугры, надъ которыми рисуется синяя полоса воды, рядъ чистенькихъ малороссійскихъ хатокъ, деревянная церковь... Все ближе и ближе... Передъ селомъ—старое сельское кладбище. Восточный вѣтеръ наметаетъ на него песокъ,—бѣлый и тонкій, сыпучій и легкій, вьющійся какъ дымъ съ приморскихъ дюнъ... Моряна точно хоронитъ вторично давно схороненныхъ покойниковъ.

Кытерлезъ!.. — Одно изъ первыхъ поселеній запорожцевъ на Дунаѣ...

. . . . . .

1913.

У КАЗАКОВЪ.

(Изъ лѣтней поѣздки на Уралъ).

I.

Дорогой. — Вольная степь. — «Рыбопошлинная застава».

Раннимъ іюньскимъ утромъ 1900 года, съ билетомъ прямого сообщенія „Петербургъ—Уральскъ“, я пріѣхалъ въ Саратовъ... Только около 3-хъ часовъ дня передаточный поѣздъ лѣниво потащилъ насъ къ переправѣ черезъ Волгу, заходя и останавливаясь на товарныхъ станціяхъ, запасныхъ путяхъ и разъѣздахъ. Все это тянулось такъ утомительно долго, что публика начинала терять терпѣніе, боясь, что уральскій поѣздъ уйдетъ безъ насъ. Привычные кондуктора только насмѣшливо пожимали плечами.

Наконецъ, все такъ же медлительно поѣздъ подползъ къ Волжскому берегу и остановился. По привычкѣ торопясь и толкаясь, публика кинулась на пароходъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Покровскую слободу, откуда собственно начинается уральская желѣзная дорога... Какъ будто для поощренія этой суеты, пароходъ далъ уже первый свистокъ, но затѣмъ стоялъ еще неподвижно цѣлый часъ у пристани. Извозчики, подвозившіе изъ города новыхъ пассажировъ, всѣ разъѣхались, пристань опустѣла. Мимо насъ по зеркальной рѣкѣ лѣниво проплывали баржи, буксирные пароходы, лодки... Какой-то рыбакъ-любитель зачалилъ свою лодочку какъ разъ на нашемъ пути и пробовалъ наудачу закинуть удочки, а мы все продолжали ждать чего-то, и мнѣ казалось даже, что насъ начинаетъ заносить здѣсь пескомъ и пылью...

Наконецъ, пароходъ какъ бы проснулся, далъ быстро два послѣднихъ свистка, забурлилъ колесами и, плавно взрѣзая Волгу, двинулся къ другому берегу. Здѣсь, надъ яромъ, за

очень неудобнымъ подъемомъ ждали насъ нѣсколько вагоновъ... Опять суетливая поспѣшность публики и полное ожиданіе... Дуетъ теплый вѣтеръ, плещется на отмели рѣчная струя отъ проѣхавшаго парохода, порой пройдетъ лѣнивый покровскій „хохолъ“, или группа дачниковъ и дачницъ иронически оглянется на неподвижный поѣздъ, неизвѣстно для чего стоящій на пустомъ берегу. А вдали, на той сторонѣ—затянутые туманомъ, дымомъ и пылью, дома и горы Саратова... Въ окнахъ вагоновъ безнадежно скучающія лица пассажировъ.

— Д-а-а... Степь-матушка.—говоритъ одинъ изъ нихъ, какъ бы въ объясненіе и этой смутной истомы, и безпричинныхъ остановокъ. Онъ зѣваетъ и креститъ ротъ, а рядомъ, въ другихъ окнахъ видны такія же апатичныя лица, у которыхъ челюсти раздвигаются такой же сладкой зѣвотой.

Свистокъ, толчки, скрипъ буферовъ, десятиминутное движеніе—и опять долгая остановка у Покровской станціи съ тѣмъ же теплымъ вѣтромъ, дующимъ какъ будто изъ печки, и съ тою же истомой... Наконецъ—звонокъ, и нашъ поѣздъ ползетъ по низкой насыпи съ узкой колеей, на этотъ разъ съ очевиднымъ намѣреніемъ пуститься въ путь. Степь тихо развертываетъ передъ нами свои дремотныя красоты. Спокойная нѣга, тихое раздумье, лѣнь... Чувствуется, что вы оставили на томъ берегу Волги и торопливый бѣгъ поѣздовъ, и суету короткихъ остановокъ, и вообще ускоренный темпъ жизни. Тутъ на васъ надвигается, охватываетъ, баюкаетъ васъ широкое степное раздолье, ровное, молчаливое, дремотное...

Чудесный закатъ въ степи, потомъ сумерки, потомъ тихій звѣздный вечеръ спускаются надъ этой однообразной картиной. Вечеромъ — долгія остановки у маленькихъ неуютныхъ станцій съ странно, иной разъ по монгольски звучащими названіями, съ раскачиваемыми вѣтромъ фонарями и убогими буфетами. Здоровенные, загорѣлые и лѣнивые жители степныхъ хуторовъ и поселковъ выползаютъ изъ синей темноты на огни поѣзда, чтобы получить приказанія отъ юрькихъ людей, по большей части не русскаго типа, ѣдущихъ въ вагонахъ перваго и второго класса. Они одни какъ будто не дремлютъ и имѣютъ видъ властителей степи. Они говорятъ быстро, быстро выныриваютъ за буфетами, быстро вскакиваютъ на подножки уже трогающагося поѣзда, который и уноситъ ихъ дальше, между тѣмъ, какъ степные жители съ лѣнивой покорностью направляются къ своимъ телѣгамъ и, тихо поскрипывая колесами, расползаются въ темнотѣ въ разныя стороны, развозя полученные приказы..

Полная луна выкатывается надъ темнымъ горизонтомъ и точно старается разсмотрѣть въ степи что-то и что-то обдумать... Но степь темна и молчалива. Поѣздъ несется среди однообразнаго, заснувшаго простора...

На утро кондуктора выкрикиваютъ станцію „Семиглавый маръ“... Невдалекѣ отъ нея мѣстный житель пытался указать мнѣ въ волнистой степи семь кургановъ (по мѣстному „марѣвъ“), отъ которыхъ урочище получило свое романтическое названіе. Когда проводили желѣзную дорогу, одинъ изъ этихъ кургановъ „нарушили“, и въ немъ, говорятъ, оказался хорошо сохранившійся скелетъ невѣдомаго воина, верхомъ на скелетѣ лошади, съ лицомъ, обращеннымъ глазными впадинами къ востоку... Но разобрать и сосчитать эти курганы среди однообразно взволнованной степи мнѣ не удалось... По ней то и дѣло вставали и тонули такіе же курганы и, быть можетъ, въ каждомъ изъ нихъ сидятъ и ждутъ чего-то такіе же невѣдомые воины съ глазными впадинами, обращенными къ азіатскому востоку, между тѣмъ, какъ съ запада летитъ громыхающій поѣздъ и сыплетъ искрами въ ночную темноту, и сотрясаетъ старыя степныя могилы.

— Тутъ уже вольна степь пошла, недѣлёная,—сказалъ мнѣ молодой казакъ, высунувшійся рядомъ со мной въ сосѣднее окно вагона.

Дѣйствительно, гдѣ-то, около этого семиглаваго урочища проходитъ граница Самарской губерніи и Уральской области... Теперь поѣздъ несся уже по казачьей землѣ...

Начиная отъ Гурьева городка, тамъ, гдѣ-то далеко у Каспійскаго моря, и кончая среднимъ теченіемъ Урала и его притоками, отъ теряющихся въ пескахъ Узеней на западѣ и до киргизскихъ степей на востокѣ—вся эта земля не знаетъ ни частной собственности, ни даже русскихъ общинныхъ передѣловъ. Всѣ ея обитатели—какъ бы одна семья, каждый членъ который имѣетъ одинаковое право на родной клокъ этой земли, раскинувшейся отъ края и до края горизонта, недѣленной, немежеванной и никѣмъ не захваченной въ личное владѣніе...

Я съ любопытствомъ вглядывался въ эту однообразную ширь, стараясь уловить особенности „вольной степи“. Но она была все та же... Она какъ будто лѣнилась проснуться для знойнаго дня, дали были еще завѣшаны клочьями тумана, изъ-за котораго выступала та же линія скучнаго горизонта, кое-гдѣ взломанная очертаніями могильниковъ...

Поѣздъ громыхнулъ по мостику и затѣмъ побѣжалъ вдоль небольшой рѣчки, на отлогомъ берегу которой пріютился степ-

ной хуторокъ. Нѣсколько строеній, нѣсколько деревьевъ, вѣтряная мельница, двѣ-три кибитки киргизъ-пастуховъ, кучка скромныхъ крестовъ на кладбищѣ, какъ бы скрѣпляющемъ степную осѣдлость...

— Чей это хуторъ?—спросилъ я, невольно любуясь своеобразной красотой этого степного поселка.

Казакъ назвалъ фамилію извѣстнаго степного богача, скотопромышленника, владѣющаго въ вольной степи нѣсколькими такими хуторами и десятками тысячъ головъ скота. Невдалекѣ за хуторомъ нѣсколько упряжекъ быковъ тянули тяжелые плуги, взрѣзавшіе землю. Черная полоса уже поднятой пашни легла во всю степь, начинаясь за пологимъ гребнемъ одной возвышенности и утопая за другимъ. И все время, пока поѣздъ бѣжалъ мимо,—волы бѣлыми точками ползли по краю черной полосы безъ остановки и перерыва...

— А вѣдь тоже казакъ,—сказалъ одобрительно немолодой торговецъ, когда хуторъ, купы деревьевъ и волы исчезли за поворотомъ дороги.

— Да,—прибавилъ, усаживаясь на скамьѣ, молодой человѣкъ въ формѣ,—такой же вотъ казакъ, какъ и я...

Торговецъ окинулъ его строгимъ, холоднымъ взглядомъ, въ которомъ виднѣлось пренебреженіе. Казакъ былъ одѣтъ въ поношенную форму. Лицо у него было смуглое, худое; черные глаза глядѣли печально, какъ у больного. Онъ заболѣлъ на службѣ, гдѣ-то подъ Кіевомъ, и теперь ѣхалъ на родину, можетъ быть, поправляться, а можетъ быть—и умирать въ родной степи. Онъ подолгу простаивалъ у окна, рядомъ со мною, и вдыхалъ полной грудью родной воздухъ. Въ его глазахъ свѣтилась какая-то особенная радость.

— Такой же, да не такой,—сказалъ торговецъ поучительно.

— Нѣтъ, такой же,—отвѣтилъ казакъ.—Только я вотъ служилъ, а онъ *мою* землю пахалъ, да *мою* траву косилъ... Только и есть...

Купецъ не возражалъ. Впослѣдствіи эту фразу о службѣ и о „моей землѣ“ я слышалъ не разъ изъ устъ бѣдныхъ казаковъ, для которыхъ эта „вольная степь“ съ ея общинными порядками часто является мачехой... Явленіе старое! Нигдѣ, быть можетъ, проблема богатства и бѣдности не ставилась такъ рѣзко и такъ остро, какъ въ этихъ степяхъ, гдѣ бѣдность и богатство не разъ подымались другъ на друга „вооруженной рукой“. И нигдѣ она не сохранилась въ такихъ застывшихъ, неизмѣнныхъ формахъ. Изстари въ этой немежеванной степи лежатъ рядомъ „вольное“ богатство, почти безъ всякихъ обязанностей, и „вольная“ бѣдность, несущая

всѣ тягости... А степь дремлетъ въ своей неподвижности, отдаваясь съ стихійной безсознательностью и богатому, и бѣдному, не пытаясь разрѣшить, наконецъ, вѣковыя противорѣчія, то и дѣло подымавшіяся надъ ней внезапными бурными вспышками, какъ эти вихри, взметающіе пыль надъ далекимъ просторомъ...

Вихри и въ эту минуту вставали кое-гдѣ надъ степной ширью и падали безслѣдно... А подъ ними все та же степь, недвижимая, лѣнивая и дремотная...

Около двухъ часовъ дня, вправо отъ желѣзной дороги замелькали зданія Уральска, и, проѣхавъ мимо казачьяго лагеря, поѣздъ тихо подползъ къ уральскому вокзалу, конечному пункту этой степной дороги. Мнѣ предстояло получить багажъ, и, когда, покончивъ съ этимъ дѣломъ, я вышелъ на крыльцо вокзала, то увидѣлъ съ непріятнымъ удивленіемъ, что на дворѣ уже не было ни одного извозчика. Оживленіе единственнаго (въ сутки) поѣзда схлынуло какъ-то удивительно быстро, вокзалъ опустѣлъ и затихъ. Верстахъ въ трехъ къ югу, за дымкой густой золотистой пыли, виднѣлись церкви и дома Уральска. Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто казачьему городу нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ, кто подъѣзжаетъ къ нему по желѣзной дорогѣ. На противоположной, сѣверной сторонѣ выдѣлялись кирпичные сараи и ворота скакового поля, въ видѣ гигантской подковы... Дальше клокъ степи, дорога съ какими-то крестами и полоски садовъ за Чаганомъ... Мнѣ нужно было именно въ эти сады за Чаганомъ, гдѣ жили мои добрые знакомые, и гдѣ я предполагалъ устроиться на лѣто... Но до садовъ было верстъ шесть, а мой багажъ безпомощно лежалъ на каменномъ перронѣ.

Какой-то добродушный желѣзнодорожный служащій принялъ участіе въ моемъ печальномъ положеніи и послалъ сторожа къ желѣзнодорожнымъ складамъ. Вскорѣ оттуда подъѣхали ломовыя дроги, на которыхъ сидѣлъ дюжій человѣкъ съ совершенно бронзовой физіономіей, огромной спутанной бородой и въ фуражкѣ съ малиновымъ околышемъ. Мы скоро сторговались. Узнавъ, что придется ѣхать „въ сады“, онъ запустилъ руку подъ фуражку и почесалъ пятерней въ головѣ.

— Эхъ, не зналъ,—сказалъ онъ,—что въ сады угожу ѣхать.

— А что? — спросилъ служащій.

— Косу бы захватилъ, травы накосить.

— Такъ тебѣ и позволятъ!

— Чего не позволить. Я вѣдь казакъ... Ему вотъ нельзя,— кивнулъ онъ въ сторону подъѣхавшаго въ это время това-

рища, такого же дюжаго и лохматаго, только безъ околыша. — Вамъ тоже нельзя... А я могу...

— Ладно, ладно, увязывай,—иронически перебилъ желѣзнодорожникъ, окидывая полноправнаго человѣка насмѣшливымъ взглядомъ..

Вскорѣ возъ, поскрипывая, двинулся съ вокзала... Казакъ шелъ за возомъ, а я слѣдовалъ за казакомъ, съ любопытствомъ присматриваясь къ новымъ мѣстамъ.

Желѣзная дорога уползала въ степь, которую мы только что проѣхали и изъ которой тянуло тѣмъ же теплымъ вѣтромъ, точно изъ печки. Влѣво, за густой пылью высились колокольни городскихъ церквей и затѣйливая тріумфальная арка въ восточномъ стилѣ. Изъ города къ садамъ по пыльной дорогѣ ползли телѣги съ бородатыми казаками, ковыляли верблюды, мягко шлепая въ пыль большими ступнями. На горбу одного изъ нихъ сидѣлъ киргизъ въ полосатомъ стегаиомъ халатѣ, подъ зонтикомъ, и съ высоты съ любопытствомъ смотрѣлъ на велосипедиста въ китель, мчавшагося мимо. Верблюдъ тоже повернулъ за нимъ свою змѣиную голову и сдѣлалъ презрительную гримасу. Я невольно залюбовался этой маленькой сценой: медлительная, довольно грязная и оборванная, но величавая Азія смотрѣла на юркую и подвижную Европу...

Велосипедистъ вскорѣ скрылся за неровностью степи... Верблюдъ, киргизъ и зонтикъ еще долго колыхались надъ раскаленной равниной.

Миновавъ желѣзнодорожныя зданія, мы тоже повернули въ степь. Мое вниманіе было опять привлечено неожиданной картиной. Передъ мостикомъ у небольшого вала стояла казеннаго вида будка, а невдалекѣ отъ нея человѣкъ съ малиновымъ околышемъ, задержавъ проѣзжую телѣгу, шарилъ въ ея задкѣ руками съ какой-то дѣловито-лѣнивой безнадежностью. Проѣзжій казакъ даже не оглядывался назадъ, равнодушно ожидая конца обыска.

Замѣтивъ, что я съ любопытствомъ наблюдаю это зрѣлище, обыскивавшій пересталъ шарить и махнулъ рукой. Владѣлецъ телѣги хлестнулъ возжой свою лошадь...

— Что это вы ищете? — спросилъ я, подходя къ казаку.

Онъ какъ будто нѣсколько сконфузился. Повидимому, всякому человѣку свойственно инстинктивное сознаніе, что шарить въ имуществѣ ближняго есть занятіе по самому своему существу какъ бы противоестественное и возбуждающее невольную стыдливость. Но тотчасъ же это мимолетное выраженіе исчезло и, указавъ на будку, онъ произнесъ внушительно:

— Застава.

Дѣйствительно, надъ будкой виднѣлась надпись: „Уральская, № 4, рыбопошлинная застава“. Будка вся была увѣшана и внутри, и снаружи печатными плакатами. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ надсмотрщика, я вошелъ внутрь и съ интересомъ сталъ читать многочисленные параграфы, опредѣлявшіе роль этой внутренней заставы въ „вольной степи“. Изъ печатныхъ правилъ я узналъ, что вывозимая за черту города рыба оплачивается пошлиной... Внезапное легкое безпокойство возникло въ моемъ умѣ, и я спросилъ:

— А сколько же можно пронести безплатно для собственнаго употребленія?

— Ни вотъ столько! То есть ни одного малька,—отвѣтилъ онъ рѣшительно.

Тутъ я уже совершенно опредѣленно почувствовалъ себя въ роли контрабандиста. Со мной было около полуфунта икры и немного балыка, купленныхъ еще въ Саратовѣ и оставшихся отъ дорожнаго продовольствія.

— Вы взимаете пошлину?—спросилъ я, намѣреваясь очистить свою совѣсть.

— Никакъ нѣтъ, не имѣю права.

— А что же вы дѣлаете, если найдете, ну, скажемъ, полъфунта рыбы?

Онъ посмотрѣлъ на меня очень пытливо, но затѣмъ отвелъ глаза и отвѣтилъ съ оттѣнкомъ грусти:

— Протоколъ и... въ городъ въ контору...

— Сколько же тамъ взяли бы за одинъ фунтъ?

— По такцыи... Копѣйку, а можетъ и двѣ.

— И изъ-за этого въ городъ?

— О-бя-зательно!—отчеканилъ онъ.

Его взглядъ скользнулъ по мнѣ, какъ у просыпающейся ищейки... Но онъ опять стыдливо отвелъ глаза и сказалъ со вздохомъ:

— Конечно, дѣлаемъ уваженіе...

Въ открытое окно, какъ въ рамкѣ, виднѣлась широкая городская дорога, и по ней приближалась изъ города телѣжка. Въ телѣжкѣ сидѣла дама и молодой человѣкъ съ околышемъ. Въ ногахъ у нихъ виднѣлись кульки и свертки. Надсмотрщикъ насторожился, но остался на мѣстѣ, только проводивъ телѣжку тѣмъ же какъ бы застѣнчивымъ взглядомъ...

— Съ рыбой проѣхали?—спросилъ я, улыбаясь.

— Да ужъ... не безъ этого... на дачу, въ сады, съ провизіей...

И, какъ бы подкупленный тѣмъ, что я уже сталъ свидѣтелемъ его слабости, онъ сказалъ довѣрчиво:

— Въ нашей должности большой умъ надо... Дѣло наше, прямо сказать, суворовское...

— Почему именно суворовское? — спросилъ я, улыбаясь этому сравненію.

— Да вы про Суворова-то развѣ не читали? Какой генералъ былъ,—знаменитый! А по такцыи никогда не дѣйствовалъ. Все больше по глазомѣру. Такъ ли я говорю?

— Пожалуй.

— То-то и оно. То же и въ нашемъ дѣлѣ: станешь всякаго останавливать, — скажутъ: напрасное безпокойство. Не останавливать вовсе,—зачѣмъ и поставленъ?..

Онъ вдумчиво и важно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Возьмемъ такой случай: идетъ въ луга косецъ, несетъ для своего, напримѣрно, продовольствія десятокъ вобловъ. Ежели ему пошлину платить, въ конторѣ сколько время околачиваться, да и цыфры такой нѣту: много полъ-копѣйки. Что я долженъ дѣлать?

— Не знаю,—отвѣтилъ я съ полной искренностью.

— По правилу, я обязанъ сказать: садись, милый человѣкъ, на валу, скушай воблу свою на здоровье, а съ рыбой я за валъ тебя пустить не обязанъ. Хорошо! Да вѣдь онъ можетъ не голоденъ, а въ лугахъ ему вобла нужна...

— Ну... и по глазомѣру?—сказалъ я сочувственно.

— По глазомѣру-то, по глазомѣру, а вѣдь тоже зачѣмъ-нибудь и будка поставлена. Начальство скажетъ: тебя зачѣмъ опредѣлили,—галокъ считать?..

И, въ послѣдній разъ скользнувъ по мнѣ какъ бы все еще сомнѣвающимся, но вмѣстѣ и снисходительнымъ взглядомъ, онъ прибавилъ:

— Дѣлаемъ уваженіе... по обстоятельствамъ.

И затѣмъ онъ спокойно усѣлся на ступенькахъ будки, а я перешагнулъ городскую черту въ роли контрабандиста, которому оказана явная поблажка или „уваженіе“... Отойдя шаговъ съ десятокъ, я оглянулся. Суворовъ опять шарилъ въ телѣгѣ проѣзжаго казака, но, повидимому, его снисходительность истощилась, и у будки завязывался крупный разговоръ. Черезъ минуту телѣга обогнала меня, и ея хозяинъ, старый, сѣдой казакъ, что-то сердито ворчалъ. Въ качествѣ казака, онъ имѣетъ право безпошлинно провезти около пуда рыбы. Но даже золотника не въ правѣ вывезти, не выправивъ предварительно билета, что сопряжено съ цѣлой волокитой.

Своего возницу я нагналъ у спуска дороги, около двухъ крестовъ. Здѣсь же остановился только что обысканный ка-

закъ и два „иногородныхъ“ мужика съ косами за плечами,— и всѣ они съ раздраженіемъ говорили о „рыбопошлинной заставѣ“. А недѣли черезъ двѣ, когда, проѣзжая изъ садовъ въ городъ, я захотѣлъ навѣстить моего знакомаго у заставы, его — увы! — уже не было. Суворовская тактика, повидимому, въ чемъ-то измѣнила, и на ступенькахъ будки сидѣлъ Суворовъ № 2-й, впрочемъ, какъ двѣ капли воды похожій на прежняго и такъ же, съ разсмотрѣніемъ, шарившій у однихъ и дѣлавшій „уваженіе“ другимъ...

Дорога, извиваясь, подошла къ садамъ, пробѣжала по бревенчатому мосту за рѣку Чаганъ и поднялась на небольшую возвышенность. Здѣсь на время опять мелькнулъ просторъ степи. Цѣлыя облака пыли надвигались оттуда по старому казанскому тракту. Киргизъ-косячникъ гналъ табунъ лошадей къ своей кибиткѣ, одиноко стоявшей на выгонѣ, и лошадиныя морды мелькали, слабо рисуясь въ золотистомъ пыльномъ облакѣ...

Дорога наша прижалась къ тихой степной рѣчкѣ, Деркулу, причудливыми извилинами какъ бы переплетавшейся съ Чаганомъ. Пошли сплошь сады. Городъ, со своей аркой и главами церквей лишь, издали мелькалъ въ промежуткахъ зелени...

II.

На учугѣ.—Гг. наказные атаманы и обычай.

Первая „достопримѣчательность“ Уральска, такъ называемый „учугъ“.

Учрежденіе это — единственное въ своемъ родѣ. Идея его очень проста: если въ извѣстномъ мѣстѣ перегородить поперекъ всю рѣку, то красная рыба, подымаясь съ моря, остановится у перегородки и будетъ скопляться въ большихъ количествахъ въ нижнемъ теченіи рѣки.

Такія перегородки, сдѣланныя изъ шестовъ и плетня, можно видѣть на многихъ захолустныхъ рыбныхъ рѣченкахъ. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ ихъ называютъ „заплотами“, и изъ-за этихъ заплотовъ между сосѣдями-рыбаками дѣло нерѣдко доходитъ до дреколья. Яицкое казачье войско, сложившееся на степномъ просторѣ въ величайшую земельную и рыбацкую общину, соорудило также и величайшій въ мірѣ заплотъ, перегородившій огромную рѣку, по величинѣ не уступающую Рейну.

Первые пришли къ этой простой мысли астраханскіе „гости“, которые, пробравшись къ устьямъ Яика, наколотили здѣсь свай и шестовъ и черпали толпившихся у этой

перегородки осетровъ, бѣлугъ и сазановъ, точно изъ садка. Въ 1645 году купецъ Михайло Гурьевъ получилъ отъ московскаго правительства грамоты на свое нехитрое изобрѣтеніе, съ обязательствомъ построить защитный каменный городокъ, который названъ Гурьевымъ. Понятно, что „догадка“ Гурьева, обезрыбившая весь Яикъ отъ учуга до верховьевъ, не могла нравиться яицкимъ казакамъ: они долгое время вооруженной рукой отбивали рѣку и у татаръ, и у киргизовъ и считали ее своею. Поэтому между купецкимъ городкомъ и казаками началась ожесточенная тяжба, и казачьи будары не разъ безпокоили купецкія низовыя ловли. Въ уральскомъ войсковомъ архивѣ хранится цѣлая серія дѣлъ „объ учугѣ“, которыя, вѣроятно, могли бы дать любопытную страницу къ исторіи Урала.

Въ концѣ концовъ побѣдили казаки. Вся заяицкая сторона была тогда дикою степью, открытою дверью для „легкомысленнаго степного народа“, который то и дѣло, „перелѣзши“ черезъ Яикъ, устремлялся на Волгу и даже въ заволжскую Русь... Сторожевая служба казаковъ была очень важна для государства, а казаки жаловались, что астраханскіе гости „оголодили“ все войско. На этотъ разъ *булатъ* побѣдилъ, злато уступило. Въ 1752 году учугъ переданъ въ содержаніе казакамъ, вмѣстѣ съ кабацкими и таможенными сборами. Казаки рѣшили перенести учугъ кверху, на нынѣшнее его мѣсто, а въ 1770 году правительство передало казакамъ и самый городокъ Гурьевъ. Все низовье и часть средняго теченія рѣки очутились въ нераздѣльномъ владѣніи Яицкаго казачьяго войска, а учугъ сталъ какъ бы центромъ промышленной жизни огромной полувоенной, полурыбачьей общины.

Въ пугачовщинѣ учугъ сыгралъ тоже видную роль. Дѣло въ томъ, что, вырабатывая самымъ точнымъ образомъ свои внутреннія трудовые распорядки, казачья община никогда не умѣла устроить какъ слѣдуетъ ту „политическую“ сторону своего существованія, которою община соприкасалась съ государствомъ. Старшины всегда грабили и утѣсняли войско; казаки порой хватались за сабли и расправлялись съ одними грабителями, чтобы тотчасъ же посадить такихъ же. Получивъ въ нераздѣльное владѣніе „золотое дно“ Яика вмѣстѣ съ таможенными и кабацкими сборами, войско обязалось уплатить правительству около $5^1/_2$ тысячъ рублей. Деньги собирались съ тѣхъ же казаковъ. Система фиска была очень первобытна: на Чаганскомъ мосту поставили заставу (вродѣ, вѣроятно, описанной мною выше). Задерживали рыбаковъ у моста, какъ рыбу на учугѣ, и взимали „по разсмотрѣнію“,

сколько хотѣлось старшинамъ. Войско платило, пока старшина Логиновъ, изъ „крамольной“ семьи, не разъяснилъ войску, что сборы давно превысили установленную сумму и старшины берутъ деньги въ свою пользу. Войско жаловалось, посылало ходоковъ въ Петербургъ, императрица приказывала учесть старшинъ и отстранить ихъ отъ должности. Но самодержавная верховная власть оказывалась безсильна на далекой окраинѣ. Петербургскихъ посланцевъ старшины задаривали и продолжали свое, а извѣстный генералъ Череповъ приказалъ даже стрѣлять по казакамъ, на колѣняхъ умолявшимъ исполнить волю императрицы. Войско потеряло терпѣніе и при новомъ эпизодѣ этого рода схватилось за сабли. Въ схваткѣ былъ убитъ генералъ Траубенбергъ и войсковой атаманъ Митрясовъ. Тогда, разумѣется, казаковъ принялись усмирять уже по настоящему. Генералъ Фрейманъ, двинувшись изъ Оренбурга, разбилъ ихъ въ правильной битвѣ на рѣкѣ Ембулатовкѣ и занялъ Яицкій городокъ регулярными войсками.

Такимъ образомъ, еще года за два до пугачовщины въ войскѣ кипѣло характерное россійское „возмущеніе“. Люди, боровшіеся съ завѣдомымъ хищеніемъ, оказывались бунтовщиками, а завѣдомые воры—усмирителями... Царица то обѣщала унять воровство атамановъ, то приказывала усмирять ограбленныхъ и награждала воровъ. Въ это-то время, на границѣ казачьей области, въ одинокомъ степномъ уметѣ, появился таинственный купецъ, Емельянъ Пугачовъ, и сталъ зорко присматриваться къ событіямъ... И изъ всего этого возникла буря, потрясшая всю Россію. Первыя вспышки будущаго взрыва происходили около рыбопошлинной заставы на Чаганскомъ мосту еще за два года до появленія Емельяна Пугачова.

Въ тотъ день, когда я, вмѣстѣ съ знакомымъ казачьимъ офицеромъ, потомкомъ пугачовца Шелудякова, подъѣхалъ къ учугу, — былъ сильный вѣтеръ. Рѣка, вспѣненная крѣпкой волной, мчалась въ крутыхъ берегахъ, шумя и прыгая, какъ дикій степной скакунъ. Передъ нами, съ одного берега до другого, лежалъ неширокій дощатый помостъ на сваяхъ. Вдоль этой настилки, напоминающей простой пѣшеходный мостикъ, съ лѣвой стороны виднѣлась частая щетина тонкихъ желѣзныхъ шестовъ. Эти шесты, проходя черезъ два горизонтальныхъ бревна (называемыхъ „бѣлоногами“), образуютъ вмѣстѣ съ ними частую рѣшетку, доходящую до дна. Это—„кошакъ“, черезъ который можетъ проходить лишь мелкая рыба. На обоихъ концахъ помоста возвышаются деревянныя рѣшетчатыя сооруженія съ дверьми. Надъ дверьми—надпись: „входъ на учугъ постороннимъ строго воспрещается“.

Весь помостъ вздрагивалъ отъ быстрой волны. У кошака стоялъ шумъ и звонъ... Кругомъ на рѣкѣ не было видно ни лодочки, ни паруса, ни парома... Только двѣ-три будары, принадлежащихъ учужной водолазной командѣ, лежали опрокинутыя на песчаной отмели. Яикъ, дикій, красивый, несся на просторѣ, срывая глинистые яры, и шипя и клокоча, кидался на неожиданную преграду. Во всей картинѣ чувствовалась дикая прелесть, своеобразная и значительная. Здѣсь, на мѣстѣ столкновенія свободной рѣки съ желѣзной рѣшеткой — центральное мѣсто Урала, настоящая душа его, одинъ изъ главныхъ ключей къ его жизни...

Учугъ ставятъ весной и снимаютъ поздней осенью. Въ тихія лѣтнія утра или передъ солнечнымъ закатомъ уральскіе жители пріѣзжаютъ сюда смотрѣть рыбу. Подымаясь съ моря, вверхъ по теченію, огромные осетры, толстыя бѣлуги и судаки доходятъ до учуга и здѣсь недоумѣло останавливаются. Начиная съ іюля, весь августъ и сентябрь можно видѣть, какъ красная рыба суется вдоль кошака, разыскивая проходъ, тыкаясь мордами въ рѣшетку. Посовавшись напрасно, рыба уходитъ внизъ и затѣмъ, выметавъ икру, располагается на зимовку. А за всѣми ея движеніями, отъ низовьевъ и до самаго учуга, слѣдятъ особо назначенные караулы. Объ ея появленіи береговые и учужные казаки доносятъ войсковому управленію, какъ о движеніяхъ непріятеля.

Въ тотъ день, когда я стоялъ на помостѣ учуга, рыбы совсѣмъ не было видно. Вода вся замутилась, желѣзные шесты дрожали и звенѣли, около рѣшетки рѣка образовала настоящій водопадъ, отшибавшій рыбу обратно. Караульный казакъ опустилъ въ мутную воду длинный шестъ, который называется „наслушкой“. Суясь вдоль рѣшетки, рыба толкаетъ боками шестъ и такимъ образомъ обнаруживаетъ свое присутствіе. Но на этотъ разъ и наслушка дрожала только отъ ударовъ рѣчной струи. Глубь рѣки была мутна, непроницаема и какъ будто мертва.

— Нѣтъ вашего счастья, — сказалъ казакъ, добродушно улыбаясь.—Штурма на рѣкѣ большая, ничего не видно. А вотъ вчера утромъ, да и на закатѣ было веліе...

— Осетръ пришелъ?—спросилъ мой спутникъ, офицеръ.

— Пришелъ! Вчера утромъ все ходилъ вдоль кошака... Сунетъ носъ межъ шестовъ и идетъ книзу. Потомъ опять кверху подымется. Весь кошакъ этакъ ощупаетъ... Потомъ идетъ вонъ туда, къ яру.

— А судакъ?

— Судакъ еще не подходилъ. А вонъ тамъ, подъ дальнимъ яромъ уже видно. Малька хватаетъ...

И казакъ дѣлится новостями мутной глубины, въ которой читаетъ, какъ въ открытой книгѣ. Лицо у него типичное, широкое и скуластое, глаза маленькіе, бѣгающіе, то необыкновенно добродушные, то лукавые. На немъ неизбѣжная фуражка съ малиновымъ околышемъ, кумачевая косоворотка, штаны съ малиновыми лампасами засунуты въ голенища. Что-то необыкновенно характерное сквозитъ въ каждомъ его движеніи. Это не мужикъ и не солдатъ, это именно казакъ. Рыбакъ, стоящій по военному на караулѣ у рѣки, военный, справляющій войсковую службу у рыбы. Когда я направляю на учугъ свой фотографическій аппаратъ, онъ становится на серединѣ помоста и вытягивается во фрунтъ, забывъ, что мы застали его даже безъ кафтана, въ одной косовороткѣ. И онъ выходитъ на моемъ снимкѣ въ этой вытянутой служебной позѣ часового... А затѣмъ меня опять пріятно поражаетъ свободная непринужденность, съ какой онъ ведетъ бесѣду съ офицеромъ. Теперь это не начальникъ и не подчиненный, а два рыбака, обмѣнивающіеся интересующими обоихъ рѣчными новостями. Осетръ ищетъ уже мѣсто для „ятовей“, бѣлуга еще не пришла, судакъ уже поднялся къ ближнимъ ярамъ. Вчера водолазная команда поймала большого персидскаго осетра. Персидскимъ онъ называется потому, что не зимуетъ въ уральскихъ водахъ. „Выбьетъ икру и катàтъ, подлецъ, опять въ море, къ персидскому берегу. И видомъ отличается отъ нашего: бѣлѣе, и жучка (пятна) крупная“. Водолазы испугали этого иностранца, и онъ выкинулся на мель. Какъ войсковую собственность, его продали съ аукціона въ пользу войсковой казны...

— Все въ нее матушку валимъ, какъ въ прорву,—насмѣшливо говоритъ казакъ...—А что толку?

Въ его глазахъ, пытливо и быстро взглядывающихъ на офицера, сверкаетъ огонекъ.

— Мало ли у войска надобностей,—говоритъ тотъ вяло.

— У войска?—переспрашиваетъ казакъ, и огонекъ въ его глазахъ вспыхиваетъ сильнѣе.—Нѣтъ, ваше благородіе,—не видитъ себѣ войско отъ казны пользы... Вотъ послушай, что я тебѣ скажу,—поворачивается онъ ко мнѣ.—Были у насъ голодны годы. Отощали казаки до той степени: и ѣсть нечего, и сѣять нечѣмъ. Тутъ бы, кажется, вспомнить: есть, дискать, у казаковъ собственна казна накоплена. Купить хлѣба, купить сѣмянъ, раздать. Такъ ли я говорю? Потомъ изъ урожаю—хоть опять возьми.

Я, разумѣется, не находилъ возраженій.

— Что-жъ ты думаешь: дала намъ казна подмогу? Чорта лысаго! Неправду я говорю, ваше благородіе?

— Ты свистунскій?—спросилъ офицеръ вмѣсто отвѣта.

— Такъ точно,—отвѣтилъ казакъ, и легкая, чуть замѣтная усмѣшка пробѣжала подъ его жидкими свѣтлыми усами.

Станица Круглоозерная, въ просторѣчіи именуемая почему-то Свистуномъ, расположена верстахъ въ 12-ти отъ Уральска. По обычаямъ, одеждѣ и всему укладу своей жизни она напоминаетъ самыя отдаленныя низовыя станицы, нетронутыя новыми вліяніями. Населеніе ея сплошь старообрядцы разныхъ толковъ, народъ зажиточный, умный, упрямо подозрительный ко всякимъ нововведеніямъ и всегда готовый къ протесту...

При взглядѣ на простодушно-лукавое лицо свистунца съ его задорными вопросами—мнѣ невольно вспомнилась старина, съ поборами старшинъ и оппозиціей войска, напрасно требовавшаго „учета“. „Войско“, т. е. собственно огромная хозяйственная община, не имѣетъ и теперь рѣшающаго вліянія на распоряженіе своей „казной“. Вѣдается она чисто бюрократическими учрежденіями, надъ которыми стоитъ атаманъ, военный генералъ не изъ уральцевъ, по большей части не имѣющій понятія объ этомъ своеобразномъ общинномъ хозяйствѣ, въ которомъ, однако, онъ самонадѣянно „командуетъ“ (порой чисто по военному) и покосами, и рыбной ловлей... А „чиновники“, конечно, часто распоряжаются такъ же, какъ и во всей остальной Россіи...

По настилкѣ учужнаго помоста мы перешли на другой берегъ рѣки. Здѣсь онъ значительно выше и обрывается крутымъ, глинистымъ яромъ..

— Азія!—сказалъ мой спутникъ, указывая рукой на безграничную степь, уходившую далеко къ горизонту... Рѣка невдалекѣ поворачивала и терялась за мысомъ, но далѣе, въ синѣвшихъ передвечернею мглою лугахъ долго еще сверкали ея разорванныя, свѣтлыя излучины... Правый берегъ ея („самарская сторона“) — издавна казачій; лѣвый, а за нимъ вся степь до Бухары и Аральскаго моря—киргизская сторона... Надъ этой свѣтлой полоской, сверкающей въ зелени луговъ, кипѣла вѣковая борьба и лилась кровь. Орда считала рѣку своею. Со временъ уральскаго Ильи Муромца, „стараго казака Харкушки“, она „перелазила“ броды и переправы и кидалась „на Русь“, уводя оттуда скотъ и плѣнныхъ. Казаки сторожили переправы, старались выбить киргиза поглубже въ степь и захватить лѣвый берегъ съ поемными лугами и ковыльной степью.

Все это давно миновало. Орда „замирилась“, и отъ Уральска до Каспійскаго моря можно теперь проѣхать безъ

оружія... Значеніе боевой границы Урала исчезло, и онъ представляетъ отъ учуга до моря только огромный живорыбный садокъ. Начиная отсюда и до самаго Гурьева, рѣка лежитъ въ берегахъ, неприкосновенная и дѣвственная... Ни бударки, ни паруса, ни плота, ни парома. Даже перевозы устроены только въ четырехъ мѣстахъ.

При взглядѣ на многоводную рѣку, у меня невольно явилась мысль о пароходствѣ. Въ Петербургѣ я слышалъ, что отъ Уральска можно проѣхать на пароходѣ до Оренбурга, и мнѣ очень улыбалась мысль о поѣздкѣ по степной рѣкѣ. Я спросилъ, гдѣ пароходная пристань.

Мой спутникъ, офицеръ, усмѣхнулся.

— Слышишь?—обратился онъ къ учужному казаку,—вотъ они спрашиваютъ насчетъ парохода?

Свистунецъ насторожился.

— Какіе, ваше благородіе, пароходы? Вѣдь у насъ никакихъ пароходовъ нѣтъ,—сказалъ онъ съ видимой тревогой и потомъ прибавилъ:

— А! Это ты видно про ванюшинску машину... Ну-у! — Онъ пренебрежительно махнулъ рукой.—Какой это былъ пароходъ. Такъ, г—нная посудина... Я ее на бударкѣ обгонялъ...

— А вѣдь все войско, подлецъ, было растравилъ!—прибавилъ онъ съ новой вспышкой раздраженія.—Потомъ отказали: не надо. Такъ что войско болѣе не желаетъ...

— Чего же вы боялись?—спросилъ я съ невольной улыбкой.—Ходилъ онъ выше учуга, да и сами вы говорите, что посудина дрянная.

— Да вѣдь... дрянная-то она дрянная, а не надо намъ... Почуетъ, проклятая, прибыль, перекинется и за учугъ. Пожалуй, не удержишь... Можетъ рыбу распугать... Не пойдетъ рыба съ моря,—войско должно оголодиться... Такъ ли я говорю, ваше благородіе? — прибавилъ онъ, пытливо всматриваясь въ лицо офицера.

Въ тонѣ его звучала опасливая тревога. Можетъ быть, онъ подумалъ, что я тутъ высматриваю неспроста и что въ моемъ лицѣ жадная до „прибыли“ машина уже разыскиваетъ себѣ ходы на дѣвственную рѣку...

— Вѣрно, вѣрно! — успокаиваетъ офицеръ. — Дѣйствительно, — говоритъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — попробовали было, да бросили...

— Войско не желаетъ!—твердо прибавилъ казакъ.—Шишъ съѣла, подлая!

Дикій Яикъ, дѣвственный и вольный, пока свободно бѣжитъ между ярами, шипитъ у желѣзныхъ шестовъ учуга и баю-

каетъ залегающія въ омутахъ „ятови“. Казаки увѣрены, что это навсегда...

— Какъ это можно. — говорилъ мнѣ съ убѣжденіемъ казакъ изъ одной пріуральской верховой станицы. Вонъ у меня подъ яромъ сазанъ держится. Вотъ какой сазанъ... агромадный! Такъ вѣдь онъ у меня жилой. Тутъ и зимуетъ, тутъ и лѣтомъ живетъ...

— Ну, такъ что же?

— Какъ что? Пароходъ его долженъ испугать. Онъ, значитъ, подастся въ море. Конечно!

Казаки увѣрены, что жилой сазанъ во вѣки вѣковъ не пуститъ въ рѣку парохода...

Въ другой разъ я подъѣхалъ къ берегу Урала у Бѣлыхъ горокъ (верстахъ въ 10 ниже Уральска, въ запретной части рѣки). Здѣсь, на увалѣ, стояла сторожка. Изъ нея вышелъ старый казакъ въ сѣромъ пиджакѣ и форменной фуражкѣ.

Это былъ караульный пикетчикъ. На его обязанности слѣдить за рѣкой. Въ старину такіе пикеты слѣдили за движеніями орды, теперь они слѣдятъ за рыбой. Пикетчикъ знаетъ рѣчную глубину такъ же отчетливо, какъ и учужный казакъ, и такъ же увѣренно можетъ разсказать, кто изъ водныхъ обитателей уже изволилъ прибыть съ моря, кто ожидается на дняхъ, гдѣ новоприбывшіе избираютъ мѣста для остановокъ („ятовей“). Онъ указалъ мнѣ рукой вдаль, на „степную сторону“ и сказалъ:

— А вонъ тамъ—другой пикетъ.

Вглядѣвшись, я дѣйствительно увидѣлъ вдалекѣ бѣлое пятно... Еще дальше, въ мрѣющей степной мглѣ мелькала третья, уже чуть замѣтная бѣлая точка.

— И такъ до моря?—спросилъ я.

— Да, до самаго Гур ева...

— Ну, а выкупаться тутъ можно?—спросилъ я, истомленный жарой.

Въ глазахъ пикетчика мелькнуло выраженіе неподдѣльнаго испуга.

— Что вы это, Богъ съ вами!—произнесъ онъ съ изумленіемъ.—Какъ можно въ рѣкѣ купаться? Да тутъ слѣдъ вашъ на пескѣ увидятъ,—я обязанъ объяснить, кто и для какой надобности подходилъ къ берегу... А вы—купаться!.. Ахъ, Боже мой!..

Онъ искреннимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на человѣка, который могъ сказать такую несообразность... Мой спутникъ, природный казакъ, объяснилъ, улыбаясь, что я пріѣзжій и мѣстныхъ порядковъ не знаю...

Въ періоды осеннихъ и весеннихъ плавепъ, войско усѣиваетъ бударами всѣ берега и яры. По сигналу (пушечнымъ выстрѣломъ) оно кидается на рѣку и идетъ „ударомъ“ на высмотрѣнныя раньше ятови. Здѣсь уже исчезаетъ всякое іерархическое различіе. Казачій офицеръ, будь онъ даже полковникъ,—становится въ рядъ съ простымъ казакомъ. Будары соединяются по двѣ, въ каждой сидятъ ловецъ-казакъ и гребцы (гребцы могутъ быть и наемные)... Если во время „удара“ какой-нибудь ловецъ, стоящій на ногахъ въ узкой и шаткой бударкѣ, упадетъ въ воду (тогда прямо ледяную), вся флотилія пронесется мимо, какъ кавалерійскій отрядъ въ атакѣ надъ упавшимъ съ лошади. Никто не остановится, чтобы подать помощь.

Зимой въ періодъ багренья войско двигается на саняхъ отъ Уральска до Гурьева, останавливаясь въ заранѣе отведенныхъ мѣстахъ. Рѣка кипитъ тогда своеобразной походной жизнью. За войскомъ тянутся торговцы рыбой, отправляющіе ее цѣлыми обозами въ Россію, идетъ торговля съѣстными припасами, сапогами, рукавицами, шапками, принадлежностями лова... Виноторговцы, по старой памяти о „царевомъ винѣ“, выставляютъ надъ бочками національные флаги („знямки“—уменьшительное отъ „знамя“).

Эти походы на рыбу всѣмъ войскомъ содѣйствуютъ въ высшей степени сохраненію на Уралѣ казачьяго быта и типа. Войско въ эти періоды чувствуетъ свое единство. На привалахъ кипятъ религіозные споры, распространяются политическія новости. Въ старину всякая смута зарождалась въ этихъ походахъ. Пугачовъ тоже собирался „объявиться“ на плавнѣ, но старшинская сторона и осторожный Симановъ отмѣнили тогда осенній ловъ. Вообще рыба свободно спала ту зиму по омутамъ, пока степь курилась пожарами, гремѣла выстрѣлами и обливалась кровью...

На время севрюжьей ловли и багренья, какъ вообще на всякое рыболовство, производимое войскомъ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время,—назначается особый атаманъ рыболовства, обязанный слѣдить за соблюденіемъ правилъ лова. Но еще болѣе властнымъ распорядителемъ является обычай. Надо отдать войску справедливость: загородивъ свою рѣку, оно съумѣло завести на ней образцовые порядки, и общинный духъ сказался на рѣкѣ гораздо полнѣе, чѣмъ въ земельной общинѣ.

Въ собраніи уполномоченныхъ ежегодно дебатируются вопросы, возникающіе на почвѣ общиннаго рыболовства, и послѣ всесторонняго обсужденія осторожно вводятся въ практику.

Первый участокъ рѣки, съ котораго начинается ловля, отводится для такъ называемаго „презента“.

Это старинный обычай. Уже во времена Михаила Ѳедоровича яицкія „зимовыя станицы“ ѣздили на Москву, „кланялись“ государямъ рыбнымъ подаркомъ и отдаривались въ свою очередь. Посланцы войска получали „ковши и сабли“, войску шли разныя милости. Казаки дорожатъ этой традиціей, но уже съ давнихъ временъ къ ней присосалось хищничество войсковыхъ воротилъ. Участки для „презента“ отводятся щедрой рукой, уловъ получается гораздо больше, чѣмъ нужно собственно для царскаго двора, и этими остатками атаманы задаривали членовъ военной коллегіи, оренбургскаго и казанскаго губернаторовъ, которые за это покрывали всякое воровство „старшинской стороны“.

Это въ извѣстной степени сохранилось до нашихъ дней. Войсковая бюрократія безконтрольно распоряжается презентомъ и распредѣляетъ „войсковой подарокъ“ безъ участья представителей войска. Это стало своего рода бытовымъ явленіемъ, и по количеству балыковъ и икры, получаемыхъ въ Уральскѣ чиновниками разныхъ вѣдомствъ, жители судятъ о теплотѣ или холодности междувѣдомственныхъ отношеній.

Войско сильно косится на это безцеремонное расхищеніе своего улова. Однажды даже была отряжена депутація къ одному изъ атамановъ, съ просьбой передать распоряженіе презентомъ въ руки войсковыхъ уполномоченныхъ. Положеніе атамана было щекотливое. Онъ вышелъ изъ затрудненія при помощи патріотическій риторики.

— Кто меня сюда назначилъ?—спросилъ онъ у депутатовъ.

— Извѣстно кто, ваше-ство. Наказныхъ атамановъ назначаетъ Государь Императоръ.

— Вотъ видите. Государь довѣрилъ мнѣ все войско... А вы не хотите довѣрить такого пустяка. Значитъ, вы идете противъ царской воли...

Депутаты сробѣли передъ этимъ своеобразнымъ призывомъ къ „вѣрноподданству“, и безцеремонное присвоеніе войскового труда продолжается до настоящаго времени безъ контроля войска *). Кому только не „кланяется уральское войско“ своими „презентами“! Одинъ атаманъ, служившій когда-то въ кавалерійскомъ полку, ежегодно посылалъ массу икры и рыбы офицерамъ этого полка. Офицеры пили за здоровье атамана, за боевую взаимность свою съ славнымъ

*) Писано въ 1901 году.

уральскимъ войскомъ... Но,—какъ только атамана убрали, рыбный столъ полка внезапно оскудѣлъ...

Въ старину атаманы назначались изъ природныхъ казаковъ. Они грабили войско, но отлично знали его нравы и обычаи. Противникъ Пугачова Мартемьянъ Бородинъ былъ, если не ошибаюсь, послѣднимъ атаманомъ изъ казаковъ. Послѣ него назначались атаманы изъ столицъ, ничего общаго съ „войскомъ“ не имѣвшіе. Знакомые (въ лучшемъ случаѣ) съ обычнымъ хозяйственнымъ строемъ казармъ,—они становятся распорядителями цѣлой своеобразной области, съ ея бытовыми особенностями. По „прочетному приказу“ такого атамана, войско выступаетъ на общій покосъ и по его же сигналу двигается „ударомъ“ на багренное рыболовство. Въ этихъ распоряженіяхъ ему помогаетъ особое учрежденіе: съѣздъ уполномоченныхъ, своего рода казачье земство. Но его постановленія имѣютъ только совѣщательный характеръ. Хорошо, если атаманъ—человѣкъ благоразумный. Но вѣдь это бываетъ не всегда, и иные атаманы склонны распоряжаться хозяйственнымъ бытомъ казаковъ, какъ строевой шерентой. Казакъ на своемъ гумнѣ, на своемъ покосѣ, пашнѣ, на рыбной ловлѣ — представляется имъ вѣчнымъ „нижнимъ чиномъ“, обязаннымъ тянуться во фрунтъ и безпрекословно исполнять самую нелѣпую команду.

На этой почвѣ разыгрываются порой анекдоты чисто щедринскаго жанра.

Одному бравому атаману не понравилось, что въ городѣ Уральскѣ много плетней. Въ городѣ должны быть не плетни, а заборы. Атаманъ распорядился, чтобы къ такому-то сроку плетни были замѣнены заборами. Совершенно понятно, что приказаніе не было исполнено: сторона безлѣсная, матеріалъ дорогъ. Въ назначенный день атаманъ собралъ такъ называемыхъ „служилыхъ казаковъ“, выстроилъ ихъ на площади и съ этой арміей двинулся противъ плетней. По его приказу, служилые казаки, находившіеся въ строю и не смѣвшіе ослушаться,—стали поджигать плетни. Генералъ суетился, ругался, командовалъ, сухіе плетни пылали, толпа смотрѣла въ угрюмомъ молчаніи. Только одинъ старый казакъ наконецъ плюнулъ и сказалъ довольно громко:

— А еще говорятъ: не сумасшедшій.

Мнѣ называли этого казака. Атаманъ, говорятъ, слышалъ, но промолчалъ... А плетни, какъ мѣстная особенность, и до сихъ поръ украшаютъ улицы стариннаго казачьяго города...

Кажется, съ тѣмъ же неугомоннымъ атаманомъ было и другое колоритное происшествіе. Онъ вздумалъ объѣхать „свою“

область. Всюду были приготовлены парадныя встрѣчи. Встрѣчали не только казаки, которые для этого случая осѣдлали рабочихъ лошадей, но и все населеніе. Старые казаки, казачки, казачата и дѣвушки. По окончаніи парада, генералъ ходилъ по площади, сыпалъ прибаутками въ народномъ вкусѣ, заигрывалъ съ станичными красавицами.

Особенное вниманіе стараго селадона привлекла дѣвочка-подростокъ, дочь зажиточнаго станичника, ходившая по улицѣ съ подругами. Его превосходительство подошелъ къ ней съ какой-то веселою шуткой. Дѣвочка отвернулась. Зная „ключъ къ женскому сердцу“, онъ протянулъ ей двугривенный „на сѣмечки“ и послѣ этого попытался милостиво взять ее за подбородокъ. Дѣвочка безцеремонно двинула его локтемъ и сказала:

— Начхать (говорятъ, она выразилась еще сильнѣе). У тятьки и своихъ много...

И крамольная красавица пошла дальше, луща сѣмечки и пересмѣиваясь съ казачатами, которыхъ, по извѣстной женской глупости, очевидно предпочитала заслуженнымъ генераламъ.

По этому поводу поселковый атаманъ получилъ нагоняй. Въ приказѣ было отмѣчено, что населеніе распущено, не дисциплинировано и не питаетъ должнаго уваженія къ начальству... Юная красавица на нѣкоторое время стала очень популярной.

На-встрѣчу этимъ попыткамъ командовать внѣ строя,—населеніе часто готово къ отпору. Особенно если эти попытки посягаютъ на обычаи и нравы рыболовства.

Осенью передъ тѣмъ годомъ, когда я былъ въ Уральскѣ, берега Яика видѣли характерную картину, напомнившую старыя яицкія времена. Наказной атаманъ былъ назначенъ недавно, обычаевъ не зналъ, былъ человѣкъ самонадѣянный и склонный къ командирскимъ замашкамъ. Кромѣ того, говорили, что на него оказывалъ большое вліяніе адъютантъ, человѣкъ чрезвычайно непопулярный въ войскѣ... Въ первый же день войско, по обычаю, закончило ловлю на участкѣ, назначенномъ для презента. Адъютанту показалось, что уловъ малъ. Онъ сказалъ объ этомъ атаману, и тотъ распорядился продолжать ловъ на слѣдующемъ участкѣ.

Войско находило, что уловъ достаточенъ, но предметъ былъ щекотливый, и войско согласилось продолжить ловъ на слѣдующій день. Участокъ, на которомъ производится ловъ, по обычаю и по постановленію съѣзда уполномоченныхъ, ограждается снизу поперекъ всей рѣчки большой „аханной“

сѣтью, чтобы рыба, потревоженная на участкѣ, не кинулась внизъ и не подняла другихъ ятовей, залегшихъ на зиму.

Но атаманъ, разъ о давъ опрометчивый приказъ, не хотѣлъ брать его назадъ и опять поставилъ вопросъ на почву вѣрноподданническаго благоговѣнія и дисциплины. Къ нему подошли нѣкоторые офицеры въ ловецкихъ костюмахъ и уважаемые старые казаки и стали убѣждать отступиться. Завтра войско готово отдать для презента другой участокъ, но нельзя нарушить исконныя правила лова.

Атаманъ вскипѣлъ. Онъ топнулъ ногой и крикнулъ: „Молчать! Слушать команды".

Старики угрюмо разошлись по мѣстамъ. Генералъ далъ знакъ, по которому войско должно кинуться ударомъ. Никто не двинулся съ мѣста. Атаманъ посмотрѣлъ на это, какъ на бунтъ. Это его разсердило тѣмъ болѣе, что въ это время у него въ гостяхъ былъ саратовскій губернаторъ, стоявшій тутъ же.

— Офицеры, впередъ!..

Никто не двинулся. Да это было и невозможно: въ рыбной ловлѣ нѣтъ офицеровъ и рядовыхъ: заслуженный офицеръ часто плыветъ въ парѣ съ простымъ казакомъ.

Атаманъ разсвирѣпѣлъ. Это показалось ему бунтомъ противъ верховной власти во-первыхъ и противъ его авторитета во-вторыхъ. Онъ сталъ кричать и при этомъ произнесъ неосторожную фразу:

— Прикажу на пескѣ осетровъ багрить,—будете багрить, пока не прикажу отставить...

По войску пошелъ шумъ. „Еще солдатскихъ шинелей на казаковъ не надѣлъ",—кричали казаки. Это былъ старый лозунгъ... Изъ-за „солдатскихъ шинелей" Яикъ не разъ тревожно подымался противъ Москвы. Шумъ разростался. Старики громко ворчали. Среди молодежи, особенно изъ Свистуна, замелькали багры, и скоро береговой яръ, на которомъ стояло начальство, оказался окруженнымъ взволнованной толпой.

— Чего тутъ было... И-и!.. — говорилъ, слегка косясь на офицера, учужный казакъ, разсказавшій мнѣ въ общихъ чертахъ эту исторію. И потомъ, усмѣхаясь въ усы, прибавилъ:

— Гость-то... Саратовскій... Кинулся поскорѣе къ санямъ, палъ кверху тормашками и кричитъ кучеру:—Гони въ городъ. Нахлестывай!.. Ну ихъ, дескать... Спасибо на угощеніи.

Впослѣдствіи ту же исторію во всѣхъ подробностяхъ мнѣ разсказывали въ Свистунѣ старые казаки въ бухарскихъ стеганыхъ халатахъ.

— Атаманъ испужался, снялъ папаху, давай кланяться

войску.—„Простите, господа войско. Я по новости вашихъ обычаевъ еще не узналъ". Ну-молъ теперь будешь знать...

— А если бы не уступилъ?—спросилъ я.

— И-и! Что ты. Не дай Богъ,—сказалъ одинъ. А другой прибавилъ:

— Не знай, что и было бы... Наше, братъ, войско — суръ-ёз-ное...

III.

Старый городъ.—Гробница казачьихъ вольностей.—Курени.—Пугачовскій дворецъ и домъ Устиньи Кузнецовой.

Уральская желѣзная дорога построена недавно. Когда возникъ вопросъ объ отчужденіи земли подъ полотно дороги,—казачья община оказалась въ затрудненіи; приходилось въ недѣленую степь пустить цѣлую полосу, которая отходила въ собственность дороги. Въ концѣ концовъ, отчужденіе всетаки произошло... Право собственности пріобрѣтено дорогой почти за чечевичную похлебку.

Такимъ образомъ, коснувшись желѣзнодорожныхъ сребренниковъ, казачій строй допустилъ къ себѣ опаснаго сосѣда: на отчужденной землѣ стали элеваторы, мельницы, склады, задымились трубы, въ темные осенніе вечера загорѣлось электрическое освѣщеніе. Затѣмъ желѣзнодорожная компанія стала отчуждать эту землю третьимъ лицамъ, и опять на правѣ собственности... Первыя попытки этого рода вызвали процессъ, который община проиграла, и теперь подъ бокомъ у бывшаго Яицкаго городка растетъ цѣлый поселокъ, живущій своею особенною жизнью, и главное — растутъ интересы, которые, конечно, когда-нибудь потребуютъ и своего представительства. Вокзалъ и линія желѣзной дороги—это вторженіе „иногороднаго" элемента въ самое сердце казачьей общины...

Фактъ совершился. Казачій городъ выразилъ свое нерасположеніе тѣмъ, что отодвинулъ мѣсто для вокзала подальше. Но въ послѣднее время онъ самъ тянется къ вокзалу своей сѣверной частью... Паровой свистокъ, изгнанный съ рѣки, раздается властно и невозбранно, растутъ склады, магазины, каменные дома... Старый историческій „городокъ" прижимается южною частью къ Яику съ его нетронутыми водами и учугомъ.

Это два полюса, два разныхъ періода исторіи, Европа и Азія, прошедшее и будущее казачьей страны...

На самомъ рубежѣ между ними, какъ бы заступая дорогу надвигающейся Европѣ, на „Большой" городской улицѣ стоитъ старый соборъ, почтенное сѣрое зданіе съ шатровыми кры-

шами и облупившейся штукатуркой. Это тотъ самый соборъ, колокольня котораго была когда-то взорвана пугачовцами. До сихъ поръ старожилы указываютъ груду камней и щебня, отмѣчающихъ мѣсто этого взрыва. Здѣсь же около собора находился небольшой „ретраншементъ“, въ которомъ полковникъ Симановъ съ „вѣрными“ старшинской стороны казаками отсиживался отъ овладѣвшихъ городомъ пугачевцовъ.

Все здѣсь носитъ характеръ глубокой, сѣдой старины. Разсказываютъ, между прочимъ, что будто старый соборъ упорно „не принимаетъ новой штукатурки“ и уже нѣсколько разъ сбрасывалъ ее съ себя, какъ ничтожную шелуху. Простые казаки говорятъ объ этомъ фактѣ съ глубокимъ убѣжденіемъ и суевѣрной многозначительностью, офицеры съ нѣкоторымъ недоумѣньемъ. Фактъ (объясняемый, быть можетъ, особыми свойствами „войсковой“ штукатурки) устанавливается многочисленными показаніями: старый соборъ упрямо отметаетъ новую оболочку и какъ бы подаетъ примѣръ консерватизма своимъ смиреннымъ сосѣдямъ...

Внутри этого собора, на правой сторонѣ, невдалекѣ отъ входа, бросается въ глаза грубая каменная гробница, въ формѣ саркофага, покрытая частью облупившейся темною краской. Надъ этой загадочною гробницей носятся сбивчивыя преданія. Говорятъ, между прочимъ, будто одинъ изъ священниковъ Петропавловской церкви (находившейся внѣ ретраншемента, во власти пугачовцевъ) отказался вѣнчать Пугачова съ казачкой Устиньей Кузнецовой и за это былъ замученъ. Казаки „вѣрной стороны“ похитили его тѣло и положили въ эту гробницу. Кажется, это преданіе невѣрно: историческіе источники нигдѣ не упоминаютъ объ этой казни. Наоборотъ, послѣ захвата Пугачова яицкіе священники подверглись суровымъ карамъ за излишнюю уступчивость требованіямъ „набѣглаго царя“. По другой версіи — подъ видомъ похоронъ попа полковникъ Симановъ и осажденные „старшинскіе“ казаки — скрыли въ гробницѣ войсковыя регаліи,—атаманскія насѣки и грамоты царей войску, — опасаясь, чтобы все это не попало въ руки пугачовцевъ, если бы они взяли „ретраншементъ“. Какъ бы то ни было, таинственная гробница, невѣдомо кѣмъ поставленная въ углу стараго казачьяго собора — привлекаетъ общее вниманіе. Въ войскѣ издавна существуетъ легенда о какой-то грамотѣ царя Михаила Ѳедоровича, въ силу которой казакамъ отдавалась рѣка Яикъ отъ вершинъ и до моря, со всѣми притоками. Эта заманчивая грамота, сгорѣвшая, будто бы, въ большой пожаръ еще въ началѣ XVII столѣтія, служила предметомъ на-

столичныхъ розысковъ, и уже во времена Петра Великаго зимовыя яицкія станицы потратили немало денегъ, роясь въ столичныхъ архивахъ. Но никакихъ слѣдовъ грамоты не нашлось, значитъ, она не могла и попасть въ гробницу. Въ войскѣ, однако, существуетъ упорное убѣжденіе, что какія-то реликвіи казачьяго строя и, можетъ быть, какія-то его „права“ дремлютъ въ гробницѣ, въ нѣдрахъ стараго собора, не принимающаго новой штукатурки *).

Вокругъ собора и за нимъ раскинулись „курени“: убогіе деревянные домишки, порой плетневыя мазанки съ плоскими крышами. Здѣсь уже и не пахнетъ городомъ. Казачата играютъ въ уличной пыли и на муравѣ, мимо церкви бредетъ старый-престарый казачище съ посошкомъ и бормочетъ что-то про себя. Вдали виднѣются крутые, глинистые обрывы Урала, уже на другой, „бухарской“ сторонѣ. И подъ шумъ степного вѣтра, налетающаго оттуда и крутящаго вихрями летучую пыль, — какъ-то даже забываешь, что стоишь на той же улицѣ, въ другомъ концѣ которой красуется тріумфальная арка, европейскіе магазины, вокзалъ, элеваторы...

Въ куреняхъ есть свои историческія достопримѣчательности. На углу Большой и Стремянной улицъ показываютъ два скромныхъ дома. Одинъ изъ нихъ, угловой, — деревянный, сложенъ, очевидно, очень давно, изъ крѣпкаго лѣсу. Бревна отлично еще сохранились, хотя одинъ уголъ сильно вросъ въ землю, отчего стѣны покосились, а тесъ на крышѣ весь обросъ лишаями и истлѣлъ, кое-гдѣ превратившись въ мочало. Другой,—стоящій рядомъ, вглубь Стремянной улицы, тоже очень старый, сложенъ изъ кирпича съ нѣкоторыми претензіями на „архитектурныя украшенія“. Онъ тоже весь облупился. Слѣпыя окна отливаютъ радужными побѣжалостями, крыльцо, выходящее во дворъ, весь заставленный кизяками,—погнулось подъ бременемъ лѣтъ до такой степени, что могло бы возбудить любопытство архитектора самымъ фактомъ своего равновѣсія.

Мѣстное преданіе гласитъ, что первый домъ (деревянный) принадлежалъ казаку Петру Кузнецову, откуда Пугачовъ взялъ себѣ невѣсту, Устинью Петровну, ставшую на короткое время „казачьей царицей“. Въ каменномъ — жилъ будто бы самъ Пугачовъ во время наѣздовъ изъ Оренбурга...

Есть много основаній считать это преданіе вѣрнымъ. Мѣстный старожилъ и литераторъ, Вяч. Петр. Бородинъ пе-

*) Въ интересахъ исторіи подымался даже вопросъ о вскрытіи гробницы, но дѣло это заглохло, кажется, въ духовномъ вѣдомствѣ.

редавалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ назадъ, при перекладкѣ печи въ каменномъ домѣ, печники нашли цѣлую связку старинныхъ бумагъ, повидимому, тщательно скрытыхъ подъ печью. Очень можетъ быть, что въ связкѣ этой находились интереснѣйшіе матеріалы для исторіи Пугачова, но, къ сожалѣнію, полицейскій надзиратель, знавшій объ этомъ фактѣ, разсказалъ о немъ слишкомъ поздно, и отыскать бумагъ не удалось...

Эта находка отчасти подтверждаетъ, что старое каменное зданіе играло какую-то особенную роль въ историческомъ движеніи. По словамъ того же В. П. Бородина каменный домъ принадлежалъ Кузнецову, и въ немъ жила Устинья уже царицей, а Пугачовъ останавливался у нея во время своихъ наѣздовъ въ Уральскъ. Мнѣ кажется, однако, что преданіе, связывающее оба сосѣдніе дома и называющее деревянный домикъ Кузнецовскимъ—вѣрнѣе. Извѣстно, во-первыхъ, что Кузнецовъ былъ казакъ небогатый, а каменныхъ домовъ въ то время было немного.. Во-вторыхъ, г-нъ Дубровинъ („Пугачовъ и пугачовцы“) говоритъ, что передъ вторымъ отъѣздомъ въ Оренбургъ Пугачевъ перевелъ свою новую жену въ Бородинскій домъ, лучшее зданіе въ городѣ. Мѣсто этого дома указываютъ теперь различно: это—или нынѣшній атаманскій домъ на Большой улицѣ, или еще одинъ домъ, давно уже перестроенный такъ, что отъ прежняго едва ли остались и стѣны.

Смутное преданіе и это точное указаніе исторіи легко примиряются, если принять во вниманіе, что Пугачовъ пріѣзжалъ въ Уральскъ еще до своей женитьбы. Какъ извѣстно, онъ дважды велъ подкопы подъ ретраншементъ и самъ постоянно руководилъ минными работами. Слѣды одной изъ этихъ минъ и теперь еще видны въ куреняхъ, по направленію отъ собора на юго-западъ. Очень возможно, что вначалѣ Пугачовъ самъ жилъ въ этомъ каменномъ домикѣ, распоряжаясь осадой и подкопомъ, а Кузнецовы были въ это время его ближайшими сосѣдями.

Выдающійся уральскій изслѣдователь и знатокъ старины, покойный Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія собралъ много живыхъ еще преданій того времени, частью записанныхъ со словъ очевидцевъ и во всякомъ случаѣ—по свѣжимъ слѣдамъ. Одна изъ разсказчицъ, столѣтняя монахиня Анисья Невзорова говорила Желѣзнову (въ 1858 г.) о знакомствѣ Пугачова съ будущей „царицей“.

— Сидитъ, это, онъ, Петръ Ѳедоровичъ, подъ окномъ и смотритъ на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бѣжитъ

черезъ улицу, въ одной фуфаечкѣ да въ кисейной рубашечкѣ, рукава засучены по локоть, а руки въ красной краскѣ (она занималась рукодѣльемъ: шерсть красила да кушаки ткала). Тутъ онъ въ нее и влюбился.

Этотъ разсказъ современницы тоже указываетъ на близкое сосѣдство обоихъ домовъ и подтверждаетъ преданіе, витающее надъ этими полуразвалившимися зданіями на Стремянной: изъ оконъ этого каменнаго дома Пугачовъ могъ видѣть красавицу Устю, пробѣгавшую „по домашнему“ черезъ улицу. И это опредѣлило трагическую судьбу молодой казачки.

Въ старинныхъ „дѣлахъ“, которыя я имѣлъ случай читать въ войсковомъ архивѣ, не разъ упоминается о „называемомъ дворцѣ“ Пугачова. Весьма вѣроятно, что и сватовство, и свадьба происходили еще въ этомъ скромномъ домѣ. Судя по историческимъ даннымъ, Устинья шла за „набѣглаго царя“ неохотно. Когда къ ней пріѣхали сваты, она спряталась въ подполье.

— И что они, дьяволы, псовы дѣти, ко мнѣ привязались?— говорила она.

Во второй разъ къ ней пріѣхалъ уже самъ Пугачовъ, но и тутъ Устинья и ея отецъ неохотно шли на-встрѣчу высокой чести.

Послѣ свадьбы и второго взрыва Пугачовъ опять уѣхалъ въ Оренбургъ, но прежде онъ образовалъ цѣлый штатъ „придворныхъ“ около новой „царицы“. Въ бумагахъ войскового архива, въ спискахъ арестантовъ. содержавшихся во время усмиренія бунта при войсковой канцеляріи, я встрѣтилъ, между прочимъ, имена:

„Устиньи Пугачовой“, содержавшейся „за выходъ въ замужество за извѣстнаго злодѣя, самозванца Пугачова, и за принятіе на себя высокой фамиліи“.

Сестры ея Марьи Кузнецовой — „по обязательству сродствомъ съ беззаконнымъ самозванцемъ“.

Петра Кузнецова—„за отдачу дочери своей Устиньи Петровой за злодѣя Пугачова“.

Семена Шелудякова—„за бытіе въ самозванцевой партіи и за ѣзду отъ самозванцевой жены къ злодѣю Пугачову по почтѣ подъ Оренбургъ съ письмами“.

Устиньи Толкачевой—„за бытіе при самозванцевой женѣ за фрейлину“.

Старшинской женки Прасковьи Иванаевой — „за бытіе у самозванцевой жены стряпухой“.

И наконецъ молодого казака подростка—„за бытіе при называемомъ дворцѣ въ пажахъ“.

Бракъ этотъ не принесъ счастья Пугачову и погубилъ бѣдную молодую казачку, захваченную вихремъ историческихъ событій. Свадьба происходила подъ громъ неважныхъ пушченокъ изъ ретраншемента, въ которомъ укрѣпился Симановъ съ „вѣрными казаками". Въ „куреняхъ" пугачовцы тоже построили свою „воровскую батарею". Командовалъ ею мрачный Карга. Шла постоянная перестрѣлка. Летали ядра, пули, киргизскія стрѣлы, укорительныя слова. На древка стрѣлъ и дротиковъ привязывались разныя укорительныя письма... Бунтовщики самымъ язвительнымъ образомъ отзывались о царицѣ Екатеринѣ. Симановцы осыпали оскорбленіями ея невольную соперницу...

Сила Пугачова была въ наивной и глубокой народной вѣрѣ, въ обаяніи измечтаннаго страдальца-царя, познавшаго на себѣ гоненіе, несущаго волю страдальцу-народу.

Женитьба при живой женѣ была яркой, бьющей въ глаза неправдой. Увлеченіе Пугачова было, должно-быть очень сильно, а оскорбить хорошій казачій родъ незаконной связью онъ повидимому боялся. Роковая для Устиньи свадьба состоялась. Совѣсть искреннихъ пугачовцевъ была смущена. Покорное Пугачову духовенство отказалось поминать новую „царицу" въ ектеньяхъ „до синодскаго указу"... Крыша кузнецовскаго дома была видна изъ ретраншемента. Ликованіе кощунственной свадьбы доносилось за стѣны укрѣпленія, поддерживая не одну, уже, быть можетъ, колебавшуюся совѣсть „вѣрной стороны". Если не симановскія пушки, то полемическія стрѣлы изъ ретраншемента пріобрѣли послѣ этого новую силу...

Какъ бы то ни было, — этотъ невзрачный, покосившійся домъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ своеобразный „придворный штатъ" фантастической царицы. Здѣсь толпились фрейлины— недавнія подруги ея по куренямъ, — и пажи-казачата. Пугачовъ, какъ извѣстно, относился къ Устиньѣ съ уваженіемъ и довѣріемъ. По всѣмъ даннымъ, Устинья была скромная женщина, не вмѣшивавшаяся въ дѣла и никому не сдѣлавшая ни малѣйшаго вреда въ періодъ своего сказочнаго царствованія.

Впослѣдствіи, по приказанію Панина, на Яикъ и въ Оренбургъ были присланы особые вопросные пункты о поступкахъ Пугачова и пугачовцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это разслѣдованіе не оставило бы безъ вниманія какихъ-нибудь смѣшныхъ или предосудительныхъ выходокъ выскочки-царицы, если бы онѣ были. Но ихъ не было. Устинья въ своемъ исключительномъ положеніи вела себя скромно, съ какимъ-то

непосредственнымъ тактомъ, и даже въ тѣ времена бездушной формалистики, когда всякая вина была виновата, — она была признана по сентенціи невиновной...

Повременамъ у нея являлись сомнѣнія... Не разъ по ночамъ молодая казачка плакала и приставала къ загадочному человѣку, неожиданно ставшему ея мужемъ, съ разспросами: кто онъ такой, дѣйствительно ли царь и по какому праву захватилъ ея молодую жизнь въ водоворотъ своей туманной и бурной карьеры? Указаніе на драму, начавшуюся въ стѣнахъ этого дома, сохранилось въ допросахъ Устиньи, приводимыхъ г-мъ Дубровинымъ. Но, разумѣется, подлый деревянный языкъ застѣночныхъ протоколовъ не могъ сохранить трогательныхъ оттѣнковъ трагедіи женскаго сердца... Жалобы и слезы юной казачки, смущенные отвѣты таинственнаго и мрачнаго человѣка, неожиданно вмѣшавшагося въ ея жизнь,—все это теперь стало тайной стараго дома. А такъ какъ и дѣйствительный Пугачовъ далеко не похожъ на то „исчадіе ада“, какимъ, по старой привычкѣ, изображала его исторія, то очень можетъ быть, что въ эти минуты, наединѣ съ молодой женой, ему бывало труднѣе, чѣмъ на поляхъ битвъ, на приступахъ, или позднѣе, при „разспросахъ“ съ пристрастіемъ Павла Потемкина...

Можетъ быть отчасти поэтому онъ не живалъ долго въ Яицкомъ городкѣ и, примчавшись изъ Берды съ небольшими отрядами по зауральской сторонѣ,—скоро опять мчался обратно снѣжными степями, рискуя встрѣтиться съ разъѣздами противниковъ или попасть въ руки орды...

Печальна дальнѣйшая судьба бѣдной казачьей парицы. Пугачовъ проигралъ свое дѣло на Яикѣ. Онъ умчался изъ-подъ Оренбурга, чтобы еще разъ пронестись ураганомъ по заводской и крѣпостной восточной Россіи,—а Симановъ со старшинской партіей вышли изъ ретраншемента, и началась расправа. Устинья со всѣмъ своимъ штатомъ попала изъ „называемаго дворца“ въ тюрьму при войсковой канцеляріи. Потомъ пошли этапы, кордегардіи, тюрьмы, эшафоты. Существуетъ очень правдоподобный разсказъ, будто бы Екатерина пожелала лично видѣть свою фантастическую соперницу. Свиданіе состоялось, Екатерина нашла, что Устинья далеко не такъ красива, какъ о ней говорили. Послѣ всего, что пришлось перенести бѣдной казачкѣ, полу-ребенку, на пути отъ этого скромнаго деревяннаго домика въ куреняхъ до дворца Екатерины—отзыву этому можно, пожалуй, повѣрить...

Это свиданіе могло бы послужить благодарнымъ сюжетомъ для интересной исторической картины. Послѣ него Устинья

исчезаетъ надолго въ казематахъ Кексгольмской крѣпости. Болѣе четверти вѣка спустя (въ 1803 г.) царственный внукъ Екатерины, мечтательный и гуманный Александръ I, обходя эти казематы, встрѣтилъ тамъ, между прочимъ, и Устинью. На вопросъ государя, ему сообщили, что это вторая жена Пугачова. Александръ тотчасъ же приказалъ освободить ее, но, конечно, это пришло уже слишкомъ поздно...

Да, торжественная исторія имѣетъ также свои задворки, совсѣмъ не торжественные и некрасивые. Бѣдная Устя, скромная казачка изъ куреней, красивый мотылекъ, захваченный бурей историческаго движенія—и великая императрица... Кто ихъ разсудитъ, и если кто разсудитъ, то какой тяжестью ляжетъ на чашку великихъ дѣлъ Екатерины несчастная судьба скромной казачки?

. . . . . .

Въ обоихъ историческихъ домахъ живутъ какіе-то бѣднягитатары. Въ то время, какъ я внимательно осматривалъ ихъ и снималъ фотографіи,—хозяевъ не было дома. Тусклыя окна загадочно глядѣли на улицу. Дворъ, на которомъ нѣкогда толпились казачьи старшины, полковники и „генералы“, передразнивавшіе графовъ и князей екатерининской свиты,—заросъ муравой и былъ покрытъ кучами „кизяка“, запаснаго на зиму бѣдной татаркой. Деревянное крыльцо, на которомъ, вѣроятно, сиживалъ казачій царь, творившій свою расправу,—уже совсѣмъ покосилось, и веревка для грязнаго бѣлья тянулась между колонками широкой террасы.

Пока я съ моимъ спутникомъ, П. Я. Шелудяковымъ, потомкомъ очень виднаго пугачовца, ходили вокругъ дома, заглядывая во дворъ, къ намъ стали собираться обитатели заинтересованныхъ „куреней“, казаки и татары. Одинъ изъ нихъ сообщилъ съ таинственной многозначительностью, что въ каменномъ что-то „непросто“...

— Мотри,—непремѣнно есть что-нибудь...

— Что же именно?...

— Да ужъ... Чего говорить-то...

Оказалось, по разсказамъ сосѣдей, что живущая въ бывшемъ „дворцѣ“ вдова татарка слышитъ по временамъ подъ поломъ возню, шумъ, голоса и стоны. Въ смутномъ сознаніи куренныхъ обывателей полуразвалившееся зданіе все еще хранитъ и бурныя страсти, и невыплаканныя слезы его бывшихъ обитателей.

Самое наше посѣщеніе создало въ куреняхъ новую легенду: обыватели заключили, что цѣль нашего осмотра — покупка „казною“ пугачовскаго дома, какъ бывшаго царскаго дворца.

Можетъ быть, въ интересахъ исторіи это и слѣдовало бы сдѣлать, но... эти достопримѣчательности куреней—памятники „опальные", о которыхъ никто не позаботится, пока они, покорные времени, не сравняются съ землею...

Съ этими мыслями въ головѣ, съ трогательнымъ и грустнымъ образомъ бѣдной Усти въ воображеніи — оставилъ я Стремянный переулокъ. „Дворецъ" стоялъ все такъ же насупленный и молчаливый, въ окнѣ кузнецовскаго дома мелькнуло за стекломъ дѣтское личико. Степной вѣтеръ взметывалъ бѣлесые листья тополей надъ старымъ русломъ рѣки, а невдалекѣ, въ своихъ крутыхъ берегахъ, бурлилъ и метался дикій Яикъ...

IV.

Поѣздка по верховымъ станицамъ.—Ночлегъ въ Трекиныхъ хуторахъ.—„Кочкинъ Пиръ".—Послѣдніе отголоски крамолы.—Объ „агличанкѣ".

Я собрался въ поѣздку по „верховымъ" станицамъ, т. е. кверху отъ Уральска, до Илека, гдѣ уже кончается область Уральскаго войска.

Для этого я купилъ себѣ лошадь. Это былъ заслуженный когда-то строевой конь, постепенно опускавшійся по ступенькамъ житейской карьеры и передъ моей поѣздкой исполнявшій скромную работу при молотилкѣ на войсковой учебной фермѣ. Опытный глазъ могъ еще различить сквозь худобу и опущенность прежнія статьи хорошей казачьей лошади.

Добрые люди снабдили меня тоже изрядно послужившей на своемъ вѣку телѣжкой на погнувшихся дрогахъ и, наконецъ, благопріятная судьба послала мнѣ прекраснаго спутника въ лицѣ Макара Егоровича Вѣрушкина, илецкаго казака, учителя съ той же учебной фермы. Онъ ѣхалъ въ Илекъ къ роднымъ.

На склонѣ іюльскаго жаркаго дня, снарядившись въ путь, мы двинулись изъ садовъ черезъ Чаганъ луговыми и степными дорогами. Вся совокупность нашей скромной экспедиціи—и костистая лошадь, и скрипучая телѣжка, и наши фигуры въ бѣлыхъ картузахъ, скоро покрывшихся летучей степной пылью,—ничѣмъ не нарушали привычной картины степной дороги, то лѣниво взбѣгавшей на увалы, то тянувшейся сѣрою лентою между бахчами...

Солнце сильно склонилось къ закату. Послѣдніе лучи играли еще на верхушкѣ тріумфальной арки и церковныхъ главахъ Уральска, когда, минуя „Баскачкину рѣстошь" и Солдатскую Старицу (старое русло Урала) и перерѣзавъ пыльный трактъ,

мы поднялись на широкій увалъ, и телѣжка покатилась ровною степью... Передъ нами была безграничная степь. Даль обволакивалась легкою передвечернею дымкой, и только вправо зеленая полоска лѣсной поросли отмѣчала вдали берега излучистаго Урала...

Солнце совсѣмъ уже сѣло, и теплыя сумерки лежали надъ степями, когда наша телѣжка въѣхала въ улицы Трекиныхъ хуторовъ, гдѣ мы намѣтили свой первый ночлегъ.

На улицахъ стояла тишина, свойственная этому неопредѣленному сумеречному часу. Кое-гдѣ на заваленкахъ и бревнахъ виднѣлись группы казаковъ, занятыхъ разговорами. Къ одной изъ такихъ группъ мы и привернули со своей телѣжкой.

— Добраго здоровья,—сказалъ мой спутникъ.

— Здравствуйте,—отвѣтили казаки.—Кого надо?

— Гдѣ тутъ живетъ вашъ уполномоченный NN.?

Я уже говорилъ о „съѣздѣ уполномоченныхъ“, замѣняющемъ казачье земство. Населеніе относится очень сочувственно къ этому учрежденію, и званіе уполномоченнаго считается очень почетнымъ званіемъ. Одинъ изъ моихъ уральскихъ добрыхъ знакомыхъ, Н. А. Бородинъ, бывшій петровецъ, ученый войсковой рыбоводъ, предвидя возможность недовѣрія станичниковъ къ иногороднему пріѣзжему человѣку, снабдилъ меня письмами къ нѣсколькимъ уполномоченнымъ. Въ этихъ письмахъ, подписанныхъ тремя интеллигентными казаками, бывшими предсѣдателями съѣздовъ,—сообщалось о цѣли моей поѣздки, и уполномоченные приглашались оказать мнѣ содѣйствіе по собиранію нужныхъ свѣдѣній. Бумага эта осталась безъ дѣйствія, такъ какъ въ то время почти всѣ „уполномоченные“, по большей части почтенные старики, были на бахчахъ или въ поляхъ. Но все же самая возможность ссылки на это письмо давала мнѣ своего рода опорный пунктъ и служила началомъ разговора... На нашъ вопросъ объ уполномоченныхъ одинъ изъ казаковъ отвѣтилъ:

— Онъ въ городѣ. Да вамъ его зачѣмъ?

— Письмо у насъ отъ Николая Андреевича Бородина. Переночевать бы.

— Такъ что же! Это и у меня можно,—сказалъ, подымаясь, высокій бородатый казакъ...—Мы Николая Андреевича тоже довольно знаемъ. — И онъ сталъ отворять плетневыя ворота.

Мы, разумѣется, охотно приняли приглашеніе и въѣхали во дворъ. Постройки въ этой безлѣсной мѣстности имѣютъ особый характеръ. Отличительная черта—преобладаніе плетней и чрезвычайная экономія матеріала. Маленькія, чистенькія мазаночки съ плоскими крышами придаютъ своеобразный

видъ широкимъ станичнымъ улицамъ. Дворы тоже обносятся плетнями.

— Гдѣ хотите ночевать,—спросилъ у насъ хозяинъ: — на дворѣ, а то въ свѣтелкѣ?

Онъ только что вышелъ, наключивъ въ дверяхъ, изъ своей избы, куда ходилъ распорядиться насчетъ самовара, и я искренно удивлялся, какъ могутъ такіе большіе люди помѣщаться въ такихъ игрушечныхъ жилищахъ. Ночлегъ въ жаркой свѣтелкѣ намъ не улыбался, и мы попросили устроить насъ на дворѣ.

Вынесли самоваръ. Вечеръ былъ тихій и ласковый. Пламя свѣчи, поставленной на землѣ, стояло ровно, не колыхаясь, и освѣщало группу казаковъ, собравшихся изъ любопытства и сидѣвшихъ на землѣ по киргизски на корточкахъ. Одного изъ нихъ, сѣдого старика, съ буйными сѣдыми кудрями, выбивавшимися изъ-подъ слишкомъ узкаго форменнаго картуза, позвалъ хозяинъ, узнавшій о цѣли моей поѣздки,—какъ человѣка, для меня интереснаго: дѣдъ его хорошо зналъ Пугачова.

— Какъ же, какъ же... Хорошо зналъ,—заговорилъ старикъ, довольный вниманіемъ и, оглянувшись на слушателей, прибавилъ съ благодушной улыбкой:

— Вмѣстѣ сурковъ выливали въ степи...

— Какъ это?—спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— А такъ, очень просто. Найдутъ сурчину... ямку значитъ. Польютъ воду,—сурокъ и выскочитъ. Онъ его сейчасъ придавитъ къ землѣ подожкомъ...

— Да зачѣмъ ему было сурковъ давить?..

— То-то вотъ, подумай ты. Бывало тоже и дѣдушка спрашиваетъ его: зачѣмъ, говоритъ, это вамъ, ваше превосходительство?.. А онъ и говоритъ.

Старикъ дѣлаетъ свирѣпое лицо и таращитъ глаза.

— Этакъ же, говоритъ, вашихъ отцовъ, старыхъ казаковъ... всѣхъ передавлю...

— Эхъ,—не то разсказываетъ,—говорятъ слушатели.

— Спуталъ.

— Это онъ о другомъ. О Волконскомъ это...

Старикъ сконфуженно оглядывается... Онъ дѣйствительно спуталъ. У Іоасафа Игнатьевича Желѣзнова, уральскаго бытописателя и историка, есть колоритный разсказъ стараго казака о князѣ Волконскомъ, оренбургскомъ губернаторѣ въ началѣ XIX вѣка. Дѣло тогда шло о введеніи въ казачьемъ войскѣ „чередовой“ службы. Казаки противились: они видѣли въ этомъ первый шагъ къ регулярщинѣ... Началось сильное броженіе. Казаки отказались послать требуемый начальствомъ

полкъ въ Грузію. Въ это-то время, чтобы ознакомиться съ причинами и характеромъ движенія, изъ Оренбурга пріѣхалъ князь Волконскій. Сначала онъ „принялъ на себя суворовскія замашки", притворился простачкомъ, ходилъ по домамъ и толковалъ съ бабами объ ихъ житьѣ-бытьѣ, а съ ребятами выходилъ потѣшиться въ поле, выливать земляныхъ тушканчиковъ... Эта генеральская „блажь" не обманула, однако, казаковъ, и войско смотрѣло на него съ прежней чуткой подозрительностью. Дѣйствительно, мѣсяца черезъ два Волконскій вернулся съ нѣсколькими баталіонами солдатъ и съ отрядомъ башкиръ. Казаки встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью, но онъ хлѣба-соли не принялъ, пока казаки не примутъ отъ него то, что онъ привезъ.

— Отъ добра, батюшка, не откажемся,—отвѣтили казаки, догадываясь, что дѣло идетъ о „штатѣ",—а что не по насъ, не обезсудь, кормилецъ,—совѣсть претитъ...

— А это что? — спросилъ Волконскій, указывая на башкиръ и солдатъ.

— Не знаемъ, батюшка. Должно быть дѣтки твои, — сказали казаки. — И игрушки въ рукахъ у нихъ славныя. Не безчестно и взрослымъ поиграть. У насъ, кормилецъ, есть такія же. На видъ немудрыя, а въ дѣлѣ добрыя. Только не обезсудь — мы ихъ дома оставили. Думали, не понадобятся.

Передъ генераломъ былъ „русскій бунтъ", съ хлѣбомъ-солью и пассивнымъ упорствомъ. Волконскій пригрозилъ всѣхъ разстрѣлять.—„Стрѣляй, есть когда не жаль царскаго пороха".—И казаки стояли на мѣстѣ.

Волконскій расквартировалъ войска въ городѣ и велѣлъ разойтись по домамъ. Казаки не пошли и около трехъ сутокъ стояли на морозѣ „за башней". Неизвѣстно, что вышло бы изъ этого бунта „стояніемъ", но генералъ прекратилъ его. Онъ выѣхалъ „за башню" и велѣлъ разойтись. Казаки не двинулись. Волконскій приказалъ схватить и выпороть зачинщиковъ. Ихъ схватили, растянули на землѣ, но остальные бунтовщики кинулись къ нимъ, скидали на ходу штаны и покрыли зачинщиковъ своими тѣлами:

— Ихъ бить, такъ и насъ бей...

По командѣ солдаты и башкиры кинулись бить всѣхъ не разбирая. Били усердно. Послѣ побоища осталась куча избитыхъ и изувѣченныхъ тѣлъ, но никто не оказалъ сопротивленія. Потомъ жены пріѣзжали на саняхъ (дѣло было въ ноябрѣ), сваливали на нихъ мужей, какъ колоды, и увозили въ городъ.

Между городомъ и садами, на небольшомъ холмикѣ и те-

перь стоятъ еще два креста. Преданіе пріурочиваетъ къ этому мѣсту описанное событіе. Отрядомъ командовалъ майоръ Кочкинъ, и самое событіе живетъ въ народѣ подъ именемъ „Кочкина пира“.

Старикъ, разсказавшій о суркахъ вмѣсто Пугачова, сконфуженно моргалъ глазами... Слушатели смѣялись.

— Старъ дѣдушка, не мудрено и забыть,—заступился я.

— Какое старъ,—насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.—До сихъ поръ „наёмку“ плотитъ.

„Наемка“—старый войсковой обычай, изъ-за котораго тоже было много замѣшательствъ. Нежелающіе служить внѣ области нанимали за себя охотниковъ. Впослѣдствіи это выродилось въ налогъ, который остающіеся платятъ въ войсковую казну, вмѣсто службы натурой (послѣ обязательнаго срока). Списки ведутся безобразно, и на этой почвѣ много злоупотребленій. Жертва одной изъ такихъ „ошибокъ“ была передъ нами. Это былъ старикъ съ совершенно сѣдыми густыми кудрями и тусклыми, когда-то голубыми глазами. На немъ былъ смѣшной сѣрый пиджакъ и форменныя штаны съ лампасами. Глаза глядѣли съ тупой покорностью, но на лицѣ застыло выраженіе застарѣлой обиды.

Судьба его—типичная судьба многихъ бѣдняковъ, сыновъ вольной, недѣленой степи. Онъ одинокъ,—потому что за службой не успѣлъ жениться; бѣденъ, потому что за службой не могъ пользоваться дарами вольной степи и вольной рѣки. И вдобавокъ, теперь, въ концѣ седьмого десятка, когда онъ уже двигается съ трудомъ,—онъ все еще вынужденъ откупаться отъ этой обездолившей его службы.

Насмѣшки надъ бѣднягой стихли. Въ нашемъ кружкѣ водворилось молчаніе.

— Какъ же это вышло? — спросилъ я. — Почему вы, дѣдушка, не жаловались?..

— Какъ не жалился!.. Подавалъ въ правленіе сколько разъ... Да что?..

— Ты бы, дѣдъ, къ студенту какому сходилъ, — серьезно посовѣтовалъ кто-то...

Это упоминаніе, о „студентѣ“ на казачьемъ дворѣ меня заинтересовало. Оказалось, что подъ „студентами“ говорившій разумѣлъ группу интеллигентныхъ казаковъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія и вернувшихся на родину. Одинъ изъ нихъ, Н. А. Бородинъ, бывшій петровецъ, обратилъ на себя вниманіе въ качествѣ ученаго техника по войсковому рыболовству. Другой, Ив. Ив. Шанаевъ—былъ войсковымъ агрономомъ и еще раньше провелъ цѣлую земель-

ную реформу въ родномъ Илекѣ. Третій служилъ мировымъ судьей. Дѣятельность этой группы образованной молодежи быстро выдѣлила ее на общемъ фонѣ казачьей бюрократіи, и часто старые казаки голосовали заодно съ ними въ съѣздахъ уполномоченныхъ. Исконные казачьи обычаи протягивали руку молодой оппозиціи...

Становилось поздно. Казачка принесла свѣжаго сѣна и постелила на дворѣ подъ стѣнкой избы. Свѣчка все еще горѣла ровнымъ пламенемъ, хотя въ ней не было надобности. Луна стояла въ зенитѣ и заглядывала въ нашъ дворикъ. Казаки разошлись, но человѣка три, въ томъ числѣ хозяинъ, продолжали бесѣдовать около потухшаго самовара.

Упоминаніе о Кочкиномъ пирѣ дало направленіе разговору. Послѣдняя вспышка борьбы „съ регулярствомъ“ была еще у многихъ на памяти. Въ 1874 году генералъ Крыжановскій, передъ какой-то новой частичной реформой, вздумалъ впередъ заручиться покорностью казаковъ и потребовалъ, чтобы казаки дали подписку: мы-дескать, такіе-то, обязуемся повиноваться верховной власти. Ничего больше. Но эта нелѣпая безпредметная подписка взбудоражила все войско. Къ чему? Что значитъ? На какой предметъ?.. Сразу встала старая подозрительность и пассивная крамола...

— Призвалъ меня генералъ Бизяновъ,—разсказывалъ мнѣ старый заслуженный казакъ,—и говоритъ: — Слушай, Пахомовъ *). Ты, я знаю, вѣрный слуга, вся грудь у тебя въ заслугахъ.—Радъ, говорю, стараться, ваше превосходительство.—Ты, говоритъ, Богу и великому государю повинуешься?—Винуемся, говорю, Богу, великому государю всѣмъ войскомъ, во всякое время.—Давай подписку. — Никакъ не могу, ваше превосходительство. Подписаться намъ невозможно.

— Почему же?—спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня лукаво и многозначительно.

— Подписаться?... Легкое ли дѣло? За эдакія подписки знаешь что бываетъ? „Обязуюсь повиноваться верховной власти!..“ А они что-нибудь противъ государя... Тогда какъ? Тоже обязуюсь повиноваться?

— Да вѣдь верховная власть это и есть государь.

— Государь Императоръ — особо. А верховная власть — высшее начальство... Нѣтъ... Знаемъ мы... Учены...

Таково это степное вѣрноподданство. Оно рѣшительно отдѣляетъ царя отъ реальной власти, идеализируетъ его, но вмѣстѣ превращаетъ въ отвлеченность. И затѣмъ противится реальной власти во имя этой миѳической силы...

*) Фамилія измѣнена.

На этотъ разъ опасный призракъ былъ вызванъ безъ всякой реальной надобности. Генералъ-губернаторъ Крыжановскій придалъ исторіи характеръ отказа отъ повиновенія государю и раздулъ ее въ цѣлый бунтъ. И опять повторились сцены „Кочкина пира". Непокорныхъ казаковъ высылали къ Аму-Дарьѣ, на Аральское море. Гнали этихъ „уходцевъ" двумя путями. Однихъ черезъ Уральскій мостъ у города Уральска, киргизскою степью, другихъ черезъ верховыя станицы съ переправой у Илека. Каждый разъ, какъ изгнанниковъ перегоняли на „киргизскую" сторону, — происходили раздирающія сцены. Казаки сбивались въ кучу, обнявшись, „ревѣли въ голосъ" и не хотѣли уходить съ родной земли. Ихъ били нагайками. Старики и молодые держались вмѣстѣ, а оторванные отъ кучи,—опять ползли по землѣ къ своимъ... Теперь большинство „уходцевъ" уже вернулись на родину...

— Отличные казаки!—говорилъ мнѣ одинъ офицеръ.—Но *подписки* и теперь ни за что не дали бы...

Значительная часть, однако, самые непримиримые, и теперь остаются въ изгнаніи. Особенно много „уходцевъ" изъ Свистуна.

— Мимо нашего поселка и гнали ихъ на Гниловскую станицу,—разсказывалъ теперь нашъ хозяинъ.—Мы съ братомъ въ ту пору въ полевыхъ казакахъ служили, а въ дому дѣдъ жилъ, лѣтъ девяноста. Такъ онъ что же сдѣлалъ, послухайте... Одѣлся, посошокъ взялъ въ руки и пошелъ себѣ за уходцами. „Куда-молъ, дѣдушка, бредешь?" — спрашиваютъ шабры.—„А куда людей гонятъ, туда и я". Прибѣжали къ намъ, сказываютъ: вотъ какое дѣло, дѣдъ у васъ за уходцами ушелъ... Братъ скочилъ на лошадь, догналъ въ Кирсановѣ... А ужъ дѣдушка нашъ подъ карауломъ идетъ!—„Что такое? Какъ могете старика гнать? Ему девяносто лѣтъ". Насилу уже отняли, да и самъ еще старый туда же, упирается: „куда старое войско, туда-дескать и я... Помру, говоритъ, со старымъ войскомъ"... Ну, взялъ его братъ на руки, какъ ребенка малаго, посадилъ въ телѣгу, айда назадъ. Во всю дорогу заливался, плакалъ... Я, говоритъ, за старымъ войскомъ...

— Да, дѣла!.. Какъ еще большаго худа не вышло!

— Растревожили войско съ „подпиской" этой... А вѣдь наше войско какое...

— Извѣстно: войско сурьёзное.

Лежа на сѣнѣ, я начинаю дремать. Въ промежуткахъ, раскрывая глаза, вижу силуэты бородатыхъ людей, сидящихъ въ кружокъ. Въ центрѣ—говорунъ хозяинъ оживленно размахиваетъ руками. Обрывки долетающихъ до сознанія разговоровъ становятся все фантастичнѣе... Рѣчь идетъ о политикѣ,

о китайской войнѣ, объ „англичанкѣ“, о Скобелевѣ. Скобелевъ вовсе не умеръ, неправда!.. Вообще, на Уралѣ знаменитые люди безсмертны... Не умеръ въ свое время Петръ III, не казнили Пугачова и Чику, Елизавета Петровна послѣ своей смерти очутилась невѣдомыми судьбами въ пещерѣ на Уральскомъ сыртѣ, императоръ Николай I тоже „ходилъ“ и являлся казакамъ...

Что касается Скобелева, то онъ былъ приговоренъ къ разстрѣлу: обидѣлъ „англичанку“...

— Сталъ Скобелевъ на Балканахъ противъ Царя-града только руку протянуть... А она, англичанка, загородила дорогу, не пускаетъ... Нѣмецъ смѣется: даромъ что Скобелевъ на Балканахъ... Англичанка юбкой потрясетъ, онъ и уберется... Скобелевъ услышалъ и осердился.—Ахъ она, говоритъ, такая-сякая... Давай ее сюда, я ее... Ну, и загнулъ...

— По русски!

— Да, по нашему... Она, конечно, обидѣлась...

— Всетаки, какъ бы ни было, королева...

— Само собой... Не то, что королева,—императрица! Ну, нашему царю изъ-за Скобелева не воевать стать. И скрыли: будто разстрѣлянъ за это, за самое... А подойдетъ война, онъ тутъ . . . . . .

. . . . . .

— Хитра агличанка страсть!.. Шла разъ со своими флотами къ нашей приморской крѣпости. Идетъ моремъ, а самоё не видать,—всѣ флоты подъ водой, взять нечѣмъ. Однако нашелся тутъ солдатикъ одинъ, хитрѣе ее... Посмотрите, говоритъ, господа адмиралы, въ подзорную трубку. Не увидите ли чего на морѣ? Посмотрѣли—видно: гусекъ по морю плыветъ. Устрѣльте, говоритъ, гуська. Навели пушку, устрѣлили гуська... И вдругъ, братцы, изъ-подъ воды пошли флоты выходить... Одинъ за однимъ, одинъ за однимъ—море укрыли... Ну, тутъ ихъ, конечно, изъ пушекъ. . . . . .

. . . . . .

— А слышь, наши изъ Манжуріи пишутъ—были въ гостяхъ у ее...

— Ну?..

— Вѣрно. Угощала. Господъ офицеровъ особенно, ну, и караулъ тоже... Вино, закуски, все какъ слѣдуетъ... Хорошо угощала, нечего сказать.

Я слушаю, и въ моей головѣ лѣниво ползутъ мысли... Что будетъ, когда королева Викторія умретъ?.. Какъ это событіе отразится на политической терминологіи нашего народа, привыкшаго отожествлять англійскую націю съ лукавой бабой,

сильной женскою хитростью и коварствомъ... И вдругъ — „англичанка“ превратится съ воцареніемъ наслѣдника въ мужчину *).

. . . . . .

— Поймай ты мнѣ, говоритъ, шипа **)... Я, говоритъ, завтра къ тебѣ буду...

Это идетъ разговоръ на болѣе современную тему. „Студентъ“, ученый рыбоводъ Бородинъ по пріятельству попросилъ нашего хозяина поймать ему икряную самку шипа для какихъ-то опытовъ надъ живой икрой. Лукавый казакъ вздумалъ подшутить надъ ученымъ. Шипа поймалъ, но икру вынулъ, продержалъ сутки, потомъ опять положилъ на мѣсто. Самка шипа, не смотря на эту операцію, осталась жива. Я начинаю съ интересомъ прислушиваться...

— Пріѣхалъ...—„Поймалъ ли?“—говоритъ,—Какъ же, вотъ она.—„Икряная?“—Такъ точно.—„И жива?“—Жива... Взялъ онъ сейчасъ стекляночки, налилъ чего-то.

— Ну, и что же?—живо спрашиваютъ слушатели...

— Поболталъ икру, посмотрѣлъ и говоритъ: „Подлецъ ты, Митрій Михайловичъ, а еще пріятель считаешься. Икру вчера вынулъ...“

— Ишь ты... Значитъ ловокъ...

— Д-да-а... не проведешь...

Я успокаиваюсь насчетъ репутаціи моего пріятеля и окончательно засыпаю—подъ отдаленный лай станичныхъ собакъ. Онѣ то кидаются въ степь, то гурьбой убѣгаютъ отъ какого-то врага въ станицу... На разсвѣтѣ одна изъ нихъ возвращается на дворъ и, увидѣвъ насъ, рѣшаетъ познакомиться ближе съ гостями. А такъ какъ я лежалъ у самаго края, то, подойдя ко мнѣ, она стала обнюхивать мой лобъ и лицо...

Я приподнялся съ похолодѣвшей подушки... Небо сильно посвѣтлѣло, блѣдная луна скрывалась за крыши. Рядомъ со мной, раскинувшись, спалъ гигантъ хозяинъ и что-то бормоталъ во снѣ. Можетъ быть, онъ бралъ со Скобелевымъ крѣпости или ему грезились бурныя времена въ сурьезномъ войскѣ...

IV.

Песчаная мятель.—Требухинскій поселокъ.—Старый казакъ Хохлачевъ. — О Пугачовѣ. — О киргизахъ и ихъ усмиреніи. — Убіенный маръ и старое поле битвы.

Въ дальнѣйшій путь мы двинулись рано. Отдохнувшая лошадь бѣжала рѣзво, но скоро пришлось ѣхать шагомъ.

*) Моя поѣздка была еще до смерти королевы Викторіи.

**) Шипъ—мелкая порода осетра.

Подымался легкій вѣтеръ и, оглянувшись на Трекипы, я увидѣлъ поселокъ точно сквозь мятель. Это по степи несся тонкій сыпучій переносный песокъ... Пескомъ завалило дорогу, колеса уходили въ него чуть не по ступицу и трудно ворочались съ тяжелымъ сухимъ шипѣніемъ... Цѣлыя гряды большихъ песчаныхъ бугровъ, голыхъ или слегка поросшихъ жесткимъ кіякомъ, легли по степи, и верхушки ихъ курились подъ легкимъ вѣтромъ, точно огнедышащія горы...

Эти переносные пески представляютъ настоящую угрозу нашимъ юго-восточнымъ степямъ... Въ тотъ годъ была на Уралѣ образована коммиссія для обсужденія мѣръ борьбы съ грознымъ явленіемъ. Но пока что—песокъ, какъ столбы снѣга въ зимнюю мятель, мчался по степи, курясь по всему степному простору...

Дорога прижалась къ длинному узкому озеру, къ самому берегу котораго уже подступили огромные песчаные холмы... Наметанные бугры лежали, какъ застывшія волны. И все это курилось, и свистѣла сухая поросль колючей „солянки“, и тонкая пелена песку неслась дальше, ложась на зеленые камыши озера...

Мы миновали посадъ Гниловскій. Когда-то, очевидно, онъ стоялъ надъ самой рѣкой, на красивой правильной излучинѣ, образовавшей почти полный кругъ. Но впослѣдствіи рѣка измѣнила свое русло, прорыла прямой ходъ, и казачій поселокъ стоитъ надъ обсохшимъ яромъ.

Вправо отъ дороги, красиво расположенный на увалѣ, показался поселокъ Дарьинскій, потомъ Вшивка и Дьяковскій поселокъ. Съ послѣднимъ связано преданіе о „дьякѣ“, который въ старину отговаривалъ походнаго казачьяго атамана идти на Хиву. Атаманъ, взбѣшенный карканьемъ дьяка въ самомъ началѣ похода, повѣсилъ его на бугрѣ и пошелъ дальше, но предсказаніе дьяка сбылось: и атаманъ, и весь казачій отрядъ погибли въ знойныхъ хивинскихъ пескахъ. Вообще, рядъ хивинскихъ походовъ былъ чрезвычайно несчастливъ для уральцевъ. Памятный зимній походъ ген. Перовскаго завершилъ эти неудачи настоящей катастрофой, и на Уралѣ установилось убѣжденіе, что Хива городъ заклятый и взять ее невозможно... Теперь, конечно, убѣжденіе это уже разрушено, какъ и много другихъ „заклятій“...

Въ серединѣ дня мы сдѣлали привалъ въ Рубежной на казачьемъ постояломъ дворѣ, отмѣченномъ, по мѣстному обыкновенію, клокомъ сѣна, мотавшимся на шестѣ надъ воротами. Здѣсь, подъ навѣсами, укрытый въ густой тѣни, стоялъ тарантасъ проѣзжаго торговаго казака, и еще одинъ молодой казакъ,

тоже проѣзжій, сидѣлъ, свѣсивъ грустно голову, на своей телѣгѣ, пока его лошадь жевала сѣно. Онъ былъ отпущенъ домой со службы по болѣзни, прожилъ годъ на родинѣ и теперь ѣхалъ въ Уральскъ, въ коммиссію, для новаго освидѣтельствованія... Онъ сильно загорѣлъ, но глаза у него были больные и грустные. Мнѣ сразу вспомнился больной казакъ, котораго я встрѣтилъ въ поѣздѣ. Такъ же грустно глядѣли его глаза и такъ же онъ говорилъ мнѣ, что „служба казачья чижолая, нѣтъ чижеле, за то—земля вольна". Онъ этой землей тоже не пользовался, потому что былъ изъ бѣдной семьи и не могъ платить наемку...

Задолго еще до вечера пріѣхали мы въ Требухинскій поселокъ, расположенный близъ устья хорошенькой степной рѣчки Ембулатовки.

Два раза въ смутныя времена, послѣ убійства генерала Траубенберга и затѣмъ во время пугачовщины, генералъ Фрейманъ, шедшій изъ Оренбурга, переправлялся черезъ Ембулатовку съ своимъ регулярнымъ „деташементомъ" и артиллеріей. Оба раза казаки выбѣгали на-встрѣчу къ Ембулатовкѣ тоже съ артиллеріей и „учиняли здѣсь сраженія", стараясь помѣшать переправѣ. Но правильная тактика нѣмца опрокидывала сопротивленіе удалыхъ лицкихъ наѣздниковъ. Разсматривая подробную карту Уральской области, я нашелъ на ней, выше Требухинскаго поселка, близъ рѣки, урочище, обозначенное названіемъ „Убіеннаго мара". Мнѣ пришло въ голову, что, быть можетъ, этимъ грустнымъ именемъ народная память окрестила мѣсто битвы, и я хотѣлъ посѣтить его.

Въ Требухахъ оказался интересный человѣкъ, старый 89-лѣтній казакъ Ананій Ивановичъ Хохлачевъ. Я слышалъ о немъ, какъ о человѣкѣ любознательномъ, собравшемъ въ своей старой памяти много преданій. Хозяйка постоялаго двора, на которомъ мы остановились, оказалась крестницей Ананія Ивановича и охотно вызвалась пригласить его къ намъ для бесѣды.

Черезъ полчаса во дворъ явился рослый старикъ, съ очень длинной сѣдой бородой, въ старинной формы стеганомъ халатѣ и, не смотря на жаркій день—въ валеныхъ сапогахъ. Глаза Ананія Ивановича были старчески тусклы, голосъ нѣсколько глухъ, но память ясная, рѣчь связная и толковая. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, съ дѣтства надѣленныхъ живой любознательностью, которые жадно прислушиваются къ старинной пѣснѣ, къ преданіямъ и разсказамъ бывалыхъ людей и стариковъ...

Онъ отказался выпить съ нами чаю,—скромно и не объясняя причины (на Уралѣ многіе не пьютъ чаю, считая это грѣхомъ), но охотно взялъ яблоко, которое, впрочемъ, такъ и держалъ все время въ рукѣ (дѣло было еще до яблочнаго Спаса). Но на вопросы отвѣчалъ охотно и даже съ нѣкоторой гордостью и удовольствіемъ. Это было удовольствіе человѣка, много узнавшаго въ свою, уже закатывающуюся жизнь, и готоваго передать другимъ кое-что изъ этого запаса. О Пугачовѣ онъ говорилъ, какъ о настоящемъ царѣ, приводилъ очень точно разныя преданія, называя лицъ, отъ которыхъ все это слышалъ, и перечисляя степени ихъ родства съ самими участниками историческихъ событій. Замѣтивъ, что я записываю кое-что въ свою книжку, онъ выпрямился и, положивъ руку на столикъ, сказалъ:

— Пиши: старый казакъ Ананій Ивановъ Хохлачевъ говорилъ тебѣ: мы, старое войско, такъ признаемъ, что настоящій былъ царь, природный... Такъ и запиши!.. Правда это...

— А какъ же, Ананій Ивановичъ, онъ былъ неграмотенъ? Указы самъ не подписывалъ.

— Пустое,—отвѣтилъ онъ съ увѣренностью.—Не толи что русскую, нѣмецку грамоту зналъ... Вотъ какъ!—потому что въ нѣмецкой землѣ рожденъ... Какъ ему не знать! Царь природный.

Отъ Пугачова мы перешли ко временамъ болѣе близкимъ. О своихъ сосѣдяхъ киргизахъ Ананій Ивановичъ говорилъ съ глубокой враждой и недовѣріемъ.

— Кыргызъ—человѣкъ вредной,—говорилъ онъ.—Бывало, молодой я былъ... на покосъ и съ покосу къ поселку идемъ,—что ты думаешь: все кареемъ, какъ на войнѣ. Чуть отбился отъ карея, ужъ онъ на тебя насѣлъ. Заарканитъ, пригнется къ лукѣ—айда въ степь! Человѣка волокомъ тащитъ... Приволокетъ живого въ аулъ,—ладно, въ есыръ угонитъ, въ Хиву, въ Бухару продастъ; а померъ на арканѣ,—въ степи броситъ. Лежите, казачьи косточки... Ему что: убытку мало. Объ насъ они такъ понимаютъ, что мы и не люди...

Ананій Ивановичъ засмѣялся и покачалъ своей сѣдой головой...

— Ох-хо-хо!.. Не любили меня... Да, этакъ-ту вотъ... Бывало ѣдетъ кыргызинъ отъ меня. Другой на-встрѣчу. „Кемъ джюргенъ?“ Значитъ: отколь ѣдешь? — „Капырнэмъ джюргемъ“—отъ проклятаго, дескать, ѣду...—„Вы, говорю, подлые, зачѣмъ такъ говорите? Я не проклятый, я казакъ, православной вѣры чловѣкъ“... Они нашъ родъ и теперь помнятъ, что ихъ мой дѣдушка когда-то пушкой билъ. И то люди мнѣ

говорятъ: не ходи ты, Ананій Ивановичъ, на бухарску сторону: они на тебя старую кровь имѣютъ...

— Да вѣдь теперь, говорятъ, они совсѣмъ замирились...

Всѣ, дѣйствительно, говорятъ, что „орда“ теперь совсѣмъ смирна, а одинъ купецъ въ Уральскѣ увѣрялъ, что онъ съ деньгами и безоружный проѣзжалъ по всей киргизской степи. Нужно только подъѣхать къ аулу и объявить себя гостемъ, иначе, пожалуй, ночью могутъ угнать лошадь. Но грабежей и убійствъ изъ-за денегъ не слыхано, и купцы спятъ среди степи, нисколько не остерегаясь.

— Это вѣрно,—подтвердилъ и Ананій Ивановичъ, но тотчасъ же добавилъ упрямо:—А все когда-нибудь змѣя укуситъ... Конечно, теперь подобрѣли...

Онъ опять улыбнулся.

— Усмирили мы ихъ... Помню я еще Давыдъ Мартемьяныча *)... Вотъ усмирялъ кыргызъ, ай-ай! Бывало, чуть что—беретъ сотню казаковъ, айда въ степь на аулы...

Онъ посмотрѣлъ на меня, и въ старыхъ глазахъ мелькнулъ огонекъ.

— Такъ они чего дѣлали, кыргызы-то... Видятъ—бѣда неминучая, сами кто ужъ какъ можетъ измогаются, а ребятишковъ соберутъ въ какую ни есть самую послѣднюю кибитченку да кошмами заложатъ... Значитъ—къ сторонкѣ... Ну, казаки аулъ разобьютъ, кибитку арканами сволокутъ, ребятишки и вывалются, бывало, что тараканы...

— И что же?

— Да что: головенками объ котлы, а то на пики...

Старикъ говорилъ просто, все улыбаясь тою же старческой улыбкой... Вѣтеръ слегка шевелилъ сѣдую бороду и рѣдкіе волосы на обнаженной головѣ казачьяго патріарха. Мнѣ вспомнилась повѣсть І. И. Желѣзнова, чрезвычайно популярная среди уральцевъ, настоящая казачья эпопея. Въ ней герой Урала, Василій Струняшевъ, тоже разбиваетъ головы киргизскихъ ребятъ о котлы. „Змѣю убивать, зубовъ не оставлять“,—говоритъ онъ, и уральскій писатель съ умиленіемъ изображаетъ своего свирѣпаго героя...

— А что, Ананій Ивановичъ,—вамъ извѣстно объ Убіенномъ марѣ?..—спросилъ я.

— Это который?

— Да вотъ на Ембулатовкѣ, верстахъ въ 7-ми отъ вашего поселка..

*) Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ, сынъ извѣстнаго старшины пугачовскихъ временъ, Мартемьяна Бородина, былъ войсковымъ атаманомъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

А. это громомъ убило заразъ четырехъ человѣкъ... Оттого и назвали. А то еще есть Убіенный маръ поближе, верстахъ, можетъ, въ полуторыхъ... Тутъ мы, бывало, ребятишки, оружіе выкапывали... Такъ это Фрейманъ генералъ изъ Ленбурха шелъ. Наши съ нимъ сраженіе дѣлали. Тутъ онъ, самое это мѣсто, и переправлялся...

Попрощавшись со старикомъ, мы запрягли свою отдохнувшую лошадь и отправились по лѣвому берегу небольшой степной рѣчки къ указанному мѣсту. Большой и широкій курганъ, какихъ много разсѣяно въ степи, вѣроятно очень древняго, еще, можетъ быть, доисторическаго происхожденія, лежалъ на заливномъ лугу, а невдалекѣ тянулся невысокій увалъ. Два небольшихъ возвышенія, вродѣ могилъ, близъ этого кургана, быть можетъ, насыпаны надъ павшими въ битвѣ съ Фрейманомъ... Послѣдніе косые лучи солнца золотили траву на этихъ могильникахъ, и степной вѣтеръ шепталъ что-то невнятное и печальное...

Черезъ часъ мы ѣхали дальше по темной уже дорогѣ. На юго-востокѣ подымалась луна, большая и блѣдная, а книзу отъ нея по небу лилась тихая гамма чудесныхъ вечернихъ оттѣнковъ. Степь закутывалась мглою, лѣнивые увалы тянулись по ней, точно ужи, разлегшіеся на отдыхъ; гдѣ-то звенѣлъ, какъ птица, слѣпышъ (маленькій степной звѣрекъ,— по увѣренію моего спутника), кое-гдѣ отсвѣчивали степныя озера, ильмени и ерики... Впереди насъ, поскрипывая, ѣхали двѣ телѣги, одна, запряженная верблюдомъ, другая лошадью. На одной сидѣлъ казакъ, на другой молодая казачка, но теперь они оба усѣлись на передней телѣгѣ, и повременамъ до насъ долеталъ невнятный разговоръ. На подъемахъ силуэтъ верблюда рисовался въ свѣтлой полоскѣ неба и казался чудовищно громаднымъ...

Мы ѣхали молча. Въ памяти у меня все стояло важное лицо стараго казака и его эпически безстрастный разсказъ.

— „Старую кровь вспоминаютъ“... „Головенками объ котлы... а то на пики...“

И при этомъ взглядъ—настоящаго праведника...

V.

Въ Январцевѣ.—Казачка-поэтесса.—Казакъ Григорій Терентьевичъ Хохловъ.—Уральскіе „искатели“.

Январцевскій поселокъ, Кирсановской станицы, имѣетъ видъ большого села. Въ немъ до 500 домовъ, церковь и двѣ школы: одна войсковая (до 70 учениковъ), другая—церковно-приходская (45). Въ прежнія времена Январцевскій фор-

постъ (фарфосъ—какъ называютъ казаки) стоялъ нѣсколько дальше, на ровномъ мѣстѣ, надъ озеромъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія онъ перенесенъ на высокій берегъ Урала, но теперь жители помышляютъ опять о старомъ пепелищѣ. Съ бухарской стороны вѣтеръ заметаетъ рѣку пескомъ, и стѣсненное теченіе рветъ обрывистый берегъ, снося огороды, дома и уже приближаясь къ церковной площади.

Было уже поздно, когда мы въѣхали на эту площадь и остановились противъ дома учителя, Александра Осиповича Токарева, знакомаго моему спутнику. Въ домѣ огней не было. Пришлось стучать въ окно, пока, наконецъ, не вспыхнулъ огонекъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ открыли ворота...

Учителя не было дома, онъ отправился въ луга. Дома осталась старушка мать и сестра, которая встрѣтила насъ очень привѣтливо и, по нашей просьбѣ, устроила намъ постель изъ свѣжаго сѣна на дворѣ, подъ телѣгой... Попросивъ любезную хозяйку ни о чемъ болѣе не безпокоиться, мы не могли устоять отъ соблазна—искупаться въ близкомъ Уралѣ. Для этого пришлось спуститься внизъ по крутымъ, еще свѣжимъ обрывамъ, надъ которыми, точно испуганные, склонились уже подрытые заборы и старыя бани, готовые рухнуть съ ближайшимъ половодьемъ... У меня осталось своеобразное воспоминаніе объ этомъ вечернемъ купаніи подъ темными обрывами, въ черной глубинѣ сердитаго и быстраго Урала.

Ночью я слышалъ, какъ открылись ворота... Въѣзжала телѣга, вбѣгали лошади, кто-то подходилъ къ намъ, съ любопытствомъ разсматривая пришельцевъ. На утро оказалось, что это съ луговъ вернулся хозяинъ...

Это былъ еще молодой человѣкъ, сильно загорѣлый отъ полевыхъ работъ, въ пиджакѣ и казачьей фуражкѣ. За утреннимъ чаемъ онъ любезно старался сообщить мнѣ все, что могло интересовать заѣзжаго наблюдателя. Онъ разсказалъ, между прочимъ, что въ Январцевѣ жила казачка-поэтесса, М. И. Тушканова. Въ сборникѣ мѣстныхъ произведеній, съ большой любовью составленномъ Н. Г. Мякушинымъ, я уже встрѣчалъ ея произведенія, ходившія по рукамъ и сохранившіяся повидимому случайно. Особыми красотами они, сказать правду, не блещутъ. Въ одномъ Тушканова жалуется, что ее мучитъ „страсть стихотворенія“.

Съ перомъ на досугѣ
Горе я дѣлю.
Бумагѣ, какъ другу,
Все я говорю...

Въ столичныхъ редакціяхъ получаются груды такихъ стихотвореній. Убогая риѳма, бѣдный размѣръ, скудные образы... Все это видно сразу, съ первыхъ строчекъ, и редакторъ съ досадой откладываетъ въ сторону тетрадку съ наивнымъ почеркомъ неопытной руки...

Но здѣсь, въ дальнемъ казачьемъ поселкѣ, отъ этихъ наивныхъ строкъ покойной поэтессы-казачки на меня пахнуло живымъ ощущеніемъ тихой, но глубокой драмы... Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ отличается эта біографія отъ тѣхъ трагедій непризнанныхъ талантовъ, которые гибнутъ въ глуши для того, чтобы получить позднее признаніе послѣ смерти... То же одиночество, тѣ же порыванія къ свѣту, та же тоска по невѣдомомъ... Маленькая случайность: у тѣхъ былъ талантъ,—у этихъ его нѣтъ... Но за этимъ исключеніемъ, — вся та же трагедія на лицо...

Тушканову тоже „не признавала среда“ и жизнь ея тянулась горько. „Супругъ ужъ старенекъ“,—жалуется она наивно въ одномъ стихотвореніи...

...Порой обижаетъ.
Слишкомъ горяченекъ,
Писать запрещаетъ.
И нѣтъ мнѣ веселья,
Лишь грущу всегда...

Послѣ ея безвѣстной смерти осталось много рукописей. Семейные сожгли ихъ всѣ, какъ никуда негодный хламъ. Въ данномъ случаѣ, повидимому, русская литература потеряла немного... Но развѣ та же судьба не постигла бы рукописи бѣдной казачки, если бы онѣ даже были геніальны?..

Въ Январцевѣ же оказался и другой интересный человѣкъ. Я уже слышалъ ранѣе, что уральскіе казаки два раза уже предпринимали смѣлыя отдаленныя путешествія въ поискахъ измечтаннаго воображеніемъ людей старой вѣры—„Бѣловодскаго царства“. Одинъ изъ этихъ путешественниковъ напечаталъ даже описаніе путешествія, и редакція мѣстной газеты издала эти очерки отдѣльной брошюрой. Къ сожалѣнію, они явно подверглись литературной обработкѣ, и въ этомъ видѣ лишились своей непосредственности и оригинальности. Теперь я узналъ, что одинъ изъ этихъ пилигримовъ (ихъ было трое) живетъ въ Январцевѣ и что онъ тоже записывалъ свои впечатлѣнія.

Ради этого мы отложили свой отъѣздъ. Нашъ хозяинъ послалъ къ Григорію Терентьевичу Хохлову приглашеніе придти къ нему, а мы въ ожиданіи расположились въ зеленой бесѣдкѣ, въ саду учителя.

Ждать пришлось долго. Наконецъ, кусты раздвинулись и въ бесѣдку вошелъ казакъ среднихъ лѣтъ съ густо загорѣлымъ лицомъ и умными черными глазами. На немъ былъ сѣрый пиджакъ и казачья фуражка съ малиновымъ околышемъ. Войдя, онъ окинулъ насъ пытливымъ, осторожнымъ взглядомъ и, поклонившись, спросилъ сдержанно, съ оттѣнкомъ подозрительности:

— Что надо?

Хозяинъ объяснилъ, кто мы и что намъ нужно. Лицо казака просвѣтлѣло...

— Вотъ оно что... А я, признаться, думалъ на другой предметъ...—И, повернувшись къ хозяину, онъ продолжалъ:

— Прибѣгаетъ вашъ парнишка и говоритъ: „Ступай поскоряе. Тамъ какой-то изъ Питербурху пріѣхалъ. Зоветъ... чтобы ты пришелъ“... Ну, я и подумалъ: кому быть. Непремѣнно это миссіонеръ...

Лицо его опять стало холодно, взглядъ подозрителенъ.

— А между прочимъ, вамъ, господа, тоже извѣстно: частныя бесѣды о вѣрѣ не дозволены. Вотъ у меня тутъ (онъ порылся въ карманахъ) и листокъ есть.

Онъ вынулъ печатный листокъ, которымъ, очевидно, вооружился на всякій случай, и, указывая подчеркнутое заглавіе, сказалъ:

— Вотъ тутъ видите: о совращеніи православныхъ въ иновѣріе... Полагается ссылка въ Сибирь на поселеніе... И бывали случаи...

Въ тѣ годы какъ-то вдругъ оживилось миссіонерское усердіе, а съ нимъ, какъ это часто бываетъ, и нѣкоторыя непріятныя послѣдствія для противниковъ господъ миссіонеровъ. Я засмѣялся.

— Такъ вѣдь это, Григорій Терентьевичъ, за совращеніе изъ православія... А мы не совратимся...

— Вы-то не совратитесь, да я-то, выходитъ, васъ совращалъ. Ну, я и не пошелъ. Какъ тутъ прибѣгаетъ второй посланецъ.—„Иди,—дожидаются“.—Ладно, думаю,—пойти пойду, ну, только частно о вѣрѣ бесѣдовать не стану. Угодно,—такъ назначайте собраніе... И опять—то еще сказать: пора рабочая...

— Да нѣтъ, Григорій Терентьевичъ, мы вовсе не за этимъ.

— Ну, когда такъ, то и мы будемъ говорить иначе. Погоди когда... я сбѣгаю домой, книжечку принесу, въ коей я записывалъ...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и принесъ неболь-

шую карманную записную книжку. Переплетъ былъ сильно потертъ: книжка видала виды. Раскрывъ ее, я увидѣлъ, что вся она вдоль и поперекъ убористо исписана старинным полу-уставомъ, съ слово-титлами и сокращеніями. Владѣлецъ бережно относился къ ней, слѣдя за нею глазами, какъ за дорогой, хрупкой вещью, попавшею въ чужія руки...

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что въ лицѣ Григорія Терентьевича Хохлова и его двухъ товарищей-казаковъ современный старообрядческій Уралъ посылалъ въ невѣдомыя, а отчасти даже чудесныя страны, какъ бы экспедицію въ поискахъ истинной вѣры. Депутаты добросовѣстно исполнили порученіе. Они отправились въ Константинополь, проѣхали Архипелагомъ, побывали въ Малой Азіи, Іерусалимѣ, проѣхали Суэцкимъ каналомъ и Краснымъ моремъ, обогнули Индостанъ и Индокитай, разспрашивали о русскихъ церквахъ на островахъ, населенныхъ дикарями, были въ Китаѣ и въ „Опоньскомъ царствѣ“ и, переходя отъ надежды къ разочарованіямъ, не найдя нигдѣ признаковъ „истинной вѣры“ и „древляго благочестія“,—вернулись послѣ многихъ приключеній черезъ Сибирь на родину... Въ маленькую книжку свою Григорій Терентьевичъ заносилъ при этомъ славянскими буквами всѣ факты и впечатлѣнія пути, втискивая ихъ при помощи слово-титлъ и сокращеній на эти тѣсныя страницы, и теперь, заглядывая въ нее—онъ развертывалъ передо мною любопытные эпизоды этой своеобразной экспедиціи.

Около двухъ часовъ просидѣли мы въ бесѣдкѣ январцевскаго учителя, слушая любопытные разсказы этого современнаго „землепроходца“... Мнѣ удалось убѣдить Григорія Терентьевича перевести полу-славянскій текстъ его книжки на общеупотребительный языкъ и изложить его гражданскими письменами. Авторъ согласился и черезъ нѣкоторое время доставилъ мнѣ въ Уральскъ чрезвычайно убористую рукопись. Какъ онъ самъ выражался,—онъ постарался „упомѣстить“ возможно больше текста на возможно меньшемъ пространствѣ, считая это почему-то важнымъ. Онъ не позволялъ себѣ ни красныхъ строкъ, ни особыхъ главъ, и былъ чрезвычайно скупъ на знаки препинанія. По привычкѣ къ старинному полууставному письму,—попадалось много сокращеній съ словотитлами. Рукопись имѣла очень своеобразный видъ, и Григорій Терентьевичъ настаивалъ, чтобы я придалъ ей передъ печатаніемъ извѣстную обработку. Но, ознакомившись съ нею, я убѣдился, что въ сущности она написана очень хорошо. Поэтому, когда (впослѣдствіи) мнѣ пришлось передать ее для изданія въ Географическое Общество, то я ограничился только

раздѣленіемъ на главы, общеупотребительной орѳографіей и извѣстнымъ количествомъ знаковъ препинанія. Въ остальномъ повѣсть „о путешествіи уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство“ оказалась написанной очень выразительно, мѣстами почти литературно и если порой въ ней попадались оригинальные и несовсѣмъ привычные въ литературномъ изложеніи обороты, то и это только способствовало сохраненію колорита.

Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за передачу здѣсь нѣкоторыхъ черточекъ этой казачьей одиссеи*).

Путешествіе уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство.

Прежде, однако, нѣсколько вступительныхъ словъ.

По своему религіозному настроенію Уралъ глубоко-консервативенъ. Въ одной статьѣ мѣстной газеты мнѣ попалось перечисленіе толковъ, между которыми распредѣляется населеніе большой казачьей станицы. Тутъ есть *поморцы* или перекрещеные, признающіе, что въ господствующей церкви воцарился антихристъ, и потому принимающіе обращенныхъ не иначе, какъ послѣ второго крещенія; *ѳедосѣевцы* или *чистенькіе*, отрицающіе бракъ; *дырники*, молящіеся на востокъ и при томъ преимущественно подъ открытымъ небомъ; чтобы примирить это требованіе съ условіями климата, они прорубаютъ отверстіе въ восточной стѣнѣ дома и молятся, глядя въ него, на небо; есть признающіе священство *австрійцы*, *окружники*, принявшіе Бѣлокриницкую іерархію, основанную греческимъ епископомъ Амвросіемъ; *бѣлопоповцы*, сманивающіе священниковъ у господствующей церкви. Есть и *единовѣрцы*, но особенно много такъ называемыхъ *никудышниковъ*, не признающихъ никакихъ компромиссовъ и потому не ходящихъ *никуда*, гдѣ молитвы совершаютъ австрійскіе ли, единовѣрческіе или бѣглые священники.

Не смотря, однако, на эти различія, вражду и споры, всѣ эти толки объединены одной общей всѣмъ идеей. Всѣ они признаютъ существованіе нѣкоторой формулы, состоящей изъ совокупности догматовъ и обрядовъ, въ которой—и только въ ней одной—спасеніе. Формула эта дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ, пока въ ней не измѣнена ни одна буква, ни одна іота или титло. Малѣйшее нарушеніе обращаетъ ее, наоборотъ, въ орудіе гибели, независимо отъ внутренняго чувства, которое человѣкъ влагаетъ въ эти внѣшніе символы. Отчасти подъ вліяніемъ такого настроенія Никонъ вводилъ сурово и пря-

*) Вышло въ 1903 (если не ошибаюсь) году подъ заглавіемъ: «Григорій Терентьевичъ Хохловъ.—Путешествіе уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство“. Изд. Импер. Географическаго О-ва. Петербургъ.

молинейно свои исправленія, а Питиримъ проклиналъ и казнилъ двуперстниковъ. Но старообрядческій міръ съ суровымъ упорствомъ всталъ за старую вѣру. По мнѣнію приверженцевъ древляго благочестія, Никоновскія новшества, наоборотъ, нарушили спасительную формулу и не только лишили ее таинственной силы, но обратили въ орудіе антихриста.

Однако, даже радикальнѣйшіе изъ безпоповцевъ, никудышники, не отрицаютъ священства въ идеѣ. Но въ то время, какъ австрійцы, напримѣръ, успокоились, „перемазавъ“ для очищенія отъ ереси безмѣстнаго греческаго епископа Амвросія, а бѣглопоповцы похищаютъ благодать священства по частямъ у господствующей церкви, переманивая бѣглыхъ священниковъ,—никудышникъ не идетъ на компромиссы и только тоскуетъ объ утерянной благодати, не находя ея ни въ одной изъ существующихъ церквей.

На этой почвѣ возникла странная, почти волшебная сказка, которой, однако, долго вѣрилъ, а отчасти и теперь еще вѣритъ старообрядческій міръ. Исторія всего раскола проникнута этой поэтически заманчивой легендой. Гдѣ-то тамъ,— „за далью непогоды“, „за долами, за горами, за широкими морями“ рисуется темному и мечтательному воображенію блаженная страна, въ которой промысломъ Божіимъ и случайностями исторіи—сохранилась и процвѣтаетъ во всей неприкосновенности полная и цѣльная формула благодати. Это настоящая сказочная страна всѣхъ вѣковъ и народовъ, окрашенная только старообрядческимъ настроеніемъ. Въ ней, насажденная апостоломъ Ѳомой, цвѣтетъ истинная вѣра, съ церквями, епископами, патріархомъ и благочестивыми царями. Среди другихъ, преимущественно ассирскихъ, тамъ есть также и болѣе 40 русскихъ церквей. Ни татьбы, ни убійства, ни корысти царство это не знаетъ, такъ какъ истинная вѣра порождаетъ тамъ и истинное благочестіе.

Страна эта называется Камбайскимъ царствомъ или Бѣловодіей. Проникнуть въ нее очень трудно, однако, смѣлые люди всетаки проникали и составили нѣсколько описаній. Изъ этихъ описаній или „маршрутовъ“ (какъ по военному называютъ ихъ казаки), по словамъ Григорія Терентьевича Хохлова, особеннымъ распространеніемъ пользовался на Уралѣ маршрутъ извѣстнаго инока Марка (топозерской обители), который, будто бы, лично посѣтивъ Бѣловодію и вернувшись въ Россію, „подтверждалъ свое путешествіе евангельскимъ словомъ“ *).

*) Объ этомъ инокѣ Маркѣ и его сказаніи писалъ П. И. Мельниковъ.

Было это еще въ XVIII столѣтіи. Съ тѣхъ поръ „маршрутъ“ инока Марка ходилъ по рукамъ въ рукописныхъ спискахъ и жадно читался по станицамъ, возбуждая въ предпріимчивыхъ уральцахъ желаніе проникнуть въ чудную страну. По словамъ Григорія Терентьевича Хохлова, на съѣздахъ казаковъ-старообрядцевъ вопросъ этотъ подымался много разъ, но путешествіе пугало своими трудностями и неопредѣленностью „маршрута“. Въ 60-хъ годахъ истекшаго вѣка донской казакъ Дмитрій Петровичъ Шапошниковъ, житель Новочеркасска, ассигновалъ на путешествіе довольно значительную сумму, но съ вызовомъ смѣльчаковъ. Донъ почему-то обратился къ Уралу. Уральцы согласились, и ихъ выборъ палъ на казака Головскаго поселка Варсонофія Барышникова съ двумя товарищами. Барышниковъ отправился въ путь, побывалъ въ Константинополѣ, Малой Азіи, на Малабарскомъ берегу и даже въ Остъ-Индіи. Но до предѣловъ Камбайскаго (Камбоджа?) и Опоньскаго (Японскаго) царства за какими-то препятствіями не доѣхалъ; такимъ образомъ эта экспедиція не подтвердила, но и не опровергла сказанія инока Марка. Заманчивая Бѣловодія по прежнему осталась за далью морей, въ таинственномъ и непроницаемомъ туманѣ.

Но вотъ, черезъ нѣкоторое время на Уралѣ пронесся слухъ, что въ Пермской губерніи появился живой выходецъ изъ Бѣловодіи, въ лицѣ нѣкоего Аркадія, именующаго себя архіепископомъ Бѣловодскаго ставленія и въ свою очередь ставящаго поповъ и епископовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самые радикальные безпоповцы, отвергавшіе бѣлокриницкое и всякое иное священство,—приняли Аркадія съ умиленіемъ и вѣрой.

Я видѣлъ портретъ этого страннаго „архіепископа“, происхожденіе котораго даже послѣ нѣсколькихъ случаевъ судимости нельзя установить вполнѣ точно. По даннымъ его біографіи, это человѣкъ необыкновенно предпріимчивый, способный, человѣкъ, какъ говорится, „съ мечтой“ и огромной энергіей. Въ прежнія, быть можетъ еще недавнія времена, онъ могъ бы, вѣроятно, увлечь многихъ, но теперь уже запоздалъ и встрѣтилъ на свѣтѣ слишкомъ много критики...

Казаки отрядили къ „архіепископу“ депутацію, въ которой принялъ участіе тотъ же Барышниковъ, уже разъ путешествовавшій въ Бѣловодію; своими разспросами о „маршрутѣ“ недовѣрчивый казакъ поставилъ епископа въ крайнее затрудненіе. Барышниковъ вернулся съ убѣжденіемъ, что Аркадій—простой самозванецъ.

Это, однако, не остановило попытокъ Аркадія. Черезъ нѣкоторое время онъ всетаки проникъ на Уралъ, посѣтивъ

поселокъ С., гдѣ успѣлъ убѣдить почетнаго казака С—на. Получивъ такимъ образомъ точку опоры, Аркадій поставилъ уральцамъ двухъ поповъ и архимандрита.

Однако, успѣхи его не шли дальше, и это чрезвычайно характерно для того двойственнаго состоянія умовъ, въ которомъ находится огромная часть нашего народа. Съ одной стороны, наивное невѣжество, доходящее до признанія „русскихъ народовъ“ въ Бѣловодскомъ царствѣ, съ другой — осторожная критика и недовѣріе. Казаки прибавили къ этому еще готовность приняться за самыя тщательныя не только богословскія, но и географическія изысканія.

Нѣкоторыя бесѣды казаковъ съ самимъ архіепископомъ и его послѣдователями чрезвычайно любопытны. Григорій Терентьевичъ Хохловъ передаетъ свой разговоръ съ „архимандритомъ“ Израилемъ, человѣкомъ простымъ, даже неграмотнымъ, повидимому, искренно повѣрившимъ Аркадію и принявшимъ отъ него свое званіе. „Отецъ Израиль, — спросилъ у него Хохловъ,—скажите, Бога ради, чѣмъ вы могли увѣриться въ истинности архіепископскаго званія самого Аркадія, который возвелъ васъ въ санъ архимандрита?“ Простодушный Израиль отвѣтилъ на это цѣлымъ разсказомъ изъ писанія. По его словамъ,—нѣкогда два старца были посланы отъ христіанъ на поклоненіе св. мѣстамъ съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи, они принесли съ собой частичку святыни. Старцы посѣтили св. мѣста и только на обратномъ пути вспомнили, что отъ святыхъ мѣстъ ничего (вещественнаго) не взяли. Тогда, убоясь упрековъ, они рѣшили такъ: возьмемъ простую вещицу на подобіе святыни и скажемъ братіи: „принесохомъ отъ святыхъ мѣстъ“. По приходѣ старцы показали братіи лже-святыню. И вотъ къ нимъ повезли больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ и разныхъ калѣкъ, которые съ вѣрою и чистой совѣстью приступали къ мнимой святынѣ и по своей вѣрѣ получали исцѣленіе. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока старцы не признались явно въ своемъ обманѣ. Только тогда отъ мнимой святыни больнымъ „отрада быть прекратилась“.—„Такъ вотъ и я,—закончилъ Израиль,—вѣрю страшнымъ клятвамъ Аркадія, что онъ принялъ санъ архіепископа отъ патріарха Мелетія въ Камбайскомъ царствѣ Восточнаго Индокитайскаго полуострова. Когда онъ признается въ своей несправедливости,—я откажусь отъ него, а пока по чистой совѣсти вѣрю его евангельской клятвѣ, — то и надѣюсь получить душѣ спасеніе“.

Это простодушное исповѣданіе слѣпой вѣры, не разсуждающей и не сомнѣвающейся, встрѣтило, однако, въ наши

дни сильный отпоръ. Нашлись даже тексты изъ номоканона, предусмотрѣвшіе такое духовное самозванство: „Божіе убо лицемѣрствующихъ, безбожныхъ же сущихъ и противныхъ Богу“...

Впослѣдствіи мнѣ пришлось познакомиться съ двумя казаками Кругло-озерной станицы, которые бесѣдовали съ самимъ Аркадіемъ. Оба они безпоповцы, начетчики, знающіе священное писаніе, люди умные, страстно преданные своей вѣрѣ, готовые повѣрить въ существованіе чудесной Бѣловодіи, но въ то же время чрезвычайно осторожные и подозрительные. Въ обоихъ этихъ посланцахъ Аркадій, очевидно, сразу почувствовалъ то пытливое недовѣріе, которое доставило ему не мало затрудненій на Уралѣ. Казаки явились къ нему въ Оханскъ (гдѣ онъ жилъ тогда подъ надзоромъ полиціи по рѣшенію суда) съ просьбой ѣхать съ ними и дать доказательства своего званія. Аркадій наотрѣзъ отказался.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — меня уже разъ возили такіе же. Отняли на дорогѣ 75 рублей денегъ и оставили нага и боса.

— Отче, — отвѣтили казаки-начетчики: — аще ли на земли сокровища собираешь? Вспомни, какъ поступали апостолы.

Аркадій спохватился и поправился:

— Вы, пожалуй, и меня-то убьете, — сказалъ онъ.

— Отче, — отвѣтилъ опять посланецъ: — аще убіенъ будеши на пути проповѣдническомъ, — имаши вѣнецъ мученическій и внидеши въ царствіе небесное.

— Иди отъ меня, сатана! — закричалъ Аркадій. — Вы, маловѣры, мнѣ не надобны. Ежели въ Бога вѣришь, то и въ меня вѣрь, потому что я посланецъ Божій...

— Вѣруемъ, владыко, — тонко отвѣтили казаки, еще не знавшіе вполнѣ, какъ понимать этого человѣка. — Помоги нашему невѣрію.

— Вѣрующій не испытуетъ, но пріемлетъ. Если подлинно увѣруете, то и доказательствъ не надобно. Идите съ миромъ, и да будетъ по вѣрѣ вашей...

Эти два теченія — безотчетной вѣры въ „Бѣловодскую мечту“ и недовѣріе къ Аркадію привели, наконецъ, казаковъ къ рѣшенію послать новую депутацію въ Камбайское царство. И вотъ въ то самое время, какъ въ центрахъ и на вершинахъ нашей культуры говорили о Нансенѣ, о смѣлой попыткѣ Андрэ проникнуть на воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу, — въ далекихъ уральскихъ станицахъ шли толки о Бѣловодскомъ царствѣ и готовилась своя собственная религіозно-ученая экспедиція.

25 января 1898 года на съѣздѣ въ Кирсановскомъ поселкѣ

избрана „депутація“, въ которую вошли по выбору: во 1-хъ, урядникъ Рубеженской станицы Вонифатій Даниловичъ Максимычевъ, во 2-хъ, Онисимъ Варсонофьевъ Барышниковъ (очевидно, сынъ прежняго путешественника, въ лицѣ котораго на поиски Бѣловодіи отправлялось уже второе поколѣніе), и въ 3-хъ — мой январцевскій знакомый, Григорій Терентьевичъ Хохловъ. На расходы ревнителями благочестія было собрано 2500 рублей, да жители города Уральска прибавили 100 рублей. Около половины февраля депутаты подали просьбу атаману о выдачѣ имъ заграничныхъ паспортовъ (въ чемъ помогъ — съ благодарностью прибавляетъ авторъ записокъ — безвозмезднымъ написаніемъ прошенія „дѣйствительный студентъ“ Н. М. Логашкинъ). 22 мая они выѣхали изъ Уральска, а 30 мая сѣли на пароходъ, отходившій изъ Одессы въ Константинополь.

Съ этого дня, собственно, и началось заграничное путешествіе депутатовъ Урала въ Бѣловодское царство, и среди международной толпы купцовъ, военныхъ, ученыхъ, туристовъ, дипломатовъ, разъѣзжающихъ по свѣту изъ любопытства или въ поискахъ денегъ, славы и наслажденій, — замѣшались три выходца какъ бы изъ другого міра, искавшихъ путей въ сказочное Бѣловодское царство...

Я, разумѣется, не намѣренъ передавать всѣ подробности этого интереснаго путешествія и ограничусь лишь краткими выдержками. Изъ Одессы наши казаки выѣхали вмѣстѣ съ отрядомъ, отправлявшимся на о. Критъ. „Два хора духовой музыки, — пишетъ авторъ, — унывно играли, отъѣзжающіе солдаты въ печальномъ видѣ стояли на палубѣ“. Въ Константинополѣ нашихъ путниковъ чуть не арестовали за то, что они пытались провезти съ собой револьверы. Этотъ случай доставилъ имъ много затрудненій, потребовалъ вмѣшательства русскаго консула и заставилъ впослѣдствіи быть осторожнѣе. Въ дальнѣйшемъ путешествіи казаки по прежнему не разставались съ оружіемъ, но прятали его какъ-то такъ (воинскій секретъ!), что никакое „таможенство“ не могло разыскать ни револьверовъ, ни патроновъ.

Пребываніемъ въ Константинополѣ казаки воспользовались, между прочимъ, чтобы обратиться къ патріарху съ замѣчательной дипломатической нотой.

Всѣмъ, я думаю, болѣе или менѣе извѣстна исторія босносераевскаго митрополита Амвросія, который въ 40-хъ годахъ по какимъ-то политическимъ причинамъ былъ отозванъ изъ своей епархіи и проживалъ (безъ лишенія сана) въ Константинополѣ. Въ это время къ нему явились послы австрійскихъ

старообрядцевъ, иноки Павелъ и Алимпій, и вступили въ переговоры на предметъ перехода митрополита въ старообрядчество. Для доказательства, что Амвросій „не лишенъ благодати", они потребовали, чтобы онъ отслужилъ публично литургію, и послѣ этого увезли его въ Бѣлую Криницу. Такъ у старообрядцевъ явился собственный епископъ и основалась такъ называемая Бѣлокриницкая или австрійская іерархія.

Эпизодъ этотъ въ свое время доставилъ и константинопольскому патріарху, и австрійскому правительству много дипломатическихъ затрудненій, а нѣкоторыя обстоятельства этого „похищенія благодати" до сихъ прикрыты дипломатической тайной. Понятно, въ какой степени весь старообрядческій міръ—и приверженцы, и противники австрійской іерархіи—заинтересованы въ выясненіи прежде всего фактической истины...

И вотъ 2 іюня 1898 года въ канцелярію Константинопольскаго патріархата явились три уральскихъ казака и на вопросъ секретаря г-на Христо-папа Іоанну,—что имъ нужно,—отвѣтили не обинуясь, что они намѣрены почтительно предложить патріарху нѣсколько важныхъ вопросовъ.

— О чемъ же это замѣчательное дознаніе? — спросилъ, усмѣхнувшись, секретарь.

Казаки объяснили: они желаютъ имѣть прямой и точный отвѣтъ: точно ли Амвросій, бывшій епископъ босно-сераевскій, былъ,—какъ это утверждаетъ россійская синодальная церковь—лишенъ епископскаго сана, или же, какъ говорятъ его послѣдователи,—онъ былъ отозванъ изъ епархіи по требованію турецкаго правительства, но „благодать епископства" съ него снята не была.

Христо-папа Іоанну очень любезно отвѣтилъ смѣлымъ вопрошателямъ то, что обыкновенно отвѣчаютъ во всѣхъ канцеляріяхъ:

— Необходимо подать формальное прошеніе по сему предмету на бумагѣ.

Весь день 3-го іюня казаки обдумывали и составляли это „прошеніе" или скорѣе „ноту" старообрядческаго міра, обращенную къ патріарху, а 4-го она уже поступила въ патріархатъ. Гласила она такъ (передаю точно съ сохраненіемъ правописанія):

„Ваше Святѣйшество!

„Нижеподписавшіеся представители старообрядцевъ уральскаго края въ Россіи, подвергая Вашему Святѣйшеству и Святѣйшему Синоду Патріаршему: На обсужденіе нижеслѣдующихъ шесть вопросовъ, мы имѣемъ

честь покорнѣйше просить Ваше Святѣйшество не отказать выдать письменно отвѣтъ на нихъ.

„Вопросъ 1-й: По какой винѣ былъ отозванъ съ каѳедры митрополитъ Босносараевскій Амвросій въ 1840 году? Вопросъ 2-й: Былъ ли произведенъ судъ Амвросію отъ синодальнаго начальства по отозваніи съ каѳедры боснійской? Вопросъ 3-й: Остался ли Амвросій при своемъ санѣ Митрополита послѣ суда, ежели былъ надъ нимъ судъ? Вопросъ 4-й: Литургисалъ ли онъ въ облаченіи архіерея на сопрестолѣ въ какой-либо церкви по отозваніи съ каѳедры послѣ 1840 года? Вопросъ 5-й: Какія свѣдѣнія имѣются въ патріархіи о смерти Амвросія: умеръ ли онъ въ соединеніи съ православною греческою церковью или до конца оставался соединеннымъ съ старообрядцами въ Австріи? Вопросъ 6-й (самый интересный!): Какое значеніе имѣетъ фраза въ 5-мъ пунктѣ даннаго изъ патріархіи въ 1876 г. старообрядцамъ отвѣта объ Амвросіи? Значитъ ли она, что Амвросій былъ подъ запрещеніемъ или что онъ жилъ въ Константинополѣ безъ мѣста?

„Константинополь, 3 іюня 1898 года.

„Вашего Святѣйшества покорнѣйшіе слуги уральскаго войска казаки: Григорій Терентьевъ Хохловъ, урядникъ Вонифатій Даниловъ Масимычевъ, Анисимъ Варсонофьевъ Барышниковъ“.

Отвѣтъ на эти вопросы, точное рѣшеніе которыхъ могло бы оказать огромное вліяніе на настроеніе значительной части старообрядческаго міра,—казаки просили послать черезъ 4 мѣсяца на Уралъ.

Нѣтъ надобности прибавлять, что отвѣта не послѣдовало и до сихъ поръ... Патріархъ хранитъ „краснорѣчивое молчаніе“.

. . . . . .

На слѣдующій день нашимъ казакамъ пришлось испытать довольно сильное ощущеніе, когда, по пути въ русское консульство, они воспользовались услугами подземной желѣзной дороги. Прежде всего,—пришлось спуститься въ туннель.

„Вошли мы, — повѣствуетъ Г. Т. Хохловъ,—въ зданіе, на подобіе какой-то магазины: въ серединѣ небольшая комнатка, вокругъ которой масса людей. Подошли мы поближе и усмотрѣли, что изъ этой комнаты человѣкъ въ окно выдаетъ билеты, а въ саженяхъ пяти, въ полутемномъ мѣстѣ стоятъ вагоны. Получившіе билеты идутъ къ вагонамъ. Мы также купили билеты и въ числѣ народа пошли въ вагоны. Въ вагонахъ пристроены по двѣ лампы. Черезъ пять минутъ данъ былъ свистокъ, и вагоны рѣзко двинулись впередъ подъ землю...

— Не во адъ ли насъ повезли, товарищи?—сказалъ Максимычевъ.—Везутъ подъ землю, да и паровика нѣтъ... Чѣмъ же двигаются вагоны?

— И я этому удивляюсь,—отвѣтилъ авторъ.

„Однако, минутъ черезъ 5 завидѣлся свѣтъ и выѣхали мы

подобно въ такую же комнату (изъ которой отправились). Вагоны остановились, и мы сошли.—Бѣсъ, никакъ, эти вагоны таскаетъ?—сказалъ я Максимычеву. Но Максимычевъ что-то смотрѣлъ внизу, подъ вагонами.—„Эй, смотри, чѣмъ дѣйствуетъ“,—закричалъ онъ. Оказалось, что онъ замѣтилъ приводъ, и такимъ образомъ сомнѣнія относительно басурманской дороги разсѣялись.

Затѣмъ, узнавъ, что въ этотъ день султанъ производитъ смотръ войскамъ, воины-путешественники не могли, конечно, удержаться отъ желанія посмотрѣть это военное зрѣлище и чуть было опять не попали въ непріятную исторію. Пробравшись въ передніе ряды зрителей, они хотѣли пропикнуть и въ самый дворецъ. Жандармъ, замѣтивъ этихъ странныхъ и подозрительныхъ иностранцевъ съ очевидной военной выправкой, пробирающихся во дворецъ, хотѣлъ арестовать ихъ, но казаки, по картинному выраженію автора записокъ, „дали вилка и скрылись въ густой толпѣ“.

„Тутъ опять подошелъ къ нимъ турокъ и занялся разговоромъ“. Оказалось, что онъ былъ въ Харьковѣ съ плѣннымъ Османомъ и узналъ русскихъ по говору и наружности. Завязался разговоръ о прошлой войнѣ больше, повидимому, жестами, и казаки очень выразительно старались напомнить туркамъ, кто былъ побѣдителемъ. „Мы,—говорили казаки,—турка гонялъ!—и при семъ показывали ему признакъ руками“. Турокъ перевелъ соотечественникамъ эти и безъ того понятныя рѣчи; въ толпѣ стали смотрѣть на казаковъ „недобрыми взглядами“, и, пожалуй, дѣло бы этимъ не ограничилось, если бы испуганный вожакъ (какой-то русско-турецкій бродяга) не увелъ ихъ въ другое мѣсто.

— Этакъ васъ убьютъ,—сказалъ онъ казакамъ,—да и мнѣ съ вами не уйти.

7-го іюня казаки посѣтили церковь, называемую Балыклы, съ которой связано преданіе о завоеваніи Константинополя. По этому преданію, царь Константинъ завтракалъ на этомъ мѣстѣ, когда ему сообщили, что турки ворвались въ городъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію, пока „обжаренныя рыбы не соскочили со сковороды въ воду“. Въ церкви есть бассейнъ, къ которому наши казаки подошли вмѣстѣ съ народомъ. „Я наклонился,—пишетъ авторъ,—и сталъ смотрѣть въ родникъ.—Увидалъ одну рыбу, величиной вершка 3—4“. Тѣ ли это рыбки, которыя упали со сковороды несчастнаго царя,—онъ сказать не можетъ. О тѣхъ передаютъ, „что одна сторона у нихъ бѣлая, а другая ожаренная, темнокрасная“.

10 іюня путники выѣхали изъ Константинополя, а 11-го

уже „туманно завиднѣлись скалистыя горы Аѳона“. Здѣсь авторъ мимоходомъ разсказываетъ о страшныхъ „автоподахъ“, имѣющихъ „по 12 ногъ, долготой по 5 четвертей каждая и толщиною въ человѣческую руку“. Когда человѣкъ купается, автоподъ подкрадывается къ нему, хватаетъ его за руки и ноги, и человѣкъ отъ автопода погибаетъ въ морѣ. Избавиться отъ гибели можно только хладнокровіемъ и самообладаніемъ: необходимо схватить автопода за оба глаза...

При посѣщеніи въ Салоникахъ бывшей церкви Дмитрія Солунскаго (обращенной въ мечеть),—какой-то „турецкій монахъ“, показывавшій церковь, возбудилъ было сильное подозрѣніе казаковъ, попавшихъ въ темные и узкіе переходы. Авторъ уже приготовилъ ножъ, чтобы при первыхъ подозрительныхъ признакахъ „всадить злодѣю въ животъ“... „Турецкій монахъ“, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, какъ близокъ онъ былъ въ эту минуту къ порогу магометова рая. Къ счастью, освоившись съ темнотой, казаки увидѣли, что ихъ привели не въ басурманскій разбойничій вертепъ, а дѣйствительно къ гробницѣ. Образъ Дмитрія Солунскаго возбудилъ недовѣріе казаковъ своей славянской надписью. „Этому мы не мало удивились, — пишетъ авторъ,—такъ какъ мѣстность Салоники принадлежала раньше грекамъ, и письмо должно бы быть на греческомъ языкѣ... Не два ли образа имѣются въ этой темной комнатѣ: для русскихъ поклонниковъ съ славянской надписью, а для грековъ—по гречески“...

„Всемогущій Богъ за грѣхи наши попустилъ обладать святыя мѣста невѣрнымъ народамъ,—прибавляетъ авторъ,—и какъ въ этомъ мѣстѣ признать святыню,—объ этомъ предоставляю на обсужденіе каждому читателю“...

Въ городѣ Лемносѣ, на о-вѣ Кипрѣ казаки спросили у провожатаго араба — нѣтъ ли здѣсь христіанской церкви? Арабъ отвѣтилъ, что есть, и повелъ ихъ туда, но на дорогѣ имъ попался священникъ. Это былъ „человѣкъ высокаго роста, среднихъ лѣтъ, немного побѣлѣе араба... На плечахъ у него была надѣта черная куртка, панталоны высоко приподняты“... Но что всего болѣе поразило искателей древляго благочестія— „въ одной рукѣ онъ держалъ кисетъ, а въ другой трубку съ длиннымъ чубукомъ“... Казаки остановились, внимательно посмотрѣли на эту, безъ сомнѣнія, довольно живописную фигуру, „и съ тѣмъ пошли обратно на пароходъ, не заходя уже въ церковь“...

Къ городу Ларнаку пароходъ подошелъ въ сильный вѣтеръ. „Море ужасно расколыхалось, пароходъ то подымался на хре-

бетъ волнъ, то опускался внизъ, какъ въ пропасть". Однако, услыхавъ, что здѣсь есть икона Богоматери, писанная, по преданію, евангелистомъ Лукою, — двое изъ нихъ рѣшились съѣхать на берегъ. На возраженіе третьяго товарища, — они „перекрестили себя крестнымъ знаменіемъ и сказали: пусть будетъ надъ нами воля Божія, пусть поглотятъ насъ морскія волны и вода послужитъ намъ гробомъ... а не видавши древняго написанія образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ, — не возворотимся".

Я пропускаю описаніе Іерусалима и его окрестностей. Здѣсь казаки съ безотчетнымъ благоговѣніемъ осматривали всѣ дѣйствительныя и мнимыя достопримѣчательности и святыни, не подозрѣвая, какая сѣть лжи и обмана раскинута теперь (и при томъ христіанскими руками) надъ святою землей. Они видѣли, между прочимъ, „подлинный домъ" Милосердаго Самарянина и „ту самую смоковницу", на которой сидѣлъ Закхей въ день, когда его посѣтилъ Христосъ (по счастливой случайности, смоковница эта украшаетъ садъ современной гостиницы). Не видали только жены Лотовой, которой „въ настоящее время уже нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она окаменѣла", такъ какъ... „ее уже давнымъ-давно увезли англичане"...

Въ Портъ-Саидѣ нашихъ путешественниковъ встрѣтила большая непріятность: капитанъ русскаго парохода „Херсонъ" (на которомъ, между прочимъ, ѣхали на востокъ сосѣди уральцевъ — оренбургскіе казаки) отказался принять ихъ... Сильно нагруженный „Херсонъ" вскорѣ ушелъ въ море, а казакамъ предстояло пуститься въ дальнѣйшее плаваніе на иностранномъ пароходѣ.

9 іюля они сѣли на французскій пароходъ, вызвавъ общее любопытство пассажировъ. На вопросы съ перечисленіемъ разныхъ національностей, казаки отвѣчали одно слово „но", и, наконецъ, сказали „Моску" (такъ какъ, по словамъ автора, „европейцы русскій народъ называютъ Моску"). Французы стали жать имъ руки и принесли виноградnаго вина, желая, очевидно, закрѣпить франко-русскій союзъ обильнымъ угощеніемъ нашихъ соотечественниковъ. Но искатели вѣры не употребляли ни вина, ни кофе, ни чаю, и, такимъ образомъ, почвы для закрѣпленія союза не оказалось.

Въ Суэцскомъ каналѣ вниманіе казаковъ было занято совершенно особеннымъ обстоятельствомъ. Едва ли кто-нибудь изъ пассажировъ корабля, освѣщеннаго электричествомъ и далеко впереди себя кидавшаго снопы электрическаго свѣта, думалъ въ эти минуты о томъ, что нѣкогда въ этихъ мѣстахъ „Моисей-Боговидецъ перешелъ по морю, яко по суху съ из-

раильскимъ народомъ". Думали объ этомъ одни наши путники. Имъ говорили раньше: „когда поѣдете Краснымъ моремъ, увидите фараоновъ. Вылазіютъ изъ моря и кричатъ людямъ: „Скоро ли будетъ свѣту преставленіе?" Но они проѣхали Чермное море изъ края въ край и нигдѣ водяныхъ фараоновъ не видѣли. Только разъ, — иронически прибавляетъ авторъ, — спугнули на берегу какихъ-то „фараоновъ"-купальщиковъ, которые убѣжали въ пески. А въ морѣ всплывали косяками лишь „адельфины, бѣжавшіе по обѣимъ сторонамъ за пароходомъ"...

Индѣйскій океанъ при выходѣ изъ Краснаго моря встрѣтилъ ихъ бурными волнами, которыя издали казались скалами. „Пароходъ заигралъ подъ нами, началъ поваливаться съ боку на бокъ, такъ что даже бортами черпалъ воду". Веселые французы, которые раньше пѣли пѣсни, теперь валялись на койкахъ. Пятеро сутокъ дулъ вѣтеръ, и разсказчикъ въ теченіе всего времени не ѣлъ и не пилъ. Только здѣсь, въ бурномъ океанѣ, среди чужого языка, вдали отъ знакомыхъ хоть по наслышкѣ мѣстъ — наши путники оцѣнили все значеніе своего отважнаго предпріятія...

Изъ всего, что я привелъ выше, читатель также можетъ оцѣнить его. Безъ языка, съ географическими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ „маршрутовъ" миѳическаго инока Марка и загадочнаго архіепископа Аркадія, съ взглядами четіихъ-миней и цвѣтниковъ, съ міросозерцаніемъ, допускающимъ существованіе живыхъ на половину ожаренныхъ рыбъ, путешествій во адъ и появленія фараоновъ, они плыли съ невѣдомыми людьми, по невѣдомымъ морямъ, съ чувствами, напоминающими если не Одиссея, то во всякомъ случаѣ людей XV или XVI столѣтія... А впереди, за этими невѣдомыми морями ихъ манила чудесная, таинственная, загадочная и... чего добраго даже не существующая Бѣловодія!..

Непосредственно за этими грозными валами океана, которые „показались имъ бѣлыми скалами", начиналась область изслѣдованія. Въ писаніяхъ „архіепископа", которыя теперь должны были служить для нихъ главною путеводною нитью, предѣлы Бѣловодскаго царства зачерчены необыкновенно широко и неопредѣленно: „Есть на востокѣ за сѣвернымъ, а къ южной странѣ за Магелланскимъ проливомъ, а къ западной странѣ за южнымъ или тихимъ моремъ славяно-бѣловодское царство, земля патагоновъ (!), въ которомъ живетъ царь и патріархъ. Вѣра у нихъ греческаго закона, православно ассирійскаго или попросту сказать сирскаго языка... Царь тамо христіанскій, въ то время былъ Григорій Владиміровичъ, а

царицу звали Глафира Іосифовна. А патріарха звали Мелетій. Городъ, по ихъ названію бѣловодскому Трапезанчупсикъ, а по русски перевести — значитъ Банконъ (онъ же и Левекъ). А другой ихъ же столичный городъ Гридабадъ... Ересей и расколовъ, какъ въ Россіи, тамъ нѣтъ, обману, грабежу, убійства и лжи нѣтъ же, но во всѣхъ—едино сердце и едина любовь"*).

Таковы были свѣдѣнія о предѣлахъ и примѣтахъ искомаго Бѣловодскаго (или Камбайскаго) царства... На ставленныхъ грамотахъ, которыя показывалъ Аркадій, — „смиренный патріархъ Мелетій" именуетъ себя „Божіею милостію патріархъ славянобѣловодскій, камбайскій, японскій, индостанскій, индіянскій, англоиндійскій, Остъиндіи, юстъ-индіи и фестъ-индіи, и африки, и америки, и земли хили, магелланскія земли, и бразиліи, и абасиніи"...

20 іюля путники прибыли къ городу „Колумбѣ" (Коломбо на островѣ Цейлонѣ), который уже нерѣдко упоминается въ обманно-апокрифической литературѣ, выросшей на почвѣ простодушной вѣры въ Бѣловодію. 24 іюля передъ ихъ глазами потянулся цвѣтущій берегъ Малакки, и вскорѣ пароходъ присталъ къ Сингапуру. Здѣсь ихъ очень удивили мѣстные извозчики, которые, „не имѣя на себѣ ни рубахъ, ни штановъ", — сами входятъ въ оглобли и возятъ на себѣ людей. Одинъ изъ такихъ „извозчиковъ" — на требованіе казаковъ доставить ихъ въ русское консульство, — долго возилъ ихъ по городу, и, наконецъ, привезъ къ какому-то магазину и заявилъ „русска, русска".

Изъ магазина, однако, показался хозяинъ, „человѣкъ лѣтъ 25, высокаго роста, борода и усы выбритые, не имѣя на себѣ ни рубахи, ни штановъ, какъ говорится въ чемъ мамынька родила". Въ магазинѣ извозчикъ потребовалъ плату, которая казакамъ показалась слишкомъ высокой. Григорій Терентьевичъ Хохловъ „вскочилъ со стула и хотѣлъ его ударить врасплохъ, чтобы онъ вылетѣлъ изъ магазина". „Я, говоритъ, съ тобой раздѣлаюсь по казачьи, будешь помнить, какъ грабить русскаго человѣка". Къ счастью, урядникъ Максимычевъ удержалъ его. „Далеко мы заѣхали — сказалъ онъ, — и нашихъ кулаковъ на всѣхъ здѣсь не хватитъ".

Наконецъ, послѣ многихъ еще недоразумѣній, казаки попали таки въ русское консульство. Здѣсь на дворѣ, за столомъ они нашли трехъ соотечественниковъ,—двухъ мужчинъ и женщину,—съ которыми вступили въ разговоръ.

---

*) Эту цитату беру изъ доставленныхъ мнѣ казакамп же „Пермскихъ губ. Вѣдомостей", гдѣ напечатана автобіографія „епископа" Аркадія (№ 253, 1899).

— Мы разыскиваемъ здѣсь на островахъ русскій народъ,— сказали казаки, — который вышелъ изъ Россіи ста два лѣтъ и болѣе. Нѣтъ ли гдѣ на этихъ островахъ русскаго православнаго народа?

Имъ отвѣтили, что ничего подобнаго здѣсь нѣтъ.

— Я въ этой странѣ нахожусь уже 7 лѣтъ, — прибавила женщина,—и не слыхала, чтобы здѣсь на островахъ проживали русскіе, кромѣ того, какъ и мы: гдѣ двое, гдѣ трое.

Узнавъ, что наши путники ищутъ цѣлое царство, съ церквями, патріархомъ и епископами,—собесѣдники ихъ очень удивились.—„Если на какомъ островѣ есть одинъ русскій—и тотъ намъ извѣстенъ, — говорили они. — Не токмо быть здѣсь православнымъ, но даже нѣтъ и вѣрующихъ въ Распятаго, кромѣ одного острова, на которомъ живутъ армяне“.

Такимъ образомъ, одно изъ указаній маршрутовъ было рѣшительно опровергнуто. Огорченные казаки отправились на пароходъ. По дорогѣ они купили арбузъ, который очень обрадовалъ ихъ, напомнивъ родныя бахчи.

— Вотъ этотъ обощь намъ знакомой, — сказалъ Максимычевъ.

Но и обощь обманулъ ожиданія: попробовавъ арбузъ, казаки „отплевывались до трехъ разъ“...

— Теперь,—рѣшили они,—остается доѣхать до Бѣловодіи и Индокитайскаго полуострова, на которыя мѣстности указываетъ Аркадій... Поѣдемъ подальше, не нападемъ ли на слѣдъ того, на что онъ указываетъ,—сказалъ Максимычевъ.

— Необходимо нужно,—отвѣтили остальные.

Огибая полуостровъ Малакку и направляясь къ Сіаму, казаки грустно разговаривали о томъ, что по сличеніи многихъ уже видѣнныхъ мѣстъ, — указанія Аркадія и „маршрутовъ“, повидимому, не сходятся съ дѣйствительностью. На 28-е въ ночь пароходъ достигъ до Камбайскихъ (т.-е Камбоджскихъ) протоковъ и цѣлую ночь блуждалъ между острововъ рѣки Камбоджи. На утренней зарѣ поднялись они къ городу Сайгону, и здѣсь, у входа въ „Камбайское царство“ надежда вдругъ улыбнулась нашимъ искателямъ. На самомъ восходѣ солнца, надъ густымъ пушистымъ лѣсомъ понесся на-встрѣчу пароходу звонъ церковнаго колокола.

— Слышите,—церковный звонъ,—сказалъ Барышниковъ.— Ужъ не вѣрны ли разсказы Аркадія?

Какъ только пароходъ подошелъ къ пристани, казаки спустились по сходнямъ, помѣстились „на двухъ такихъ же бѣгунковъ“, какъ въ Сингапурѣ, и показали, чтобъ везли ихъ въ направленіи звона. Возчики привезли ихъ на площадь

и положили оглобли. Звонъ все еще раздавался, но возчики не понимали, что нужно казакамъ, которые, среди окружавшей ихъ полуголой толпы,—указывали руками въ направленіи колокольнаго звона и говорили только: „донъ, донъ, донъ!“ Въ толпѣ смѣялись, а извозчики настоятельно потребовали разсчета.

Между тѣмъ и руководящій звонъ стихъ. Казакамъ удалось все-таки найти мѣсто, откуда онъ исходилъ, но оказалось, что это была французская церковь, осѣненная четырехконечнымъ латинскимъ крыжемъ... Не только признаковъ русскаго народа и церквей, но даже и русскаго консульства здѣсь не оказалось. Голые жители мало напоминали древлеблагочестивыхъ жителей счастливой Бѣловодіи. Они не только курили табакъ, но еще и жевали его, отчего улицы всѣ оплеваны, „точно по нимъ пробѣжало какое-нибудь раненое животное“. Въ пищу употребляютъ разную нечисть,—въ лавкахъ висятъ на продажу копченыя кошки, собаки, крысы...

На базарѣ нашихъ путниковъ окружила толпа туземцевъ. „Вѣроятно этотъ народъ никогда не видалъ русскаго человѣка, поэтому они и дивились нашей обрядѣ“, — замѣчаетъ Хохловъ. Одинъ любознательный парень осмѣлился до того, что „ощупалъ наши бороды и подъ бородами оглядѣлъ наши шеи... Не думалъ ли онъ, что подъ бородами на мѣстѣ горла—нѣтъ ли у насъ другого рта?“

Вернувшись на пристань, казаки узнали, что на одномъ съ ними пароходѣ ѣдетъ русскій, г-нъ К., „прокуроръ морского вѣдомства“. Онъ обрадовался землякамъ и охотно отвѣтилъ на ихъ вопросы. Страна, гдѣ они находились, по его словамъ, „называется въ просторѣчіи Восточно-Индо-Китайскій полуостровъ, жители малайцы, буддійскаго исповѣданія“. Названіе довольно точно совпадало съ тѣмъ, которое упоминалось въ маршрутахъ и грамотахъ Аркадія... Казаки чистосердечно разсказали г-ну К-скому, чего ищутъ, и когда онъ раскрылъ передъ ними карту и сталъ указывать „разные города и урочища“, они просили найти городъ Левекъ.

Но такого города не оказалось...

Становилось уже довольно яснымъ, что Аркадій—просто, самозванецъ, и въ печальномъ разговорѣ съ товарищами Григорій Терентьевичъ Хохловъ вспомнилъ одинъ случай изъ своего дѣтства: однажды его отцу, тоже „никудышнику“, не устававшему, однако, отыскивать чистые источники благодати, сказали во время зимняго лова (багренья), что изъ Петербурга вернулся казакъ-гвардеецъ, которому удалось видѣть „настоящаго священника“. Отецъ разсказчика въ тотъ же вечеръ разы-

скалъ гвардейца, и тотъ, сидя за столомъ съ обильнымъ угощеніемъ, разсказалъ казакамъ, какъ одинъ петербургскій купецъ пригласилъ его на тайное служеніе въ своемъ домѣ. Онъ описывалъ разговоры свои съ кроткимъ пастыремъ, и когда дѣло дошло до самой торжественной (рождественской) службы, — „у покойнаго родителя потекли изъ глазъ слезы. Онъ приткнулся локтями на столъ, ладонями закрылъ глаза, но слезы у него неудержимо текли, проникали между пальцевъ и капали на столъ. Я сидѣлъ (говоритъ Хохловъ), тоже слушалъ разсказъ Изюмникова (такъ звали гвардейца), и меня также сердечно тронуло: покатились слезы. Мнѣ сдѣлалось совѣстно, мальчишкѣ, плакать, чтобы видѣли люди. Я вскочилъ со стула, выбѣжалъ въ другую комнату, уткнулся лицомъ въ кроватную постель и втихомолку поплакалъ. Потомъ обтеръ кулакомъ глаза, поглядѣлъ въ зеркало и, замѣтивъ, что лицо у меня отекло и глаза покраснѣли, подошелъ къ умывальнику, умылъ лицо и только тогда вышелъ къ старшимъ“.

Нужно ли говорить, что разсказъ Изюмникова впослѣдствіи оказался праднымъ вымысломъ, а самъ разсказчикъ обманщикомъ...

„Считаю нужнымъ, — прибавляетъ Хохловъ къ этому эпизоду,—обратиться ко всѣмъ поповцамъ: лушковцы, окружники, полуокружники, духовныя и мірскія, грамотныя и неграмотныя лицы приняли за привычку говорить намъ въ укоризну: вы не имѣете при себѣ священства отъ нерадѣнія и безстрашія вашего. Хотите жить своевольно и безнаказанно на всю жизнь. Не обличаете своихъ грѣховъ священнику, къ тому же подтверждаете, что можно спастись и безъ священника...“

„Однако,—спрашиваетъ авторъ у этихъ обличителей,—что же тогда побудило моего отца пролить неудержно теплыя слезы!.. Безстрашіе ли тронуло тринадцатилѣтняго мальчика убѣжать отъ людей въ уединенное мѣсто, удариться на подушку внизъ лицомъ и плакать?.. Или, скажутъ, и это нерадѣніе, что, въ случаѣ когда проникнетъ туманный слухъ о томъ, что въ такой удаленной странѣ народъ имѣетъ при себѣ священство,—тогда мы съѣзжаемся, обсуждаемъ и снаряжаемъ отъ себя депутацію. Одни щедро ублаготворяютъ деньгами, отъ пота и тяжкихъ трудовъ добытыми, другіе... разлучаясь со своими женами и дѣтьми, рѣшаются ѣхать въ отдаленныя и неизвѣстныя страны... Придется ли возвратиться и видѣть своихъ домашнихъ, или закроются глаза на морѣ-окіянѣ и послужатъ могилой волны, а гробомъ—дно окіяна?..“

„Да,—говоритъ авторъ, — нужно судить, положа руку на

сердце". И, положа руку на сердце, каждый искренній человѣкъ признаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ „нерадѣніемъ и безстрашіемъ", а съ искренней вѣрой, слишкомъ только легко поддающейся коварному обману со стороны эксплуатирующихъ на разные лады эту темную народную вѣру.

Въ дальнѣйшемъ пути одинъ еще разъ улыбнулась нашимъ искателямъ надежда. 4-го августа, по выходѣ изъ Гонъ-Конга, они замѣтили, что цвѣтъ воды измѣнился: въ моряхъ вода синяя, но прозрачная. Тутъ же кругомъ на далекое разстояніе ихъ окружали бѣлыя, непрозрачныя волны. „Не эта ли самая мѣстность называется Бѣловодіей? — говорили казаки между собою,—такъ какъ вода здѣсь отъ прочихъ водъ совсѣмъ отличная?" И они опять принялись разспрашивать о древле-православныхъ народахъ и русскихъ церквяхъ. Но отвѣтъ былъ все тотъ же. А вода бѣлая оттого, что сюда докатываетъ свои мутныя волны „великая рѣка Кіанга", несущаяся въ океанъ изъ языческаго Китая...

Они посѣтили еще Китай и Японію, всюду допрашивая о народахъ, живущихъ на Японскихъ, Сандвичевыхъ и Аландскихъ островахъ, видѣли китайцевъ-христіанъ (не брезгающихъ употреблять въ пищу кошекъ, крысъ и даже червей), встрѣтили окитаившихся казаковъ-албазинцевъ, взятыхъ когда-то въ плѣнъ и впослѣдствіи обращенныхъ миссіонерами въ католичество... Но надежда найти Бѣловодію у нихъ давно уже исчезла. На возвратномъ пути (черезъ Сибирь) они встрѣтили подъ Владивостокомъ казачьяго офицера Оренбургскаго войска. Онъ видѣлъ ихъ, когда они приходили проситься на „Херсонъ" въ Портъ-Саидѣ, и догадался о цѣли ихъ путешествія.

— Навѣрное вы ищете истинную вѣру?—сказалъ онъ и, узнавъ о результатахъ поисковъ, прибавилъ, указывая на небо:

— Истинная вѣра осталась, видно, только тамъ.

— По всему такъ, ваше высокоблагородіе, — отвѣтили казаки.

Экспедиція была, въ сущности, кончена. Отсюда начинались уже чисто-отечественныя впечатлѣнія. Сойдя во Владивостокѣ на берегъ, казаки увидали подъ городомъ густо разставленныя палатки и узнали, что это—переселенцы изъ донскихъ и оренбургскихъ казаковъ. Они вызвались охотниками на поселеніе въ Уссурійскій край, для чего получили по 600 рублей на обзаведеніе. Но условія поселенія были разсчитаны плохо, казаки истратились и оголодали. Не встрѣ-

тивъ вниманія къ своему положенію, они самовольно бросили мѣста поселенія, прося о возвращеніи обратно. Мудрое мѣстное начальство взглянуло на это, какъ на бунтъ. „Казаки, не имѣя средствъ пропитанія, обносились до наготы и въ лѣтнихъ худыхъ палаткахъ проживали (съ семьями!) на возвышенномъ мѣстѣ. Подкатила зима, затрещалъ морозъ... а одежды нѣтъ, хоть ложись и умирай". На два самыхъ тяжелыхъ зимнихъ мѣсяца имъ отвели казармы, но затѣмъ... генералъ Духовской распорядился выгнать ихъ изъ казармъ, и жителямъ Владивостока воспретили пускать ихъ на квартиры даже съ угрозой: кто пуститъ хоть одного человѣка хоть на одну ночь переночевать, того подвергнутъ штрафу въ 50 р." Теперь подходила уже вторая зима и, когда наши путники посѣтили этотъ „бунтующій" голодомъ лагерь,—„казаки жили въ ветхихъ палаткахъ, иные даже подъ открытымъ небомъ съ грудными дѣтьми и 80-тилѣтними стариками".

Я не стану приводить дальнѣйшія подробности обратнаго пути. За этими первыми отечественными впечатлѣніями слѣдовали другія, и сами путники постепенно изъ смѣлыхъ искателей сказочнаго царства превращались въ обыкновенныхъ русскихъ людей „нижняго чина". „Чернѣевскій перекатъ", на Амурѣ, гдѣ застрялъ пароходъ „Графъ Игнатьевъ" съ нѣсколькими военными и штатскими генералами въ числѣ пассажировъ,—видѣлъ нашихъ уральцевъ уже въ совершенно новой роли. Однажды поваръ-китаецъ кинулъ въ Амуръ икру изъ свѣжепойманнаго осетра. Одинъ изъ казаковъ тотчасъ же кинулся въ холодную воду и вытащилъ ее, а другой сдѣлалъ грохотку, просолилъ и быстро приготовилъ прекрасную икру къ генеральскому завтраку. На слѣдующій день, выйдя на палубу прогуляться, господа тотчасъ замѣтили услужливыхъ уральцевъ и поклонились имъ. „Что значитъ икра!"—говорили казаки втихомолку. „Прочіе пассажиры,—простодушно повѣствуетъ объ этомъ эпизодѣ Г. Т. Хохловъ,—отпускные солдаты и съ златыхъ пріисковъ народы удивлялись тому, что господа такъ привѣтливо съ нами обращались. Мы еще болѣе стали слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ и старались къ ихъ услугамъ. Господа пойдутъ съ ружьями на охоту стрѣлять птицу, и мы идемъ за ними. На каждый выстрѣлъ бѣжимъ, моментально сбросимъ съ себя верхнюю одежду и рубаху, бросаемся въ холодную воду и достанемъ застрѣленную птицу..."

Все это, повидимому, лукавые казаки дѣлали въ томъ соображеніи, что гг. генераловъ не оставятъ зимовать на перекатѣ, а съ господами выберутся и они... Оказалось, однако,

что, въ концѣ концовъ, прибѣжавшій снизу путейскій пароходъ взялъ только пять человѣкъ, кинувъ остальныхъ на произволъ судьбы...

Мнѣ приходится забѣжать нѣсколько впередъ.

Вернувшись изъ описываемой поѣздки по станицамъ, я засталъ на своей дачкѣ въ гостепріимныхъ садахъ надъ Деркуломъ—небольшую посылку изъ Петербурга. Въ коробкѣ петербургскихъ конфектъ я нашелъ записочку отъ своихъ добрыхъ знакомыхъ, въ которой моему вниманію рекомендовались „податели“ посылки, два уральскихъ казака, посѣтившіе столицу съ совершенно особыми цѣлями. Къ сожалѣнію, эти „податели“ не нашли меня, и посылку я получилъ уже изъ третьихъ рукъ.

Недѣли двѣ спустя, я поѣхалъ съ Н. А. Бородинымъ въ Кругло-озерную низовую станицу, тотъ самый „Свистунъ“, о которомъ говорилось выше. Вначалѣ и здѣсь насъ преслѣдовала неудача, такъ какъ всѣ знакомые Бородина оказались на бахчахъ. Мы проѣхали станицу изъ конца въ конецъ, безуспѣшно стучась въ разныя ворота. Большія и богатыя избы съ рѣзными коньками остались назади, и теперь на насъ глядѣли мазанныя избушки съ плоскими земляными крышами. Улица старозавѣтной станицы встрѣчала насъ равнодушно и замкнуто, предоставляя, очевидно, свободную дорогу въ горячую степь, по которой въ разныхъ мѣстахъ вѣтеръ гналъ и крутилъ бѣлые столбы пыли... Они какъ-то лѣниво подымались, лѣниво крутились надъ степью и изнеможенно ложились опять на жаркую землю...

Это унылое зрѣлище заставило меня идти на проломъ, чтобы всетаки остаться и отдохнуть въ станицѣ, и я предложилъ своему спутнику привернуть къ первой группѣ у первыхъ воротъ. Мой спутникъ отнесся къ этому плану съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, но лошадей всетаки повернулъ. Группа казаковъ и казачекъ молча смотрѣла на наше приближеніе.

— Добраго здоровья, — сказали мы, остановивъ лошадь.— Нельзя ли у васъ отдохнуть и напиться чаю?

Одинъ изъ казаковъ усмѣхнулся и отвѣтилъ съ ироніей:

— Уходцы мы. Какіе самовары у уходцевъ?

Уходцами зовутъ тѣхъ частью уже возвращенныхъ участниковъ „бунта“ 1874 года, которые согласились лучше отправиться въ ссылку, чѣмъ дать извѣстную уже читателямъ „подписку“ о повиновеніи. Изъ старозавѣтнаго Свистуна уходцевъ было особенно много, и это еще болѣе усилило мое желаніе побесѣдовать съ казаками. Но разговоръ не клеился, пока

одинъ изъ нихъ, пристально вглядѣвшись въ меня, не спросилъ:

— А вы чьи будете?

— Дальній.

— Однако?.. Не петербургскій ли?

— Да, петербургскій.

— Такъ это не тебѣ ли былъ посылочекъ отъ Ѳедора Дмитріевича, г-на Батюшкова?

— Мнѣ.

Лицо казака привѣтливо оживилось...

— А-ахъ ты Господи... Отворяй живо ворота! Вотъ вѣдь самъ Богъ васъ направилъ... Пожалуйте, дорогіе гости, милости просимъ...

Оказалось, что счастливая судьба привела меня именно къ дому одного изъ казаковъ, которые напрасно разыскивали меня въ Уральскѣ.

Въ лицѣ этихъ казаковъ, — Евстафія Мокѣевича Кудрявцева и Ѳедора Осиповича Сармина,—я, какъ оказалось, встрѣтилъ новыхъ изслѣдователей по дѣлу о бѣловодскомъ архіепископѣ. Только поиски ихъ были направлены не на восточныя моря-окіяны, а на западъ. Прежде всего они отправились къ самому „архіепископу“, въ Ханской городъ (Оханскъ), гдѣ онъ проживаетъ послѣ многихъ „судимостей“, среди самой бѣдственной обстановки, безъ средствъ и безъ паствы, какъ затравленный старый волкъ. Казаки почтительно обратились къ нему за разъясненіемъ сомнѣній, и при этомъ у нихъ произошелъ разговоръ, который я уже приводилъ выше. „Мы начали его вопрошать, — писали депутаты послѣ этого свиданія, — и онъ съ нами обходился тонко“. Впослѣдствіи, однако, разговоръ обострился, и на указаніе текста („ежели явится странствующій епископъ, не имѣяй грамоты отъ своегоси патріарха и своея-си паствы, таковому не имуть вѣры“)— Аркадій отослалъ ихъ въ Пермскій окружный судъ, гдѣ хранится отобранная у него грамота. „И мы въ Пермь отправились“,—писали опять депутаты. Тамъ показали имъ „ево ризу и антиминсы, и патрахиль, и пояса, и камилаву, и протчіи приборы церковны... и ставленной грамоты ево копію. А самую ставленную грамоту не видѣли (она отослана въ восточной иностранныхъ дѣлъ анъ-ститутъ)“.

Все это не было еще рѣшающимъ. Депутаты отправились въ Москву, побывали (подъ видомъ приверженцевъ Аркадія) въ уѣздномъ городѣ Новгородской губерніи, гдѣ познакомились съ сестрой „епископа“ (именующаго себя, между прочимъ, княземъ Урусовымъ), разыскали и подлинную грамоту „на

сирійскомъ языкѣ", которую кто-то снялъ имъ на кальку, и, запасшись всѣмъ этимъ матеріаломъ, а также печатными свѣдѣніями объ Антоніѣ Пикульскомъ, именующемъ себя Аркадіемъ Бѣловодскимъ, — отправились со всѣмъ этимъ въ Петербургъ, въ поискахъ ученыхъ людей, которые могли бы разъяснить недоумѣнія и перевести сирійскую грамоту.

В. К. Саблеръ указалъ имъ, какъ на такого ученаго, на профессора-санскритолога, академика С. Ф. Ольденбурга. Послѣдній отнесся съ чрезвычайнымъ вниманіемъ къ запросу казаковъ, разсмотрѣлъ печатные матеріалы, указалъ на нелѣпости географическихъ терминовъ въ Бѣловодскихъ сказаніяхъ, ставящихъ рядомъ Асумпсіонъ, Парагвай, Гельветическую республику и т. д. и, наконецъ, разобравъ копію грамоты, нашелъ, что это собраніе индусскихъ и арабскихъ начертаній, поставленныхъ рядомъ безъ всякаго смысла.

Депутаты вернулись въ полномъ восторгѣ отъ Петербурга, отъ С. Ф. Ольденбурга и другихъ ученыхъ, съ которыми имъ пришлось встрѣчаться. Отраженіемъ этой благодарности пришлось воспользоваться и мнѣ въ вышеописанномъ маленькомъ эпизодѣ. Но...

Осталось еще одно маленькое сомнѣніе, чреватое, быть можетъ, новыми предпріятіями старообрядческаго Урала и новыми экспедиціями... Разсказывая объ Индіи, Индо-Китаѣ, Опоньскомъ царствѣ и другихъ странахъ востока, объ ихъ жителяхъ и религіи, Сергѣй Ѳедоровичъ Ольденбургъ показалъ казакамъ, между прочимъ, статуэтку, подаренную государю императору въ Японіи и находящуюся теперь въ музеѣ академіи наукъ. Это изображеніе Майтреи, который, по вѣрованію буддистовъ, теперь находится на небѣ, но современемъ сойдетъ на землю, чтобы научить людей истинной вѣрѣ. Вначалѣ этотъ буддійскій святой, повидимому, не обратилъ на себя особеннаго вниманія депутатовъ. Но впослѣдствіи онъ все чаще сталъ возникать въ ихъ памяти.

— Видите,—задумчиво говорили мнѣ теперь гостепріимные хозяева, — въ одной рукѣ держитъ вродѣ кулганчика (сосудъ), а другая изображаетъ какъ бы двуперстное сложеніе. И потомъ—для чего японцы поднесли ее православному царю?

Когда депутаты разсказали объ этомъ своимъ единовѣрцамъ, старики стали упрекать ихъ, что они не собрали точныхъ свѣдѣній о мѣстопребываніи этого Майтреи и о народахъ, имѣющихъ такое перстосложеніе въ Японскомъ царствѣ. И теперь депутаты просили меня, когда буду въ Петербургѣ, попросить у С. Ф. Ольденбурга эти свѣдѣнія, а если можно, то и фотографическій снимокъ со статуэтки.

— Въ случаѣ чего... можно бы туда отправить людей,— говорили казаки.

Теперь это все исполнено, и такимъ образомъ я съ своей стороны вложилъ свою лепту въ разысканія таинственной Бѣловодіи. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что эта апелляція къ наукѣ составляетъ первый еще эпизодъ этого рода во всей исторіи благочестиваго Камбайско-Бѣловодскаго царства!..

VI.

Опять дорога. — Кирсановская станица. — Косцы. — Нѣчто о „киргизской мечтѣ“.—Казакъ-поэтъ и его поэма о пугачовцѣ Чикѣ.—Опять переносные пески.—Драма степного уголка.

Изъ Январцева мы выѣхали довольно поздно, увозя съ собой яркія впечатлѣнія только что выслушанныхъ разсказовъ. Какъ бы для контраста дорога лежала передъ нами однообразная и пустынная, съ песками и барханами, покрытыми кіякомъ и солянкой. Впереди насъ скрипѣлъ плохо смазанными колесами казачій возъ, запряженный верблюдомъ, а издали подкатывался клубокъ бѣлой пыли.

Когда онъ приблизился, изъ него выступили очертанія трехъ повозокъ, запряженныхъ сытыми тройками. Въ повозкахъ сидѣли какіе-то черномазые люди.

— Откуда Богъ несетъ?—крикнулъ ѣхавшій впереди насъ казакъ.

— Изъ Сибири,—отвѣтилъ черномазый возница и хлестнулъ тройку. Кованыя колеса заскрипѣли въ сыпучемъ пескѣ...

— Цыганы,—раздумчиво сказалъ казакъ,—въ степѣ какихъ народовъ не встрѣтишь...

Кирсановская станица считается первоначальнымъ мѣстомъ поселенія Яицкихъ казаковъ. Вѣроятно, наскучивъ этими непроходимыми песками, казаки рѣшили спуститься внизъ, къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ нынѣшній Уральскъ. Разобравъ старую церковь, они сладили изъ ея бревенъ плотъ и спустились по рѣкѣ къ благодатной равнинѣ между Ураломъ, Чаганомъ и Деркуломъ. У Кирсановской станицы и теперь еще указываютъ мѣсто бывшаго городка и крѣпости.

Въ Кирсановѣ живетъ станичный атаманъ, К. Е. Бѣляевъ, къ которому у меня было письмо изъ города, и потому мы сдѣлали здѣсь привалъ, остановившись на казачьемъ дворѣ, невдалекѣ отъ станичнаго правленія.

Зной все усиливался, и небольшой казачій дворикъ, съ тѣсно уставленными навѣсами и базами, казалось, весь изнывалъ отъ истомы. Подъ однимъ изъ этихъ навѣсовъ въ тѣни сидѣли три мужика. Это были косцы, пришедшіе сюда за

300 верстъ изъ Самарской губерніи, Бугульминскаго уѣзда. Они косили у нашего хозяина по 8 рублей за десятину и уже второй день ждали расплаты.

— Э-эхъ, казаки!—съ глубокой укоризной сказалъ одинъ изъ нихъ, старикъ съ топорной фигурой и крупными чертами добродушнаго лица.—Своихъ обовязанностей не сполняютъ...

— Бяда!—прибавилъ какимъ-то нервнымъ, почти истерическимъ голосомъ его молодой товарищъ.—Страда чижолая, жаръ, сухмянь, а тутъ еще изъ-за своихъ кровныхъ наплачешься...

Страда въ этотъ годъ, дѣйствительно, была необыкновенно тяжелая. Надъ степями нависъ изсушающій зной, ни вѣтру, ни облачка, а на пашняхъ, вдалекѣ отъ воды убивались на тяжкой работѣ тысячи рабочихъ. Наканунѣ, разсказывали намъ, въ степи „загорѣлся“ киргизъ. Косилъ-косилъ и, внезапно бросивъ косу, побѣжалъ къ Уралу. Добѣжавъ до рѣки, онъ, обезпамятѣвъ, бросился въ быстрыя волны и уже не выплылъ. Два его брата все сидѣли пониже этого мѣста, на мысу, ожидая всплытія трупа. „Загорѣлся“ еще казакъ на собственной пашнѣ и, вообще, то и дѣло слышались разсказы о случаяхъ солнечнаго удара.

И вотъ для такого-то труда эти три человѣка прошли пѣшкомъ три сотни верстъ, чтобы заработать рублей по 10 на человѣка. И вдобавокъ они узнали, что ошиблись: подъ Уральскомъ работаютъ по 20 рублей за десятину. Они были въ очень дурномъ настроеніи и о казакахъ отзывались очень желчно...

— Самофалы они,—говорилъ старикъ своимъ устало-благодушнымъ голосомъ.—На работу ничего не стоятъ, народъ легкой...

— А кормятъ какъ?

— Иной кормитъ ничего. А иной—не дай Господи... Зимой все отсѣвки копятъ, самое которое зерно не годится... Потомъ смелетъ,—ладно: рабочіе слопаютъ... Ничего, что хлѣбъ хоть ложкой хлебай!..

— Да еще, мотри, брезгуютъ нашимъ братомъ,—опять нервно вскрикнулъ молодой.—Изъ одной чашки съ тобой ѣсть не станетъ... Мы вотъ киргизомъ, башкуртомъ не брезгуемъ, а они руськими людьми брезгуютъ.

— Да-а,—опять, зѣвая, прибавилъ старикъ:—бывалъ я у нихъ, всего видалъ. Бывалъ и въ ситѣ, и въ рѣшетѣ: очковъ много, а не выскочишь...

Тѣсная, душная изба казаковъ была наполнена мушинымъ жужжаніемъ. Хозяйка оказалась больна, блѣднаго мальчишку

тоже измучила лихорадка. Старуха угрюмо суетилась по хозяйству, хозяинъ мыкался по шабрамъ за деньгами для расплаты съ косцами.

— Несладко тоже и казачье житьишко,—сказалъ съ невольной симпатіей къ своимъ Макаръ Егоровичъ...

Здѣсь намъ разсказали, между прочимъ, странную степную новость. На-дняхъ, будто бы, въ Требухинскомъ поселкѣ три казачьи дѣвочки переправились въ лодкѣ за Уралъ, въ луга на бухарской сторонѣ, за ягодами. Здѣсь одна изъ нихъ наткнулась на молодого киргиза, который лежалъ подъ кустомъ, скинувъ съ себя всю одежду, и глядѣлъ на небо. Когда дѣвочка подошла, не замѣчая его, къ этому мѣсту, киргизъ, будто бы, вскочилъ вдругъ на ноги, схватилъ ножъ и зарѣзалъ дѣвочку почти на глазахъ у ея перепуганныхъ подругъ. Послѣднія кинулись въ лодку и подняли тревогу въ казачьемъ поселкѣ. Атаманъ собралъ 5 полевыхъ казаковъ и, переправившись за Уралъ, настигъ убійцу на томъ же мѣстѣ. Тотъ, будто бы, долго не сдавался...

Разсказъ этотъ мы слышали по форпостамъ и дальше. Говорили, что киргиза провезли въ Уральскъ подъ карауломъ. Меня очень заинтересовала эта странная исторія, пріуроченная, вдобавокъ, именно къ Требухамъ, гдѣ я еще недавно слушалъ эпическіе разсказы стараго казака о бородинскихъ „усмиреніяхъ“ и о „старой крови“... Казаки пытались объяснить и этотъ эпизодъ пережитками кровной мести. Память объ усмиреніяхъ и о взаимной борьбѣ еще не умерла, и немудрено, что она можетъ порой вспыхнуть въ какой-нибудь фанатической головѣ, какъ марево въ знойной степи. Впослѣдствіи, когда я говорилъ объ этомъ эпизодѣ съ бывалымъ человѣкомъ, илецкимъ торговцемъ, хорошо знающимъ киргизъ, онъ сначала усомнился въ самомъ фактѣ, но потомъ, подумавъ, сказалъ:

— А всеможетъ быть... Тогда это у него не иначе—отъ мечты!

Я не могъ добиться болѣе точнаго опредѣленія, и мой собесѣдникъ только прибавилъ съ убѣжденіемъ:

— Да, да... Мечта у нихъ, у кыргызъ, а-гро-мадная!

Вѣроятно подъ мечтой онъ разумѣлъ эти еще не замершія воспоминанія, питаемыя разсказами стариковъ, преданіями, пѣсней домрачеевъ-пѣвцовъ. Изъ глубины прошлаго они все еще взываютъ къ отмщенію...

Впрочемъ, когда на обратномъ пути мы опять ѣхали черезъ Требухи, то на мѣстѣ намъ сказали, что у нихъ ничего подобнаго не было. Въ Январцевѣ говорили, что дѣйствительно провезли арестованнаго киргиза, но за что онъ арестованъ—неизвѣстно...

Въ станичномъ правленіи шли занятія, когда я пришелъ туда, чтобы отдать письмо и поговорить съ станичнымъ атаманомъ Квинтиліаномъ Емельяновичемъ Бѣляевымъ. Въ Уральскѣ отъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ отъ архиваріуса войскового архива, очень интересующагося стариной и кое-что печатавшаго уже, Ивана Семеновича Алексѣева, я слышалъ о рукописной поэмѣ самородка-поэта, казака Голованова, озаглавленной „Герой разбойникъ“. Герой этой поэмы—извѣстный пугачовецъ Чика; авторъ ея—природный уральскій казакъ, служившій по канцелярской части въ разныхъ учрежденіяхъ и, кажется благодаря строптивому и свободолюбивому нраву, вѣчно „терпѣвшій по службѣ“. О поэмѣ отзывались, какъ о произведеніи интересномъ, основанномъ на разсказахъ стариковъ, будто бы лично знавшихъ пугачовскаго атамана.

Самъ Голованов въ то время уже умеръ, а поэма, по словамъ моихъ знакомыхъ, находилась у его родственника, станичнаго атамана. Къ сожалѣнію, это было невѣрно. Оказалось, что рукопись находится въ Уральскѣ.

Впослѣдствіи мнѣ удалось добыть ее. Называется она „Герой разбойникъ (поэма—преданіе изъ временъ Пугачова)“. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что ему въ 1877 году пришлось познакомиться съ однимъ 130-лѣтнимъ старикомъ „горячимъ участникомъ пугачовскаго бунта“. Въ газетахъ какъ-то, дѣйствительно, сообщалось о двухъ такихъ старикахъ въ Самарской губерніи (одинъ изъ нихъ умеръ уже въ 80-хъ годахъ). Затѣмъ, автору попалась старинная (1828 года) печатная поэма, подъ заглавіемъ „Чека“, и это, „совокупно съ собственными превратностями и невзгодами“ — побудило его передѣлать поэму неизвѣстнаго автора, соотвѣтственно съ разсказами стараго пугачовца. Къ сожалѣнію, поэтъ-самоучка увлекся довольно шаблоннымъ образомъ романтическаго героя во вкусѣ шиллеровскаго Моора, и разсказы очевидца потонули въ этомъ неинтересномъ вымыслѣ. Чика изображенъ въ поэмѣ страстнымъ патріотомъ, человѣкомъ „очень начитаннымъ“ и даже обладавшимъ „многими разнообразными (хотя и поверхностными) свѣдѣніями въ области практическихъ наукъ, философіи и политики“. „Конечно,—прибавляетъ авторъ,—мудрено, даже невозможно объяснить, какимъ путемъ простой казакъ, да еще въ XVIII вѣкѣ, обогатилъ свой умъ такими познаніями“. „Онъ былъ страстно привязанъ къ своей казачьей родинѣ и разнообразному воинственному образу жизни современнаго ему казачества“. Сначала онъ горячо вѣритъ въ Пугачова, потомъ разочаровывается и, въ роли

жестокаго разбойника, мститъ уже всему человѣчеству за свое разочарованіе.

Совершенно понятно, что этотъ образъ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Чикой, пугачовскимъ „графомъ Чернышовымъ“. Надо думать, что даровитый самоучка Голованов болѣе всего вдохновлялся собственными „превратностями и невзгодами“ и въ уста своего Чики онъ влагаетъ свои взгляды и чувства. Съ этой точки зрѣнія поэма уральскаго неудачника, тоже „обладавшаго (хотя и поверхностными) свѣдѣніями“, тоже страстно привязаннаго къ своей казачьей родинѣ и тоже потерпѣвшаго, очевидно, большія разочарованія,—пріобрѣтаетъ нѣкоторый интересъ (хотя и не тотъ, какой хотѣлъ ей придать самъ авторъ), и я позволю себѣ привести изъ нея нѣсколько отрывковъ.

Увѣровавъ въ Пугачова, Чика ѣздитъ по станицамъ, собираетъ казаковъ и говоритъ въ кругахъ о прежнихъ казачьихъ вольностяхъ. Но теперь,—продолжаетъ онъ,—

...пора иная!
Вольность вѣку отдана,
И старинка удалая,
Какъ шеренга фрунтовая,
Подъ ранжиръ подведена!
И стальная дисциплина,
Точно жадная змѣя,
Въ видѣ тягостной рутины
Поглотила всѣ картины
Прежде бывшаго житья.

Разсказывая о своихъ чувствахъ, Чика говоритъ далѣе:

Съ мечтами дѣтства возникала
Во мнѣ къ свободѣ милой страсть,
Меня томила, ужасала,
Гиганта сѣвернаго власть...
Стѣснилъ онъ волю золотую
На берегахъ родной рѣки,
Но, твердо помня жизнь иную,
Скорбятъ и ропщутъ казаки...

Въ такомъ же тонѣ изложены всѣ рѣчи пламеннаго Чики и лирическія отступленія поэмы. Особенно достается при этомъ „злымъ властямъ“.

Да, переходно наше время,
Лукавъ, коваренъ этотъ вѣкъ,
И современный человѣкъ
Несетъ, какъ крестъ тяжелый, бремя
Самолюбивыхъ, злыхъ властей...
Для нихъ народъ—пустое слово,
Они не сѣяли, но жнутъ,
Съ живого, съ мертваго дерутъ...

Имъ властолюбіе, нажива
И глупыхъ титуловъ почетъ
Такой продуктъ—какъ мухамъ медъ.
Вся гордость черствыхъ, злыхъ нахаловъ,
Вся грязь змѣиныхъ ихъ натуръ
И пошлыхъ жалкихъ идеаловъ
Ужъ стали темой для журналовъ
И, какъ постыдный каламбуръ,
Вошли въ отдѣлъ каррикатуръ.

Въ концѣ поэмы авторъ даетъ общую оцѣнку своего героя, въ которой опять нельзя не видѣть его собственнаго портрета:

И вотъ ты самъ, казакъ простой,
Науки свѣтомъ озаренный,
Съ душой безхитростной, прямой...
...Добра и счастья всѣмъ желалъ,
На пользу общую трудился,
Чиновъ, отличій не искалъ,
Отъ юныхъ лѣтъ съ нуждою сжился...
Ты идеалъ свой воплотилъ
Въ свободѣ, истинѣ и чести...
Но что въ награду получилъ
Отъ прозелитовъ зла и мести?
Гнилую нищенства суму,
Нужды и голода мученье,
Пренебреженье, отверженье,
Позоръ и смрадную тюрьму!

Лица, знавшія біографію Голованова, сообщали мнѣ, что, дѣйствительно, даже „позоръ и смрадная тюрьма“ не миновали этого даровитаго самоучку-казака, строптивая натура котораго не укладывалась въ рамки затхлаго строя казачьей бюрократіи. Все это, однако, не убило въ душѣ казака-поэта лучшихъ надеждъ. „Придетъ пора,—восклицаетъ онъ въ заключеніе,—

...Русь просвѣтится
И сила титуловъ, какъ дымъ,
По ѣдкимъ качествамъ своимъ,
Вся испарится, разлетится...

Голованову не пришлось увидѣть въ печати свое не всегда складное произведеніе. Только въ проѣздъ черезъ Уральскъ государя наслѣдника (нынѣ царствующаго императора) онъ поднесъ свою поэму и получилъ денежный даръ... Теперь уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ умеръ...

Выѣхавъ изъ Кирсанова (мимо стараго городка), мы миновали два-три чудесныхъ степныхъ хуторка, ютившихся въ зелени. Пески здѣсь кончились, близость Урала сказывалась свѣжею лѣсною порослью, изъ-за которой какъ-то неожиданно

показались за Иртекомъ освѣщенныя вечернимъ солнцемъ избы Иртецкаго поселка, послѣдняго на границѣ Уральскаго войска съ Илецкимъ.

Почти у самаго въѣзда въ станицу, сидѣлъ у воротъ своей избы престарѣлый сѣдой казакъ со старухой казачкой. Остановивъ лошадь, я подошелъ къ нимъ и спросилъ: гдѣ живетъ Наумъ Гавриловичъ Банновъ.

— Я самый,—отвѣтилъ казакъ, подымая свою сѣдую голову съ круглыми, дѣтски простодушными глазами. — А на что тебѣ?

Я объяснилъ. Мнѣ называли Наума Гавриловича Баннова, какъ человѣка, знающаго много о старинѣ. До сихъ поръ такія объясненія встрѣчались радушно. Старые казаки любятъ поговорить о родномъ прошломъ...

— Что-жъ, ничего,—отвѣтилъ старикъ благодушно.—Побесѣдуемъ... Чего не знаемъ, не скажемъ, а что, можетъ, слыхали отъ добрыхъ людей,—отчего не сказать... Да ты погоди, я тебѣ еще одного человѣка позову... Клима Донскова. У него книги есть вотъ какія... ста-àрыя книги...

И, поднявшись съ бревна, онъ пошелъ было черезъ улицу, но, увидѣвъ Макара Егоровича съ телѣжкой, спросилъ:

— А это кто?

— Товарищъ мой... Илецкій.

— Иле-ецкой? Вишь ты!—протянулъ старикъ какимъ-то особеннымъ тономъ, изъ котораго я началъ догадываться, что вышло какъ будто что-то неладное. Макаръ Егоровичъ проѣхалъ на постоялый дворъ, а старикъ задумчиво побрелъ къ дому напротивъ.

Черезъ двѣ-три минуты скрипнула въ высокихъ запертыхъ воротахъ калитка, и со двора вышелъ старый казакъ, угрюмаго вида, низкорослый, съ огромной, ушедшей въ плечи, головой и черными, мрачными глазами. Онъ шелъ впереди, а Банновъ, съ видомъ какъ будто нѣсколько сконфуженнымъ и виноватымъ, слѣдовалъ за нимъ. Подойдя почти вплоть ко мнѣ, Донсковъ круто остановился и, окинувъ меня недоброжелательнымъ взглядомъ, спросилъ:

— Что такое нужно? По какому дѣлу?

Я объяснилъ безобидную цѣль моей поѣздки и сказалъ, кто меня направилъ къ Баннову.

— Что онъ знаетъ? Онъ вѣдь ничего не знаетъ,—рѣшительно отрѣзалъ Донсковъ, а кроткій Банновъ повторилъ, какъ эхо, глядя въ сторону своими круглыми простодушными глазами:

— Ничего я и не знаю.

— Одно мы знаемъ,—отрубилъ Донсковъ насмѣшливо:— этакъ же вотъ разъ пріѣзжалъ одинъ. Будятъ меня ночью: ступай, Климъ Донсковъ, чиновникъ пріѣхалъ, требуетъ. Ну, я, конечно, прихожу. Что такое? „Я, говоритъ, по илецкому дѣлу. По какому, говоритъ, случаю грань у васъ съ илецкими казаками за Бородинскимъ поселкомъ, а черными-те водами илецкіе пользуются до Утвы?“ Слыхалъ ты?..—повернулся онъ къ Баннову...

Я ничего не понялъ. Но Банновъ прискорбно покачалъ головой, какъ будто вопросъ неизвѣстнаго чиновника былъ величайшимъ подвохомъ, а я подозрѣвался въ соучастіи...

— А по тому случаю,—я ему говорю,—что у Илецкихъ мало черныхъ водъ, а у насъ мало лѣсовъ. По этому собственно случаю мы у нихъ рубили, а они у насъ рыбачили... Больше ничего мы не знаемъ. И ты то же самое, Банновъ, не бай... Ни гу-гу... Понялъ?

Онъ многозначительно поднялъ палецъ и затѣмъ, рѣзко повернувшись, пошелъ прочь...

Когда я разсказалъ объ этомъ непонятномъ для меня эпизодѣ моему спутнику, то онъ, посмѣиваясь въ усы, далъ ему удовлетворительное объясненіе. Мы приближаемся къ Илецкой границѣ, а у Илека съ Уральской казачьей общиной идетъ вѣковой споръ: илецкое войско основано позже и, не смотря на то, что оно несло тѣ же повинности,—уральцы не допускаютъ илецкихъ въ свою общину, и въ рыбной ловлѣ ниже учуга они участія не принимаютъ. Илецкіе казаки въ общемъ пользованіи иртецкими черными водами видятъ указаніе на свои старинныя права...

Узнавъ, что со мной ѣдетъ „илецкой“, Донсковъ заподозрилъ, что и я разспрашиваю не спроста. Изъ Иртецкаго поселка мы выѣхали какъ бы сквозь строй внимательныхъ и не вполнѣ дружелюбныхъ взглядовъ. Очевидно, Донсковъ уже поднялъ тревогу...

За Иртекомъ пошли опять переносные пески. Опять—шорохъ, шопотъ, движеніе и испугъ степной природы... Вечеръ спускался тихо и какъ-то по своему печально. Надъ горизонтомъ, въ пеленѣ тумановъ, висѣла большая луна, красная, какъ червонецъ... Изъ сумрака выползали отовсюду, точно стаи гигантскихъ ужей, песчаные увалы и барханы—все гуще и выше. Степная дорога прижалась къ рѣчкѣ, осторожно сочившейся между зелеными камышами къ недалекому Уралу, но пески настигали ее здѣсь, затѣсняя въ узкую лощину.

Меня поразили причудливые силуэты нѣсколькихъ осокорей, странно рисовавшихся на озаренномъ луною небѣ... Онѣ

спокойно выросли надъ рѣчкой подъ защитой слежавшихся песчаныхъ холмовъ, а теперь, по странному капризу разрушительной силы, холмы снимались съ мѣста. Вершины ихъ точно дымились въ лунномъ свѣтѣ, съ разработанныхъ вѣтромъ боковъ, шипя, несся тонкій песокъ, и бѣднымъ осокорямъ пришлось первымъ выдержать этотъ натискъ... Изъ-подъ нихъ уже выдуло почву почти на два аршина, и корни, странно искривленные и обнаженные,—судорожно хватались за ускользающую землю... Въ густыхъ еще вершинахъ стоялъ немолчный, тихій, но внятный шорохъ. Такъ и чудилось, будто старыя деревья ведутъ печальную бесѣду о томъ, что свѣтъ портится, что наступаетъ кончина міра, что явились небывалые изсушающіе вѣтры, что въ старину, въ годы ихъ молодости, этого не бывало, и что все это „за грѣхи, за грѣхи, за грѣхи“...

Луна перекрылась причудливымъ роемъ легкихъ облаковъ, загорѣвшихся, какъ въ огнѣ, серебристыми кралми. Вверху стало ясно, весело, оживленно, а внизу, надъ померкшею степью, надъ камышами, надъ рѣчкой, пугливо кравшейся къ Уралу, вѣяло глубокой и какъ бы сознательной печалью передъ зловѣщимъ движеніемъ пустыни...

— Да, заноситъ уже и луговую дорогу,—сказалъ Макаръ Егоровичъ.—Я еще помню: дорога была тамъ, за барханами, даже обозы ходили. А теперь уже и здѣсь трудно...

Вдали мелькали огоньки Бородинской станицы.

VII.

Крѣпостная деревня.—Наемка въ Ташлинской станицѣ.—Ночлегъ на базу.—Обратные переселенцы.—Стачка косцовъ и смиренный мужичокъ.—Бабушка Душарея.—Граница.—Городище.—Летучка.

Казачій строй принято считать безусловнымъ противникомъ крѣпостного права. Однако рабство давно уже просачивалось на вольныя степи. Старшинская партія сложилась въ крѣпкую аристократію, и вскорѣ у старшинъ явились свои „дворовые люди“. Первоначально они комплектовались изъ плѣнныхъ инородцевъ или изъ „киргизскихъ полоняниковъ“, выбѣгавшихъ изъ степи къ уральскимъ форпостамъ. Впослѣдствіи же, входя постепенно во вкусъ, старшины стали обращать въ „дворовыхъ“ также и русскихъ людей, бѣжавшихъ на Уралъ отъ одной крѣпостной зависимости и попадавшихъ въ другую. Въ уральскомъ архивѣ сохранилось не мало дѣлъ о насильственномъ захватѣ богатыми казаками даже пріѣзжихъ изъ сосѣднихъ губерній крестьянъ и женокъ, а когда такіе полоняники пытались убѣжать съ „вольнаго Яика“ на

родину,—ихъ уже ловили на степныхъ дорогахъ казачьи команды и водворяли къ „владѣльцамъ“.

Казачья масса косилась на это явленіе,—казакамъ нужно было нанимать бѣглыхъ за себя въ дальніе походы. Поэтому старшины населяли „дворовыми“ дальніе хутора на верховьяхъ степныхъ рѣчекъ и не занятые никѣмъ углы степи.

Особенно широко насаждалъ эту форму крѣпостного права Мартемьянъ Бородинъ. У него на истокахъ Иртека и Киндели, на сырту было много хуторовъ, населенныхъ уже настоящими крѣпостными, которые сторожили его табуны и рабьими руками распахивали вольныя степи. Сынъ Мартемьяна, Давидъ, уже покупалъ на сводъ цѣлыя деревни и селилъ ихъ на земляхъ слабой и зависимой Илецкой общины...

Такимъ образомъ основался Бородинскій поселокъ, жителей котораго выигралъ въ карты Давидъ у какого-то помѣщика въ Россіи... Казачья совѣсть суроваго атамана, повидимому, и сама плохо мирилась съ этимъ рабствомъ: передъ смертью онъ освободилъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ и добился причисленія ихъ въ казаки... Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ новой станицей, примежевывался къ уральскимъ землямъ большой кусокъ илецкой степи, когда-то занятой временно Давидомъ Бородинымъ.

Проѣхавъ широкія, залитыя луннымъ свѣтомъ улицы огромной и, повидимому, цвѣтущей станицы, — мы остановились у воротъ обширнаго постоялаго двора. Ворота были отворены, хозяинъ собирался на мельницу съ новымъ хлѣбомъ. Посерединѣ двора стоялъ столикъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, приготовленный для уѣзжавшихъ.

Это было очень кстати, и мы сѣли за столъ вмѣстѣ съ хозяевами. Казаки были веселы, и весь дворъ, освѣщенный луною, былъ полонъ радостнаго оживленія. Хлѣбъ въ этомъ году уродился отлично, собрать его удалось во-время и при томъ очень дешево.

— Почемъ платятъ косцамъ въ Уральскѣ? — спросилъ у насъ хозяинъ и, узнавъ, что цѣны тамъ стояли отъ 15 до 20 рублей и даже выше,—весело улыбнулся и сказалъ:

— А у насъ по десяти.

— Ташлинскій атаманъ такую цѣну сдѣлалъ,—прибавила радостно хозяйка.—„Наемка“ у насъ нынче отличная...

„Наемка“ въ этихъ степныхъ мѣстахъ — это настоящая военная кампанія, гдѣ интересы нанимателя и работника становятся лицомъ къ лицу въ совершенно откровенныхъ формахъ. Цѣлыя арміи косцовъ сходятся въ нѣсколькихъ пунктахъ: къ Уральску, въ Таловую (на границѣ Самарской

губ.) и въ Ташлу. Рабочіе, сойдясь, прежде всего пытаются организоваться, чтобы поднять цѣну. Для этого иногда артели жнецовъ приносятъ всѣ серпы и косы въ одно мѣсто и выдаютъ ихъ только при наймѣ на извѣстныхъ условіяхъ. Первые дни обѣ воюющія стороны крѣпятся, измѣряя взаимные шансы, и порой дѣло доходитъ до формальныхъ побоищъ. Въ тотъ годъ подъ Уральскомъ произошли крупныя столкновенія между рабочими русскими и киргизами (сбивавшими цѣны). Въ Таловой побѣду одержали рабочіе, поднявшіе цѣну до 20 рублей; въ Ташлѣ, наоборотъ, рабочая армія потерпѣла рѣшительное пораженіе.

— Мужикамъ, конечно, обидно, — радостно говорила казачка:—а для казаковъ хорошо. Косцы сошлись въ Ташлу и говорятъ: хлѣбъ нонѣ у казаковъ дюже сильный, давайте, ребята, дешевле 25-ти не наймоваться. На томъ и стали. Кто, можетъ, и хотѣлъ бы наняться, не смѣетъ. Ну, станичный атаманъ собралъ полевыхъ казаковъ и говоритъ: „дуйте ихъ, дураковъ, нагайками. Что на нихъ смотрѣть“. Потомъ стариковъ-то, которые посмирнѣе, отдѣлилъ, а остальныхъ, говоритъ, гоните вонъ изъ станицы. „Вы, говоритъ, наше мѣсто поганите, хозяевъ огорчаете. Не хозяева къ вамъ идутъ, вы къ казакамъ пришли. Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ“... Ну, смирные-те мужики и пошли наниматься. Тутъ опять казаки сговорились: не давать больше десяти. Тѣмъ опять же дѣваться нѣкуда: пришли работать, не назадъ идти. Такъ и стали наймоваться...

Мнѣ вспомнились усталые и озлобленные косцы, которыхъ мы встрѣтили въ Кирсановѣ... Говорятъ, „цѣны строитъ Богъ“. На этотъ разъ ташлинскій атаманъ устроилъ ихъ, хотя и не совсѣмъ по божьему, но съ большимъ успѣхомъ...

— А гдѣ вы ляжете?—спросила у насъ хозяйка.—Ночь-то вонъ какая тихая, да теплая... Ложитесь на базу.

Мы, разумѣется, согласились. Хозяинъ съ возами уѣхалъ, широкій дворъ опустѣлъ. Луна поднялась высоко и освѣтила избы поселка. Прямо передъ нами, надъ обрѣзомъ сосѣдняго „база“ вся въ мѣсячныхъ лучахъ стояла стройная церковка. Огни въ окнахъ станичныхъ избушекъ гасли.

Я долго стоялъ на плоскомъ базу, оглядываясь на затихавшую станицу, и въ моемъ воображеніи проносилось своеобразное прошлое ея обитателей, занесенныхъ Богъ вѣсть откуда на эту окраину и здѣсь по капризу суроваго казачьяго атамана неожиданно нашедшихъ казачью волю...

Наконецъ, я улегся на душистомъ сѣнѣ. Звѣздное небо все искрилось и сыпало падучими звѣздами... Необыкновенно

яркій метеоръ съ огнистымъ хвостомъ. прорѣзавшій небо отъ самаго зенита,—остался въ моей памяти послѣднимъ впечатлѣніемъ этого вечера...

На утро я проснулся раньше моего товарища... Было свѣжо. Небо поблѣднѣло, солнце подымалось изъ-за гряды облаковъ, ночевавшихъ гдѣ-то на далекомъ степномъ горизонтѣ. Казачки доили коровъ и выгоняли ихъ въ поле. Наша лошадь напоминала о себѣ тихимъ и ласковымъ ржаніемъ...

Когда, напоивъ ее, я вернулся съ берега Урала, въ нашемъ дворѣ оказались новые посѣтители. На распряженномъ возу сидѣли, свѣсивъ ноги и головы, четыре мужика,—два старика и двое молодыхъ. Видъ у нихъ былъ раздумчивый и печальный.

— Откуда Богъ несетъ?..—спросилъ я.

— Астраханскіе, а идемъ съ переселенія...

— Что же такъ?

— Да такъ... Дома-те плохо, да и тамъ не лучше...

— Земля плохая?

— Земля, видишь ты, ничего бы,—отвѣтилъ медленно старикъ,—земля гожа, вода близко и луга хорошіе, потные... Морозомъ когда хлѣбъ побьетъ, ну, не часто! Кормиться бы можно.

— Такъ что же?

— Далеко, дорогъ нѣтъ никуда. За Орскъ это и дальше, за Кустанай. До желѣзной дороги 400 верстъ, до Петропавловска тоже далече, базаровъ нѣтъ, въ городъ не доѣхать...

— Сытъ будешь, а ходи нàгой и бòсой... Куда съ хлѣбомъ дѣнешься?—пояснилъ другой.

— Намъ одинъ человѣкъ говорилъ: вамъ, старики, добра ужъ тутъ не видать при своей жизни, а дѣти счастливы будутъ, когда проведутъ желѣзную дорогу... А когда ее проведутъ? Ну, мы и повернулись...

— А не надо бы,—опять говоритъ молодой. У него жизнь впереди, и онъ непрочь подождать счастія на новыхъ мѣстахъ...

И опять они сидятъ, свѣсивъ головы, четыре русскихъ человѣка на распутьи между постылымъ настоящимъ и неопредѣленнымъ будущимъ... А пока что, они тоже работали у казаковъ.

Хозяева сказали мнѣ, между прочимъ, что въ Бородинскомъ поселкѣ, при австрійской моленной доживаетъ свой вѣкъ „баушка Дунарея“ (своеобразное измѣненіе имени Авдотья), старуха ста десяти лѣтъ отъ роду. Она уже ослѣпла, но сохранила память и порой бываетъ очень разговорчива.

Мнѣ захотѣлось посѣтить старуху. Разыскавъ моленную,

я вошелъ въ сѣни. Всѣ ставни были наглухо закрыты. На меня пахнуло запахомъ масла и ладона, и вначалѣ я не могъ ничего разсмотрѣть въ темнотѣ. Черезъ нѣкоторое время, однако, передъ привыкшимъ взглядомъ замелькали блестками въ глубинѣ просторной избы иконныя ризы, налой, паникадила...

Рядомъ со мной, на лежанкѣ въ сѣняхъ что-то зашевелилось, и старый голосъ, точно шелестъ листьевъ на деревѣ, спросилъ:

— Ты, Никитушка? Принесъ, что ли?

Я разглядѣлъ на лежанкѣ, подъ стѣнкой, рядомъ со мной какое-то существо, маленькое, сгорбленное, незамѣтное. Старуха пряла, и веретено въ ея рукахъ тихо жужжало и стукалось объ полъ.

— Нѣтъ, бабушка, это не Никита. Я—чужой человѣкъ,— отвѣтилъ я, наклоняясь къ ея уху.

— Чужой? — спросила она, какъ будто встрепенувшись.— Что же тебѣ, чужому, надо? А?.. Ну-ну, — продолжала она, успокоившись, когда я по возможности ясно сказалъ, что я пріѣзжій, слышалъ о ней, и хотѣлъ бы побесѣдовать о старыхъ годахъ.

Къ сожалѣнію, бесѣда не удалась. Я попалъ въ минуту, когда старая память потускла и работала, какъ испорченная шарманка. Какіе-то клочки воспоминаній, безсвязные и отрывочные, вспыхивали и тотчасъ же гасли, а рѣчь переходила въ малопонятный шопотъ...

Я узналъ только, что „баринъ“ (такъ она называла Давыда Бородина) купилъ ихъ „по-смерть“. Жить было трудно... Барщина была... Нынче вотъ народъ балованный: беременныя бабы, — ужъ онѣ и не работницы... А прежде беременныя бабы кирпичи таскали... Еще лучше, говоритъ: положи на брюхо десяточекъ, и неси... хо-хо... Да, положи, говоритъ, ничего!..

Она засмѣялась, покачала старой головой и прибавила со вздохомъ:

— Трудно было, дитятко... Управители строгіе, работа чижолая... Дастъ, знаешь, три пудовки... а чистили руками въ ступахъ... Вотъ, знашь, разъ этакъ-ту... Молоденька я была...

Она зашептала что-то. Все медленнѣе и тише, потомъ только кивала головой... Блѣдныя губы шевелились безъ звуковъ...

— А откуда, баушка, Бородинъ привелъ крестьянъ?—спросилъ я громко.

— А? Что? Ты все здѣсь? Откуда крестьяне? Да разные

народы были. Разъ вотъ ерзаловъ пригналъ... И баяли не по нашему, по ерзальски *).

Она опять смолкла. Въ темнотѣ моленной водворилась жуткая тишина. Веретено съ тихимъ жужжаніемъ вертѣлось въ привычной рукѣ и стукалось объ полъ. Бабушка Душарея опять забыла обо мнѣ: но ея память, какъ заведенная машина, продолжала выбрасывать клочки безсвязныхъ воспоминаній.

— Молоденька я была... молоденька, молодешенька...—слышалось мнѣ въ этомъ неразборчивомъ шопотѣ...

Я вышелъ, не прощаясь съ нею, изъ моленной и невольно зажмурилъ глаза на свѣтлой улицѣ, гдѣ уже ждалъ меня Макаръ Егоровичъ съ телѣжкой...

Въ верстѣ за Бородинскимъ поселкомъ дорогу пересѣкаетъ большой оврагъ — крутая ростошь и вскорѣ за нимъ начинается илецкая граница. Нѣсколько маровъ, лѣса, перелѣски. Среди нихъ—рѣчки Заживная и Кошъ пробираются къ Уралу. Третья рѣчка Голубая — падаетъ въ Уралъ на другой сторонѣ. Среди зарослей теряются гдѣ-то невидныя съ дороги древнія городища. Одно преданіе называетъ Кошъ-Яицкимъ городкомъ, другое — Голубымъ городищемъ. Тутъ будто бы сидѣла когда-то Марина Мнишекъ со своими казаками. Но это, кажется, невѣрно: убѣжище Маринки было въ низовьяхъ Урала.

Эта часть рѣки съ лѣсами и рѣчками, очень удобная для „перелаза“—служила какъ бы воротами для орды. Они посылали впередъ развѣдчиковъ узнать, нѣтъ ли засады, и спрашивали у нихъ: „Кошъ аманъ“,—то есть свободна ли дорога? На засады натыкались часто, и „много тутъ въ лугахъ истлѣло киргизскихъ костей“...

Мы миновали ростошь и ѣхали уже по илецкой землѣ, когда за нами послышался частый топотъ. Въ клубкѣ пыли насъ обскакалъ верховой казакъ... Онъ былъ въ одной рубахѣ, босой и скакалъ, сломя голову... Невдалекѣ отъ насъ изъ тороковъ у него свалился армякъ. Казакъ замѣтилъ это, повернулъ коня и, не слѣзая, поднялъ съ земли армякъ.

— Летучка, что ли?—спросилъ Макаръ Егоровичъ.

— Стафета, Иванъ Иванычу...

Летучка—особый видъ почты. Гонецъ мчится отъ поселка къ поселку, порой даже на неосѣдланной лошади. Еще не-

---

*) Ерзя—мордовское племя, живущее въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

давно къ пакету, препровождаемому такимъ образомъ, прикрѣплялось перо, какъ эмблема быстроты. Въ данномъ случаѣ какое-то начальственное распоряженіе догоняло Ивана Ивановича Иванаева, войскового агронома, проѣхавшаго на зарѣ черезъ Бородинскій поселокъ...

Опять частый топотъ копытъ изъ облака пыли... И летучка скрылась за небольшимъ увалами.

VIII.

Въ гостяхъ у поселковаго атамана. — Пренія о вѣрѣ.—Пограничныя недоразумѣнія.—Дипломатическая нота атамана и ея послѣдствія.

Когда мы подъѣзжали къ Кинделинскому поселку, летучій казакъ уже возвращался на взмыленной лошади обратно. Онъ остановился и сказалъ намъ, что поселковый атаманъ проситъ насъ завернуть къ нему и что у него же мы застанемъ Ивана Ивановича.

Скромная квартира поселковаго атамана, Андрея Яковлевича Камынкина, была полна народа. Въ поселкѣ только что закончилось собесѣдованіе о вѣрѣ, на которое пріѣзжалъ извѣстный поморскій начетчикъ Надеждинъ, съ четырьмя помощниками. Несмотря на рабочую пору, — собесѣдованіе привлекло много народа, и церковная сторона съ своей стороны мобилизировала свои силы въ лицѣ двухъ миссіонеровъ и шести священниковъ. Собесѣдованіе шло на площади, въ присутствіи поселковаго атамана. Пренія были горячія и продолжались четыре дня. Я очень жалѣлъ, что пріѣхалъ слишкомъ поздно и не засталъ уже этихъ преній. Теперь въ квартирѣ атамана подводились итоги. Казачьи начетчики, въ стеганыхъ ватныхъ халатахъ, были вооружены большими книгами, повѣшенными въ сумкахъ черезъ плечо, какъ своего рода мечи духовные...

Атаманъ принадлежалъ къ числу „церковныхъ“.

— Нѣтъ... Что ужъ тутъ, — говорилъ онъ, впрочемъ, совершенно благодушно. — Куда вамъ. Народъ само собой — ученый... Какъ это онъ тебѣ, Семенъ Павловъ, насчетъ благодати загнулъ... А?.. Здо-о-рово...

— Нѣтъ,—шумѣли поморцы.—Ты это, Андрей Яковлевичъ, неправильно... Сами они не могли отвѣтить: какимъ чиномъ принимали еретиковъ по соборному правилу...Ты вотъ послушай.

Семенъ Павловъ быстро досталъ изъ сумки большую книгу и развернулъ ее на колѣняхъ. Но атаманъ отмахнулся.

— Ну, васъ... Давайте лучше выпьемъ... Его же и монахи

пріемлютъ. Будьте здоровы... Ну вотъ, Иванъ Иванычъ, послушайте, чего у насъ тутъ дѣлается.

— Бѣда совсѣмъ, — наперебой заговорили казаки. — Не знаемъ, что ужъ это и будетъ...

— Стѣснили насъ иртецкіе вовсе.

— До той степени стѣснили: пашемъ, напрѣмѣрно, у самаго Иртека, а скотину поить ступай за десять верстъ въ Кинделю...

— Иртецкіе заступили намъ берега. Пикеты разставили, точно отъ киргизъ. Не пускаютъ къ водопоямъ, да и на-поди.

— Тутъ у насъ кажную осень, не то что бой или сказать драка: прямо убійство идетъ.

— Да, — вмѣшался атаманъ. — Прямо военное дѣйствіе, на подобіе какъ отцы наши съ ордой воевали. Повѣрите, — даже въ плѣнъ уводятъ... Вамъ, — повернулся онъ ко мнѣ, — невѣроятно это и слышать, а я вотъ вамъ разскажу примѣръ: недавно казакъ моего поселка, Игнатій Мякушинъ, печку клалъ. Вы его, Иванъ Иванычъ, знаете... На пашнѣ у него въ степи хуторокъ есть маленькій, такъ вздумалъ для надобности печурку скласть. Вотъ сидитъ себѣ мой Игнатій, умазываетъ трубу. Вдругъ, — откуль ни возьмись, наѣхали иртецкіе. Атаманъ, замѣтьте, съ ними... Стащили раба божія съ печки, давай таволгами жарить... Потомъ,—еще мало показалось: связали „свистомъ“... Это у насъ называется свистомъ, если связать кисти рукъ, а потомъ локти назадъ, да подъ локти шестъ продѣть. Мучительная самая вещь. И этого еще имъ мало: привязали къ задку телѣги, шестъ прикрутили покрѣпче, — айда по степѣ цѣлиной, только коней нахлестываютъ.

— По киргизской модѣ,—подхватили казаки.—Орда арканомъ, тутъ свистомъ. А сласть одна...

— Вѣрно! Ну,—Игнатъ думаетъ:—останусь ли живъ? Привезли къ атаману въ домъ, и тутъ, представьте, надѣваетъ ему атаманъ на голову дѣтскій колпакъ.

— Въ безчестье, значитъ, Илецкому войску.

— Конечно. Какъ иначе? Потомъ наливаетъ, варваръ, чаю, пускаетъ туда копченую воблу... Пей, сукинъ сынъ... Вотъ какое издѣвательство.

— Что же онъ, жаловался?..—спросилъ Иванъ Ивановичъ...

— Само собой... Заявляется ко мнѣ съ докладомъ. Такъ и такъ, вотъ надо мною какіе сдѣланы варварскіе поступки... Я сейчасъ, конечно, въ войсковое правленіе—отзывъ. Честь имѣю покорнѣйше донести, что по какой причинѣ атаманъ Благодарновской станицы можетъ хватать моихъ казаковъ...

— А ты, Андрей Яковлевичъ,—сказалъ одинъ изъ слуша-

телей,—ты объясни Ивану Иванычу подлинной рѣчью, какъ ты въ бумагѣ прописалъ...

— Да, да! Объясни, Андрей Яковлевичъ,—подступили казаки,—и на суровыхъ лицахъ начетчиковъ появились довольныя улыбки. Видно было, что они доступны и свѣтскому краснорѣчью.

Атаманъ, видимо польщенный, скромно потупился и сказалъ:

— Въ отзывѣ съ своей стороны я дѣйствительно выразилъ такъ. Всѣмъ, говорю, извѣстно, что этакъ со свирѣпостью поступали турецкіе башибузуки... Такъ вѣдь это въ турецкой державѣ и при томъ до воспослѣдованія войны 1878 года, послѣ чего и воспрещено даже башибузукамъ. А у насъ держава христіанская. Но, ни на что не взирая, по примѣру башибузуковъ поступаетъ поселковый атаманъ Благодарновской станицы... то, надо полагать подъ вліяніемъ обильнаго бахуса...

Упоминаніе о бахусѣ вызвало особый восторгъ слушателей. Суровыя лица освѣтились улыбками одобренія и даже гордости.

— Такъ и подали?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Такъ и подалъ,—отвѣтилъ атаманъ.—Развѣ неправда? Вѣдь это, Иванъ Ивановичъ, самая сущая правда...

— Ну, и что же?

— Да что!—Атаманъ махнулъ рукой и принялся опять наливать рюмки.—Вызвали меня въ Уральскъ, намылили голову и...

— И посадили на гаутвахту?—закончилъ Иванъ Ивановичъ...

— Куда же больше? — скромно отвѣтилъ краснорѣчивый атаманъ *).

IX.

По рѣчкѣ Кинделѣ.—Казакъ Поляковъ. — Желѣзная дорога и верблюды.—Спиритическія явленія въ степномъ хуторѣ.—В. А. Щаповъ.—Ночлегъ въ степи.

За Кинделинскимъ поселкомъ нашъ маршрутъ измѣнялся: съ большой дороги (или „линіи“ по мѣстному) мы свернули къ сѣверу, къ верховьямъ степныхъ рѣчекъ Киндели и Иртека. Ближайшей цѣлью этой поѣздки былъ хуторъ отставного казачьяго офицера В. А. Щапова, о которомъ я много слышалъ въ Уральскѣ.

Одному изъ казаковъ, участвовавшихъ въ преніяхъ, было по пути съ нами, и онъ усѣлся на передокъ нашей телѣжки, бережно уложивъ сумку съ старопечатными книгами.

Я невольно обратилъ вниманіе на лицо стараго казака,

*) Теперь, кажется, отношенія сосѣднихъ казацкихъ общинъ до извѣстной степени урегулированы.

необыкновенно красивое съ выразительными правильными чертами. Сѣдые курчавые волосы, вьющаяся бородка, умный взглядъ и тонкая складка губъ—говорили какъ будто о старой культурѣ, покрытой затѣмъ нѣсколькими поколѣніями казачества. Фамилія его была Поляковъ. Немудрено, что это былъ потомокъ какого-нибудь конфедерата, закинутаго въ далекую степь какой-нибудь политической бурей. Въ архивныхъ спискахъ, въ Уральскѣ, я встрѣтилъ какъ-то казака съ венеціанской фамиліей Маркобруно, превратившагося, конечно, въ Маркобрунова... Очень вѣроятно, что когда-то предки Дмитрія Ефимовича Полякова такъ же ревностно защищали чистоховскую Божью Матерь и громили схизму, какъ теперь ихъ потомокъ громитъ троеперстное сложеніе и защищаетъ древлее благочестіе... Да, думалъ я невольно,— какъ часто наши отношенія къ небу зависятъ отъ случайностей нашего земного существованія.

Наша телѣжка катилась между тѣмъ чудесными зелеными берегами красавицы Киндели. Дорога то подходила къ самой рѣчкѣ, то углублялась въ долинки межъ увалов... На одномъ изъ такихъ увалов стояла вѣха...

— Инженеры это прошли. Дорогу тутъ погонютъ...—сказалъ Поляковъ...

Я невольно оглянулся. Въ моемъ воображеніи неожиданно всталъ черный силуэтъ паровоза на гребнѣ невысокаго сырта. Казалось — даже отголоски свистка несутся надъ пустою степью...

— У моего хутора вплоть пройдетъ,—добавилъ Поляковъ.

— Что же вы — недовольны? — спросилъ я.

— Ничего,— спокойно отвѣтилъ казакъ.— Намъ она, пущай, не вредна... Вотъ только, баютъ, верблюдовъ давитъ много...

Верблюдамъ дѣйствительно грозила опасность. Особенность этого степного обитателя—необыкновенная склонность валяться въ пыли на дорогахъ. Казаки, обыкновенно, объѣзжаютъ ихъ, не дожидаясь, пока, кряхтя и сердясь, они сами подымутся сначала на заднія, потомъ на переднія ноги. Паровозъ, конечно, менѣе внимателенъ къ привычкамъ степного старожила. Да это и трудно. Поднятый свистками, онъ не сворачиваетъ въ сторону, а бѣжитъ прямо по шпаламъ, вытягивая длинныя ноги. Стоитъ паровозу остановиться,— верблюдъ спокойно ложится опять, и кондукторамъ приходится сгонять его палками... Много ихъ гибнетъ ежегодно жертвами своей неуступчивости прогрессу, и казаки часто выставляютъ это обстоятельство въ качествѣ возраженія про-

тивъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. „Жилой осетръ“ на рѣкѣ не пуститъ парохода, правы верблюда противодѣйствуютъ желѣзной дорогѣ...

Что паровозъ когда-нибудь измѣнитъ всю физіономію степи, раздавитъ, какъ верблюда, старинный укладъ жизни и, можетъ быть, еще разъ измѣнитъ отношенія казачьихъ потомковъ къ самому небу, это, повидимому, Дмитрію Ефимовичу Полякову не приходило въ эту минуту въ голову...

Вѣшка исчезла. Опять степь, съ волнующимися травами... На горизонтѣ, какъ застывшія волны, лежали курганы— „мары“...

— Въ старое время на этихъ вотъ марахъ зажигали сторожевые огни...—задумчиво сказалъ Поляковъ.—Значитъ тревога... Я еще помню... Мальчишка былъ... Въ 1845 году орда промежъ себя бунтовала, потомъ и на нашу сторону перекинулась, побила казаковъ... Такъ по этимъ марамъ отъ Урала пошли огни... Такъ всю степь огненными столбами перерѣзало... Въ старину, говорятъ, мѣсяца не проходило... Ночью огонь, днемъ дымъ надъ степью... Тогда ужъ казаки кидаютъ работу, да на коней... Значитъ, гдѣ-нибудь орда перелѣзла... А вотъ и моя хатка... Милости просимъ ко мнѣ...

Привѣтливый хуторокъ безпечно лежалъ среди степи между бурнымъ прошлымъ и невѣдомымъ будущимъ. Дмитрій Ефимовичъ сошелъ съ телѣжки, бережно захвативъ свое духовное оружіе. Мы отказались отъ его радушнаго приглашенія и двинулись дальше. До ночлега намъ было еще далеко.

Закатъ засталъ насъ въ степи на незнакомыхъ дорогахъ... Закатъ чудесный, полный задумчиваго обаянія... Уже нѣсколько вечеровъ солнце садится въ дымную мглу, и круглыя облака выглядываютъ изъ-за горизонта, какъ передовые отряды какой-то рати, готовой къ походу. Знойное утреннее солнце разгоняетъ ихъ, и днемъ небо опять виситъ надъ степью ясное, чистое, раскаленное, и степь млѣетъ подъ нимъ со своими сыртами, ростошами и увалами... Но на этотъ разъ, казалось, облачная рать собирается не на шутку. Солнце садилось въ густыя кровавыя тучи, то тяжело утопая въ нихъ, то прорѣзаясь огненнымъ сегментомъ сквозь свинцовые туманы. Чуялась какая-то молчаливая борьба... Степь теряла краски и блѣднѣла, а тучи подымались все выше. Въ небѣ, среди багрово-огненныхъ сполоховъ, причудливыя очертанія мѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ. Казалось,— это блѣдная степь сонно грезитъ туманными призраками... Облака

гѣснились, выползали другъ изъ-за друга, молчаливо и упорно... Вотъ какая-то встревоженная толпа, море покорно склоненныхъ головъ, по которымъ скользятъ отблески пожара. Снизу, колеблясь и волнуясь, взвивается почти къ зениту высокое темное облако... Точно сказочный богатырь, выдуманный засыпающей степью, подымается изъ тумановъ на-встрѣчу бурѣ и ночи... Но скоро его очертанія вздрагиваютъ, колеблются, сплываютъ, и опять новыя смятенныя толпы, и новые гиганты... А на другой сторонѣ подымается луна, огромная, блѣдная, какъ призракъ...

Еще немного, — солнце окончательно исчезаетъ. Тучи тяжелѣютъ, мгновенный вѣтеръ проносится надъ степью, какъ бы торопясь за послѣдними лучами, а блѣдная луна смотритъ неподвижно и зловѣще надъ безформеннымъ мглистымъ тумановъ... Надъ степью ложится вечеръ тревожный, полный молчаливыхъ предчувствій грозы...

Вотъ и щаповская мельница. Прежде всего на гребнѣ холма вырисовались влѣво отъ дороги восемь крестовъ... Это было семейное кладбище Щаповыхъ... Зданія терялись въ темной массѣ деревьевъ, и изъ нея несся глухой шумъ мельничныхъ колесъ... На плотинѣ толпились какіе-то люди... Блеснулъ широкій прудъ, и небольшой островокъ съ красивой группой деревьевъ стоялъ на серединѣ, опрокинутый отраженіемъ въ темной глубинѣ.

Въ этомъ уголкѣ первобытная степь, съ ея неподвижными общинными порядками, сдѣлала попытку перехода къ высшей культурѣ. На казачьихъ земляхъ давно уже являются порой отдѣльныя отрасли хозяйства, требующія продолжительнаго владѣнія. Подъ Уральскомъ и въ Илецкихъ станицахъ разведены, напримѣръ, сады. Многоводные пруды и озера на Кинделѣ находились во владѣніи Щаповыхъ. В. А. Щаповъ вмѣстѣ съ другимъ интеллигентнымъ казакомъ — затѣяли здѣсь цѣлую систему нововведеній. Кромѣ мельницы и обширнаго полевого хозяйства, они рѣшили эксплуатировать прекрасныя воды запруженной Кинделя для развитія рыбы... Надъ прудами вспыхнуло даже электричество...

Попытка, поставленная непрактично, не удалась. На наши вопросы о хозяинѣ, — мельникъ отвѣтилъ намъ, что мельница уже продана другому владѣльцу. Въ прошломъ году случился пожаръ. Дѣло было ночью, и вмѣстѣ съ одной мельницей сгорѣло нѣсколько рабочихъ. Зданіе не было застраховано. Владѣльцамъ пришлось продать свои права на этотъ чудесный уголокъ... Электрическій свѣтъ надъ прудами погасъ.

— А гдѣ же живетъ Василій Андреевичъ? — спросилъ мой спутникъ.

— Колійка тутъ у него покамѣстъ, въ амбарушкѣ у насъ... Самъ все больше въ степи. Купилъ жнейку съ молотилкой, — казачьи хлѣба жнетъ да молотитъ.

— Ну, а дѣла у него какъ?.. Ничего?..

— Дѣла-то?.. Оно бы ничего... Урожай нынѣ изъ годовъ... Да вы его знаете?.. Ну, знаете, такъ вамъ и говорить нечего... Въ долгъ много работаетъ... Конечно, благодарятъ казаки... — прибавилъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось явное пренебреженіе къ такой дешевой вещи, какъ людская благодарность... — Теперь, ежели вы къ нему, — надо вамъ вернуться въ Герасимовку, — тамъ поспрошаете. Въ степи гдѣ-нибудь ночуетъ...

Мы двинулись обратно... Сзади насъ провожалъ глухой шумъ мельницы, и кресты семейнаго кладбища точно глядѣли намъ вслѣдъ печальнымъ, загадочнымъ взглядомъ...

Можетъ быть, причиной былъ тревожный закатъ и напряженная нервность природы, только это мѣсто на Кинделѣ въ этотъ сумеречный часъ произвело на меня впечатлѣніе необыкновенной грусти, которая еще усиливалась отъ воспоминаній объ электрическомъ свѣтѣ и большихъ надеждахъ...

Когда-то (въ семидесятыхъ годахъ) этотъ уголокъ на Кинделѣ пріобрѣлъ широкую извѣстность, какъ арена такъ называемыхъ „загадочныхъ явленій“. На хуторѣ В. А. Щапова раздавались необъяснимые стуки, летали различные предметы, появлялись таинственные огни, — однимъ словомъ — происходило все то, что и теперь время отъ времени повторяется въ нѣкоторыхъ „одержимыхъ“ уголкахъ нашей матушки Россіи. Но тогда у насъ это было еще вновѣ. Первыя извѣстія о дѣйствіяхъ этой модной чертовщины въ казачьихъ степяхъ появились въ войсковыхъ областныхъ вѣдомостяхъ. Перепечатанныя затѣмъ столичными газетами, они вызвали интересъ къ далекой степной мельницѣ, и на хуторъ была командирована мѣстнымъ начальствомъ особая коммиссія. Сначала члены коммиссіи принялись за дѣло очень серьезно, намѣреваясь производить изслѣдованія „почвеннаго электричества“ и т. д. Мѣстное высшее начальство, находившее, что хозяйничанье „невѣдомой силы“ во ввѣренной ему казачьей области составляетъ уже нарушеніе порядка, — требовало скораго выясненія дѣла и обузданія загадочной силы. Коммиссія нашла, „что ни одно изъ этихъ явленій не стоитъ выше того прозаическаго объясненія, что все сіе есть дѣло рукъ человѣческихъ. Въ распоряженіи коммиссіи есть много тому доказательствъ“. Наконецъ—сообщеніе въ войсковыхъ вѣдомостяхъ заканчивалось увѣреніемъ, „что дальнѣйшее повтореніе загадочныхъ явле-

ній едва ли возможно и потому еще, что въ предупрежденіе ихъ администраціей приняты дальнѣйшія мѣры"...

Проѣхавъ по улицамъ засыпающей Герасимовки, мы остановились у казачьяго двора, гдѣ, какъ намъ сказали, иногда ночуетъ Щаповъ. На этотъ разъ его не было, но, узнавъ, что мы ищемъ Василія Андреевича, казаки съ какимъ-то особеннымъ радушіемъ взялись указать намъ дорогу. Молодой парень вскочилъ на неосѣдланную лошадь и поѣхалъ впереди. Въ какой-то лощинѣ онъ разыскалъ пастуха-киргиза, перепрягъ нашу усталую лошадь и повелъ насъ безъ дороги жнивьями...

Черезъ полчаса, поднявшись на возвышенный сыртъ, мы увидѣли въ голой степи тихо переливающійся блѣдный огонекъ, освѣщавшій огромные ометы соломы, и черезъ нѣсколько минутъ насъ радостно привѣтствовалъ хозяинъ.

Это былъ небольшой человѣкъ, съ сильной просѣдью, но необыкновенно подвижный и бодрый. Онъ недавно кончилъ работу и завтра на зарѣ хотѣлъ сняться съ мѣста, чтобы перекочевать на другой участокъ вглубь степи...

Скоро вспыхнулъ новый костеръ изъ сухого степного бурьяна, освѣщая своеобразный рабочій лагерь, — небольшой шалашъ изъ соломы и фигуру киргиза Нурейки, возившагося около телѣгъ и лошадей. Хозяинъ засыпалъ насъ вопросами о новостяхъ изъ столицъ, о политикѣ, о китайской войнѣ, о литературѣ. Ко всему этому онъ относился съ живымъ интересомъ интеллигентнаго человѣка, заброшеннаго въ далекую степь, получающаго письма и газеты изъ Илека „при счастливой оказіи".

Полночь застала насъ еще за разговорами на мягкой соломѣ, на краю омета. Тучи еще разъ разошлись, не осуществивъ своихъ угрозъ, луна спокойно взбиралась на высоту, освѣщая оживающія степныя дали. Легкій вѣтеръ шепталъ что-то соломѣ и порой гналъ по степи сухіе круглые шары перекати-поля. Невдалекѣ лошади жевали овесъ, и Нурейка безпечно храпѣлъ на обмолоченной соломѣ...

— Ну, что?—спрашивалъ меня Василій Андреевичъ,—что вы скажете о нашей сторонѣ? Каковъ нашъ Яикъ Горынычъ?

И, не дождавшись отвѣта, онъ живо вскочилъ на ноги.

— Ахъ, батюшка! Что это за сторона! Что за народъ наши казаки! Есть у Іоасафа Игнатьевича Желѣзнова такое сравненіе. Когда вѣютъ хлѣбъ, то шелуху тамъ, мелкое зерно и прочую дрянь вѣтеръ уноситъ къ чорту. На мѣстѣ остается только отборное зерно, „головка",—тяжелое, вѣское, крѣпкое... Мы, казаки,—„головка" русскаго народа... Какіе только вѣтры

ни налетали на насъ въ этой степи... Окраина, рубежъ... Еще недавно тутъ лилась кровь, на пашню выѣзжали вооруженные... Ну, и происходилъ, понимаете, этотъ дарвиновскій естественный подборъ... Все слабое гибло... Оставались одни богатыри... Москва насъ знала... Мы колебали въ Питерѣ престолъ царицы Екатерины...

— Все это такъ, — отвѣтилъ я на эту горячую рѣчь... — Да подборъ-то этотъ происходилъ при условіяхъ, которыя уже исчезли... Что-то скажутъ новыя времена...

— Выдержимъ, — сказалъ онъ съ убѣжденіемъ... — Нашъ народъ,—что ковыль въ степи. Иной разъ, въ засушливое лѣто, вся трава посохнетъ, а онъ зеленый... Отчего? Корень глубоко пускаетъ. Разъ, знаете, встрѣтилась намъ въ степи провалина, въ родѣ пещеры. Спустились мы туда. Надъ головой пластъ земли толще сажени. Вдругъ—одинъ казакъ говоритъ: смотрите, товарищи, а вѣдь это ковыловый корень наскрозь прошелъ... Вотъ и мы,—какъ нашъ родной ковыль. Не выведемся ни отъ какой засухи...

Въ этой страстной рѣчи звучала глубокая любовь къ родному краю. Такъ нельзя любить ту или другую „губернію“, административно-территоріальную единицу, лишь условной чертой отдѣленную отъ другой такой же губерніи. Казачій край имѣетъ свою собственную яркую исторію, свои особые нравы, свои типы, свои пѣсни, свой укладъ жизни. „Гдѣ кровь лилась,—поется въ одной уральской пѣснѣ,—тамъ вязель сплелась. Гдѣ слезы пали, тамъ озера стали“. Казакъ еще вживѣ помнитъ, гдѣ казачья кровь поила сухую землю, и гдѣ падали на нее слезы казачьихъ матерей, сестеръ и женъ. И онъ страстно любитъ свою степь съ этими красными пятнами вязели, съ тихими извилистыми рѣчками, ериками, озерами, всю наполненную еще не переболѣвшими воспоминаніями о кровавой борьбѣ на два фронта: киргизъ и Азія съ одной стороны, съ другой—нивеллирующій Петербургъ съ ненавистнымъ фрунтовымъ строемъ... И то обстоятельство, что это прошлое понемногу исчезаетъ, какъ отголоски пѣсни въ сумеречной степной дали,—дѣлаетъ казаковъ романтиками. Въ массѣ—это романтизмъ безсознательный, непосредственный. У интеллигенціи—романтизмъ сознательный... И тотъ, и другой до извѣстной степени „крамольный“...

Чрезъ часъ кругомъ меня все спало. Казаковъ родная степь убаюкала скоро и крѣпко, только мнѣ, чужаку, все еще не спалось. Я смотрѣлъ на звѣзды, на волнистыя очертанія нивъ, слушалъ тысячеголосый шопотъ и шелестъ сухого жнивья на степной возвышенности, вдыхалъ пряный ароматъ

хлѣбовъ и повременамъ взглядывалъ на освѣщенное луною безпечное лицо Андрея Васильевича. Кто знаетъ,—думалось невольно, не это ли истинный философъ, разрѣшившій мучительный вопросъ о счастіи: діогеновское презрѣніе къ земнымъ благамъ, простая и неоспоримо полезная людямъ работа, душевное равновѣсіе среди родной степи, въ которой знаешь и любишь каждую былинку, и доброжелательство окружающихъ людей... Что нужно еще?..

Такъ думалось мнѣ... Впрочемъ, только въ эту тихую ночь, послѣ тревожнаго вечера... Ея дыханіе неслось среди безбрежнаго простора, обвѣяннаго ароматомъ травъ и хлѣбовъ и ласковымъ вѣяніемъ ночного вѣтра...

X.

Илецкою степью.—Реформа въ Илецкой общинѣ.—Покосъ „ударомъ“.—Казаки татаре.

На слѣдующее утро я проснулся часовъ въ пять... Солнце грѣло прямо въ лицо... Нашъ таборъ уже почти снялся съ мѣста: имущество кочевыхъ жнецовъ было уложено на возы, и Нурей съ другимъ рабочимъ кончали укладку. Андрей Васильевичъ ждалъ съ чаемъ.

Я оглянулся кругомъ, и первое, что меня поразило въ это утро—были сплошные хлѣба, частью уже сжатые, частью еще колыхавшіеся отъ одного горизонта до другого...

— Василій Андреевичъ, — сказалъ я невольно. — Гдѣ же ваши ковылы? Вѣдь тутъ сплошь распахано...

Василій Андреевичъ слегка нахмурился.

— Да, исчезаютъ ковылы, — сказалъ онъ со вздохомъ... — Исчезаютъ... Нѣтъ! — заговорилъ онъ горячо:—когда я былъ станичнымъ атаманомъ,— я оберегалъ ковыловую степь... Разъ, помню, приходятъ ко мнѣ старики съ жалобой: „Погляди-ка, Василій Андреевичъ,—плугатари ковылову степь дерутъ“.— Я сейчасъ полевыхъ казаковъ на-конь. Айда въ степь. Прискакали...—вѣрно! Пластаютъ подлецы, валятъ ковыль... Велѣлъ командѣ спѣшиться... Руби у подлецовъ гужи! Пусть жалуются богатеи... Пострадаемъ за старую вѣру... Ну, удалось задержать на время... Теперь точно прорвалось: хлынули эти новости: степь распахана почти сплошь, общіе луга дѣлятъ... А все Ивана Ивановича затѣи. Отличный человѣкъ, пріятель... А за это я не хвалю...

Онъ грустно махнулъ рукой...

Иванъ Ивановичъ Иванаевъ, о которомъ я говорилъ выше, — тоже одинъ изъ „студентовъ“. Онъ окончилъ Петровскую

академію и по какимъ-то студенческимъ дѣламъ былъ высланъ на родину, „подъ надзоръ“ въ родное Илецкое войско. Сначала казаки косились на „политика“, но вскорѣ онъ вошелъ во всѣ дѣла родной общины, завелъ нѣкоторыя усовершенствованія въ обработкѣ земли, а затѣмъ въ 1888 году убѣдилъ все Илецкое войско перейти отъ захватнаго пользованія землями къ передѣламъ луговъ и упорядоченію пользованія пашнями... Прежняя система вела стихійно къ торжеству богатеевъ и обѣдненію казачьей массы. Степи все, равно распахивались, но дѣлалось это преимущественно зажиточными казаками. Они драли вольную степь усовершенствованными плугами, а бѣднота оставалась позади...

Луга и ковыль Илецкое войско косило „ударомъ“, какъ это дѣлается и теперь въ Уральской степи. Въ извѣстный день, изъ Уральска по низовымъ и верховымъ станицамъ скачутъ гонцы съ „прочетными указами“. Наказной атаманъ назначаетъ день общаго покоса. Всѣ выѣзжаютъ въ луга еще наканунѣ и располагаются станами. Каждый высматриваетъ себѣ участокъ... Понятно, что на лучшіе участки является много претендентовъ... При этомъ каждый казакъ имѣетъ право выставить еще двухъ рабочихъ...

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть этотъ знаменитый общій покосъ, и я видѣлъ его подъ Уральскомъ. Къ сожалѣнью въ тотъ годъ ковылы поспѣли одновременно съ травой на поймахъ мелкихъ рѣчекъ. Казаки говорятъ въ такихъ случаяхъ, что „обводличный“ покосъ совпалъ съ луговымъ. Войско въ большинствѣ отправилось на Бухарскую сторону (за Уралъ), и такъ называемый „обводличный покосъ“ потерялъ на мѣстахъ обычную напряженность. Косцовъ вышло сравнительно немного... И однако то, что я увидѣлъ, далеко не вызывало представленія о братствѣ и общинныхъ чувствахъ. Наоборотъ: это была „конкурренція“ въ самыхъ осязательныхъ и неприкрытыхъ ея формахъ.

Еще задолго до разсвѣта, въ туманное и росистое утро, я пошелъ по лугу надъ Чаганомъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ мелькали огоньки „становъ“. Подойдя къ рѣчной ложбинкѣ, я услыхалъ осторожный визгъ косы: около стана въ темнотѣ, стараясь не шумѣть и не лязгать, нѣсколько темныхъ фигуръ уже принялись „украдучись“ за покосъ, не дожидаясь сигнала. Подвигаясь далѣе, я увидѣлъ то же и въ другихъ мѣстахъ, а взошедшее солнце застало уже цѣлые ряды накошенной до срока, т. е. въ сущности украденной у общины травы. Никто не дождался сигнала, и кража была, такъ сказать, тоже общая, т. е. взаимная...

Въ другіе годы картина бываетъ еще напряженнѣе. Не смотря на болѣе ими менѣе частые караулы,—рѣдкій покосъ начинается въ свое время. Первый же подозрительный звукъ сразу подымаетъ всѣ станы. Каждый кидается къ лучшей травѣ, стараясь перекосить другому дорогу. Иной разъ два соперника долго, до изнеможенія, идутъ рядомъ, пока одинъ не выйдетъ впередъ настолько, чтобы перерѣзать дорогу другому.—„Братцы! Обкосилъ!"— то и дѣло слышится надъ лугами отчаянный крикъ... Семейные и работники со всѣхъ ногъ кидаются на помощь, и кто-нибудь смѣняетъ отставшаго, стараясь въ свою очередь перегнать и перерѣзать дорогу врагу. Случаются кровавыя столкновенія. Говорятъ, соперники подкашиваютъ другъ другу ноги. Задача состоитъ въ томъ, чтобы „закосить" какъ можно большій кругъ въ опредѣленное время. Когда такимъ образомъ лучшіе покосы „закошены", то внутри захваченныхъ круговъ косятъ уже спокойнѣе. А еще черезъ нѣкоторое время на свободные луга богачи пускаютъ наемныхъ рабочихъ и даже косилки...

Все это, разумѣется, гораздо выгоднѣе богачамъ, чѣмъ бѣднотѣ. Такъ пользуются и пашнями. Илецкая община со своимъ старымъ земледѣліемъ раньше сознала неудобства этого порядка и его несправедливость. Шли раздоры и ропотъ, пока „студентъ" не убѣдилъ перейти отъ захватнаго пользованія къ передѣламъ, т. е. въ сущности ввелъ въ степь русскіе общинные порядки. Такимъ образомъ, въ то время, когда остальныя 27 уральскихъ общинъ „подкашиваютъ другъ другу ноги" и держатся фикціи „вольныхъ земель", — двѣ Илецкія общины передѣлили луга... Покосы „ударомъ" здѣсь исчезли, но теперь казакъ, идущій на службу, знаетъ, что его семья продолжаетъ фактически пользоваться землей, хотя бы сдавая ее въ аренду...

И вмѣстѣ съ тѣмъ дикій ковылъ уступаетъ мѣсто хлѣбамъ...

Утромъ, напившись чаю въ келійкѣ Василья Андреевича на мельницѣ, мы попрощались съ радушнымъ хозяиномъ. Передъ разставаніемъ онъ отвелъ меня въ сторону и, ласково поглядѣвъ мнѣ въ глаза своими живыми глазами, сказалъ:

— Послушайте... Вы мнѣ очень понравились. Кто знаетъ, увидимся ли еще... И мнѣ не хочется разстаться съ вами, не сказавъ одной очень важной вещи...

Онъ взялъ меня за руки и, сильно пристально глядя въ глаза, сказалъ:

— Познакомьтесь съ спиритизмомъ... Мы ходимъ около

величайшей тайны, имѣемъ возможность заглянуть въ нее... Можемъ завязать сношенія съ загробнымъ міромъ и—не хотимъ обратить на это вниманія... Вы слышали уже въ Уральскѣ о спиритическихъ явленіяхъ на этомъ вотъ хуторѣ?..

— Слышалъ, Василій Андреевичъ,—отвѣтилъ я.

— Объ этомъ, конечно, вамъ говорили съ насмѣшкой... Но... постойте, не торопитесь съ заключеніями. Я вамъ пришлю свою статью въ „Ребусѣ“ и дайте мнѣ слово, что вы познакомитесь съ нею...

Я охотно далъ слово... Въ Уральскѣ мнѣ разсказывали—и разсказывали дѣйствительно съ усмѣшкой,—что всѣ таинственныя явленія происходили только въ присутствіи молодой хозяйки и ея прислуги... Оффиціальная коммиссія пришла къ заключенію, что все это—дѣло рукъ человѣческихъ... Заключеніе коммиссіи было напечатано въ уральскихъ областныхъ вѣдомостяхъ, послѣ чего успокоились и духи, и областное начальство...

— Такъ прочтете? — многозначительно спросилъ Василій Андреевичъ, когда мы усѣлись въ телѣжку.

Я обѣщалъ. Черезъ нѣкоторое время, вернувшись къ себѣ, я получилъ эту книжку В. А. Щапова, изданную журналомъ „Ребусъ“, и прочелъ ее съ большимъ интересомъ. Это было настоящее свидѣтельство „очевидца“, написанное съ большой искренностью и прямо подкупающей правдивостью. Въ качествѣ самаго поразительнаго доказательства, авторъ привелъ между прочимъ слѣдующій эпизодъ. Однажды онъ и самъ заподозрилъ, „не жена ли сама, притворяясь спящею, барабанитъ по полу въ ея спальнѣ“... Поэтому онъ незамѣтно подкрадывался къ дверямъ; но каждый разъ, лишь только онъ заглядывалъ въ спальню, звуки пріостанавливались... Но вотъ, онъ какъ-то вдругъ ворвался въ спальню, лишь только начались стуки и... „оледенѣлъ отъ ужаса: маленькая, почти дѣтская розовая ручка, быстро отскочивъ отъ пола, юркнула подъ покрывало спящей жены и зарылась въ складкахъ около ея плеча, такъ что ясно было видно, какъ неестественно быстро шевелились самыя складки покрывала, начиная отъ нижняго его конца и до плеча жены (sic), куда ручка и спряталась“...

Мнѣ вспомнился сумрачный вечеръ надъ Кинделинскими прудами, глухой шумъ воды, кругомъ голая степь съ могильниками, тоска степного одиночества, закинутая сюда молодая жизнь, мечтающая даже объ Илекѣ, какъ о столицѣ... И я подумалъ невольно, что трудно осуждать бѣдныхъ духовъ за ихъ продѣлки...

Изъ Кинделинскаго хутора мы направились наперерѣзъ распаханными степями по направленію къ Уралу и Илеку. Черезъ нѣсколько часовъ мы въѣхали въ широкія улицы Мухрановскаго поселка. Видъ у этого поселка былъ обычный, какъ у всѣхъ казачьихъ поселковъ, но бѣлая мечеть на площади показывала, что онъ населенъ татарами. На улицахъ всюду попадались татарскія фигуры,—народъ здоровый, рослый, съ очевидной казачьей выправкой.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось ближе встрѣтиться съ этими казаками-мусульманами, но въ отзывахъ сосѣдей слышно было какое-то особенное дружелюбіе: народъ честный, трезвый и надежный. Къ киргизамъ казачье населеніе по старой памяти относится съ невольной подозрительностью. Слышно много разсказовъ о заѣзжихъ муллахъ и ходжахъ, къ рѣчамъ которыхъ будто бы охотно прислушиваются киргизы. О татарахъ отзывы были единодушны:

— Такіе же казаки, какъ и мы. Вѣру свою держатъ крѣпко, а въ случаѣ военнаго дѣйствія, хоть тутъ самъ султанъ приходи, всѣ на конь сядутъ, всѣ въ бой пойдутъ.

— Товарищи намъ настоящіе. Вмѣстѣ кровь проливали...

— И то сказать... Вѣру ихнюю мы никогда не тревожили, права у нихъ изстари казачьи... Тѣ же, однимъ словомъ, казаки... За ту же землю стоятъ...

За Мухрановскимъ поселкомъ дорога отлогими скатами все болѣе сползала съ сырта, впереди все ближе зеленѣли лѣса Урала... Далеко, влѣво, въ восточной сторонѣ на синѣвшихъ увалахъ мелькали бѣленькія зданія какой-то отдаленной станицы...

— Это уже Разсыпная,—сказалъ мнѣ Макаръ Егоровичъ, указывая на эти бѣлыя пятнышки. — Конецъ Уральской области,—начало Оренбургскаго войска...

Дорога побѣжала лугами, между обильной лѣсною зарослью, и еще до заката солнца колеса нашей телѣжки застучали по настилкѣ широкаго моста черезъ Уралъ. Огромные бугры наноснаго песку закрывали старую Илецкую станицу, выглядывавшую изъ-за нихъ только темными верхушками крышъ.

Теперь мы были уже на лѣвой, степной или бухарской сторонѣ Урала...

XI.

Начало Илека.—Борьба двухъ казачьихъ общинъ.—Общинный „эгоизмъ“ и эпизодъ изъ жизни І. И. Желѣзнова.

Основа казачьяго земельнаго права—сторожевая служба государству. Яицкое войско, первое несшее службу на Уралѣ,

естественно, считало себя владѣльцемъ рѣки „отъ истоковъ до устья“, на что по казачьимъ преданіямъ получало царскія грамоты...

Оказалось однако, что закрыть „линію“ даже послѣ основанія Оренбургскаго войска Илецкое войско не въ силахъ. Киргизы прорывались за Уралъ, набѣгали даже на Волгу и въ заволжскія страны, угоняя скотъ и плѣнныхъ, которыхъ продавали хивинцамъ и бухарцамъ. Въ виду этого въ 1736 году правительство стало вызывать новыхъ охотниковъ-поселенцевъ „для обезпеченія свободнаго движенія къ Оренбургу каравановъ и обозовъ и для содержанія башкирской и киргизской сторонъ въ надлежащемъ подданствѣ“.

На этотъ вызовъ первые откликнулись два казака „черкасской породы Изюмскій и Черкасовъ съ товарищи“. Повидимому это были украинцы, вышедшіе на Илекъ съ какой-нибудь партіей своихъ земляковъ, быть можетъ, въ значительномъ количествѣ. До сихъ поръ еще въ говорѣ илецкихъ казаковъ сохранились нѣкоторыя смягченія на украинскій ладъ: такъ, илечане говорятъ до сихъ поръ: писокъ, бида, видро, тогда какъ остальные уральцы произносятъ ихъ: бяда, пясокъ и т. д. Сохранились также, хотя и измѣненныя, но явно малороссійскія фамиліи.

Изюмскій и Черкасовъ построили городокъ противъ впаденія Илека въ Яикъ въ мѣстности, называемой и нынѣ „кустами“. Остатки этого стараго городища среди зарослей, въ лугахъ видны и до настоящаго времени... Мѣсто оказалось выбраннымъ неудачно. Во-первыхъ, оно затоплялось разливами рѣки, а во-вторыхъ, кусты и заросли давали „легкую способность киргизцамъ и прочимъ азіятскимъ народамъ“ къ переходу за линію и нападеніямъ на городокъ. Очень вѣроятно, что старое городище было когда-то свидѣтелемъ безвѣстной степной трагедіи. По крайней мѣрѣ, уже черезъ годъ въ офиціальныхъ документахъ самыя имена перваго атамана Изюмскаго и есаула Черкасова исчезаютъ, а въ качествѣ новаго атамана мы встрѣчаемъ тоже загадочнаго выходца съ венеціанской фамиліей Маркобрунова. Можно думать, что онъ изъ своей Венеціи перебрался сначала въ Черногорію и Сербію и уже потомъ проникъ къ запорожцамъ, которые поддерживали сношенія съ славянскими странами. Вмѣстѣ съ этимъ самая станица переносится изъ предательскихъ кустовъ на лѣвую, бухарскую сторону Урала. Очевидно, илецкіе поселенцы (послѣ вѣроятной катастрофы) предпочли стать лицомъ къ лицу съ враждебною степью... Прижавшись тыловой стороной къ обрывистому берегу Яика, они оградились

съ юга „перекопомъ“ между Яикомъ и Ураломъ, выдвинули впередъ дозорныя вышки, маяки и пикеты, и люди черкасской породы стали кидать въ Яикъ свои сѣти и нести сторожевую службу, какъ прежде въ степяхъ тоже порубежной Украйны... Тамъ они воевали съ крымской ордой, здѣсь съ ордой киргизской...

Такъ возникла на среднемъ теченіи Урала рядомъ со старымъ войскомъ новая казачья община, а съ нею вмѣстѣ и новое общинное право. На обязанности илечанъ лежала охрана линіи отъ земель Разсыпной крѣпости до устьевъ р. Иртека (на разстояніи 70 верстъ). Здѣсь илецкіе казаки чинили разъѣзды, содержали пикеты, провожали караваны и казенныя пересылки и поэтому, естественно, считали своею всю охраняемую полосу, съ рѣкой, степью, озерами и лѣсами, въ чемъ ихъ обнадеживали и указы. Но и старое войско не хотѣло отказаться отъ своихъ притязаній на эти угодья. Оно не приняло илечанъ въ свою общину, не дало имъ участія въ своихъ ловляхъ, и никогда илецкая бударa не смѣла появиться въ завѣтныхъ водахъ ниже учуга. Но сами яицкіе казаки продолжали въѣзжать въ илецкія земли, рубить лѣса и тянуть рыбу. Вдобавокъ въ 1746 году илецкія станицы подчинены вѣдѣнію и командѣ яицкой войсковой канцеляріи, которая, разумѣется, тянула руку стараго войска, а Илекъ сталъ настоящимъ пасынкомъ Урала.

Въ войсковомъ архивѣ мнѣ попалась очень выразительная слезница илецкихъ казаковъ, жаловавшихся на эти притѣсненія. „Указами войсковой канцеляріи и войску,—писали они,—велѣно всѣхъ казаковъ вравнѣ удовольствовать какъ рыбными ловлями, такъ и прочими припасами, а они (яицкіе казаки) не только припасами не довольствуютъ, но и къ рыбнымъ ловлямъ въ равенство свое не допущаютъ. Такожъ пороху и свинцу илецкой станицѣ ниоткуда не опредѣляютъ, отчего имъ, илецкимъ казакамъ, и при воинскомъ случаѣ быть невозможно“.

Слезница рисуетъ цѣлую систему злоупотребленій и притѣсненій яицкихъ атамановъ. За взятки они освобождали болѣе зажиточныхъ казаковъ отъ тягла, отпуская изъ крѣпости, сами завели себѣ „ординарныхъ“, которыхъ тоже отпускали за взятки, отчего тягло ложилось на одну бѣдноту. „Когда же кто станетъ объ этихъ обидахъ говорить, то, не давая суда, бьютъ мучительно, черезъ которые ихъ страхи уже и домовъ своихъ въ печалехъ стали быть лишены“ *).

*) Войсковой архивъ, по оп. I, в. 22, указы и предложенія, стр. 135—158.

Вообще старшая община всячески тѣснила младшую. Такъ въ 1717 году атаманъ Тамбовцевъ прислалъ ордеръ, коимъ „приказалъ илецкимъ казакамъ отнюдь безъ яицкихъ казаковъ ловли (въ своихъ же водахъ) не производить“. Это посягательство Яика, конечно, вызывало неудовольствіе. Было это уже незадолго до пугачовщины. На Яикъ былъ присланъ генералъ Чебышевъ, человѣкъ довольно справедливый. Онъ пытался остановить злоупотребленія старшинской стороны, въ томъ числѣ и по отношенію къ илецкимъ казакамъ. Но его смѣнилъ Траубенбергъ, а потомъ пошли безпорядки и возстанія. Илекъ встрѣтилъ „Петра Ѳедоровича“ съ почетомъ...

Послѣ усмиренія пугачовщины яицкіе казаки продолжали въѣзжать въ илецкія земли, рубить лѣса, тянуть рыбу въ „черныхъ“ илецкихъ водахъ, а въ 1776 году войсковая канцелярія шлетъ новый ордеръ, которымъ вовсе запрещаетъ илецкимъ казакамъ рыбную ловлю ниже илецкой станицы...

Такъ какъ илечане всетаки рыбу въ своихъ водахъ ловили, то надо думать, что право это они отстаивали вооруженной рукой. Вотъ еще, должно быть, когда начались тѣ „сосѣдскія“ отношенія, отголоски которыхъ мы встрѣтили въ пограничномъ поселкѣ въ видѣ пограничныхъ набѣговъ съ одной стороны и въ видѣ краснорѣчивой реплики поселковаго атамана—съ другой. Стиль атамана Калмыкина имѣлъ, очевидно, глубокіе историческіе корни, въ видѣ многочисленныхъ челобитій, въ коихъ илецкіе казаки заявляли, что отъ таковыхъ притѣсненій и отъ нестерпимаго глада, „въ печалѣхъ своихъ и домовъ стали быть лишены“... что иные казаки отдаютъ уже и дѣтей своихъ въ кабалу яицкимъ казакамъ, и многіе, дабы избѣжать непосильной службы, уходятъ самовольно въ бѣга *).

Бѣдствія Илека усиливались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что илецкое войско было подчинено уральской войсковой канцеляріи, и Илекъ не разъ просилъ слезно, чтобы его перечислили къ Оренбургу...

Къ началу XIX столѣтія положеніе осложнилось введеніемъ крѣпостного права. Приложеніе крѣпостного труда на вольныхъ казачьихъ земляхъ было противно самымъ основамъ казачьей общины, и болѣе сильное яицкое войско не допустило бы его у себя. Поэтому крѣпостные поселки Мартемьяна и Давыда Бородиныхъ засѣли, какъ лишаи, преимущественно на беззащитныхъ окраинахъ илецкихъ земель. Все это завершилось образованіемъ большой крѣпостной деревни, которую Давыдъ по завѣщанію перевелъ въ казаки, причисливъ къ Уральскому войску,—вмѣстѣ съ землей.

*) Ibid.

На почвѣ этой исторической розни еще разъ собралась было въ Уральскомъ войскѣ „туча каменная“, и чуть было не возникли ужъ въ 60-хъ годахъ крупные безпорядки*). На этотъ разъ войско противилось не фронтовой службѣ, не очереди и ранжиру, а старшая казачья община пыталась отстоять свои привилегіи противъ младшей. Въ этой исторіи принималъ между прочимъ участіе казачій бытописатель и патріотъ Іосифъ Игнатьевичъ Желѣзновъ. Фигура этого уральскаго писателя чрезвычайно колоритная... Это былъ патріотъ, романтикъ, страстно преданный казачьей родинѣ, любившій до самозабвенія ея боевое прошлое, ея преданія, обычаи, пѣсни, всѣ особенности ея устоявшагося быта... На посмертномъ изданіи его сочиненій, въ качествѣ эпиграфа, стоятъ слѣдующія слова:

„Я, если разбирать меня съ общей точки зрѣнія,—*гуманистъ*, но коснись дѣло интересовъ казаковъ, я—*эгоистъ*. Я и днемъ и ночью, и наяву и во снѣ желаю, чтобы казакъ имѣлъ не только необходимое, но и лишнее. Киргизъ же для меня—созданіе совершенно постороннее“.

И не только киргизъ. Въ спорѣ двухъ казачьихъ общинъ Желѣзновъ былъ патріотъ *своей* общины, отстаивавшій со всей исключительностью ея интересы. Ради нихъ онъ былъ способенъ на высокое самоотверженіе и на величайшую несправедливость. Въ спорѣ съ илецкимъ сосѣдомъ его не смягчаетъ ни единство происхожденія и вѣры, ни братство по оружію, и когда этотъ больной вопросъ обострился, то уральскій писатель, изслѣдователь и историкъ проявилъ всю исключительность и страстность любого зауряднаго общинника.

Случилось это въ атаманство генерала Дандевиля. Киргизы и илецкіе казаки вспоминаютъ объ этомъ атаманѣ съ благодарностію, уральцы съ непріязненнымъ чувствомъ. У него были свои недостатки, но, повидимому, онъ понималъ, что времена борьбы для Урала прошли, что теперь на обѣихъ сторонахъ Яика-Горыныча живутъ люди, которымъ предстоитъ стать равноправными подданными одного государства... Было это въ шестидесятые годы, и либеральный губернаторъ старался найти безпристрастныя нормы для разграниченія киргизскихъ земель и для разрѣшенія стараго илецкаго вопроса. Это настроеніе начальства заставило уральцевъ чутко на-

*) „Туча каменная“—заглавіе одного изъ разсказовъ І. Н. Желѣзнова. Послѣ посѣщенія въ 1837 году Уральска тогдашнимъ наслѣдникомъ,—казаки Фаличевъ, Павловъ и другіе сдѣлали, какъ говорятъ казаки, „подачу“, т. е. подали наслѣднику просьбу-жалобу, въ которой ходатайствовали о возстановленіи нѣкоторыхъ старыхъ вольностей. За это постигло казачье войско жестокое наказаніе.

сторожиться. Передъ Дандевилемъ стояла сложная задача; въ вопросѣ киргизскомъ уральское и илецкое войско были солидарны. Въ илецкомъ интересы ихъ стояли другъ противъ друга... Войсковая интеллигенція,—офицерство и бюрократія войскового управленія,—были противъ атамана, и Дандевиль задумалъ разрѣшить вопросъ чисто бюрократическимъ путемъ—посредствомъ секретныхъ коммиссій...

Одна изъ такихъ коммиссій выработала проектъ разграниченія киргизской степи. Слухи о немъ быстро проникли въ казачью среду и вызвали въ войскѣ настоящее волненіе. Почтенные „старожилые казаки“ потянулись изъ своихъ станицъ къ Уральску, для совѣтовъ съ чиновничествомъ. Вскорѣ умный и пламенно преданный интересамъ качества Желѣзновъ, въ то время служившій тоже въ войсковомъ правленіи,—сталъ центромъ этой оппозиціи. Онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы не допустить въ „сурьѣзномъ войскѣ“ какой-нибудь преждевременной вспышки, такъ какъ хорошо зналъ исторію; но самъ рѣшительно и стойко велъ борьбу противъ Дандевиля и его проектовъ. „Убѣжденіе,—писалъ онъ въ это время,—что бухарская сторона есть неотъемлемая казачья собственность,—вошло въ плоть и кровь казака... Учугъ, наемка и бухарская сторона—это такія три нѣжныя струнки, дотрагиваться до которыхъ весьма неблагоразумно“.

Для Желѣзнова—это рѣшало дѣло, и онъ не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что у киргизовъ и у илечанъ тоже столѣтіями впитывались въ плоть и кровь свои убѣжденія, и что государству приходится какъ-нибудь мирить эти противурѣчивые интересы. Онъ весь ушелъ въ борьбу, замѣчая, какъ атмосфера кругомъ насыщается электричествомъ. Среди казаковъ усиливалось броженіе... Начальство принимало свои мѣры... Подъ какимъ-то предлогомъ у казаковъ были отобраны пушки и переданы въ регулярный баталіонъ...

Ходили слухи, что къ Уральску вызваны отряды изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія...

Въ это время разыгрался характерный эпизодъ. Получивъ разрѣшеніе изъ Петербурга, Дандевиль сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ разрѣшенію илецкаго вопроса. Онъ внезапно выѣхалъ изъ Уральска съ топографами въ тѣ самыя мѣста—Бородинскій, Иртецкій и Благодарновскій поселки, гдѣ меня такъ недружелюбно встрѣтили старые казаки Банновъ и Донсковъ и гдѣ во время моей поѣздки кипѣли „пограничныя столкновенія“. Вызвавъ депутатовъ отъ смежныхъ уральскихъ и илецкихъ станицъ, онъ провелъ временную границу, замежевавъ къ илецкой сторонѣ часть спорныхъ луговъ...

Это вызвало большое волненіе въ наиболѣе заинтересованныхъ пограничныхъ поселкахъ (Бородинскомъ, Иртецкомъ и Благодарновскомъ) и оттуда тотчасъ же была снаряжена депутація изъ самыхъ почетныхъ и заслуженныхъ казаковъ... Она прежде всего явилась въ войсковое правленіе, душой котораго въ то время былъ Желѣзновъ, успѣвшій сплотить противъ атаманскихъ проектовъ казачью бюрократію. Онъ внесъ въ эту борьбу, наряду съ исключительностью своего мѣстнаго патріотизма — много таланта, одушевленія, самоотверженія, тогда какъ на другой сторонѣ была бюрократическая рутина и старыя привычки произвола. По старой памяти на законный, хотя, быть можетъ, неправильный по существу протестъ депутатовъ,—Дандевиль посмотрѣлъ, какъ на бунтъ. Не въ мѣру ретивый прислужникъ полиціймейстеръ распорядился арестовать депутатовъ. А на слѣдующій день почтенныхъ, уважаемыхъ и заслуженныхъ старыхъ казаковъ выгнали на улицу чистить кочки... И при томъ,—чтобы больше подчеркнуть униженіе,—чистить улицу имъ пришлось передъ атаманскимъ домомъ.

Это оскорбленіе, разумѣется, всколыхнуло все войско и придало дальнѣйшей борьбѣ Желѣзнова съ Дандевилемъ характеръ защиты противъ произвола и беззаконія...

Я не стану описывать подробно этой характерной борьбы (которая изложена въ біографіи І. И. Желѣзнова). Въ ней пострадали обѣ стороны, и ничего не выиграло существо дѣла. Дандевиль получилъ изъ Петербурга замѣчаніе. Желѣзновъ испортилъ свою карьеру, а впослѣдствіи, по какимъ-то придиркамъ былъ даже отданъ подъ слѣдствіе, что уже не дѣлало чести его противникамъ. Біографы уральскаго писателя говорятъ, что все это сильно расшатало его здоровье и, можетъ быть, сократило даже его жизнь...

А возъ съ илецкимъ вопросомъ остался на мѣстѣ... На берегахъ Иртека и Киндели кипѣла та же борьба, стояли у водопоевъ пикеты, происходили наѣзды, побоища, скручиваніе рукъ свистомъ и захваты въ плѣнъ противниковъ воинственными атаманами враждебныхъ общинъ*)...

Въ пугачовскомъ движеніи Илекъ сыгралъ огромную роль. Сначала первые пугачовцы, посылая эмиссаровъ по верховымъ станицамъ до Оренбурга, сильно сомнѣвались, какое положеніе займетъ Илекъ. „Мы съ ними не въ согласіи“—

---

*) Уже въ самые послѣдніе годы мнѣ писали знакомые, что вѣковая тяжба наконецъ разрѣшена въ пользу Илецкой общины.

говорили они Пугачову и боялись, что царь, котораго выводили въ люди яицкіе казаки, въ Илекѣ встрѣтитъ упорное сопротивленіе. Если бы это случилось, то, быть можетъ, самое движеніе не приняло бы такихъ размѣровъ.

Въ первое время пугачовцы дѣйствительно пробирались мимо Илека не линіей, а степями, и въ войсковомъ архивѣ сохранились донесенія пастуховъ Мартемьяна Бородина о томъ, что пугачовцы захватываютъ на хуторахъ его лошадей, обскакивая Илецкую станицу. Но затѣмъ Пугачовъ, надѣясь на свою удачу, подошелъ къ самому Илеку... Несчастный Портновъ попытался оказать сопротивленіе, но ворота были открыты, и „царь“ въѣхалъ въ крѣпость подъ колокольный звонъ и радостные крики... На мосту старые служивые казаки узнавали Петра Ѳедоровича, котораго видѣли якобы на смотрахъ въ Петербургѣ. Портновъ былъ повѣшенъ...

Мнѣ захотѣлось посмотрѣть остатки старинной крѣпости, прежняго моста, по которому съ развѣвающимися знаменами входили пугачовцы, и мѣсто гибели Портнова... Мнѣ указали Ивана Яковлевича Солдатова, глубокаго старика, бывшаго станичнаго атамана. Говорили, что онъ интересуется стариной и читаетъ. Значитъ, темныя преданія старины сводитъ съ писанными историческими источниками.

Мы и отправились къ старику съ Макаромъ Егоровичемъ Вѣрушкинымъ.

Онъ сидѣлъ во дворѣ своего дома надъ самою кручей высокаго уральскаго берега. Мы сѣли на скамейкѣ рядомъ. Подъ ногами у насъ рѣка катила свои волны, виднѣлись ея пески, отмели, луга...

На мой вопросъ Иванъ Яковлевичъ улыбнулся.

— Вотъ это,—сказалъ онъ,—почти вся старая крѣпость. Только этотъ уголокъ и остался... Остальное поглотилъ Яикъ Горынычъ... Вонъ тамъ, на самой серединѣ рѣки былъ домъ, гдѣ я родился. Вашъ домъ, Макаръ Егоровичъ, тоже, кажется, въ рѣкѣ?..

— Да,—отвѣтилъ Макаръ Егоровичъ...—Нашъ былъ подальше... Тутъ вотъ были Маньковы, потомъ Смировы... Нашъ, пожалуй, придется вонъ на ту отмель...

— Вѣрно... Еще дальше стояла церковь. Это уже, пожалуй, придется на томъ берегу...

И они принялись возстановлять по воспоминаніямъ исчезнувшій городъ. Рѣка по какому-то капризу степныхъ вѣтровъ рѣзко повернула свое теченіе, срыла высокія кручи, свалила дома, огороды, улицы и старые крѣпостные валы. Потомъ она остановилась и стала отступать обратно. У величавыхъ

кручъ съ уцѣлѣвшей частью городка она оставила отмели песковъ и ила... На этихъ отмеляхъ успѣла вырости роща осокорей... И теперь, глядя съ высоты на эту кудрявую рощу, мимо которой весело скакали къ водопою казачата, на синюю ленту рѣки, на зарѣчные луга и далекій степной горизонтъ съ заходившимъ солнцемъ,—трудно было представить, что еще такъ недавно здѣсь стояли дома, церковь, сады, огороды... Все это лишь съ трудомъ вставало въ воображеніи, подымаясь надъ рѣкой призрачными очертаніями ушедшей куда-то жизни...

Набѣжала минута молчанія... Мои собесѣдники думали, вѣроятно, о мѣстахъ, гдѣ прошло ихъ дѣтство и юность и надъ которыми теперь катились волны рѣки. Я думалъ о нашей „степной“ исторіи...

Въ другихъ мѣстахъ она строилась изъ желѣза и камня, закрѣпляя камнемъ и желѣзомъ каждый свой шагъ, политый потомъ и кровью поколѣній... А степную исторію и наносилъ, и разносилъ буйный вѣтеръ, намывали и срывали степныя рѣки, какъ смылъ и разнесъ молчаливый Яикъ эту крѣпостцу, свидѣтельницу столькихъ драмъ... Степь всосала потоки крови, на ней поросли буйныя травы, вѣтеръ налетѣлъ и опять разнесъ песчаные бурханы... Также пронеслось вихремъ знаменательное степное движеніе. Прошумѣло и затихло. Кто помнитъ теперь участвовавшихъ въ немъ лицъ, съ ихъ характерами, стремленьями, надеждами... Пѣсенъ сохранилось удивительно мало. Преданій не слышно. Казенные источники рисуютъ всю эту толпу на одно лицо: туманное скопище призраковъ, отмѣченныхъ общей характеристикой бунтовщиковъ и злодѣевъ... Степное марево, какъ облака въ знойный день, какъ переносные пески, наметаемые измѣнчивыми вѣтрами . . . . . .

. . . . . .

Современный Илекъ уже очень мало напоминаетъ бывшій боевой аванпостъ Урала. Теперь это большая станица, пожалуй, мѣстечко, съ $5^1/_2$ тысячъ жителей, изъ которыхъ около $^2/_3$ не казаки, а иногородніе. Это тоже своего рода теченіе, подмывающее устои казачьей жизни, которому въ недалекомъ будущемъ предстоитъ произвести въ ней свои обрывы... Когда-нибудь эти новые слои населенія потребуютъ, конечно, и своего представительства. Жители Илека занимаются хлѣбопашествомъ и торговлей съ киргизскою степью, и, кажется, здѣсь болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ замѣтенъ начинающійся процессъ „расказаченія“—перехода къ мѣщанству. Въ тотъ вечеръ, когда мы были въ Илекѣ, шло чтеніе съ туманными

картинами. Публики было много, и среди нея попадались киргизы, заѣзжающіе изъ степи. Жизнь, хотя и сонная, дѣлаетъ свое дѣло, сглаживая старыя грани...

Въ Илекѣ—станичное управленіе, телеграфъ и почта. Интересно, что почта соединяетъ Илекъ не съ Уральскомъ, а съ оренбургской желѣзной дорогой. Для надобностей войсковой администраціи есть станичныя казенныя пересылки, а въ экстренныхъ случаяхъ—„летучка“. Когда же мнѣ захотѣлось отправить письмо въ Уральскъ (150 верстъ), то оказалось, что оно пошло сначала на сѣверъ, до оренбургской желѣзной дороги, оттуда повернуло на Самару, потомъ пошло пароходомъ на югъ, по Волгѣ, до Саратова и затѣмъ опять по желѣзной дорогѣ вернулось въ Уральскъ уже съ запада. Я имѣлъ удовольствіе получить его лично, вернувшись и даже успѣвъ отдохнуть отъ поѣздки... Наконецъ, нужно упомянуть еще, что въ Илекѣ есть „общественное собраніе“, гостиница и два билліарда, на которыхъ богатые киргизы мирно сражаются съ торговцами и казаками.

По серединѣ городка тянутся лавки и палатки огромнаго илецкаго базара съ чрезвычайно разнообразной и живописной толпой. Казаки въ форменныхъ фуражкахъ, казачки въ старинныхъ живописныхъ сарафанахъ съ парчевой оторочкой, мужики, мѣщане, торговцы, солидные татары. Покачиваясь надъ пестрой толпой и важно оглядываясь по сторонамъ, выступаетъ верблюдъ, на горбѣ котораго сидитъ киргизъ въ ватномъ халатѣ, мѣховой шапкѣ и подъ зонтикомъ. Наконецъ, пробираясь въ густой толпѣ, ѣдутъ и еще казаки, но уже въ другой формѣ, съ синими околышами. Это пріѣхали на базаръ оренбуржцы изъ-за близкаго рубежа. Одинъ отсталъ и догонялъ товарищей. Лошадь подъ нимъ горячилась; у всадника буйные кудри щеголевато выбивались чолкой изъ-подъ шапки... Я невольно заглядѣлся на типичную фигуру, какія часто можно видѣть на улицахъ Петербурга, при возвращеніи съ парадовъ.

— Что, господинъ, на молодца заглядѣлись?—спросилъ у меня красивый старый казакъ, прослѣдивъ мой взглядъ...

— Что-жъ, и вправду молодецъ,—отвѣтилъ я.

Казакъ небрежно скользнулъ взглядомъ и отвѣтилъ съ усмѣшкой:

— Мужикъ это на лошади, а не казакъ... По нашему этакъ... Природы нѣту...

Въ это время, труся на своихъ поджарыхъ лошадкахъ, проѣхало нѣсколько киргизъ... Мнѣ казалось, что сидятъ они небрежно, некрасиво, безъ выправки, съ поджатыми въ высо-

кихъ стременахъ ногами. Но старый казакъ взглянулъ на нихъ одобрительнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Вотъ это всадники природные... Намъ не уступятъ...— И онъ внезапно вытянулъ ближайшую лошадь нагайкой. Лошадь шарахнулась, но всадникъ и не шелохнулся, точно приросъ къ сѣдлу. Онъ оглянулся, понялъ шутку, и они обмѣнялись нѣсколькими киргизскими фразами...

Въ концѣ базара, въ невзрачномъ двухъэтажномъ деревянномъ домѣ помѣщается заведеніе съ полинявшей надписью „Трактиръ Плевна“. Двери его то и дѣло визжали на блокѣ и хлопали за входившими. Я съ моими спутниками Макаромъ Егоровичемъ Вѣрушкинымъ и Иваномъ Ивановичемъ Иванаевымъ рѣшилъ зайти туда же.

Внизу было полно, стоялъ сплошной гулъ, изъ котораго выносились то и дѣло то громкое „ласковое“ ругательство, то обрывки пѣсни. Расторопный половой, съ необыкновенно грязной салфеткой черезъ плечо, предложилъ намъ пройти наверхъ, на чистую половину и провелъ насъ въ угловую комнату. Тутъ было просторнѣе и какъ будто чище. Онъ быстро стряхнулъ на одномъ изъ столовъ скатерть, обмахнулъ ее грязной салфеткой и тотчасъ же устремился за „парой чаю“...

Я оглянулся. Подъ стѣнками, у маленькихъ столовъ, по большей части въ одиночку сидѣли киргизы въ своихъ тюбетейкахъ... Разстегнувъ ватные или даже мѣховые архалуки, они неторопливо и степенно тянули чай. Казаки, наоборотъ, держались группами. Базаръ стихалъ, въ трактирѣ становилось все шумнѣе...

Невдалекѣ отъ насъ, за двумя сдвинутыми столиками у окна, сидѣла группа старыхъ казаковъ съ сѣдыми бородами въ длинныхъ старинаго покроя кафтанахъ, называемыхъ здѣсь азямами. На столѣ стоялъ графинъ съ виномъ и налитыя рюмки.

— Ну, что-жъ,—говорилъ одинъ изъ стариковъ, нѣсколько сутулый гигантъ съ бородой до пояса, молодому человѣку, почтительно стоявшему около него.—Тебѣ, значитъ, надо полечить будару... Это мы можемъ. Я старый каюрчей, мастерства своего не скрываю, могу тебѣ помочй... Возьми ты, значитъ, известки, да горячей смолы...

Молодой человѣкъ, повидимому изъ иногородныхъ, почтительно выслушалъ рецептъ и, вѣжливо поблагодаривъ „каюрчея“, вышелъ. А старики принялись за прерванную бесѣду.

Ихъ было трое, три великолѣпныя фигуры въ выдержанномъ старинномъ стилѣ. У „каюрчея“, кромѣ длинной сѣдой

бороды почти до пояса, были такія же сѣдыя нависшія брови, изъ-подъ которыхъ глаза сверкали нѣсколько угрюмо и мрачно. Другой имѣлъ физіономію довольно распространеннаго на Уралѣ типа: середина лица какъ бы раздувалась, уходя въ толстый носъ и большія губы. Когда-то черная, теперь полусѣдая, длинная и густая, какъ войлокъ, борода курчавилась, суживаясь книзу. Онъ былъ пьянѣе своихъ собесѣдниковъ, говорилъ мало и только иногда покачивалъ лохматой головой.

Мнѣ показалось, что въ третьемъ собесѣдникѣ я узнаю того самаго казака, который въ базарной толпѣ осуждалъ оренбуржца и одобрялъ киргизъ. Наружность его обращала невольное вниманіе. Красивое чистое лицо, сѣдыя круглыя брови, изъ-подъ которыхъ глядѣли темные, совсѣмъ молодые, пламенные глаза. Небольшіе, тоже сѣдые усы оттѣняли тонкій ротъ съ пріятной, чуть насмѣшливой улыбкой. Едва замѣтно выдавшіяся скулы и маленькая остроконечная курчавая бородка намекали на примѣсь инородческой крови, но глаза были синіе. Фамилія его оказалась Юносовъ.

Старики говорили о китайской войнѣ, исходомъ которой въ то время было чрезвычайно заинтересовано все войско. По старымъ книгамъ выходило такъ, что, когда Китай подымется, настанетъ кончина міра. Теперь старики подсчитывали признаки близкой катастрофы.

— Погоди, — говорилъ угрюмый „каюрчей“. — Сколько же царей-то выходитъ? Нашъ—разъ, англичанка, да итальянецъ, да французъ, да японецъ—выходитъ пять... Австріякъ шесть...

— Ну, американецъ—седьмой, чего жъ тебѣ!—прибавилъ Юносовъ.—Сказано семь державъ. Семь и есть...

— Вѣрно... По писанію въ акуратъ... А между прочимъ пока что,—китайца-то державы бьютъ...

Я уже и раньше слышалъ, что по Уралу ходятъ мрачныя предсказанія, связанныя съ начавшейся тогда китайской войной... Семь царей,—гласило какое-то пророчество, — пойдутъ войной на восточную державу и погибнутъ... И тогда настанетъ судъ міру... Но около собесѣдниковъ на столикѣ лежалъ номеръ „Уральца“, и извѣстія его рѣшительно говорили, что державы не погибаютъ, а наоборотъ всюду побѣждаютъ китайцевъ.

— Это, пущай, слава Богу... — говорилъ „каюрчей“.—Христіанство одолѣваетъ...

— Да вѣдь дѣло-то еще не вовсе кончено, — возразилъ Юносовъ... — Съ Китаемъ, товарищи, дѣло опасное. Сила-то у него копленая. Сколько, можно сказать, вѣковъ сидѣлъ въ

сторонѣ, ни съ кѣмъ не воевалъ... Теперь какъ подымется вразъ... Нарро-ду у него тьма темъ... Аки песку морскаго...

Въ это время въ комнату заглянулъ молодой казакъ. На головѣ у него была форменная фуражка, но на плечахъ пиджакъ довольно затасканный, неопредѣленно-сѣраго цвѣта. Лицо у него было открытое и веселое. Онъ несовсѣмъ твердо стоялъ на ногахъ, и добрые глаза искрились веселыми огоньками. Увидѣвъ стариковъ, онъ остановился посреди комнаты, обѣими руками стащилъ съ головы форменный картузъ и, разставивъ широко для равновѣсія ноги—отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Здорово, господа, старое войско...

— Здравствуй, Каллистратъ, — отвѣтилъ привѣтливо Юносовъ.—Кого ищешь? Садись съ нами...

— Я тутъ товарищей ищу...

— А мы тебѣ не товарищи, что ли? — угрюмо спросилъ „каюрчей".

— Товарищи, вѣрно! — съ заискивающей ласковостью сказалъ Каллистратъ, но, когда онъ оглянулся по комнатѣ, мнѣ показалось, что въ сѣрыхъ глазахъ молодого казака сверкнулъ насмѣшливый огонекъ...

— Вы наши отцы! — сказалъ онъ, еще ниже наклоняя обѣими руками свой картузъ.—Мы за васъ... вотъ!..

— Ну, такъ садись...

— Я признаю такъ, что вы достойны старики, что намъ съ вами сидѣть.—Это—мы васъ покорно благодаримъ. Ну, какъ у насъ кампанія... Будетъ согласъ, ай нѣтъ? Я долженъ спросить.

— Добро, зови ихъ сюда!—добродушно сказалъ Юносовъ.— Вонъ рядомъ свободно...

Черезъ минуту Каллистратъ вернулся со своей компаніей. Въ ней прежде всего обращалъ вниманіе низкорослый, черный, какъ уголь, молодой казакъ съ большимъ носомъ и огромными, какъ у нетопыря, торчащими врозь ушами. Нѣсколько смѣшная, сплюснутая къ носу голова съ тонкой и длинной шеей сидѣла на узкихъ плечахъ, но во всей фигурѣ чувствовалась какая-то дикая, хотя и несильная удаль. Если бы увеличить размѣры этой фигуры, — получился бы уродливый образъ дикаго степного хищника... Теперь это было какъ бы маленькое его изданіе... За нимъ вошли еще двѣ-три незначительныя фигуры, и шествіе замыкалъ грузный, приземистый мужикъ, въ косовороткѣ и поддевкѣ, въ огромныхъ стучащихъ сапогахъ, съ рыжей лопатовидной бородой... Войдя, онъ поклонился присутствующимъ и сказалъ съ довольнымъ видомъ:

— Вотъ, угощаю казаковъ... Я!.. Пѣсни велю играть...

— Простите насъ, отцы,—опять съ ласковымъ смиреніемъ сказалъ Каллистратъ...—Стѣснили васъ.

— Не заѣстъ лихота, не заѣстъ тѣснота,—весело отвѣтилъ опять Юносовъ.—Чай свои люди, товарищи!

— Вѣрно, отецъ! Всѣ мы казаки, всѣ, можно сказать, одной Европы. Такъ ли я говорю?

— Правильно.

— Теперь вотъ въ Китай насъ погонютъ, — продолжалъ Каллистратъ и лукаво оглянулся на товарищей. — Станемъ Китай воевать рядомъ съ нѣмцемъ или съ англичаномъ. Выходитъ—тоже товарищи... Да что, отцы! Быка запрягутъ съ коровой: идетъ! Потому—не пойдешь... ударютъ...

Мужикъ фыркнулъ въ бороду. Старики насупились.

— Ты къ чему это примѣняешь, а? — мрачно спросилъ каюрчей.

— Товарищи!.. Старики! — съ удвоенной и все болѣе двусмысленной ласковостью заговорилъ опять Каллистратъ... — Вы наши отцы!.. Мы за васъ всю кр-ровь...

— Ну, такъ и садись, чего стоишь... Въ ногахъ правды нѣтъ,—опять смягчился Юносовъ. — Давай, товарищи, пѣсни играть. Заводи!

Молодые казаки, попятываясь, нетвердо заняли мѣста. Съ ними усѣлся и ихъ амфитріонъ, грузный мужикъ. На ногахъ остался одинъ Каллистратъ. Онъ какъ-то жалостно посмотрѣлъ сначала на своихъ товарищей, потомъ на стариковъ и сказалъ:

— Пѣсни?.. Оно бы можно... Да вѣдь не споемся... Отцы!.. Вотъ вѣдь бѣда въ чемъ. Пѣсни у насъ пошли новыя, не ваши.

— Ну, что тамъ. Всѣ пѣсни у насъ въ карманѣ. На какую ткнемъ, ту и споемъ. Эхъ, — сказалъ Юносовъ съ усмѣшкой и тряхнулъ сѣдой головой... — Пѣвалъ и я когда-то. Теперь голосъ сталъ, какъ у стараго верблюда!.. Ну, играй, ребята, заводи хоть свою, новую... Мы послушаемъ, да и подтянемъ гляди, вразъ... Не отстанемъ...

— Заводи, ребята, не кобенься,—сказалъ мужикъ.—Вишь старики поштенные просятъ... Старое войско... Погоди, старики... Ничего... Только вотъ выпить надо...

Онъ розлилъ по рюмкамъ принесенное половымъ вино. Казаки выпили. Каллистратъ, все оглядываясь на товарищей, чокнулся съ стариками. Послѣ этого тщедушный запѣвало откинулъ голову назадъ и подперъ щеку ладонью... Большой кадыкъ на его тонкой шеѣ надулся, и онъ запѣлъ рѣзкимъ,

по сильнымъ и своеобразнымъ фальцетомъ, какой иногда несется въ солдатскомъ хорѣ, покрывая всѣ голоса...

— Буде-емъ биться со врагами...

И хоръ тотчасъ же подхватилъ негромко:

— Буде-емъ би-и-иться со врагами,
Пул-ля въ пулю попадать...
На бивакѣ, предъ огнями
Будемъ водку выпивать...

И, внезапно измѣнивъ размѣръ пѣсни, весь хоръ подхватилъ громко и разухабисто:

— Пей, друзья, покуда пьется,
Горе въ жизни забывай.
На Уралѣ такъ ведется:
Пей, ума не пропивай!

Пѣніе у молодежи не ладилось. Пѣвцы были пьяны, и, кромѣ того, голоса у нихъ были усталые. Смуглый запѣвало имѣлъ видъ изнеможенный. Подъ конецъ онъ сорвался.

— Ну-у!.. Четыре колеса, два немазаны,—сказалъ насмѣшливо казорчей.—Пѣтухъ въ горлѣ закричалъ...

— Ничего, ничего, — поддержалъ благодушно Юносовъ:— усердіе есть, да голоса-те маленько, видишь ты, того... подгуляли...

— Вѣрно, — согласился Каллистратъ.—Мы, старики, такъ что уже третьи сутки крутимъ. Охрипли. А отчего, спросите, третьи сутки коноводимся, такъ мы вамъ, старики, можемъ объяснить... У Сидорова были мы... Товарищъ нашъ... Сидорова знаете вы, старики?.. Да какъ чать не знать... Сидорова все войско...

— Не то что войско,—подхватилъ запѣвало,—всѣ европейскія державы знаютъ...

— Въ вѣдомостяхъ печатаютъ,—одобрительно подтвердилъ мужикъ...

Уральскій казакъ Сидоровъ въ то время сталъ газетной знаменитостью. Онъ только что вернулся изъ Абиссиніи, гдѣ служилъ негусу въ отрядѣ генерала Леонтьева. Благодаря одесскимъ репортерамъ, имя Сидорова обошло всѣ газеты. Въ статьяхъ наперебой говорилось объ его выносливости, бодрости и находчивости въ трудныя минуты. Уралъ гордился тѣмъ, что Сидоровъ „заткнулъ за поясъ донцовъ изъ того же отряда“...

— Сидоровъ нечего сказать, молодецъ,—одобрили и старики.—Не посрамилъ уральцевъ...

— Выпьемъ за молодца Сидорова... Терройскій казакъ...—

сказалъ мужикъ.—Ну-ка, ребята, выпей, поправься... Да заводи опять... Уважь старикамъ, не осрамись...

Пѣвцы выпили, подтянулись, и запѣвало опять закинулъ голову... Пѣсня полилась нѣсколько стройнѣе. Это была дѣйствительно новая пѣсня: молодые казаки привезли ее съ маневровъ. Тонъ былъ несовсѣмъ народный: въ пѣснѣ говорилось о смерти съ легкостью и цинизмомъ, совершенно несвойственными народной поэзіи. Только въ серединѣ пробилась искренняя задушевная нота.

— Можетъ, завтра въ чистомъ полѣ
Да кого-нибудь изъ насъ
Между мертвыхъ полумертвымъ
Будетъ ждать послѣдній часъ.

Казаки вели пѣсню уныло, съ какимъ-то воющимъ отголоскомъ. Но тотчасъ же опять это смѣнилось развязной удалью и цинизмомъ:

— Можетъ, завтра въ чистомъ полѣ
Насъ на ружьяхъ понесутъ,
А ужъ водки послѣ боя
И понюхать не дадутъ.

Хоръ смолкъ, оборвавъ рѣзкой визгливой нотой въ чисто солдатскомъ вкусѣ. Мужикъ самодовольно крякнулъ:

— Что, старики... Плохо, что ль?.. Молодцы ребята. Э-эй... водки еще... Услужающій!

Старики нѣкоторое время молчали...

— Эхъ, товарищи! — искренно и просто сказалъ затѣмъ Юносовъ. — Старыя-те пѣсни много лучше... Годы наши не тѣ... А вы, молодые, старыхъ-те пѣсенъ уже не поете...

Малый принесъ водки. Молодежь шумно выпила... Когда суета нѣсколько стихла, Юносовъ затянулъ у своего стола:

Ка-акъ на Волгѣ рѣкѣ, на Камышинкѣ...

Онъ не хвасталъ, когда говорилъ о своемъ прежнемъ пѣніи. Въ его высокомъ, слегка дрожащемъ тенорѣ была какая-то внутренняя глубина и задушевность. Казалось, стѣны трактира разомкнулись, и степь отвѣчаетъ пѣвцу своими дальними замирающими отголосками... Но онъ вдругъ опять оборвалъ...

— Давай, ребята, воровской корабличекъ...

Онъ откашлялся и затянулъ опять:

— Ка-акъ по-о-морю было, морю синему,
По тому морю по Каспицкому...

Къ Юносову присоединился каюрчей. Голосъ у него былъ грубый и дикій, но сильный.

Какъ стоялъ тамъ на якорѣ воровской корабличекъ...

Старая пѣсня крѣпла, постепенно овладѣвая трактирнымъ гамомъ. Но тутъ третій старикъ, съ лохматой бородой, сильно пьяный, слегка встрепенулся, поднялъ голову и прислушался... Въ его мутномъ взглядѣ мелькнуло сознаніе, сначала неясно, какъ будто издалека... Но вдругъ онъ весь дрогнулъ и, поведя по комнатѣ черными, какъ сливы, немного осоловѣвшими глазами, рявкнулъ сразу огромнымъ басомъ:

— На стулу-то сидитъ нашъ батюшка э-да! воровско-а-ай атаманъ...

Несуразный басъ, отъ котораго задребезжали стекла въ окнахъ трактира, сразу покрылъ и прервалъ наладившуюся было пѣсню. Юносовъ благодушно засмѣялся и сказалъ:

— Постой ты, старый верблюдъ!.. Вишь, голосъ-то... Пушка! А вы, молодые, что не подтягиваете?

— Это что за пѣсни! — сказалъ молодой запѣвало съ пренебреженіемъ, а Каллистратъ прибавилъ:

— Говорю я, Астафій Иванычъ, не спѣться намъ молодымъ съ вами стариками.

— Почему такъ не спѣться?.. Одно войско.

— Одно да не одно, служба другая...

— Чѣмъ другая служба?.. Все за отечество же кровь проливали

— Это мы не говоримъ, ну, только теперь другое..

Онъ засмѣялся, какъ будто сдерживаясь. Молодые казаки тоже самодовольно ухмылялись. Каюрчей тяжело уставился въ Каллистрата своими мрачными глазами и сказалъ:

— Какъ не другое!.. Другое и есть: мы на всемъ своемъ служили, а теперь васъ кормятъ, поятъ, одѣваютъ, обуваютъ. Все у васъ готовое, шеи у подлецовъ вотъ какія!

— А Сидоровъ?—возразилъ кто-то изъ молодыхъ.— Сидоровъ чей? Не нашъ, что ли?

— Объ Сидоровѣ слова нѣтъ. Да ты-то гдѣ былъ? Твоя служба гдѣ?..

— Въ Кіевѣ были мы, на маневрахъ...

— На маневрахъ?.. Это служба!.. Ты кровь пролей, тогда и хвастай...

— Мы дисциплину знаемъ,—задорно сказалъ запѣвало.— У насъ все по формѣ. Взять, теперича, саблю: она какая должна быть? Форменная сабля она должна имѣть правильное удареніе наискось. Видалъ, какъ киргизъ кугу рѣжетъ? А у

васъ какая форма была?.. Ни у васъ мундиръ, ни у васъ, напримѣръ, мунципія...

— Въ стеганыхъ халатахъ на смотры выѣзжали!—смѣясь, подхватили въ кружкѣ молодежи.

— Изъ „турокъ“ палили. Турка какой прицѣлъ дастъ? На какую дистанцыю?..

— Съ подсолнушными стволами вмѣсто копій на тревогу выбѣгали,—прибавилъ Каллистратъ.—Вотъ оно,—сказалъ онъ, поворачиваясь къ намъ,—старое войско какое было, господа...

Старые казаки заворчали, и каюрчей рѣзко поднялся со своего стула. Но Юносовъ, все еще веселый и сдержанный, спокойно усадилъ его на мѣсто и сказалъ опять примирительнымъ тономъ:

— Ну, будетъ, товарищи!.. Зачѣмъ вздорить. Давайте лучше опять пѣсню споемъ, всѣ вмѣстѣ. „Какъ за рѣчкою то было“, ну, подтягивай, молодые!.. Эту и вы знаете...

Онъ поднялся, сталъ въ серединѣ, махнулъ рукой и затянулъ размѣренно и протяжно:

...Какъ за рѣчкою то было, за Утвою,
За Утвинскими то было за горами...

Старый, пріятный, дрожавшій сначала теноръ Юносова окрѣпъ и зазвенѣлъ слезами и тоской старинной думы... Стѣны трактира опять будто раздвинулись, и опять влились въ нихъ отголоски степи. Каюрчей, сдвинувъ лохматыя брови, присталъ къ Юносову, и печаль старой пѣсни полилась ровнымъ могучимъ потокомъ...

...Да распахана тамъ пашня яровая...

Третій старикъ окончательно очнулся и на этотъ разъ уже въ ладъ присоединилъ къ прочимъ свой могучій басъ:

Пашня пахана не плугомъ, не сохою,
Она пахана булатными копьями,
Взборонена конскими копытами...

Эта дума, въ которой войско до сихъ поръ вспоминаетъ о гибели цѣлаго отряда въ жестокой степной сѣчѣ съ киргизами,—видимо, не умерла еще и въ сердцахъ казачьей молодежи. Запѣвало опять вскинулъ голову, подперъ щеку рукою, и его тонкій, нѣсколько дикій фальцетъ взвился и заплакалъ надъ тремя старыми голосами, точно это былъ крикъ чайки надъ шумящею степью...

И засѣяна та пашня яровая
Все казачьими удалыми головами...

На нѣсколько минутъ грустный напѣвъ вполнѣ завладѣлъ трактирной суетой... Въ нашей комнатѣ всѣ замолчали, изъ сосѣднихъ подымались казаки, толпились въ дверяхъ, слушая,

одобряя, подтягивая. Хоръ разростался... „Кто польетъ тебя?“ — спрашивалъ высокій фальцетъ молодого казака и вибрирующій теноръ Юносова... И весь хоръ отвѣчалъ имъ.

Кто польетъ тебя?.. Развѣ съ неба дождикъ,
Иль источитъ слезы мать родная...

Послѣднія ноты замерли, точно отдаленный стонъ въ темную ночь... Нѣсколько секундъ стояло глубокое молчаніе...

— Да, вотъ у насъ какъ нѣли въ старомъ войскѣ,—слезою изойдешь! — сказалъ Юносовъ дрогнувшимъ голосомъ, и вдругъ, распахнувъ рѣзкимъ движеніемъ азямъ, ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Могете вы старое войско оборать, щенки! крикнулъ онъ неожиданно. — Стой, Каллистратъ. Мо-ол-чи!.. Вы тутъ много говорили, мы васъ, старые казаки, слушали. Теперь мы скажемъ, вы, молодые, послушайте. Ты говоришь: гдѣ мы служили? Здѣсь мы служили, на Яикѣ!..

— Огороды караулили, — смиренно вставилъ Каллистратъ, оглядываясь на своихъ.

— Дуракъ ты, не понимаешь. Старое войско эту степь наскрозь кровью пролило! Орда тутъ кругомъ сидѣла. Да не нынѣшняя орда... Не замиренная, злая!.. Баба, напримѣрно, вышла за рѣку, хоть, скажемъ, на ту сторону, за мостъ,— ужъ ее кыргызинъ схватилъ, черезъ луку перекинулъ, въ степь волокетъ...

— Баба малое дѣло,—съ безпечнымъ ухарствомъ сказалъ запѣвало.

— Малое дѣло—ты говоришь? — повернулся къ нему Юносовъ, съ загорѣвшимися глазами. — Дур-ракъ ты, дуракъ. Щенокъ!.. Да вѣдь она мнѣ жена, моимъ дѣтямъ мать, тебѣ, дураку, можетъ быть, бабушка была!.. Ударятъ тревогу, собираются казаки, строятся, ждутъ эсаула, али атамана, а кыргызинъ мчится по степи, только пыль курится... А я за нимъ въ степь скакать не могу, не дозволено... За это разстрѣлъ. Понялъ ты, каково это? А ваши теперь ребятишки въ Караганакъ задеря рубашонки бѣгаютъ... Все отъ кого? Отъ стариковъ, отъ стараго войска... Отъ нашей крови...

— Да,—подхватилъ каюрчей,— вотъ мы гдѣ служили... Давно ли старому войску медали даны! Значитъ, стоило...

Въ толпѣ слушателей, набившихся въ дверяхъ, раздались возгласы и шумъ. Публика раздѣлялась. Одни стояли за стариковъ, другіе за молодыхъ... А въ это время насмѣшливый бѣсенокъ, сидѣвшій въ хмѣльномъ Каллистратѣ, опять зашевелился. Онъ приподнялся и, поклонившись съ притворнымъ смиреніемъ, сказалъ:

— Отцы! Дозвольте мнѣ... Я вамъ скажу, за что вамъ медали дадены...

— Ну?—протянулъ Юносовъ подозрительно.—Говори, есть когда въ дѣло...

— Надѣлалъ, скажемъ такъ, хозяинъ горшковъ...

— Не объ горшкахъ дѣло!

— А вы, старики, слушайте,—крикнулъ одинъ изъ молодежи, предвкушая новую выходку Каллистрата.

— Ну, надѣлалъ горшковъ,—продолжалъ тотъ, оглядываясь и играя глазами.—Надо ихъ куда-нибудь класть... Такъ ли, товарищи?..

— Вѣрно, вѣрно!—крикнули молодые,

— Ты это къ чему примѣнишь? — угрожающе спросилъ каюрчей.

— А къ тому и примѣню, что, значитъ, некуда ставить, онъ ихъ на плетни и надѣлъ... Тоже самое и медалей царь много надѣлалъ. Куда ихъ дѣвать? Дай, дискать, на старое войско надѣну!

Это неожиданное оскорбленіе упало въ толпу, какъ выстрѣлъ. Старики сначала какъ будто растерялись отъ неожиданности, молодежь шумно захохотала... Но вдругъ три старыхъ казака встрепенулись, какъ три льва...

— Могешь ты такія слова выражать?—крикнулъ гигантъ каюрчей.

— Гол-лову подлецу раскрою, въ дрребез-ги! — раздался неистовый басъ пьянаго брюнета, и онъ весь нелѣпо мотнулся впередъ, къ столу, поднявъ руки, всею тяжестью своего тѣла... Я ждалъ, что сейчасъ зазвенятъ стаканы, загрохочутъ столы, начнется безобразное побоище. Но Юносовъ отбросилъ пьянаго товарища назадъ и выступилъ самъ...

— Стой, Никифоръ! А вы, щенки, когда такъ, выходи на насъ!..

— Выходи!—загремѣли, поднявшись, двое другихъ... И всѣ трое, выйдя на середину съ покраснѣвшими лицами и сверкающими глазами, стали засучивать рукава азямовъ.

Я невольно залюбовался этой картиной. Три представителя стараго войска, сѣдые, крупные, какъ будто еще выросшіе, стояли въ серединѣ тѣсной комнаты, съ горящими глазами и выпятивъ впередъ крутыя груди.

Это было живое прошлое залитаго кровью Урала, строптивая и непокорная боевая старина „сурьѣзнаго“ войска, боровшагося цѣлые вѣка за свое исключительно мѣстное значеніе, за степную волю противъ дисциплины и регулярства. Съ другой стороны, въ лицѣ этой молодежи выступала по-

бѣда „регулярства“, тщеславная гордость маневрами, строевымъ ранжиромъ и дисциплиной. Въ комнатѣ и у порога ея стоялъ невообразимый шумъ. Публика стала раздѣляться. Возбужденные враждебные крики скрещивались въ воздухѣ, какой-то старикъ пробился въ середину и сталъ рядомъ съ Юносовымъ.

Держись, старое войско... Головы щенкамъ расколотить за таки рѣчи,—кричалъ онъ.—Кто за старое войско... Иди къ намъ.

— А гдѣ наша антирелія, старики, гдѣ наши знамена? — выкрикивали молодые...—Старое войско бунтами потеряло. Гдѣ атаманска насѣка? Что-о?.. Все вы потеряли.

— Это вы оставьте! Это дѣло старое... Этого вы не можете понимать. Это въ 1837 году было...

— Даромъ, что давно... А зачѣмъ было старому войску за колесья хвататься?.. Это порядки?.. А?..

Они намекали на крамольную просьбу, поданную наслѣднику Александру Николаевичу. Говорятъ, что при этомъ просители остановили за колеса коляску цесаревича.

— Затѣмъ и хватались, что добра войску искали.—отвѣчали старики.—Не объ худомъ просили... Объ дѣлѣ...

— За все войско страдали... Глупѣе васъ были?.. Не понимали, вишь.

— Товарищи,—крикнулъ Юносовъ, и его звонкій голосъ вынесся надъ общимъ гамомъ.—Не понимаютъ они... Они войску не сыны, не внуки... Выходи!—страстно закончилъ онъ...—Выходи, когда такъ, въ степь... Садись на коней...

— Сейчасъ выходи въ степь. Трое на трое. Погляди, какъ мы, старое войско, васъ молодыхъ щенковъ... и съ маневрами вашими съ сѣделъ снесемъ.

— Аки вихоремъ сдуемъ... А! Вы этакъ?.. Заслуги наши къ горшкамъ прировнялъ...

Старые голоса гремѣли, глаза стариковъ сверкали, и въ отвѣтъ имъ въ толпѣ отдавался ропотъ и гулъ... То и дѣло протискивался еще какой-нибудь старикъ и становился рядомъ съ Юносовымъ и его товарищами. Толпа разступалась и пропускала ихъ... Каллистратъ, повидимому, понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ присмирѣлъ...

— Ну что вы, старики,—заговорилъ онъ своимъ вкрадчивымъ голосомъ...—Объ чемъ вздорить?.. всѣ товарищи... всѣ кровь прольемъ за царя, за отечество...

Онъ вышелъ впередъ и, какъ въ началѣ этой сцены, опять поклонился старикамъ въ поясъ.

— Отцы! Старое войско!.. Простите, Христа ради... Да

неужто-жъ мы что-нибудь супротивъ васъ?.. Да мы вами живы. Братья, товарищи... Молодые казаки... Правду я говорю? Мы старое войско вотъ какъ почитаемъ... Всю кровь...

Я не видѣлъ его глазъ и не могъ разобрать, искренно ли онъ просилъ прощенія, или опять готовился отпустить какую-нибудь веселую неожиданность... Я чувствовалъ только, что если это случится, то вся старая „Плевна“ задрожитъ отъ послѣдствій молодой наглости. Но вкрадчивый голосъ Каллистрата звучалъ подкупающе-мягко, даже заискивающе. Старые казаки, видимо, растерялись отъ этой внезапной покорности... Юносовъ посмотрѣлъ на молодежь и отвернулся къ своему столу... Каторчей ругался. Третій товарищъ оглядывался съ тупымъ гнѣвомъ и что-то глухо ворчалъ про себя...

Въ эту минуту общей неловкости произошло неожиданное вмѣшательство. Мужикъ, угощавшій молодежь, надумалъ что-то и съ своей стороны. Растолкавъ казаковъ локтями, онъ вышелъ на середину комнаты, расчистилъ мѣсто и сталъ, широко разставивъ ноги, точно вросъ въ полъ. Потомъ посмотрѣлъ кругомъ исподлобья какимъ-то внезапно ожесточившимся взглядомъ и сказалъ:

— Эй, казаки! Будетъ вамъ выхваляться тутъ. На-ка вотъ... Подымите мужика... Трешку за руки сейчасъ — не подымете.

Выходка вызвала смѣхъ. Но мужикъ, очевидно, смотрѣлъ на свой вызовъ серьезно. Оставаясь все въ той же позѣ каменнаго идола съ раскоряченными ногами, онъ досталъ изъ жилетнаго кармана трешницу и сталъ совать ее ближайшему къ нему Юносову...

Тотъ посмотрѣлъ на него сверху и сказалъ съ пренебреженіемъ:

— Старъ я... Молодъ былъ, — не эдаки кули подымалъ...

— Мужикъ, не суйся промежъ казаковъ... Тебѣ тутъ не дѣло! — крикнулъ смуглый запѣвало и стукнулъ по столу... А Каллистратъ прибавилъ:

— Нашто тебя, дядя, подымать?.. Васъ мужиковъ мало ли! Дешевы. Подымать не стоитъ...

Мужикъ оглядывался исподлобья и ждалъ. Но затѣмъ, видя, что никто не принимаетъ вызова, — онъ какъ-то укоризненно крякнулъ, спряталъ бумажку въ карманъ и нетвердой походкой привалился къ столу... Мимоходомъ онъ наклонился ко мнѣ и, обдавъ меня запахомъ водки, сказалъ конфиденціально:

— Не подыметъ... Ни одинъ... Легкой народъ казаки... Самофалы...

. . . . . .

. . . . . .

Выйдя изъ „Плевны“, мы пошли значительно опустѣвшимъ базаромъ. Оба мои спутника, природные казаки, шли молча. Всѣ мы понимали, что случайность сдѣлала насъ свидѣтелями не простой трактирной ссоры подвыпившихъ казаковъ. Въ памяти моей невольно встали стихи казачьяго поэта-самородка, вольнолюбиваго и строптиваго Голованова:

...И старинка боевая,
Какъ шеренга фрунтовая,
Подъ ранжиръ подведена...

Эта коренная уральская старина сейчасъ стояла передъ нами съ ея своеобразной поэзіей, съ ея понятіями о широкой степной волѣ, понятіями странными, подчасъ полуазіатскими, за которыя, однако, старое войско умѣло когда-то постоять грудью... Теперь эта старина тихо сходитъ со сцены, а въ лицѣ молодежи выступаетъ уже что-то другое, еще неясное и тоже странное... И невольно въ умѣ вставалъ вопросъ: неужели это только фрунтовая шеренга и честолюбіе парадnаго строя?..

XII.

Въ гостяхъ у степного сановника. — Обратный путь. — Утва. — Аулъ чингисхановичей. — Опять въ Январцевѣ. — Заключеніе.

Илецкая станица была послѣднимъ пунктомъ нашей экскурсіи. Отсюда намъ предстояло вернуться обратно, и мы задумали совершить этотъ путь киргизскою степью. Но раньше мнѣ хотѣлось еще, пользуясь положеніемъ Илека въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ аулами, — побывать въ гостяхъ у кого-нибудь изъ киргизъ.

Мои илецкіе знакомые чаще всего называли имя Ирджана Чулакова, бывшаго управителя Карачаганакской волости. Сомнѣвались только, вернулся ли онъ уже изъ глубины степи. Впрочемъ, былъ конецъ іюля, и киргизскія кибитки все чаще усѣивали берега Урала... Говорили, будто Ирджана видѣли уже въ общественномъ собраніи, играющимъ на билліардѣ...

На третій день моего пребыванія въ Илекѣ къ воротамъ дома Вѣрушкиныхъ подъѣхалъ незнакомый господинъ на горячей сѣрой лошади, запряженной въ линейку...

— Ирджанка прикочевалъ, — сказалъ онъ, когда мы вышли на зовъ. — Ѣдемъ... Иванъ Ивановичъ съ компаніей уже уѣхалъ... Да садитесь, пожалуйста... Видите — дьяволъ этотъ руки мнѣ оттянулъ. Не удержать никакъ...

Лошадь дѣйствительно рвалась, била копытомъ и косила кровянымъ глазомъ. Думать было некогда... Мы захватили фуражки и усѣлись на линейку. Я — въ серединѣ, Макарь

Егоровичъ сзади, — и сѣрый сразу рванулся съ мѣста. Мнѣ показалось, что въ то же мгновенье дома, заборы, вся улица понеслись назадъ въ какомъ-то вихрѣ. Черезъ минуту за нами мелькнули послѣднія избы станицы, и мы понеслись въ степь по пыльной бугристой дорогѣ... Вѣтеръ свистѣлъ мнѣ въ уши, и вмѣстѣ съ запахомъ травы и хлѣбовъ ко мнѣ доносился легкими струйками запахъ вина... Мнѣ пришло въ голову, что едва ли эта поѣздка кончится добромъ. Жеребецъ все мчался, какъ бѣшеный, а незнакомый господинъ только гикалъ и кричалъ намъ: „держитесь, держитесь“... Въ одномъ мѣстѣ линейку тряхнуло такъ, что мы едва усидѣли; она нырнула книзу и рѣзко взлетѣла на возвышеніе...

— Валъ! — крикнулъ возница, — граница киргизской степи!.. — Я едва разглядѣлъ старинный перекопъ, — остатки рва и вала, темной разорванной линіей какъ бы змѣившіеся по степи. Отъ остального пути у меня осталось впечатлѣніе бѣшеной скачки, какого-то мельканія по сторонамъ и багроваго заката, трепетавшаго гдѣ-то вдали надъ горизонтомъ.

Но вотъ колеса заскрипѣли въ глубокомъ пескѣ. „Дьяволъ“ пошелъ тише. Незнакомый господинъ повернулъ ко мнѣ лицо и, пристально оглядѣвъ меня, — сказалъ неожиданно:

— Такъ это вы... Писатель?..

— Да, я, — отвѣтилъ я ему, переводя духъ.

— Странно, — сказалъ онъ.

— Почему же? — удивился я.

— Не похоже... Писатель! Долженъ быть человѣкъ гуманный...

— Но позвольте, — улыбнулся я... — Почему же вы знаете, что я не гуманный человѣкъ? Вѣдь вы меня первый разъ видите.

— Видѣлъ... въ общественномъ собраніи... Даже водки не пьете... Гуманный человѣкъ, — заявилъ онъ рѣшительно, — сейчасъ бы... къ буфету... Мы бы тебя угостили... Ты бы насъ угостилъ... И пошли бы крутить до ночи... Вотъ это гуманность... Что, не очень растрясъ я васъ?

— Правду сказать, — порядочно, — отвѣтилъ я покорно.

— Ничего. Это у меня не лошадь, а теленокъ... Другой у меня есть, тоже сѣрый, въ яблокахъ. Ну, на томъ пьяный не поѣдешь... Вонъ наши ѣдутъ...

Впереди дѣйствительно слышалось тарахтѣніе колесъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы догнали тарантасъ, въ которомъ сидѣли Иванъ Ивановичъ и еще два илецкихъ обывателя. Коляска остановилась. Мы стали знакомиться. Это были торговцы „иногородніе“, хотя и они, и, пожалуй, ихъ отцы ро-

дились въ Илекѣ. По они не казаки. Солнце сѣло, заря угасала надъ темнѣющей степью. Вся эта поѣздка случилась какъ-то такъ быстро, что мнѣ только теперь пришелъ въ голову вопросъ:

— Не поздно ли мы собрались, господа?.. Въ степи, должно быть, ложатся рано...

— Ну, что за церемоніи,— отвѣтили мнѣ новые знакомые.— Ирджанка пріятель. А только вы вотъ что,—посовѣтовалъ мой возница, вы того... Вы будьте погуманнѣе... Надо уважать обычаи. Отъ кумыса не отказывайтесь, ѣшьте побольше... Да вы смотрите на насъ, какъ мы, такъ и вы... А первый кусокъ, который вамъ подастъ хозяинъ,—отдайте обратно. Ему будетъ лестно...

Черезъ нѣсколько минутъ пески кончились, и степь опять неистово рванулась намъ навстрѣчу... Впереди замелькали огни кочевья...

Кочевье Ирджана Чулакова состояло изъ нѣсколькихъ кибитокъ, расположенныхъ полукругомъ надъ небольшой рѣчкой. Около одной изъ нихъ горѣлъ огонь, работники и работницы доили кобылъ. Невдалекѣ отъ дороги, разговаривая съ киргизомъ, державшимъ въ поводу осѣдланную лошадь, стоялъ самъ хозяинъ. Онъ былъ одѣтъ въ кафтанъ, вродѣ поддевки изъ чесучи, такія же брюки, засунутыя въ голенищи лакированныхъ сапогъ; на головѣ у него была темная войлочная шляпа, а когда онъ повернулся, то у него оказалась прекрасная, длинная съ сильной просѣдью борода (большая рѣдкость у киргизъ). Вообще вся фигура напоминала скорѣе солиднаго степного помѣщика, отдающаго распоряженія по хозяйству, и при взглядѣ на эту почтенную и даже нѣсколько повелительную фигуру,— мнѣ казалось страннымъ, что мои илецкіе знакомые, въ разговорахъ между собою, рѣдко звали его иначе, какъ уменьшительнымъ Ирджанка...

Онъ принялъ насъ съ спокойнымъ достоинствомъ. Всѣ остальные были ему знакомы, а съ торговцами онъ давно велъ дѣла. Внимательно оглядѣвъ насъ и какъ бы взвѣсивъ что-то, онъ подозвалъ работника и что-то сказалъ ему по киргизски.

Вскорѣ около одной изъ кибитокъ огонь разгорѣлся ярче, и гдѣ-то въ потемнѣвшей степи раздался похожій на плачъ ребенка крикъ молодого барашка,— невинной жертвы нашего неожиданнаго посѣщенія.

Компанія шумно ввалилась въ кибитку, весело здороваясь съ хозяйками, а мы съ хозяиномъ пошли гребнемъ небольшой возвышенности надъ рѣкой. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть кочевье

и, кромѣ того, предложить хозяину нѣсколько вопросовъ. Степь лежала кругомъ мглистая и спокойная; гдѣ-то на лугу ворчалъ и кряхтѣлъ верблюдъ, нѣсколько огоньковъ пронизывали издали туманныя сумерки, на багровомъ еще фонѣ заката рисовалась темная фигура киргизскаго всадника, уѣзжавшаго въ степь. Это хозяинъ послалъ за пѣвцомъ-домрачеемъ... Фигура помаячила надъ обрѣзомъ бугра и исчезла... Вся картина казалась мнѣ обрывкомъ прошлыхъ временъ, отголоскомъ какого-то далекаго и давно пережитаго быта.

Ирджанъ Чулаковъ отвѣчалъ на мои вопросы степенно и толково. О пугачовскомъ бунтѣ въ киргизской степи сохранилось мало воспоминаній. Пѣсня домрачеевъ говоритъ гораздо больше о борьбѣ киргизъ съ калмыками. Родъ хана Аблухаира, современный пугачовскому движенію, перевелся. Изъ четырехъ сыновей Аблухаира Ирджанъ Чулаковъ зналъ имена Нурали, о которомъ много говорятъ наши историки, и Айчувака... Послѣ пугачовскаго движенія киргизъ простого рода батырь Сарымъ-Дачъ поднялъ возстаніе. Ему удалось склонить на свою сторону 7 родовъ Джетрувской орды, послѣ чего сынъ Нурали-хана Букей ушелъ со своей ордой за Волгу. Но 12 родовъ Байлинской орды заступились за Айчувака, и онъ остался...

Одинъ изъ сыновей Айчувака былъ извѣстный Бай-Мухамедовъ, заслуженный боевой генералъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Петербургѣ. Казаки до сихъ поръ отзываются о немъ съ большимъ уваженіемъ, а киргизы возлагали на него большія надежды. Благодаря несчастной случайности, онъ утонулъ во время бурнаго разлива Урала. Событіе это въ свое время произвело большое впечатлѣніе. Годъ его смерти до сихъ поръ зовутъ „управительскимъ годомъ“. Съ нимъ угасли послѣдніе остатки вліянія Аблухаирскаго рода. Теперь одинъ изъ потомковъ хана Айчувака служитъ на Сухорѣчкѣ (около Затонной)... прикащикомъ у Михаила Савиновича Сыромятникова. Другой — Даникешъ Бай-Магометовъ, кочуетъ въ степи пониже Карачаганака...

На мѣсто этихъ чингисхановичей выдвинулись (благодаря, вѣроятно, политикѣ правительства) новые люди, незнатнаго рода, повышенные за тѣ или иныя заслуги. Одинъ изъ нихъ— Чулакъ-Айбасовъ (Вушантаева рода) — былъ человѣкъ очень умный и своего рода реформаторъ. До сихъ поръ еще около устьевъ Илека существуетъ урочище, названное именемъ Чулака, гдѣ онъ построилъ первое зимовье. Это была яма въ землѣ, прикрытая потолкомъ съ окнами. Въ нее вела крутая лѣстница... Киргизы сначала относились къ этому жилью съ

суевѣрнымъ ужасомъ. Самыя суровыя зимы они привыкли проводить въ своихъ кибиткахъ. Едва заглянувъ въ подземное жилище Чулака, они торопились выйти на воздухъ. „Это,— говорили они,—у тебя, Чулакъ, не жилье, а могила". Впослѣдствіи Чулакъ приподнялъ землянку надъ поверхностью земли и сдѣлалъ подобіе избы съ слегка наклонными стѣнами и плоской крышей. Теперь во время моей дальнѣйшей поѣздки степью—я уже встрѣчалъ много такихъ земляныхъ ауловъ. Правда, лѣтомъ они болѣе похожи на кучи навоза. Но зимой они все же защищаютъ отъ холода и жестокихъ мятелей лучше, чѣмъ войлочныя кибитки.

У этого степного новатора было два сына. Ирджанъ, нашъ хозяинъ, воспитывался въ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ (кажется, недолго), потомъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ хивинскомъ походѣ, за что получилъ нѣсколько знаковъ отличія. Братъ его, Нурджанъ, не получилъ никакого образованія и представляетъ партію старины... На послѣднихъ выборахъ ему удалось, однако, получить перевѣсъ надъ братомъ, и теперь онъ состоитъ волостнымъ управителемъ. Отношенія у братьевъ видимо натянутыя...

Вотъ все, что мнѣ удалось узнать о недавнемъ прошломъ отъ полуинтеллигентнаго представителя степи. Что касается болѣе отдаленныхъ историческихъ событій, то въ преданіяхъ объ нихъ фигуры батырей въ родѣ Сарымъ-Дача закрываютъ хановъ, которые такъ или иначе дѣлали исторію, сносясь съ русскимъ правительствомъ; историческая перспектива давно потеряна, и отраженія дѣйствительныхъ событій преломляются смутно, неопредѣленно и порой странно...

Пока мы разговаривали, степь окончательно стемнѣла, поглотивъ всѣ отдѣльныя очертанія. Только нѣсколько кибитокъ рисовались надъ темнымъ обрѣзомъ горизонта круглыми верхушками, да полыхалъ красный огонь костра, надъ которымъ висѣли котлы. Пола самой большой кибитки была отдернута, и внутри виднѣлась свободно расположившаяся группа гостей. Мы съ хозяиномъ отправились туда же.

Семья Ирджана Чулакова состоитъ изъ жены, больной женщины съ умнымъ и пріятнымъ лицомъ, двухъ дочерей, изъ которыхъ одна замужняя, двухъ сыновей и зятя.

Гости сидѣли на полу, по киргизски, подогнувъ ноги. Мнѣ, впрочемъ, подали подушки, что показалось мнѣ гораздо болѣе удобнымъ. Когда появился котелъ съ бараниной, хозяинъ придвинулъ его къ себѣ и, взявъ голову съ тусклыми сварившимися глазами, подалъ ее мнѣ. Помня наставленіе моего спутника, я отдалъ ее обратно хозяину, который слегка кив-

пулъ головой и сталъ крошить мясо. Для этого, вымывъ предварительно руки, онъ бралъ куски изъ котла и крошилъ ихъ ножомъ въ деревянную чашку. Затѣмъ, вынувъ глаза, онъ съ видимымъ удовольствіемъ съѣлъ ихъ и, разломавъ черепъ, подавалъ куски головы гостямъ.

— Ну, теперь смотрите, какъ надо ѣсть, — сказалъ мнѣ одинъ изъ илечанъ. Онъ засунулъ всю пятерню въ чашку и, захвативъ полной горстью куски баранины, закинулъ голову и поднесъ все это ко рту. Жиръ стекалъ ему на бороду, но онъ ловко хваталъ ртомъ куски и облизывалъ пальцы. При этомъ онъ чавкалъ, чмокалъ и жевалъ такъ громко, что вся кибитка наполнилась этими звуками...

Замѣтивъ, что я затрудняюсь послѣдовать этому примѣру, Ирджанъ Чулаковичъ кивнулъ женщинамъ, и мнѣ тотчасъ же подали тарелку съ вилкой.

— Эхъ, вы!—укоризненно замѣтилъ мнѣ мой руководитель. Онъ совалъ пальцы въ ротъ еще дальше и обсасывалъ ихъ еще громче. Сами киргизы дѣлали почти то же, но какъ-то иначе и проще, такъ что отъ демонстративнаго „уваженія къ обычаю“ моего спутника мнѣ становилось неловко. Когда какая-нибудь изъ женщинъ семьи, прислуживавшихъ гостямъ, проходила мимо, то одинъ изъ торговцевъ, сильно захмѣлѣвшій, тянулся къ ней замасленными руками и хваталъ проходившую за талію... Хозяинъ слѣдилъ за этими манипуляціями внимательнымъ взглядомъ, какъ бы готовый остановить проявленіе „русскихъ обычаевъ“ на извѣстной ступени... Но женщины иногда съ улыбкой, а большей частью съ спокойнымъ достоинствомъ уклонялись и скользили мимо. Что онѣ сами думали объ этихъ русскихъ обычаяхъ, по лицамъ сказать было трудно...

Мы уже кончали ужинъ, и передъ нами поставили большія чашки со свѣжимъ кумысомъ, когда передъ палаткой раздался топотъ и въ освѣщенномъ пространствѣ показался киргизъ всадникъ. Легко соскочивъ съ лошади, которую тотчасъ подхватилъ молодой киргизенокъ, онъ вошелъ въ кибитку и поклонился. Въ его походкѣ и манерахъ было видно нѣкоторое достоинство. На ремнѣ черезъ плечо у него висѣла домбра, нѣчто среднее между балалайкой и гитарой, съ двумя струнами и очень длиннымъ грифомъ. Ему тоже поднесли кумысу и затѣмъ постлали коверъ въ серединѣ кибитки. Усѣвшись по восточному, онъ настроилъ домбру, окинулъ насъ взглядомъ черныхъ быстрыхъ глазъ и, слегка приподнявъ голову съ торчащей черной бородкой, сталъ пѣть.

Звуки пѣсни были своеобразны и странны. Сначала они

бѣжали, нагоняя другъ друга и какъ бы сталкиваясь, потомъ становились медленнѣе и заканчивались долгимъ тягучимъ отголоскомъ, какъ бы замирающимъ въ отдаленіи. Пѣвецъ видимо щеголялъ этими послѣдними нотами, которыя дрожали, волновались, ломались и трепетали, то совсѣмъ замирая, то оживая вновь и опять разгораясь, чтобы стихнуть едва замѣтно, задумчиво, съ какой-то особенной печалью, въ которой дрожали отголоски какихъ-то далей... безъ конца, безъ краю, безъ опредѣленныхъ образовъ и только съ безграничной унылой тоской.

Звуки эти настраивали меня особеннымъ образомъ. Мнѣ казалось, что домрачей поетъ что-нибудь о старинѣ этихъ степей. Оказалось, что я былъ далекъ отъ истины. Въ кибиткѣ „новаго человѣка“ орды домрачей пѣлъ только о хозяинѣ, о томъ, что у него есть жалованные кафтанъ и сабля, что у него много кобылъ и кумысу, что къ нему пріѣзжаютъ далекіе гости изъ самой столицы...

Подъ конецъ къ голосу домрачея присоединился другой: слегка захмѣлѣвшій илечанинъ К., закинувъ голову и выдѣлывая необыкновенные фокусы горломъ, — сталъ подпѣвать, а затѣмъ между нимъ и пѣвцомъ установился настоящій діалогъ... Киргизы и русскіе, понимавшіе значеніе этого состязанія, только улыбались... Всѣ, однако, признавали, что этотъ „иногородній“ житель Урала поетъ если не какъ настоящій поэтъ, то во всякомъ случаѣ, какъ настоящій киргизъ...

Въ заключеніе, хозяинъ, подчиняясь просьбамъ гостей, надѣлъ на себя всѣ регаліи. Одинъ изъ сундуковъ, стоявшихъ подъ стѣнками кибитки, былъ открытъ, и любимица младшая дочь съ гордостью подавала отцу принадлежности жалованнаго костюма. Черезъ нѣсколько минутъ Ирджанъ во всемъ великолѣпіи стоялъ посерединѣ кибитки, освѣщенный двумя свѣчами, которыя держали дочери. На немъ былъ голубой бархатный кафтанъ, шитый по краямъ широкимъ золотымъ позументомъ, украшенный многочисленными орденами. На шеѣ была надѣта лента съ крестомъ, въ одной рукѣ онъ держалъ жалованную саблю, въ другой — тоже жалованные часы. Голова степного сановника была украшена необыкновенно грузнымъ сооруженіемъ, очень напоминавшимъ китайскую пагоду съ поднятыми углами крыши... Онъ стоялъ неподвижно, съ сознаніемъ важности всего этого ансамбля, а женщины стотрѣли на него съ восхищеніемъ. Снаружи въ приподнятую полу кибитки и въ открытый внизу переплетъ заглядывали работники и работницы... Самыя звѣзды, казалось, съ почтеніемъ смотрятъ на безмолвную картину въ круглое отверстіе наверху кибитки...

Была уже ночь, надъ степью выкатывалась большая луна, когда намъ подали лошадей. Сѣраго жеребца едва держали подъ уздцы два киргиза. Они отскочили, какъ только мы усѣлись, и степь опять рванулась у насъ изъ-подъ ногъ. Мнѣ казалось, что мимо меня несутся два какихъ-то темныхъ волнующихся вала, а надъ ними вздрагивала и прыгала красная ущербленная луна...

Вскорѣ мнѣ пришлось все-таки увидѣть и послѣднихъ представителей ханскаго Аблухаирскаго рода.

Это было уже на нашемъ обратномъ пути изъ Илека. Мы ѣхали „бухарской стороной", стараясь не удаляться отъ береговъ Урала, синѣвшаго на сѣверѣ полоской лѣсовъ. Передъ нами лежала степь, голая, безъ кустика, безъ деревца, съ разбросанными кое-гдѣ кибитками, лежавшими, какъ караваи хлѣба, на плоской землѣ.

Около середины дня показались впереди излучины Утвы, тихо катившей свои воды къ Уралу. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на историческую рѣку, и мнѣ невольно вспоминался грустный напѣвъ:

...Взборонена пашня яровая
Копытами киргизскихъ дикихъ коней...

Желѣзновъ приводитъ и точную историческую справку относительно этой битвы. „Въ прошедшемъ 724 году,—писали казаки въ военную коллегію,—подбѣгали подъ нашъ казачій городокъ непріятельскіе люди кара-калпаки и киргизъ-казаки тысячнымъ числомъ, и мы войскомъ яицкимъ, выбравъ изъ старшинъ походнаго атамана Ивана Логинова и при немъ семьсотъ человѣкъ, догнали оныхъ непріятельскихъ людей при урочищѣ Утвѣ рѣкѣ... и бились съ ними 2 дни и ночь. И волею Божіею и нашимъ несчастіемъ нашихъ казаковъ 72 человѣка побито, а другихъ многое число ранены и въ полонъ побраны"...

Утвинскихъ горъ намъ не было видно. Онѣ, говорятъ, довольно высоки, мѣлового характера и легли по степи значительной грядой... Я невольно вглядывался въ степныя дали, но онѣ были закрыты мглою... Сбирались тучи... И съ особенной красотой и грустью вставалъ въ памяти задушевный мотивъ старинной пѣсни:

Кто польетъ тебя, развѣ съ неба дождикъ...

Около 5 часовъ вечера давно уже дразнившая насъ Утва, наконецъ, показалась совсѣмъ близко. Она неожиданно выползла изъ-за степного бугра и осталась у насъ вправо. На другой сторонѣ, на небольшомъ возвышеніи виднѣлся зимній

аулъ: убогія землянки, размытыя дождями, съ плоскими крышами, на которыхъ росли степныя травы.

Невдалекѣ отъ этого пустого аула черезъ рѣчку былъ перекинутъ живой мостикъ: на жидкихъ столбикахъ съ перекладинами былъ положенъ плетень, на которомъ накиданъ слой навоза. Когда мы, ныряя и качаясь, не безъ опасности переправлялись по этому мосту, то за нашей переправой наблюдала цѣлая группа киргизъ. Это было нѣсколько женщинъ, сидѣвшихъ въ телѣжкѣ, и около нихъ верхами мальчикъ и пожилой стройный джигитъ. Они подъѣхали къ рѣчкѣ немного выше и нарочно остановились, ожидая результатовъ нашего небезопаснаго предпріятія. Когда переправа наша благополучно закончилась, то мальчикъ хлеснулъ лошадь и помчался къ намъ. За нимъ поскакалъ и его провожатый. Не доѣхавъ до насъ саженъ десятокъ, мальчикъ задержалъ коня, какъ будто сконфузившись, и остановился. Пожилой обскакалъ его и, подъѣхавъ къ намъ, потребовалъ плату за... переправу. Онъ очень плохо говорилъ по-русски, но мнѣ показалось, что требованіе предъявляется отъ имени какого-то хана.

— Сколько же именно?—спросилъ я, улыбаясь.

— Не знаю... Ныкакъ. — сказалъ джигитъ, предоставляя видимо размѣръ дани на наше усмотрѣніе... Я далъ серебряную мелкую монету. Джигитъ живо повернулся и, подскакавъ къ мальчику, почтительно подалъ ему нашу дань. Тотъ видимо обрадовался, и оба понеслись къ телѣжкѣ, гдѣ мальчикъ съ дѣтской живостью сталъ показывать монету. Нѣсколько женскихъ головъ наклонилось надъ нею съ любопытствомъ. Оказалось, однако, что, взявъ съ насъ за переправу, сами они не рѣшились воспользоваться ею даже послѣ нашего ободряющаго примѣра и, спустившись къ оврагу, благополучнѣйшимъ образомъ переправились въ бродъ и поѣхали къ виднѣвшемуся вблизи аулу.

Во всей этой группѣ мнѣ почудилось что-то не вполнѣ заурядное, — какъ будто это — семья какихъ-то степныхъ помѣщиковъ. Пріѣхавъ на ночлегъ къ Иртецкому базару,— небольшому русскому поселку, выдвинувшемуся въ киргизскую степь противъ Иртека, я спросилъ у хозяйки, что это за аулъ мы проѣхали надъ Утвой у мостика.

— Да это вѣрно Даникешкинъ,—отвѣтила она.

— А кто это Даникешъ?—спросилъ я опять.

— Да Чулаковъ это. Султанъ...

— А мальчикъ?

— Да все султаньё, племянники да братья... Дво-ря-не... Не думай ты...

Не оставалось сомнѣнія: мы проѣхали мимо ауловъ послѣднихъ представителей хановъ Абдухаирскаго рода, можетъ-быть, даже потомковъ Чингисъ-хана... Хозяйка говорила о Даникешѣ Бай-Магометовѣ съ нѣкоторымъ почтеніемъ. По ея словамъ, онъ, хотя ведетъ образъ жизни кочевого киргиза, но человѣкъ почетный. Доказательства этого она видѣла въ томъ, что онъ грамотный и даже... составляетъ казакамъ прошенія въ Илекѣ и на базарахъ Иртецкомъ и Карачаганакскомъ...

— Перо съ чернильницей завсегда съ нимъ,—прибавила она почтительно.

Въ эту ночь я долго не могъ заснуть. Спали мы по обыкновенію на дворѣ. По небу тѣснились и ползли куда-то мглистыя тучи. Повременамъ принимался накрапывать дождикъ. Среди пустого поселка хрипло лаяли собаки, и на ихъ лай издалека отвѣчали другія, съ ауловъ. На утро мы рѣшились вернуться обратно, къ мосту, и разыскать кибиткуДаникеша.

— Да вы у киргизъ спросите, — простодушно совѣтовала казачка-хозяйка. — Гдѣ-молъ тутъ Даникешкина кибитка?.. Султанъ, скажите,—Даникешка-султанъ... Укажутъ.

Мы безъ труда разыскали аулъ и „султанскую“ кибитку изъ бѣлаго войлока. Оказалось, однако, что Даникешъ не ночевалъ въ своемъ аулѣ. Онъ былъ въ Карачаганакѣ, и я могъ бы увидѣть его тамъ третьяго-дня на базарѣ.

И, однако, я не пожалѣлъ, что вернулся за пять верстъ на берегъ Утвы. Въ дальнѣйшій путь я всетаки увезъ въ памяти картину этого спящаго еще аула съ бѣлой кибиткой, въ которой на полу храпѣли въ повалку потомки грознаго Чингисъ-хана... Солнце только что всходило изъ-за облаковъ: надъ степью стояла мгла мелкаго дождя, мочившаго кошмы кибитокъ. Картина была полна какого-то особеннаго унынія и тихой печали... Я пріоткрылъ полу и заглянулъ внутрь, но войти не рѣшился, хотя, вѣроятно, если бы я заговорилъ требовательно и громко, султанши и султанята стали бы покорно отвѣчать на всѣ мои вопросы.

Въ кибиткѣ заплакалъ ребенокъ, безтолково залаяла охрипшая собака, и опять все стихло, только продолжалъ сѣять частый дождь, и степной вѣтеръ шепталъ мнѣ въ уши объ ироніи судьбы, начавшей съ грознаго Чингисъ-хана и закончившей мирнымъ составителемъ прошеній на киргизскихъ базарахъ...

Наша попытка—проѣхать на перерѣзъ киргизской степью закончилась полной неудачей. До Иртецкаго базара мы ѣхали увалами, съ которыхъ всетаки была видна полоска уральскихъ лѣсовъ. За Утвой намъ предстояло пуститься въ глубь

степи, на юго-востокъ, при чемъ Уралъ круглой излучиной ушелъ за край степного горизонта.

Киргизы, изрѣдка встрѣчавшіеся намъ на пути, или совсѣмъ не говорили по-русски, или безпечно указывали направленіе, не понимая, чтобы въ степи можно было сбиться. Скоро, однако, большая дорога, по которой мы ѣхали, раздѣлилась на двое, потомъ опять на двое и, наконецъ, нашъ конекъ, въ полномъ недоумѣніи, стрижа ушами, остановился у одинокой кибитки...

Хозяевъ въ кибиткѣ не было... Дороги также не было. Пошелъ дождь, сначала мелкій, какъ пыль, потомъ гуще, и скоро степныя дали потонули въ безпросвѣтной туманной мглѣ. Усталые, промокшіе, мы брели наудачу безъ дорогъ, держась общаго направленія къ уральскимъ лугамъ, какъ вдругъ, къ нашей радости, близко на холмѣ замахали крылья мельницы... Здѣсь мы встрѣтили радушное гостепріимство и указанія... Хозяева рѣшительно не совѣтовали пускаться въ степь. Киргизъ чуетъ направленіе, какъ птица. А намъ стоитъ попасть не на ту дорогу, и пойдетъ на десятки верстъ степь безъ жилья и главное безъ воды.

Это было очень резонно. Дождь становился рѣже, но тучи клубились надъ горизонтомъ, сливаясь въ сплошную пелену... Я съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ въ степную даль, и мы повернули къ Уралу...

Солнце уже садилось, когда, пользуясь указаніями хозяевъ мельницы, мы подъѣхали къ берегу рѣки... На другой сторонѣ передъ нами высились крутые обрывы и надъ ними крыши Январцевскаго поселка... Подъ яромъ стоялъ перевозъ, закатъ угасалъ среди густыхъ тучъ, повременамъ вѣтеръ кидалъ косыя капли дождя. Становилось холодно, но противоположный берегъ былъ безмолвенъ, точно поселокъ вымеръ. Паромъ покачивался подъ яромъ, порой скрипѣлъ, но не подавалъ никакихъ признаковъ жизни... Наши унылые крики „паро-о-омъ“ вѣтеръ несъ вдоль Урала... Наконецъ, мой спутникъ потерялъ терпѣніе, и эхо отразило отъ яра крѣпкое и выразительное русское слово...

Это подѣйствовало... Зачернѣли надъ яромъ фигуры... Въ ихъ числѣ оказался, на наше счастье, Григорій Терентьевичъ Хохловъ. Зоркіе глаза бѣловодскаго искателя разглядѣли наши знакомыя фигуры и тарантайку. И онъ энергично принялся хлопотать. Казачій паромъ оказался въ частныхъ рукахъ, и хозяинъ уѣхалъ куда-то въ поле, заперевъ паромъ на замокъ...

Черезъ полчаса мы были опять на казачьей сторонѣ Урала, въ уже знакомомъ Январцевѣ... Съ высокой кручи я кинулъ послѣдній взглядъ на непривѣтливую степь... Она была вся

закутана мглой... Гдѣ-то синѣли какія-то пятна, гдѣ-то прорѣзались загадочные огоньки, но туманная пелена опять сливалась въ сплошную, задумчивую тучу, все больше насыщавшуюся темнотою близкой ночи...

Нашъ конекъ опять увѣренно трусилъ по знакомой дорогѣ къ близкому ночлегу въ Требухинскомъ поселкѣ, а въ моемъ воображеніи все еще носились впечатлѣнія этого дня: группа киргизской молодежи на берегу Утвы, у пустого зимовья, ровная степь подъ грустной пеленой дождя, мокрыя кибитки Даникешкина аула съ спящими потомками Чингисъ-хановъ...

И невольно устанавливалась парадоксальная связь между этой нѣкогда враждебною степью и судьбами казачьяго Урала... Она „замирилась“ и дремлетъ въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго, и вмѣстѣ съ этимъ умираетъ своеобразный казачій строй, съ его оригинальнымъ бытомъ и складомъ... Теперь это только еще случайно сохраняющійся обломокъ прошлаго... Прошлаго красиваго, сильнаго, оригинальнаго и поэтическаго, но всетаки прошлаго... Борьба стихла... Ни жилому осетру, ни степному верблюду не задержать новыхъ условій. На рѣку прорвется пароходъ, степь со свистомъ перерѣжетъ паровозъ, и постепенно стихнуть даже преданія объ особенномъ казачьемъ бытѣ.

Неспокойныя волны враждебной Азіи улеглись, отступили, и казачій строй оказался чѣмъ-то вродѣ кита, выплеснутаго на песчаную отмель... На мѣсто прежняго войска—пришелъ уже „ранжиръ“, и съ нимъ потерялся основной первъ, придававшій жизнь и смыслъ особенному казачьему „украинному быту“. Прошлое уже теперь быстро исчезаетъ, а новое... Новое еще въ загадочномъ туманѣ.

— А жаль,—говорилъ мнѣ одинъ иногородній, когда я еще только ѣхалъ къ Уральску и мы заговорили объ этомъ.— Казакъ—человѣкъ особенный. Нѣтъ другихъ такихъ... У него, поглядите,—и рѣчь, и поведеніе, и даже выходка другая.

Да, казачій строй выработалъ свой особенный человѣческій типъ... Что внесетъ онъ съ своей стороны въ ту будущую волю, которая должна теперь вырабатываться не на „украинныхъ началахъ“ борьбы, а на началахъ, одинаковыхъ и для Уральска, и для Илека, и для киргизской степи, надъ которой въ эти минуты передъ моимъ взглядомъ, тамъ за Ураломъ, висѣла туманная мгла...

Къ вечеру слѣдующаго дня мы подъѣзжали уже къ Уральску. И было пора: надъ степью, по капризу перемѣнчивой погоды, неслось уже первое холодное дыханіе ранней осени...

1901 г.

СЛУЧАЙНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Метаморфоза «Гражданина».

Какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго года князь Мещерскій объявилъ urbi et orbi, что онъ рѣшительно прекращаетъ съ 1-го января изданіе ежедневной газеты, и вотъ уже второй мѣсяцъ его „Гражданинъ“ появляется только два раза въ недѣлю. Въ заявленіяхъ издателя, которыми сопровождалась эта перемѣна, было много горечи. „Не разъ уже,—писалъ кн. Мещерскій въ циркулярномъ посланіи къ предводителямъ дворянства,—я обращался къ гг. предводителямъ въ надеждѣ найти въ нихъ сочувствіе... Не скажу, чтобы эти обращенія были успѣшны..., тѣмъ не менѣе, какъ изволите видѣть, я... считаю малодушіемъ теперь, когда такъ печально положеніе земельнаго дворянства, бросить свою задачу въ печати... Вотъ почему, препровождая къ вамъ мое объявленіе объ изданіи (еженедѣльномъ) „Гражданина“ на будущее время, *дѣлаю это только для очищенія совѣсти*, безъ *малѣйшихъ иллюзій насчетъ успѣха моего къ вамъ обращенія*“. — Такъ можетъ писать только человѣкъ, дѣйствительно испытавшій глубокія и многократныя разочарованія. Мы помнимъ много заявленій кн. Мещерскаго, еще болѣе откровенно устанавливавшихъ фактъ, что „Гражданинъ“ не имѣетъ почвы даже въ томъ самомъ дворянствѣ, которое онъ отстаиваетъ и защищаетъ. Дѣло дошло до такой печальной крайности, что уже въ августѣ прошлаго года „Новымъ Временемъ“ были оглашены нѣкоторыя совершенно экстраординарныя мѣропріятія, которыми издатель „Гражданина“ счелъ необходимымъ компенсировать равнодушіе отстаиваемаго имъ сословія, самымъ горестнымъ образомъ отражавшееся на подпискѣ.—„Какъ порядочный человѣкъ,—писалъ кн. Мещерскій по этому поводу,—отрицаю безусловно вліяніе психическое моихъ личныхъ типографскихъ интересовъ на мое мнѣніе о чиновни-

кахъ контроля". Къ сожалѣнію, однако, объективные, а не психическіе только факты, констатированные чиновниками контроля, отрицанію совершенно не подлежали, и уже одна необходимость говорить о такой удивительной вещи, какъ „вліяніе психическое типографскихъ интересовъ", заключаетъ въ себѣ, очевидно, много той же неприкрашенной горечи, которой проникнуто и воззваніе къ предводителямъ.

Зато, обращаясь къ другой сторонѣ, къ своимъ принципіальнымъ противникамъ въ печати, которые, по мнѣнію кн. Мещерскаго, могли почерпнуть въ его отступленіи нѣкоторыя преувеличенныя надежды, издатель „Гражданина" говорилъ тономъ гораздо болѣе увѣреннымъ и отчасти даже высокомѣрнымъ. Онъ обѣщалъ, во 1-хъ, что и его собственныя писанія, введенныя въ рамки еженедѣльныхъ бесѣдъ, станутъ значительно сосредоточеннѣе, а значитъ и гибельнѣе для либерализма, а во 2-хъ, что и ежедневный „Гражданинъ" не умираетъ весь, а лишь измѣняетъ шрифтъ и заглавіе. По словамъ кн. Мещерскаго, вѣрнымъ продолжателемъ его принциповъ во всей полнотѣ должна явиться газета „Петербургскія Вѣдомости", въ новой редакціи кн. Э. Э. Ухтомскаго.

Слѣдя, по хроникерской обязанности, за періодической прессой въ столицахъ и провинціи, мы, кажется, имѣемъ возможность засвидѣтельствовать, что опасенія издателя „Гражданина" въ этомъ отношеніи были нѣсколько преувеличены. Мы не замѣтили въ прессѣ никакихъ особенныхъ ликованій собственно по этому поводу, и никакихъ преувеличенныхъ надеждъ не проявлялось. Наоборотъ, даже въ отзывахъ самыхъ, повидимому, ярыхъ противниковъ бывшаго „Гражданина" проглядывала нота нѣкотораго, невольнаго впрочемъ, можетъ быть даже не вполнѣ сознательнаго сожалѣнія. Одна изъ провинціальныхъ газетъ дала этому чувству вполнѣ опредѣленную форму. По ея словамъ, ежедневная пресса въ лицѣ „Гражданина" даже много теряетъ,—было такъ удобно скрашивать порой скучную хронику нѣсколькими строками, наудачу взятыми изъ „Гражданина" и всегда способными внести нѣкоторое веселое оживленіе послѣ болѣе или менѣе мрачныхъ впечатлѣній нашей современности.

Намъ хочется прибавить и еще кое-что въ пользу удалившагося ежедневнаго „Гражданина"... Дѣйствительно ли онъ не выражалъ собою никакой общественной группы, дѣйствительно ли за нимъ не стояло ничьего сочувствія, и никто не встрѣчалъ съ восторгомъ его писаній, какъ это повторялось многократно и противниками кн. Мещерскаго, и имъ самимъ между прочимъ въ горькомъ послѣднемъ обращеніи къ пред-

водителямъ? Не думаемъ. Правда, упрекнуть газету въ особенной послѣдовательности по крупнѣйшимъ вопросамъ русской жизни, т. е. въ томъ, что въ нѣкоторой части печати принято называть „доктринерствомъ"—никоимъ образомъ не приходится. Быть можетъ вслѣдствіе чрезвычайной нервности и отзывчивости, почтенный органъ всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи по каждому вопросу не менѣе двухъ мнѣній, порой совершенно противуположныхъ. Чтобы не хвалить голословно, возьмемъ наудачу нѣсколько вопросовъ нашей жизни, на которые отзывался издатель „Гражданина". Напримѣръ: что есть община?—единственный оплотъ деревни и даже всей Россіи; „въ эпоху либеральныхъ вѣяній только охранительная сила общины дала рѣшительный отпоръ попыткамъ политической пропаганды", не смотря даже на слабый отпоръ „со стороны нѣкоторыхъ агентовъ власти". Но... что есть община? „Община есть открытая дверь для злоумышленниковъ", и потому ее необходимо отдать подъ строгій надзоръ земскаго начальника (Гр. 1893, № 318). Многіе еще помнятъ горячія статьи кн. Мещерскаго о паденіи у насъ чувства законности, и однако—законность „есть опасный лозунгъ либеральной смуты". Въ апрѣлѣ 1894 года, во мнѣніи князя Мещерскаго народное образованіе являлось столь важнымъ, само по себѣ, что передъ недостаткомъ въ средствахъ останавливаться не слѣдуетъ... „Было бы искреннее (!) желаніе, и средства найдутся". Но уже въ октябрѣ 1895,—невѣжество есть главная сила государствъ. „Франція уцѣлѣла, не взирая на Робеспьера и на свою республику,—лишь потому, что осталась живою (sic) главная сила Франціи—*необразованность народа*". Образованіе же (въ октябрѣ 1895 г.) столь опасно, что „завтра сдѣлайся народъ образованнымъ—не останется во Франціи камня на камнѣ", изъ чего разумѣется можно бы сдѣлать выводъ, что, вслѣдствіе своей крайней живости и способности увлекаться, князь Мещерскій въ апрѣлѣ 1894 года являлся чѣмъ-то вродѣ россійскаго Робеспьера, подрывавшаго главную, „живую силу" собственнаго отечества. 25 ноября 1893 года князь Мещерскій горько сѣтуетъ на либеральныя вѣянія, давшія судебные уставы Импер. Александра II. Если бы не они,—„мы имѣли бы ускоренный и упрощенный судъ, съ хорошимъ окладомъ для хорошихъ должностныхъ лицъ, безъ всякихъ принциповъ независимости и безъ всякихъ комедій вродѣ суда присяжныхъ", — „самая жизнь въ этихъ условіяхъ—была бы вкуснымъ и сочнымъ плодомъ царскихъ дѣлъ, безъ всякой примѣси либеральщины" (1893 г., № 325). Да и старые, дореформенные

суды „лучше ладили съ русскою жизнью, чѣмъ новые франко-итальянскіе (sic) съ ихъ чуждыми началами“ (1894, 21 мая). Но 8 августа 1895 года оказывается уже, что „отличительными чертами дореформеннаго судопроизводства были: медленность, волокита, лицепріятіе, сутяжничество, крючкотворство и полнѣйшій произволъ... Прямо не вѣрится или вѣрнѣе не хочется вѣрить, чтобы это могло имѣть мѣсто въ сравнительно столь еще не далекомъ прошломъ“ (цит. изъ „Нижегор. Листка“, 1895, № 217). Совершенно понятно поэтому, что для судебныхъ уставовъ, въ данномъ своемъ умонастроеніи, князь Мещерскій не находитъ словъ достаточно восторженныхъ. Съ ними, „благодаря державной волѣ Императора Александра II, для Россіи наступила новая свѣтлая эра судебной реформы и на мѣстѣ обветшалыхъ и загрязненныхъ зданій богини Ѳемиды, стали возвышаться новыя зданія, отличавшіяся строгой простотой, гармоніей частей, стройностію и съ девизомъ въ чисто христіанскомъ духѣ: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“ (ib).

Эти примѣры, взятые нами совершенно наудачу изъ безчисленнаго множества другихъ, быть можетъ гораздо болѣе яркихъ,—мы привели отнюдь не въ укоръ нашему почтенному собрату. Насъ интересуетъ только вопросъ—гдѣ же причина того любопытнаго явленія, что „Гражданинъ“, не смотря на всѣ эти совершенно неожиданныя колебанія и скачки, не смотря на неустойчивость даже географическихъ своихъ взглядовъ, позволявшую ему упорно и многократно причислять румынъ къ славянскому племени,—всетаки несомнѣнно шелъ во главѣ нашей „охранительной“ прессы и его своеобразная, но яркая популярность въ печати и обществѣ оставляла далеко позади тусклое „направленіе“ другихъ органовъ того же лагеря. Между тѣмъ, это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и очень вѣроятно, что историку нашего недавняго прошлаго придется характеризовать эти годы, какъ время „популярности Гражданина“. Очевидно, что, не смотря на всѣ противорѣчія, колебанія и самоотрицаніе въ столь многихъ случаяхъ, было нѣчто имманентное въ этой пестрой дѣятельности, что придавало ей все-таки характеръ живого литературнаго явленія, отражающаго какую-то сторону нашей жизни. Полагаю, послѣ всего приведеннаго не менѣе очевидно, что это „нѣчто“ лежитъ не въ вѣрности принципамъ и не въ цѣльности преслѣдуемой „Гражданиномъ“ общественно-политической программы.

Мнѣ кажется, что загадку интересующаго насъ вопроса слѣдуетъ искать въ нѣкоторыхъ объективныхъ „фактахъ и

цифрахъ“ нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденій. Мы, разумѣется, будемъ кратки и укажемъ только выдающіеся пункты изъ этой области. Крупнѣйшимъ изъ нихъ является несомнѣнно учрежденіе въ апрѣлѣ 1885 г. дворянскаго банка. Уже черезъ 4 года (въ 1889 г.) для надобностей того же дворянскаго банка выпускается особый выигрышный заемъ, такъ называемая въ просторѣчіи „дворянская лоттерея“. Манифестомъ 1894 г. даруются дворянству особыя, чисто экономическаго характера льготы, состоящія: а) въ уменьшеніи % по ссудамъ изъ дворянскаго банка съ 4½ до 4% въ годъ; б) въ такихъ же льготахъ заемщикамъ бывшаго „золотого банка“, въ золотой сѣти котораго безнадежно билось множество запутавшихся дворянскихъ имѣній. Льготы по отношенію къ заемщикамъ дворянскаго банка еще не потребовали отъ государства особыхъ пожертвованій, такъ какъ покрываются пока фондомъ отъ реализаціи дворянской лоттереи 1889 г., но льгота по „золотому банку“ уже потребовала отъ казны единовременнаго расхода въ 18½ милліоновъ. Наконецъ, въ истекшемъ году послѣдовало уменьшеніе для землевладѣльцевъ крѣпостныхъ пошлинъ и пошлинъ съ безмезднаго перехода имуществъ (по наслѣдству). Льгота эта требуетъ ежегоднаго пожертвованія со стороны казны въ 3.750.000 рублей. Прибавьте къ этому еще мѣры по облегченію кредита землевладѣльцамъ вообще подъ соло-векселя, подъ хлѣбъ и т. д., и затѣмъ вставьте въ эту хронологическую справку еще слѣдующія даты: 12 іюня 1886 г., принесшее „положеніе о наймѣ сельскихъ рабочихъ“, въ которомъ проходитъ ясною нитью усиленное попеченіе о нуждахъ землевладѣльцевъ; 12 іюля 1889 г., отмѣченное одной изъ самыхъ знаменательныхъ въ томъ же направленіи реформъ—введеніемъ института земскихъ начальниковъ, и 12 іюня 1890 г.,—когда такъ значительно усилено сословное начало и значеніе дворянства въ земствѣ,—и передъ вами предстанетъ основная нота послѣдняго десятилѣтія нашей жизни. Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить на точныхъ фактахъ,—въ какой мѣрѣ и какая часть сословія дѣйствительно съумѣла воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для укрѣпленія своего положенія среди остальныхъ дѣйствующихъ въ нашемъ обществѣ силъ,—что собственно и составляло задачу данной программы. Несомнѣнно, однако, что очень значительная часть этого сдѣлать не съумѣла, что для нея все это представлялось не временнымъ актомъ, дающимъ лишь матеріалъ для дальнѣйшихъ личныхъ усилій, а только началомъ постояннаго процесса, долженствовавшаго все возрастать и усиливаться въ

безконечность. А это, разумѣется, совершенная утопія, и теперь ни для кого уже не тайна, что по этому пути пройдено гораздо больше, чѣмъ еще осталось пройти.

Въ этомъ лежитъ и объясненіе одного изъ настроеній одной части нашего общества. Настроеніе это—ожиданіе, во 1-хъ, и разочарованіе, во 2-хъ. Ожиданіе неясное, неоформленное, неподлежащее вполнѣ точной формулировкѣ, а значитъ и полному удовлетворенію, но отъ этого не менѣе острое, напряженное и даже страстное; ожиданіе, закончившее или заканчивающее свой логическій кругъ и постепенно переходящее въ унылое разочарованіе.

Это-то именно и отразилъ на себѣ „Гражданинъ“ въ періодъ своего расцвѣта за послѣдніе годы. Что онъ не выражалъ собою мнѣній всего русскаго дворянства, этому приходится, конечно, вѣрить послѣ столь убѣдительныхъ заявленій, послѣдовавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Но по крайней мѣрѣ радости и надежды, торжество и ликованіе, неудовлетворенность, разочарованіе и мрачное уныніе одной части нашего первенствующаго сословія—онъ отразилъ съ яркостію и полнотой, придавшей ему значеніе замѣтнаго литературно-общественнаго явленія.

Нужно сказать, что кн. Мещерскій являлся просто провиденціальнымъ человѣкомъ для исполненія выпавшей на его долю задачи. Все, даже его неустойчивость и нервность, даже его превратныя географическія понятія, даже его противорѣчія—только усиливали впечатлѣніе жизненности и соотвѣтствія отражающаго съ тѣмъ, что онъ отражаетъ. Извѣстно, что ожидающій человѣкъ нервозенъ, нетерпѣливъ, разсѣянъ, что онъ плохо вглядывается во все, не относящееся до предмета его ожиданій, что онъ готовъ отвѣтить и да, и нѣтъ одинаково на вопросы, предлагаемые посторонними. Все это потому, что онъ занятъ однимъ и только однимъ предметомъ. На все остальное онъ просто не имѣетъ никакихъ взглядовъ. Нельзя сказать, чтобы онъ очень любилъ старые порядки,—иначе онъ бы не могъ ихъ клеймить. Нельзя сказать, чтобы онъ глубоко ненавидѣлъ судебные уставы,—иначе онъ бы не прославлялъ ихъ съ такимъ внезапнымъ и неожиданнымъ краснорѣчіемъ. Земство и школа, духовное и свѣтское направленіе послѣдней, классическое и реальное образованіе, безграмотность и всеобщее обученіе,—все это пользуется, какъ мы видѣли, попеременно симпатіями князя Мещерскаго, все это онъ и проклинаетъ, и прославляетъ по очереди. Разумѣется, старые порядки онъ благословляетъ нѣсколько чаще, а проклинаетъ нѣсколько рѣже, но готовъ при случаѣ

поступить и обратно, лишь бы... Лишь бы осуществилось главное, лишь бы „дали“ опять и опять...

Вся литературная физіономія кн. Мещерскаго (а стало быть и его газеты) есть именно физіономія провиденціальнаго выразителя этой группы. Если не взгляды, то именно отсутствіе взглядовъ, если не какое-нибудь устойчивое настроеніе, то именно неустойчивость ея настроенія онъ выразилъ полно и цѣльно. „Дневникъ мой, отъ такого-то числа,— писалъ онъ въ концѣ апрѣля 1894 года,—написанный наскоро и сгоряча, является лишеннымъ всякой реальной почвы и мною затѣмъ долженъ быть признанъ плодомъ фантазіи“. Вообще,—кается онъ дальше,—я очень часто, желая сдѣлать добро, дѣлаю зло, и все потому, что человѣкъ въ такомъ настроеніи „слишкомъ много ощущаетъ, но размышляетъ недостаточно“.

Совершенно понятно. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что и самые страстные почитатели „Гражданина“ находились какъ разъ въ томъ же настроеніи. Они тоже ощущали очень много, но мало размышляли о будущемъ, они восторгались статьями „Гражданина“ и благословляли его издателя, но, тотчасъ же обращая взоры къ непосредственнымъ разультатамъ этихъ страстныхъ воззваній,—забывали даже подписываться на газету, игнорируя прозаическіе, но существенные интересы издательской кассы. И судьба ихъ шла съ трагической параллельностью. Въ то самое время, когда князь Мещерскій величаво мрачными чертами рисовалъ образъ директора банка, представлявшійся настоящимъ Робеспьеромъ для неисправныхъ заемщиковъ,—у него самого произошелъ печальный конфликтъ съ какими-то Робеспьерами изъ контроля. Онъ остался вѣренъ себѣ до полнаго великолѣпія! Чиновники придираются къ какимъ-то цифрамъ,—но вѣдь князю нужны были деньги, неужели это трудно понять? Увы!—цифры недоимокъ ростутъ и въ банковыхъ отчетахъ, указывая ясно, что дальше такъ идти не можетъ. Но вѣдь „намъ“ нужно же какъ-нибудь, что-нибудь и откуда-нибудь... Это тоже кажется довольно ясно!

И вотъ, лебединая пѣсня спѣта. Мотивы „Гражданина“ становились все болѣе и болѣе мрачными,—и въ послѣднемъ обращеніи къ предводителямъ кн. Мещерскій излилъ горячее чувство „пророка въ своемъ отечествѣ“. Vox clamantis in deserto—смолкаетъ. Правда, „Гражданинъ“ будетъ всетаки выходить 2 раза въ недѣлю, но мнѣ кажется яснымъ, что для той задачи, которую онъ исполнялъ до сихъ поръ, это далеко недостаточно. Мы видѣли, что его главная сила—не

въ аргументахъ и не во взглядахъ, а въ лирикѣ. Аргументировать довольно убѣдительно можно и разъ въ недѣлю. Но кричать съ успѣхомъ можно только ежедневно и неустанно, иначе крикъ не производитъ должнаго впечатлѣнія. А вопль, раздающійся съ длинными промежутками.—нѣтъ, это уже совсѣмъ не то, что было въ началѣ эры, отмѣченной въ нашей журналистикѣ расцвѣтомъ „Гражданина“, и кажется, мы можемъ сказать, не рискуя ошибиться, что одно шумное явленіе исчезло съ нашего горизонта.

Что же идетъ ему на смѣну? Князь Мещерскій старался увѣрить насъ, что его вполнѣ замѣнятъ намъ обновленныя „Петербургскія Вѣдомости“ кн. Ухтомскаго, и обѣ газеты обмѣнялись на порогѣ новаго года взаимными привѣтствіями самаго дружественнаго свойства. Уходившій „Гражданинъ“ рекомендовалъ выступавшія въ новой редакціи „Вѣдомости“; послѣднія напутствовали удаляющагося собрата цитатой изъ него же,—„исполненной глубокаго государственнаго смысла“.

Намъ кажется, однако, что утрата, понесенная журналистикой въ лицѣ ежедневнаго „Гражданина“, незамѣнима. Мы видѣли, что какъ пестрая и яркая, полная кипучими „ощущеніями“ жизнь этой газеты, такъ и ея удаленіе далеко не случайны. А если такъ, то значитъ на ея мѣсто выступитъ нѣчто, хотя быть можетъ и родственное, но все-таки новое, или же на этомъ мѣстѣ будетъ зіять пустота. Физіономія новой газеты далеко не являетъ характерныхъ чертъ „Гражданина“. Взгляды ея устремлены не столько въ направленіи дворянскаго банка, сколько на дальній востокъ, что придаетъ ей характеръ, если не экзотическій, то во всякомъ случаѣ оріентальный и какъ бы академическій. А пока нѣкоторыя новыя теченія въ нашей журналистикѣ, идущія какъ будто на смѣну означеннымъ выше,—ищутъ себѣ мѣста въ разныхъ органахъ и выражаются въ разныхъ формахъ.

Уже въ послѣдніе годы мы встрѣчали все чаще и чаще голоса дворянъ, звучавшіе далеко не въ унисонъ съ основной нотой „Гражданина“. Не говоря уже о письмахъ гг. Протопопова, Жекулина и др., въ которыхъ сказывалось безповоротное осужденіе всѣхъ утопій извѣстной части дворянства,—можно было замѣтить то и дѣло пробивающееся наружу проявленіе недовольства со стороны помѣщиковъ, отстаивающихъ интересы совсѣмъ уже другой части сословія. Чтобы охарактеризовать кратко этотъ нарождающійся конфликтъ, скажемъ просто, что, если „Гражданинъ“ отстаивалъ главнымъ образомъ интересы плохихъ хозяевъ и неаккурат-

ныхъ плательщиковъ, ожидающихъ непрестанной помощи извнѣ, то новое теченіе представляло собою попытку заявленій со стороны хозяевъ хорошихъ и плательщиковъ аккуратныхъ, не нуждающихся и не надѣющихся на новыя льготы, которымъ надоѣли какъ постоянно воинствующее настроеніе, такъ и неустанныя причитанія, особенно послѣ того, какъ выясняется все болѣе и болѣе дальнѣйшая ихъ безнадежность.

Князь Мещерскій, съ обычной своей чуткостью, уловилъ выступленія новаго типа. Осенью прошлаго года въ „Гражданинѣ“ появилась желчная замѣтка, которую газеты перепечатывали на своихъ столбцахъ, снабжая ее знаками удивленія и восклицанія. „Что мало по малу образуются типы помѣщиковъ новой формаціи—въ томъ нельзя уже сомнѣваться,—писалъ князь Мещерскій,—и къ этимъ типамъ надо пріобщить стараго барина, преобразовавшагося въ современнаго сельскаго хозяина“. Это,—говоритъ онъ далѣе,—прежде всего кулакъ, „кулакъ по принципу и по убѣжденію, то есть такой кулакъ, который признаетъ кулачество единственнымъ средствомъ сельскаго хозяйства и проповѣдуетъ и осуществляетъ это открыто и съ полнымъ courage de ses opinions. Зависимость крестьянина разсчитана практическимъ умомъ кулака-помѣщика, и онъ бойко ведетъ свое хозяйство, опираясь на крестьянскій трудъ, *безъ опасенія, что онъ ему измѣнитъ, какъ это бываетъ у помѣщиковъ-баръ*. У этихъ мужики то и дѣлаютъ, что берутъ задатки и уходятъ; это стало чуть ли не обычаемъ нравовъ; у помѣщика новой формаціи этихъ случаевъ не находимъ. Этотъ кулакъ такъ устраиваетъ, что за него и міръ, и кабатчикъ, а слѣдовательно и крестьянинъ волей-неволей долженъ исполнять обязательства“. Въ заключеніе авторъ „Дневника“ выражается объ одномъ хозяинѣ слѣдующимъ образомъ: „И съ полиціею друженъ, и съ земскимъ начальникомъ друженъ, и съ крестьянами друженъ, и съ помѣщиками друженъ, а кулакъ, и какой кулакъ!..“

Вы видите здѣсь ясное противупоставленіе двухъ типовъ: у помѣщика-барина, за котораго стоялъ все время „Гражданинъ“,—и рабочіе бѣгаютъ, и происходитъ война со всѣми, даже (кто изъ провинціаловъ этого не знаетъ) съ земскимъ начальникомъ, который, не смотря на желаніе, никакъ не можетъ на него угодить. У „новаго помѣщика“ ничего этого нѣтъ, и со всѣми онъ хорошъ. „А кулакъ, да еще какой кулакъ“,—прибавляетъ князь Мещерскій! Разумѣется, мы не чувствуемъ особенной потребности брать на себя защиту „новаго типа“, но насъ все-таки интересуетъ вопросъ,—по-

чему же это „кулакъ“ съ точки зрѣнія кн. Мещерскаго? Вѣдь въ сущности онъ дѣлаетъ лишь то самое, что и излюбленный его кліентъ, съ той лишь разницей, что дѣлаетъ это прилично и умѣло, ни съ кѣмъ не воюетъ, не отягчаетъ земскаго начальника невозможными требованіями отъ безпрестанно виноватаго мужика; друженъ даже и съ крестьянами. Неужели эти только черты и заслужили ему столь рѣзкую квалификацію, и неужели признакомъ „барина“, заслуживающаго всяческой поддержки, слѣдуетъ непремѣнно считать неумѣлое веденіе хозяйства, непрестанныя упованія, требованіе льготъ и войну противъ всѣхъ въ уѣздѣ?

Не лежитъ ли разгадка этой странной враждебности „Гражданина“ къ „новому типу“ въ инстинктивномъ отвращеніи, какое всякій, уходящій со сцены, чувствуетъ къ своему замѣстителю, а наслѣдодатель къ тому, кто претендуетъ на его наслѣдство?

Дѣйствительно ли, однако, этотъ новый типъ выступаетъ на сцену, дѣйствительно ли на мѣсто неаккуратнаго плательщика, наполнившаго своими воплями о льготахъ десять лѣтъ и тысячи газетныхъ листовъ, выходитъ хозяинъ, ни о какихъ льготахъ не кричащій и обращающійся лишь къ землѣ и къ тѣмъ средствамъ и преимуществамъ въ жизненной борьбѣ, какія даетъ ему его „помѣстное“ положеніе? Отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно пока еще довольно трудно, однако наблюденія надъ провинціальной жизнію и областной прессой указываютъ кое-гдѣ на признаки (правда, слабые) появленія нѣкотораго новаго типа хозяина.

Прежде всего намъ вспоминается довольно длинное письмо въ газетѣ „Волжскій Вѣстникъ“, въ которомъ помѣщикъ горько жаловался на институтъ земскихъ начальниковъ. Это могло бы, пожалуй, показаться даже либеральнымъ, но въ данномъ случаѣ рѣчь шла не о либерализмѣ, а просто о потравахъ: помѣщикъ-авторъ горько сѣтовалъ на то, что гг. земскіе начальники неаккуратно исполняютъ свои обязанности, почему сильно увеличиваются потравы, а всякій, рискующій затѣять дѣло и искать защиты противъ этого зла, оказывается втянутымъ въ безконечную и при томъ напрасную волокиту. Другая провинціальная газета помѣстила письмо дворянина-помѣщика, который не менѣе горько жаловался (совсѣмъ изъ другой мѣстности) на то, что, вслѣдствіе бездѣятельности земскихъ начальниковъ, въ крестьянствѣ распространяется даже убѣжденіе въ существованіи новаго закона, дозволяющаго рубить чужой лѣсъ. Толки эти вызваны были, будто бы, тѣмъ обстоятельствомъ, что гг. земскіе начальники,

предаваясь охотѣ, рыбной ловлѣ и другимъ видамъ спорта,— совсѣмъ забросили многочисленныя дѣла о порубкахъ. Затѣмъ осенью 1894 года гжатское дворянское собраніе постановило даже ходатайствовать о возстановленіи мирового судьи—въ виду, между прочимъ, плохого состава и незнакомства земскихъ начальниковъ съ мѣстными условіями. Насъ интересуютъ здѣсь именно мотивы, заставляющіе часть дворянства возвышать свой голосъ въ духѣ столь непріятномъ для „Гражданина“ и вообще охранительной прессы. Потравы, лѣсныя порубки, волокита, незнаніе мѣстныхъ условій, недѣловитость, а временами еще (какъ въ разговорѣ князя Мещерскаго съ однимъ предводителемъ въ апрѣлѣ 1894 года) излишняя опека надъ крестьянами, спутывающая ясныя по существу взаимныя отношенія. Все мотивы чисто дѣловые, непосредственно практическіе, не имѣющіе ничего общаго ни съ какими отвлеченностями, и тѣмъ не менѣе приводящіе къ выводамъ, довольно неожиданнымъ.

1896.

Переселеніе духоборовъ въ Америку.

Въ оффиціальномъ органѣ „Кавказъ“ была помѣщена слѣдующая телеграмма отъ 12 декабря прошлаго года: „Сегодня черезъ Александрополь и Акстафу прослѣдовали въ Батумъ 650 карскихъ духоборовъ-постниковъ. Остальные 2.250 духоборовъ, по возвращеніи изъ Акстафы фургоновъ и лошадей, распродадутъ ихъ и также отправятся въ Канаду. Зафрахтованъ уже пароходъ за 61 тыс. рублей... Необычайное переселеніе всюду производитъ удручающее впечатлѣніе“.

„Послѣдняя партія духоборовъ,—читаемъ мы затѣмъ,—уходитъ изъ Карской области весною. Купецъ армянинъ и нѣсколько другихъ армянъ подали заявленіе объ арендованіи ихъ земель (тридцать тыс. десятинъ)“ („Нов. Вр.“)“.

Такимъ образомъ послѣдніе разсчеты удаляющихся духоборовъ съ родиной къ веснѣ будутъ покончены. Но уже январь мѣсяцъ нынѣшняго года несетъ намъ извѣстіе съ другой стороны: къ концу декабря духоборы были уже въ Англіи, а 8-го января, по свѣдѣніямъ „Times'а“, пароходъ „Lake Huron“ съ русскими духоборами, въ числѣ 2.296 человѣкъ, присталъ къ берегамъ Канады. Другая партія въ 2 тысячи человѣкъ ожидалась черезъ недѣлю. „Канадское правительство,—сообщалось въ телеграммахъ,—сдѣлало обширныя приготовленія для принятія и содержанія переселенцевъ, пока можно будетъ устроить ихъ на новыхъ земляхъ“. 13 (25) января „Таймсу“ телеграфировали изъ Оттавы, что „черезъ этотъ городъ прошли 5 спеціальныхъ поѣздовъ съ духоборами. Дамы-благотворительницы угощали дѣтей пряниками и фруктами“...

Эти извѣстія открываютъ новую страницу въ исторіи русскихъ переселеній вообще. До сихъ поръ главныя теченія на-

шихъ переселеній направлялись на востокъ, въ „пустынныя мѣста“ Сибири, и на юго-западъ, въ придунайскія степи и плавни. Русскія поселенія старообрядцевъ и сектантовъ можно было встрѣтить въ Галичинѣ и Буковинѣ, въ Румыніи, Добруджѣ и Турціи, куда наши разновѣрцы уходили изстари, когда еще эти мѣста тоже можно было считать „пустынными“. И при томъ, эти поселенія русскихъ выходцевъ жались всетаки невдалекѣ отъ родной границы. Въ Америку переселялись въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ поляки, частью латыши. 80-е и начало 90-хъ годовъ доставили Новому Свѣту значительныя массы русскихъ евреевъ, и теперь стоитъ вамъ пройти по нѣкоторымъ улицамъ Нью-Іорка или по State-street въ Чикаго, разговаривая съ кѣмъ-нибудь по русски,—чтобы васъ десятки разъ остановили русскими же восклицаніями земляки-евреи. Но это всетаки русскіе инородцы. Въ 70-хъ годахъ одинъ туристъ писалъ изъ Америки о цѣломъ поселкѣ чисто уже русскихъ людей на дальнемъ Западѣ. Это были, будто бы, бѣглые изъ Сибири, основавшіе патріархальную общину, съ какимъ-то „Дѣдомъ“, бывшимъ каторжникомъ, во главѣ. Авторъ разсказывалъ много чудеснаго объ этой общинѣ, но, къ сожалѣнію, впослѣдствіи никто не могъ разыскать въ Америкѣ этого оригинальнаго поселка. Такимъ образомъ въ лицѣ духоборовъ чисто русское племя открываетъ дѣйствительно новую страницу колонизаціи: пассажиры „Lake Huron“ впервые еще оставляютъ между собой и родиной цѣлый материкъ съ огромнымъ океаномъ и пускаются со своей „вѣрой“ и своими исканіями, въ своихъ кумачевыхъ рубахахъ и сарафанахъ и въ своихъ синихъ кафтанахъ—въ самое сердце „новаго свѣта“, съ его совершенно незнакомымъ религіознымъ броженіемъ и общественно-политическимъ укладомъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ русскому туристу въ Америкѣ будетъ предстоять чрезвычайно любопытная поѣздка въ духоборческія поселенія. А черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ время уже рѣшитъ вопросъ: останется ли въ Новомъ Свѣтѣ русская рѣчь и отличительныя черты русскаго племени, можетъ быть, даже окрѣпнутъ,—за первыми партіями послѣдуютъ другія, и зерно станетъ разростаться на новой почвѣ,—или, наоборотъ, и русская рѣчь, и русскіе племенные признаки исчезнутъ въ англосаксонскомъ потокѣ...

А пока, далеко, конечно, не претендуя на полноту изложенія, мы постараемся занести въ нашу хронику тѣ черты этого несомнѣннаго историческаго факта, которыя остались уже позади.

Возникновеніе духоборческой секты относятъ къ 1740 году, приписывая начало ея какому-то иностранцу квакеру. Несомнѣнно, однако, что элементы этого броженія можно прослѣдить и значительно ранѣе, уже въ половинѣ XVI столѣтія, когда Матвѣй Башкинъ, явившись къ московскому Благовѣщенскому попу Симеону и назвавъ себя „христіаниномъ“, сталъ задавать „недоумѣнные вопросы“, по поводу которыхъ простодушный священникъ Симеонъ счелъ необходимымъ написать цѣлую „жалобницу“, дабы за нечестіе сего духовнаго чада ему самому какъ-нибудь не причлось къ отвѣту. Башкина и его послѣдователей судили и осудили на соборѣ: очевидно, однако, что раціоналистическія идеи бродили уже въ то время и съ тѣхъ поръ проявлялись въ разныхъ видахъ, не сознавая еще своей преемственной связи. Порой духоборовъ сближали съ молоканами, порой даже съ хлыстами; послѣднее произошло вѣроятно потому, что первоначальные приступы сильнаго религіознаго увлеченія во многихъ сектахъ сказываются одинаковыми проявленіями горячаго, почти горячечнаго энтузіазма, выражающагося въ болѣе или менѣе изступленныхъ „радѣніяхъ“ и „наитіяхъ“. Современемъ, однако, духоборчество опредѣлилось, какъ секта несомнѣнно и чисто раціоналистическая. Очень характерно, что духоборы встрѣчались всегда съ нѣкоторыми однородными теченіями среди интеллигенціи: имъ сочувствовали наши масоны, а извѣстный самобытный странникъ-философъ Григорій Саввичъ Сковорода составилъ даже особый катехизисъ: „Исповѣданіе вѣры духоборовъ екатеринославскихъ“, который былъ представленъ губернатору, какъ признанное самими духоборами исповѣданіе. По предложенію Д. В. Лопухина духоборамъ отведено было поселеніе на берегахъ р. Молочной (въ Мелитоп. уѣздѣ), но въ 1837 году послѣдовалъ указъ о новомъ переселеніи ихъ на Кавказъ. Въ 1841 году переселеніе это уже совершилось.

Здѣсь духоборамъ были отведены мѣста въ бывшемъ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, недавно отвоеванномъ у турокъ (Ахалкалакскій уѣздъ), на чрезвычайно возвышенномъ плато (до 6 тысячъ фут. надъ уровнемъ моря), въ мѣстности волнистой, совершенно безлѣсной и суровой. Зимы здѣсь долги и вѣтрены, лѣто короткое, съ ранними заморозками, сильно мѣшающими земледѣлію, но по склонамъ—прекрасныя пастбища, что и опредѣлило главное занятіе поселенцевъ. 8 духоборческихъ слободъ, съ 6.600 жителей обоего пола, явились первыми русскими поселеніями въ этомъ суровомъ краю. Сначала духоборамъ было очень трудно, но они скоро при-

мѣнились къ условіямъ и совершенно покорили дикую природу. Эта борьба выработала въ нихъ средѣ желѣзную волю и необыкновенную силу характера, которыя сказались и въ послѣднемъ эпизодѣ ихъ выселенія. Вскорѣ на склонахъ дикихъ горъ размножились ихъ стада, и благосостояніе ихъ сильно возросло. „У каждой духоборческой семьи,—писалъ очевидецъ *),—есть по нѣскольку десятковъ крупнаго и мелкаго скота, у богачей же ходятъ цѣлые косяки лошадей и овецъ". За пятьдесятъ лѣтъ, прошедшихъ со времени ихъ переселенія, они подняли культуру этой дикой мѣстности, развели свою породу скота, называемую и теперь „духоборческой", провели по склонамъ дороги, и вскорѣ всѣ торговыя сношенія въ прилегающихъ мѣстностяхъ велись почти исключительно духоборческимъ транспортомъ. Въ 1877 г. они оказали значительныя услуги нашей арміи перевозкой припасовъ и отрядовъ. „Духоборческое общество,—писалъ г. Словинскій,—на своихъ подводахъ доставило безплатно за нѣсколько сотъ верстъ, въ разгаръ войны, на театръ военныхъ дѣйствій „всю московскую дивизію". Вообще духоборы наложили собственную печать на всю занятую ими мѣстность, которая получила даже оффиціальное названіе Духоборіи.

Жизнь этой религіозной общины сложилась въ высшей степени своеобразно. Съ одной стороны, будучи удалены отъ прежнихъ гражданскихъ условій и отъ прежней среды, гдѣ ихъ отцы, отличаясь религіозными взглядами, тѣмъ не менѣе жили одной жизнію со своими сосѣдями,—духоборы сложили свою собственную, крѣпко сплоченную общину, гдѣ ихъ религіознымъ понятіямъ предоставлялся полный просторъ. Но, съ другой стороны, порывалась всякая связь съ общегражданскимъ строемъ всей остальной Россіи. Это обусловило чрезвычайную крѣпость внутренней ихъ связи и чрезвычайную неустойчивость правового положенія всей общины въ ея, такъ сказать, внѣшнихъ сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ.

Такимъ образомъ на одномъ изъ горныхъ плато Кавказа, высоко надъ уровнемъ моря, гдѣ нѣкогда сидѣли, точно въ орлиныхъ гнѣздахъ, отдѣльныя кавказскія племена, не сливавшіяся другъ съ другомъ въ теченіе ряда столѣтій,—теперь засѣло такое же какъ бы особое русское племя, со своими особыми нравами. Суровая жизнь и горный воздухъ закалили ихъ и выработали въ племя замѣчательно крѣпкое и выносливое въ физическомъ отношеніи. Всѣ источники едино-

*) Г. Словинскій, писавшій о броженіи въ духоборческой средѣ. См. „Биржев. Вѣдомости" 1895 и 1896 гг.

гласно указываютъ также на высокій уровень ихъ нравственности. „Взаимныя отношенія духоборовъ, — пишетъ о нихъ изслѣдователь, г. Вермишевъ, — отличаются замѣчательною чистотою и безкорыстіемъ". Никогда духоборъ съ духобора не беретъ процентовъ за заемъ. Прежде вообще всякій процентъ считался у нихъ грѣхомъ,—и хотя впослѣдствіи стали брать проценты съ не-духоборовъ, но и эти проценты всегда стояли вдвое ниже средняго для Ахалкалакскаго уѣзда. Этотъ взглядъ, а также широко развитое чувство взаимности и общественная помощь совершенно исключили возможность кулачества и ростовщичества въ духоборческой средѣ. „У духоборовъ,—писалъ другой авторъ *),—нѣтъ совсѣмъ нищихъ, а также преступленій противъ собственности, и отношенія между богатыми и бѣдными не носятъ враждебнаго характера",— что объясняется производительностью труда и отсутствіемъ эксплоатаціи. „На сходкахъ свобода мнѣній богачами никогда не подавляется и, кромѣ того, духоборы принимали мѣры, чтобы разница между богатыми и бѣдными не была слишкомъ велика". Въ четырехъ ихъ селеніяхъ была даже опредѣлена норма скота, больше которой домъ не имѣетъ права держать на общественномъ пастбищѣ. При этомъ, духоборы, по словамъ того же автора, — индивидуалисты: каждый изъ нихъ стремится къ экономической независимости, семейные раздѣлы у нихъ часты, производительныя товарищества не привились. Торговлей они занимались мало. Главнымъ занятіемъ ихъ были скотоводство и извозъ, поставленные превосходно.

Въ основу своихъ религіозныхъ понятій они ставятъ трудъ и поклоненіе Богу „духомъ, просвѣщаемымъ словомъ Божіимъ". Священство и обрядовая сторона отрицаются совершенно. Въ молитвенныхъ домахъ они собираются лишь для чтенія и пѣнія псалмовъ, заучиваемыхъ съ дѣтства. Послѣ пѣнія и чтенія духоборы кланяются другъ другу и цѣлуются—мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами. Дѣти кланяются взрослымъ въ ноги и цѣлуютъ у нихъ руки. Евангеліе читаютъ только въ частныхъ собраніяхъ. Бракъ признается учрежденіемъ общественнымъ: заявленіе родителямъ, свадебный пиръ и затѣмъ записка въ книгу. Разводъ свободенъ, но случаи его рѣдки. Незаконныя дѣти пользуются одинаковыми правами наслѣдства, какъ и законныя, и за соблазнъ дѣвушекъ отвѣтственными считаются мужчины. Судятъ старики, которые сначала склоняютъ спорящихъ къ миру. Наказанія—первые два раза внушеніе, въ третій разъ—розги

*) См. „Русскія Вѣдомости" 4 сент. 1895 г.

и заключеніе въ холодную. Въ этомъ отношеніи, вообще, нравы духоборовъ довольно суровы.

Таковы внутреннія распорядки своеобразной общины, расцвѣтшей въ гористой Духоборіи. Они пріобрѣли духоборамъ чрезвычайное уваженіе окружающихъ жителей. Что же касается до ея гражданской стороны и до ея отношеній къ окружающему міру, то они были не менѣе своеобразны и чрезвычайно примитивны.

Вся община представляла патріархальную единицу, управляемую однимъ лицомъ. До 1887 года такимъ лицомъ являлась Лукерья Васильевна Калмыкова. Источникъ этой странной власти пока еще, кажется, остается невыясненнымъ. Нѣкоторые авторы называютъ Калмыкову духоборческой „богиней", что, кажется, не имѣетъ никакого основанія, а г. Словинскій пишетъ, что фамилія Калмыковыхъ считается „княжеской духоборческой фамиліей, и съ самаго водворенія на Кавказѣ Калмыковы не только являлись руководителями духоборовъ, но и господствовали надъ ними". Какъ бы ни было, Лукерья Васильевна Калмыкова являлась внутри общины настоящей владѣтельной княгиней, правившей безконтрольно. Повидимому, она не вмѣшивалась во внутреннія распорядки отдѣльныхъ селеній, но за то единолично распоряжалась огромными суммами, собираемыми съ общества, и вела всѣ внѣшнія сношенія съ мѣстной администраціей. Кромѣ разныхъ пожертвованій, каждый духоборъ обязанъ былъ отдавать значительную долю всякаго своего заработка деньгами и натурой, и все это поступало въ полное распоряженіе Лукерьи Васильевны*). Она жила очень широко, даже роскошно, устраивала пышные пріемы чиновнымъ посѣтителямъ и завѣдывала благотворительными дѣлами. Ею былъ построенъ обширный пріютъ для хилыхъ, стариковъ и сиротъ; она даже помогала въ случаяхъ пожаровъ, падежа скота и другихъ несчастій. Кромѣ того, въ ея рукахъ, за всѣми этими расходами, оставались значительныя общественныя суммы. По мнѣнію самихъ духоборовъ, это были милліоны, г. Словинскій полагаетъ, что суммы эти простирались до 200 тысячъ.

Лукерья Васильевна служила такимъ образомъ верховной главой и единственной нитью, связывавшей духоборческую общину съ внѣшнимъ міромъ. Понятно, какъ несовершенно было это „гражданское устройство" и какъ тонка эта нить.

*) По одному извѣстію — этотъ налогъ составлялъ 1/10 часть всякаго заработка.

Никакого живого обмѣна между окружающимъ гражданскимъ міромъ и общиной не существовало; духоборы жили точно на какомъ-то островѣ, со своими взглядами и своими нравами. Во всемъ остальномъ они полагались на Лукерью Васильевну. Внѣшнее благосостояніе прикрывало для нихъ опасность этого положенія, и община жила, какъ говорится, точно у Христа за пазухой. Наблюдатели ихъ жизни въ этотъ періодъ, отмѣчая единогласно трудолюбіе, честность, добродушіе и личныя качества духоборовъ,—свидѣтельствуютъ, однако, и объ общественной ихъ косности и застоѣ. *Ни въ одномъ духоборческомъ селеніи не было школъ*, и на всѣ предложенія по этому поводу духоборы отвѣчали отказомъ *). Г. Вермишевъ полагаетъ, что „духоборы понимаютъ всѣ преимущества „настоящаго образованія“, но боятся поверхностнаго знанія, которое развиваетъ неповиновеніе старшимъ и стремленіе къ праздной жизни“. Это, къ сожалѣнію, обычная аргументація всѣхъ противниковъ просвѣщенія, которое, однако, никогда не можетъ стать сразу „полнымъ“ и „настоящимъ“ и нигдѣ не оправдывало въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ этихъ опасеній. По словамъ другихъ наблюдателей, духоборческая молодежь жадно стремится къ грамотѣ. Очень можетъ быть, что „старикамъ“ пришлось бы современемъ уступить, и тогда началась бы, безъ сомнѣнія, совершенно другая исторія духоборческой общины, но пока почти сплошная безграмотность составляла отрицательную черту духоборческой общины. Даже молитвы и псалмы они всѣ заучивали только наизусть; суевѣріе въ ихъ средѣ очень сильно: лѣчатся нашептываніемъ, перевязываніемъ черными нитками и т. д. Въ отношеніи религіозномъ 12 лѣтъ назадъ г. Вермишевъ отмѣчалъ тоже чрезвычайную неподвижность. „То, что имъ завѣщано предками, почитается ими, по крайней мѣрѣ на словахъ, за святыню, и никакихъ отступленій отъ этого завѣта отцовъ они не допускаютъ. Ни одной новой мысли, ни одной живой струи, освѣжающей религіозную атмосферу духоборской общины“.

Въ такомъ положеніи застала общину смерть Лукерьи Васильевны Калмыковой (15 декабря 1886 г.). Съ этимъ событіемъ все измѣняется. Слабая связь, на которой ковчегъ общины держался надъ остальнымъ міромъ, обрывается разомъ, и неустойчивость ея гражданскаго положенія, покоившагося на авторитетно-патріархальныхъ началахъ,—обнаруживается во всей силѣ.

*) Впослѣдствіи это сказалось самымъ печальнымъ образомъ въ Америкѣ.

Дѣло прежде всего началось съ вопроса о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти „духоборческой княгини“. Никто, конечно, не могъ сомнѣваться, что по существу—все это достояніе духоборческаго общества, составившееся изъ пожертвованій и даже налоговъ, которыми общину облагала Калмыкова. Но такъ какъ, по закону, сектанты не могутъ устраивать складокъ и сборовъ,—то на языкѣ гражданскаго уложенія оно носитъ названіе „наслѣдства послѣ Лукерьи Калмыковой“, со всѣми послѣдствіями такой квалификаціи. Сама Калмыкова и не подумала о томъ, чтобы обставить свое „наслѣдство“ тѣми или другими законными нормами. При жизни она думала за всю общину, принимала „чиновныхъ лицъ“, отводила отъ своихъ „дѣтушекъ“ грозившія имъ напасти посредствомъ извѣстныхъ исконныхъ способовъ россійской обывательской дипломатіи, вообще стояла между „грѣшнымъ“ міромъ и общиной, которая во всемъ полагалась на нее, нисколько, повидимому, не заботясь о томъ, кто станетъ на ея мѣсто и какъ станутъ справляться ея „дѣтушки“ послѣ ея смерти. Давно уже сказано, что русскій народъ—не политикъ.

Само собою разумѣется, что, какъ только открылось „наслѣдство“, такъ явились и „наслѣдники“, готовые воспользоваться своимъ формальнымъ правомъ. У Лукерьи Васильевны оказался братъ, нѣкто Губановъ, который и предъявилъ свои права. Онъ нашелъ дѣятельныхъ приверженцевъ. Духоборы утверждаютъ, что вначалѣ никто не предъявлялъ спора, и права общества были скрѣплены какой-то бумагой, съ приложеніемъ печати старосты Зубкова *). Но всѣ эти толки, повидимому, отмѣчены тѣмъ полумистическимъ представленіемъ о назначеніи всякихъ „бумагъ съ печатями“, которое такъ характерно для безпомощнаго и безграмотнаго русскаго человѣка. Да и эта „бумага“ вскорѣ куда-то исчезла, староста Зубковъ принялъ сторону Губанова, и община очутилась передъ лицомъ формальнаго права, совершенно невооруженная для борьбы. На сторонѣ же наслѣдника стоялъ уѣздный начальникъ Дьячковъ-Тарасовъ, уличенный впослѣдствіи въ многочисленныхъ злоупотребленіяхъ.

На мѣсто Калмыковой былъ избранъ духоборами Петръ Веригинъ, молодой и необразованный духоборъ, который, конечно, совершенно растерялся передъ трудностью задачи, тѣмъ болѣе, что въ самомъ обществѣ произошло раздѣленіе. Мы не знаемъ подробностей самаго процесса, который обще-

*) „Нов. Вр.“ и „Нижегор. Лист.“ 1895, № 255.

ство вело съ „наслѣдниками“. Извѣстно только, что формальныя права Губанова, основанныя на указанномъ выше законѣ, были признаны судомъ, и онъ вступилъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ.

Тогда въ общинѣ начались безпорядки и рядъ „сопротивленій“. Духоборія вся глубоко всколыхнулась, и броженіе вышло даже за ея предѣлы, такъ какъ къ тому времени поселенія духоборовъ распространились и по сосѣднимъ уѣздамъ. Приверженцы правъ общества, стоявшіе за своего избранника, Петра Веригина, приняли почему-то названіе „писанныхъ“ (вѣроятно, подписавшихъ его выборъ или какое-нибудь заявленіе), противники называются „неписанными“.

Съ этихъ поръ волненія въ Духоборіи стали обращать на себя общее вниманіе. Въ газетахъ то и дѣло появляются извѣстія о безпорядкахъ и даже сопротивленіи власти со стороны „писанныхъ“ духоборовъ. Петръ Веригинъ, какъ одна изъ „причинъ“ броженія, былъ сосланъ въ Колу: эта высылка ничему, конечно, не помогла. Молодой духоборъ явился „мученикомъ“, и въ Колу начались настоящія паломничества *). Простодушные приверженцы ждали отъ Веригина помощи и указаній, но онъ самъ жилъ въ мірѣ все болѣе экзальтировавшихся чисто религіозныхъ представленій, и его распоряженія не имѣли, повидимому, прямого отношенія къ тому, что совершалось. Повременамъ онъ обѣщалъ переселить всѣхъ духоборовъ въ Архангельскую губернію, иногда присылалъ деньги, иногда требовалъ самъ значительныя суммы, которыя, вѣроятно, уходили болѣе или менѣе фантастическимъ образомъ **). Все это, вмѣстѣ съ непонятнымъ для массы исходомъ процесса, подымало недовольство. Веригинцы отказывались отъ уплаты жалованья замѣстителямъ сосланнаго Веригина, говоря, что „они имъ не нужны“. Когда же съ нихъ взыскивали по исполнительнымъ листамъ, они „противились“. Сопротивленіе это принимало порой очень оригинальныя формы: толпа, сгрудившись, противопоставляла стражникамъ пассивное сопротивленіе массы человѣческихъ тѣлъ ***).

Между тѣмъ и религіозное настроеніе, „застоявшееся“, по словамъ г. Вермишева, въ годы спокойствія и довольства,—

---

*) Когда эти паломничества были воспрещены, то оказалось, что Дьячковъ-Тарасовъ всѣхъ выдавалъ паспорта въ Колу, взимая за нихъ 300—400 р. („Биржев. Вѣд.“ 1896 г., № 8).

**) „Биржев. Вѣд.“ 1896 г., № 29.

***) См. „Биржев. Вѣд.“ 15 окт. 1896 г. Дѣло о сопротивленіи суд. приставу Теръ-Азарьеву.

приходило въ броженіе и фанатизировалось. Однимъ изъ положеній духоборчества съ давнихъ поръ считалось также отрицаніе присяги и военной службы. Уже въ царствованіе императора Александра I, въ общемъ относившагося къ духоборамъ довольно благосклонно, предписывались строгія мѣры за отказъ отъ солдатчины; въ 1825 году еще разъ было подтверждено, что духоборы не избавлены отъ рекрутчины, и за отказъ повелѣно предавать ихъ суду. Въ царствованіе императора Николая I правительство тоже не разъ особыми указами пыталось регулировать эту сторону духоборческаго ученія, устанавливая, напр., права духоборовъ по зачету рекрутскихъ квитанцій и найму охотниковъ. Такъ, послѣ переселенія ихъ на Кавказъ, имъ было дозволено нанимать за себя охотниковъ изъ мусульманъ, но потомъ это право было отмѣнено, и духоборамъ предоставлено нанимать охотниковъ только въ своей средѣ *). Въ сороковыхъ годахъ было установлено, что духоборы не могутъ покупать рекрутскихъ квитанцій, если таковыя первоначально были выданы не духобору. Это распоряженіе отмѣнено въ 1863 г.

Уже изъ этого видно, что отказъ отъ военной службы въ духоборческой средѣ обращалъ на себя вниманіе задолго до послѣдняго броженія и, значитъ, нѣтъ основанія приписывать его вліянію разныхъ новѣйшихъ теченій въ интеллигентной средѣ. Въ годы спокойной жизни духоборческой общины печать компромисса легла на эту сторону ученія, и злополучное „дѣло о наслѣдствѣ“ застало много молодыхъ духоборовъ въ рядахъ арміи, гдѣ они считались даже образцовыми солдатами. Точно также и сами обитатели Духоборіи, поселенные въ дикой мѣстности и среди племенъ, склонныхъ къ хищничеству, обзавелись оружіемъ, котораго по слободамъ оказалось очень много. Но исходъ судебнаго дѣла, ссылка Веригина, а затѣмъ начавшіяся преслѣдованія его партіи вновь подняли вопросы духоборческой догматики, тѣмъ болѣе, что Веригинъ въ своей дальней ссылкѣ переживалъ, очевидно, такое же настроеніе.

„Кола—мѣсто холодное и далекое,—писалъ корреспондентъ „Моск. Вѣд.“ въ ноябрѣ 1895 г.,—но тѣмъ серьезнѣе кажется подвигъ паломничества... Установилась живая связь между Кавказомъ и Колой, при чемъ послѣднія, свободная отъ непосредственнаго воздѣйствія кавказской администраціи, принялась издавать своеобразные законы, вродѣ слѣдующаго: „чиновникамъ взятокъ не давать, водки не пить“... или „нѣтъ

*) 2 п. сб. зак., № 7535 и № 12316.

начальства, кромѣ Бога, не сопротивляйся злу, ближняго не убивай". А затѣмъ Веригинъ сталъ вегетаріанцемъ, предписывалъ своимъ послѣдователямъ воздержаніе отъ мясной пищи и воспретилъ даже брачное сожитіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Съ этихъ поръ приверженцы Веригина, кромѣ названія „писанныхъ", пріобрѣли еще названіе „постниковъ". Очевидно, неуспѣхъ въ реальной борьбѣ съ міромъ заставилъ этихъ энергичныхъ людей замкнуться въ приподнятомъ религіозномъ настроеніи, и проповѣдь сосланнаго Веригина встрѣчала благодарную почву.

Авторъ цитированной статьи „Моск. Вѣдомостей" склоненъ, кажется, приписывать слишкомъ большое значеніе „законодательству изъ Колы", не замѣчая, что важнѣйшія положенія этой проповѣди представляютъ только обостреніе уже существовавшаго ученія, начинавшаго сглаживаться и теперь обострившагося внезапно подъ вліяніемъ гоненія. Спокойное до тѣхъ поръ общество быстро фанатизировалось, „писанные, постники" сразу выдѣлились изъ массы. „При проѣздѣ начальства,— сообщалъ тотъ же корреспондентъ, — они не снимаютъ шапокъ. Подати платить они отказались, но при требованіи таковыхъ полиціей—открываютъ общественную кассу и предлагаютъ брать, сколько вздумается. Съ женами уже третій годъ не живутъ, водки не пьютъ. Слѣдовательно,— заключаетъ корреспондентъ,—въ результатѣ получился бунтъ (признаки котораго нѣсколько, скажемъ отъ себя, курьезны въ этомъ изложеніи), вся сила котораго—въ его пассивности. Во время предварительныхъ убѣжденій, когда казаки сгоняли народъ на сходки для вразумленія ихъ мѣстнымъ начальствомъ, духоборы только и говорили, что они желаютъ пострадать за вѣру" *)...

И, дѣйствительно, начавшіяся было столкновенія и прямыя сопротивленія стали стихать. Идея „непротивленія" охватила массу до фанатизма. Побои „противниковъ" постники сносили съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и кротостью. Такъ, напр., сообщалось въ „Биржев. Вѣдомостяхъ": „Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, особенно чтимыхъ духоборами ради сосланнаго Веригина, въ селѣ Орловкѣ они собирались на молитву. Во время чтенія псалмовъ на нихъ напали и начали бить ихъ плетьми, но никто изъ духоборовъ и не думалъ оказывать сопротивленія. Всѣ они упали на колѣни, и слышны были лишь возгласы: „Господи, помоги намъ!" Расправа эта продолжалась таки долго, и многіе были жестоко избиты" („Бирж. Вѣд." 1895 г., № 220).

*) „Моск. Вѣд."—перепечатка „Волжскаго Вѣстника", № 300, 1895 г.

Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ фанатическое настроеніе возростало. „Ночь на 29 іюля (т. е. опять-таки на Петра и Павла),—писалъ корреспондентъ „Каспія“,—прошла въ Славянкѣ чрезвычайно тревожно. Еще за двѣ недѣли стали ходить слухи, что сторонники Веригина дѣлаютъ какія-то необычайныя приготовленія. Говорили даже, что веригинцы хотятъ устроить „судъ Божій“, предать себя самосожженію, для чего уже навезли много дровъ и т. д. Съ утра между веригинцами замѣчалось какое-то лихорадочное движеніе, а къ вечеру въ Славянку стали прибывать и веригинцы изъ другихъ деревень: Новотроицкаго, Новогорѣлова и Спасовки... Часовъ около 9 вечера въ юго-западной части Славянки появилось зарево. Оказалось, что веригинцы развели костеръ и сожгли все свое оружіе: ружья, револьверы, кинжалы. Одновременно къ костру направились толпы веригинцевъ. Полиція пыталась остановить шествіе, но безуспѣшно. Веригинцы, числомъ около 1000 человѣкъ, собрались въ садикѣ, возлѣ котораго былъ разведенъ костеръ, и стали молиться. На другой день они стали являться къ приставу Теръ-Аствацатурову и возвращать билеты, а также свидѣтельства воинскаго присутствія, ссылаясь на то, что убивать людей имъ не велитъ ихъ ученіе“ *).

Духоборы, мирно отбывавшіе воинскую повинность, стали являться къ своимъ начальникамъ и тоже возвращали оружіе. Уже въ іюлѣ этого же года кавказскій военно-окружной судъ разбиралъ дѣло 11 рядовыхъ Асландузскаго полка, принадлежащихъ къ духоборческой сектѣ. Однажды, вернувшись съ караула, они положили ружья на нары и сказали капитану Крупенникову: „возьмите оружіе“. Отказъ этотъ они мотивировали шестой заповѣдью „не убій“ и, не смотря на всѣ увѣщанія, настояли на своемъ отказѣ, выражая готовность претерпѣть за это „тѣлесныя муки“. Всѣ они, — прибавляетъ корреспондентъ,—бравые, рослые солдаты, кровь съ молокомъ. Приговоръ суда (дисциплинарный батальонъ) они выслушали спокойно **). За этимъ слѣдовали другіе эпизоды въ томъ же родѣ.

Это проснувшееся послѣ многихъ лѣтъ движеніе въ направленіи отказа отъ военной службы и другія проявленія обострившагося сектантства побудили тифлисскаго губернатора лично отправиться въ Ахалкалакскій уѣздъ; сюда же были

*) „Каспій“, перепечатано въ „Сам. Газ.“ 5 августа 1895 года.

**) „Биржев. Вѣд.“ 1895 г., № 201 и „Вечъ. Листокъ Волгаря“ 1895 г., № 187.

присланы 2 сотни казаковъ и нѣсколько ротъ пѣхоты... Однако, все это не произвело желаемаго дѣйствія. Въ концѣ концовъ, рѣшено было опять разселить непокорныхъ по разнымъ уѣздамъ, и съ этихъ поръ начался новый періодъ пилигримства. Духоборы оставляли насиженныя гнѣзда, наскоро и за безцѣнокъ продавали дома, скотину, имущество, остальное укладывали въ фургоны и отправлялись въ новыя, непривѣтныя мѣста Душетскаго, Сигнахскаго, Тіонетскаго и Гурійскаго уѣздовъ. Корреспонденты самыхъ различныхъ газетъ сообщали по истинѣ эпическія черты изъ этихъ странствій. Закаленные трудомъ и жизнью въ горахъ, охваченные неодолимымъ и упорнымъ энтузіазмомъ, духоборы тянулись въ своихъ фурахъ мимо Тифлиса, направляясь на новыя мѣста, вызывая во всѣхъ встрѣчныхъ невольное недоумѣніе и сочувствіе. „Изъза горизонта показываются фургоны, — описывалъ одну изъ такихъ партій корреспондентъ „Новаго Времени“.—Всѣ фургоны, числомъ 27, переполнены семействами духоборовъ Ахалкалакскаго уѣзда. Куда они направляются? Что это за движеніе такой массы людей? Подхожу съ вопросомъ къ одному фургону. Ни звука. Къ другому — одинъ нѣмой взглядъ“. Наконецъ, корреспондентъ встрѣчаетъ болѣе сообщительнаго собесѣдника.

— Право, мы сами не знаемъ, куда насъ выселяютъ,— отвѣтилъ ему старый духоборъ.—Въ нашихъ фургонахъ 35 семей, остальныя партіи изъ 7 духоборскихъ селеній ѣдутъ за нами. Бросили дома, бросили все добро... Ѣдемъ куда-то...

— Въ чемъ же дѣло?

— Спросите Зубкова и Губанова, они вамъ скажутъ...

Затѣмъ онъ разсказалъ о Лукерьѣ Васильевнѣ Калмыковой, объ ея смерти, о наслѣдствѣ и о проигрышѣ этого дѣла (тянувшагося 9 лѣтъ!). „Когда не хотятъ принять и разобрать наше справедливое дѣло,—сказалъ старикъ,—то и мы отказываемся исполнять всякое приказаніе начальства“. Вотъ, очевидно, центръ этого настроенія!.. „Хуже не будетъ,—продолжалъ духоборъ...—До сихъ поръ мы исполняли всѣ приказанія начальства, а теперь не пойдемъ ни на присягу, ни на военную службу и платить никакихъ повинностей не будемъ... Вы видите нашихъ, въ какомъ они положеніи. Такая же участь ждетъ и остальныхъ 7 селеній (Горѣловка приняла сторону Губанова)... Намъ все равно, куда бы ни сослали. Вездѣ—Богъ, всюду земля...“

„Въ слѣдующее воскресеніе—новая партія въ 107 фургоновъ. Тѣ же отвѣты, тѣ же спокойныя физіономіи, точно люди собрались на праздникъ. И то же упорство. „Дѣлайте съ

нами, что хотите, мы не уступимъ"... Посмѣиваются, но этотъ смѣхъ, точно у приговоренныхъ къ смерти.

„Слѣдующая партія останавливается; хоронятъ ребенка, при чемъ мѣстные хохлы отказались дать мѣсто покойнику на своемъ кладбищѣ... Близъ рѣки роютъ могилу, кругомъ столпились женщины и дѣти, мать не можетъ оторвать глазъ отъ мертваго ребенка.

„— Воля Божія,—говоритъ старый духоборъ,—тамъ били, здѣсь умираютъ...

„— Развѣ били?

„— Да, думали—мы уступимъ, видя побои стариковъ и дѣтей... Но мы лучше умремъ.

„Богъ знаетъ, кто правъ, кто виноватъ,—пишетъ корреспондентъ:—жители 7 селеній или Зубковъ съ Губановымъ. Но, думаю, слѣдовало бы отнестись къ этому дѣлу болѣе осторожно. Разъ въ теченіе 59 лѣтъ духоборы не были замѣчены ни въ чемъ дурномъ, то не можетъ быть, чтобы отчаянное ихъ сопротивленіе было совсѣмъ безпричинно" *).

Разумѣется, это новое переселеніе ничего не разрѣшило, и духоборы обратились съ прошеніемъ о дозволеніи имъ переселиться въ Америку. На это, съ извѣстными ограниченіями, послѣдовало разрѣшеніе, и извѣстія, которыми мы начали эту замѣтку, представляютъ эпилогъ этой печальной исторіи.

Въ газетѣ „Сынъ Отечества" уже въ концѣ января и въ началѣ февраля появились интересныя „письма изъ Англіи", гдѣ корреспондентъ передаетъ, со словъ канадской газеты „Herald", подробности перваго появленія духоборовъ у береговъ Новаго Свѣта... Подробности эти отмѣчены опять чисто эпическими чертами, переносящими воображеніе въ какія-то давно прошедшія времена.

„Лица,—пишетъ корреспондентъ,—получившія разрѣшеніе отправиться на шлюпкѣ въ карантинъ для встрѣчи парохода „Lake Huron" (приставшаго къ берегамъ Канады),—были свидѣтелями сцены, которую трудно позабыть. Духоборы, столпившіеся на верхней палубѣ парохода, съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣли на приближающуюся шлюпку... Когда послѣдняя приблизилась къ пароходу, надъ волнами Атлантики пронеслись мощные звуки пѣсни; духоборы пѣли благодарственный псаломъ, производившій впечатлѣніе могучаго хора, пѣвшаго „Тебе Бога хвалимъ"... Одинъ изъ переводчиковъ сообщилъ намъ, что русскія слова псалма означали „Богъ съ нами, Онъ сохранитъ насъ"... Слова вполнѣ соот-

*) „Нов. Вр.", перепеч. „Нижегор. Листка" 18 сент. 1895 г., № 255.

вѣтствовали обстоятельствамъ, особенно, если принять въ соображеніе, что пароходамъ гораздо лучшей конструкціи, чѣмъ „Lake Huron“, пришлось немало вытерпѣть отъ бурь, бушевавшихъ въ это время въ океанѣ.

„Зрѣлище было необыкновенно живописное. Вода, блиставшая подъ яркими лучами солнца, была гладка, какъ зеркало, и двѣ тысячи духоб ровъ, столпившихся на палубѣ, производили впечатлѣніе компаніи людей, выѣхавшихъ на прогулку. Переселенцы хорошо и тепло одѣты. Мужчины и мальчики въ полушубки и шапки изъ козьяго мѣха, женщины—въ юбки ярко-краснаго и голубого цвѣта, тяжелые жакеты (?) и цвѣтные голубые платки“.

На пароходъ, вслѣдъ за санитарными чиновниками, проникли представители прессы и др. посѣтители. „Духоборы служили предметомъ общаго любопытства и возбудили общее восхищеніе. Они выглядятъ очень хорошо; особенно бросаются въ глаза ихъ честныя лица и могучее тѣлосложеніе. Даже дѣти, которыхъ масса, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, начиная съ грудныхъ младенцевъ, представляютъ настоящее олицетвореніе здоровья. Вообще, молодежь преобладаетъ. Общее вниманіе обратилъ на себя одинъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородой. Онъ былъ дѣятеленъ, какъ юноша, и счастливъ, какъ женихъ, не смотря на свои 85 лѣтъ. Другимъ лицомъ, привлекавшимъ вниманіе, была молодая женщина, сильно разнившаяся по типу и наружному виду отъ другихъ женщинъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что она была женщина-врачъ, добровольно сопровождавшая духоборовъ, изъ желанія быть имъ полезной во время ихъ тяжелаго путешествія.

„Представитель американскихъ квакеровъ, м-ръ Элькертонъ, вскорѣ былъ окруженъ духоборами. Онъ предложилъ имъ вознесть благодарственную молитву и призвалъ благословеніе Божіе на грядущую судьбу переселенцевъ.

„Вслѣдъ за тѣмъ къ духоборамъ обратился съ привѣтственною рѣчью м-ръ Бульмеръ, представитель канадскихъ рабочихъ обществъ, сказавшій, между прочимъ: „Я провелъ на пароходѣ лишь нѣсколько минутъ, но я видѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться, что наше правительство не сдѣлало ошибки, пригласивъ васъ поселиться въ Канадѣ. Вы принадлежите къ одной изъ тѣхъ великихъ сѣверныхъ расъ, въ которыхъ такъ нуждается наша страна; между этими расами русскіе отличаются своими способностями къ промышленной самоорганизаціи и артельной жизни, и могутъ, въ этомъ отношеніи, дать урокъ даже такой передовой странѣ, какъ Канада“. Въ заключеніе своей рѣчи, переведенной духоборамъ однимъ изъ

русскихъ переводчиковъ, м-ръ Бульмеръ пожелалъ переселенцамъ, отъ имени канадскихъ рабочихъ, счастья и процвѣтанія въ ихъ новомъ отечествѣ.

„Капитанъ Ивэнсъ сошелъ со своего мостика и охотно отвѣчалъ на массу посыпавшихся на него вопросовъ относительно условій путешествія. Онъ разсказалъ, что погода благопріятствовала путешествію, начиная отъ Батума вплоть до Гибралтара, но что во время перехода черезъ Атлантическій океанъ пришлось выдержать бурные дни. Въ эти дни тяжелыя волны нерѣдко перекатывались черезъ борта парохода и однажды даже вышибли дверь одного изъ нижнихъ пароходныхъ помѣщеній. Этимъ, впрочемъ, и ограничились всѣ поврежденія, нанесенныя пароходу бурями.

„Завѣдующій пароходнымъ хозяйствомъ, м-ръ Джонстонъ, отозвался съ большой похвалой о духоборахъ, какъ объ очень хорошо ведущихъ себя пассажирахъ, что представляетъ почти небывалое явленіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Во время пути было десять смертныхъ случаевъ: умерло трое стариковъ и семеро дѣтей; причиной смерти, во всѣхъ случаяхъ, было истощеніе. Погребеніе умершихъ, нашедшихъ послѣднее упокоеніе въ безграничныхъ глубинахъ Атлантическаго океана, было, по словамъ м-ра Джонстона, печальнымъ и потрясающимъ зрѣлищемъ.

„Но переселенцамъ пришлось быть на пароходѣ свидѣтелями не только такихъ печальныхъ событій. Въ одинъ изъ особенно мрачныхъ дней, когда на морѣ свирѣпствовала буря, вздымавшая вокругъ парохода цѣлыя водяныя горы и безпрестанно окачивавшая его волнами, когда вѣтеръ пѣлъ похоронную пѣсню надъ одной изъ безвременно скончавшихся малютокъ, въ это самое время на свѣтъ появилась духоборка, родившаяся подъ сѣнью британскаго флага. Счастливые родители дали ей имя *Канады*. Во время пути, кромѣ того, было заключено шесть браковъ.

„За все время путешествія не было замѣчено заразительныхъ болѣзней, за исключеніемъ одного легкаго случая кори, которой заболѣлъ ребенокъ.

„Пароходъ „Lake Huron“ пробылъ въ пути 29 дней (13 дней отъ Батума до Гибралтара и 16 — отъ Гибралтара до Галифакса)“.

Земля, выбранная духоборами для ихъ поселенія, расположена въ мѣстности, находящейся при сліяніи границъ Манитобы съ юго-восточнымъ и сѣв.-восточнымъ краями Саскачевана... Второй поселокъ будетъ находиться въ 15 миляхъ отъ перваго, въ сѣверо-вост. Ассинобоѣ. Почва участковъ превосходнаго качества...

Вся эта картина, вдохновляющая даже газетныхъ репортеровъ на такія эпическія описанія, переноситъ воображеніе практичныхъ современныхъ американцевъ къ отдаленнымъ временамъ, когда къ берегамъ Новаго Свѣта съ такими же гимнами пристывали пресвитеріане, квакеры и индепенденты... *).

1899 г.

---

*) Къ сожалѣнію, эти идиллическія отношенія впослѣдствіи нарушились: духоборы мечтали о прежней „Духоборіи“ въ Америкѣ, и ихъ суевѣрный страхъ передъ всякими формальными связями съ общественностью новой родины причинилъ не мало хлопотъ обѣимъ сторонамъ *(позднѣйшее примѣчаніе)*.

Нѣсколько мыслей о національномъ.

Въ одной изъ статей, напечатанныхъ года три назадъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, проводилась уже параллель между просто здоровымъ и „ультра-здоровымъ“, такъ сказать тенденціозно здоровымъ человѣкомъ. Просто здоровый человѣкъ не чувствуетъ и не носится со своимъ здоровьемъ. Если у васъ легкія здоровы,—вы просто дышите ими, даже не замѣчая этого,—и даже въ томъ именно и состоитъ самая сущность здоровья, что организмъ легко и свободно выполняетъ всѣ свои функціи, не тратя на это ни вниманія, ни лишней нервной силы. Если же вы встрѣчаете субъекта, который слишкомъ носится со своимъ „здоровьемъ“, постоянно говоритъ о немъ, кстати и некстати, даже иной разъ хвастаетъ „отличнымъ состояніемъ своего желудка, печени или легкихъ“, то у васъ невольно закрадывается сомнѣніе, и вы начинаете думать, что вѣроятно у этого ультра-здороваго человѣка не все ладно, если не въ желудкѣ, то въ нервномъ строѣ. И во всякомъ случаѣ,—трудно признать такого тенденціозно здороваго человѣка пріятнымъ собесѣдникомъ, а его излюбленную тему—пріятнымъ предметомъ разговора...

То же можно сказать и относительно нѣкоторыхъ предметовъ болѣе тонкаго свойства. Истинное достоинство личности, ея „честь“, какъ и ея здоровье, составляетъ лишь общій тонъ поступковъ и дѣйствій, отъ всей совокупности которыхъ на васъ вѣетъ особымъ тонкимъ ароматомъ нормальнаго душевнаго строя, который составляетъ лишь фонъ поведенія личности. И только въ тѣхъ случаяхъ, когда внѣшнія, случайныя и во всякомъ случаѣ экстраординарныя обстоятельства этого потребуютъ,—твердо сложившееся личное достоинство человѣка, его честь скажется въ поведеніи, просто, непринужденно и твердо. При этомъ первый признакъ такого истиннаго лич-

паго достоинства—спокойное уваженіе его въ другихъ. Когда же, наоборотъ, вы встрѣчаете субъекта, который постоянно говоритъ о „своей чести“, носитъ ее передъ собой, какъ нѣкій ковчегъ, въ которомъ заключено что-то драгоцѣнное, но для него внѣшнее, и при этомъ выражаетъ постоянную готовность не только поддержать свою честь противъ предполагаемыхъ оскорбленій, но еще во имя *своей* чести—оскорбить и растоптать чужую,—вы сразу опредѣляете, что именно личное достоинство у такого субъекта отсутствуетъ. Это „не джентльменъ“!—говорятъ о такихъ господахъ англичане, а въ наиболѣе рѣзкихъ проявленіяхъ это уже дикое, некультурное и разнузданное бреттёрство.

То же можно было бы сказать о добродѣтели, которая у истинно добродѣтельныхъ людей гнѣздится лишь въ сердцѣ, проникая всѣ ихъ поступки, но не сходитъ съ языка у Тартюфовъ.—и обо многихъ другихъ душевныхъ и нравственныхъ свойствахъ. На этотъ разъ, однако, я хочу примѣнить это маленькое наблюденіе къ патріотизму...

Что такое русскій человѣкъ? Національность наша есть фактъ, такъ сказать, первичный, сопровождающій насъ отъ рожденія и налагающій на насъ свой отпечатокъ, естественно, неизбѣжно и непосредственно. Мы русскіе потому, что родились въ Россіи, дышали съ рожденія ея воздухомъ, глядѣли на ея убогую, грустную, но порой и прекрасную природу, выражали свои чувства звуками ея рѣчи, первую свою любовь, и свой первый гнѣвъ, и всѣ другія ощущенія отдали русскимъ же людямъ. Это фактъ, который, конечно, не можетъ не сказаться въ нашемъ душевномъ строѣ и во всемъ поведеніи. Онъ не долженъ мѣшать намъ видѣть свои недостатки и чужія достоинства, но онъ залегаетъ въ глубинѣ души какимъ-то узелкомъ ощущеній, вслѣдствіе которыхъ наши недостатки намъ ближе и больнѣе, а наши достоинства, когда они проявляются въ дѣйствіи,—тоже ближе и пріятнѣе. И все вмѣстѣ—достоинства и недостатки—чувствуются нами непосредственнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ свойства другихъ народовъ... Но это не должно заставлять насъ любить и прославлять недостатки лишь потому, что они наши, и отрицать чужія достоинства, потому что они чужія... И прежде всего человѣкъ, у котораго въ душѣ есть истинное ощущеніе національнаго достоинства,—не станетъ выпячивать его въ ущербъ другимъ, такъ же, какъ не станетъ выпячивать своей, никѣмъ еще не затрагиваемой „чести“.

Но есть просто русскіе люди, т. е. прежде всего люди мыслящіе, разсуждающіе о добрѣ и злѣ, о человѣчномъ и без-

человѣчномъ, объ истинѣ и лжи, и всѣ эти высшія опредѣленія пріурочивающіе неизбѣжно и непосредственно къ родной средѣ и родному краю... И есть ультра-русскіе, сугубо-русскіе, „истинно-рррусскіе“ патріоты, которые носятъ ковчегъ своего патріотизма, какъ бреттёръ носитъ ковчегъ своей чести, тенденціозно, нарочито озираясь на сосѣдей, толкаясь и вызывая... Этотъ видъ выпяченнаго, гипертрофированнаго и нездороваго патріотизма называется въ послѣднее время „націонализмомъ“ въ его особомъ современномъ значеніи. Націонализмъ, какъ извѣстно, особенно сильно и не особенно для себя выгодно нашумѣлъ въ послѣдніе годы во Франціи, выдвинувъ гг. Эстергази и Гонзовъ, Буадефровъ и Анри Режисовъ и Гереновъ и многихъ имъ подобныхъ... Сказывается онъ и въ другихъ странахъ съ большимъ или меньшимъ трескомъ и, къ сожалѣнію, даетъ себя чувствовать у насъ вообще—и въ частности проявляется все съ большею силой въ послѣдніе годы. Nous sommes les frrrançais!—демонстративно и громогласно восклицаетъ французскій націоналистъ и, констатируя этотъ никѣмъ не оспариваемый фактъ, тотчасъ же опять прибавляетъ: mort aux juifs! „Мы рррусскіе люди“ (или еще лучше—рррусаки)—говорятъ наши націоналисты, и тотчасъ же опять прибавляютъ: „долой жидовъ, долой нѣмцевъ, долой поляковъ“ и т. д., и т. д. А такъ какъ, разумѣется, перваго утвержденія никто не опровергаетъ, то, по самой логикѣ вещей, вся суть явленія, его центръ тяжести переходитъ во вторую половину формулы. Такимъ образомъ реальное содержаніе націонализма сводится на „отрицаніе“ другихъ національностей. Націонализмъ обращаетъ непосредственный патріотизмъ въ патріотизмъ бреттёрствующій, наступающій на другихъ, „воинствующій“, оскорбляющій...

Само собой разумѣется, что та формула патріотизма, которую мы привели выше, заставляющая, между прочимъ, особенно сильно чувствовать отрицательныя свойства нашей жизни именно потому, что они наши, — что ими болѣютъ и отъ нихъ страдаютъ именно и прежде всего люди намъ наиболѣе близкіе, — не можетъ удовлетворить „націоналиста“. Бреттёрствующій патріотизмъ не можетъ признать своихъ недостатковъ, и опять по логикѣ вещей, очень скоро всѣ *особенности* нашей жизни, уже потому, что онѣ наши, признаются добродѣтелями, а чужія отличія — обращаются сплошь въ пороки... Когда этотъ процессъ совершился,—*націонализмъ* готовъ, а *патріотизмъ*?.. Съ патріотизмомъ тогда неладно, совершенно такъ же, какъ неладно съ здоровьемъ человѣка, который слишкомъ много говоритъ о своемъ желудкѣ, или съ

честью субъекта, который носится съ нею, какъ съ писанной торбой, всегда готовый растоптать честь своего ближняго во имя, яко-бы, своей чести...

Явленіе это у насъ далеко не новое. Оно родилось вмѣстѣ съ поговоркой „шапками закидаемъ“ и потомъ переживало различныя стадіи. Отъ кичливаго и самонадѣяннаго, оно переходило (въ эпоху реформъ) къ настроенію унылому и жалующемуся, а впослѣдствіи все болѣе и болѣе подымало голову. Интересно, между прочимъ, что почти всюду оно сопровождается большей или меньшей склонностію къ ретроградству. Какъ извѣстно, Катковъ былъ либераломъ и даже конституціоналистомъ въ первомъ періодѣ своей литературно-общественной карьеры. Начало реформъ онъ привѣтствовалъ самымъ горячимъ образомъ, и впослѣдствіи въ его собственныхъ статьяхъ противники почерпали сильные аргументы противъ его мракобѣсныхъ нападокъ на всѣ новшества, двинувшія впередъ русскую жизнь. Этотъ поворотъ Каткова, быстрый и рѣшительный,—совершился именно на почвѣ болѣзненно задѣтаго національнаго. И разумѣется, это не потому, чтобы новыя формы жизни не уживались съ истиннымъ патріотизмомъ. Кто рѣшился бы упрекнуть въ отсутствіи патріотизма Ланскихъ, Ростовцевыхъ, Милютиныхъ, отдавшихъ свои силы наиболѣе патріотическому дѣлу—обновленію своей родины, еще рабской и полной, по выраженію Аксакова, „черной неправды“ и „всякой мерзости“. Несомнѣнно, однако, что движеніе впередъ, прогрессъ и общественное совершенствованіе всюду становятся въ болѣе или менѣе острые конфликты съ воинствующимъ національнымъ нашихъ дней. Во Франціи онъ спаялся съ католической реакціей, съ аспираціями умершаго легитимизма или авантюрами бонапартизма. У насъ изъ рукъ мечтательнаго и далеко не во всемъ обскурантнаго славянофильства—онъ перешелъ къ литературнымъ партіямъ совсѣмъ иного склада, начиная съ Каткова...

И опять характерная черта: когда г-нъ Суворинъ, нѣкогда либеральный публицистъ, обратился, во второй половинѣ 70-хъ годовъ, къ вульгарному національному,—однимъ изъ первыхъ его шаговъ въ этомъ направленіи было именно пилигримство къ Каткову, въ то время уже совершенно опредѣлившемуся врагу всякаго прогресса русской жизни. Катковъ принялъ прозелита и съ присущей ему грубостію не пощадилъ щекотливыхъ чувствъ новообращеннаго. Онъ заявилъ печатно объ этомъ обращеніи и сообщилъ urbi et orbi, что г. Суворинъ покаялся и рѣшился „выкинуть либеральную дурь“ изъ своей въ то время уже сѣдѣвшей головы... Еще полтора десятка

лѣтъ, и г-на Суворина, бывшаго Незнакомца, остроумнаго, въ свое время, либеральнаго публициста, съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ уже даже не Катковъ, а князь Мещерскій, написавшій, въ видѣ привѣтствія ко дню юбилея г-на Суворина, быть можетъ, наиболѣе ядовитыя строки изъ всего, что въ изобиліи сыпалось на г-на Суворина его врагами... Такъ совершается естественная эволюція по пути... не патріотизма, конечно, а только его суррогата,—націонализма, очень сильнаго въ наше время...

Да, сильнаго, и это очень понятно. Русская культура еще очень молода. Печать—одно изъ ея самыхъ еще молодыхъ дѣтищъ. Совершенно понятно, что она далеко еще не пріобрѣла всей той силы, которая нужна для борьбы со всякою тьмою, со всякими предразсудками и закоренѣлыми привычными ощущеніями малокультурнаго русскаго общества. Вотъ почему ея борьба со всякимъ наслѣдіемъ прошлаго, составляющая истинную задачу истинно патріотической прессы, такъ трудна и, повидимому, мало производительна, а ея результаты такъ мало замѣтны. И вдругъ, въ одной части этой печати пробуждается сознаніе, что и она можетъ стать силой, тотчасъ же, немедленно, завтра,—что ея успѣхъ можетъ стать „блестящимъ“ во всѣхъ отношеніяхъ, стоитъ только... вмѣсто борьбы съ цѣлыми залежами предразсудковъ толпы—перейти къ союзу съ ними, стоитъ начать разрабатывать эти залежи, сдѣлаться выразителемъ не того, что еще только рождается въ туманѣ будущаго, а того, что уже прочно отлагалось вѣками и, хотя безповоротно осуждено въ будущемъ, но въ настоящемъ еще живо и полно всякихъ рефлексовъ. И вотъ, часть печати отъ истинной патріотической борьбы за будущія „возможности“, лежащія въ зародышевомъ состояніи въ нашемъ обществѣ и народѣ, переходитъ къ борьбѣ за готовые шаблонные лозунги вульгарнаго яко-бы патріотизма, которые тотчасъ же безъ дальнихъ разсужденій и вызываютъ отклики. И, разумѣется, успѣхъ обезпеченъ,—на-встрѣчу печати стремятся готовые рефлексы, толпа съ удивленіемъ видитъ, что ея нехитрые лозунги, производящіе на нее необъяснимое, мгновенное, хотя и неосмысленное дѣйствіе, вродѣ „все англичанка гадитъ“ или „жиды Христа распяли!“—теперь повторяются съ печатныхъ страницъ, „образованными господами“, которые такъ ловко, красиво, умѣло и даже чувствительно развертываютъ ихъ въ цѣлые фельетоны, передовицы, разсказы, изукрашая ихъ стилистическими цвѣтами и даже глубокомысленными историческими и иными соображеніями... А она, толпа, думала, что эта новая сила—печатное слово—

идетъ на борьбу съ ея закоренѣлыми понятіями, что она хочетъ убѣдить ее, „что всѣ люди братья“ и что добиться дѣйствительнаго облегченія тяжкой доли гораздо труднѣе, чѣмъ изругать нѣмца, притѣснить поляка или избить ни въ чемъ неповиннаго ремесленника-еврея... И толпа довольна. Она успокоилась, она рукоплещетъ и... читаетъ.

И вотъ, часть русской прессы, давно уже, въ силу разныхъ условій, привыкшей бить въ сторону наименьшаго сопротивленія, развертываетъ свои силы въ этомъ направленіи и съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ видитъ, какъ ея тихо двигавшуюся по отмелямъ ладью вдругъ подхватываетъ болѣе сильная волна, и паруса надуваются вѣтромъ, и она несется, окрыленная внезапнымъ успѣхомъ. Только... нестись приходится не туда, куда влекли вначалѣ и мечты, и взгляды, и желанія. Этотъ странный успѣхъ состоитъ въ томъ, что „успѣвающій“ идетъ какъ разъ противъ того направленія, куда намѣревался идти... Онъ плыветъ назадъ, очень быстро и пріятно, по тому самому теченію, съ которымъ вначалѣ боролся... Это краткая психологическая исторія многихъ крупныхъ націоналистовъ, начиная, пожалуй, съ французскаго Рошфора и кончая нашими Катковымъ и Суворинымъ. И характерно, что наиболѣе замѣчательными фигурами въ этой области очень часто являются именно перебѣжчики изъ оппозиціоннаго лагеря.

Разумѣется, было бы черезчуръ грубо и потому несправедливо объяснять все дѣло слишкомъ ужъ примитивно — корыстными мотивами, какъ это отчасти дѣлалось въ печати по поводу того же нововременскаго юбилея. Нѣтъ, я думаю, что тотъ сатана, котораго такъ ругательски изругалъ г-нъ Суворинъ передъ своимъ юбилеемъ и котораго, однако, по его словамъ, „всѣ мы обнимали и цѣловали“,— явился г-ну Суворину, какъ и Каткову, совсѣмъ не въ видѣ прозаическаго и некрасиваго денежнаго мѣшка... Но немедленное „признаніе“, но „слава міра сего“, но видимое значеніе, но поощрительные крики толпы, польщенной и потому тоже льстящей, но „огромное вліяніе“ при значительно большей безопасности и т. д., и т. д.— все это дается такъ трудно на пути борьбы съ чувствами и формулами толпы и такъ неожиданно легко, такъ соблазнительно при примиреніи съ этими формулами... „Я только еще началъ дѣйствовать,- говорилъ когда-то Лассаль,— и страсть уже кипитъ въ народѣ“. Наши націоналисты могутъ сказать о себѣ иначе: „мы еще не выступали, а страсти, которыя мы теперь раздуваемъ, уже кипѣли въ толпѣ“... Да, кипѣли и сказывались слѣпымъ высокомѣріемъ, предразсудками, не-

нависть, еврейскими и всякими иными погромами съ націоналистской окраской...

„Мнѣ хочется, наконецъ,—писалъ когда-то г-нъ Суворинъ, въ первые дни послѣ своего націоналистскаго обращенія, — новую монету въ рукѣ подержать“... И націоналисты нашей печати взяли въ руки эту монету, не замѣчая даже, что она далеко не новая, стертая отъ употребленія, загрязненная и часто окровавленная...

Но зато — очень ходкая...

Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за это, можетъ быть, несовсѣмъ обычное для хроникера отступленіе, въ которомъ я пытаюсь дать хотя бѣглую общую характеристику явленія, очень распространеннаго въ наши дни. О тѣхъ или другихъ частныхъ его проявленіяхъ намъ не разъ приходилось и, конечно, еще придется говорить на этихъ страницахъ. Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду отмѣтить еще одно любопытное явленіе въ этой области.

Таково, по нашему мнѣнію, образованіе новаго русскаго клуба или, вѣрнѣе, русскаго собранія. Всякій клубъ въ Россіи, состоящій изъ русскихъ членовъ, уже тѣмъ самымъ, конечно, является русскимъ въ общемъ, не специфическомъ смыслѣ. А затѣмъ уже онъ ставитъ себѣ тѣ или другіе специфическія цѣли и задачи, которыя намѣренъ разрабатывать въ Россіи вообще, или въ такомъ-то городѣ въ частности... Данное же общество является специфически русскимъ, „истинно-русскимъ“ и въ этомъ его задача, т.-е. одно изъ условій своего существованія онъ дѣлаетъ своею цѣлью... Уже изъ этого очевидно, что это клубъ „націоналистскій“.

Это ясно также изъ первыхъ шаговъ новаго общества. Первыя извѣстія о возникновеніи его гласили только, что группа лицъ съ извѣстными аристократическими именами задалась цѣлью возстановить „древній строй русской одежды“ и отнынѣ члены этого общества будутъ ходить не иначе, какъ въ охобняхъ и мурмолкахъ, въ желтыхъ и красныхъ сапогахъ, а женщины въ сарафанахъ и кокошникахъ. Это вызвало лишь нѣкоторое веселье и послужило темой для нѣсколькихъ болѣе или менѣе остроумныхъ фельетоновъ. Мы не можемъ сказать въ точности, дѣйствительно ли таковъ былъ зародышъ новаго общества,—кажется, однако, что это именно такъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, идея быстро освободилась отъ этой нѣсколько юмористической оболочки, времена, очевидно, назрѣли, къ кружку примкнули люди литературные изъ націоналистскаго лагеря — г-да Суворинъ,

Сигма. Энгельгардтъ, Комаровъ и многіе другіе, и — не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ „русское общество“ стало уже совершившимся фактомъ. Газеты сообщили и о засѣданіяхъ общества, въ которыхъ, надо думать, г-да Суворинъ и Комаровъ присутствовали въ обыкновенныхъ сюртукахъ и пиджакахъ, а не въ парчевыхъ кафтанахъ „боярскаго строя“.

При этомъ оказалось, между прочимъ, что первый же параграфъ устава общества въ первомъ же собраніи подалъ поводъ для значительныхъ недоумѣній. Параграфъ этотъ гласитъ объ „исконныхъ творческихъ началахъ“ русскаго народа, поддержку которыхъ общество ставитъ своею цѣлью. И вотъ, какъ свидѣтельствуетъ г-нъ Ав. Васильевъ, — однимъ даже изъ учредителей общества ему заданъ былъ вопросъ: „что такое *исконныя творческія начала*, о которыхъ говорится въ первой статьѣ?“ „Если,—совершенно резонно утверждаетъ г-нъ Васильевъ,—даже у учредителя собранія возникъ такой вопросъ, то позволительно думать, что для многихъ членовъ и ужъ конечно для многаго множества русскихъ людей... далеко не ясна основная цѣль нашего содружества и частныя его задачи“.

Чтобы разъяснить это недоумѣніе, г-нъ Васильевъ прибѣгаетъ къ священному писанію. „*Искони* было Слово“... говоритъ онъ,—т. ково начало Новаго Завѣта, по благовѣствованію Іоаннову. „Искони сотворилъ Богъ небо и землю“...— таково начало Ветхаго Завѣта, начало всякаго бытія, всего сотвореннаго по благовѣствованію Моисееву“. „Итакъ, ἐν ἀρχῇ, *искони*—это первое слово у Моисея и Іоанна; у того и другого оно одинаково гласитъ объ исконномъ, или объ изначальномъ, или, что то же, о безначальномъ началѣ всѣхъ началъ, — о божественномъ Словѣ“... „И если мы, — продолжаетъ г-нъ Васильевъ,—этими священными прилагательными: „исконный“ и „творческій“ опредѣлили тѣ начала, которыя мы поставили себѣ цѣлью выяснять и проводить въ жизнь, то тѣмъ самымъ мы наложили на себя и дали міру великій обѣтъ: быть служителями и вѣстниками *Слова*“... „Оно должно быть альфой и омегой, основаніемъ и вѣнцомъ... (и т. д.) всего нашего домостроительства, всей нашей работы во славу Ему, во благо русскому народу!“

Къ сожалѣнію, сказать слишкомъ много значитъ иногда — не сказать ничего. Если слова *исконный* и *творческій* сводятся къ понятію, которое должно лежать въ основаніи *всякаго* начинанія вообще, то недоумѣвающій „членъ содружества“ остается при своемъ недоумѣніи: каковы всетаки *исконныя*

начала, служащія въ частности основой дѣятельности именно русскаго собранія, которое едва ли всетаки предсказывалось еще въ книгахъ Бытія. Г-нъ Васильевъ, очевидно, это понимаетъ и потому ставитъ вторично тотъ же вопросъ: „Но уставъ нашъ говоритъ во *множественномъ* числѣ объ „исконныхъ творческихъ" началахъ русскаго народа. Что же это за начала, принадлежащія русскому народу?"

„Это, — принимается опять г-нъ Васильевъ за новое объясненіе. — дыханіе Божества, тѣ благодатные дары Духа, которые заложены Творцомъ въ природу нашего племени и нашего народа"... И т. д.—еще около 40 строкъ въ томъ же родѣ, послѣ которыхъ —увы!—авторъ, какъ бы вдохновляемый представленіемъ о недоумѣвающей физіономіи своего вопрошателя, — въ третій разъ возобновляетъ ту же неудающуюся попытку и опять, во всей первоначальной полнотѣ, ставитъ тотъ же недоумѣнный вопросъ:

„Но какія же именно исконныя творческія начала были въ теченіе вѣковъ и должны быть впредь опредѣляющими въ частной, общественной и государственной жизни русскаго народа?"

Къ сожалѣнію, и третья попытка, составляющая содержаніе всего остального фельетона—кончается тѣмъ, что усилія автора истощаются въ такихъ же благодушныхъ, пожалуй возвышенныхъ словоизвитіяхъ, какъ извилистая рѣчка теряется порой въ степныхъ пескахъ. Тутъ есть и община (итакъ— всѣ члены „содружества" обяжутся владѣть землей не иначе, какъ на общинномъ началѣ, или хоть всѣми мѣрами поддерживать его въ крестьянствѣ?), и какая-то туманная „соборность". Наболѣе понятными, пожалуй, являются, какъ бы мимоходомъ запутавшіяся тутъ же, два опредѣленныхъ указанія: „образцовое, по мысли и сердцу русскаго народа, государственное устройство—такое, во главѣ котораго стоитъ свободный въ своихъ рѣшеніяхъ государь, внимающій и уважающій соборный голосъ свободнаго въ выраженіи своихъ мнѣній народа". Другое довольно опредѣленное указаніе—на „народный строй одежды"... Какъ видите—тутъ мы имѣемъ дѣло съ старой славянофильской формулой, которая, однако, все же разъясняетъ намъ не много, тѣмъ болѣе, что... является вопросъ: въ какой мѣрѣ такое истолкованіе перваго § устава является общимъ его пониманіемъ, или же только личнымъ благодушнымъ пожеланіемъ стараго славянофила, силящагося видѣть въ „содружествѣ" воскресеніе убѣжденій и взглядовъ давно сошедшей со сцены общественной партіи.

Впрочемъ, статья г-на Ав. Васильева и напечатана въ

„С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“—газетѣ далеко не специфически-націоналистской, и мы привели ее, какъ характерный признакъ: „содружество“ до извѣстной степени окрашивается присутствіемъ славянофильской струи, но она журчитъ въ немъ, хотя благодушно и даже въ возвышенныхъ тонахъ, однако, далеко не внятно и не вразумительно.

Гораздо характернѣе, яснѣе и разборчивѣе тѣ ноты, которыя вносятся уже прямо органами націонализма. По счастливой случайности, Петербургъ посѣтилъ въ это время французскій націоналистъ, г-нъ Андрэ Шерадамъ, по словамъ „Новаго Времени“ *)—авторъ сенсаціонной книги „Европа и австрійскій вопросъ на порогѣ XX вѣка“. Мы не знакомы съ этой книгой и даже съ именемъ знаменитаго, быть можетъ, француза. Во всякомъ случаѣ французскій націоналистъ оказался очень кстати, чтобы благословить націоналистическое начинаніе въ Россіи. Его пріѣздъ произвелъ въ средѣ „содружества“ пріятное оживленіе, а газеты, близкія къ русскому собранію („Свѣтъ“ и „Нов. Время“), поспѣшили, разумѣется, подѣлиться со своими читателями авторитетнымъ мнѣніемъ опытнаго въ этихъ дѣлахъ француза. По наблюденію (вѣроятно довольно стремительному) г-на Шерадама, — „въ то время, какъ во всѣхъ крупнѣйшихъ государствахъ Запада въ послѣдніе годы происходитъ усиленная концентрація національныхъ элементовъ, — у васъ въ Россіи въ интеллигенціи необычайно сильно сказывается обратное движеніе—антинаціональное“... И затѣмъ, очень скоро онъ уже квалифицируетъ людей, не настроенныхъ на воинственно-патріотическій ладъ, какъ „враговъ“ своего отечества. Очевидно, французскому націоналисту (что впрочемъ совершенно понятно) пріятно было бы видѣть въ Россіи то же, что онъ видѣлъ у себя во Франціи. Далѣе г-нъ Шерадамъ развернулъ, въ поученіе своему собесѣднику—цѣлый кошмаръ пангерманизма... „Печать Россіи, Австріи и Франціи“ должна „солидарно и систематически слѣдить за каждымъ движеніемъ пангерманской мысли, отмѣчать согласно и громко каждое новое поползновеніе „всенѣмцевъ“ и т. д. Однимъ словомъ, мы должны дѣлать все то, надъ чѣмъ (напр., относительно австрійской печати, видящей всюду панславизмъ) такъ смѣется то же „Новое Время“ и что, вдобавокъ, у насъ уже давно дѣлается въ не менѣе достойныхъ смѣха формахъ.

Другой учредитель „Русскаго Собранія“, г-нъ Комаровъ, помѣстилъ въ „Свѣтѣ“ (№ 125) письмо того же Андрэ Шера-

*) „Нов. Время“ 9-го мая 1901 г., № 9049.

дама въ „Patrie Française“: „Я довожу до свѣдѣнія читателей „Patrie Française“ („Французскаго Отечества“), — пишетъ г-нъ Шерадамъ, — о событіи, которое имъ, вѣроятно, еще неизвѣстно, но важное значеніе котораго выяснится современемъ. Я хочу говорить о состоявшемся недавно въ Петербургѣ основаніи „Русскаго Собранія“. Наиболѣе точнымъ опредѣленіемъ идеи, одушевляющей это Собраніе, можетъ служить выраженіе: „Лига Русскаго Отечества“. Уже одно названіе это ясно свидѣтельствуетъ, что созданіе „Русскаго Собранія“ можетъ быть сочувственно принято и привѣтствуемо „Лигою Французскаго Отечества“. Дѣйствительно, цѣль, которую преслѣдуютъ оба общества, совершенно сходственна. Всѣмъ извѣстно, что въ Петербургѣ существуетъ сильно организованная нѣмецкая партія (вотъ уже и открыта смертельная опасность). Въ виду успѣховъ ея зловреднаго дѣйствія, самые вѣрные подданные царя уразумѣли, что если они, въ свою очередь, не позаботятся о сосредоточеніи своего національнаго чувства, *подобно тому, какъ то дѣлается у насъ, во Франціи* (курсивы наши), то въ концѣ-концовъ успѣхи нѣмцевъ сильно повредятъ интересамъ русской партіи. На основаніи этого убѣжденія и возникло „Русское Собраніе“. Весьма естественно, что созданіе этого Собранія встрѣтило въ извѣстныхъ группахъ (не русскихъ, но живущихъ въ Россіи) неудовольствіе и порицаніе, подобно тому, съ какимъ встрѣчено было основаніе „Лиги Французскаго Отечества“ (тоже, вѣроятно, не французами, но живущими во Франціи, какъ, напр., Эмиль Золя, Клемансо, Буржуа, Жоресъ, Вальдекъ-Руссо и многіе др.). Даже и доводы тѣ же самые. Говорятъ, будто основатели „Русскаго Собранія“ — реакціонеры, ретрограды, господа, желающіе возстановленія крѣпостного права, и такъ далѣе...' Мои наблюденія и изученія привели меня къ убѣжденію, что всѣ клеветы, взводимыя до сего времени противъ „Лиги Русскаго Отечества“, ни на чемъ не основаны. Члены „Русскаго Собранія“ *далеко не ретрограды, они прогрессисты*, но прогрессисты, признающіе, что всегда необходимый прогрессъ долженъ совершаться и облегчаться на русской почвѣ самими русскими, которые не должны допускать, чтобы *монополія въ дѣлѣ прогресса* (?!) предоставлена была людямъ различныхъ расъ, происхожденіе и интересы которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ Россіей и русскими... Гг. Суворинъ и Комаровъ, издатели „Новаго Времени“ и „Свѣта“, *двухъ наиболѣе вліятельныхъ въ Россіи газетъ*, находятся въ числѣ членовъ-учредителей „Лиги Русскаго Отечества“... И хотя Собраніе это существуетъ только нѣсколько недѣль,

къ нему все въ возрастающемъ количествѣ присоединяются офицеры и лица, принадлежащія къ самымъ интеллигентнымъ кружкамъ. „Лига Русскаго Отечества“ живо интересуется иностранной политикой. Она глубоко убѣждена въ необходимости и въ важности союза съ Франціей и въ томъ, что другой политики для Россіи быть не можетъ. Каждый русскій, желающій защищать исключительно (?) національные интересы, долженъ обязательно желать политики, соотвѣтствующей французскимъ интересамъ“.

Эту маленькую французскую блягу съ большимъ, разумѣется, сочувствіемъ цитируетъ „Свѣтъ“ В. В. Комарова, раздѣляющаго, по словамъ Шерадама, съ г-мъ Суворинымъ славу издателя наиболѣе вліятельной русской газеты. Эти выдержки изъ наставленій французскаго націоналиста нововозникшей „Лигѣ русскаго отечества“, сочувственно приводимыя двумя наиболѣе вліятельными если не въ Россіи, то во всякомъ случаѣ въ „русскомъ содружествѣ“ газетами, показались намъ гораздо болѣе убѣдительными и характерными, чѣмъ добросовѣстныя и благожелательныя, но—увы!—совершенно безуспѣшныя попытки г-на Аѳ. Васильева разъяснить значеніе „исконныхъ началъ“ и поставить возникновеніе русскаго содружества въ непосредственную связь съ „изначальнымъ началомъ всякаго бытія“. Разъясненія пріѣзжаго француза гораздо лучше опредѣляютъ роль и характеръ будущаго общества: немного славянофильской риторики, туманная славянофильская фразеологія, звенящая, какъ кимвалъ, также и въ нѣкоторыхъ статьяхъ г-на Сигмы (очень недовольнаго „свободой, равенствомъ и братствомъ“ гнилого запада),—а затѣмъ очень опредѣленная націоналистская программа: раздраженіе глухихъ инстинктовъ племенной вражды, во вкусѣ „Новаго Времени“ и „Свѣта“, преслѣдованіе инородцевъ и кошмары воображаемыхъ опасностей отъ всемірнаго союза еврейства, отъ „пангерманизма“, отъ иностранныхъ шпіоновъ въ Троицкой Лаврѣ, наконецъ отъ всѣхъ „живущихъ въ Россіи, но не русскихъ людей“, которые позволяютъ себѣ предпочитать спокойный патріотизмъ сознающаго свои силы народа—надменной суетливости и кошмарамъ бреттёрствующаго націонализма...

Pour la bonne bouche,—маленькій курьезъ. Г. Шерадамъ увѣряетъ французскую публику, будто устроители „Лиги русскаго отечества“ прогрессисты, пламенно желающіе вырвать „монополію прогресса“ у какихъ-то, невѣдомыми путями захватившихъ эту монополію, инородцевъ. Не знаемъ, — польстило ли или обезпокоило г-на Комарова это довольно таки

легкомысленное утвержденіе г-на Шерадама, но только въ томъ же 125 № „Свѣта“, въ которомъ помѣщено выше цитированное письмо, напечатано также стихотворное обращеніе поэта К. Карелина къ „Современному философу“.—Отвѣчай мнѣ, мудрецъ,—строго спрашиваетъ философа поэтъ „Свѣта“,

на какой ты конецъ намъ ученье свое излагаешь?..

Люди счастья хотятъ, люди *смотрятъ назадъ*,
Лишь бы призракъ его тамъ увидѣть:
Ты жъ *толкаешь впередъ* возбужденный народъ,
Учишь „благо“ его ненавидѣть...

Не знаемъ, право, что сказалъ бы даже французскій націоналистъ г-нъ Шерадамъ, если бы ему перевести эти стихи „прогрессивнаго“ органа „Лиги русскаго отечества“? Впрочемъ, не менѣе, если еще не болѣе характерна замѣтка въ „Нов. Времени“ (№ 9053), въ которой, по поводу того же радостнаго событія (пріѣзда г-на Шерадама), г-нъ Петербуржецъ противупоставляетъ націонализму не только „сантиментальный космополитизмъ“, но и... *гуманитаризмъ* уже безъ всякаго эпитета. По словамъ автора—„націонализмъ съ одной стороны—космополитизмъ и *гуманитаризмъ* съ другой поставлены нынѣ на очередь и на Западѣ, и у насъ. Пресловутое дѣло Дрейфуса было ареной, на которой столкнулись эти два *враждебныхъ другъ другу* (курсивъ нашъ) теченія“.

Какъ видите, это уже очень опредѣленно и, быть можетъ, съ этимъ дополненіемъ благодушно-туманныя разсужденія г-на Ѳ. Васильева станутъ много попятнѣе.

1901 г.

Письмо къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей“.

Позвольте мнѣ при посредствѣ вашей уважаемой газеты поставить слѣдующій вопросъ, который, какъ мнѣ хорошо извѣстно, служитъ теперь источникомъ смущенія и соблазна для многихъ умовъ и многихъ совѣстей въ нашей землѣ и потому требуетъ разрѣшенія.

Извиняюсь за нѣсколько предварительныхъ избитыхъ истинъ: 1) Несомнѣнно, что правда для всѣхъ обязательна, а ложь не можетъ служить хорошему дѣлу. 2) Церковь преимущественно предъ всѣми другими учрежденіями обязана стоять на истинѣ, и ложь не должна служить ея орудіемъ никогда и ни для какихъ цѣлей.

Теперь—факты.

Въ январѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ было расклеено извѣщеніе, исходившее отъ нѣкоего Черепъ-Спиридовича и неизвѣстно кому адресованное, въ которомъ сообщалось, будто массовыя стачки рабочихъ были вызваны англо-японскимъ подкупомъ. Извѣстіе это, не пропущенное первоначально даже телеграфной цензурой, нынѣ *оффиціально уже признано лживымъ*, что удостовѣрено уполномоченными нашего правительства за границей. Разоблаченъ и самый источникъ извѣстія, оказавшійся завѣдомо грязнымъ и недостовѣрнымъ.

И, однако, это опроверженіе, сдѣланное органомъ нашего правительства за границей, не повторено внутри страны. Такимъ образомъ, завѣдомая ложь, глубоко оскорбительная для народнаго чувства, продолжаетъ еще для какихъ-то цѣлей повторяться въ разныхъ городахъ органами мѣстной власти (Севастополь, Ярославль, Рыбинскъ и др.). Въ Саратовѣ же она, по удостовѣренію болѣе 900 мѣстныхъ жителей, пода-

вшихъ объ этомъ заявленіе, служитъ какимъ-то темнымъ личностямъ лозунгомъ для призывовъ къ избіенію учащихся.

Но что особенно соблазнительно,—эта же завѣдомая неправда по синодскому указу продолжаетъ распространяться съ церковныхъ кафедръ по всему лицу русской земли.

Теперь представьте себѣ положеніе средняго русскаго человѣка, который узнаетъ изъ газетъ (а газеты проникли уже всюду), что нашимъ правительствомъ давно уже опровергнуто за границей то самое извѣстіе, которое ему сообщается съ церковной каѳедры священникомъ.

При этомъ я представляю себѣ два случая: русскій человѣкъ вѣритъ тому, что слышитъ въ церкви, и, значитъ, церковная каѳедра укрѣпила въ его умѣ завѣдомую ложь объ его собратьяхъ рабочихъ. Это ли задача?

Или онъ повѣритъ газетѣ и тогда приходитъ къ убѣжденію, что стѣны храма оглашаются оффиціально опровергнутой неправдой... Это ли соотвѣтствуетъ достоинству самой церкви?

Въ томъ и другомъ случаѣ вмѣсто призыва къ единенію, вмѣсто честной попытки разобраться въ запутанности внутреннихъ отношеній, вмѣсто высшей точки зрѣнія на событія современности, — и въ умы, и въ совѣсти русскихъ людей кидаются сѣмена раздора, взаимныхъ подозрѣній въ измѣнѣ, сѣется тяжкая смута и соблазнъ.

Должно ли это продолжаться и какъ это исправить? Позволяю себѣ предложить это вниманію людей, компетентныхъ въ вопросахъ церковности и для которыхъ въ то же время слова „вѣра“ и „истина“—не только оффиціальные термины, не одна принадлежность словеснаго витійства, но и источникъ живого чувства: думаютъ ли они, что церковь можетъ служить ареной для распространенія извѣстій *Латинскаго Агентства*, признанныхъ лживыми передъ лицомъ цѣлаго свѣта и вышедшихъ изъ употребленія даже въ цѣляхъ свѣтской полиціи (въ Москвѣ и Либавѣ телеграммы эти, расклеенныя первоначально на улицахъ, срывались по распоряженію высшей власти).

Или должно быть признано церковной практикой, что цѣль оправдываетъ средства и „ложь бываетъ во спасеніе“?!

Но тогда является вопросъ: какая же это духовная цѣль привлекается для оправданія? И для спасенія чего же требуется такая колоссальная ложь и такой очевидный, такой вопіющій соблазнъ?

1903 г.

Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмановой.

Этотъ маленькій эпизодъ имѣлъ мѣсто совсѣмъ недавно. Имя г-жи Лухмановой пользуется довольно широкой извѣстностью. Въ послѣднее время эта писательница, не довольствуясь перомъ, обратилась также къ устному воздѣйствію на общество: она объѣзжаетъ разные города нашего обширнаго отечества и читаетъ лекціи о воспитаніи, о семьѣ, о положеніи женщины, о нравственности... кажется, даже особенно о нравственности въ разныхъ областяхъ нашей жизни. Мы лично не имѣли удовольствія слышать ни одной изъ этихъ лекцій и потому не имѣемъ объ нихъ собственнаго мнѣнія. То, что писали по этому поводу провинціальныя газеты, было по большей части весьма неодобрительно. Дѣло, однако, не въ оцѣнкѣ лекцій г-жи Лухмановой по существу, и потому отзывы газетъ оставляемъ на ихъ совѣсти. Фактъ состоитъ въ томъ, что извѣстная въ литературѣ г-жа Лухманова, трактуя о разныхъ проявленіяхъ нравственности и безнравственности, добродѣтели и порока—коснулась, между прочимъ, и проституціи.

Газеты говорятъ, что, разсматривая этотъ вопросъ съ высоты женскихъ и семейныхъ добродѣтелей, г-жа Лухманова была очень строга къ бѣднымъ Магдалинамъ. Читатели помнятъ, быть можетъ, нѣкоторыя черты изъ воспоминаній о Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ, имѣющія прямое отношеніе къ данному вопросу. Покойный писатель съ большимъ негодованіемъ говорилъ о томъ, что онъ называлъ „бездушіемъ добродѣтельныхъ женщинъ“ по отношенію къ своимъ несчастнымъ сестрамъ. Тамъ, гдѣ происходитъ какая бы то ни было купля-продажа, всегда логически неизбѣжны двѣ стороны: продающая и покупающая. И, значитъ, вина тоже двусторон-

ныя, даже съ точки зрѣнія самой рафинированной добродѣтели. Но при этомъ всегда есть люди, готовые склонить чашку вѣсовъ не въ пользу болѣе слабой и болѣе несчастной стороны. Не смотря на то, что однѣ часто (охъ, какъ часто) *вынуждены* продавать свое тѣло тяжкими условіями жизни, а другіе *хотятъ* покупать его для такъ называемаго „наслажденія", ходячая мораль распредѣляетъ свое сужденіе, какъ подобаетъ ходячей морали — въ сторону наименьшаго сопротивленія. И оттого завѣдомые „покупатели" свободно остаются въ добродѣтельной средѣ и приходятъ слушать лекцію г-жи Лухмановой подъ руку съ добродѣтельными женщинами, а завѣдомыя „продавщицы" ютятся въ своихъ „вертепахъ", иной разъ даже не зная, какіе громы летятъ на ихъ головы съ высоты иныхъ каѳедръ, на которыхъ лекторы или лектрисы трактуютъ вопросы нравственности и морали...

Если вѣрить газетнымъ отчетамъ, г-жа Лухманова стала какъ разъ на ту точку зрѣнія, которая Успенскаго приводила въ такое негодованіе. Идеализировать міръ падшихъ женщинъ (какъ это сдѣлалъ, напр., Гаршинъ въ своей повѣсти „Надежда Николаевна") нѣтъ никакой надобности. Да, это міръ порока, гибели, разврата, разложенія человѣческой личности, быстро и страшно извращающій женскую душу. Однако,— какова связь между этимъ разложеніемъ личности и самымъ явленіемъ? Гдѣ тутъ причина и гдѣ слѣдствіе? Потому ли женщина попадаетъ въ эти ужасныя условія, что она лично, по натурѣ, роковымъ и прирожденнымъ образомъ склонна къ пороку, или она становится порочна вслѣдствіе условій воспитанія, нищеты, невѣжества, наконецъ, нерѣдко, быть можетъ, и прямо подъ давленіемъ бремени, тяжкаго и неудобоносимаго, наложеннаго жизнью на слабыя плечи?..

Газеты говорятъ, что г-жа Лухманова очень рѣшительно и очень непреклонно стала на первую точку зрѣнія, и съ высоты каѳедры, занятой женщиной-писательницей и моралисткой, сыпались громы осужденія на головы „несчастныхъ". „Добродѣтельная дама, — читаемъ мы, напр., въ „Волыни", откуда я заимствую эти фактическія свѣдѣнія *), — увѣряла аудиторію, что проституція—продуктъ женской (личной?) испорченности, а проституткъ называла „тварями", „животными" и тому подобными милыми словечками"... Въ евангельскомъ разсказѣ о судѣ Христа надъ блудницей, къ сожалѣнію, не говорится ничего о томъ, были ли въ толпѣ, окружавшей Христа, также и женщины. Во всякомъ случаѣ не

*) „Волынь", 22 мая, № 41.

было ни одной г-жи Лухмановой, иначе едва ли предложенье Христа „первому бросить камень“ осталось бы безъ соотвѣтствующаго отклика...

Итакъ, г-жа Лухманова рѣшительно осудила „тварей“ и „животныхъ“, вѣроятно, къ большому удовлетворенію добродѣтельныхъ слушательницъ и даже „слушателей“... Была, однако, среди слушательницъ почтенной лекторши одна, которая не только не согласилась съ ея выводомъ, но и позволила себѣ прислать печатное „возраженіе“.

Это была... Соня Мармеладова изъ романа Достоевскаго. „На другой день послѣ лекціи,—читаемъ мы въ „Волыни“,—въ редакціи мѣстной газеты было получено письмо слѣдующаго содержанія:

„Облегчая свое сердце, переполненное горечью несправедливыхъ укоровъ по адресу насъ, несчастныхъ женщинъ, попрошу выслушать мою исповѣдь—защиту отъ того клейма, которое публично въ своей лекціи г-жа Лухманова накладываетъ, безъ разбора, на всѣхъ женщинъ, не устоявшихъ въ борьбѣ за свою жизнь и брошенныхъ судьбой въ проституцію, или иначе принужденныхъ продавать свое тѣло.

„Судьба моя не сложна, и я могу разсказать ее вкратцѣ. Я — дочь слесаря, работавшаго въ одной изъ мастерскихъ Харькова за 80 коп. въ сутки. Я была старшею въ семьѣ, а послѣ меня 2 брата и 2 сестры. Мать умерла, когда мнѣ было 13 лѣтъ; послѣ этого отецъ отправился въ Севастополь, въ надеждѣ получить болѣе выгодный заработокъ, и вотъ уже 6 лѣтъ, какъ о немъ нѣтъ никакихъ вѣстей; умеръ ли онъ, или живъ—не знаю. Эти шесть лѣтъ я выстрадала: голодъ, холодъ и самую отчаянную нужду. Чтобы не умерли съ голоду мои сестренки и братья, еще малые, я поступила на табачную фабрику, гдѣ мнѣ за день работы, съ 6 часовъ утра до 6 вечера, платятъ 25 коп., и я въ мѣсяцъ зарабатывала до 7 рублей, если нѣтъ только праздниковъ, и эти деньги покрывали наши нужды. Но пять человѣкъ, которымъ надо одѣться, кормиться и жить подъ крышей, въ какой-либо конурѣ, какъ ни ухитрялись, какъ ни старались привыкнуть меньше ѣсть, штопать дыры и прорѣхи и грѣться, гдѣ только возможно — не могли долго вынести. Я, видя и слыша плачъ своихъ братишекъ, билась во всю мочь, напрягая свои силенки. Придя съ фабрики, носила сосѣдямъ воду изъ колодца за 50 коп. въ мѣсяцъ, мыла бѣлье, если попадалась такая работа, но изнемогла совсѣмъ. По совѣту добрыхъ участливыхъ людей ходила въ разныя харьковскія общества помощи нуждающимся. Просила какого-нибудь мѣста, какъ немного грамотная, служить хотѣла, но вездѣ неудача: то обѣщали, то жалѣли, что нѣтъ у меня аттестата и т. п., а нужда добивала жизнь моихъ бѣдныхъ сестеръ и братьевъ. Что дѣлать? Я теряла голову. Надеждъ никакихъ. Читала я когда-то, еще въ школѣ, что блаженъ тотъ человѣкъ, который жизнь свою отдастъ за ближняго или друга своего...“

И вотъ, дальше... обыкновенная исторія, съ которой читатель знакомъ давно въ изображеніи Сони Мармеладовой... „Ибо,—позволю себѣ привести слова стараго пропойцы Мармеладова,—обращусь къ вамъ (добродѣтельныя моралистки) съ вопросомъ приватнымъ: много ли можетъ, по вашему, бѣд-

пая, но честная дѣвица честнымъ трудомъ заработать?.. 25 копѣекъ въ день, сударыня, не заработаетъ, если честна и не имѣетъ особыхъ талантовъ, да и то рукъ не покладая работавши... А тутъ ребятишки голодные"... „А тутъ ужъ Дарья Францовна, женщина злонамѣренная и полиціи многократно извѣстная, раза три черезъ хозяйку навѣдывалась"... И вотъ, „этакъ часу въ шестомъ, Сонечка встала, надѣла бурнусикъ и съ квартиры отправилась, а въ девятомъ часу и назадъ пришла... Ни словечка при этомъ не вымолвила, а взяла только большой драдедамовый платокъ, накрыла имъ совсѣмъ голову и лицо и легла на кровать лицомъ къ стѣнѣ и только плечики да тѣло все вздрагиваютъ"... Послѣ чего, какъ извѣстно, одинъ добродѣтельный человѣкъ въ амбицію вломился: „какъ, дескать, я съ *такой* въ одной квартирѣ буду жить"...

Это, впрочемъ, все въ романѣ. Та Соня Мармеладова, которая позволила себѣ прислать „возраженіе" на лекцію извѣстной моралистки г-жи Лухмановой, не умѣетъ, очевидно, описывать такъ ярко, какъ Достоевскій, и потому въ ея письмѣ сказано только, что она „вышла на улицу и отдалась первому прохожему, но утерла слезы братьямъ и сестрамъ. И съ той поры,—продолжаетъ она свою исповѣдь,—уже третій годъ, съ 8 часовъ, придя съ фабрики, *которой я всегда держусь*, иду на улицу, въ городъ. Одинъ братъ поступилъ въ ученіе къ сапожнику, другой дома, а двѣ сестры одѣты, по воскресеньямъ идутъ въ воскресную школу, а въ будни у печки стряпаютъ и моютъ бѣлье"...

Конецъ этой исторіи, какъ видите, значительно отличается отъ того, какой Достоевскій придумалъ для своей Сони. Послѣдняя, какъ извѣстно, встрѣчается съ Раскольниковымъ, и передъ ними мелькаетъ впереди свѣтъ искупленія, оправданія и новой жизни. Очевидно, даже „мучительный талантъ" Достоевскаго почувствовалъ потребность смягчить ужасъ дѣйствительной жизни. И хотя въ этомъ есть несомнѣнная художественная правда, но дѣйствительная жизнь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ остается чужда этому снисходительному смягченію. „Имя и фамилія несчастной дѣвушки (сказано въ „Волыни") приведены были полностью. Навели справки: авторъ письма дѣйствительно служитъ на фабрикѣ и содержитъ „на свои средства" цѣлую семью"... Такимъ образомъ, передъ нами своеобразное смѣшеніе, повидимому, совершенно несходныхъ элементовъ: порокъ и грязь бьются у самаго порога семьи. И сколько нужно нравственной силы, чтобы не дать грязному потоку хлынуть за этотъ порогъ, гдѣ „братъ учится ремеслу, а сестры работаютъ у печки и

читаютъ книжки, готовясь къ воскресной школѣ". И сколько такихъ дѣвушекъ, которымъ никто не протянетъ руку помощи, никто не поможетъ избавиться отъ этого тяжкаго бремени...

Свое письмо эта Соня Мармеладова дѣйствительной жизни заключаетъ пожеланіемъ, чтобы, вмѣсто огульнаго осужденія, строгія моралистки, вродѣ г-жи Лухмановой,—принимали въ соображеніе еще многое другое, кромѣ испорченности этихъ „тварей".

И намъ кажется, что эта дерзкая возражательница права. Мы знали до сихъ поръ о скорбно-негодующемъ заступничествѣ Успенскихъ, Достоевскихъ, Толстыхъ... Мы со слезами на глазахъ читали разсказъ Достоевскаго о томъ вечерѣ, когда Соня Мармеладова лежала, завернувшись съ головой въ драдедамовый платокъ, и какъ при этомъ вздрагивали ея плечики. И никто, даже Катковъ, даже кн. Мещерскій не смѣли возставать противъ Сони Мармеладовой въ романѣ и противъ того чувства, которое авторъ будилъ этимъ изображеніемъ въ читателѣ. Теперь Соня Мармеладова изъ дѣйствительной жизни проситъ примѣрить къ ней, къ ея собственному положенію эти наши чувства и эти вычитанные взгляды... И мы полагаемъ, что на это она имѣетъ право, и что вообще въ этой своеобразной полемикѣ неожиданная возражательница болѣе права, чѣмъ г-жа Лухманова со всею своею „строгою моралью", направленной, къ сожалѣнію, столь явно „въ сторону наименьшаго сопротивленія"...

Іюнь 1904 г.

Курскій проектъ устраненія желтой опасности.

(*Китай или мы?* Курскъ, типогр. братьевъ Н. и И. Ваниныхъ. 1904). Все законченное и цѣльное имѣетъ свою привлекательность, даже законченная глупость. Съ этой точки зрѣнія мы очень благодарны нашему доброжелателю, прислав-шему въ редакцію брошюру, заглавіе которой выписано выше. Печатана она въ Курскѣ, цензурою разрѣшена въ Москвѣ 16 февраля настоящаго года и толкуетъ о самыхъ животре-пещущихъ вопросахъ: о желтой опасности, о войнѣ и о свѣт-ломъ будущемъ нашего отечества. Автору можно отказать во многомъ, но никакъ не въ непосредственной цѣльности, даже, если хотите, смѣлости, съ какою онъ высказываетъ свои во-кдѣнія, а вѣдь въ наше половинчатое время это чего-ни-будь стоитъ.

Для чего собственно мы ведемъ настоящую войну?

Брошюра, о которой идетъ рѣчь, выгодно отличается отъ эвѣтически-туманнаго патріотизма нѣкоторыхъ газетъ однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ. Невѣдомый курянинъ, написа-вшій „Китай или мы“, отлично знаетъ, зачѣмъ мы воюемъ. Мы воюемъ, по его мнѣнію, затѣмъ, чтобы завоевать Китай, во 1-хъ, а во 2-хъ, чтобы поправить дѣла, испорченныя осво-божденіемъ крестьянъ. Онъ находитъ, что съ насъ уже до-вольно „свободы, равенства и братства“ (стр. 23), что мы уже ими, такъ сказать, пресытились, и намъ, просто, „пора возстановить въ новыхъ формахъ старый государственный идеалъ, которымъ тысячелѣтіе прожилъ русскій народъ“ (ib). Если вы спросите, — какой же это идеалъ, то и на это авторъ отвѣтитъ просто, сжато и ясно: это есть рабство, въ смыслѣ прямого владѣнія человѣкомъ, какъ скотомъ или вещью. „Да, это рабство“, — говоритъ онъ, нимало не обинуясь, но онъ

находитъ, что „не пора ли намъ перестать смотрѣть на это слово, какъ на жупелъ“ (стр. 20).

Вотъ что, дѣйствительно, называется „откровенностію“. Правда, авторъ понимаетъ, что сорокъ лѣтъ, прошедшихъ такъ или иначе со времени освобожденія крестьянъ, уже развратили мужика настолько, что вернуться къ „старому государственному идеалу“ онъ не пожелаетъ... Но если нельзя уже сдѣлать русскій народъ рабомъ, то, — думаетъ нашъ авторъ, — есть еще возможность превратить его въ рабовладѣльца. Вотъ тутъ-то и поможетъ намъ война, которая должна закончиться завоеваніемъ Китая. Впрочемъ, дальше мы предоставляемъ слово самому автору, который излагаетъ свой планъ по пунктамъ слѣдующимъ образомъ:

Глава I. При взятіи *части Китая* (sic! другія части авторъ предоставляетъ Европѣ) — его населеніе слѣдуетъ переселить въ губерніи Европ. Россіи, гдѣ живетъ сплошное русское населеніе, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) ...въ каждомъ уѣздномъ городѣ устроить казенныя конторы, въ которыхъ бы можно *заказывать и получать* (!) китайскихъ рабочихъ.

2) Всякій русскій православный крестьянинъ, владѣющій, сверхъ надѣльной, своей собственной землей до сорока десятинъ, имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство, а владѣющій сверхъ сорока дес., на каждыя 50 десятинъ можетъ покупать еще по одному семейству.

3) Всякій русскій князь, графъ и потомственный дворянинъ православнаго вѣроисповѣданія, родъ котораго записанъ въ дворянскихъ родословныхъ книгахъ не менѣе, какъ въ 3 предыдущихъ поколѣніяхъ его предковъ и владѣющій до 21 дес. земли, имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство (съ правомъ покупать еще по одному семейству на каждыя лишнія 36 десятинъ; при этомъ, однако, „совершенно слѣдуетъ исключить изъ права китаевладѣнія баронскій титулъ, какъ ничего общаго съ коренной Россіей не имѣющій“).

4) ...въ составъ полнаго китайскаго семейства обязательно должны входить всѣ три возраста, какъ мужескихъ, такъ и женскихъ („также и въ дальнѣйшемъ будущемъ“, — предусмотрительно заявляетъ авторъ въ примѣчаніи, — „въ цѣляхъ полученія *правильнаго приплода* (sic!) китайскаго населенія, такое распредѣленіе семействъ будетъ самымъ нормальнымъ“).

8) Весь приростъ, получившійся отъ купленныхъ семействъ китайцевъ, поступаетъ въ полную и неотъемлемую собственность хозяевъ...

11) Всякій, владѣющій китайцами, имѣетъ право надъ ними жизни и смерти...

Этими (значительно сокращенными) выписками мы ограничимъ изложеніе главнаго содержанія курской брошюры. Дальше идетъ проектъ переселенія русскихъ безземельныхъ крестьянъ на мѣсто китайцевъ, съ устройствомъ на мѣстахъ аракчеевскихъ поселеній, „на казачьемъ положеніи“, въ которыхъ „усилить дисциплину“ и принуждать нерадивыхъ къ работѣ. Какъ видите, надѣляя русскаго мужика завиднымъ правомъ „китаевладѣнія“, авторъ тоже баловать его не намѣренъ.

Написавъ рѣшительный пунктикъ относительно „права жизни и смерти“, авторъ считаетъ необходимымъ немного поспорить съ „либеральствующей кликой“, которая, какъ онъ предвидитъ, непремѣнно „подниметъ вопль“. Намъ кажется, однако, что авторъ ошибается и что „вопль“ въ данномъ случаѣ слишкомъ сильное слово. Мы думаемъ даже, что „либеральствующая клика“ можетъ быть только благодарна автору за его оригинальное произведеніе, — прежде всего „по человѣчеству“: въ наше сухое время такъ мало настоящихъ, непосредственныхъ, сочныхъ... проявленій непосредственности, что брошюра, неизвѣстнаго курянина производитъ прямо освѣжающее впечатлѣніе. А во вторыхъ, скажемъ почтенному автору по секрету, — „либеральствующей кликѣ“ пріятны „послѣдовательные“ люди, которые имѣютъ мужество договаривать до конца замаскированныя вожделѣнія отечественнаго ретроградства... И если въ чемъ мы можемъ упрекнуть автора, то это лишь въ томъ, что онъ скрылъ свое славное имя: мы напрасно осмотрѣли кругомъ всю брошюрку: нигдѣ ни намека, ни псевдонима, ни инициала, ни значка. А это все-таки указываетъ на нѣкоторый недостатокъ „темперамента“ и рѣшимости. Это похоже на то, какъ если бы какой-нибудь enfant terrible уѣзднаго или губернскаго захолустья рѣшился пробѣжать по улицамъ въ натуральномъ видѣ, даже безъ фиговаго листочка, но при этомъ тщательно скрылъ свое лицо подъ маской. Въ этомъ уже нѣтъ настоящей шири. Дѣйствіе, правда, довольно безстыдное и требующее рѣшимости, но... лицо скрыто, и развѣ только близкіе знакомые изъ сосѣдей курянъ могутъ, такъ сказать, по тѣлосложенію опредѣлить: „а вѣдь это пробѣжалъ въ натуральномъ видѣ Сидоръ Петровичъ... человѣкъ изъ такого-то хорошаго семейства“. Что же касается до широкой публики, то она такъ и не узнаетъ, кому принадлежитъ такая спѣлая, такая сочная, такъ хорошо вызрѣвшая на расчищенной курской почвѣ, такая самобытная... непосредственность...

1904 г.

Князь Мещерскій и покойные министры

Въ книжкѣ г-на Скальковскаго „Русскіе люди о самих себѣ“ приводится, между прочимъ, слѣдующій афоризмъ князя Мещерскаго о „столичномъ консерватизмѣ“. „Столичный кон серваторъ тоже въ своемъ родѣ интересный субъектъ. Есл онъ въ чаяніи что-нибудь хапнуть (sic) отъ казны, — он консерваторъ; если надежда хапнуть лопнула, если штук сорвалась, если не удался планъ воздушнаго полета, то он сразу дѣлается либераломъ и разноситъ правительство на вс корки“.

Къ сожалѣнію, г. Скальковскій не снабдилъ своихъ цитат точными ссылками и датами, но справкой въ нашемъ жур нальномъ архивѣ мы имѣемъ возможность пріурочить эт дійствительно мѣткое изреченіе князя Мещерскаго къ 1901 году *. Министромъ въ то время былъ Д. С. Сипягинъ, никако „весны“, ни „оттепели“ серьезно не предвидѣлось, и „сто личный консерватизмъ“ стоялъ довольно прочно.

Послѣ этого, какъ извѣстно, погода наступила очень „пе ремѣнная“, а въ послѣдніе мѣсяцы мы вступили въ полос „довѣрія“, въ которой благополучно покоимся и понынѣ (п крайней мѣрѣ, когда пишутся эти строки). Не знаемъ, напи салъ ли бы князь Мещерскій свой афоризмъ „въ настояще время, когда“... Несомнѣнно, однако, что для провѣрки спра ведливости этого изреченія наше время довольно удобно. вотъ, случилось такъ, что вмѣстѣ съ колебаніями стрѣлк всероссійскаго барометра начались также удивительно бурны пертурбаціи въ настроеніи „отзывчиваго“ князя. Метеоролог или физикъ сказалъ бы, что амплитуда внезапныхъ перех довъ его отъ консерватизма къ либерализму достигаетъ

*) Оно приведено, напр., въ „Южномъ Обозрѣніи“ отъ 31 іюня 1901

эти неустойчивые дни своего максимума, а одно время могло даже показаться, что князь стремится стать во главѣ россійскаго либерализма при нападеніяхъ на „бюрократическій строй“ и „административную опеку“... Будущій г-нъ Скальковскій, безъ сомнѣнія, найдетъ въ описаніяхъ князя Мещерскаго за это время много изреченій и замѣчательныхъ и неожиданныхъ: мы же въ настоящей замѣткѣ остановимся лишь на одномъ небольшомъ, но, кажется намъ, очень характерномъ эпизодѣ, который долженъ заинтересовать настоящихъ и будущихъ біографовъ сіятельнаго публициста.

Вскорѣ послѣ смерти В. К. фонъ-Плеве, князь Мещерскій сталъ печатать въ „Гражданинѣ“ мемуары о своихъ разговорахъ съ этимъ и съ другими бывшими министрами. При этомъ (конечно, случайно) вышло такъ, что всѣ бесѣды велись съ сановниками, нынѣ уже умершими; не смотря на это, обращеніе князя съ высокопоставленными покойниками исполнено истинно гражданской неустрашимости. Всякій, кто прочтетъ, напримѣръ, воспоминанія о покойномъ фонъ-Плеве, долженъ признать, что въ портретѣ этого своего „друга“ князь Мещерскій проявилъ гораздо больше „безпристрастія“, чѣмъ дружбы, которую онъ, очевидно, приноситъ въ жертву долгу гражданина и правдиваго историка.

Главнымъ предметомъ этихъ бесѣдъ были... свобода вообще, а въ особенности свобода печати, которую князю Мещерскому приходилось постоянно защищать и отстаивать отъ (нынѣ покойныхъ) министровъ *).

„Свобода печати!—восклицаетъ почтенный князь въ одномъ изъ своихъ дневниковъ: — Боже мой, сколько разъ я слыхалъ на своемъ вѣку эти два слова въ людскихъ устахъ, какъ талисманъ, отъ пріобрѣтенія котораго должно вдругъ получиться счастіе русскаго народа. Я говорю: въ людскихъ устахъ... но сколько разъ приходилось мнѣ слышать эти слова въ устахъ (изъ устъ?) министра внутреннихъ дѣлъ, начиная съ Валуева... Сколько разъ я слышалъ его (Валуева) обсуждающимъ вопросъ о свободѣ печати!.. Но разговоры эти дальше перевода на нашу почву наполеоновскихъ avertissements не пошли... Послѣ Валуева *громко подумывалъ* (превосходное выраженіе!) о свободѣ печати... А. С. Маковъ, fortissimo говорилъ гр. Лорисъ-Меликовъ, forte говорилъ гр. П. П. Игнатьевъ. Но, — съ истинно-гражданской го-

*) Заимствуемъ сочувственную перепечатку изъ „Одесскаго Листка“ отъ 27 сент. 1904 г.

рѣчью прибавляетъ опять князь,—дальше разговоровъ всетаки эта свобода не шла".

За то самъ князь Мещерскій во всѣхъ этихъ бесѣдахъ является неизмѣннымъ паладиномъ несчастной гонимой свободы. Въ одной изъ бесѣдъ съ (покойнымъ) Валуевымъ князь поставилъ, между прочимъ, дѣйствительно интересный вопросъ: „почему вѣдѣніе печати должно принадлежать какому-нибудь министерству?"

„Вѣдь какъ ни говори, — правильно аргументировалъ при этомъ князь,—а разъ министръ внутреннихъ дѣлъ есть верховный вершитель судебъ каждаго органа печати и имѣетъ безапелляціонное право жизни и смерти надъ каждымъ изданіемъ, то онъ есть въ то же время безапелляціонный судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ... Валуевъ былъ прекрасный человѣкъ,—добрый, справедливый, деликатный, мягкій, но... и онъ обольстился своею неограниченною властью владыки печати до такой степени, что измѣнилъ своимъ природнымъ качествамъ изъ политической ненависти къ мыслямъ Каткова... и сталъ душить его предостереженіями"...

Затѣмъ кн. Мещерскій вспоминаетъ о министрѣ Тимашевѣ, дававшемъ волю своимъ предубѣжденіямъ противъ славянофиловъ (причемъ пострадалъ и самъ издатель „Гражданина"... Пріятное открытіе: въ половинѣ 70-хъ годовъ кн. Мещерскій былъ славянофиломъ и союзникомъ Аксакова?!), а закрытіе „Голоса" Д. А. Толстымъ даетъ князю еще одинъ поводъ для проявленія самыхъ благородныхъ чувствъ по адресу литературнаго противника.

„Я былъ врагомъ „Голоса",—вспоминаетъ князь съ благородною откровенностью, — но я *почувствовалъ ужасное нарушеніе свободы печати* (курсивы всюду принадлежатъ намъ), когда гр. Толстой, сдѣлавшись министромъ вн. дѣлъ, одну только газету закрылъ — „Голосъ", въ отместку за его долголѣтнюю войну противъ классицизма".

Наконецъ, въ бесѣдахъ съ В. К. Плеве, князь указываетъ даже, что „онъ подчасъ слышалъ отъ другихъ министровъ сѣтованія на то, что у министра внутреннихъ дѣлъ двѣ мѣры въ оцѣнкѣ свободы печати: одна, широкая, противъ министровъ ему не милыхъ, а другая, узкая—противъ политики своей и своихъ друзей"...

Такъ разговаривалъ... такъ, можно сказать, мужественно разговаривалъ князь съ покойными министрами, такъ *ужасно чувствовалъ онъ нарушеніе свободы печати* даже по отношенію къ своимъ литературнымъ врагамъ! Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что кн. Мещерскій долженъ быть поста-

вленъ въ ряды „истинныхъ либераловъ“ (куда, по словамъ князя, и зачислилъ его одинъ берлинскій знакомый)... Можно ли сомнѣваться, что когда-нибудь освобожденная, наконецъ, „отъ личныхъ усмотрѣній“ русская пресса вспомнитъ эти заслуги князя, о которыхъ онъ съ такою искренностью сообщилъ намъ теперь, и внесетъ его славное имя на скрижали своего освобожденія...

Мы бы въ этомъ не сомнѣвались... Къ сожалѣнію, однако, цѣльности этого свѣтлаго образа мѣшаютъ наши „недобрые литературные нравы“, наше стремленіе во что бы то ни стало умалить всякую истинную заслугу. И вотъ, едва появились цитированные выше прекрасные мемуары, какъ уже А. С. Суворинъ, очевидно, снѣдаемый завистью къ истинному либерализму кн. Мещерскаго, позволилъ себѣ высказать самыя ядовитыя сомнѣнія. Неблагородно пользуясь тѣмъ, что всѣ интервью князя Мещерскаго, по странной случайности, относятся къ покойникамъ,—г. Суворинъ поставилъ коварный вопросъ: дѣйствительно ли эти разговоры имѣли мѣсто? И благоразумно ли заносить ихъ на скрижали исторіи безъ достаточной провѣрки?

Признаемся откровенно: неблагородной статьи г-на Суворина мы не читали, но мы узнали объ ней изъ слѣдующаго, въ высшей степени благороднаго отвѣта кн. Мещерскаго въ одномъ изъ ноябрьскихъ его дневниковъ:

„Приведи г. Суворинъ свой разговоръ съ кѣмъ-либо изъ покойныхъ людей,—пишетъ князь съ присущимъ ему спокойнымъ достоинствомъ,—я бы прочелъ, и мнѣ бы въ голову не пришло не только обвинить, но даже заподозрить во лжи Суворина. Почему? Потому что *я относительно печати не допускаю возможности лгать или выдумывать, и порядочность* состоитъ въ томъ, чтобы не приписывать другому то, чего самъ не сдѣлаешь“ *).

Сказано это, поистинѣ, прекрасно. Дѣйствительно, порядочность состоитъ въ этомъ, съ маленькой, конечно, оговоркой: „если нѣтъ доказательствъ противнаго“. Мы не позволимъ себѣ сомнѣваться, что въ данномъ случаѣ такихъ доказательствъ нѣтъ и быть не можетъ. И, чтобы убѣдить въ этомъ читателя, чтобы сохранить для исторіи свѣтлый обликъ внука Карамзина, благородно и правдиво отстаивавшаго въ трудныя времена свободу русскаго слова даже для своихъ противниковъ, мы позволимъ себѣ привести небольшія справки

*) См. „Русь“ 24 ноября. № 344, въ отчетѣ о судебномъ засѣданіи по дѣлу Мещерскаго и Стаховича.

изъ журнальнаго архива по отношенію хотя бы къ одному эпизоду: закрытію газеты „Голосъ“, о которомъ говоритъ и князь въ своихъ „мемуарахъ“.

Какъ извѣстно, „Голосъ“ закрытъ Д. А. Толстымъ 13 февраля 1883 года. Этому предшествовала многолѣтняя полемика газеты съ классицизмомъ, при чемъ, конечно, „Голосъ“ адресовалъ свои возраженія „Московскимъ Вѣдомостямъ“ Леонтьева и Каткова. Разумѣется, кромѣ классицизма, газета затрогивала и другія явленія русской жизни въ топѣ умѣреннаго либерализма, который для нашего времени долженъ быть признанъ довольно блѣднымъ даже по сравненію съ нѣкоторыми статьями о бюрократіи кн. Мещерскаго. 11 февраля, въ № 42 „Голоса“ была помѣщена передовая статья по поводу двухъ процессовъ полицейскихъ чиновниковъ, обвинявшихся въ истязаніяхъ арестованныхъ, съ цѣлью вынудить у нихъ признаніе въ кражѣ. Авторъ статьи говорилъ о слабомъ развитіи понятія о законности въ *низшихъ* представителяхъ власти. Въ обществѣ, по указанію самого князя Мещерскаго, уже носились слухи о близкомъ закрытіи „Голоса“, такъ какъ Д. А. Толстой „не могъ ему простить долголѣтней войны противъ классицизма“. И вотъ въ этой-то зловѣщей обстановкѣ кн. Мещерскій доблестно выступаетъ *на* защиту свободы для своего противника. Раскрываемъ № 7 „Гражданина“ (1883 г.) и читаемъ (въ статьѣ „Нѣсколько словъ милому „Голосу“) слѣдующія истинно великодушныя строки:

„Бѣдный, миленькій „Голосъ“, — сказалъ бы я, читая его ежедневныя *бѣшеныя нападки на правительство*, прикрытыя (для дураковъ) полемикой съ „Московскими Вѣдомостями“.

...„Приходится спрашивать себя съ глубокимъ смущеніемъ: когда же этой всѣхъ русскихъ людей, честныхъ и богобоязненныхъ, *дуэли между „Голосомъ“ и правительственнымъ авторитетомъ будетъ положенъ конецъ?...*“ (Просимъ простить нѣкоторую безсвязность этой фразы. Благородное волненіе, очевидно, отражается на складѣ княжеской рѣчи.) „Образумься, милый органъ тайныхъ совѣтниковъ и Вѣрочекъ Засуличъ... Сегодня, когда я прочиталъ его передовую статью по поводу двухъ судебныхъ эпизодовъ, въ которыхъ полицейскіе чиновники на Руси (sic) подверглись преслѣдованію... признаюсь откровенно, я почувствовалъ приступъ *не только злости, но бѣшенства* противъ публициста „Голоса“, написавшаго такую умышленно гнусную статью опять-таки, подъ предлогомъ нападки на простого полицейскаго, *направленной противъ правительства*“.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько выписокъ изъ
той прекрасной статьи, чтобы т. А. С. Суворинъ увидѣлъ,
то значитъ „писать въ хорошемъ тонѣ“ и великодушно от-
ситься къ противнику, надъ которымъ уже нависла кара.
ризывалъ ли князь Мещерскій эту кару? О, нѣтъ. Наобо-
отъ, онъ стоялъ за „свободу чужого мнѣнія“.

„Говорятъ о запрещеніи „Голоса“,—пишетъ онъ въ томъ
е номерѣ.—Я, признаться, не понимаю, зачѣмъ запрещать
Голосъ“, т. е. дѣлать именно то, чего онъ самъ добивается (?!).
ачѣмъ просто не *запретить „Голосу“ быть непримири-*
ымъ и крайне пристрастнымъ въ своемъ направленіи“.
сдѣлать это, по мнѣнію князя, очень легко: теперь „Голосъ“
ушается однихъ тайныхъ совѣтниковъ и пишетъ по ихъ
ушенію. Нужно *приказать ему слушаться другихъ тай-*
ыхъ совѣтниковъ и писать по ихъ внушенію“.

Какъ видите, читатель, кн. Мещерскій въ трудную для
отивника минуту сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло... Не
отря на эту великодушную защиту (кто посмѣетъ сказать,
го именно благодаря ей?)—42-й № „Голоса“, говорившій о
роцессахъ двухъ полицейскихъ (и о монастырскихъ тюрь-
ахъ)—былъ послѣднимъ. Противникъ замолкъ навѣки... Что
е вы думаете: кн. Мещерскій радуется его гибели? О! нѣтъ,
аоборотъ: онъ вѣдь *„ужасно почувствовалъ нарушеніе*
вободы печати“ и высказалъ это чувство въ слѣдующемъ
е 8-мъ номерѣ „Гражданина“.

„Ты меня спрашиваешь,—говоритъ авторъ „Писемъ кон-
рватора“ какому-то своему собесѣднику,— доволенъ ли я?
а (да?!), если бы вредное дѣйствіе на общество было сосре-
точено въ одномъ „Голосѣ“... но направленіе „Голоса“—
о многоголовая гидра: раздавишь одну его голову, а она
однимаетъ другую“... „Голоса“ нѣтъ, это правда, но тѣнь
о преслѣдуетъ повсюду... Вчера (она) явилась ко мнѣ и
рекла слѣдующее: „Взгляни на газеты и журналы: *развѣ*
и въ другихъ выраженіяхъ не пускаютъ въ общество тѣ
е мысли, какъ и я?.. Развѣ они не собираютъ такъ же
дательно, какъ и я, только факты и явленія, которые ри-
ютъ безпомощность власти и неудовольствіе общества?..“
Надѣемся теперь, послѣ этихъ краснорѣчивыхъ справокъ,
длежащихъ провѣркѣ всякаго, кто ихъ пожелаетъ провѣ-
ть, дѣло становится яснымъ, какъ день; надѣемся также,
о намъ удалось показать, съ какимъ неоспоримымъ пра-
мъ В. П. Мещерскій, россійскій князь, дѣлающій честь
ской литературѣ своимъ благосклоннымъ участіемъ, сія-
льный публицистъ и внукъ Карамзина, можетъ сказать о

себѣ, что онъ *относительно печати не допускаетъ возможности лгать и обманывать*...

Въ предыдущей замѣткѣ у насъ разсказано о томъ, какъ въ Самарской губерніи урядникъ, вступивъ въ роль цензора, отобралъ у учительницы и посадилъ въ холодную „человѣческій голосъ“, заключенный въ граммофонъ, за то, что онъ запѣлъ некрасовское: „Выдь на Волгу: чей стонъ раздается...“ Мы глубоко увѣрены, что, если бы, волею судебъ, кн. Мещерскій находился у власти, то онъ непремѣнно вступился бы за права „человѣчьяго голоса“ такъ же искренно, какъ онъ заступался за „Голосъ“ газетный. И сказалъ бы онъ приблизительно, слѣдующее:

— Вы спрашиваете, г. самарскій урядникъ, доволенъ ли я что вы посадили въ холодную „человѣческій голосъ“? Да если бы вредное дѣйствіе на общество было сосредоточено въ одной этой машинкѣ... Но машинокъ много, а учительницъ пожалуй, еще больше... Стоитъ ли арестовывать граммофонъ когда учительница осталась на свободѣ и можетъ тотчасъ же купить другую машинку... Вотъ, если бы у васъ хватило рѣшимости на рядъ дѣйствій, осуществляющихъ программу“...

И, конечно, послѣ этого когда-нибудь, въ своихъ правдивыхъ мемуарахъ, князь будетъ имѣть право сказать: „я ужасно почувствовалъ тогда нарушеніе свободы „человѣчьяго голоса“...

О, нѣтъ. Внукъ Карамзина не обманщикъ, и какая бы погода ни водворилась въ нашемъ отечествѣ, русская печать конечно, не забудетъ роли кн. Мещерскаго въ судьбахъ роднаго слова...

1904 г.

Откровенныя изліянія кн. Мещерскаго.

Повидимому, съ кн. Мещерскимъ происходитъ какой-то своеобразный душевный процессъ, внушающій, пожалуй, нѣкоторыя опасенія. Въ романѣ Золя „Радости жизни“ описано нѣчто въ этомъ родѣ: больная старая дама говоритъ безъ сдержу и при томъ безъ всякаго стыда, называя вещи своими именами и удивляя слушателей неожиданными признаніями. Безмѣрной болтливостью почтенный князь, положимъ, страдаетъ давно, и это, пожалуй, самая выдающаяся черта его литературной физіономіи. Однако, до сихъ поръ князь старался всетаки соблюдать аппарансы и нерѣдко украшалъ свои статьи словами: „литературная порядочность“, „служеніе консервативнымъ идеямъ“, порой даже изъ-подъ пера сіятельнаго публициста ложились на бумагу слова: „истина“, „свобода“, „независимость убѣжденій“.

Теперь, повидимому, эта „сдержанность“ оставила князя, и его словоизліянія пріобрѣтаютъ характеръ почти небывалый въ русской печати. Что у насъ были и есть рептиліи, готовыя писать „что угодно“ по приказу свыше,—это, конечно, истина столь же печальная, сколько и общеизвѣстная. Но мы не помнимъ еще случая, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ писателей вышелъ, такъ сказать, на улицу и заявилъ всенародно, что онъ отдавалъ свое перо въ полное распоряженіе „начальства“, безъ всякаго соображенія съ своими убѣжденіями, и даже вопреки этимъ убѣжденіямъ.

Князю Мещерскому принадлежитъ честь перваго еще, кажется, заявленія въ этомъ родѣ. Въ одномъ изъ своихъ январьскихъ дневниковъ онъ разсказываетъ, не обинуясь, исторію нѣкоторыхъ статей своихъ о „земскомъ соборѣ“. Это было въ 1881 году. Князь „поѣхалъ вечеромъ навѣстить министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Н. П. Игнатьева. Онъ жилъ на дачѣ, на Аптекарскомъ островѣ. Какъ всегда,—пишетъ кн. Мещер-

ской,—я засталъ въ гостиной любезной хозяйки нѣсколько гостей. Послѣ чая гр. Игнатьевъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ садъ. Тутъ онъ мнѣ сообщилъ нѣчто совсѣмъ неожиданное. Это неожиданное было имъ высказанное мнѣ желаніе, чтобы я въ слѣдующемъ № „Гражданина“ помѣстилъ статью о земскомъ соборѣ. Я совсѣмъ опѣшилъ.

„— О земскомъ соборѣ?—повторилъ я.

„— Да, да, о земскомъ соборѣ, который, вѣроятно, состоится, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ году.

„— Но вѣдь намъ нельзя писать ни о какомъ соборѣ.

„— Я знаю. Но если я вамъ говорю, это значитъ, что писать можно... Я имѣю уполномочіе свыше вамъ высказывать это желаніе.

„— Но о какомъ же соборѣ идетъ рѣчь?

„— О земскомъ соборѣ вообще... пока детали не опредѣлены. Я только желалъ бы, чтобы вы пустили мысль о соборѣ, не входя ни въ какія подробности...

„Впервые,—продолжаетъ князь свои интересныя признанія,—мнѣ пришлось писать что-то серьезное, во-первыхъ, для меня совсѣмъ неясное, во-вторыхъ, мнѣ совсѣмъ не симпатично и, въ-третьихъ — *съ моимъ политическимъ міровоззрѣніемъ совсѣмъ не согласное.* Мысль складывалась какъ-то несвязно, а душевное состояніе было тяжело, потому что я никакъ не могъ себѣ уяснить, какимъ образомъ писать о соборѣ приходится (?!) во исполненіе желанія, исходившаго свыше. *Однако—написалъ и пустилъ въ печать*“ (курсивы наши).

„Однако, написалъ и пустилъ въ печать...“ Классическая фраза по непосредственной и, такъ сказать, непокрытой откровенности! Дальше исторія разыгрывается, конечно, въ томъ же стилѣ. Князь „написалъ“ по внушенію одного высокопоставленнаго лица, а другому, не менѣе высокопоставленному, написанное не понравилось. Въ тотъ же день, когда вышелъ номеръ „Гражданина“ со статьей о земскомъ соборѣ,—„въ 11 часу утра,—получаю записку отъ К. П. Побѣдоносцева краткую, но зато убійственную, со словами: „Что вы, съ ума что ли, сошли, съ вашей статьей о соборѣ!“—Князь тотчасъ же, разумѣется, „полетѣлъ“ къ разгнѣванному К. П. Побѣдоносцеву „и разсказалъ, въ чемъ была *тайна* (!) статьи“. На это злополучный „писатель“ получилъ категорическое завѣреніе, что ни о какомъ соборѣ на верхахъ не помышляютъ.

„Положеніе мое,—заключаетъ князь,—было глупѣйшее“, намъ кажется, что тутъ шло бы другое, болѣе яркое слово. Глупость, говорятъ, отъ Бога, и за нее не полагается нравственной отвѣтственности, какъ за литературную безсовѣстность

когда перомъ писателя руководитъ не убѣжденіе, а лишь низменная угодливость передъ „верхами".

Да, любопытныя признанія срываются порой у князя Мещерскаго, но еще, быть можетъ, любопытнѣе то обстоятельство, что, одновременно съ этими признаніями, почтенный князь нимало не стѣсняется выступать въ качествѣ цензора литературныхъ нравовъ и громить „продажность печати" въ городскихъ дѣлахъ. При этомъ князь съ какими-то странными и довольно двусмысленными ужимками ссылается на г. Снѣссарева, сотрудника „Новаго Времени" по городскимъ дѣламъ, которому, по словамъ князя, должно быть кое-что извѣстно по части шантажа и подкуповъ. Г. Снѣссаревъ отвѣчаетъ, надо отдать ему справедливость,—безъ всякихъ двусмысленностей и вполнѣ категорично.

„Въ послѣднемъ № „Гражданина",—пишетъ онъ въ „Нов. Времени" (2 февраля),—князь Мещерскій проситъ меня поддержать его мнѣніе о взяточничествѣ и шантажахъ, царствующихъ въ газетномъ мірѣ. Исполняю эту просьбу.

„Полтора года назадъ одна „невеличка, но честна" компанія предлагала мнѣ защищать введеніе въ Петербургѣ канализаціи по проекту Брянскаго завода. Мнѣ тогда сообщили, какъ фактъ, что *„Гражданинъ" уже подкупленъ для этой цѣли*. Я, къ сожалѣнію, не знаю, кто именно изъ „Гражданина" взялъ взятку. Можетъ быть, знаете вы, князь В. П. Мещерскій?

„Можетъ быть, вы знаете также шантажную исторію съ выдачей субсидіи тому же Брянскому заводу? Конечно, вы ее знаете лучше меня, кн. В. П. Мещерскій, и я право не понимаю, зачѣмъ вы упомянули мою фамилію, когда вашъ авторитетъ въ этихъ дѣлахъ такъ же незыблемъ, какъ и въ клеветнической морали. Н. Снѣссаревъ".

Вотъ что называется „маленькимъ обмѣномъ любезностей"... Въ либеральной части печати существуетъ „доктринерскій предразсудокъ", что, когда дѣло доходитъ до столь категорическихъ заявленій, когда вопросъ идетъ уже не о томъ, взялъ ли кто изъ сотрудниковъ даннаго изданія, а лишь о томъ, *кто именно* взялъ, съ яснымъ при томъ намекомъ на самого редактора,—то для полнаго выясненія истины остается только обращеніе къ суду... Но въ печати „не доктринерской" такіе предразсудки отсутствуютъ: поговорили и разойдутся. И невыясненность этого „личнаго вопроса" не помѣшаетъ, вѣроятно, князю Мещерскому принимать участіе въ коммиссіи, которая имѣетъ осчастливить русскую печать. Князь, очевидно, внесетъ въ нее свою специфическую компе-

тенціость по вопросамъ, которые онъ поставилъ столь неосторожно на экспертизу г. Сѣссарева... А если душевный процессъ, о которомъ сказано выше, у кн. Мещерскаго подвинется еще нѣсколько впередъ, то мы дождемся, пожалуй, еще новыхъ „откровенностей". Когда-нибудь онъ просто напишетъ: „Когда мнѣ пришлось, совершенно вопреки своему убѣжденію, написать о пользѣ канализаціи по проекту Брянскаго завода..." Или: „Когда въ интересахъ уволеннаго за злоупотребленія бывшаго министра Кривошеина я отстаивалъ въ печати вредныя для казны начинанія этого государственнаго мужа..."

А вѣдь отъ теперешнихъ „признаній" до этихъ—только небольшой и совсѣмъ уже не затруднительный шагъ...

P. S. Два номера „Гражданина" вышли послѣ того, какъ была написана эта замѣтка. Князь хранитъ величавое молчаніе...

1905 г.

Князь Мещерскій—прогрессистъ!

Все въ мірѣ относительно. Бываютъ положенія, когда даже князь Мещерскій является „прогрессистомъ“. Для этого стоитъ только сравнить этого свѣтскаго ретрограда съ ретроградами духовными.

Когда-то, нѣсколько лѣтъ назадъ въ одной изъ статей нашего журнала предположительно высказывалась мысль о возможности такого страннаго положенія. Въ очеркахъ „Самозванцы духовнаго вѣдомства“ *) говорилось о темной рати многоразличныхъ странниковъ, сборщиковъ, юродивыхъ-прозорливцевъ, эксплуатирующихъ сознательно или безсознательно религіозныя суевѣрія темнаго народа. Между прочимъ, авторъ останавливался на типахъ въ родѣ странника Антонія тобольскаго (одно время счастливаго соперника Іоанна Кронштадтскаго) или нѣкоего полу-юродиваго Пети изъ села Хрящевки, „толкователя священнаго писанія“. Въ статьѣ выражалась увѣренность, что, „если бы была возможность свести Петю и князя Мещерскаго такъ, чтобы послѣдній призналъ въ Петѣ не только лѣниваго субъекта, имѣющаго неодолимую потребность въ поркѣ, но и человѣка, у котораго есть свои мысли, то оба вскорѣ отступили бы другъ отъ друга съ нѣкоторымъ ужасомъ. До такой степени князь, не смотря на свою проповѣдь невѣжества, показался бы Петѣ свободомыслящимъ, до такой степени Петя показался бы князю... отсталымъ!“

Мысль, что кн. Мещерскій можетъ кому-нибудь показаться слишкомъ свободомыслящимъ, въ то время имѣла видъ нѣсколько парадоксальный, но въ наши дни она подтверждается весьма наглядно. Князю не пришлось отправляться ни въ Хрящевку для личнаго свиданія съ юродивымъ Петей, ни въ тобольскія дебри, куда, побѣжденный въ состязаніи съ кро-

*) „Русское Богатство“, 1896, май.

штадтскимъ Іоанномъ, укрылся носитель той же мудрости странникъ Антоній. Въ этомъ не представлялось ни малѣйшей надобности, такъ какъ въ настоящее время и Хрящевка, и тобольскія дебри водворились въ литературѣ. Юродивые Пети и лукавые странники Антоніи пишутъ статьи, въ которыхъ типа и отстои временъ почти до-историческихъ пользуются всею силой печатнаго станка и всѣми удобствами казеннаго покровительства. Теперь эта народная мудрость юродивыхъ и кликушъ распространяется лаврой Кіево-Печерской, лаврой Почаевской и разными другими учрежденіями, въ коихъ, подъ толстымъ слоемъ вѣковой пыли, хранятся пережитки старой и темной Руси.

Князь Мещерскій рѣшительно выступаетъ противъ этихъ теченій. Правда, давно уже замѣчено, что настроенія и взгляды почтеннаго князя капризны, легко подвижны и такъ часто „переходятъ въ свою противоположность“, что чуть не на каждое его положеніе не трудно найти соотвѣтствующую антитезу въ его же писаніяхъ. Однако, данное настроеніе сіятельнаго публициста длится уже довольно значительное время и, кажется, его слѣдуетъ считать сравнительно устойчивымъ.

Вызвано оно на сей разъ изступленнымъ кликушествомъ монаха Иліодора. Сей еще младый лѣтами инокъ сталъ уже знаменитъ, какъ редакторъ „Почаевскихъ извѣстій“. Кто знакомъ съ этимъ замѣчательнымъ органомъ печати хотя бы по газетнымъ выдержкамъ, тотъ согласится, что не только XIX, но даже XVIII и XVII вѣка въ Европѣ не видѣли ничего подобнаго этому изувѣрству, внезапно вспыхнувшему въ Россіи на зарѣ ея конституціи. „Почаевскія извѣстія“ разносили по Юго-Западному краю такое откровенное человѣконенавистничество и такую нетерпимость, которыя соотвѣтствуютъ развѣ самымъ мрачнымъ временамъ средневѣковой инквизиціи. Когда, наконецъ, на дѣятельность почтеннаго „редактора“, призывавшаго совершенно откровенно къ убійствамъ инако-мыслящихъ, было (изъ приличія) обращено вниманіе, то онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для объясненій. Повидимому, объясненія велись въ самомъ дружескомъ тонѣ и признаны были вполнѣ удовлетворительными. Поѣздка черненца Иліодора въ Петербургъ обратилась въ своего рода тріумфъ, не меньшій, чѣмъ знаменитое въ свое время путешествіе въ Кронштадтъ странника Антонія съ его мурмолкой, босыми ногами и шелепугою. И въ то самое время, когда свящ. Петровъ сидитъ въ заточеніи надъ пустыннымъ озеромъ Черменецкаго монастыря, монахъ Иліодоръ поль-

зуется успѣхомъ въ „петербургскихъ сферахъ“, а митрополитъ Антоній рекомендуетъ его, какъ юношу, нѣсколько увлекающагося, но все же одухотвореннаго самыми лучшими намѣреніями. Писанія свящ. Петрова признаны вредными. Мы ихъ знаемъ. Тѣмъ интереснѣе познакомиться съ писаніями Иліодора, въ которыхъ признаются „наилучшія намѣренія“. Вотъ одна выдержка, съ которой насъ знакомитъ князь Мещерскій:

„Возьмемъ же этотъ (духовный?) мечъ, — выкликаетъ почаевскій отшельникъ,—и сокрушимъ имъ служителей сатаны и поборниковъ неправды, а свѣтскихъ властей *понудимъ вещественнымъ мечомъ безпрестанно* (sic!) *сѣкать головы* безбожниковъ крамольниковъ. Работа наша передъ нами. Во имя Бога (!), во имя святой вѣры, народа православнаго и всѣхъ его святынь, проснитесь, монахи, поднимитесь и отбейте упорное нападеніе сильнаго врага. Іеромонахъ Иліодоръ“.

Цитата дѣйствительно замѣчательная. Сопоставьте эти „идеалы“ смиреннаго монаха даже съ той дѣйствительностью, которая олицетворяется полевыми судами, и вы увидите, что сія мрачная „свѣтская“ дѣйствительность остается все же далеко позади „духовныхъ мечтаній“; вѣдь даже полевые суды знаютъ нѣкоторыя передышки и изъятья. А смиренный инокъ требуетъ *непрестаннаго усѣкновенія* головъ своихъ грѣшныхъ соотечественниковъ. „Добрыя намѣренія“ людей изъ „черной церкви“ куда свирѣпѣе свѣтской военной и штатской юстиціи... Приведя эту выдержку, князь Мещерскій восклицаетъ:

— Ну, и что же? Неужели ничего? Неужели представители церковной власти могутъ допустить возможность безотвѣтственности для такого воззванія? Ясно, что если церковная власть не прекратитъ этотъ скандалъ поруганія монахомъ своего служенія и своего сана,—она становится соучастницей въ преступныхъ противъ церкви дѣяніяхъ монаха Иліодора.

Вопросы и восклицанія князя намъ кажутся очень наивными. Мы не стали бы призывать даже на Иліодора духовно-административныхъ пресѣченій и запрещеній. Есть чернецы, которые такъ думаютъ... Пусть говорятъ, но если есть представители бѣлаго духовенства, которые думаютъ иначе, въ родѣ священника Григорія Петрова, то почему же на нихъ сыплются кары и запрещенія? Петровыхъ ссылаютъ въ монастыри, Тихвинскихъ безъ суда отрѣшаютъ отъ священнодѣйствія, какъ это случилось на-дняхъ вятскій архіерей,—а на изувѣрные призывы Иліодоровъ смотрятъ, какъ на проявленіе

отличныхъ намѣреній *). Тутъ ужъ дѣйствительно нельзя не сказать, что чернецы изъ синода проявляютъ такую долю сочувствія и терпимости къ чернецамъ изъ погромной рати, которая совершенно не соотвѣтствуетъ отношенію того же синода къ рѣчамъ и писаніямъ нѣкоторыхъ представителей бѣлаго духовенства. И это, конечно, кидаетъ тѣнь на всю отданную во власть монаховъ оффиціальную церковь, такъ что недоумѣнные вопросы кн. Мещерскаго о „соучастіи“ имѣютъ очень большія основанія.

Объ этомъ, впрочемъ, можно бы сказать очень много, и, вѣроятно, мы еще вернемся къ этому предмету. Задача этой случайной замѣтки—гораздо скромнѣе. Намъ показалось просто любопытнымъ отмѣтить, что въ лицѣ князя Мещерскаго крайній предѣлъ свѣтскаго „консерватизма“ протестуетъ противъ „консерватизма“ церковнаго. И это, конечно, потому, что (цитируемъ изъ той же статьи „Русскаго Богатства“, о которой говорили въ началѣ): „нѣтъ такого самаго консервативнаго, но всетаки современнаго государственнаго и общественнаго уклада, который бы юродивые Пети, лукавые странники Антоніи (и изступленные чернецы Иліодоры) признали соотвѣтствующимъ своимъ идеаламъ. И нѣтъ такого государственнаго порядка, который бы могъ довѣриться космогоническимъ и политическимъ представленіямъ Петей, Антоніевъ“ (и Иліодоровъ).

Фигура нашего стараго знакомаго князя Мещерскаго, остановившагося въ недоумѣніи и испугѣ передъ мрачнымъ кликушествомъ почаевскаго чернеца, которому внемлютъ, сочувственно помавая клобуками, высшіе представители оффиціальной церкви, —является знаменательной и очень яркой иллюстраціей этой мысли **).

1907 г.

---

*) Интересно, что Иліодору никто не ставитъ въ вину „отсутствіе текстовъ и свѣтскій характеръ“ его погромныхъ призывовъ, что найдено предосудительными для священника Петрова.

**) Замѣтка была уже набрана, когда мы прочли въ газетахъ, что и Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ не одобряетъ ни почаевскаго чернеца, ни нѣкоторыхъ политическихъ оказательствъ высшаго духовенства („Бирж. Вѣд.“, 10 апр., веч. вып.).

9 января 1905 года.

I.

Бываютъ дни и бываютъ событія, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается значеніе самыхъ глубокихъ сторонъ данной исторической минуты. Разгадать ихъ—значитъ найти вѣрное направленіе для самыхъ, быть можетъ, опредѣляющихъ шаговъ ближайшаго будущаго. Не разгадать, отвѣтить слишкомъ спѣшно и неправильно,—значитъ дать ошибочный отвѣтъ на роковую загадку сфинкса. А вѣдь такой отвѣтъ, если вѣрить мудрости древнихъ,—значитъ возможность гибели.

Таково значеніе январьскихъ событій въ Петербургѣ.

22 января мы узнали изъ газетъ, что кн. Святополкъ-Мирскій оставилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Газеты всѣхъ оттѣнковъ провожаютъ его болѣе или менѣе сочувственными напутствіями. Русскій человѣкъ со вздохомъ вспоминаетъ первые дни „эпохи довѣрія“... Это было такъ недавно и... уже такъ давно...

Тогда же телеграфъ разнесъ по всей Россіи извѣстіе о томъ, что Н. В. Муравьевъ оставляетъ постъ министра юстиціи. Никакихъ словъ довѣрія русское общество отъ Н. В. Муравьева никогда не слыхало, и никакихъ вздоховъ за нимъ на новое мѣсто служенія, въ далекій Римъ, вѣроятно, не понесется... Но все же и эта перемѣна въ другое время вызвала бы много волненія и поставила бы много вопросовъ...

Наконецъ, въ газетахъ появляются отчеты о засѣданіяхъ и намѣреніяхъ комитета министровъ по осуществленію идей, изложенныхъ въ указѣ 12 декабря... Правда, языкъ этихъ сообщеній далеко нельзя назвать удобопонятнымъ, а его опредѣленія легко уязвимыми... Но все же въ другое время они вызвали бы самые оживленные комментаріи, среди которыхъ, по старой привычкѣ русскаго общества „къ надеждамъ славы и добра“,—было бы очень много оптимизмовъ и восторговъ...

Теперь все это проходитъ незамѣтно, глухо, безъ привычнаго оживленія... Ни отставка кн. Святополкъ-Мирскаго, такъ тускло завершающая эру „довѣрія“, не вызываетъ естественныхъ огорченій, ни отъѣздъ Н. В. Муравьева, ни даже гласныя сообщенія комитета министровъ—не окрыляютъ надеждъ... Все это вдругъ стало въ глазахъ общества незначительнымъ и неважнымъ...

Въ одномъ разсказѣ Л. Н. Толстого („Казаки“) есть образъ, очень идущій къ нашему теперешнему настроенію. Герой его ѣдетъ степными дорогами на почтовыхъ по направленію къ Кавказу. Гдѣ-то вдали его ждутъ кавказскія горы. О нихъ онъ, житель равнинъ, слышалъ такъ много шаблонныхъ отзывовъ, что ему, скептику, начинаетъ казаться, что никакихъ, въ сущности, горъ, способныхъ вызывать такія впечатлѣнія, совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ... Всюду та же ровная степь, томительная и скучная, съ однообразнымъ и бѣднымъ просторомъ и съ туманною мглою... А если появятся неровности, то... только для подтвержденія старой истины, что ничего въ сущности рѣзко отступающаго отъ этой плоской равнины и быть не можетъ...

Читатель помнитъ, навѣрное, то ощущеніе внезапнаго нервнаго подъема, можно сказать, пожалуй—удара по нервамъ, который пришлось пережить толстовскому герою, когда, проснувшись на утро, онъ увидѣлъ, что дорога его, еще бѣгущая по степи, уже упирается вдали въ необычно изломанныя очертанія горныхъ громадъ... И дальше все время его впечатлѣнія уже стелются у ихъ подножія. Онъ продолжаетъ вспоминать свое прошлое, столицу, знакомыхъ, а въ душѣ все стоитъ одинъ припѣвъ... „А горы!“... Читатель помнитъ, вѣроятно, и впечатлѣніе этого припѣва, шероховатаго, рѣзкаго, не укладывающагося ни въ какой ритмъ остальныхъ ощущеній, которымъ Толстой выразилъ смущенное состояніе духа своего равниннаго жителя... „А горы!“.

Передо мной все время, всѣ эти дни и въ ту минуту, когда я пишу эти строки,—стоитъ неотвязно этотъ образъ... И мнѣ кажется, что теперь всѣ впечатлѣнія отъ нашего „общественнаго дня“ такъ же разстилаются у подножія чего-то необычнаго, большого, мрачнаго, встающаго туманной громадой надъ равнинами нашей жизни... И надъ всѣмъ,—надъ отставками и перемѣнами министровъ, надъ извѣстіями съ театра войны, надъ „предначертаніями“ комитета министровъ высится этотъ угрюмый фонъ, залегая въ душѣ неотвязнымъ припѣвомъ... „А девятое января 1905 года!..“

Да, это девятое января поднялось надъ однообразіемъ

нашей „равнинной исторіи“, надъ ея буераками и оврагами, надъ холмиками „довѣрья“ и извилинами бюрократической реакціи—какъ первый крутой изломъ нашего горизонта, за которымъ, быть можетъ, въ загадочномъ туманѣ уже рисуются другіе—и выше, и обрывистѣе, и круче...

И невольно взглядъ приковывается къ этому явленію съ естественнымъ желаніемъ разглядѣть, опредѣлить очертанія, найти перевалы и дороги...

II.

Но разглядѣть нелегко...

Такъ ужъ сложились традиціи нашей жизни, что, какъ только въ ней появляется что-нибудь значительное и, быть можетъ, угрожающее, то первымъ и самымъ насущнымъ лозунгомъ провозглашается молчаніе, вмѣсто свободнаго обсужденія, освѣщенія и критики. Такъ во всемъ,—начиная съ частнаго злоупотребленія того или другого высокопоставленнаго лица до общаго явленія, какъ „усиленная охрана“, отмѣняющая даже наличную силу существовавшихъ еще признаковъ законности.

То же и по отношенію къ „рабочему вопросу“, который вообще признавался выдумкой либеральной печати, пока онъ не всталъ во всемъ своемъ великомъ и трудномъ значеніи. То же, въ частности, и по отношенію къ событіямъ 9 января.

Прошло около двухъ недѣль, и мы не имѣемъ еще ни полной картины рокового событія, ни его размѣровъ. Пока у насъ есть лишь оффиціальное сообщеніе первыхъ дней, страдающее неполнотой, односторонностью и, конечно, неизбѣжнымъ пристрастіемъ, и нѣсколько отрывочныхъ дополненій тоже оффиціальнаго происхожденія... Однако, уже и этихъ сухихъ сообщеній достаточно, чтобы событіе поднялось мрачною тѣнью надъ всѣми другими злобами безъ того далеко не безоблачнаго дня...

Мы узнаемъ прежде всего, что „въ Петербургѣ, въ началѣ 1904 года, по ходатайству нѣсколькихъ рабочихъ фабрикъ и заводовъ былъ утвержденъ уставъ „С.-Петербургскаго Общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“, имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ интересовъ и *отвлеченіе рабочихъ отъ преступной пропаганды*“.

Въ послѣдней фразѣ курсивъ принадлежитъ намъ, и мы позволимъ себѣ остановиться на ея значеніи...

Итакъ, фабричное общество было основано, кромѣ удовлетворенія потребностей рабочей среды,—еще съ спеціально-политической цѣлью: другими словами, органическія потреб

ности рабочихъ отдавались подъ особое воздѣйствіе бюрократически-полицейскаго начала. Общество должно было служить полицейскимъ цѣлямъ. Этотъ опытъ уже не первый: мы знаемъ о такой же попыткѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Особенно ярко послѣдствія такого сочетанія сказались два года назадъ въ Одессѣ, и въ газетахъ среди арестованныхъ за „безпорядки“ лицъ значились имена людей, пользовавшихся поощреніемъ и покровительствомъ начальства...

Еще недавно „Московскія Вѣдомости“, а за ними „Свѣтъ“ и „Гражданинъ“ радостно оповѣщали о возникновеніи благонамѣренныхъ рабочихъ организацій, вожаки которыхъ встрѣчали радушный пріемъ въ тѣхъ самыхъ сферахъ, которыя незадолго отрицали самое существованіе рабочаго вопроса и возлагали всѣ упованія на добровольное патріархально-отеческое попеченіе гг. фабрикантовъ. Мы помнимъ также, что одинъ изъ московскихъ рабочихъ представителей этого столь своеобразно начинавшагося „истинно-русскаго“ рабочаго движенія—окрылился до такой степени, что со столбцовъ газеты извѣстнаго „московскаго патріота“ г-на Грингмута сталъ преподавать заблудшему въ либерализмѣ русскому обществу уроки благонамѣренности и патріотизма.

Но рабочая среда—не кружокъ этихъ „иниціаторовъ“, которые по недоразумѣнію говорили отъ ея имени и давали радужныя обѣщанія, и „рабочій вопросъ“—не мелкая служебная подробность той или другой полицейской политики. Для рабочей среды, въ первыя минуты, быть можетъ, искренно увлеченной заманчивыми перспективами, это—не игра и не праздничная феерія, а самый насущный жизненный вопросъ, къ рѣшенію котораго она стремится съ суровой правдивостью и понятнымъ нетерпѣніемъ. И вотъ, всякій разъ, когда дѣло отъ эффектныхъ демонстрацій и гарунъ-аль-рашидовскихъ частностей переходитъ къ общимъ наболѣвшимъ вопросамъ рабочей жизни,—тотчасъ же вскрывается внутренній разладъ неестественнаго союза: рабочая масса требуетъ исполненія обѣщаній и замѣтнаго *реальнаго* измѣненія условій своего существованія. Въ этомъ ея главная и единственная цѣль. Но цѣль „союзной“ администраціи совсѣмъ другая. Центръ тяжести „общаго дѣла“ она видитъ лишь въ эффектныхъ оказательствахъ массовой покорности и довѣрчиваго „упованія“... И когда эти оказательства даны, если можно даже съ примѣсью нѣкоторыхъ угрозъ по адресу „либеральной части общества“,—то административный союзникъ склоненъ считать свою задачу исполненной... Бѣда лишь въ томъ, что въ его распоряженіи нѣтъ второй формулы, которая могла бы уни-

чтожить разъ вызванныя надежды... И очень скоро феерія переходитъ въ трагедію, и, вмѣсто громовъ бутафорскихъ, надъ сценой начинаютъ раздаваться раскаты настоящей грозы.

III.

Обращаемся къ дальнѣйшему изложенію событій.

Итакъ, одною изъ цѣлей общества являлась „борьба съ крамолой“. Повидимому, дѣло начиналось при хорошихъ предзнаменованіяхъ, такъ какъ во главѣ новой организаціи стало духовное лицо, священникъ о. Георгій Гапонъ съ самыми лучшими рекомендаціями.

Мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этой замѣчательной личности, которая теперь выставляется одними, какъ настоящее исчадіе ада, въ другихъ, быть можетъ, вызываетъ мистическое удивленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что и то, и другое далеко отъ истины. Священникъ Гапонъ является лишь однимъ изъ тѣхъ „провиденціальныхъ людей“, которые порой въ бурные періоды какъ-то вдругъ обнаруживаются на поверхности общественной жизни. Все ихъ значеніе въ томъ, что и ихъ личныя добродѣтели, и ихъ недостатки, вообще всѣ стороны ихъ личности совпадаютъ по тону съ господствующимъ настроеніемъ среды, усиливая это настроеніе, какъ резонаторы усиливаютъ звуки...

Газеты даютъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія. Уроженецъ Полтавской губерніи, мѣстечка Бѣлики, Кобелякскаго уѣзда, о. Георгій Гапонъ родился въ простой семьѣ украинскаго казака. Поступивъ въ полтавскую семинарію, окончилъ въ ней курсъ не безъ нѣкоторыхъ отклоненій. Страстная, импульсивная натура и склонность къ шероховатой несдержанной правдивости создавали ему много затрудненій, и онъ былъ исключенъ. Но затѣмъ, повидимому, онъ пережилъ столь же порывистые приступы смиренія, которые привлекли къ нему благосклонное покровительство покойнаго полтавскаго епископа Иларіона. Онъ былъ опять принятъ въ семинарію, гдѣ, благодаря незаурядными способностямъ, блестяще окончилъ курсъ. Вѣроятно, въ періодъ увольненія Георгій Гапонъ для заработка участвовалъ въ статистическихъ работахъ земскаго бюро, но это было недолго, и, кажется, прочной связи съ такъ называемой „интеллигентной средой“ у этого своеобразнаго человѣка не завязалось. Затѣмъ, благодаря протекціи епископа Иларіона, по окончаніи семинаріи и послѣ женитьбы, о. Гапонъ получилъ мѣсто въ кладбищенской церкви. Смерть любимой жены вызвала новый поворотъ въ

его жизни. Онъ рѣшилъ сначала поступить въ монахи, но потомъ опредѣлился въ духовную академію.

Здѣсь, въ столицѣ, онъ опять обратилъ на себя вниманіе въ высшихъ духовныхъ сферахъ, получилъ мѣсто священника въ пересыльной тюрьмѣ и, наконецъ, былъ избранъ и утвержденъ предсѣдателемъ новаго общества рабочихъ, съ его двойственной задачей и со всѣми вскрывшимися впослѣдствіи противорѣчіями разнородныхъ стремленій его „учредителей“...

Нѣтъ ничего легче, какъ окрашивать человѣка какимъ-нибудь однимъ, простымъ и слишкомъ опредѣленнымъ цвѣтомъ, и мы слишкомъ часто прибѣгаемъ къ такимъ одноцвѣтнымъ квалификаціямъ, какъ „злодѣй, лицемѣръ и крамольникъ“. Но, какъ на примѣрѣ внѣшней войны мы видимъ, что апріорныя характеристики нашего противника оказались совершенно негодными къ употребленію, такъ и въ осложненіяхъ внутреннихъ полезнѣе искать истину, чѣмъ успокаиваться на лубочныхъ шаблонахъ. Несомнѣнно, что фигура священника Гапона, метавшагося въ страстныхъ порывахъ между семинарскими мятежами и покаяніями, изъ статистики переходившаго къ алтарю и отъ алтаря на площадь,—представляетъ психологію необыкновенно сложную и не укладывающуюся въ простыя клички.

И именно двойственный характеръ того „рабочаго движенія“, о которомъ мы говорили выше, является наиболѣе подходящей атмосферой для расцвѣта подобныхъ натуръ: здѣсь является просторъ одновременно и для гуманныхъ стремленій, удовлетворяющихъ неуравновѣшеннымъ порывамъ бывшаго семинарскаго строптивца, и для его смиренія, ведущаго „къ благополучію массъ“ путями, предначертанными начальствомъ. Здѣсь находятъ примиреніе всѣ стороны неустойчивой натуры, и вдобавокъ она дышитъ атмосферой таинственныхъ стремленій того великаго цѣлаго, которое носитъ названіе человѣческой толпы и живетъ особенною коллективною жизнью.

Нѣтъ необходимости непремѣнно отрицать искренность первоначальныхъ намѣреній, чтобы понять конечныя противорѣчія, залогъ которыхъ лежалъ уже въ нѣдрахъ самой организаціи... Эти противорѣчія вскрылись, и бурная натура довершила остальное. Свящ. Гапонъ сталъ отголоскомъ широкаго массоваго движенія, увлекающій массу и самъ ею увлеченный...

IV.

„По мѣрѣ своего распространенія,—говоритъ далѣе оффиціальное сообщеніе,—на всѣ фабричные районы Петербурга,—общество стало заниматься обсужденіемъ существовавшаго на

отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ отношенія между рабочими и хозяевами, а затѣмъ, въ декабрѣ минувшаго года, побудило рабочихъ Путиловскаго завода вмѣшаться въ вопросъ объ увольненіи съ завода четверыхъ рабочихъ...“ Изъ этого краткаго изложенія мы не можемъ, разумѣется, судить о всей дѣятельности общества и о томъ предварительномъ броженіи въ его средѣ, которое привело къ началу стачекъ. Мы видимъ только, что общество рабочихъ приступаетъ къ обсужденію вопросовъ рабочей жизни, то есть именно тѣхъ вопросовъ, для которыхъ оно и основано. Долгая и трудная практика такихъ обществъ за границей показываетъ, съ какими трудностями приходится имѣть дѣло рабочимъ организаціямъ и какія учрежденія способны поставить эти вопросы на нейтральную почву... При этомъ бываютъ случаи, когда уступаютъ рабочіе, и бываетъ, наоборотъ, что уступаютъ фабриканты. И въ процессѣ этой закономѣрной борьбы въ разныхъ областяхъ жизни, и страсти до извѣстной степени разряжаются нормально. Роль государства въ этихъ случаяхъ сводится на то, чтобы дать имъ закономѣрныя формы. Наша практика, по общимъ причинамъ и по общимъ свойствамъ нашего уклада,—особенно бѣдна такими формами, которыя создавали бы нейтральную почву для разумныхъ соглашеній. По самымъ свойствамъ нашей жизни, массы, во-первыхъ, слишкомъ ясно чувствуютъ, что „сила закона“ фактически и на всякомъ шагу давитъ на чашки вѣсовъ въ пользу ихъ болѣе сильныхъ противниковъ. А съ другой стороны, практика новѣйшей „рабочей политики“, въ видѣ зубатовскихъ организацій, слишкомъ неосторожно и легкомысленно обнадеживала массы, что въ одинъ прекрасный день безконтрольное и несвязанное законами административное усмотрѣніе можетъ разрѣшить всѣ соціальные вопросы легко, просто, внезапно и безповоротно. Съ другой стороны, и фабрикантамъ даются обѣщанія, что интересы „священной собственности“ и капитала останутся неприкосновенны и получатъ твердую, строгую и полную охрану...

И вотъ, надъ взволнованной поверхностью русской жизни вздымаются волны противоположныхъ надеждъ и стремленій... И тѣ, и другія одинаково ждутъ своего *полнаго* разрѣшенія отъ всесильной бюрократіи, а послѣдняя видитъ, что единственная ея собственная цѣль—есть массовыя оказательства благонамѣренности и упованія, что эта цѣль безнадежно исчезаетъ... И вотъ, надъ ареной недавняго единенія водворяется трагедія...

V.

„Требованія рабочихъ,— говоритъ оффиціальное сообщеніе,— постепенно возрастали...“ Правда, это возрастаніе было все еще довольно скромно: помимо требованія о возвращеніи ихъ товарищей, они предъявили еще требованія объ измѣненіи порядка назначенія расцѣнки работъ и увольненія рабочихъ. „Мѣры увѣщанія со стороны фабричной инспекціи оказались безуспѣшными, и къ стачкѣ, подъ вліяніемъ агитаціи, присоединились поголовно рабочіе нѣкоторыхъ другихъ заводовъ Петербурга; затѣмъ стачка стала быстро распространяться, охвативъ почти всѣ фабрично-заводскія предпріятія столицы, при чемъ, по мѣрѣ распространенія стачки, возрастали и требованія рабочихъ“...

Все это совершенно понятно и обычно въ такомъ явленіи, какъ рабочая стачка, которая всегда предъявляетъ требованія сокращенія рабочаго дня и регулированія расцѣнокъ... Нѣтъ на свѣтѣ ни одного рабочаго общества, открываемаго хотя бы и на законнѣйшихъ основаніяхъ, которое не ставило бы себѣ этихъ цѣлей. Между тѣмъ, уже въ этомъ изложеніи оффиціальнаго документа читатель чувствуетъ, что настроеніе его какъ бы уже измѣнилось и, разъ выступили тѣ или другія *требованія* рабочихъ, то все уже разсматривается, какъ преступленіе... Здѣсь сказалось опять привычное у насъ настроеніе. У насъ готовы платонически примириться со всѣмъ, что составляетъ принадлежность развитой гражданственной жизни. Свобода печати?.. у насъ такъ много приверженцевъ свободы печати даже въ высшихъ сферахъ: князь Мещерскій приводилъ недавно восторженные отзывы объ этомъ прекрасномъ предметѣ нѣсколькихъ покойныхъ министровъ. Отзывы были вѣроятно совершенно искренни, но только... „освобожденная печать“ рисовалась въ видѣ кроткой овечки, которая, изъ благодарности за свое освобожденіе, будетъ слѣдовать за освободителями на шелковой ленточкѣ, издавая ласковое мелодическое блеяніе...

Разумѣется, безжалостная дѣйствительность разрушаетъ эти прекраснодушныя мечты. Печать, только почувствовавъ первые признаки облегченнаго режима, по самому *органическому* свойству гласности, немедленно стремится стать дѣйствительно *независимымъ* факторомъ общественной жизни... И совершенно такъ же широкая рабочая организація, кѣмъ бы и съ какими бы цѣлями она ни была основана,—немедленно и неизбѣжно становится орудіемъ для выраженія *настоящихъ жизненныхъ* нуждъ среды. Она считается только съ ними, а если отъ нея

ждали другого и если ей самой подавались надежды, не вытекавшія изъ жизненныхъ соотношеній, то совершенно понятно, что для обѣихъ сторонъ наступаетъ разочарованіе. Администрація не находитъ покорной массы, готовой ограничиться одними обѣщаніями... Рабочая масса страстно требуетъ удовлетворенія своихъ наболѣвшихъ требованій...

На этой почвѣ обоюднаго разочарованія и разыгрываются дальнѣйшія событія. „Требованія рабочихъ,—говоритъ правительственное сообщеніе,—въ письменномъ изложеніи, составленномъ въ большинствѣ случаевъ Гапономъ, были распространяемы среди рабочихъ. Первоначально они касались мѣстныхъ для отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ вопросовъ, затѣмъ перешли къ вопросамъ общимъ: о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ организацій въ разрѣшеніи спора между рабочими и хозяевами. Хозяева охваченныхъ стачкой промышленныхъ заведеній, собравшись на совѣщаніе, признали, что удовлетвореніе нѣкоторыхъ домогательствъ рабочихъ должно повлечь за собой полное паденіе русской промышленности“ (!), другія требованія могли бы быть удовлетворены только при помощи законодательства, которое распространило бы ихъ на всѣ конкуррирующія отрасли производства равномѣрно, наконецъ, третьи „могли бы быть частью удовлетворены въ мѣрѣ, посильной для каждаго отдѣльнаго предпріятія“, но фабриканты отказались „вести объ нихъ переговоры съ организаціей стачечниковъ во всей совокупности“.

Сначала стачка не сопровождалась нарушеніемъ порядка. Но затѣмъ, по словамъ оффиціальнаго сообщенія, „къ агитаціи, которое вело Общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, присоединились подстрекательства подпольныхъ революціонныхъ кружковъ, а съ 8 января и само вышеупомянутое Общество, со священникомъ Гапономъ во главѣ, перешло къ пропагандѣ явно революціонной. Въ этотъ день священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее имя, въ которой уже, на ряду съ пожеланіемъ объ измѣненіи условій труда, *были изложены дерзкія требованія политическаго свойства*“.

Такъ назрѣвали крупныя событія. Весь экспериментъ былъ законченъ. На сцену выступили „факты“. Когда-нибудь, быть можетъ, даже въ скоромъ времени,—исторія дастъ намъ трагическія черты того настроенія, въ которомъ находился Петербургъ наканунѣ 9-го января, когда всѣмъ было извѣстно, что массы рабочихъ готовятся назавтра представить свою петицію... Къ явленіямъ подобнаго рода уже давно привычны общества, живущія развитою гражданскою жизнью. Но наша жизнь,

только мечтающая о „единеніи власти съ народомъ“ и о формахъ этого единенія, была застигнута врасплохъ небывалымъ движеніемъ, охватившимъ сотни тысячъ рабочаго населенія... И весь взволнованный предстоящей драмой Петербургъ сознавалъ, что наша суровая „практика“ не выдвинетъ ничего, кромѣ привычныхъ „воздѣйствій“...

Дальше мы будемъ точно слѣдовать оффиціальному изложенію событія, въ надеждѣ, что и оно дастъ читателю, особенно русскому читателю, привычному къ условностямъ оффиціальнаго стиля, — достаточно яркую картину петербургской трагедіи.

„Фанатическая пропаганда,—говоритъ все то же правительственное сообщеніе, — которую въ забвеніи святости своего сана велъ священникъ Гапонъ, и преступная агитація злоумышленныхъ лицъ возбудили рабочихъ настолько, что они 9-го января огромными толпами стали направляться къ центру города. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними и войсками, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованію разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургскомъ трактѣ, у Нарвскихъ воротъ, у Троицкаго моста, по 4-й линіи, на Маломъ проспектѣ Васильевскаго острова, у Александровскаго сада, на углу Невскаго проспекта, на улицѣ Гоголя, у Полицейскаго моста и на Казанской площади. На 4-й линіи Васильевскаго острова толпа устроила изъ проволокъ и досокъ три баррикады, прикрѣпила красный флагъ; изъ оконъ сосѣднихъ домовъ въ войска были брошены камни и произведены выстрѣлы; у городовыхъ толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитивъ около 100 стальныхъ клинковъ, которые, однако, были большею частью отобраны. Въ 1-мъ и во 2-мъ участкахъ Васильевской части толпой были порваны телефонные проводы, опрокинуты телефонные столбы; на зданіе 2-го полицейскаго участка Васильевской части произведено нападеніе, и помѣщеніе участка разбито. Вечеромъ на Большомъ и Маломъ проспектахъ Петербургской стороны разграблено 5 лавокъ. Общее количество потерпѣвшихъ отъ выстрѣловъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ больницами и пріемными покоями, къ 8-ми часамъ вечера, составляетъ убитыхъ 76 человѣкъ, въ томъ числѣ околоточный надзиратель, раненыхъ 233 человѣка, въ томъ числѣ тяжело раненъ помощникъ пристава и легко ранены рядовой жандармскаго дивизіона и городовой. На 10-е января къ охранѣ города приняты мѣры, которыя были приняты 9-го числа“...

VI.

Такъ заканчивается это первоначальное сообщеніе о событіи, еще небываломъ въ новѣйшей русской исторіи по характеру и по размѣрамъ. Всякій, для кого названія петербургскихъ площадей и улицъ не простой отвлеченный терминъ, представитъ себѣ это кольцо, въ которое стягивались внушительныя, но безоружныя рабочія массы, направлявшіяся отъ окраинъ къ центру. Не трудно также представить въ воображеніи это море людей, двигавшихся нерѣдко съ женщинами и дѣтьми... Впереди несли иконы и хоругви. И вотъ, по всему этому живому кольцу въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули огни ружейныхъ залповъ, и мостовая обагрилась родною кровью...

Мы не станемъ воспроизводить подробностей ужасающей картины. Она, можетъ быть, скоро будетъ возстановлена „нелицепріятной исторіей“... Не станемъ также устанавливать окончательно ея истинные размѣры. Для этого нѣтъ еще полныхъ свѣдѣній, хотя въ оффиціальныхъ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургскаго Градоначальства“ уже появились именные списки убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, тоже еще не полные, но уже значительно превысившіе первоначальныя цифры *)... Все это можетъ расширить размѣры, но не измѣнить характеръ самой картины... По весьма понятнымъ причинамъ мы воздерживаемся также отъ оцѣнки всего происшедшаго **)...

Бѣдствіе огромное, тяжкое, непоправимое. Мрачнымъ призракомъ, грознымъ предзнаменованіемъ оно стало на рубежѣ, который долженъ былъ обозначить переломъ застоявшейся русской жизни, начало ея новой эры... Такъ мало прожито съ тѣхъ поръ, когда начались много обѣщавшіе разговоры о единеніи и довѣріи, и такъ много пережито до этихъ выстрѣловъ и кавалерійскихъ атакъ на улицахъ столицы...

Вся русская жизнь представляется намъ какъ бы остановившейся въ раздумьи, точно сказочный богатырь, передъ которымъ на распутьи всталъ грозный призракъ. Куда идти дальше?.. И идти ли?.. И можно ли вѣрить въ будущее, и можно ли повторять недавнія еще радостныя формулы?.. . . .

Трагедія нашей жизни за послѣднія десятилѣтія состоитъ въ безсиліи всѣхъ попытокъ разорвать волшебный кругъ бюрократической реакціи. Когда въ устающемъ обществѣ водворяется наружное спокойствіе, то мы слышимъ, что никакія

*) См. „Новое Вр.“ отъ 22 января. По иностраннымъ свѣдѣніямъ, даже съ соотвѣтствующими поправками, число убитыхъ простирается отъ 500 до 1000 человѣкъ.

**) „Русское Богатство“ выходило подъ предварительной цензурой.

реформы не нужны, потому что все обстоитъ благополучно... Когда же наружное благополучіе переходитъ въ признаки недовольства и тревоги, то попытки реформъ признаются несвоевременными. Не нужно—потому, что еще все спокойно... Нельзя, потому что уже начинается броженіе,—такова философія нашей новѣйшей исторіи, альфа и омега бюрократическаго творчества...

А между тѣмъ—жизнь не ждетъ... Въ ея глубинахъ назрѣваютъ не находящія исхода потребности... Изъ боязни живой работы у насъ прекращаются не только попытки аграрныхъ реформъ, но даже статистика... Мы то слушаемъ убаюкивающія сказки о „патріархальности“ русскаго капитализма, устраняющаго необходимость коренныхъ реформъ фабричнаго законодательства, то видимъ попытки запречь молодое рабочее движеніе въ полицейскую колесницу. И все время встрѣчаемъ боязнь передъ развивающимся сознаніемъ народныхъ массъ, передъ естественнымъ стремленіемъ ихъ къ организаціи для правомѣрнаго отстаиванія своихъ интересовъ... Между тѣмъ какъ это растущее сознаніе является лучшимъ залогомъ общественнаго развитія, если отнестись къ нему правдиво и искренно...

И вотъ, наша жизнь стала похожа на гигантскій котелъ, въ которомъ закипаетъ сдавленная живая сила, требующая законнаго исхода. Но именно законнаго-то исхода и нѣтъ: лишь только мы пытаемся открыть предохранительный клапанъ, какъ рѣзкій шумъ пара пугаетъ нашихъ машинистовъ, они торопятся опять закрыть и даже замазать всѣ щели... И когда послѣ этого наступаетъ тишина, лишь изрѣдка нарушаемая глухими внутренними толчками, то это принимается за признаки безопасности...

Жизнь не ждетъ. Передъ русскимъ обществомъ и передъ русскимъ народомъ все явственнѣе встаетъ загадка его существованія, и возврата уже нѣтъ и быть не можетъ.

Это ясно... Что касается русскаго общества, то оно сознало это безповоротно!

Янв. 1905 г.

Поэзія и проза въ коммиссіи Д. Ѳ. Кобеко.

Получивъ приглашеніе въ эту коммиссію, извѣстный поэтъ гр. Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ выразилъ свое крайнее удовольствіе по этому поводу...

Дѣло въ томъ, что „свобода слова“ была давней мечтой гр. Голенищева-Кутузова. Онъ мечталъ о ней еще въ юности и мечты эти излилъ въ извѣстномъ красивомъ стихотвореніи, которое напечаталъ въ органѣ Аксакова. Изъ этого стихотворенія явствуетъ, что мысль и слово суть „крѣпкій стягъ и мечъ святой“ и что они „пріемлются изъ божьей длани“, а потому:

Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ одинъ!
Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!..

Теперь въ небольшомъ комментаріи къ этому вдохновенному заявленію авторъ его говоритъ о чувствѣ народнаго удовлетворенія, которое охватываетъ его душу при мысли, что, хоть подъ старость, ему суждено, наконецъ, дѣломъ послужить освобожденію родного слова...

Съ такимъ девизомъ паладинъ святого меча свободы отправился въ засѣданія коммиссіи... И вотъ, въ газетныхъ отчетахъ, сухихъ и прозаическихъ, мы читаемъ слѣдующее:

„Во второмъ засѣданіи особаго совѣщанія о нуждахъ печати дебатировался вопросъ, какой порядокъ желательно установить для издателей періодическихъ органовъ: *концессіонный* (предварительное разрѣшеніе по усмотрѣнію начальства), какъ это практикуется нынѣ, или *явочный*, при которомъ всякій

полноправный обыватель имѣетъ возможность приступить къ изданію, только *заявивъ* объ этомъ въ соотвѣтствующее учрежденіе. Въ другомъ засѣданіи тотъ же вопросъ обсуждался по отношенію къ изданію отдѣльныхъ сочиненій... Мнѣнія раздѣлились, при чемъ на одной сторонѣ совершенно опредѣленно стали князья Мещерскій и Цертелевъ"...

Мы, конечно, знали впередъ, что князья Мещерскій и Цертелевъ будутъ противъ всякихъ облегченій печати, но мы ждали, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ непремѣнно выступитъ противъ нихъ и немедленно процитируетъ поэтическій лозунгъ, заранѣе объявленный имъ въ газетахъ („Да не коснется власть земная!.."). Къ нашему удивленію, этого не случилось: графъ примкнулъ къ двумъ князьямъ и подавалъ голосъ за порядокъ разрѣшительный, а не явочный, т. е. за стѣсненіе печати, а не за ея свободу...

Въ старыхъ учебникахъ словесности обстоятельно трактовался вопросъ о различіи поэтической и прозаической формъ изложенія. Намъ кажется, что этотъ маленькій эпизодъ изъ біографіи поэта даетъ образцовую иллюстрацію этой разницы. Переводъ съ языка боговъ на низменный языкъ прозы на сей разъ сдѣланъ, вдобавокъ, самимъ авторомъ.

Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!..

Это поэзія, это вдохновеніе, это полетъ, это вихрь и небесные громы... Итакъ, „да не коснется власть земная"...

Но... прозой это выходитъ нѣсколько иначе: „понеже и поелику" мысли бываютъ всякія, а въ томъ числѣ и превратныя, то право начальства воспрещать изданіе газетъ, журналовъ и книгъ лицамъ, свободная мысль коихъ не приведена въ надлежащее соотвѣтствіе съ предначертаніями начальства,— надлежитъ оставить въ силѣ... Итакъ, да прикасается власть земная невозбранно!—Такова, увы! суровая проза!

Кто же виноватъ въ этомъ неожиданномъ и, надо сказать правду, довольно смѣшномъ превращеніи, похожемъ на злую пародію?.. Зачѣмъ было, въ самомъ дѣлѣ, огородъ городить, зачѣмъ было въ рога трубить, для чего было напоминать о своемъ стихотвореніи въ органѣ Аксакова? Гр. Голенищевъ-Кутузовъ, издавая передъ отправленіемъ въ коммиссію трубные гласы, разсчитывалъ, вѣроятно, что дѣло будетъ поставлено болѣе или менѣе поэтически. Такъ напримѣръ:

Вопросъ первый: есть ли слово крѣпкій стягъ гр. Голенищева-Кутузова?

Вопросъ второй: есть ли оно его святой мечъ?

Вопросъ третій: кто можетъ наложить цѣпи на разумъ рафа поэта?

Вопросъ четвертый: кто его слово можетъ умертвить?

Вопросъ пятый: надлежитъ ли земной власти приступать ь безнадежнымъ операціямъ, изложеннымъ въ пунктахъ ретьемъ и четвертомъ?

Если бы, говоримъ мы, вопросы были поставлены именно акимъ, единственно правильнымъ образомъ и если бы при томъ князья Мещерскій и Цертелевъ въ доступной имъ оэтической формѣ стали противорѣчить, выражая непремѣнное намѣреніе повелѣвать громами небесными и умерщвлять лова... о, тогда сіятельный поэтъ, безъ всякаго сомнѣнія, стался бы на должной высотѣ и отвѣтилъ бы неуклонно на сѣ вопросы. *На первый:* Да, слово есть *мой* крѣпкій стягъ, чемъ я безстрашно заявилъ еще въ газетѣ Аксакова (и что, ь свое время, цензурой не опротестовано). *На второй:* по ой же причинѣ оно есть *мой* мечъ святой. *На третій* и *на етвертый:* „Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи“ и т. д.

Но когда, вмѣсто этого, заговорили (Богъ вѣсть зачѣмъ!) о вочномъ порядкѣ, о концессіяхъ и тому подобныхъ прозаическихъ и къ дѣлу не идущихъ предметахъ, то князья Цертелевъ и Мещерскій легко разъяснили нашему поэту, что ѣло принимаетъ оборотъ совсѣмъ ненадлежащій: придетъ, редставьте себѣ, какой-нибудь тамъ титулярный совѣтникъ, ли неслужащій дворянинъ Маркъ Волоховъ, или, наконецъ, еловѣкъ безъ всякаго сколько-нибудь замѣтнаго званія („наиаче еще еврей“ — ехидно прибавляетъ г-нъ Суворинъ) и росто-на-просто объявитъ, что слово есть и *его* крѣпкій стягъ, *его* святой мечъ, почему съ такого-то числа и года возначрился и *онъ* выпускать въ такомъ-то городѣ журналъ или азету, коихъ „да не коснется власть земная“ (кромѣ, впроемъ, судебной, передъ которой онъ изъявляетъ радостную отовность отвѣтствовать во всякое время). Что же? Такъ и ризнать за нимъ это право? Fichtre!.. А что тогда станется ъ „добрыми нравами“ литературы? — спрашиваетъ со вздохомъ сосѣдъ гр. Голенищева-Кутузова по коммиссіи, князь Мещерскій, который, какъ извѣстно, особенно озабоченъ сохраненіемъ добрыхъ нравовъ... Мудрено ли, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ не нашелъ никакихъ аргументовъ, что его пегасъ опустилъ хвостъ и крылья и скромно, отчасти даже стыдливо поплелся въ арьергардѣ у князей Цертелева и Мещерскаго. Такова уже судьба поэзіи въ ея столкновеніяхъ съ суровою, холодною и сухою прозой.

И гр. Голенищевъ-Кутузовъ такъ и остался въ арьергар реакціоннаго отряда, неизмѣнно голосуя противъ важнѣйших „освободительныхъ“ предложеній другихъ членовъ коммиссі И даже, когда дѣло дошло до пресловутой 140 статьи уста цензурнаго, которая предоставляетъ „земной власти“ министр изъять любой предметъ отъ гласнаго обсужденія печати,— графъ выразилъ сожалѣніе, что въ коммиссіи мало представ телей разныхъ министерствъ, которые могли бы противостоя опасному либерализму большинства...

Вышло, такимъ образомъ, что, трубя передъ вратами сов щанія въ свой звонкій поэтическій рогъ,—нашъ поэтъ выз валъ на бой тѣхъ, кто налагаетъ на разумъ цѣпи, а ср зиться ему пришлось какъ разъ съ тѣми, на коихъ цѣпи н ложены... Будемъ ждать, что графъ по окончаніи велики трудовъ на пользу родной печати напишетъ новое стихот реніе, которое будетъ интересно сравнить съ первымъ по фор и содержанію... А пока приходится отмѣтить иронію судьб въ числѣ противниковъ поэта оказалось даже духовное ли преосвященный Антонинъ, епископъ нарвскій, вставшій на з щиту слова противъ... его защитника.

Газеты особенно охотно отмѣчали возраженія епископа противъ концессій, и противъ 140 статьи устава цензурна И это совершенно понятно: мы всѣ хорошо знали, что м гутъ сказать въ коммиссіи А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньев М. М. Стасюлевичъ, но намъ всѣмъ интересно, что тѣ мысли излагалъ епископъ, бывшій духовный цензоръ. „Е мнѣніе о цензурѣ,—по сообщенію газетъ,—состоитъ въ том что совсѣмъ не должно быть цензуры“. Но еще интересн мнѣніе, которое, *возражая гр. Голенищеву-Кутузову*, выс залъ самъ предсѣдатель коммиссіи: „Предыдущій ораторъ, сказалъ Д. Ѳ. Кобеко, — напрасно заботится объ интереса нѣкоторыхъ министровъ (т. е., если не ошибаемся, „земн власти“?). Вѣдь сами министры будутъ имѣть возможно отстаивать свои интересы въ засѣданіяхъ государственна совѣта, на разсмотрѣніе котораго поступятъ наши заключен Графъ Голенищевъ-Кутузовъ не долженъ забывать, что о бому совѣщанію не предоставлено права окончательно рѣш тотъ или иной вопросъ; оно является лишь особой подго вительной коммиссіей государственнаго совѣта“ *)...

Смыслъ этихъ словъ, сказанныхъ, къ сожалѣнію, нѣсколь поздно, лишь передъ голосованіемъ вопроса о привилегія министровъ по статьѣ 140-й,—совершенно ясенъ и необык

*) „Русь“. Цитирую по „Нижегор. Листку“, № 60

нно убѣдителенъ. По отношенію къ занимающему насъ во-
осу о „поэзіи и прозѣ“ гр. Голенищева-Кутузова завленіе
едсѣдателя имѣетъ значеніе благодушнаго указанія на то,
о, въ сущности, никакого вреда „для министерствъ“ не
ло бы, если бы эта проза не такъ ужъ далеко отошла отъ
эзіи... Вѣдь вопросъ все равно будетъ рѣшаться оконча-
льно не „особымъ совѣщаніемъ“, которое большинствомъ
-ти противъ 9-ти голосовъ высказалось за отмѣну приви-
гіи министровъ, а въ государственномъ совѣтѣ...

Между прочимъ,—черточка, не лишенная своеобразнаго
тереса... Одиннадцать противъ девяти. Итакъ—чей-то *одинъ*
лосъ далъ перевѣсъ либеральному заключенію. А. С. Суво-
нъ, отвѣчая на обвиненія, будто онъ, старый журналистъ,
оялъ противъ освобожденія журналистики отъ администра-
вныхъ усмотрѣній, заявилъ въ газетахъ, что онъ голосовалъ
етаки за явочный порядокъ и противъ 140 ст. А между
мъ, при обсужденіи вопроса онъ, вмѣстѣ съ кн. Мещер-
имъ и Цертелевымъ, указывалъ на предстоящую порчу нра-
въ (наипаче „отъ наплыва евреевъ“). Очевидно, хитроумный
иссъ русской печати проникся вѣскимъ указаніемъ пред-
дателя и сразу отдалъ дань обоимъ противоположнымъ мнѣ-
мъ: одному онъ принесъ въ даръ свою аргументацію, дру-
му—свое (платоническое) голосованіе...

Какъ жаль, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ не проникся
мъ же соображеніемъ съ самаго начала засѣданій... Тогда
прозаическое упражненіе въ россійской словесности могло
(при томъ безъ всякихъ „вредныхъ“ послѣдствій) и не
ходить на столь далекое разстояніе отъ его же вдохновен-
хъ стиховъ... Онъ могъ бы даже привлечь на помощь еще
менѣе извѣстные стихи К. Аксакова:

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа.
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода!..
...Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины гибель она,
Спасенье для лжи и порока.

И въ этомъ случаѣ никакой опасности для „представителей
вныхъ вѣдомствъ“, о которыхъ такъ безпокоился поэтъ,—
предстояло бы...

Мартъ 1905 г.

Національнизмъ, гуманность, нагайка, война.

Недавно, при открытіи „Русскаго собранія“, наши „н ціоналисты“ сдѣлали нѣсколько наивнѣйшихъ по своей с кровенности признаній. Между прочимъ, одинъ изъ столпо „Новаго Времени“, г-нъ Петербуржецъ, нимало не обинуяс противопоставилъ національнизмъ и гуманитаризмъ, какъ течен прямо *враждебныя*, отдавая, разумѣется, всѣ свои симпат національнизму противъ „человѣчности“ *). Мы не знаем были ли вполнѣ довольны другіе руководители „Нова Времени“ этой милой откровенностью своего сотоварищ несомнѣнно, однако, что г-нъ Петербуржецъ, вольно или н умышленно, вскрылъ одну изъ характернѣйшихъ чер воинствующаго національнизма. Это дѣйствительно нача антигуманитарное, то есть противочеловѣчное, и если нужны были доказательства, то событія, происходящія Востокѣ, несутъ ихъ въ удручающемъ изобиліи.

Вотъ черточка изъ „подготовительнаго періода“, котор мы извлекаемъ изъ журнальнаго архива. Незадолго до вой въ 1903 году, какой-то сибирскій „патріотъ своего отечеств издалъ особое руководство, называвшееся: „Сибирскій пе водчикъ по линіи строящихся Сибирской и Уральской ж дорогъ“. Въ то время многія газеты отмѣтили этотъ св образный образецъ національнистской филологіи, въ которо авторъ, въ числѣ „нужнѣйшихъ словъ“ для водворенія р ской культуры и русской національной идеи на Восто рекомендовалъ въ большомъ изобиліи слѣдующія: брани бушевать, дать пощечину, драть, дуть, душить, заковывать кандалы, зудить (!), изувѣчить, класть клеймо, колотить, кр пускать, крошить, лишать свободы, обдирать, обыскива окровавить, повѣсить, разгромить, раззорить, разложи

*) „Новое Время“, № 9053.

ссылать (разумѣется „административно“?..), сѣчь розгами, топтать ногами, тузить, ударить и т. д., и т. д. Какъ видите, авторъ очень заботился о выразительности и полнотѣ лексикона, который съ большимъ удобствомъ могъ бы быть сведенъ на краткую формулу щедринскаго помпадура Брудастаго: раззорю, не потерплю.

Не слѣдуетъ думать, однако, что авторъ имѣлъ въ виду одну узкую „пользу“ отъ своего „руководства“. Не мало также занимали его и термины, выражающіе рядъ пріятныхъ ощущеній носителей русской идеи. Въ этихъ видахъ онъ далъ слѣдующія „нужнѣйшія слова“: безчещу, безчинствую, блюю (!), валяюсь, наслаждаюсь, бѣшусь (!) насыщаюсь, обжираюсь, пью невоздержно, тучнѣю и (даже!) лопаюсь!.. Затѣмъ: выманиваю, выпрашиваю, граблю, захватываю, надуваю, отнимаю насильно, хапаю (!). Отдѣлъ приказаній содержалъ въ себѣ слѣдующій рядъ повелительныхъ наклоненій: бей, вяжи, держи, повали, отними, разбей, разорви, ударь, провались сквозь землю, отдай мнѣ свою дочь (!!), подай водки, дай это даромъ (!), умри!..

Въ предисловіи къ этой замѣчательной книгѣ авторъ скромно изъявилъ свою радость о томъ, что „и *Сибирскій переводчикъ* можетъ принести пользу, какъ при постройкѣ Сибирской жел. дороги, такъ и при очисткѣ прилегающихъ къ ней мѣстностей; въ сношеніяхъ съ инородцами при различныхъ обстоятельствахъ — и наша микроскопическая лепта тоже падаетъ въ сокровищницу Великой Сибирской дороги“... И мы увѣрены, что почтенный авторъ, къ сожаленію, скрывшій зачѣмъ-то свою фамилію, нимало не преувеличилъ значеніе своего труда: весь этотъ лексиконъ, какъ это нынѣ всѣмъ извѣстно, получилъ самое широкое распространеніе: враждебная воинствующему націонализму „человѣчность“ была въ очень значительной мѣрѣ устранена въ области сношеній съ китайцами и манджурами, а на ея мѣсто выступили внушительные термины, которые должны были выразить „силу русскаго имени“ и содѣйствовать его престижу.

Націонализмъ въ этомъ отношеніи создалъ свою теорію, согласно которой инородцы *любятъ*, чтобы ихъ били по зубамъ, и уважаютъ только тѣхъ, кто умѣетъ бить покрѣпче. „Уваженіе азіата, это—страхъ“,—такова была эта несложная теорія, принятая всей націоналистской прессой за аксіому. Въ газетѣ „Сѣверный Курьеръ“ было какъ-то разсказано о замѣчательной фотографической группѣ, на которой инженеръ-строитель великаго восточнаго пути былъ снятъ со своими

сподыжниками. У ногъ великихъ людей валялись головы китайцевъ. Газета въ то время потерпѣла за вторженіе въ „частную жизнь“ великаго человѣка административную кару. Аргументъ, въ своемъ родѣ тоже сильный... въ азіатскомъ вкусѣ. Публику онъ, конечно, не удовлетворилъ, но г-нъ инженеръ, повидимому, почувствовалъ себя вполнѣ реабилитированнымъ: иного опроверженія этого газетнаго извѣстія мы не помнимъ. Въ „Русскомъ Богатствѣ“ (ноябрь 1899 г., II отд., стр. 194) былъ разсказанъ эпизодъ изъ дѣятельности г-на Юговича, въ которомъ этотъ инженерный носитель русской идеи (ждущій еще исторической оцѣнки отъ ближайшаго будущаго) выступалъ въ роли сатрапа, выславшаго *административно* (!) одного изъ младшихъ инженеровъ, г. Ліапина, позволившаго себѣ заступиться за китайцевъ-рабочихъ („азіаты“, вѣроятно, *не любятъ*, чтобы заступались за ихъ права)...

Само собою разумѣется, что, когда „подготовительный періодъ“ кончился и пришло время подвести итоги „патріотической“ дѣятельности,—черты столь старательно взращеннаго націонализма выступили съ особенной силой. Многіе корреспонденты пытались указывать въ своихъ письмахъ на роль родной нагайки и при объясненіи съ мирными китайцами, и при иныхъ „расплатахъ“ съ ними, но, конечно, эти сообщенія, особенно вначалѣ, зачеркивались военной цензурой. Очевидно, гг. корреспонденты не знали, какъ именно слѣдуетъ писать объ этомъ деликатномъ предметѣ—и брали не надлежащій тонъ. Секретъ нашелъ извѣстный (плагіатами) г. Гейнце, который отправился на войну, чтобы отдохнуть тамъ отъ тяжкихъ трудовъ по списыванію для г. Комарова чужихъ историческихъ романовъ. „Ничуть не рисуясь,—писалъ онъ въ „Петерб. Газетѣ“, тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто,—могу сказать, что спокоенъ (sic) и бодръ“. Это и понятно: вредная человѣчность (гуманитаризмъ) мѣшаетъ человѣку быть радостно спокойнымъ среди потоковъ человѣческой крови, но „націонализмъ“, чуждый и даже „враждебный“ человѣчности, въ этомъ отношеніи укрѣпляетъ нервы. Бросивъ затѣмъ мимоходомъ грязную выходку противъ евреевъ-врачей и сообщивъ съ тѣмъ же радостнымъ спокойствіемъ, что „русскій солдатъ можетъ безъ пищи и воды стоять и биться не только два дня, но и сколько прикажутъ“ *), г. Гейнце съ полной беззаботностью сообщаетъ, какъ онъ лично расплачивался съ рикшами. Сначала,—признается онъ,—я испыты-

*) „Петерб. Газ.“. Цит. изъ „Южн. Обозрѣнія“, 19 іюня 1914 г.

валъ чувство жалости къ двуногимъ конямъ. Но скоро—„это чувство прошло, и я спокойно сижу въ колясочкѣ, тѣмъ болѣе, что за одинъ конецъ надо платить рубль, да еще съ перспективой услышать: „мало, капитанъ, мало“. Но тутъ ужъ,—заканчиваетъ нашъ „списатель“, — „прибавка идетъ обыкновенно при краснорѣчивомъ участіи нагайки—въ рукахъ ее имѣть здѣсь необходимо (sic),—китайцы успокоиваются“ *)...

Когда человѣкъ такъ радостно сообщаетъ свѣдѣнія о себѣ, то, конечно, никто не заподозритъ его въ „зломъ умыслѣ“, когда онъ описываетъ тѣ же подвиги другихъ „во славу русскаго имени“. И г-нъ Гейнце въ теченіе нѣкотораго времени посылалъ въ „Петерб. Газету“ свои „письма гунна“ о разныхъ гуннскихъ подвигахъ, а „Петербургская Газета“ ихъ столь же радостно печатала, доставляя, такимъ образомъ, непосредственный матеріалъ для бытовой исторіи этой ужасной войны...

Теперь другой корреспондентъ, В. И. Немировичъ-Данченко, вернулся на время съ Дальняго Востока и бесѣдуетъ о тѣхъ же предметахъ въ „Русск. Словѣ“, разумѣется, уже въ другомъ тонѣ и съ другой точки зрѣнія, очень далекой отъ взглядовъ г-на Гейнце. По странной парадоксальности нашей русской жизни, г-ну Немировичу-Данченко пришлось удалиться на тысячу верстъ отъ мѣста дѣйствія, чтобы сообщить наиболѣе характерныя черты описываемаго явленія. Какъ бы то ни было, о роли „нагайки“, какъ высшаго орудія въ обращеніи съ мирными жителями, онъ сообщаетъ свѣдѣнія очень краснорѣчивыя: „Мы всюду,—пишетъ онъ,—считаемъ нагайку какою-то универсальною панацеей. Пріѣзжаетъ офицеръ, ни слова не понимающій по-китайски, въ деревню. Казакъ съ нимъ тоже иногда и по-русски не умѣетъ: бурятъ. Давай допрашивать китайца, — какъ называется поселокъ. Манза ничего сообразить не можетъ, лупитъ раскосые глаза на капитана, улыбается изъ учтивости по мѣстному правилу,—а нашему кажется, что онъ надъ нимъ смѣется.

„— Ты мнѣ отвѣтишь, наконецъ, каналья? — Ну, и нагайка въ ходъ.

„Ищутъ гаоляна, теленка, яицъ. У манзы нѣтъ... „Прячетъ! И за деньги не продастъ!“ И опять тотъ же пріемъ“... „Я думаю, — заключаетъ это описаніе г-нъ Немировичъ-Данченко,—во всей Манджуріи не осталось китайской спины, которую не полосовали бы казацкія нагайки“ **).

*) „Петерб. Газ.“. Цит. изъ „Нижег. Листка“. № 194, 1904 г.

**) „Р. Слово“. Цит. изъ „Сибирскихъ Вѣд.“ 16 апр. 1905 г., № 94.

Краснорѣчивое заключеніе... Многіе лѣтописцы войны отмѣчаютъ чрезвычайное добродушіе и незлобивость китайскаго населенія. Они мирно жили и работали въ поляхъ, когда къ нимъ пришли чужіе люди, считающіе себя въ правѣ топтать ихъ посѣвы, разрушать ихъ жилища и разговаривать съ ними при посредствѣ нагаекъ, только потому, что одна сторона не понимаетъ по-русски, а другая пользовалась для развѣдокъ „нужнѣйшими словами“ въ родѣ: дуть, душить, драть, повѣсить, разгромить и т. д.

Несомнѣнно, что страхъ мирное населеніе должно было почувствовать сильный, но полезенъ ли былъ этотъ страхъ для развѣдокъ и движеній среди этого запуганнаго населенія,—это вопросъ, теперь уже, кажется, окончательно рѣшенный. При всей незлобивости и кротости злополучныхъ манзъ, едва ли можно думать, чтобы они относились съ особенной любовью къ нашему знаменитому г-ну Гейнце, когда онъ „успокаивалъ“ ихъ нагайками, или чтобы они особенно желали успѣха ему и другимъ, кто прибѣгалъ къ такому же средству. Въ этомъ многіе уже видятъ одну изъ причинъ признанной слабости нашей развѣдочной службы. Нѣтъ сомнѣнія, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сочувствіе населенія было на той сторонѣ, которая обращалась съ нимъ мягче... И кто теперь сосчитаетъ, сколько русскихъ жизней, быть можетъ совершенно неповинныхъ, ушло на расплату за долго внѣдрявшееся націоналистское высокомѣріе и презрѣніе къ чужой личности, человѣческому достоинству, вѣрѣ... Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что радостные жесты нагайкой г-на Гейнце и ему подобныхъ „патріотовъ“ тоже прямо или косвенно стоили намъ нѣсколько десятковъ солдатскихъ жизней.

Вообще, кажется, наша родная нагайка явилась недурной союзницей японцевъ въ горахъ и равнинахъ Манджуріи, а воинствующій націонализмъ, для котораго она служитъ лучшей эмблемой,—ударилъ насъ съ двухъ сторонъ: онъ внушалъ намъ излишнюю самонадѣянность и ослѣпленіе и вооружилъ противъ насъ многихъ, прямо не замѣшанныхъ въ этой гибельной и ненужной войнѣ...

1905 г.

Морской штабъ «на мирномъ положеніи».

Н. А. Демчинскій въ „Словѣ“ рисуетъ жанровую картинку, которая отъ нашихъ тревожныхъ дней, послѣ Портъ-Артура, Ляояна, Мукдена и Цусимы, переноситъ воображеніе къ добрымъ старымъ временамъ до-реформенной обломовщины. Вы, конечно, помните: „можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить живой души“... И далѣе: „это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ не побѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти“... Это изъ Гончаровскаго „Обломова“ *).

Теперь послушайте, что разсказываетъ г. Демчинскій уже прямо съ натуры. Извѣстно, что г. Демчинскій — человѣкъ предпріимчивый и безпокойный. Одно время онъ весь былъ поглощенъ предсказаніями погоды, которая, однако, рѣшительно не оправдала его ожиданій. Послѣ этого онъ обратилъ свое вниманіе на предметы, болѣе доступные человѣческому воздѣйствію. Онъ составлялъ проекты реформъ, писалъ о войнѣ, порицалъ Куропаткина и, хотя, какъ русскій человѣкъ, не могъ обойтись безъ неумѣренныхъ (для равновѣсія) славословій по адресу другихъ генераловъ, но все же въ общемъ, повидимому, нѣсколько ожесточился, и его статьи послѣдняго времени писаны уже не нововременской пряно-патріотической водицей, а уксусомъ и желчью.

Въ такомъ настроеніи г. Демчинскій отправился въ одинъ прекрасный день въ главный морской штабъ, чтобы навести справки по одному дѣйствительно интересному предмету. Дѣло въ томъ, что, по распоряженію главнаго морского штаба, семьи офицеровъ, участвовавшихъ въ цусимскомъ бою, лишены выдававшагося имъ прежде содержанія...

Эта „гуманная мѣра“ практиковалась уже и ранѣе. Въ

*) Полное собраніе сочиненій Гончарова. 1899 г., т. III, стр. 141.

газетахъ много разъ отмѣчались случаи, когда жены офицеровъ узнавали о смерти мужей на поляхъ битвъ именно отъ полковыхъ казначеевъ, которые, „за выбытіемъ изъ строя по случаю смерти“, сразу прекращали осиротѣлой семьѣ содержаніе... Такимъ образомъ, жены и дѣти оставались сразу не только безъ мужей и отцовъ, но также и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Это приказное бездушіе вызывало въ свое время негодованіе всей печати, и въ газетахъ появилось „компетентное сообщеніе“, что противъ него уже приняты соотвѣтствующія мѣры. Мы не знаемъ въ точности, какъ отразились эти мѣры на сухомъ пути, но относительно семей моряковъ вліяніе ихъ выразилось въ формахъ довольно неожиданныхъ: прежде шла рѣчь о лишеніи содержанія семей офицеровъ, завѣдомо убитыхъ; теперь, послѣ цусимскаго боя, содержаніе прекращено и семьямъ живыхъ. Штабъ знаетъ достовѣрно, что погибло „много“, но такъ какъ ему неизвѣстно, кто именно остался въ живыхъ, то „для большей вѣроятности“ перестали выдавать всѣмъ. Кто окажется живъ, тому предоставляется доказывать законнымъ порядкомъ, что онъ не умеръ...

Гуманная экономія коснулась, между прочимъ, и родственницы г-на Демчинскаго, почему послѣдній отправился за справками въ канцелярію главнаго морского штаба. Здѣсь онъ, разумѣется, прежде всего обратился къ курьеру, съ которымъ и произошелъ у него нижеслѣдующій замѣчательный діалогъ, достойный занесенія на страницы исторіи:

— Кто начальникъ штаба? — спрашиваетъ г. Демчинскій.

— Рождественскій.

— Онъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ... Въ Японіи.

Тутъ только, говоритъ г. Демчинскій, я сообразилъ, о какомъ Рождественскомъ идетъ рѣчь. До этого я никакъ не могъ совмѣстить эти двѣ должности.

— Ну, а теперь кто же начальникъ штаба?

— Адмиралъ Безобразовъ.

— Онъ тутъ?

— Никакъ нѣтъ, они въ отпуску.

— Да кто же теперь-то начальникъ? — спросилъ г. Демчинскій, уже съ понятной досадой.

— Адмиралъ Вирениусъ.

— Онъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. Третій день съ дачи не пріѣзжали.

— Да что ты: шутишь, что ли?

— Помощникъ ихній...

— Кто помощникъ?

— Адмиралъ... (фамилію г. Демчинскій не разслышалъ).

— Здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. И они не пріѣзжаютъ.

— Да кто же, чортъ возьми (грубо, но... понятно), пріѣзжаетъ?

— Второй помощникъ, адмиралъ Нидермиллеръ. Только... они тоже ушли...

— Ну, дай мнѣ адъютанта штаба!

— Старшій адъютантъ Зилотти...

Припоминаемъ, — кажется г-нъ Зилотти нѣсколько извѣстенъ литературѣ: въ похвальномъ рвеніи онъ выступалъ на защиту своего начальства противъ нападокъ капитана Кладо, при чемъ нѣсколько превысилъ мѣру усердія и подвергся даже взысканію... Весьма понятно, что... на вопросъ г-на Демчинскаго: „Ну, вотъ, давай Зилотти!“ — послѣдовалъ опять тотъ же неизмѣнный отвѣтъ:

— Ихъ нѣтъ-съ... Можетъ быть, въ третьемъ часу... иногда заѣзжаютъ...

— Такъ съ кѣмъ же мнѣ говорить-то? — спрашиваетъ г. Демчинскій въ отчаяніи.

— Только вотъ дежурный чиновникъ.

Дѣйствительно, „въ пріемную вошелъ утомленный коллежскій регистраторъ и подошелъ къ очередной дамѣ. Но тутъ, — говоритъ г. Демчинскій, — я наступилъ ему на горло...“ — и только послѣ этого энергичнаго воздѣйствія г-ну Демчинскому удалось узнать, что *„жалованіе семьямъ офицеровъ не платятъ потому, что нѣтъ донесенія о цусимскомъ боѣ отъ старшаго адмирала*, а потому канцелярія не знаетъ, кто живъ и кто погибъ“ (!).

— Да вѣдь вы же сообщили списки въ газетахъ!

— Да, но это по японскимъ и французскимъ свѣдѣніямъ, которыя не могутъ служить оправдательнымъ документомъ передъ контролемъ *)!..

Превосходная система контроля и замѣчательное отношеніе къ „иностраннымъ источникамъ“. Прекратить выдачу содержанія многимъ семьямъ на основаніи этихъ источниковъ — можно. Но возстановить хоть одной семьѣ — нельзя... Удивительно, что при столь экономическомъ контролѣ нашъ побѣжденный флотъ стоилъ всетаки въ 1½ раза дороже побѣдоноснаго японскаго...

Г. Демчинскій выражаетъ желаніе, чтобы г. морской министръ „хоть разъ попалъ въ главный штабъ просителемъ“...

*) „Слово“. Заимствуемъ изъ „Спб. Вѣд.“ 21 авг. 1905, № 201.

Истинно россійское упованіе на министровъ Гарунъ-аль-Рашидовъ... А между тѣмъ, — что бы произошло, если бы г. военный министръ, хотя бы даже переодѣвшись капитаномъ Копѣйкинымъ, испыталъ на себѣ всѣ терніи „просительства“ въ штабахъ? Очень можетъ быть, что мы прочитали бы еще одинъ приказъ, обличающій съ бюрократическихъ высотъ канцелярскіе порядки и вмѣстѣ рисующій мудрую бдительность высшаго начальства... И только. Бывало вѣдь это много разъ, и приказы писались многократно. Мнѣ вспоминается читанный гдѣ-то разсказъ о томъ, какъ еще Петръ Великій объѣхалъ однажды присутственныя мѣста, спустя два часа послѣ законнаго срока для начала занятій, и не засталъ „господъ присутствующихъ“ на мѣстахъ. Петръ Великій! Не адмиралу Бирилеву чета! И приказы онъ писалъ, какъ извѣстно, очень выразительно. Напримѣръ: когда бригадиръ Трубецкой и его товарищъ Исаевъ промедлили два года съ исполненіемъ порученнаго имъ дѣла, то Петръ послалъ имъ указъ съ угрозою: и „ежели сихъ дѣлъ не учините въ 5 мѣсяцевъ или полгода, то ты (Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ *работу каторжную* посланы“ *). Кажется, довольно сильно, но тогда бывало и еще сильнѣе. Напримѣръ, въ 1711 году, вице-губернатору гор. Москвы Ершову обѣщано было отъ сената: „и черевы на кнутьяхъ выметать“ **)... Однако канцелярскіе нравы плохо исправлялись канцелярскими же воздѣйствіями и угрозами, такъ что преемникамъ Петра приходилось, въ свою очередь, неустанно прибѣгать къ весьма своеобразнымъ мѣрамъ. Такъ, въ 1734 году Мельгуновъ рапортомъ доносилъ о медленности губернаторовъ и воеводъ, — „коимъ въ 1732 и 1733 г. послано по 12 указовъ и, сверхъ того, подано на нихъ въ сенатъ 3 доношенія, и по опредѣленіямъ сенатскимъ послѣдовало 3 указа“, и по тѣмъ указамъ „велѣно тѣхъ *губернаторовъ* и воеводъ за неприсылку рапортовъ держать *подъ карауломъ*, а секретарей и подъячихъ *въ оковахъ*“ (!). Но... и послѣ сего рапортовъ все же не прислано ***), и волокита тянулась та же, и никакіе грозные указы не могли побѣдить непобѣдимую канцелярскую бездѣятельность...

Съ тѣхъ поръ прошло два столѣтія... Никогда еще, кажется, не было ничего подобнаго тому, что пережила Россія на Дальнемъ Востокѣ. И что же? Все быстро вошло въ колею. Даже громъ цусимской канонады, возвѣстившей всему міру гибель

---

*) Соловьевъ, 1-е изданіе Исторіи, т. XVII, стр. 178.
**) Ib. XVI, 182.
***) Ib. XX, 186.

цѣлаго флота, и небываломе торжество противника надъ русскимъ флагомъ, — ничто не могло преодолѣть „ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти“ въ обломовскихъ канцеляріяхъ военной бюрократіи. Флотъ побѣжденъ, порядки морского штаба устояли! На безпримѣрныя пораженія главный морской штабъ реагировалъ немедленнымъ и огульнымъ прекращеніямъ содержанія семьямъ и живыхъ, и плѣнныхъ, и убитыхъ офицеровъ безъ разбору, — а самъ... перешелъ на мирное дачное положеніе...

И вотъ, въ военной канцелярской пустынѣ бродитъ безпокойный партикулярный человѣкъ Н. А. Демчинскій, заступаясь за права „ошибочно не погибшихъ“ офицеровъ, и въ раздраженіи восклицаетъ:

— Да кто же, наконецъ, сюда, чортъ возьми, пріѣзжаетъ? Давайте мнѣ кого-нибудь... кого хотите, но давайте...

И на эти отчаянные вопли, точно блѣдное сновидѣніе изъ глубины соннаго царства, выходитъ... „утомленный коллежскій регистраторъ“, унылое олицетвореніе порядка, при которомъ, по безсмертному выраженію Николая I, „всѣмъ въ странѣ правитъ столоначальникъ“...

Понятно, что и онъ, бѣдняга, утомился до смерти...

Въ заключеніе, маленькое газетное сообщеніе изъ области той же военной экономіи: „Слово“ сообщаетъ, что генер.-лейт. Сахаровъ, при оставленіи поста военнаго министра, получилъ для переѣзда съ казенной квартиры на частную — 15 тысячъ рублей! Новый военный министръ, ген.-лейтен. Редигеръ, для переѣзда съ одной казенной квартиры на другую, казенную же (съ Исаакіевской площади на Мойку, 67), получилъ 10.000 рублей. Назначенный на новую должность начальника генеральнаго штаба, генер.-лейт. Палицынъ получилъ для переѣзда съ одной казенной квартиры на другую, казенную же, 10 тысячъ рублей...

Это извѣстіе, первоначально оглашенное въ „Словѣ“, я заимствую уже въ перепечаткѣ изъ провинціальнаго „Южнаго Слова“ (отъ 27 авг., № 60). Разумѣется, это только „газетныя извѣстія“, и навѣрное тотъ самый контроль, котораго такъ боится коллежскій регистраторъ морского штаба, имѣетъ по этому предмету самыя точныя свѣдѣнія, исходящія на сей разъ уже не изъ однихъ только японскихъ и французскихъ источниковъ...

Но — и россійскій контроль давно и безповоротно тоже... отправился на дачу...

1905 г.

ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Въ настоящее время многіе изъ жителей города получаютъ по почтѣ анонимныя письма.

Письма эти или никѣмъ не подписаны, или подписаны какими-нибудь кличками, за которыми авторы ихъ скрываютъ свои настоящія имена и фамиліи. Наполнены они большею частью безобразными ругательствами и угрозами, и потому понятно, что пишущимъ стыдно въ нихъ признаваться...

Обыкновенно на такія произведенія не отвѣчаютъ. Но на этотъ разъ я хочу дать печатный откликъ на одно изъ такихъ писемъ, которое я получилъ 26 октября. Въ немъ тоже есть ругательства, хотя адресованныя не мнѣ лично, а другимъ, есть голословныя обвиненія, есть и угрозы. Но всетаки я встрѣтилъ въ немъ *долю* истины; а истина имѣетъ свою цѣну, гдѣ бы она ни попадалась...

При томъ же письмо всетаки подписано, хотя и не полно. Подъ нимъ стоитъ: „Житель окраины, Тарасъ“.

Итакъ, я отвѣчаю жителю окраины, Тарасу.

Въ письмѣ есть такое мѣсто:

„Мы—теперь несчастный народъ... Мы живемъ въ грязи, на плечахъ таскаемъ дрова, дѣтей нельзя послать въ школу, дороговизна невѣроятная“...

Вотъ это и есть правда въ письмѣ.

Да, дѣйствительно, не только въ нашемъ городѣ, но и въ другихъ городахъ, не исключая столицъ,—на окраины обращается гораздо меньше вниманія, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, и въ то время, когда центры городовъ вымощены, освѣщены, пользуются удобствами,—окраины, населенныя бѣднотой, то-

нутъ въ грязи и темнотѣ физической и духовной... И эта духовная темнота приводитъ къ тому, что наряду съ правдой и въ вашемъ письмѣ, житель окраины Тарасъ, есть обѣщанія „засучить рукава", „съѣхать въ морду" и т. д.

И мы видимъ, что эти угрозы во многихъ мѣстахъ приводятся въ исполненіе: города разгромлены, дома погорѣли, много людей побито и изувѣчено... Есть не мало такихъ жителей и нашего города, которые этому радуются...

Теперь подумайте сами, житель окраины Тарасъ: много ли будетъ толку отъ того, что вы одному, другому, третьему закатите въ ухо или разобьете нѣсколько еврейскихъ лавокъ? Станетъ ли вамъ отъ этого теплѣе, свѣтлѣе, лучше? Уменьшится ли дороговизна, легче ли будетъ вашимъ дѣтямъ ходить въ школу?

Нѣтъ. И вамъ, и другимъ жителямъ окраинъ станетъ хуже, еще темнѣе и холоднѣе, а товары непремѣнно еще сильнѣе вздорожаютъ, потому что много ихъ можетъ погибнуть безполезно... Нужда ваша останется та же, но когда вы послѣ этого заговорите о ней, то вашъ голосъ не будетъ имѣть цѣны, потому что при этомъ люди скажутъ: „это говорятъ тѣ самые, что еще недавно громили и буйствовали, раззоряя такихъ же бѣдняковъ, какъ сами".

Въ нѣсколькихъ городахъ и мѣстечкахъ нашей и другихъ губерній были такіе погромы. Спросите же пріѣзжающихъ оттуда,—лучше ли имъ стало жить, подешевѣли ли послѣ погрома продукты, легче ли находить работу? И они вамъ навѣрное отвѣтятъ:

— Жить послѣ погромовъ стало хуже. Много сгорѣло домовъ и лавокъ, все вздорожало. Лучше, пожалуй, тѣмъ, кто успѣлъ награбить и припрятать въ дни пожаровъ и буйства. Да и тѣ—или попали всетаки въ тюрьмы, или уже пропили награбленное.

Но васъ, *житель окраины*, и многихъ вашихъ сосѣдей я не хочу считать грабителями. Вы только довольно темный и озлобленный своимъ печальнымъ положеніемъ человѣкъ, но всетаки житель, обыватель своего города... А такимъ жителямъ, и особенно бѣднымъ, всего хуже приходится и во время погромовъ, и послѣ нихъ...

— Такъ что же дѣлать?—спросите вы.

Я и началъ эти письма съ намѣреніемъ сказать и вамъ, и другимъ жителямъ окраинъ, и вообще бѣднѣйшему люду, что имъ надо теперь дѣлать. Если вы прочтете это первое письмо и захотите послушать дальше, то я продолжу свои бесѣды. Пока скажу только, чего *не надо* дѣлать. Не надо

ни громить и буйствовать, ни даже поощрять такія дѣла, но не надо и сидѣть, сложа руки, и ждать, что кто-то все должень за насъ сдѣлать. Надо крѣпко и разумно подумать о своихъ дѣлахъ и искать такого пути, который можетъ принести дѣйствительную пользу.

Такой путь теперь открывается. Я не стану васъ обманывать: дѣло предстоитъ трудное, и на пути улучшенія всей жизни стоитъ еще много препятствій. Но можно добиться, что вскорѣ всѣ почувствуютъ нѣкоторое облегченіе... А дѣтямъ вашимъ уже навѣрное жить будетъ свѣтлѣе и лучше.

Гдѣ лежитъ этотъ путь, какъ и чего надо добиваться сейчасъ же, объ этомъ я и хочу сказать въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Итакъ, что же нужно дѣлать всѣмъ,—въ томъ числѣ каждому жителю окраины, чтобы начать улучшать свое положеніе и приготовить лучшее будущее своимъ дѣтямъ?

Отвѣчаю: *нужно стать гражданиномъ.*

Да, нужно стать гражданиномъ, во-первыхъ, своего города и, во-вторыхъ, всего своего отечества.

Что же это значитъ,—скажете вы мнѣ,—и почему я, житель окраины, не былъ до сихъ поръ гражданиномъ своего отечества, если я, какъ и всѣ, работаю, тяжкимъ и полезнымъ трудомъ добываю свой хлѣбъ, плачу косвенные и прямые налоги и своему городу, и своей губерніи, и всему государству?

Этого всего,—отвѣчу я,—мало, чтобы имѣть право на названіе гражданина.

Гражданинъ въ лучшемъ, истинномъ значеніи этого слова,—не то, что простой *житель*.

Простой житель можетъ работать, какъ волъ, съ него могутъ взимать платежи, онъ будетъ болѣе или менѣе исправно вносить ихъ, хотя со вздохомъ и проклятіями, и всетаки онъ будетъ только *житель*, если онъ не принимаетъ участія въ общегражданской жизни и не старается повліять на ея ходъ. Тотъ не гражданинъ *своего города*, кто не заботится и не имѣетъ вліянія на ходъ дѣлъ *въ своемъ городѣ*. Тотъ не гражданинъ *своего отечества*, кто не имѣетъ и не стремится имѣть вліяніе на ходъ дѣлъ въ *своемъ отечествѣ*. И въ этомъ смыслѣ въ Россіи до сихъ поръ было очень мало истинныхъ гражданъ.

И потому о нашемъ отечествѣ справедливо говорили во всемъ свѣтѣ, что у русскаго народа нѣтъ гражданскихъ правъ. Русскіе люди дѣлали каждый свое домашнее дѣло, выполняли

свои чиновничьи должности, или свое ремесло, или свою наемную службу, или работу, но каждый шелъ своею бороздою, какъ подъяремный волъ. И рѣдко кто подымалъ глаза кверху, чтобы обдумать: „все ли хорошо дѣлается не только въ моей хатѣ, но также и во всемъ городѣ, въ губерніи и еще болѣе: во всемъ государствѣ". А кто объ этомъ задумывался и замѣчалъ, что дѣлается въ общенародномъ хозяйствѣ много нехорошаго, того считали безпокойнымъ человѣкомъ и расправлялись съ нимъ безъ суда.

И оттого русскій народъ, огромное его большинство,—не получилъ привычки думать, говорить и дѣйствовать на пользу всего отечества.

Все вершило одно чиновничество въ государственныхъ дѣлахъ, а если были допущены къ сельскому, городскому и земскому самоуправленію выборные люди, то, во-первыхъ, надъ ними стояли тѣ же чиновники, которые, по приказу своего высшаго начальства, зорко смотрѣли, чтобы эти выборные думали и говорили только о *своей* деревнѣ, о *своей* волости, о *своемъ* городкѣ, о *своемъ* уѣздѣ, отнюдь не касаясь общихъ государственныхъ порядковъ, то есть не думали бы и не говорили въ собраніяхъ о всемъ своемъ отечествѣ. Всякая попытка этихъ людей обсудить положеніе и порядки всего отечества всегда считалась „крамолой". Доходило до того, что, когда земства сосѣднихъ губерній хотѣли устроить съѣздъ для обсужденія общихъ мѣръ борьбы съ голодомъ, съ падежомъ скота, съ саранчой, то и это не всегда дозволялось: высшіе чиновники, всевластно и безотчетно управлявшіе страной, опасались, что на съѣздахъ начнутъ говорить не только о саранчѣ, но и о недостаткахъ чиновничьяго управленія, что, конечно, и могло случиться.

Такимъ образомъ, выходило, что даже тѣ люди, которые были выбираемы населеніемъ для управленія уѣзднымъ или городскимъ хозяйствомъ, были, пожалуй, *гражданами* уѣзда и города. Но гражданами *всего отечества* не были, потому что не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣлъ въ управленіи *всѣмъ отечествомъ*.

Но, кромѣ этого, былъ и еще одинъ большой недостатокъ. Даже эти *полуграждане*, выборные уѣздныхъ и городскихъ самоуправленій, не были представителями *всего* населенія своего города или уѣзда. И это потому, что они избирались не *всѣми жителями*, а только богатѣйшими: отъ этого въ земства уѣздное и губернское попадаютъ почти одни помѣщики, а отъ крестьянъ гласныхъ развѣ очень немного, да и то тѣ, кого одобряютъ гг. земскіе начальники. А въ город-

ской думѣ сидятъ крупные домовладѣльцы. Правда, и земство, и думы всетаки дѣйствуютъ нѣсколько лучше, чѣмъ если бы хозяйничали одни чиновники. А главное, они засѣдаютъ открыто, публично, и ихъ дѣйствія можно обсуждать въ газетахъ. Но все же они, даже при всей добросовѣстности, лучше понимаютъ интересы свои и своихъ близкихъ, чѣмъ нужды и желанія той бѣдноты, которая не можетъ ни выбирать въ думу, ни выбираться. И вотъ, между прочимъ, почему центры всѣхъ городовъ растутъ и украшаются, а окраины тонутъ въ темнотѣ и грязи, вотъ почему не всегда достаточно школъ для бѣдноты, вотъ почему не вполнѣ справедливо распредѣлены налоги, и вотъ откуда много другихъ золъ, въ томъ числѣ и ваше озлобленіе. Вы видите, что дѣлается не такъ, какъ слѣдуетъ, но причины найти не умѣете. Видите, что кто-то тутъ виноватъ, но не можете догадаться, кто именно. И, главное, вы не знаете, что же именно вамъ дѣлать, чтобы стало лучше.

Теперь, кажется, отвѣтъ довольно ясенъ: вамъ и всѣмъ обездоленнымъ, всѣмъ, кому теперь темно, голодно, холодно, кто скорбитъ о томъ, что его дѣти растутъ въ физической и духовной тьмѣ, безъ необходимыхъ человѣку удобствъ и безъ просвѣщенія, нужно стремиться стать *гражданами* и своего *города*, и, главное, также *всего* своего отечества. Нужно осмѣлиться поднять глаза кверху и посмотрѣть внимательно: все ли было у насъ хорошо и вблизи, и вдали, и за что нужно намъ приняться, чтобы было лучше.

И это именно происходитъ теперь по всей Россіи. Всѣ поняли, что было у насъ очень плохо внутри страны, а послѣдняя война показала во-очію, что наши порядки сдѣлали насъ слабыми и ничтожными также и въ военномъ дѣлѣ. Жить такъ дальше всѣмъ уже кажется невозможнымъ, и вотъ откуда такая смута и борьба во всей странѣ: русскіе люди не хотятъ больше вѣрить одному самовластному высшему чиновничеству. Русскіе люди хотятъ сами стать *гражданами* и имѣть голосъ въ рѣшеніи судьбы своего отечества.

При такихъ обстоятельствахъ въ нынѣшнемъ 1905 г. появились два царскихъ манифеста. Первый отъ 6 августа призывалъ *часть* русскаго народа для *совѣта* въ государственныхъ дѣлахъ, однако безъ права издавать законы и провѣрять дѣйствія высшаго чиновничества. Второй, отъ 17 октября, уже *обѣщаетъ* русскимъ людямъ право дѣйствительнаго гражданства. Въ слѣдующемъ письмѣ я вкратцѣ познакомлю васъ съ значеніемъ этого важнаго государственнаго акта, а затѣмъ перейду къ тому, какъ намъ всѣмъ, въ томъ числѣ и вамъ, жителямъ окраинъ, осуществить свои гражданскія права и какъ за это приняться.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Послѣднее письмо я закончилъ обѣщаніемъ остановиться на значеніи манифеста 17 октября.

Значеніе это очень велико отчасти тѣмъ, *что* манифестъ уже даетъ, но еще болѣе тѣмъ, что онъ *обѣщаетъ* русскому народу.

А обѣщаетъ онъ, во-первыхъ, *права человѣка* и, во-вторыхъ, *права гражданина*. Отнынѣ за русскими людьми признано право на участіе въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ нашего отечества, и мы изъ простыхъ *жителей* должны стать *гражданами*.

Эти обѣщанія русскаго царя русскому народу изложены въ трехъ пунктахъ. Самый основной изъ нихъ есть пунктъ третій, который гласитъ:

„3) установить, какъ незыблемое правило, чтобы *никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія государственной думы*, чтобы *выборнымъ отъ народа* обезпечена была возможность *дѣйствительнаго* участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей"...

Итакъ, отнынѣ русскій народъ черезъ своихъ выборныхъ долженъ самъ стать законодателемъ въ своемъ отечествѣ. Иначе сказать, царь поступается въ пользу своихъ подданныхъ частью своей монархической власти, той именно частью, которую донынѣ, подъ названіемъ самодержавія, расхищали *высшіе* чиновники, сами издававшіе въ сущности всѣ законы и сами же слѣдившіе за ихъ исполненіемъ... Эти-то приказные законы и привели Россію къ смутѣ, обнищанію, голодовкамъ, междоусобію и несчастной, позорной войнѣ.

Послѣ манифеста 17 октября русская монархія должна превратиться изъ самодержавной, правившей при помощи однихъ только чиновниковъ,—въ монархію народодержавную, призывающую къ участію въ управленіи русскій народъ...

Точнѣе это обозначено въ пунктѣ второмъ, который гласитъ:

„2) не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ государственную думу (по манифесту 6 августа)—привлечь теперь же къ участію въ думѣ по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва думы срока, тѣ классы населенія, *которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ*, предоставивъ за симъ *дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго* права по вновь установленному законодательному порядку".

Вчитайтесь хорошенько въ смыслъ этого пункта, особенно въ первую фразу, которая набрана курсивными буквами. Она говоритъ о тѣхъ классахъ населенія, которые *нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ*. Вотъ здѣсь, житель окраины Тарасъ, вы, надѣюсь, легко отыщете и свое мѣсто. Вы и ваши сосѣди, утопающіе въ темнотѣ, въ грязи, въ холодѣ, во тьмѣ безправія и непросвѣщенія,—именно и есть тѣ люди, которые донынѣ *совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ*. Этихъ правъ долго была лишена и вся Россія. При Александрѣ II наиболѣе состоятельная часть русскаго народа получила полугражданскія права въ городскихъ думахъ и земствахъ. Манифестомъ 6 августа та же, наиболѣе состоятельная часть призывалась уже къ участію (далеко не полному, а только совѣщательному) въ дѣлахъ государственныхъ. Теперь избирательный законъ расширяется. Къ участію, и при томъ полному, въ законодательствѣ и надзорѣ (черезъ своихъ выборныхъ) за дѣйствіями властей манифестъ *обѣщаетъ* призвать уже болѣе широкіе круги населенія. *Цензъ* сильно понижается. Не только владѣльцы большихъ домовъ, но и владѣльцы небольшихъ, не только платящіе дорогую цѣну за квартиры, но и платящіе цѣну среднюю, теперь призываются къ выборамъ...

Вы спросите: „ну, а я, житель окраины, и мои сосѣди, живущіе въ маленькихъ хибаркахъ или совсѣмъ не имѣющіе недвижимой собственности и платящіе только гроши за жалкіе углы въ чужихъ квартирахъ,—призываемся ли и мы къ этому общегражданскому дѣлу, или мы по прежнему остаемся въ числѣ лишенныхъ избирательныхъ правъ?“

Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ нужно отвѣтить, что очень много русскихъ людей изъ самыхъ неимущихъ классовъ и нынѣ еще остаются безправными дѣтьми своего отечества, и то, что даетъ манифестъ по этому предмету вамъ и вашимъ бѣднѣйшимъ сосѣдямъ, остается еще только *обѣщаніемъ*. *Лишенные донынѣ избирательныхъ правъ*—таково ваше прошлое и настоящее. *Полноправные граждане*, призываемые къ выборамъ наравнѣ со всѣми,—это ваше будущее, и въ манифестѣ это обѣщаніе изложено такъ:

...предоставивъ за симъ дальнѣйшее развитіе общаго избирательнаго права по вновь установленному законодательному порядку.

Общее избирательное право есть именно то, когда всякій взрослый человѣкъ, безъ различія сословія, званія, состоянія и національности (а во всей полнотѣ и безъ различія пола), т. е. всякій неопороченный по суду подданный государства

имѣетъ равныя со всѣми другими права при выборѣ какъ членовъ мѣстнаго самоуправленія, такъ и законодателей родной страны. Итакъ,—расширяя значительно рамки выборовъ, манифестъ 17 октября подходитъ уже довольно близко и къ вамъ, съ вашими ближайшими сосѣдями, но для васъ еще не доходитъ и останавливается какъ бы въ нерѣшительности у черты тѣхъ общественныхъ *окраинъ* русской жизни, гдѣ ютится огромная масса русскихъ людей въ наибольшей нищетѣ, темнотѣ и безправіи.

Еще два-три шага, — и общее, равное избирательное право, существующее въ нѣкоторыхъ странахъ просвѣщенной Европы, охватитъ весь русскій народъ. Но манифестъ 17 октября еще колеблется, опасаясь призвать къ этой важной государственной работѣ широкіе слои народа. Для крестьянъ выборы затруднены четырьмя степенями: 1) десяти-дворные уполномоченные волостныхъ сходовъ; 2) выборщики уѣздные; 3) выборщики губернскіе; 4) *уполномоченный въ Государственную Думу*,— а бѣднѣйшіе горожане совсѣмъ лишены выборнаго права...

И вотъ, въ это самое время, когда русскому народу приходится сдѣлать послѣдніе, очень трудные шаги, чтобы достигнуть обще-гражданскаго и правового равенства,—многіе „жители окраинъ“ многихъ городовъ, а отчасти и селъ обширной Россіи, вмѣсто серьезнаго отношенія къ происходящему великому повороту отечества къ новымъ и лучшимъ формамъ жизни, вмѣсто того, чтобы искать и заявлять также и свои гражданскія права и добиваться этимъ путемъ улучшенія своей жизни,—ничего не разбирая, поддаваясь ложнымъ слухамъ, пускаемымъ подстрекателями, — пугаются происходящаго и слѣпо, въ неразсуждающей ярости кидаются то на мирныхъ евреевъ, то на тѣхъ просвѣщенныхъ людей, которые давно указывали на необходимость улучшеній, то на тѣхъ рабочихъ, которые ранѣе ихъ сознали свои права и отстаиваютъ общерусскую свободу... И все это — въ самую торжественную минуту нашей исторіи... Темные люди не знаютъ, что творятъ, но тѣ, кто ихъ подстрекаетъ, хорошо знаютъ, что *имъ* нужно. А имъ нужно, чтобы не только необходимые шаги къ уравненію гражданскихъ правъ для бѣднѣйшихъ классовъ не были сдѣланы, но чтобы Россія опять повернула назадъ къ общему безправію и прежнему произволу. Они хотятъ, чтобы та дверь, которая теперь уже полуоткрыта передъ русскимъ человѣкомъ для выхода на путь лучшей, свободной жизни,—закрылась опять, оставивъ всѣхъ во тьмѣ того порядка, который уже привелъ къ смятенью, къ обнищанію, къ голоду, къ раззоренію и ужасной войнѣ...

Въ слѣдующемъ письмѣ я перейду къ разсмотрѣнію еще одного (перваго) пункта манифеста, касающагося тѣхъ правъ, которыя обѣщаются уже *всѣмъ* русскимъ людямъ, богатымъ и бѣднымъ одинаково, безъ всякаго различія званій и состояній и посредствомъ которыхъ слѣдуетъ уже и теперь добиваться дальнѣйшихъ улучшеній и полноправія...

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Этотъ пунктъ изложенъ такъ:

„На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли: 1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной *неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ*“...

Нашъ народъ такъ долго держали въ темнотѣ и безправіи, его такъ долго лишали свободы, что теперь, когда передъ нимъ открывается дѣйствительный свѣтъ,—нѣкоторые русскіе люди, привыкшіе къ темнотѣ, щурятъ глаза и говорятъ: не надо, не надо... Свѣтъ насъ безпокоитъ и рѣжетъ намъ глаза...

Такъ бываетъ часто при переходѣ отъ тьмы къ свѣту... И вотъ почему можно и теперь услышать то, что нѣкоторые кричали на площадяхъ и улицахъ 20-го, 21-го и 22-го октября: „намъ ничего не надо, мы довольны прежними порядками“. А есть и такіе, которые понимаютъ свободу слова и совѣсти въ томъ смыслѣ, что теперь *свободно* можно призывать къ избіеніямъ и грабежамъ и что, будто бы, это можно дѣлать со спокойной *совѣстью*.

Жалкіе слѣпцы, кроты, отвыкшіе отъ свѣта солнца, они не могутъ понять, что свобода — величайшее благо, возвышающее людей до степени истинныхъ гражданъ, а не принижающее ихъ до степени грабителей и разбойниковъ.

Свобода слова, въ которую входитъ и *свобода печати*,— есть первое *гражданское* право всякаго члена общества,— обсуждать всѣ дѣла своего общества, своего города, своего государства! Такое слово должно быть свободно потому, что безъ обсужденія общественныхъ дѣлъ на мѣстахъ — нельзя ни выбирать подходящихъ людей въ государственную думу, ни дать имъ наказъ,—чего хочетъ народъ и чего они должны добиваться. Свобода слова — это значитъ, что всякій получаетъ право гласно высказать и напечатать свое мнѣніе, и никто не долженъ это воспрещать, какъ это дѣлалось до сихъ поръ: тѣ слова, которыя не нравились любому начальству,— останавливались, а тѣ, кто ихъ говорилъ, — попадали на за-

мѣчаніе, а иной разъ и въ тюрьму, часто только потому, что „правда глаза колетъ".

Теперь этого не должно быть, и всякій долженъ отвѣчать за свои слова, какъ и за дѣла только передъ судомъ. Тотъ, кто станетъ призывать къ грабежу, убійству или поджогамъ,— несетъ по прежнему тяжкую отвѣтственность передъ закономъ, но тотъ, кто судитъ о существующихъ непорядкахъ и ищетъ средствъ къ ихъ улучшенію, получаетъ право дѣлать это, не боясь отвѣтственности. Вотъ что значитъ *свобода слова*.

Уже изъ этого вы видите, что съ этимъ правомъ тѣсно связано другое: *неприкосновенность личности*. Что толку въ обѣщаніи дать свободу слова, если меня могутъ арестовать безъ объясненія причинъ и держать въ заключеніи, сколько заблагоразсудится начальству. Тогда и слово мое не будетъ свободно, такъ какъ я буду опасаться его высказать: ко мнѣ за что-нибудь придерутся или просто посадятъ въ тюрьму безъ дальнихъ разговоровъ. Догадывайся самъ,—за что тебя посадили! *Неприкосновенность личности* и состоитъ въ томъ, что начальство не имѣетъ права лишать никого свободы иначе, какъ для преданія суду за преступленіе. Уже и теперь есть законъ, обязывающій начальство въ теченіе 24 часовъ или возбудить противъ арестованнаго судебное дѣло въ законномъ порядкѣ, или отпустить его на свободу (ст. 44 основныхъ полож. уголовнаго судопроизводства и ст. 398 устава угол. судопроизводства). Законъ грозитъ отвѣтственностью за неправильное задержаніе.

Но этотъ благодѣтельный законъ остается мертвой буквой. Высшіе чиновники выхлопотали себѣ много царскихъ указовъ, дающихъ имъ возможность арестовывать, держать по цѣлымъ мѣсяцамъ, иной разъ высылать въ Сибирь *безъ суда и слѣдствія*, даже безъ объясненія причинъ наказанія... Эти указы совершенно исказили благодѣтельный законъ, и теперь любой русскій человѣкъ можетъ ни за что попасть въ холодную, даже въ тюрьму и даже въ дальнюю ссылку, и не найдетъ управы.

Первый пунктъ манифеста обѣщаетъ, что отнынѣ *этого не должно быть*: судъ разбираетъ преступленія по прежнему, но безъ суда *никто* не будетъ въ правѣ задержать, заключать въ тюрьму, наказывать русскаго человѣка по одному своему безсудному распоряженію.

Это и называется *неприкосновенностью личности*. И значитъ манифестъ обѣщаетъ русскимъ людямъ такую неприкосновенность. Онъ обѣщаетъ, что русскіе люди будутъ нака-

зываться лишь по суду, а не по произвольному усмотрѣнію исправниковъ, земскихъ начальниковъ, губернаторовъ и министровъ...

Но дальше: какая польза отъ свободнаго слова, если произнести его можно только въ своемъ домѣ, гдѣ его услышатъ два-три человѣка? Для того, чтобы правдивое слово стало силой, нужно, чтобы оно могло быть сказано обществу, собранію людей, которые его и выслушаютъ, и постараются выполнить. Вотъ для этого и нужно *право собраній*. Всякій, кто имѣетъ сказать что-нибудь своимъ согражданамъ для общей пользы, можетъ пригласить ихъ устно или черезъ газеты въ извѣстное мѣсто, чтобы выслушать его мысли или его предложенія, касающіяся вопросовъ человѣческой совѣсти, знанія или права, или улучшенія домашняго, общественнаго и государственнаго быта. Если люди не ждутъ отъ того человѣка никакого дѣльнаго слова, то, конечно, могутъ и не собраться. А если, наоборотъ, знаютъ его за человѣка дѣльнаго, то соберутся и выслушаютъ. И никто не долженъ имѣть права разогнать это собраніе, если бы даже оно стало обсуждать злоупотребленія и непорядки самыхъ высшихъ правителей...

Но и этого мало: иное слово говорится не только для развлеченія или даже для поученія ближнихъ, но и для того, чтобы выполнить какое-нибудь полезное дѣло силами самого общества. Если слушатели только выслушаютъ его и разойдутся по домамъ, ничего не сдѣлавши, то толку отъ этого будетъ мало. Для того, чтобы слово стало *дѣломъ*, нужно, чтобы люди имѣли право составить *постоянный союзъ* для выполненія этого дѣла и чтобы никто не могъ имъ въ томъ воспрепятствовать, если только союзъ заключается *не* съ противозаконными цѣлями, каковы: грабежъ, убійство, нападеніе одной части населенія на другую и т. д.

Если прибавить къ этому *свободу совѣсти*, т. е. драгоцѣнное для милліоновъ русскихъ людей право невозбранно исповѣдывать ту вѣру, какую въ глубинѣ своей совѣсти они считаютъ истинной,—то этимъ заканчивается перечисленіе свободъ, обѣщанныхъ манифестомъ 17 октября и дѣлающихъ русскаго человѣка изъ простого *жителя — гражданиномъ* своего отечества.

Изъ-за этихъ правъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ,— у однихъ раньше, у другихъ позже,—шла великая борьба, и разъ получивъ ихъ,—ни одинъ народъ уже не отдавалъ ихъ обратно, дорожа ими, какъ залогомъ своего достоинства, силы и счастія.

Всѣ эти драгоцѣнныя права теперь обѣщаны и вамъ, жители окраинъ, и ими-то должны вы пользоваться для того, чтобы добиваться остальныхъ правъ, которыхъ вы еще теперь лишены. Да, вы бѣдны и темны, вы утопаете въ нищетѣ, ваши дѣти растутъ въ невѣжествѣ, и вдобавокъ даже манифестъ 17-го октября, распространяющій право выборовъ въ государственную думу на вашихъ, хотя бы и не очень богатыхъ, сосѣдей,—васъ еще обходитъ, оставляя по прежнему въ числѣ тѣхъ, кто „донынѣ лишенъ избирательныхъ правъ". Но свобода слова, собраній и союзовъ даетъ вамъ возможность бороться за свое гражданское полноправіе.

Прежде всего научитесь пользоваться этими правами. Вы имѣете *право собраній*, — такъ собирайтесь же и обсуждайте свои дѣла вмѣстѣ. Пусть люди извѣстнаго ремесла—извозчики, сапожники, мелкіе торговцы и т. д. собираются и обдумаютъ, что имъ нужно для общей пользы. Затѣмъ, обсудивъ свои нужды, они могутъ составить *союзы*, гдѣ ихъ выборные будутъ заботиться объ ихъ интересахъ (во многихъ городахъ уже составляются такіе союзы приказчиковъ, извозчиковъ, сапожниковъ, пекарей, домашней прислуги).

Далѣе: на такихъ же собраніяхъ вы можете, пользуясь свободой слова, обсудить и самый манифестъ 17 октября и заявить свои требованія: по всей Россіи теперь люди, желающіе справедливаго устройства жизни,—требуютъ, чтобы къ выборамъ въ государственную думу были допущены *всѣ русскіе подданные*, безъ различія званій и состояній, сословій и національностей, такъ, чтобы всякій совершеннолѣтній и неопороченный по суду имѣлъ право выбирать и быть выбраннымъ. Многіе также находятъ, что *этого права не должны быть* лишены и *женщины*,—наши сестры, жены и матери.

Пусть же и ваши голоса, на основахъ *свободы слова*,— присоединятся къ этимъ требованіямъ. Пусть ваши *собранія* и ваши *союзы* напомнятъ о васъ, наиболѣе бѣдныхъ и отягощенныхъ, имѣющихъ такія же человѣческія права, какъ и другіе, болѣе счастливые граждане...

И когда для всей Россіи удастся, наконецъ, добиться *общихъ и прямыхъ* выборовъ,—такъ, чтобы все государственное устройство и всѣ законы были обсуждаемы, исправляемы и улучшаемы при участіи выборныхъ отъ всего народа, тогда вся жизнь обновится въ корнѣ. Тогда свѣтъ свободы и равноправія разольется по всей землѣ и достигнетъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ... Вы, конечно, легко поймете, что государственное или учредительное собраніе, избранное всенароднымъ голосованіемъ, не можетъ оставить и городскую

думу, какъ и уѣздныя, и губернскія земства, при теперешнихъ порядкахъ, когда выбирать и выбираться могутъ только зажиточные люди. Нѣтъ, тогда, конечно, должны быть измѣнены и мѣстные выборы: въ городскія думы будутъ попадать представители всѣхъ классовъ одинаково, въ томъ числѣ и вы, жители окраинъ. И тогда окраины постоятъ за себя и потребуютъ справедливаго вниманія не къ однимъ центрамъ города... А свободное слово, свободныя собранія и союзы будутъ зорко сторожить, чтобы не нарушались гражданскія права народа...

И тогда, житель окраины Тарасъ, и вы сами, вмѣсто того, чтобы писать безымянныя письма, въ которыхъ слышатся только озлобленіе и угрозы неизвѣстно кому и за что, будете смѣло и открыто, какъ подобаетъ гражданину, предъявлять требованія свои и своихъ сосѣдей...

Когда же это будетъ?—спросите вы. Съ завтрашняго же дня,—отвѣчу я,—вы можете *начать* эту работу, пользуясь сами и призывая своихъ сосѣдей немедленно пользоваться правами:

Свободы слова, собраній и союзовъ...

И вы можете быть увѣрены, что вашимъ первымъ шагамъ охотно помогутъ образованные люди, которые пока лучше васъ знаютъ, какъ приниматься за это новое, важное и, конечно, нелегкое дѣло...

Вся жизнь перестраивается не сразу, не въ день и не въ два. Много еще нужно труда и борьбы. Важно начать дѣло. Начните его, и вы почувствуете, что вы становитесь гражданиномъ, работающимъ для блага и своего, и своихъ сосѣдей, и для лучшаго будущаго всего нашего великаго отечества.

Итакъ, пользуйтесь гражданскими правами, уже вамъ предоставленными, отстаивайте и защищайте ихъ отъ тѣхъ, кто захочетъ ихъ отнять и умалить, и требуйте ихъ расширенія...

Этимъ совѣтомъ и этимъ пожеланіемъ я заканчиваю это послѣднее мое письмо. Много еще, конечно, пришлось бы сказать и много еще придется говорить въ печати, чтобы выяснить все происходящее, обсуждая каждый шагъ по новому пути. Это мы, конечно, будемъ дѣлать и дальше. Въ этихъ же моихъ немудреныхъ письмахъ я старался только дать вамъ общее понятіе о значеніи той перемѣны, которая *должна произойти* въ нашемъ отечествѣ. Манифестъ 17 октября далеко не сдѣлалъ всего, что въ немъ обѣщается, и есть много людей, которые хотѣли бы совсѣмъ лишить его всякой силы и значенія. И среди этихъ людей—первые тѣ, кто на-

травляетъ и васъ, жители окраины, и крестьянъ на безсмысленные погромы и буйства. Но надо надѣяться, что народъ уже понялъ, что полныя права его и гражданская свобода— единственный путь къ обновленію обнищалой, обокраденной и раззоренной Россіи. А для того, чтобы дѣло обновленія подвигалось дальше, необходимы усилія всѣхъ, кто можетъ понять величіе и справедливость общенародной свободы.

Подумайте же и вы, жители окраины, чего вы хотите: новыхъ общенародныхъ правъ, или стараго всеобщаго безправія?

3—10 ноября 1905 г.
Полтава.

Наши „государственные люди“ и новый гулльскій инцидентъ.

Оффиціальная Россія поражаетъ теперь полнымъ отсутствіемъ государственныхъ умовъ. Да, правду сказать, откуда имъ и быть? Еще Чацкій въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовалъ основную черту нашего государственнаго строя: „Служить бы радъ, прислуживаться тошно“. Уже въ тѣ времена, т. е. въ началѣ прошлаго столѣтія, когда служба была чуть не единственнымъ поприщемъ общественной дѣятельности для образованныхъ людей,—самодержавный строй гналъ Чацкихъ, которые готовы были „служить“, и приближалъ Молчалиныхъ, готовыхъ „прислуживаться“. Совершенно понятно, что долгая практика вытравляла въ бюрократической средѣ и независимость, и самостоятельную мысль, и воодушевленіе. Еще на низшихъ ступеняхъ служебной іерархіи могли встрѣчаться и Чацкіе, на которыхъ косились за „неблагонадежность“, но цѣнили ихъ „слогъ“ и „способности“. За то на высшихъ...

Освободительная эпоха 60-хъ годовъ на время произвела переворотъ въ этой сферѣ: на верхахъ появились Ланскіе и Милютины, на мѣстахъ губернаторовъ всплыли „каторжники“ декабристы, вродѣ Муравьева въ Нижнемъ. Но это скоро кончилось. Валуевы смѣнили Ланскихъ, Тимашевы, Маковы, Толстые смѣнили Валуевыхъ, а затѣмъ уже пошли гг. Деляновы, Дурново, Сипягины, Плеве, вся мудрость которыхъ состояла въ короткой щедринской формулѣ: „не потерплю“...

Положительно, это была на долгое время основная тема нашего „государственнаго краснорѣчія“... Министръ народнаго просвѣщенія не потерпитъ просвѣщенія, министръ земледѣлія затормозитъ сельско-хозяйственное образованіе, министръ юстиціи искоренитъ основныя начала всякаго право-

судія, министръ внутреннихъ дѣлъ не потерпитъ всего вообще... Бѣдная русская жизнь вынуждена была выносить эти замѣчательныя программы и смиренно прислушиваться къ этимъ „не потерплю", властно раскатывавшимся на разные лады надъ угнетенной и раззоряемой страной...

Но вѣдь, кромѣ Россіи, есть и Европа, кромѣ мнѣнія соотечественниковъ, на которое можно не обращать вниманія, есть европейское общественное мнѣніе, передъ которымъ тоже иной разъ приходится являть свои ораторскіе таланты. И Господи Боже,—въ какомъ видѣ являются наши „государственные умы" передъ этой непривычной для нихъ аудиторіей... Какъ еще недавно нашъ „выдающійся юристъ", бывшій министръ юстиціи и впослѣдствіи дипломатъ Н. В. Муравьевъ увѣрялъ европейскую печать, что въ Россіи есть только двѣ партіи: одна стоитъ за самодержавіе и „реформы" на почвѣ самодержавія. Это—правительство и съ нимъ вся Россія. Другая—только „кучка злодѣевъ" и анархистовъ, которымъ нужно одно разрушеніе, для которыхъ достаточно строгихъ каръ... Прошло, если не ошибаюсь, не болѣе полугода послѣ этого ораторскаго упражненія, и оказалось, что противъ самодержавія даже... и самодержавіе. Проницательный „государственный умъ" проглядѣлъ и это, и всю Россію... Немного!

Дѣло, однако, не въ однѣхъ увеселительныхъ экскурсіяхъ въ область государственнаго краснорѣчія. Гораздо хуже, что эта „политическая безграмотность" нашихъ видныхъ дѣятелей нерѣдко компрометируетъ все наше отечество и даже грозитъ осложеніями во внѣшнихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, министръ Плеве разыскалъ полу-уголовнаго проходимца Черепъ-Спиридовича и послалъ его въ качествѣ „оффиціоза" за границу на предметъ разысканія тамъ лжи, полезной для внутренняго употребленія. Проходимецъ, зная, чѣмъ угодить нашимъ „государственнымъ умамъ", придумалъ всемірно извѣстный шутовской инцидентъ на тему о томъ, что въ нашихъ внутреннихъ безпорядкахъ виновна „коварная англичанка". Появились памятныя сообщенія объ англо-японскихъ милліонахъ для подкупа нашихъ рабочихъ. Телеграмма разослана по городамъ, простодушные щедринскіе помпадуры приказали расклеить ее на стѣнахъ и заборахъ... И вдругъ—оказывается, что такія вещи не полагается врать безъ доказательствъ. Вмѣшалось англійское посольство, нашему министру иностранныхъ дѣлъ пришлось извиняться, а завѣдомая ложь обращена въ предметъ краснорѣчія уже не политическаго, а только церковнаго.

Такимъ образомъ, за границей основные мотивы нашей государственной элоквенціи являются въ нѣсколько усложненномъ видѣ: сначала грозно: „не потерплю“, а затѣмъ, непосредственно за окрикомъ, смиренное заявленіе: „Ахъ, извините, пожалуйста... Это нашъ многоуважаемый дѣятель ошибся“...

Примѣровъ послѣдніе годы даютъ не мало, но старыя привычки сидятъ крѣпко, и послѣдніе дни вновь подарили намъ „печальное недоразумѣніе“, съ грозными окриками въ началѣ и унизительными извиненіями въ концѣ... На этотъ разъ героемъ инцидента является адмиралъ Рождественскій, только что вернувшійся изъ плѣна. А темой—увы!—старая формула объ „англійскомъ коварствѣ“...

Съ англійскимъ коварствомъ адмиралу Рождественскому пришлось уже разъ встрѣтиться въ водахъ Нѣмецкаго моря, гдѣ руководимая имъ эскадра принялась изступленно разстрѣливать рыбачью флотилію, сочтя ее за переодѣтыхъ англичанами японцевъ. Но японцы куда-то исчезли, точно сказочное воинство, съ которымъ сражался извѣстный донъ Кихотъ Ламанчскій, а на мѣстѣ остались поврежденныя рыбачьи лодки, русскій священникъ, убитый русскимъ ядромъ на русскомъ суднѣ, и... возможность грознаго международнаго осложненія, похуже еще японской войны.

Дальнѣйшее извѣстно. Не смотря даже на то, что японскій миноносецъ „видѣлъ самъ“ господинъ Кладо, международный судъ, подъ предсѣдательствомъ дружественнаго намъ француза, призналъ, что появленіе японца было чистой фантазіей. Правда, и послѣ этого адмиралъ Рождественскій и капитанъ Кладо увѣрены въ присутствіи японца такъ же твердо, какъ Галилей во вращеніи земли *). Но другихъ въ этомъ увѣрить трудно, тѣмъ болѣе, что... гдѣ-то вдали, въ морскомъ туманѣ рисовался силуэтъ еще одного, на сей разъ уже нѣмецкаго корабля, разстрѣляннаго нашей эскадрой еще въ датскихъ водахъ съ такимъ же рвеніемъ и съ такой же торопливостью. Только на сей разъ хладнокровный нѣмецъ не подымалъ лишняго шума, а просто удовольствовался двойнымъ или тройнымъ вознагражденіемъ за убытки...

За этимъ послѣдовали потрясающія событія Цусимы, небывалое пораженіе нашего флота, гибель и плѣнъ эскадры, рана и плѣнъ адмирала Рождественскаго. Сколько несчастій,

*) Въ газетахъ было напечатано новое обстоятельство, окончательно увѣрившее адмир. Рождественскаго въ присутствіи японцевъ въ нѣмецкихъ водахъ: въ Японіи говорилъ ему объ этомъ одинъ очень откровенный... парикмахеръ, брившій ему бороду!

какая трагедія, какой печальный опытъ! Россія не винила адмирала Рождественскаго, она только ждала, что онъ скажетъ правду о глубокихъ причинахъ нашихъ пораженій... Поэтому возвращенія его ждали съ понятнымъ нетерпѣніемъ и интересомъ.

Теперь адмиралъ вернулся, и долго жданное слово сказано печатно... Дѣло началось съ газетной полемики о причинахъ цусимскаго пораженія.

Всѣмъ еще памятно шумное выступленіе капитана Кладо въ періодъ отправленія балтійскихъ эскадръ. Въ бойкихъ статьяхъ его читающая публика встрѣтила нѣсколько обличительныхъ черточекъ, которыя сразу сдѣлали его имя популярнымъ. Но всѣ эти писанія сводились практически къ необходимости прибавить къ одной никуда негодной эскадрѣ другую, еще болѣе негодную, и вдогонку адм. Рождественскому послать адмирала Небогатова... Бойко, развязно, краснорѣчиво, съ нѣсколько вульгарнымъ маниловски-патріотическимъ лиризмомъ, капитанъ Кладо докладывалъ, что отъ посылки въ Желтое море этихъ „старыхъ калошъ“ (теперь это ходячее выраженіе, своего рода морской терминъ) должны непремѣнно произойти побѣда и одолѣніе...

Вмѣсто этого произошла... Цусима.

Капитана Кладо нимало не сконфузила эта невиданная катастрофа, въ которой, конечно, достоинства прославленной имъ „эскадры“ сыграли тоже свою и при томъ не малую роль. Такъ какъ бумага терпитъ все и въ томъ числѣ всевозможныя остроумныя диспозиціи газетныхъ стратеговъ, то капитанъ Кладо принялся излагать въ „Новомъ Времени“ ходъ цусимскаго боя такъ искусно, что изъ этого изложенія выходило, будто виноваты въ печальномъ исходѣ не свойства нашихъ судовъ вообще и второй эскадры въ особенности, а ошибочная диспозиція Рождественскаго... Развязный „сухопутный морякъ“ (выраженіе другого моряка—капитана Семенова) обвинялъ въ ошибкахъ людей, рисковавшихъ жизнью и проливавшихъ свою кровь въ искупленіе преступныхъ порядковъ русскаго флота...

Газетная баталія между моряками завязалась не на шутку. Предстоитъ еще, кажется, товарищескій судъ, который можетъ стать очень интереснымъ, но уже и теперь можно сказать съ увѣренностью, что отъ недавней дутой репутаціи капитана Кладо осталось немногимъ больше, чѣмъ отъ небогатовской эскадры. Его оппонентъ (кап. Семеновъ, участникъ несчастной Цусимской битвы) доказывалъ на столбцахъ „Руси“, что тѣхъ ошибокъ, о которыхъ говорилъ Кладо, сдѣлано не

было. Но уже и безъ этого для всей Россіи было ясно, что тутъ была сдѣлана одна огромная, непростительная ошибка: въ Желтое море изъ Балтійскаго посланъ былъ совершенно негодный флотъ, старый, плохой, обокраденный, плохо снаряженный... И даже среди этого удивительнаго флота воспѣтая штабнымъ Маниловымъ, капитаномъ Кладо, небогатовская эскадра выдѣлялась своей ни съ чѣмъ уже несравнимой, вопіющей негодностью...

Возникаетъ, конечно, вопросъ: отчего же господа морскіе спеціалисты молчали раньше, почему не слышно было честныхъ голосовъ, которые сказали бы правду въ то долгое время, когда этотъ флотъ строился, обкрадывался, дряхлѣлъ и приходилъ въ негодность? Почему никто изъ адмираловъ и старшихъ офицеровъ не имѣлъ мужества смѣло сказать родинѣ, что въ Россіи есть очень дорогіе корабли, но нѣтъ флота, способнаго защищать отечество въ бою, и что посылка балтійскихъ эскадръ есть безполезная жестокость, такъ какъ пораженіе неизбѣжно...

Отвѣтъ ясенъ: помѣшала старая привычка къ молчалинству, которымъ сверху донизу проникнуты всѣ отрасли устарѣвшаго государственнаго строя, помѣшала привычка служить лицамъ, а не дѣлу, убивающая всякое гражданское мужество и профессіональную честность... Только на этотъ разъ наше россійское молчалинство повернулось своей оборотной стороной, трагической и роковой: нашимъ адмираламъ пришлось по молчалински-покорно, безропотно и скажемъ прямо—безсмысленно идти на вѣрное пораженіе, на гибель,—и вести за собой неповинную массу офицеровъ и матросовъ...

Теперь уже ни для кого не тайна, что адмиралъ Рождественскій и другіе хорошо сознавали всю безнадежность своей экспедиціи, и что цусимская катастрофа была готова до того рокового дня, когда передовые русскіе корабли вспѣнили своими килями зловѣщія цусимскія воды...

И вотъ теперь адмиралъ Рождественскій по возвращеніи изъ плѣна принимаетъ участіе въ газетной полемикѣ по вопросу о цусимскомъ боѣ... Понятно, съ какимъ интересомъ всѣ отнеслись къ этой полемикѣ. Вѣдь это первое публичное выступленіе по возвращеніи адмирала Рождественскаго на родину: какія скорбныя откровенія сдѣлаетъ человѣкъ, переживши такую страшную трагедію, чему его научили, какія новыя мысли навѣяли пораженія, близость смерти, плѣнъ въ странѣ побѣдителей...

И адмиралъ Рождественскій изрекъ свое слово... Какъ добрый „подчиненный“, памятующій дисциплину, онъ испросилъ

разрѣшенія у морского министра и отдалъ на его предварительный просмотръ свою замѣтку. Я не стану здѣсь приводить техническихъ возраженій адм. Рождественскаго капитану Кладо, такъ какъ весь этотъ споръ мало интересенъ. Причины пораженія очевидны, флотъ шелъ на вѣрную гибель. Гораздо интереснѣе та подкладка дѣла, которая приготовила эту вѣрную гибель, тѣ условія, которыя создали Цусиму гораздо ранѣе самого цусимскаго боя. Кто же, какъ не адмиралъ Рождественскій разскажетъ намъ объ этомъ, хотя бы... хотя бы даже это было непріятно его начальству?..

Но вмѣсто всего этого мы услышали опять старую, заѣзженную вульгарную формулу... Разсказавъ о томъ, какъ тщательно и умѣло адмиралъ Того скрывалъ отъ противниковъ дислокацію своего флота, — адмиралъ Рождественскій изумляетъ міръ слѣдующимъ неожиданнымъ политическимъ разоблаченіемъ:

„Этого (т. е. мѣста стоянки японской эскадры) не зналъ даже адмиралъ союзнаго японцамъ англійскаго флота, сосредоточившаго свои силы у Вей-хай-вея, *въ ожиданіи приказа* (!!) истребить русскій флотъ, если бы эта конечная цѣль Англіи оказалась не подъ силу японцамъ“ *).

Легко понять, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвелъ этотъ неожиданный словесный выстрѣлъ на дипломатовъ всего міра. Что дипломатія, вообще говоря, коварна, это, конечно, старая истина. Но еще болѣе извѣстная истина состоитъ въ томъ, что опредѣленныя серьезныя обвиненія даже по адресу частныхъ лицъ нельзя высказывать наобумъ, безъ фактовъ и доказательствъ. Во сколько же разъ надо быть осторожнѣе, когда обвиненіе направлено противъ цѣлаго правительства великой націи, когда оно высказывается не развязнымъ фельетонистомъ уличной газетки, а „знаменитымъ“ адмираломъ, да еще съ одобренія министра, когда, значитъ, оно принимаетъ характеръ обвиненія, направляемаго противъ правительства одной страны видными правительственными дѣятелями другой!..

Мудрено ли, что эти нѣсколько строчекъ произвели на европейскую публику такое впечатлѣніе, какъ будто адмиралъ Рождественскій повторилъ „гулльскій инцидентъ“. Печать всего міра процитировала эти нѣсколько строчекъ съ ироническимъ удивленіемъ. Англійская пресса ударила въ набатъ, и скоро выяснилось, что почтенный адмиралъ, освѣдомленный яко-бы даже о томъ, какого приказа *ждалъ* (еще только

*) „Новое Вр.“—цитируемъ изъ „Спб. Вѣд.“ № 231.

ждалъ!) начальникъ англійскаго флота,—повидимому, напуталъ самымъ легкомысленнымъ образомъ: англійскій флотъ, говорятъ англичане,—былъ не въ Вей-хай-вей, а въ Гонконгѣ... Положимъ,—это говорятъ англичане, но... вѣдь флотъ не иголка, даже не отдѣльный таинственный миноносецъ. Эскадра можетъ на время замаскировать и скрыть свои движенія, но *стоянка* цѣлой эскадры въ томъ или другомъ порту скоро становится извѣстной всему міру (кромѣ... россійскихъ адмираловъ) и скрыть этого факта, конечно, нельзя...

Итакъ,—кто же говоритъ правду: адмиралъ Рождественскій въ хлесткой статейкѣ, или англичане въ оффиціальныхъ заявленіяхъ? Объ этомъ можно судить по тому, что... адмиралу Бирилеву, русскому морскому министру, приходится оправдываться и поправлять свою „ошибку“ заявленіями, что, цензируя статью адмирала Рождественскаго, онъ... *не замѣтилъ* въ ней вылазки противъ Англіи... Необыкновенно почетное положеніе для министра великой страны, вынужденнаго къ оправданіямъ во вкусѣ провинившагося школьника!

Да, вотъ какъ наши виднѣйшіе „государственные дѣятели“ поддерживаютъ честь и достоинство Россіи.

Привыкшіе попирать частные интересы на своей безотвѣтной родинѣ, наши воители такъ же легко разстрѣливаютъ чужія суда, а Россія изъ-за этого едва избѣгаетъ войны похуже японской!.. Привыкшіе къ отсутствію на родинѣ общественнаго мнѣнія,—они раздражаютъ безшабашными выходками общественное мнѣніе Европы, и—опять мы стоимъ передъ возможностью „внѣшнихъ усложненій“... И опять приходится „извиняться“...

Стоитъ ли приводить мораль этого новаго „неожиданнаго реприманда“.

Самодержавіе—плохая школа и для внутренней, и для внѣшней политики. Только тогда, когда наши государственные люди будутъ проходить искусъ партійной критики, когда каждый изъ нихъ будетъ чувствовать себя подъ контролемъ всенароднаго мнѣнія, когда онъ будетъ обязанъ давать отчетъ въ каждомъ своемъ словѣ и дѣйствіи, когда всѣ его планы выдержатъ предварительно строгую, даже придирчивую критику, когда онъ научится защищать ихъ во всѣхъ частностяхъ и въ общемъ,—тогда лишь появятся у насъ истинные государственные люди, которые сумѣютъ взвѣшивать свои слова въ публичныхъ заявленіяхъ, не рискуя срамить Россію то хлесткими фельетонными выходками во вкусѣ расхожаго уличнаго патріотизма, то унизительными извиненіями.

А до тѣхъ поръ—единственная услуга, какую могутъ ока-

зать отечеству нынѣ дѣйствующіе еще государственные умы самодержавнаго режима, это воздержаніе отъ всякихъ экскурсій въ область международно-политическаго краснорѣчія... „Слово—серебро, молчаніе—золото“... „Слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь“. „Государственный человѣкъ“ не фельетонистъ газетки „Свѣтъ“, а „министру великой страны неприлично положеніе оправдывающагося школьника“—таковы превосходные афоризмы, которые нашимъ „государственнымъ умамъ“ слѣдовало бы принять пока (хотя бы „въ видѣ временной мѣры“) къ руководству и исполненію на мѣсто заѣзженной формулы о коварной „англичанкѣ“. Пусть даже „англичанка“ и дѣйствительно коварна. Какая страна не стремится нагадить другой при современномъ международномъ положеніи? Вопросъ совсѣмъ не въ томъ, а въ томъ, чтобы наши „дѣятели“ не гадили собственному отечеству сами своимъ неустаннымъ и безцѣльнымъ хныканьемъ по поводу „англійскаго коварства“ и своими безтактными вылазками, которыя тотчасъ же приходится брать назадъ и изворачиваться...

Вѣдь теперь уже для всѣхъ очевидно, что вызвать войну разными легкомысленными затѣями гораздо легче, чѣмъ одерживать побѣды на сушѣ и на морѣ...

1906 г.

Единство кабинета или тайны министерства внутреннихъ дѣлъ.

(Сенсаціонный уголовно-политическій романъ).

Уже по заглавію читатель видитъ, что романъ плохой и едва ли заслуживаетъ библіографическаго отзыва, такъ какъ— кто же станетъ серьезно разбирать лубочныя произведенія? Это совершенно справедливо, и мы, конечно, не стали бы занимать вниманіе читателя разборомъ этой плохой стряпни, если бы... это было только произведеніе лубочной литературы, а не реальное явленіе лубочной политики.

Не такъ давно въ газетахъ появилась первая глава этого плохого романа. Завязка, совершенно во вкусѣ Габоріо или Монтепэна, состояла въ томъ, что однажды графъ Витте съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ, проходя подъ покровомъ ночи мимо охраннаго отдѣленія, услышалъ странный, глухой шумъ. Заинтересованный этимъ шумомъ, графъ вошелъ въ отдѣленіе и тамъ... застигъ шайку охранныхъ черносотенниковъ, печатавшихъ при трепетномъ свѣтѣ керосиновыхъ лампъ хулиганскія прокламаціи... Продолженіе слѣдуетъ...

Продолженія однако не послѣдовало, а послѣдовало, какъ и нужно было ожидать, категорическое опроверженіе: графъ Витте ночью мимо охраннаго отдѣленія не ходилъ, глухого шума не слышалъ, въ помѣщеніе не входилъ, черносотенную шайку за печатаніемъ хулиганскихъ прокламацій не застигалъ... И значитъ, какъ всѣ плохіе романы, и это начало охранно-уголовнаго романа оказалось ни мало не похожимъ на дѣйствительность.

Однако русскія газеты, лишенныя просвѣщеннаго руководства цензуры, удивительно испортили свои литературные вкусы, и потому вскорѣ же продолженіе сенсаціоннаго романа было вновь подпесено читающей публикѣ въ измѣненной редакціи. Хотя первая глава была опровергнута и „Русскимъ Государ-

ствомъ", и оффиціознымъ телеграфнымъ агентствомъ,—но газеты съ преступнымъ упорствомъ заявили, что въ ней событія были изложены лишь „нѣсколько не точно"; по существу же завлекательное начало проникнуто не только художественной правдой, но въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. „Изъ источниковъ, безусловно достовѣрныхъ, писали напр. въ „Руси" (№ 10), намъ извѣстно, что тайная типографія была обнаружена не въ охранномъ отдѣленіи, а въ помѣщеніи департамента полиціи (въ д. № 16 по Фонтанкѣ). Въ этой типографіи печатались распространявшіяся затѣмъ по всей Россіи черносотеннаго типа прокламаціи и воззванія противъ оппозиціонной интеллигенціи и евреевъ. Завѣдывалъ типографіей жандармскій офицеръ Комиссаровъ, подъ главнымъ руководствомъ г. Рачковскаго. Обо всемъ изложенномъ было доведено до свѣдѣнія г-на Витте, который и распорядился о немедленномъ закрытіи типографіи"...

„И похоже это на правду и можетъ это случиться на Руси?" — спроситъ благонамѣренный читатель, обладающій хоть каплей литературнаго вкуса и не читающій лубочныхъ романовъ... Въ департаментѣ полиціи!.. въ учрежденіи, еще такъ недавно состоявшемъ подъ просвѣщеннымъ директорствомъ г-на Дурново, нынѣ служащаго украшеніемъ перваго конституціоннаго министерства Россійской имперіи... Черносотенныя прокламаціи!.. Призывы къ погромамъ и убійствамъ!.. И читатель, конечно, съ досадой кидаетъ вторую главу плохого романа, ожидая новаго опроверженія...

Однако, газеты, лишенныя просвѣщеннаго руководства цензуры, продолжаютъ увѣрять, что „все похоже на правду и все можетъ случиться" въ нашемъ богоспасаемомъ отечествѣ. Это вѣдь сказалъ еще Гоголь, а Пушкинъ, какъ извѣстно, прибавилъ: „тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ"... Теперь же, кстати, надъ Русью распростерлась та самая предразсвѣтная тьма, подъ кровомъ которой наиболѣе охотно бродятъ всякіе призраки, пока ихъ не вспугнетъ громкій крикъ пѣтуха. Итакъ, газеты даютъ третью главу плохого романа.

Третья глава состоитъ въ томъ, что г-нъ Р—въ, сотрудникъ „Руси", шелъ по Невскому проспекту и встрѣтилъ тамъ одного своего пріятеля. Дѣло, какъ видите, происходитъ днемъ и на людномъ мѣстѣ. Пріятель поздоровался и затѣмъ протянулъ ему листокъ.

— Предлагаю прочесть, — сказалъ онъ, — черносотенскій chef d'oeuvre,—послѣдняя прокламація.

Г-нъ Р—въ взялъ листокъ, развернулъ его, прочелъ и изумился. Заглавіе его гласило: „Воззваніе къ русскому народу.

Причина всѣхъ несчастій Россіи. Мѣры пресѣченія зла отъ евреевъ. Цѣна 2 коп." Г-нъ Р—въ дастъ лишь краткое извлеченіе изъ этого замѣчательнаго произведенія, но князь Мещерскій знакомитъ съ нимъ читателей подробнѣе. Вотъ, напримѣръ, начало воззванія:

„Знаете ли, братцы, рабочіе и крестьяне, кто главный виновникъ всѣхъ вашихъ несчастій? Знаете ли, что жиды всего міра, ненавидящіе Россію, армяне, и затѣмъ Германія и Англія составили союзъ и рѣшили разорить Россію до тла, раздѣлить ее на мелкія царства и раздать ее врагамъ народа русскаго... Затѣмъ хотятъ позднѣе хитростью и обманомъ отобрать землю у русскаго мужика и самого его обратить въ раба жидовскаго, поповъ его разстричь, а православные церкви и монастыри обратить въ жидовскіе хлѣвы и свинятники (sic)... А теперь рѣшили разорить единственныхъ защитниковъ русскаго народа и его вѣры—православныхъ русскихъ помѣщиковъ, фабрикантовъ и купцовъ, чтобы потомъ безъ помѣхи жидъ все забралъ въ свои руки"...

Въ срединѣ красуются слѣдующія строки:

„Какъ только явятся къ вамъ эти христопродавцы, истерзайте вы ихъ и избейте... Сейчасъ русскіе честные люди, любящіе Россію, хлопочутъ у государя, чтобы онъ скорѣй *согналъ съ президентскаго мѣста* (курсивъ нашъ) главнаго помощника жидовскаго..."

Здѣсь князь Мещерскій ставитъ цѣломудренныя точки, но г-нъ Н. Р—въ приводитъ и конецъ фразы, который гласитъ буквально: „главнаго помощника жидовскаго съ его женой жидовкой"...

Главное, однако, волшебство въ этой третьей главѣ лубочнаго романа заключается не въ содержаніи этого дикаго и безтолковаго кликушества, а въ томъ, что подъ листкомъ напечатано мелкимъ шрифтомъ: *„Дозволено цензурою.* Спб., 19 февраля 1906 г. *Типографія Спб. Градоначальства...* Складъ изданія во всѣхъ магазинахъ „Нов. Времени" и въ редакціи „Русское Знамя"...

„По наивности, свойственной русскимъ гражданамъ,—признается г-нъ Р—въ,—я заподозрилъ здѣсь злостную мистификацію и чуть было даже не обидѣлся за спб. градоначальство, но раздумалъ, отправился въ магаз. „Новаго Времени", съ трудомъ протискался сквозь толпу „женіховъ и невѣстъ", и обратился къ приказчику съ просьбой продать мнѣ воззваніе. „Вамъ о жидахъ?" —спросилъ онъ меня галантно и великолѣпнымъ жестомъ указалъ на кипу лежащихъ на прилавкѣ прокламацій"...

Итакъ, плохой лубочный романъ оказался еще худшею дѣйствительностью, что же послѣ этого не похоже на истину и чего не можетъ случиться на Руси на зарѣ россійской конституціи? Все похоже на истину и все можетъ случиться... „Въ правительственныхъ типографіяхъ (восклицаетъ другая газета) печатаются съ дозволенія цензуры призывы къ избіеніямъ. Въ казармахъ раздаются эти воззванія, по всей Руси разсылаются прямо изъ правительственной типографіи, точно циркуляры, приглашенія къ погромамъ. Открыто продаются въ разбойничьихъ притонахъ, вродѣ магазиновъ „Нов. Времени“ и редакціи „Русскаго Знамени“... По-просту говоря: среди бѣла дня, безъ помѣхъ и стѣсненій ведется агитація къ погромамъ, и на каждомъ актѣ этой агитаціи имѣется отчетливая надпись: „дозволено цензурой“ *)...

Лубочная дѣйствительность на этотъ разъ превзошла самый лубочный вымыселъ: вмѣсто ночной работы черносотенныхъ охранниковъ — оказалось легальное производство типографіи градоначальства! Авторъ не какой нибудь безвѣстный уголовный субъектъ изъ шайки Крушевана, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Максимовичъ Лавровъ, „состоящій при министерствѣ внутр. дѣлъ“.

Въ квартирѣ его (ул. Жуковскаго, 28—12) оказался цѣлый складъ отпечатанныхъ въ типографіи градоначальства черносотенныхъ воззваній. „Г-нъ Лавровъ, по слухамъ, имѣетъ близкое отношеніе къ охранному отдѣленію; онъ сослуживецъ В. М. Пуришкевича, чиновника особыхъ порученій при томъ же министерствѣ внутр. дѣлъ, призывавшаго въ свое время, какъ это сообщалось въ газетахъ,—на собраніяхъ „союза русскаго народа“ въ манежѣ, къ избіенію интеллигенціи“ („Рѣчь“, № 10).

Послѣдняя глава этого сенсаціоннаго уголовно-политическаго романа переноситъ насъ въ засѣданіе совѣта министровъ. Мы такъ много, еще до россійской конституціи, читали о необходимости „единаго и солидарно-отвѣтственнаго кабинета“, что было бы очень странно, если бы у насъ не было такового и по объявленіи конституціи... Конечно, онъ есть, и это именно — кабинетъ Витте-Дурново. Понятно, что этотъ „единый и солидарный“ кабинетъ собрался, чтобы всѣмъ его членамъ совмѣстно, какъ говорится, вкупѣ и влюбѣ дочитать любопытный романъ и критически обсудить его достоинства и недостатки. Если бы Ильѣ Ефимовичу Рѣпину было предоставлено набросать картину этого замѣчательнаго собранія, то это несомнѣнно была бы превосходная иллюстра-

*) «Наша Жизнь», 3 марта, № 384.

ція къ политической исторіи нашихъ дней, получше, пожалуй, извѣстнаго „засѣданія государственнаго совѣта“... Предсѣдательствовалъ на президентскомъ креслѣ (а быть можетъ между двухъ?) графъ С. Ю. Витте, которому, конечно, было очень интересно услышать отъ своего сотрудника, министра внутреннихъ дѣлъ, — какими соображеніями, относящимися до „единства дѣйствій“, руководствовались видные дѣятели его министерства, ставя имя „главы кабинета“ (и даже его супруги) во главѣ „внутреннихъ враговъ“, коихъ слѣдуетъ истребить? Правда, у П. Н. Дурново былъ готовый и весьма остроумный отвѣтъ, данный имъ ранѣе и по другому случаю: стоитъ ли жалѣть стекла въ горящемъ домѣ? Но г-нъ Дурново, какъ сообщаютъ газеты,—молчалъ. Говорили: петербургскій градоначальникъ, генералъ фонъ-деръ-Лауницъ, и начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, г. Бельгардтъ. „Г. градоначальникъ просто объяснилъ, что типографія градоначальства приняла къ печатанію воззваніе, какъ всякій частный заказъ, не входя въ обсужденіе его содержанія, *такъ какъ на рукописи имѣлась разрѣшительная помѣтка цензора*“. Къ тому же заказъ былъ доставленъ въ типографію г. Лавровымъ, лицомъ, завѣдомо весьма благонадежнымъ, приближеннымъ къ ген. Богдановичу и даже чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Объясненіе вполнѣ, конечно, успокоительное. Рѣчь начальника главнаго управленія, къ сожалѣнію, была не столь гладкая. Если вѣрить газетамъ, то г-нъ Бельгардъ вынужденъ былъ признать, что „съ прокламаціей вышла нѣкоторая неловкость и ошибка“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ необходимымъ указать на заслуги цензора. Послѣднимъ оказался Николай Матвѣевичъ Соколовъ, „извѣстный, между прочимъ, какъ переводчикъ Канта, и не лишенный поэтическаго дарованія“. Г-нъ Бельгардъ могъ бы прибавить, что цензоръ Соколовъ, кромѣ того, является виднымъ членомъ „русскаго собранія“... Графу Витте, вѣроятно, доставили большое утѣшеніе эти объясненія г-на Бельгарда: изъ нихъ видно, что приглашеніе къ истребленію премьеръ-министра и его супруги одобрено къ печати не заурядnымъ цензоромъ, а лучшимъ изъ цензоровъ, переводчикомъ Канта (идеалистъ!) и „нелишеннымъ дарованія поэтомъ“...

Каковъ будетъ эпилогъ этого лубочнаго, но все же очень интереснаго, фантастическаго, но и совершенно правдиваго романа, состряпаннаго усиліями коллективнаго творчества гг. чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ?.. У г-на Лаврова уже произведенъ обыскъ и изъято извѣстное количество

прокламацій. Цензоръ Н. М. Соколовъ получилъ аттестацію своихъ поэтическихъ талантовъ... А далѣе?..

Многіе полагаютъ, что этимъ романъ и кончается и что послѣднія страницы его никому не принесутъ огорченія. Правосудіе, въ лицѣ министра юстиціи, г-на Акимова, слишкомъ занято преслѣдованіемъ прогрессивныхъ органовъ печати, чтобы обратить вниманіе на кровожадныя шалости благонадежныхъ чиновниковъ... Конечно, призывъ къ избіенію премьеръ-министра есть уже нѣкоторое излишество и „ошибка“ (по счастливому выраженію г-на Бельгарда), но... при „солидарности единаго кабинета министровъ“ приходится прощать другъ другу и не такія еще маленькія „ошибочки“...

Итакъ, да здравствуетъ первый единый и солидарный кабинетъ россійскихъ конституціонныхъ министровъ!

1906 г.

Возвращеніе генерала Куропаткина.

„Генералъ Куропаткинъ вернулся съ Дальняго Востока и скромно проѣхалъ въ свое имѣніе“. Въ этомъ коротенькомъ газетномъ извѣстіи—цѣлая драма...

Генералъ Куропаткинъ 8 лѣтъ былъ военнымъ министромъ. Такъ какъ у министровъ самодержавнаго режима всегда и все должно обстоять благополучно, то все обстояло благополучно и по военному вѣдомству въ министерство ген. Куропаткина. Производились парады, ученія, смотры, разъѣзжали инспектора, солдаты изучали „словесность“ („что такое хоругвь“ и „кто внутренній врагъ“), имъ внушалась самобытная тактика временъ очаковскихъ и покоренія Крыма, вродѣ извѣстнаго афоризма: „пуля дура, штыкъ молодецъ“; въ офицерствѣ культивировалась „честь мундира“, ради которой дозволялось рубить болѣе или менѣе безнаказанно беззащитныхъ русскихъ людей,—и все это называлось „духомъ арміи“ или даже „духомъ непобѣдимой русской арміи“... Генералъ Куропаткинъ наслѣдовалъ всѣ эти традиціи отъ своего предшественника, благодушнаго, но мало-образованнаго старца ген. Ванновскаго, неожиданно для себя попавшаго волею судебъ сначала въ военные министры, а затѣмъ въ Вольтеры по вѣдомству просвѣщенія... Какъ истинно русскій служащій человѣкъ, не склонный къ критикѣ и отрицанію чего бы то ни было, генералъ Куропаткинъ смиренно принялъ ковчегъ съ военными традиціями и безпечно понесъ его далѣе въ томъ же направленіи, въ надеждѣ, по достиженіи глубокой старости и самыхъ высшихъ чиновъ, — благополучно сдать его въ томъ же видѣ своему будущему замѣстителю... И когда на восточномъ горизонтѣ стало появляться легчайшее облачко, въ видѣ безобразовско-корейской авантюры, то на вопросы о могуществѣ и готовности россійской арміи поддержать, въ случаѣ надобности, „престижъ русскаго имени“—счастливый

преемникъ благодушнаго Ванновскаго имѣлъ полнѣйшую возможность, положа руку на сердце, сказать, что по всѣмъ имѣющимся у него рапортамъ и донесеніямъ всюду и все находится въ наилучшемъ состояніи...

Случилось, однако, такъ, что передъ самымъ началомъ уже надвигавшейся войны генералъ Куропаткинъ былъ посланъ на Дальній Востокъ и проѣхалъ въ Японію... Мы, штатскіе люди, не имѣли случаевъ оцѣнить спеціальные военные таланты генерала Куропаткина. Однако, не нужно быть ни Веллингтономъ, ни Мольтке для того, чтобы, побывавъ на мѣстѣ, увидѣть воочію и сравнить наше военное благополучіе и нашу готовность съ грозными приготовленіями Японіи... И вотъ, генералъ Куропаткинъ увидѣлъ всѣ эти наши бумажные форты и крѣпости, напоминавшіе отчасти уральскія фортеціи съ ихъ гарнизонами, описанныя еще Пушкинымъ въ „Капитанской дочкѣ“... И, конечно, при этомъ зрѣлищѣ министерскій сонъ съ пріятными видѣніями долженъ былъ сразу разсѣяться... Россійскій военный министръ, генералъ Куропаткинъ, проснулся и прозрѣлъ...

Пробужденіе это должно было быть прямо ужаснымъ для человѣка, хоть сколько-нибудь воспріимчиваго къ идеѣ отечества и его судебъ...

Существуетъ полу-легендарный (но какая легенда у насъ, въ Россіи не можетъ оказаться дѣйствительностью?) разсказъ о томъ, какъ генералъ Куропаткинъ мчался въ поѣздѣ-молніи черезъ великую Сибирь, стараясь обогнать Безобразова, чтобы первому сдѣлать въ Петербургѣ докладъ о неблагополучіи и предупредить столкновеніе съ Японіей. Говорятъ, въ началѣ этой гонки военный министръ былъ впереди авантюриста и если бы удержалъ это преимущество до конца, то, быть можетъ, поспѣлъ бы со своимъ докладомъ ранѣе. Но, — такъ

---

*) Впослѣдствіи въ книгѣ бар. фонъ-Тетгау „Куропаткинъ и его помощники“, вышедшей, если не ошибаюсь, въ 1913 году, — была приведена докладная записка ген. Куропаткина, представленная Государю въ февр. 1904 г., тотчасъ послѣ начала русско-японской войны. Вотъ ея заключительный параграфъ:

§ 12. Операціонный планъ весьма простъ.

Борьба флота за господство на морѣ.

Воспрепятствованіе высадкѣ японцевъ.

Оборонительныя дѣйствія и широкое развитіе малой войны до сосредоточенія достаточныхъ силъ.

Переходъ въ наступленіе по его окончаніи, именно:

Вытѣсненіе японцевъ изъ Манчжуріи.

Вытѣсненіе японцевъ изъ Кореи.

Высадка нашихъ войскъ въ Японіи. Овладѣніе главнымъ городомъ Японіи и взятіе въ плѣнъ микадо...

гласитъ легенда,—въ Иркутскѣ предстоялъ смотръ... Проѣхать черезъ центръ военнаго округа и манкировать смотръ, — это до такой степени нарушаетъ традиціи, что генералъ Куропаткинъ ни изъ какихъ видовъ не могъ рѣшиться на этотъ слишкомъ смѣлый шагъ. Онъ произвелъ смотръ, онъ парадировалъ передъ полками, полки съ положеннымъ по штату одушевленіемъ кричали „ура“, а въ это время Безобразовъ пролетѣлъ мимо, выигралъ нѣсколько дней, и оптимистическій докладъ безогляднаго авантюриста опередилъ предостереженія прозрѣвшаго военнаго министра... Роковые шаги были сдѣланы. Страшная ставка была поставлена, въ разсчетѣ на цѣльность, крѣпость, могущество и непобѣдимость арміи. И она была бита.

Разумѣется, очень можетъ быть (и даже весьма вѣроятно), что этотъ разсказъ дѣйствительно только легенда. И безъ этой гонки, безъ этого опозданія, какую силу могли имѣть заявленія министра, противорѣчившія всѣмъ его прежнимъ рапортамъ о полномъ благополучіи и готовности... Война началась, послѣдовали неудачи. Онѣ были приписаны неумѣлости верховнаго командованія, и генералъ Куропаткинъ былъ посланъ командовать доблестной арміей, въ которой у него въ теченіе восьми лѣтъ все обстояло благополучно.

Это уже начиналась трагедія... Человѣкъ, который увидѣлъ прозрѣвшими очами нашу неподготовленность и неизбѣжность пораженія,—получилъ приказъ вести армію къ побѣдѣ... Это случилось съ Куропаткинымъ, какъ случилось впослѣдствіи съ Рождественскимъ, и по отношенію къ Куропаткину это было болѣе справедливо: онъ былъ военный министръ, у него въ теченіе 8 лѣтъ было „все благополучно“, онъ бралъ на себя ручательство за всякія „побѣды и одолѣнія“, онъ усыплялъ самодержавіе, а съ нимъ и страну шаблонно патріотическими завѣреніями, и теперь суровая немезида поставила его во главѣ арміи, заранѣе обреченной на бѣдствія и пораженія...

Куропаткинъ ли виноватъ въ этихъ пораженіяхъ? Какъ главнокомандующій,—едва ли уже онъ могъ поправить дѣло. Если бы даже Суворова послали командовать арміей на Дальнемъ Востокѣ при данныхъ условіяхъ, то и Суворовъ едва ли избѣгъ бы пораженія... За то, — какъ военный министръ, какъ ближайшій участникъ того строя, который привелъ Россію къ страшному катаклизму внутри и позорнѣйшему пораженію на поляхъ и въ горахъ Манчжуріи—Куропаткинъ не имѣетъ оправданія...

И если, вообще, нужно страданіе на этомъ свѣтѣ, если оно можетъ быть признано элементомъ справедливости, въ каче-

ствѣ возмездія за тяжкую вину, то мы должны признать, что униженіе и безславіе, которыя встрѣчаютъ теперь на родинѣ этого „скромно проѣхавшаго въ свое имѣніе“ человѣка,— вполнѣ имъ заслужены и приготовлены его же многолѣтнею дѣятельностью...

А униженіе и безславіе очень велики... Мнѣніе о человѣкѣ милліоновъ его соотечественниковъ нельзя взвѣсить на вѣсахъ и измѣрить вещественной мѣрой. Но оно ложится огромною, неизмѣримою тяжестью, — подавляющею теперь вчерашнихъ „героевъ“ и архистратиговъ. Еще такъ недавно большинство русскихъ газетъ превозносило (въ кредитъ) таланты великаго стратега... Теперь даже „Новое Время“ не находитъ для него ничего, кромѣ горечи и упрековъ... А между тѣмъ, одинъ ли Куропаткинъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ въ этихъ безпримѣрныхъ пораженіяхъ?

Этимъ вопросомъ задается одинъ изъ военныхъ людей въ газ. „Слово“ *). Авторъ этотъ, г. Родзевичъ, спрашиваетъ, между прочимъ:—не лежитъ ли часть вины на всей арміи? „Во всемъ виноватъ Куропаткинъ!—восклицаетъ онъ,—а мы-то всѣ мелкая сошка: военные чиновники, офицеры, начальники частей, — жертвы вечернія? Мы свято, какъ могли и умѣли, исполняли свой долгъ?“

И г-нъ Родзевичъ приводитъ примѣры глубокой деморализаціи въ офицерской средѣ. „Въ Харбинѣ,—говоритъ онъ,— я слышалъ отъ сестеръ и врачей, что передъ каждымъ большимъ боемъ съ юга прибывали поѣзда, переполненные храбрыми офицерами, и все это устремлялось въ госпитали. Такъ что наплывъ въ Харбинъ больныхъ офицеровъ являлся здѣсь предвѣстникомъ (а не послѣдствіемъ) большихъ сраженій“.

Затѣмъ г. Родзевичъ приводитъ далѣе разсказы о своеобразныхъ подвигахъ генерала Ренненкампфа, посылавшаго въ главную квартиру донесенія о цѣлыхъ полкахъ непріятелей тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ японцевъ было двѣ-три роты (тотъ же, нынѣ получившій мрачную извѣстность усмиритель Забайкалья, по словамъ г-на Родзевича, раздавалъ всѣмъ офицерамъ своего отряда „на память“, *отъ своего имени*, массивные золотые часы, купленные однако *на хозяйственныя суммы!*)...

Изъ этого г. Родзевичъ дѣлаетъ выводъ, не лишенный основательности, что въ нашихъ пораженіяхъ виноваты также и сотрудники главнокомандующаго, и общій духъ арміи... Такъ. Но тогда невольно является вопросъ: отъ кого же зави-

*) 8 марта, № 405.

сѣла подготовка арміи въ мирное время и кто устанавливалъ, поддерживалъ, направлялъ ея военное воспитаніе? Разумѣется, главнымъ образомъ все это зависѣло отъ военнаго министра.

Это до такой степени очевидно, что отрицать это не могутъ даже и защитники генер. Куропаткина. „Самъ превратившись въ придворнаго генерала,—говоритъ тотъ же авторъ,—онъ не смогъ за 8 лѣтъ своего управленія министерствомъ побороть чиновничьяго духа, заразившаго армію, какъ и другія сферы жизни (вопросъ: а стремился ли онъ къ этому? Гдѣ признаки его борьбы?)... Повиненъ Куропаткинъ и въ томъ, что въ боевой жизни развелъ роскошь и изнѣженность (не для солдатъ, конечно?), подавая къ тому личный примѣръ. Онъ жилъ не какъ великій солдатъ и учитель Суворовъ, а какъ большой русскій баринъ, въ роскошномъ поѣздѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, салонами, ванной, кухней, съ огромнымъ штатомъ челяди и прихлебателей“...

Эта черта генер. Куропаткина, которой и одной было бы достаточно, чтобы поставить крестъ на всей репутаціи полководца,—теперь является общепризнанной. „На войнѣ барскіе нравы (пишутъ, напр., въ „Новомъ Времени“) сослужили странѣ плохую службу. Всѣ помнятъ такія подробности войны, какъ поѣзда, набитые цвѣтами одного адмирала въ страшные дни, когда не хватало поѣздовъ для снарядовъ, или батальонъ солдатъ, во время сраженія поливающій водой вагонъ съ генеральской коровой, не выносившей жары... Одною изъ главныхъ причинъ мукденскаго погрома генералъ Церпицкій считаетъ привычку нашихъ генераловъ къ роскошной жизни. Полководцы жили въ салонахъ, а солдаты мерзли въ палаткахъ! Какъ сытый голоднаго не понимаетъ, такъ *главнокомандующій не понималъ состоянія оборванныхъ, закоченѣвшихъ солдатъ*—посылалъ ихъ въ бой иногда въ 20-градусный морозъ“...

Такъ пишетъ теперь о генералѣ Куропаткинѣ недавно превозносившее его „Новое Время“ *). Правда, это не устраняетъ вопроса о виновности и другихъ, и цитированный выше г. Родзевичъ совершенно справедливо спрашиваетъ, обращаясь къ сотоварищамъ: „ну, а мы всѣ, товарищи офицеры, во имя справедливости и въ интересахъ истиннаго обновленія родной арміи вспомнимъ нашу мирную и боевую службу... и искренно покаемся.—есть въ чемъ!..“.

Да, конечно, есть въ чемъ!.. И напомнить это тѣмъ необхо-

*) „Нов. Время“ 15 февраля. Цит. изъ „Биржев. Вѣдомостей“, веч. изд., № 9198.

дим'ѣ, что русская армія послѣ войны, обнаружившей ея страшныя язвы, не только не думаетъ о такомъ покаяніи передъ родиной, но еще, волей изумительныхъ россійскихъ судебъ, — становится судьей, и судьей непомѣрно строгимъ надъ сынами этой же несчастной и растерзанной родины, повинными въ томъ, что они сознали непригодность существующаго строя жизни и стремятся къ ея обновленію...

Повидимому, нѣкоторые члены военной среды сознаютъ это и, напримѣръ, письма покойнаго Церпицкаго даютъ много правдивыхъ и горькихъ признаній. „Наша армія, — писалъ этотъ боевой генералъ,—есть въ сущности толпа рабовъ, руководимая людьми изъ свѣтскихъ гостиныхъ, которые въ военномъ дѣлѣ ничего не понимаютъ... Наша армія рабская, а вѣдь нѣтъ бѣды больше рабства. Благодаря этому, наша необразованная, грязная и невоспитанная армія, въ которой около 20 процентовъ офицеровъ алкоголики, не способна къ энтузіазму и одушевленію *)...“

Много нужно было пережить и испытать, чтобы на склонѣ жизни, въ концѣ своей боевой карьеры написать слова, полныя такой горечи. Но, если это такъ, то надо же отдать себѣ отчетъ въ причинахъ явленія. Тамъ, гдѣ организація проникнута гнилью и разложеніемъ, несомнѣнно виновны главные организаторы. Солдаты—лишь матеріалъ въ рукахъ офицеровъ. Офицеры зависятъ отъ генераловъ, генералитетъ формируется штабомъ и министерствами, черезъ которыхъ уже оно соприкасается съ высшимъ правительствомъ страны. Военный министръ — въ дѣйствительности глава военной организаціи и, хотя у насъ не было, да и теперь еще нѣтъ отвѣтственныхъ министровъ, но—никакія отговорки не снимутъ съ генерала Куропаткина тяжкой отвѣтственности и передъ родиной, и передъ исторіей... Не было ни одного пораженія на поляхъ Манчжуріи и нѣтъ ни одной побѣды надъ безоружными соотечественниками, ни одного безсуднаго разстрѣла въ Голутвинѣ или въ Лифляндіи, за которые генералъ Куропаткинъ не несъ бы своей доли отвѣтственности—какъ военный министръ, создававшій „духъ русской арміи“ въ долгіе мирные годы... Излишняя уступчивость передъ внѣшнимъ врагомъ и излишняя суровость въ отношеніи безоружныхъ или разоруженныхъ соотечественниковъ,—таковы два полюса этого ре-

*) „Наша Жизнь“, № 373, 18 февр. 1906 г. Эти слова цитированы, между прочимъ, въ приказѣ по войскамъ Туркест. округа. Въ томъ же приказѣ военное начальство распорядилось снять во всѣхъ частяхъ округа портреты ген. Церпицкаго.

жима, выработаннаго послѣ-милютинскимъ управленіемъ Ванновскаго и Куропаткина.

Есть нѣкоторые признаки, указывающіе на то, что и самъ генералъ Куропаткинъ не прочь прикрыть свои неудачи, какъ полководца, сваливъ ихъ на плохія качества арміи, которой ему пришлось командовать. Г-нъ В. А. въ газ. „Слово“ приводитъ рядъ фактовъ несправедливаго отношенія генерала Куропаткина къ нижнимъ чинамъ и даже „массоваго оскорбленія Куропаткинымъ людей, выполнявшихъ свой долгъ— недовѣріемъ, поспѣшными выговорами и приговорами“... „Такъ, отрѣшивъ полковника Громова отъ командованія 22 полкомъ за отступленіе подъ Тюренченомъ, ранѣе, чѣмъ слѣдствіе выяснило обстоятельства, при которыхъ оно совершилось, генералъ Куропаткинъ распространилъ свое неудовольствіе и на солдатъ этого полка. Натыкаясь на нихъ *среди раненыхъ* (!) при обходѣ санитарнаго поѣзда, онъ никому не далъ креста и, говорятъ, иронически спрашивалъ: „а ты японцевъ видѣлъ?“ *)...“

Можно было бы отнестись скептически къ изложенію этого карикатурнаго разговора такъ пріятно разъѣзжавшаго въ салонъ-вагонахъ полководца съ людьми, ранеными на полѣ сраженія, но, къ сожалѣнію, генералъ Куропаткинъ, уже передъ самымъ отъѣздомъ изъ Манчжуріи, позаботился самолично и документально засвидѣтельствовать свое отношеніе къ подчиненнымъ. Въ одномъ изъ его послѣднихъ приказовъ по 1-ой манчжурской арміи (отъ 2 февраля 1906 года) мы читаемъ между прочимъ:

„Въ числѣ возвращающихся изъ плѣна въ ряды ввѣренной мнѣ арміи гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ встрѣчаются попавшіе въ плѣнъ не ранеными. — Предписываю во всѣхъ частяхъ войскъ, куда прибыли плѣнные, произвести тщательныя и подробныя дознанія объ обстоятельствахъ ихъ плѣненія и, въ случаѣ выясненія отсутствія уважительныхъ причинъ къ сдачѣ въ плѣнъ, привлекать ихъ къ отвѣтственности по 262 или 263 ст. XXII кн. с. в. п. изд. 3.

„Подписалъ: Командующій арміей,
Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ“ **).

Итакъ—всѣ безъ исключенія офицеры и нижніе чины, пережившіе горечь плѣна и взятые, конечно, не въ салонъ-вагонахъ, а на поляхъ сраженій,—если только они не ранены, объявляются огульно заподозрѣнными въ позорной и безпри-

*) „Военный Голосъ“. Цит. изъ „Слова“, 17 февр., № 386.
**) „Слово“, 15 февр., № 402.

чинной сдачѣ... Все безправіе и отсутствіе уваженія къ низшимъ, весь произволъ и безграничное самодурство высшихъ, разъѣдающія нашу армію, — сказались въ этомъ короткомъ приказѣ генерала, который вѣроятно подагаетъ, что самъ онъ менѣе всѣхъ отвѣтственъ за разстройство и деморализацію русской арміи, подготовленныя годами его собственнаго высшаго управленія.

Впрочемъ, теперь онъ возвращается на родину „съ эшелономъ"... Прекрасная заботливость о „солдатикѣ", но... невольно приходитъ въ голову непріятная мысль, что это „общеніе" было бы гораздо умѣстнѣе во время войны.

1906 г.

Историческая справка.

(Вниманію гг. казачьихъ офицеровъ).

Быть можетъ, гг. офицерамъ казачьихъ войскъ, играющихъ нынѣ такую видную роль во внутренней жизни Россіи, будетъ не безынтересно возобновить въ памяти одинъ изъ приказовъ покойнаго генерала Драгомирова, изданный еще 12 лѣтъ назадъ (въ 1894 году). Приказъ этотъ гласитъ:

„По требованію подольскаго губернатора, въ іюлѣ сего года отъ казачьей дивизіи были командированы двѣ сотни донского казачьяго полка для содѣйствія гражданскимъ властямъ. По прекращеніи безпорядка, гражданское начальство нашло нужнымъ произвести „экзекуцію“ надъ зачинщиками. Начальствовавшій сотнями есаулъ не постѣснился назначить для исполненія экзекуціи команду казаковъ. Если бы упомянутый начальникъ былъ хоть нѣсколько знакомъ съ „правилами о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ“ и *болѣе заботился о соблюденіи собственнаго достоинства, а также о достоинствѣ и чести казачества, то, конечно, не обратилъ бы казаковъ въ команду для порки:* ему было бы извѣстно, что наше дѣло усмирять неповинующихся, а не драть усмиренныхъ. Начальнику 2-й сводной казачьей дивизіи *предлагаю арестовать есаула на семь сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ**) за нарядъ команды на экзекуцію. О томъ, что незнаніе и неисполненіе требованій устава гарнизонной службы даже въ мирное время могутъ повести къ вреднымъ для службы и непріятнымъ для исполнителя послѣд-

*) Курсивы наши.

ствіямъ, не разъ говорилось. Еще разъ убѣдительно рекомендую ознакомиться покороче съ этимъ уставомъ" *).

Это мнѣніе не „штатскаго доктринера". Мы, штатскіе люди, безъ сомнѣнія, имѣли бы еще много добавить къ этому приказу и, быть можетъ, въ Думѣ, когда-нибудь, будетъ изложена съ должной полнотой гражданская точка зрѣнія, т. е. точка зрѣнія людей, которые своимъ трудомъ содержатъ армію,— на обязанности арміи въ мирное время... Но мы считаемъ не безполезнымъ напомнить этотъ приказъ стараго генерала, являющагося авторитетомъ въ военной средѣ... Интересно: что измѣнилось съ тѣхъ поръ и почему гг. казачьи офицеры такъ легко поступаются теперь „собственнымъ достоинствомъ, а также достоинствомъ и честью казачества", принимая участіе въ экзекуціяхъ, какъ это дѣлалось, напримѣръ, по приказамъ Луженовскаго, Филонова и многихъ, многихъ другихъ представителей „гражданской власти"... Неужели это только потому, что теперь награждаютъ за то самое, за что старый генералъ Драгомировъ сажалъ на гауптвахту и публично срамилъ въ приказахъ?

*) Приказъ обошелъ въ то время всѣ газеты. Мы имѣемъ его въ цитатѣ газ. „Волгарь", 20 дек. 1894 года, № 305.

Заботы добраго пастыря о грѣшной паствѣ.

Томскій епископъ Макарій проявляетъ трогательную заботу о душевномъ спасеніи своей паствы.

Томскій епископъ Макарій извѣстенъ далеко за предѣлами своей епархіи. Всюду, куда проникаетъ газета,—достигли въ свое время отголоски октябрьскаго томскаго погрома и отблески томскаго зарева, а въ связи съ ними звучало и имя томскаго епископа. Въ день, когда толпа черносотенцевъ, подъ руководствомъ сыщиковъ, обливала керосиномъ и зажигала входы зданія, гдѣ задыхались и горѣли люди, а толпа народа стояла тутъ же въ нѣмомъ ужасѣ и недоумѣніи,—епископъ Макарій въ нѣсколькихъ саженяхъ совершалъ богослуженіе... Къ епископу Макарію, въ стѣны храма съ площади прибѣгали смятенные и плачущіе люди, умоляя его выйти къ толпѣ съ крестомъ и словомъ евангелія, чтобы спасти „овецъ его паствы“, однѣхъ—отъ страшной гибели, другихъ—отъ столь же страшнаго преступленія. Но епископъ Макарій не внялъ ни этимъ мольбамъ, ни треску пожара, ни крикамъ ярости и ужаса, доносившимся съ улицы. „Яко твердый адамантъ“, онъ пребылъ спокоенъ и продолжалъ съ умиленнымъ духомъ молиться, возглашать и воздѣвать горѣ пастырскія руки. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ газетныхъ извѣстіяхъ сообщалось, будто епископъ Макарій единожды всетаки изыде изъ храма и, ставъ на паперти, благословилъ... неизвѣстно кого: умиравшихъ въ огнѣ „козлищъ“ или „добрыхъ овечекъ“, убивавшихъ и кидавшихъ въ огонь тѣхъ, кто спасался изъ пламени. И затѣмъ паки ушелъ священнодѣйствовать во храмѣ. Предоставляемъ будущимъ историкамъ современной россійской церкви провѣрить сіе „преданіе“, а пока считаемъ вѣроятнымъ, что, „твердый въ обрядѣхъ“, епископъ просто не прервалъ для сихъ неважныхъ происшествій важнаго священнодѣйствованія и продолжалъ умиленно возглашать во храмѣ подъ вопли благочестивыхъ убійцъ и стоны избиваемыхъ „грѣшниковъ“...

Не достаточно ли и сей пастырской твердости для внесенія имени еп. Макарія на страницы церковной исторіи?

Теперь епископъ Макарій вноситъ свое имя на скрижали церковной литературы. Просмотрѣвъ „исповѣдныя росписи", томскій владыка съ сокрушеніемъ сердечнымъ усмотрѣлъ, что (въ первый же великій постъ послѣ томскихъ октябрьскихъ событій?) многіе изъ его пасомыхъ не были у исповѣди и причастія, отчего исповѣдныя росписи имѣютъ видъ воистину плачевный. Чтобы не дать столь многимъ душамъ злѣ погибнуть въ своемъ закоснѣніи, епископъ Макарій рѣшилъ принять благопотребныя мѣры. Но,—олѐ времена антихристовы!— какія благопотребныя мѣры остались нынѣ у пастырей казенной церкви, кромѣ обращенія къ свѣтской власти. И вотъ, епископъ Макарій пишетъ нижеслѣдующее посланіе къ „господину начальнику желѣзной дороги".

„Ваше превосходительство, милостивый государь. Усматривая изъ исповѣдныхъ росписей, что не говѣвшихъ и не исполнившихъ долга исповѣди и св. причащенія нынѣ (послѣ октябрьскихъ событій?) особенно много среди чиновныхъ лицъ и служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ, и озабочиваясь исполненіемъ своего пастырскаго долга въ отношеніи къ такимъ членамъ томской православной общины, обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшей просьбой оказать мнѣ ваше содѣйствіе приглашеніемъ состоящихъ въ вашемъ вѣдѣніи лицъ къ исполненію христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія въ дни текущей четыредесятницы, и распространеніемъ среди нихъ прилагаемыхъ листковъ „Поговѣйте!". Призывая на васъ благословеніе Божіе, остаюсь вашъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою, Макарій, епископъ томскій".

Мы не знаемъ, конечно, какія мѣры, съ своей стороны, счелъ нужнымъ принять начальникъ дороги, чтобы, слѣдуя пастырскому призыву, зажечь въ сердцахъ своихъ служащихъ яркое пламя религіознаго усердія. Прежде въ распоряженіи власти были для сего кнуты, плети, колодки, кандалы, заточеніе, даже въ экстренныхъ случаяхъ срубы, отчего „благочестіе сіяло паче звѣздъ", и „церковь процвѣтала яко кринъ". Въ наши злопагубныя времена, какъ извѣстно, все сіе упразднено и даже, среди другихъ призрачныхъ свободъ, въ гибельномъ истекшемъ году какъ будто провозглашена, между прочимъ, также и свобода совѣсти. Многіе уповаютъ, однако, что и за всѣми сими суетными новшествами иного благочестиваго начальника можно еще подвигнуть на служеніе церкви: въ его распоряженіи есть, напримѣръ, увольненіе со службы, лишеніе казенной квартиры, денежные штрафы и внушенія...

Опытный сердцевѣдъ, изучившій грѣшную человѣческую природу, знаетъ, какое благодатное дѣйствіе можетъ произвести въ душѣ иного семейнаго грѣшника хотя бы простая угроза—выкинуть всю семью изъ казенной квартиры наканунѣ свѣтлаго праздника. Очевидно, при нѣкоторой благожелательной ревности начальствующаго,—вѣроисповѣдные списки могли бы значительно наполниться и принять видъ почти прежняго отчетно-бумажнаго благополучія... Что и есть на потребу всякой консисторіи для надлежащаго годичнаго синодскаго отчета...

Какъ уже сказано выше,—намъ неизвѣстно, какое дѣйствіе произвело это пастырское посланіе и подвигнулся ли его превосходительство начальникъ дороги подвигомъ добрымъ на миссіонерскую дѣятельность среди своихъ служащихъ. Насъ только смущаетъ невольное сомнѣніе: не объясняется ли отчасти столь рѣзкое и „особенное“ уменьшеніе говѣльщиковъ и исповѣдниковъ въ томской іерархіи той истинно-адамантовой твердостью, какую томскій епископъ проявилъ въ достопамятные октябрьскіе дни? Въ самомъ дѣлѣ,—быть можетъ одни изъ говѣльщиковъ не явились „за умертвіемъ“, будучи убиты менѣе, чѣмъ во единомъ поприщѣ отъ мѣста пастырскаго священнослуженія. Другіе, пожалуй, сидятъ въ тюрьмахъ или скрылись, какъ завѣдомые участники убійствъ. Третьи—оплакиваютъ убитыхъ родичей, четвертые—собственное заблужденіе, и всѣ вмѣстѣ—смущаются тѣмъ равнодушіемъ, какое проявили пастыри, во главѣ съ владыкой Макаріемъ, въ темные дни, когда именно нужно было явить христіанское участіе къ грѣшной жизни, когда, быть можетъ, нѣсколько евангельскихъ словъ могли образумить, прояснить души, вернуть имъ сознаніе любви и правды.

Тогда это слово не было сказано... Церковь замкнулась въ своихъ холодныхъ стѣнахъ, оглашаемыхъ только обрядомъ, и теперь, кто знаетъ,—сколько недавнихъ еще смиренныхъ и простодушныхъ говѣльщиковъ вспоминаютъ евангельское слово: „пастырь добрый душу полагаетъ за овцы“ и говорятъ себѣ: гдѣ же были наши пастыри въ дни смятенія и ужаса? Яко облацы безводни, вѣтрогонимые,—такъ они, гонимые лишь вѣтромъ начальственныхъ предписаній, напояютъ насъ одними обрядами, и не отъ нихъ ждать намъ росы евангельской любви и добрыхъ примѣровъ самоотреченія и братской любви...

Во всякомъ случаѣ, въ этомъ предположеніи есть много вѣроятія. А если такъ, то... поможетъ ли въ семъ затруднительномъ случаѣ его преосвященству, начальнику томской епархіи, его превосходительство начальникъ желѣзной дороги?..

1906 г.

Генералъ Думбадзе, ялтинскій генералъ-губернаторъ.

26-го февраля на Ливадійскомъ шоссе изъ дачи Новиковой въ проѣзжавшаго Думбадзе была брошена бомба. „Думбадзе легко контуженъ, преступникъ застрѣлился“,—гласятъ телеграммы оффиціальнаго агентства и къ этому прибавляютъ, что „дача Новиковой горитъ“. Первоначально приходило въ голову, что дача загорѣлась или отъ взрыва бомбы, или отъ поджога, съ цѣлью скрыть какіе-нибудь слѣды преступленія. Вскорѣ, однако, выяснилось, что дача сожжена полковникомъ Думбадзе. Думбадзе вызвалъ изъ Ливадіи стрѣлковъ и приказалъ имъ разгромить все имущество во всѣхъ квартирахъ и во всѣхъ комнатахъ не только той дачи Новиковой, изъ которой была брошена бомба, но и сосѣдней дачи, отдѣленной отъ первой садомъ.

Въ предыдущей замѣткѣ г-на S., изъ которой мы взяли приведенный выше эпиграфъ, данъ общій сводъ извѣстій объ общественной и литературной дѣятельности неограниченнаго ялтинскаго владыки. Намъ приходится дополнить характеристику нѣсколькими позднѣйшими чертами.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ газетахъ появились извѣстія, что здоровье полковника Думбадзе улучшается. Останется или не останется полковникъ Думбадзе на своемъ посту? — этотъ вопросъ, разумѣется, очень волновалъ ялтинскихъ жителей... Сначала казалось, что непремѣнно останется, и при томъ не по иной какой-нибудь причинѣ, какъ только для того, чтобы досадить А. А. Суворину, редактору газ. „Русь“. Такъ можно было заключить изъ любопытной переписки, которую храбрый полковникъ затѣялъ съ редакторомъ тотчасъ послѣ того, какъ

на него было произведено покушеніе. Эпистола полковника гласитъ такъ:

„Поздравляю съ успѣхомъ вашей травли: я раненъ взрывомъ бомбы, со мной нѣсколько человѣкъ. Но *на зло вамъ* и вамъ подобнымъ я съ полкомъ сумѣю послужить царю и родинѣ. Полковникъ Думбадзе".

„Травлей" полковникъ называлъ, очевидно, оглашеніе газетой его необыкновенныхъ дѣйствій. Есть много людей, которые полагаютъ, что дѣлать извѣстныя вещи можно, и онѣ будутъ даже очень хороши, пока не оглашены во всеобщее свѣдѣніе. Но когда оглашены, то немедленно является соблазнъ... И соблазнъ истекаетъ отнюдь не отъ дѣйствій, а отъ ихъ оглашеній. У этихъ простодушныхъ „начальниковъ" живо представленіе о Ноѣ и его сыновьяхъ. Они — добродѣтельные Нои, нѣсколько опьяненные виномъ власти, пресса — непочтительный сынъ, обнажающій патріархальныя неприличія...

Однако, — это только къ слову... А. А. Суворинъ, получившій эту замѣчательную „поздравительную телеграмму", тотчасъ же помѣстилъ ее въ своей газетѣ (вѣроятно, въ интересахъ выясненія типичной физіономіи ялтинскаго владыки) и снабдилъ ее съ своей стороны слѣдующимъ комментаріемъ:

„Мы искренно поздравляемъ полк. Думбадзе съ избавленіемъ отъ смертной опасности и глубоко сожалѣемъ о пострадавшихъ около него адъютантѣ и кучерѣ. Но тѣмъ рѣшительнѣе утверждаемся въ мысли, что полковника Думбадзе необходимо освободить отъ непосильныхъ ему административныхъ обязанностей. Какой же уравновѣшенный администраторъ, только что уцѣлѣвъ отъ бомбы, станетъ разсылать по редакціямъ подобныя телеграммы, читать которыя трудно безъ жалости и къ автору, и къ той административной системѣ, которая всю и всякую вину готова переносить на газеты. Во всемъ газеты виноваты!... Даже и тѣ, что отрицаютъ, какъ мы, всякую кровь. Полк. Думбадзе желаетъ продолжать „на зло" намъ. Было бы лучше — на пользу ялтинскому населенію. А пока онъ вмѣсто пользы сжегъ домъ, откуда произошло покушеніе на него, хотя виновникъ покушенія самъ съ собой покончилъ...

„Во всякомъ случаѣ, желаемъ полковнику Думбадзе успѣшно лѣчиться и выздоровѣть".

Вскорѣ послѣ этого въ газетахъ появились извѣстія, что полковникъ Думбадзе на свой постъ, хотя бы даже на зло А. А. Суворину, уже не вернется. Основывались эти предположенія на одномъ разговорѣ полковника съ врачемъ. Полковникъ спросилъ, какъ идетъ его выздоровленіе. Врачъ от-

вѣтилъ: „Дѣло идетъ отлично. Вы скоро будете въ состояніи вернуться къ исполненію своихъ обязанностей". На это полковникъ Думбадзе замѣтилъ, яко-бы, съ задумчивымъ видомъ:

— *Полковникъ* Думбадзе къ исполненію обязанностей болѣе не вернется...

„Задумался", — говорили по этому поводу обыватели. По-видимому, этотъ новый признакъ свѣдущіе люди считали для полковника Думбадзе нѣсколько необычнымъ и ждали отъ него практическихъ послѣдствій. Дѣйствительно, „задуматься" въ положеніи полковника Думбадзе, послѣ всего, что онъ надѣлалъ безъ оглядки... это вѣдь своего рода душевная трагедія. Оказалось, однако, что толкователи впали въ ошибку. Полковникъ Думбадзе вовсе не задумывался. За процессъ рефлексіи они приняли процессъ нѣкоего пророческаго наитія. Полковникъ Думбадзе, повидимому, просто провидѣлъ, что его, за искусную бомбардировку дома, скоро сдѣлаютъ генераломъ. Такъ и вышло. Онъ повышенъ въ чинѣ и къ должности вернулся уже не *полковникъ*, а *генералъ-маіоръ* Думбадзе.

И вотъ, „на зло А. А. Суворину", генералъ Думбадзе объявляетъ, что онъ вновь вступилъ въ должность и намѣренъ по прежнему „служить царю и родинѣ". Дальнѣйшую программу своихъ дѣйствій онъ излагаетъ съ ясностью, способною повергнуть въ трепетъ и домовладѣльцевъ, и жильцовъ.

„Установить строгій надзоръ на нѣкоторые дома (обыкновенно, надзоръ, по правиламъ русской грамматики, устанавливаютъ *за* домами), въ коихъ вожаки боевыхъ дружинъ и анархисты-террористы имѣютъ гостепріимство. Предупреждаю хозяевъ домовъ, что виновныхъ въ пріемѣ кого-либо изъ числа злодѣевъ-враговъ порядка, желающихъ превратить этотъ курортъ въ гнѣздо разбоевъ, безпощадно буду наказывать, *а дома ихъ, служащіе жилищемъ и складомъ оружія и боевого запаса, на подобіе дома Новиковой, уничтожать безъ остатка*. На улицахъ требую соблюденія порядка и тишины и ни подъ какимъ видомъ не позволяю сборища. Совѣтую гг. „освободителямъ-товарищамъ" сбросить съ себя широкіе пояса и особый *костюмъ боевой дружины* (?!), въ которыхъ, оказывается, опять нѣкоторые изъ нихъ за время моей болѣзни начали щеголять и бравировать ихъ воской (sic!). Мальчишекъ и шатающихся по улицамъ съ красными тряпками, на подобіе флаговъ, *драть за уши* (!) и подъ расписку передавать ихъ родителямъ, при повтореніи брать подъ стражу.

„При возникновеніи гдѣ-либо безпорядковъ, приказываю исправнику дѣйствовать рѣшительно и въ тотъ же моментъ

давать мнѣ знать по условленному шифру телефономъ для своевременной высылки роть стрѣлковъ для подавленія безпорядковъ. *Васъ же, мирныхъ жителей города и уѣзда*, увѣряю, что я со своими стрѣлками и полиціей *не будемъ дремать и безъ всякой устали постараемся оберегать ваше спокойствіе*. Въ этомъ мое назначеніе и вполнѣ ручаюсь.

„И. д. главноначальствующаго, командиръ 16-го Стрѣлковаго Императора Александра III полка, *генералъ-маіоръ* Думбадзе“ *).

Перспектива для „мирныхъ жителей“ необыкновенно успокоительная! Вы пріѣхали въ Ялту лѣчиться, но прежде всего должны тщательно шпіонить за сосѣдями, которые отвѣтятъ вамъ полной взаимностью. Стоитъ оказаться въ одномъ домѣ съ вами „анархисту-террористу“, и — генералъ Думбадзе не дремлетъ: домъ, въ которомъ вы живете, будетъ, подобно дому Новиковой, уничтоженъ безъ остатка... Спать вамъ, на всякій случай, лучше всего одѣтымъ, багажа имѣть поменьше, такъ какъ недремлющій генералъ уничтожитъ его тоже безъ остатка.

Намъ кажется, однако, что ялтинскій генералъ-губернаторъ недостаточно послѣдователенъ: по его мнѣнію, лица, виновныя въ недосмотрѣ за анархистами, должны подвергаться бомбардировкѣ жилищъ и уничтоженію имущества. Допустимъ, хотя и трудно допустить такую нелѣпость. Но тогда, — спросимъ мы,—кто же всѣхъ болѣе обязанъ „слѣдить“ и не допускать въ городѣ разныхъ „противообщественныхъ проявленій“: партикулярныя лица и случайные пріѣзжіе, или — власти даннаго города? Отвѣтъ ясенъ: болѣе всѣхъ виновны въ такихъ недосмотрахъ именно власти. Отсюда логически слѣдуетъ, что въ случаѣ обнаруженія „недосмотровъ“, — вмѣсто погромовъ партикулярныхъ лицъ и ихъ жилищъ, генералу Думбадзе надлежало бы бомбардировать квартиры подчасковъ, помощника пристава, пристава, полицеймейстера, самого генералъ-губернатора!..

Исторія знаетъ примѣры подобной героической неуклонности. Извѣстно, напримѣръ, что въ средніе вѣка людей, которые по недосмотру и недостатку бдительности допускали нечистой силѣ овладѣть своими душами, — подвергали истязаніямъ, а порой и казни. И вотъ однажды главный судья одного округа, нѣкто Ремигій (имени-отчества и чина припомнить не могу), оглянувшись на себя самого и строго взвѣсивъ состояніе своей души, рѣшилъ, что онъ-то, главный стражъ чужой

---

*) „Русь“. Цитируемъ изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ 18 апрѣля (веч. вып.), № 9855.

осмотрительности, — самъ провинился въ недосмотрѣ... Тогда онъ сказалъ себѣ: „Ремигій! Ты, какъ лицо оффиціальное, поставленное на стражѣ, несомнѣнно повиненъ всѣхъ болѣе“. И потому... онъ нарядилъ судъ, заставивъ пытать себя, постановить приговоръ и сжечь на кострѣ... Вотъ это былъ человѣкъ неуклонной послѣдовательности, хотя многіе и считаютъ его сумасшедшимъ.

Не такъ давно Л. Ф. Пантелѣевъ привелъ изъ Готскаго альманаха справку объ образѣ правленія въ нашемъ отечествѣ. Оказалось, что этотъ образъ правленія есть самодержавно-конституціонный. Всѣхъ особенностей этого строя, разумѣется, „не пойметь и не оцѣнить гордый взоръ иноплеменный“. Ну, а мы, русскіе самобытные люди, отлично понимаемъ, въ чемъ дѣло.

Въ Таврическомъ дворцѣ — конституція... Въ остальной Россіи генералы Думбадзе.

Къ Таврическому дворцу приставлены поручики Пономаревы, какъ классныя дамы къ институткамъ, чтобы конституція не выходила за предѣлы дворца и не совалась, куда не надо.

За генералами Думбадзе никто не смотритъ, и только отъ времени до времени ихъ повышаютъ въ чинахъ.

Депутаты въ Таврическомъ дворцѣ поговариваютъ, генералы Думбадзе постръливаютъ, и такимъ способомъ водворяется гармонія властей...

Только обыватели должны спать одѣтыми, часто вскакиваютъ, кричатъ и подымаютъ тревогу, не зная, откуда имъ ждать полнаго благополучія: снизу, сверху, справа или слѣва.

На нашемъ выразительномъ языкѣ это называется — не житье, малина! Генералъ Думбадзе „ручается“! Послѣ такого ручательства можно быть увѣреннымъ твердо въ одномъ: что уцѣлѣетъ отъ бомбы террориста, то генералъ Думбадзе разрушитъ уже „безъ остатка“.

1907 г.

О латинской благонадежности.

„Какъ солнце въ малой каплѣ водъ!“

I.

Въ Государственной Думѣ говорятъ и въ газетахъ пишутъ, что г. Шварцъ, „новый“ министръ народнаго просвѣщенія, „воздвигъ новые барьеры на пути къ высшему образованію“.

Всѣмъ, у кого есть учащіяся дѣти, нѣтъ нужды слышать думскія рѣчи и читать газетныя статьи; мы въ натурѣ знакомимся съ этими интересными сооруженіями, какъ новыми, изобрѣтенными г. Шварцемъ, такъ и прежними, которыя воздвигнуты усердіемъ его почтенныхъ предшественниковъ. Такъ что мы можемъ довольно легко судить о „прогрессѣ“ въ области этого „просвѣтительнаго строительства“. И нужно отдать справедливость, — нѣкоторыя изъ этихъ остроумныхъ загражденій способны привлечь вниманіе всякаго наблюдателя.

Я, напримѣръ, живу въ Полтавѣ. Здѣсь окончили гимназію мои двѣ дочери. Одна изъ нихъ захотѣла держать „дополнительный экзаменъ“ по латыни и еще нѣкоторымъ предметамъ, чтобы быть свободнѣе въ выборѣ факультета.

Еще недавно, — до „конституціи“, до „успокоенія“, до новаго министра г. Шварца,—это дѣлалось сравнительно просто. Вѣдь рѣчь идетъ даже не о новомъ аттестатѣ, а лишь о прибавкѣ трехъ - четырехъ отмѣтокъ въ аттестатѣ, уже выданномъ. Прежде требовалось подать до 20-го марта заявленіе съ предъявленіемъ аттестата. 20-го марта совѣтъ разсматривалъ просьбы, а съ 1-го мая начинались экзамены.

Никакихъ оффиціальныхъ извѣщеній о перемѣнѣ этого установившагося порядка не было, и всѣ заинтересованные считали, что и теперь этого достаточно. Поэтому десятки

экстерновъ и экстернокъ явились въ гимназію на прежнихъ основаніяхъ въ первыхъ числахъ марта.

Здѣсь ихъ, однако, ждалъ сюрпризъ, въ видѣ „новыхъ барьеровъ“. Новый директоръ полтавской гимназіи г. Клюге принялъ сколько-то прошеній, а остальнымъ отказалъ по разнымъ причинамъ. Между прочимъ нѣкоторые просители и просительницы узнали, что... они являлись слишкомъ поздно.

Почему поздно? Къ какому *сроку* они опоздали? Совѣтъ еще только будетъ 20-го, экзаменъ начнется только 1-го мая... Я, признаться, не повѣрилъ и 10 марта отправился, чтобы лично вручить г. директору просьбу моей дочери.

Г. директоръ принялъ у меня документы, пересмотрѣлъ ихъ, не сказалъ, что „уже поздно“, но совершенно корректно выставилъ другой барьеръ: недостаетъ еще... „свидѣтельства о благонадежности“.

Признаюсь, несмотря на мой почтенный возрастъ и разносторонній опытъ, это требованіе г. директора гимназіи меня нѣсколько... ошеломило. Положимъ, какъ россійскій обыватель, я обязанъ былъ знать, что „благонадежность“ въ нашемъ отечествѣ есть нѣчто очень важное и необходимое, какъ пища, какъ вода, какъ воздухъ, даже болѣе—какъ паспортъ. Безъ „благонадежности“ вы -человѣкъ, въ сущности, лишенный всѣхъ правъ состоянія. Вы, положимъ, окончили учительскую семинарію и получили „право“ заниматься учительствомъ. Но если „администрація“ не пожелаетъ признать васъ „благонадежнымъ“, вы потеряли годы ученія напрасно: учителемъ вамъ не быть. Точно также вамъ загражденъ доступъ на службу государственную, земскую, а порой (при особенной энергіи власти) даже и на частную. Однимъ словомъ, безъ особаго милостиваго разрѣшенія полиціи, называемаго „свидѣтельствомъ о благонадежности“, человѣку остается порой одна торная дорога — въ экспропріаторы. Разрѣшеніе на это не нужно, но за то самый „родъ дѣятельности“ не всякому по силамъ...

Сколько и какихъ драмъ разыгрывается на этой „благонадежной“ почвѣ по лицу русской земли, какія „благонадежныя“ чувства вызываетъ этотъ „порядокъ“ въ сотняхъ и тысячахъ русскихъ людей, встрѣчающихъ его на первыхъ же распутьяхъ своей жизни, — это представить нетрудно. Мнѣ разсказывали въ одномъ провинціальномъ городѣ случай, когда одинъ еще молодой, хотя и семейный человѣкъ, согласившись спѣть „Ласточку сизокрылую“ на любительскомъ литературно-музыкальномъ вечерѣ, чуть не сгубилъ этимъ всю свою карьеру. Мало-вѣроятно, но просто: передъ „утвержде-

ніемъ афиши“ г. полицеймейстеръ наводитъ справку о „благонадежности“ исполнителей. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы „Ласточку“ всенародно пѣло на эстрадѣ лицо, политическая репутація коего, быть можетъ, небезупречна. И вдругъ, — увы! — оказывается, что на политической репутаціи нашего молодого человѣка есть пятна... въ прошломъ. Что-то маловажное: онъ и самъ не зналъ, что когда-то, на зарѣ юности, попалъ на замѣчаніе, внесенъ въ секретный списокъ и одно время состоялъ подъ секретнымъ надзоромъ. Кончилъ послѣ этого гимназію, поступилъ на службу, былъ на хорошемъ счету, женился и жилъ незамѣтно, забытый до времени полиціей. И вдругъ — этотъ ужасный любительскій вечеръ въ пользу какой-то библіотеки. Роковое заблужденіе юности всплываетъ... Разрѣшенія на „Ласточку“ начальство не дастъ, преступное имя придется снять съ афиши, поднимутся разговоры, узнаетъ непосредственное начальство. О, Господи!.. Молодой человѣкъ въ отчаяніи, жена плачетъ, на мѣстѣ недавняго семейнаго и служебнаго благополучія—трагедія...

Справедливость требуетъ сообщить, что въ данномъ случаѣ дѣло кончилось благополучно: полицеймейстеръ оказался человѣкомъ снисходительнымъ и, посовѣтовавъ молодому человѣку впередъ „быть осторожнѣе“, согласился на компромиссъ: молодой человѣкъ яко-бы самъ отказался пѣть на вечерѣ, афиша была перепечатана безъ излишней огласки мотивовъ, „Ласточку“ спѣлъ человѣкъ вполнѣ благонадежный, а злополучная „справка о благонадежности“ NN утонула въ забвеніи. Впредь до новаго неосторожнаго шага.

Все это я, конечно, зналъ. Но... всетаки до сихъ поръ справки требовались въ случаяхъ болѣе „важныхъ“: поступленіе на службу, учительство, „публичное выступленіе“ на эстрадѣ. Что дѣлать? Тутъ справки давно уже въ „порядкѣ вещей“. Мы свыклись съ мыслью, что „порядокъ вещей“ есть нѣчто очень хрупкое и неустойчивое, въ родѣ горныхъ лавинъ, которыя, какъ извѣстно, обрушиваются иной разъ отъ тихаго вѣтерка, даже отъ громко сказаннаго слова. Выйдетъ вотъ этакій „недосмотрѣнный“ начальствомъ молодой человѣкъ, въ прошломъ котораго было „что-то“, на эстраду и вмѣсто „У меня ль была тоже ласточка“, споетъ нѣчто не по программѣ, — напримѣръ: „У меня ль была жизнь свободная“... Или скажетъ такое магическое „слово“, отъ коего „существующій строй“ рухнетъ внезапно съ грохотомъ и трескомъ и похоронитъ всѣхъ насъ подъ своими обломками. И все это случится такъ стремительно, что даже злоумышлен-

ника не успѣютъ подвергнуть законной или административной отвѣтственности. Во избѣжаніе такого ужаса необходимо, значитъ, чтобы полиція тщательно провѣряла секретныя жизнеописанія всѣхъ обывателей, дерзающихъ выступать публично съ пѣніемъ, чтеніемъ, декламаціей...

Пусть такъ. Но экзамены... Да еще *дополнительные*. Вѣдь тутъ нѣтъ еще ни учительства, ни земской службы, ни публичныхъ выступленій. Здѣсь въ четырехъ стѣнахъ учебнаго заведенія, въ присутствіи благонадежнѣйшаго педагогическаго персонала, такъ сказать, съ глазу на глазъ и чуть не по секрету предстоитъ только спросить у юноши или дѣвицы, какого онъ или она мнѣнія о числѣ латинскихъ спряженій, объ imperfectum или ablativus absolutus, или, наконецъ, заставить его или ее перевести кусочекъ изъ Тита Ливія или Цицерона... Неужели и тутъ допускается возможность произнесенія такого „слова“, отъ коего общественное спокойствіе и государственная безопасность поколеблются въ основаніяхъ?! Вѣдь даже самое превратное истолкованіе сослагательнаго наклоненія можетъ прозвучать не далѣе благонадежныхъ стѣнъ гимназіи. И самымъ осязательнымъ его результатомъ явится лишь отмѣтка въ экзаменаціонномъ листѣ. А если бы даже оказалось въ концѣ концовъ, что какой-нибудь ужасно „неблагонадежный“ юноша получилъ удостовѣреніе, что онъ знакомъ съ Овидіемъ „въ предѣлахъ гимназическаго курса“, то неужели это такъ опасно?.. То-есть *такъ* опасно, что изъ-за этой опасности необходимо тревожить г. мѣстнаго губернатора? А тотъ въ свою очередь потревожитъ полицеймейстера, а тотъ напишетъ частному приставу „по мѣсту жительства“, а тотъ адресуется секретно въ жандармское управленіе... А если кандидатъ въ „благонадежно экзаменующіеся“ выѣзжалъ хоть временно изъ города, то эта цѣпь изысканій поползетъ въ уѣздъ къ исправнику, отъ него къ становому, отъ станового въ уряднику... И потомъ обратно вверхъ по административно-іерархической лѣстницѣ до самаго губернатора. И это всякій разъ, какъ юноша или дѣвица пожелаетъ „подвергнуться испытанію“.

Скажите, самые „благонадежные“ господа, хоть бы даже носящіе мундиръ вѣдомства просвѣщенія, неужели это не кажется вамъ полной безсмыслицей?.. И эта безсмыслица держится уже годы!

Я позволилъ себѣ высказать одну сотую этихъ соображеній г. директору... „Кажется, еще недавно такого свидѣтельства для дополнительныхъ экзаменовъ не требовалось“... Г. директоръ, разумѣется, не могъ разсѣять моихъ недоумѣній: „Общее правило... Требованіе свыше...“

Я понялъ: въ этомъ выражается тотъ „прогрессъ“, который съ своей стороны внесъ въ дѣло средней и высшей школы г. Шварцъ. Прогрессъ очень знаменательный. Нѣсколько лѣтъ назадъ, задолго еще до „конституціи“, обнаружилось какъ-то, что въ гимназіяхъ завелась практика „секретныхъ аттестацій“. Кромѣ оффиціальнаго аттестата учебная администрація посылала въ высшія учебныя заведенія тайные отзывы. Юноша пріѣзжаетъ въ Петербургъ, Москву или Кіевъ. Аттестатъ у него въ порядкѣ, начальство удостовѣрило „явно“, что поведеніе у него отличное. И вдругъ — отказъ въ пріемѣ. Это значитъ подѣйствовала тайная аттестація директора, произошло лишеніе правъ по усмотрѣнію, быть можетъ, по личнымъ счетамъ съ родителями,—тѣхъ самыхъ правъ, которыя оффиціально удостовѣрены аттестатомъ.

Это показалось всѣмъ до такой степени... предосудительнымъ и даже гнуснымъ, что, помнится, даже кн. Мещерскій привѣтствовалъ отмѣну этихъ аттестацій, какъ признакъ „оздоровленія“ въ области средней школы. Но „оздоровленіе“ было непродолжительно: черезъ нѣкоторое время тайныя аттестаціи вновь водворились у порога среднихъ учебныхъ заведеній. Только теперь онѣ выдаются не директорами, а полиціей, и носятъ названіе „свидѣтельствъ о благонадежности“. Трудно сказать, что лучше. Такъ какъ и тутъ, и тамъ дѣйствуетъ „усмотрѣніе“, тайно и безконтрольно лишающее явно пріобрѣтенныхъ правъ, то многіе не безъ основанія думаютъ, что это по существу одно и то же. Всевластное сыскное начало, прогнанное въ одну дверь, преспокойно вошло въ другую.

А теперь господинъ Шварцъ это еще „усовершенствовалъ“. Еще въ прошломъ году „свидѣтельство о благонадежности“ требовалось отъ экстерна для полученія полнаго аттестата. Теперь оно нужно и для дополнительнаго экзамена хотя бы только по одной латыни.

II.

Дѣлать однако нечего. Приходится отправляться за „свидѣтельствомъ о благонадежности“ въ канцелярію г. губернатора. Прошеніе, гербовый сборъ: двѣ марки по 75-ти копѣекъ.

Вѣжливый молодой чиновникъ принимаетъ прошеніе, пробѣгаетъ его и говоритъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Такихъ просьбъ поступаетъ къ намъ теперь много. Но... къ 20-му марта мы никакъ не поспѣемъ; нужны справки...

— Какъ же однако быть экзаменующимся?

— А когда начинаются экзамены?

— Только съ 1-го мая.

— Можетъ-быть, можно не къ совѣту, а къ экзамену?

Соображеніе, повидимому, справедливое: государственная безопасность достаточно обезпечивается, если „отзывъ“ послѣдуетъ хотя бы къ экзамену. Въ прошлые годы, до конституціи и до г. Шварца, это такъ и дѣлалось: экстерны допускались совѣтомъ условно.

Теперь „прогрессъ“ и „реформа“: 20-го марта состоялся педагогическій совѣтъ, и всѣмъ, о комъ отзыва о благонадежности не поступило, — въ допущеніи къ испытаніямъ отказано. Допущено всего человѣкъ 18, которые удостовѣрили свою „благонадежность“ къ 20-му числу. Позднѣйшая благонадежность по рѣшенію ли г. министра, или кіевскаго попечителя г. Зилова, или же по усердію полтавскаго педагогическаго совѣта оказалась уже недѣйствительной...

Во время одного изъ своихъ посѣщеній гимназіи по сему, какъ видитъ читатель, очень сложному, трудному и мудреному дѣлу я увидѣлъ у гимназическаго крыльца кучку встревоженной молодежи. Это были кандидаты и кандидатки на полные или дополнительные экзамены. Шелъ взволнованный разговоръ о „новыхъ барьерахъ“ и неожиданныхъ препятствіяхъ. Говорили о томъ, какъ все это сдѣлано грубо, неожиданно и безъ предупрежденія. И во всемъ видна одна тенденція: допустить къ экзаменамъ какъ можно меньше. Однимъ просто отказали („поздно“). Другимъ указали, что по „новымъ правиламъ“ они должны держать экзаменъ „по мѣсту рожденія“, хотя бы учились и кончили гимназію въ Полтавѣ... У третьихъ потребовали благонадежности къ 20-му, что равносильно отказу... У нѣкоторыхъ собесѣдницъ на глазахъ стояли слезы. Годъ потерянъ, — годъ усилій, лишеній, надеждъ... И къ чему это? Для чего? Съ какой разумною или хоть благовидною цѣлью?..

Недоумѣніе разрѣшилъ небольшой гимназистъ, только-что вышедшій изъ класса съ двумя другими и остановившійся, чтобы послушать, о чемъ такъ горестно бесѣдуютъ экстерны и экстерки. Вникнувъ въ суть вопроса, онъ толкнулъ локтемъ товарища и беззаботно пошелъ отъ крыльца, уронивъ на ходу короткую обобщающую сентенцію: „Подсидѣли! Здор-рово!“

Это краткое изреченіе поразило меня своимъ удивительнымъ значеніемъ. Юноша говорилъ, повидимому, вполнѣ объективно: ему самому еще долго придется идти проторенным путемъ отъ класса къ классу, и на сей разъ „подси-

дѣли“ не его и не его товарищей. Но я подумалъ невольно: что если бы можно было въ эту минуту заглянуть въ этотъ юный мозгъ и отыскать тамъ узелокъ, въ которомъ формируются представленія объ „учебномъ“ начальствѣ, о педагогическомъ мірѣ, о „наставникахъ, хранящихъ юность нашу“? Не оказалось ли бы тамъ совершенно непредвидѣнное опредѣленіе: педагогическое начальство вообще, это — такіе взрослые люди, которые за казенное жалованье „здорово подсиживаютъ“ молодежь въ ея стремленіи къ просвѣщенію.

Если это психологическій фундаментъ для радикальнаго успокоенія умовъ въ средѣ учащейся молодежи, то, нужно признаться, фундаментъ очень своеобразный и едва ли устойчивый.

III.

Въ заключеніе этого безхитростнаго очерка не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести небольшой эпизодъ изъ недавняго прошлаго, о которомъ мнѣ приходилось уже упоминать въ другомъ мѣстѣ *). Было это во второй половинѣ 80-хъ годовъ, т. е. въ „спокойное“ царствованіе Александра III. Московское студенчество что-то пошумѣло, и сотни полторы молодыхъ людей были препровождены въ Бутырскую тюрьму. Туда же попало сколько-то петербургскихъ студентовъ за преступное намѣреніе отслужить панихиду по писателѣ Добролюбовѣ. Такимъ образомъ въ Бутыркахъ составилось многочисленное и шумное общество, которому пришлось разрѣшить нѣкоторыя отступленія отъ обычныхъ тюремныхъ порядковъ. Молодежи отвели отдѣльный корридоръ, двери камеръ не запирались, происходили общія чтенія, и даже издавалась рукописная газетка.

Я имѣлъ случай видѣть нѣсколько нумеровъ этого органа тюремной гласности, и мнѣ запомнились нѣкоторыя пародіи „правительственныхъ извѣстій“, въ которыхъ непочтительная молодежь характеризовала тогдашнія „реформы“ и безсиліе правительственнаго „творчества“ въ этой области. Такъ, подъ видомъ телеграммы изъ Петербурга сообщалось: „Министерство народнаго просвѣщенія, считаясь съ назрѣвшими требованіями времени, проводитъ важную реформу въ области средняго образованія: *отнынѣ уроки греческаго языка переносятся на мѣсто языка латинскаго и—обратно: латинскій языкъ будетъ преподаваться въ часы, когда преподавался греческій*“.

*) „Русское Богатство“, апр. 1907 г. „Случ. замѣтки“.

Однако въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ появилось вскорѣ новое оффиціальное извѣстіе: оказалось, что смѣлая реформа, произведенная министерствомъ народнаго просвѣщенія, не дала желаемыхъ результатовъ: и юношество, и общество, и даже педагогическій персоналъ оказались неподготовленными къ важной перемѣнѣ, которая можетъ оказаться благодѣтельной только при высшемъ уровнѣ культуры. Въ виду этого признано за благо: *уроки греческаго языка вновь перенести на мѣсто латинскаго и обратно!*

„Хотя, такимъ образомъ, — писали въ передовой статьѣ, комментировавшей важное извѣстіе, — все возвращено опять въ первобытное дореформенное состояніе, однако нельзя не видѣть въ этой кипучей дѣятельности нынѣшняго министерства признаковъ чуткости къ запросамъ жизни. Кто, кромѣ самыхъ крайнихъ разрушителей, рѣшится отрицать, что министерство, которое на разстояніи столь короткаго времени провело двѣ столь важныя реформы, можетъ быть обвиняемо въ чемъ угодно, только не въ косности и застоѣ?“

Не могу поручиться за полную точность цитатъ. Боюсь даже, что „передовицу“ я изложилъ нѣсколько вольно. Но самыя пародіи извѣстій привожу довольно точно, такъ какъ онѣ тогда же поразили меня своей непосредственной мѣткостью, какъ и неожиданное обобщеніе полтавскаго гимназиста. Прошло болѣе 20-ти лѣтъ... Мы видѣли много „реформъ“. Но не было ли это все переносомъ уроковъ греческаго языка на мѣсто латинскаго въ „либеральные“ періоды и возвращеніе къ прежнему порядку въ періоды „здоровой реакціи“? Ввели родительскіе комитеты. Упразднили экзамены. Теперь собираются упразднить родительскіе комитеты. Ввели экзамены... Да, при добромъ желаніи это можно считать двумя, нѣтъ, даже четырьмя реформами на разстояніи короткаго времени...

Кипучая реформаторская дѣятельность!

Наконецъ, пришелъ г. Шварцъ, человѣкъ науки, бывшій профессоръ. Реформаторское творчество его проявилось тотчасъ же... постановкой еще нѣсколькихъ барьеровъ изъ того стараго, потрескавшагося отъ долгаго употребленія матеріала. Потребовать свидѣтельства о благонадежности для дополнительныхъ экзаменовъ... Дополнительные экзамены по мѣсту рожденія... Не пущать евреевъ, не пущать семинаристовъ, прогнать вольнослушательницъ! О, почтенный Мымрецовъ! Претендовалъ ли онъ когда-нибудь на то, что его формула превратится въ лозунгъ россійскаго реформаторскаго творчества!

И, разумѣется, г. Шварцъ еще не сказалъ намъ послѣдняго слова, хотя г. Дубровинъ и привѣтствовалъ его, какъ истинно-русскаго министра, который, навѣрное, введетъ успокоеніе... И уже говорятъ объ отставкѣ г. Шварца. Можно думать, что на мѣсто г. Шварца придетъ кто-нибудь еще „истиннѣйшій“ и еще русскѣйшій. Онъ можетъ называться Черновымъ или Вейссомъ. Дѣло не въ фамиліи, а въ продолженіи истинно-русскихъ традицій. Придетъ этотъ Черновъ или Вейссъ, и г. Дубровинъ привѣтствуетъ его какъ уже самаго настоящаго. А о г. Шварцѣ, пожалуй, напишетъ, что онъ по ближайшемъ разсмотрѣніи оказался инородцемъ и измѣнникомъ и потому не довелъ успокоенія до конца. При немъ требовали *одной* „благонадежности“ *для всѣхъ* дополнительныхъ экзаменовъ, которыхъ могло быть четыре или пять. Черновъ или Вейссъ безстрашно пойдетъ далѣе и потребуетъ свидѣтельства о благонадежности *на каждый предметъ отдѣльно:* выдержалъ экзаменъ по латыни — бѣги стремглавъ въ полицію и хлопочи о благонадежности для географіи. Потомъ пойдетъ благонадежность нѣмецкая, французская, ариѳметическая, геометрическая, физическая, химическая и т. д., и т. д. Перспектива такихъ реформъ очень длинна,—вплоть до требованія благонадежности при переходѣ изъ приготовительнаго класса въ первый. Вотъ только когда можно будетъ поручиться за полное успокоеніе въ области россійскаго просвѣщенія. При такомъ порядкѣ скорѣе все нынѣшнее учащееся поколѣніе выростетъ, переженится, перестрѣляется и перемретъ, чѣмъ... хотя одинъ „неблагонадежный“ юноша или таковая же дѣвица получитъ оффиціальное удостовѣреніе въ томъ, что онъ (или она) можетъ удовлетворительно перевести цицероновское:

Quousque tandem, Catilina?..

„Прежде всего—успокоеніе“!

1908 г.

„КРЕСТЪ И ПОЛУМѢСЯЦЪ“*).

I.

Я прочелъ въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ отчетъ о горбатовскомъ земскомъ собраніи. Въ самомъ началѣ секретарь собранія г. Кожакинъ предложилъ послать телеграмму „съ выраженіемъ сочувствія борющимся за свободу славянамъ“. Затѣмъ возникъ вопросъ о санитарной помощи. Далѣе въ отчетѣ читаемъ: „Гласный А. Ф. Гогинъ считаетъ болѣе правильнымъ пожертвовать вообще для всѣхъ страждущихъ отъ войны безъ различія народности. Противъ этого предложенія горячо протестуетъ священникъ о. Любимскій.

„— Турки избиваютъ христіанъ, и давать что-либо этимъ звѣрямъ (sic) не слѣдуетъ,—говоритъ онъ.

„Гласный Гогинъ возразилъ:

„— Меня крайне удивляетъ, что пастырь церкви съ крестомъ на шеѣ говоритъ слова, чуждыя человѣколюбія. Священникомъ совершенно забыта притча о милосердномъ самарянинѣ“ *).

Собраніе большинствомъ голосовъ постановило ассигновать по 100 рублей на каждое славянское государство. Помощь всѣмъ страждущимъ безъ различія народности отвергнута.

Газета, въ которой помѣщенъ этотъ отчетъ, рѣшительно становится на сторону гл. Гогина. Отмѣтивъ съ большой симпатіей, что общество мира въ Москвѣ ассигновало пожертвованіе одинаково на раненыхъ турокъ и славянъ,—г. Перо, авторъ замѣтки, находитъ, что священникъ, назвавшій турокъ „звѣрями“, могъ бы прибавить: пусть подыхаютъ.

Да, это было бы и послѣдовательно, и особенно выразительно въ устахъ священника, который въ недѣлю о самаря-

*) „Нижн. Листокъ“ 10-го ноября, № 301.

нинѣ проникновеннымъ голосомъ читаетъ и превосходную притчу, какъ бы предвидѣвшую изъ глубины вѣковъ и наши войны, и нашъ національнизмъ, и горбатовское земское собраніе, и милосердное предложеніе гласнаго Гогина, и даже... возраженіе священника. Только о. Любимскій, столько разъ читавшій поучительную притчу, не понялъ ея и не остерегся выступить въ земскомъ собраніи въ непривлекательной роли священника и левита, которые „увидѣли и прошли мимо“.

Я не знаю, кто такой г. Гогинъ. Интеллигентный человѣкъ или простецъ, которому его предложеніе подсказано правильнымъ чувствомъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ, имъ поставленный въ захолустномъ земскомъ собраніи, возникъ не въ одномъ Горбатовѣ и находилъ самостоятельные отголоски въ провинціальной прессѣ. Недавно Александръ Яблоновскій въ „Кіевской Мысли“ *) съ негодованіемъ опровергалъ нехорошій ходячій предразсудокъ, который о. Любимскій такъ удачно (хотя и безсознательно) формулировалъ въ одной фразѣ: „турки—звѣри“, и имъ помогать нельзя. „Со всѣхъ сторонъ, покинувъ пылающія въ огнѣ деревни, въ столицу потянулись турецкіе мужики-хлѣбопашцы. Съ дѣтьми, съ домашней скотиной, нагрузивши на возы нищенскій скарбъ, эти десятки тысячъ раззоренныхъ и голодныхъ людей расположились лагеремъ вокругъ столицы... Въ городъ ихъ не пускаютъ... Въ ожиданіи переправы на анатолійскій берегъ эти люди просятъ милостыни, и ихъ маленькія дѣти ѣдятъ траву и листья, потому что хлѣба давно нѣтъ... Нѣтъ и не будетъ. Ихъ судьба сложилась до ужаса просто: назади—пылающія деревни, въ настоящемъ—холера, въ будущемъ—голодъ. И вотъ,—говоритъ авторъ,—противъ этихъ людей русскіе литераторы, пишущіе въ газетахъ, „подымаютъ мечъ отмщенія“...

Всѣ ли турки „звѣри“? Больше ли среди нихъ „звѣрей“, чѣмъ въ другихъ націяхъ при тѣхъ же условіяхъ?.. Можетъ быть... Вѣка заносчиваго національнизма и деспотіи не проходятъ даромъ. Но... война вообще дѣло звѣрское. Недавно наши газеты обошелъ новый славянскій военный маршъ, положенный на музыку и разосланный въ войска. Сказать правду, этотъ маршъ христіанъ нельзя читать безъ содроганія. Въ немъ на разные лады повторяются три слова: мсти, не щади, бей... Достаточно представить себѣ, что позади описанной выше толпы турецкихъ мужиковъ съ дѣтьми, питающимися травой, звучитъ еще этотъ „маршъ“, чтобы понять, что традиціонный образъ „башибузука“ не покрываетъ всѣхъ

*) 11-го ноября, № 313.

турокъ, а на сторонѣ христіанъ—не одно лишь покорное страданіе. Нельзя всетаки забывать, что приказы, исходившіе отъ турецкихъ властей, говорили о необходимости человѣческаго отношенія къ противнику, о пощадѣ мирнаго населенія занимаемыхъ мѣстностей... Это только заискиваніе передъ Европой? Уступка европейскому общественному мнѣнію? Пусть такъ. Нельзя, однако, не сказать, что это недурное вліяніе общественнаго мнѣнія и хорошая уступка...

II.

Къ сожалѣнію, даже въ части передовой русской прессы слышатся голоса, солидарные съ отцомъ Любимскимъ, а не съ гласнымъ Гогинымъ. Вспоминаю, что г. Дорошевичъ въ „Русскомъ Словѣ“ соглашался допустить помощь страдающимъ туркамъ... Но лишь тогда, когда въ лагерѣ союзниковъ не останется ни одной неперевязанной раны.

Иначе сказать—никогда.

Я полагаю, что тутъ есть огромная ошибка. Люди, думающіе, какъ г. Дорошевичъ, руководятся, повидимому, слѣдующимъ простымъ разсчетомъ: славянская рана болитъ такъ же, какъ и турецкая. И если помощь можетъ быть оказана, скажемъ, сотнѣ тысячъ человѣкъ,—зачѣмъ намъ дробить ее между христіанами и турками. Можно облегчить сто тысячъ единицъ страданія... Пусть это и будетъ сто тысячъ христіанъ.

Повидимому, просто. Но въ томъ-то и дѣло, что ужъ слишкомъ просто. Есть явленія, которыя не исчерпываются счетомъ и мѣрой. Иной разъ то или другое общественное дѣйствіе можетъ имѣть огромное символическое значеніе, въ свою очередь вліяющее и на счетъ, и на мѣру.

Таковъ смыслъ предложенія, которое внесъ въ горбатовскомъ земскомъ собраніи скромный уѣздный гласный и противъ чего возразилъ горбатовскій „левитъ“. Стоитъ только представить себѣ, что надъ кровавыми полями несчастной Турціи поднялся символъ любви и помощи страдающимъ людямъ, независимо отъ народности и вѣры, что христіанская рука протянула бы кусокъ хлѣба мусульманскому ребенку, убѣгающему изъ сожженной родной деревни... Это значило бы, что въ войну вмѣшалась новая сила, что на этихъ залитыхъ кровью поляхъ сдѣланъ шагъ къ новой побѣдѣ. Побѣдѣ не турокъ надъ славянами или славянъ надъ турками, — эти вопросы рѣшаются только числомъ смертей и количествомъ ранъ,—а побѣдѣ грядущей человѣчности, подымающей свой нейтральный флагъ среди ужасовъ вражды и крови... И кто

же можетъ учесть, насколько это смягчило бы современемъ самыя формы войны? Скольким христіанамъ въ глубинѣ коренныхъ турецкихъ владѣній могло бы спасти жизнь въ дальнѣйшей, быть можетъ, еще долгой и ужасной борьбѣ. Сколько устранило бы поводовъ для новыхъ жестокостей, сколько выкинуло бы звеньевъ изъ вѣковой цѣпи взаимныхъ обидъ и мести!..

Да, есть еще много соображеній помимо простого счета больныхъ и раненыхъ. Въ турецкихъ войскахъ есть немало христіанъ, отъ которыхъ „присяга“ требуетъ участія въ защитѣ Турціи, какъ требовала бы она у нашихъ русскихъ мусульманъ участія въ защитѣ Россіи противъ турокъ.

Это уже бывало, и они защищали. Въ глубинѣ Малой Азіи есть цѣлыя села (напримѣръ, Майносъ) съ чисто русскимъ населеніемъ, которое теперь окружено болѣзненно напряженными чувствами мусульманскаго міра. У насъ—много соотечественниковъ-магометанъ, прислушивающихся съ понятнымъ волненіемъ къ нашимъ толкамъ о войнѣ. Недавно намъ пришлось читать протесты этихъ нашихъ соотечественниковъ, глубоко задѣтыхъ статьями г. Дорошевича и г. Философова, въ которыхъ они увидѣли вызовъ своимъ религіознымъ и племеннымъ чувствамъ.

Шесть лѣтъ назадъ Россія пережила тоже рядъ тяжелыхъ и безславныхъ пораженій. Я не знаю, какъ вели себя при этомъ турки и старались ли дать почувствовать свою радость тѣмъ русскимъ, которые живутъ среди нихъ и въ Европейской, и въ Азіатской Турціи. Возможно, что это гдѣ-нибудь и было. Но, конечно, нельзя сказать, что это было хорошо и чтобы это заслуживало подражанія съ нашей стороны. Нѣтъ, это было (если было) такъ же плохо, какъ и то, когда мы теперь стараемся внушить нашимъ мусульманскимъ соотечественникамъ, что на балканскихъ поляхъ рѣшаются не вопросы о томъ, что союзныя балканскія государства хотятъ закрѣпить свою возросшую силу формулой большаго относительнаго *вліянія*. И не о томъ, что *имъ нуженъ* выходъ къ морямъ, что они хотятъ „исправить свои границы и защитить на будущее время родственныя племена отъ избалованнаго вѣками турецкаго національнализма“. Все это была бы только суровая и трезвая правда. Зачѣмъ же вмѣсто нея подставлять патетическую формулу о „борьбѣ креста съ полумѣсяцемъ“, т. е. о борьбѣ всей христіанской вѣры, которую исповѣдуемъ мы и нѣкоторые подданные Турціи, со всѣмъ мусульманствомъ, которое исповѣдуетъ Турція и нѣкоторые подданные Россіи?

Развѣ вѣра по вѣрѣ стрѣляетъ изъ пушекъ? А если стрѣляетъ, то хорошо ли дѣлаетъ?

Эта борьба можетъ идти на каѳедрахъ богословія, въ полемическихъ и апологетическихъ сочиненіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ богослововъ, пусть даже, если угодно, въ ученыхъ диспутахъ „религіозно-философскаго общества“. Но развертывать религіозныя несогласія, какъ знамя раздора, въ такія минуты, когда льется кровь и напряженныя страсти безъ того дрожатъ отголосками близкихъ катаклизмовъ, внушать нашимъ мусульманамъ, что на Балканахъ идетъ не только борьба съ турками балканскихъ народовъ изъ-за опредѣленныхъ интересовъ, а еще борьба „креста съ полумѣсяцемъ“, т. е. *наша* борьба *съ ними* до тѣхъ поръ, пока они не откажутся отъ своихъ вѣрованій и племенныхъ свойствъ,— едва ли это можно считать удачнымъ проявленіемъ христіанскаго духа. Думаю, простой здравый смыслъ и простое человѣческое чувство диктуетъ, наоборотъ, особенное вниманіе и особенную деликатность въ отношеніи къ настроенію нашихъ соотечественниковъ-мусульманъ. Болѣе чѣмъ когда-либо задача передовой печати состоитъ теперь въ борьбѣ съ вѣроисповѣднымъ и племеннымъ фанатизмомъ, въ томъ, чтобы дать понять нашимъ мусульманамъ, что мы имъ не враги, а соотечественники и братья. И только тогда, только съ этой точки зрѣнія мы въ правѣ осуждать тѣхъ турокъ, которые раздуваютъ вражду къ живущимъ среди нихъ христіанамъ.

Христіанство толкуется разно, и я, конечно, не считаю себя достаточно компетентнымъ истолкователемъ его съ канонической или исторической точки зрѣнія. Едва ли, однако, нужно быть начетчикомъ, чтобы видѣть, что истинное христіанство звучитъ въ предложеніяхъ гг. Гогиныхъ, а не въ протестахъ священниковъ Любимскихъ.

А побѣда „креста надъ полумѣсяцемъ“? Въ чемъ же она? Въ войнѣ? Въ убійствахъ? Но вѣдь царство креста—не отъ міра сего, т. е. не отъ того міра, гдѣ гремятъ пушки и гдѣ побѣду приходится учитывать количествомъ убитыхъ и раненыхъ. Это въ лучшемъ случаѣ область „печальныхъ необходимостей“, а идеалы, въ томъ числѣ и особенно идеалъ христіанскій,—въ другой плоскости. Вотъ если бы дѣйствительно „красный крестъ“ первый сумѣлъ, среди ужасовъ раздора и смерти, осуществить хотя бы скромное дѣло любви просто къ человѣку, безъ различія народностей, то это былъ бы шагъ впередъ къ тому взыскуемому царству, гдѣ кресту единственно подобало бы искать *своихъ* побѣдъ и *своихъ* завоеваній.

1912 г.

СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ

(по даннымъ судебнаго разслѣдованія).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ декабрѣ 1905 года въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ и Устивицѣ (Полтавской губ.) произошли событія, вызвавшія извѣстную „карательную экспедицію“ ст. сов. Филонова.

12 января 1906 года я помѣстилъ въ газетѣ „Полтавщина“ открытое письмо, въ которомъ, разсказавъ о беззаконныхъ жестокостяхъ и массовыхъ истязаніяхъ, допущенныхъ этимъ чиновникомъ, взывалъ къ суду — надъ нимъ или надо мною.

18 января, вернувшись изъ другой подобной же экспедиціи, Филоновъ былъ убитъ въ гор. Полтавѣ. Убійца скрылся.

Въ самый день похоронъ Филонова мѣстная полу-оффиціозная газета „Полтавскій Вѣстникъ“ помѣстила отъ имени покойнаго „посмертное письмо писателю Короленко“. Письмо это, уже и тогда внушавшее большія сомнѣнія въ своей подлинности, открыло обширную и ожесточенную газетную кампанію, цѣлью которой было, во-первыхъ, подорвать довѣріе къ правдивости сообщенныхъ мною фактовъ, а во-вторыхъ, возбудить въ читателяхъ сомнѣніе въ прямотѣ и искренности моего призыва къ правосудію, который выставлялся, какъ сознательное подстрекательство къ террористическому убійству.

Въ газетѣ „Полтавщина“, а затѣмъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ (январь 1905 г.) я отвѣтилъ на эти инсинуаціи краткимъ заявленіемъ. Глубоко сожалѣя о томъ, что начатая мною гласная тяжба съ безчеловѣчными по формѣ и размѣрамъ административными репрессіями прервана вмѣшательствомъ, котораго я не могъ ни предвидѣть, ни, тѣмъ болѣе, желать,—я выражалъ надежду, что и теперь ничто не помѣшаетъ полтавской администраціи потребовать у меня на судѣ

доказательствъ правдивости всего, мною сказаннаго, къ чему я совершенно готовъ...

Вскорѣ стало извѣстно, что противъ писателя Короленко и редактора „Полтавщины" Д. О. Ярошевича возбуждается преслѣдованіе по п. 6 гл. 5 отдѣла III-го временныхъ правилъ о печати. Тогда, съ своей стороны, я прекратилъ всякую полемику по этому предмету, въ ожиданіи компетентной провѣрки фактовъ, въ результатахъ которой я не имѣлъ основаній сомнѣваться.

Это соображеніе не остановило начатой противъ меня кампаніи. Быть можетъ, именно потому, что результаты судебнаго разслѣдованія легко было предвидѣть, — газеты извѣстнаго лагеря постарались широко использовать время до рѣшенія суда. Потокъ инсинуацій разливался все шире. Клевета проникла, наконецъ, на столбцы министерскаго органа „Россія" и была повторена г-мъ Шульгинымъ съ высоты депутатской трибуны.

Теперь слѣдствіе закончено, и самое дѣло прекращено, такъ какъ *изложенные мною факты подтвердились*. Съ этимъ провѣреннымъ матеріаломъ въ рукахъ я имѣю теперь возможность отвѣтить на клевету.

Впрочемъ, если бы дѣло шло только обо мнѣ лично, то, вѣроятно, я пригласилъ бы моихъ противниковъ поддержать ихъ обвиненія противъ меня тѣмъ же судебнымъ порядкомъ, какимъ я поддерживалъ свои по отношенію къ „филоновской экспедиціи". При этомъ мнѣ представлялся широкій выборъ противниковъ, начиная съ министерскаго органа и кончая „Полтавскимъ Вѣстникомъ", открывшимъ кампанію подложнымъ письмомъ.

Но я считаю, что значеніе „сорочинской трагедіи" гораздо шире личнаго вопроса и даже вопросовъ мѣстныхъ. Это — типичная „карательная экспедиція", освѣщенная теперь съ начала и до конца, со всѣми характерными чертами этого явленія нашихъ „конституціонныхъ дней". Роль администраціи, суда, оффиціозной и независимой печати въ этомъ эпизодѣ до такой степени поучительны, что ими совершенно поглощаются частные вопросы личнаго порядка.

Поэтому я и рѣшилъ развернуть передъ обществомъ всю эту картину, какъ она рисуется теперь на основаніи оффиціально провѣреннаго матеріала.

При этомъ читатели могутъ судить попутно и о томъ, имѣли ли писатель Короленко и независимая полтавская печать *право* и даже *обязанность* напечатать „открытое письмо" съ призывомъ къ суду, и на чьей сторонѣ были не только право и правда, но и самая строгая „законность".

I. Сорочинцы и Устивица.

Все это случилось черезъ мѣсяцъ послѣ манифеста 17 октября 1905 г.

Въ Россіи долго будутъ помнить это время.

Въ разгаръ общей забастовки, среди волненій, закипавшихъ по всей странѣ, манифестъ провозглашалъ новыя начала жизни и во имя ихъ призывалъ страну къ успокоенію. Въ запискѣ гр. Витте, приложенной къ манифесту по высочайшему повелѣнію, говорилось между прочимъ, что „волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо... только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, глубже“. Они въ томъ, что „Россія переросла формы существующаго строя“.

Дальше говорилось о необходимости полной *искренности* въ проведеніи новыхъ началъ, а властямъ предстояло сообразовать съ ними свои дѣйствія.

Отсюда вытекали, разумѣется, неизбѣжныя послѣдствія: такъ какъ вина въ волненіяхъ, происходящихъ въ обществѣ, „переросшемъ формы существующаго строя“, признавалась по меньшей мѣрѣ двусторонней, то и мѣры успокоенія должны быть тоже двусторонни. Передъ властью лежала сложная и отвѣтственная задача: съ одной стороны, она не могла, конечно, допустить насилій, погромовъ и захватовъ, но съ другой — должна была показать, что сила власти направлена только на поддержаніе закона и регулируется закономъ. Старые пріемы произвола, административныхъ усмотрѣній и безотвѣтственности должны были отойти въ прошлое. Только изъ пріемовъ самой власти общество и народъ могли увидѣть, что обѣщанія манифеста не одни слова, что они входятъ въ жизнь, какъ дѣйствующая уже и живая сила...

Этихъ простыхъ и обще-признанныхъ положеній, заштемпелеванныхъ и даже высочайше утвержденныхъ, совершенно достаточно для освѣщенія описываемыхъ мною событій. Мѣстная независимая печать стояла въ Филоновскомъ дѣлѣ именно на этой точкѣ зрѣнія...

Къ сожалѣнію, тѣ, для которыхъ она, повидимому, являлась наиболѣе обязательной, были совершенно не подготовлены къ ея пониманію. Отсюда сорочинская трагедія. Отсюда и много другихъ трагедій, которыя переживала и еще переживетъ наша страна, „переросшая формы своего существованія“, которыя, однако, продолжаютъ давить ее съ прежнею силой...

23 декабря 1905 года я вернулся изъ Петербурга въ Полтаву.

Въ городѣ въ это время разсказывали ужасы о мрачной драмѣ, разыгравшейся въ мѣст. Сорочинцахъ (прославленныхъ нѣкогда веселыми разсказами Гоголя) и въ сосѣдней Устивицѣ.

Въ мѣстной газетѣ были помѣщены извѣстія объ этихъ событіяхъ *). Въ первой корреспонденціи сообщалось, что въ ночь на воскресенье, 18 декабря, въ Сорочинцахъ былъ арестованъ (въ административномъ порядкѣ) мѣстный житель Григорій Безвиконный. „Въ отвѣтъ на это, — продолжаетъ корреспондентъ,—19 декабря, съ общаго согласія крестьянъ, былъ арестованъ при волостномъ правленіи сорочинскій приставъ. Крестьяне думали такимъ образомъ ускорить освобожденіе Безвиконнаго". Вслѣдъ за приставомъ арестовали и урядника Котляревскаго.

Въ Полтавской губерніи подобныя вспышки были уже въ другихъ уѣздахъ, при чемъ, повидимому, толпа была особенно чутка къ арестамъ въ административномъ порядкѣ лицъ, читавшихъ и объяснявшихъ манифестъ народу. Такъ, въ гор. Зеньковѣ, послѣ ареста такого толкователя Никольскаго, толпа, около 2 тысячъ человѣкъ, двинулась къ тюрьмѣ. Стражники стрѣляли, но это не помогло. Толпа росла, увеличиваясь пришельцами изъ деревень. На слѣдующій день прибылъ освобожденный Никольскій и успокоилъ народъ, „обнадеживъ его милостью высшаго начальства", которое (по его словамъ) не оставитъ безнаказаннымъ опрометчивый поступокъ исправника, повлекшій за собой кровавыя жертвы... Толпа разошлась, при чемъ ни грабежей, ни другихъ безпорядковъ больше не было, и столкновеніе разрѣшилось на этотъ разъ безъ дальнѣйшихъ несчастій **).

14 декабря такое же волненіе было вызвано въ Лохвицѣ административнымъ арестомъ мѣстнаго жителя И. П. Бедро. Толпа арестовала помощника исправника и повела его къ волости. Отрядъ драгунъ освободилъ его, и въ толпу было дано три залпа. Оказались раненые, въ томъ числѣ трое тяжело ***).

Въ мѣстечкѣ Ковалевкѣ (Пирятинскаго уѣзда) такое же впечатлѣніе произвелъ арестъ крестьянина Оправхата...

Очевидно, народъ „слишкомъ непосредственно" принималъ обѣщанія манифеста о „неприкосновенности личности" и

*) „Полтавщина", №№ 310 и 314.
**) „Полтавщина", 20 декабря 1905 г., № 307 (Корресп. изъ Зенькова).
***) „Полтавщина", № 308 (Корресп. изъ Лохвицы).

„отвѣтственности лишь по суду", считая эти обѣщанія уже вошедшими въ силу. Между тѣмъ, администрація, особенно уѣздная, не желала отказаться отъ привычныхъ способовъ дѣйствій. Понятно, что всякая возбуждающая агитація на этой почвѣ встрѣчала въ народѣ воспріимчивое и отзывчивое настроеніе.

Какое значеніе имѣлъ арестъ Безвиконнаго для дальнѣйшихъ событій,—лучше всего можно судить изъ показаній полицейскихъ, которыхъ въ этомъ случаѣ нельзя заподозрить въ тенденціозности. Приставъ Якубовичъ въ своемъ показаніи, воспроизведенномъ въ газетѣ „Полтавскій Вѣстникъ" *), говоритъ, что ему кричали: „Мы знаемъ теперь, зачѣмъ существуетъ полиція. Чтобы красть людей". Еще опредѣленнѣе свидѣтельство другого полицейскаго, урядника Котляревскаго, претерпѣвшаго плѣнъ вмѣстѣ съ приставомъ. „Обсуждая событія 19 декабря, — простодушно и мѣтко говоритъ этотъ очевидецъ,—я долженъ сказать, что въ мѣстечкѣ Сорочинцы сравнительно все было спокойно, и начались волненія съ введенія усиленной охраны, когда появились слухи о производившихся арестахъ". Самъ Безвиконный, по словамъ Котляревскаго, не пользовался особенной популярностью. Но его арестъ послужилъ всетаки „предлогомъ для начала смуты".

Народнымъ настроеніемъ воспользовался невѣдомый заѣзжій „ораторъ Николай". Уже 16-го числа онъ появился въ Сорочинцахъ и говорилъ рѣчи передъ толпой. Все это, однако, держалось въ извѣстныхъ предѣлахъ, довольно обычныхъ для того времени. Съ арестомъ Безвиконнаго настроеніе толпы рѣзко поднялось. Арестовали пристава, звонили въ набатъ, собирались съ дрекольемъ. „Ораторъ" указывалъ на примѣры, когда народу удавалось добиться освобожденія административно арестованныхъ...

19 декабря, т. е. на слѣдующій день послѣ ареста пристава, часовъ въ 11 утра въ мѣстечко прискакалъ изъ Миргорода помощникъ исправника Барабашъ съ сотней казаковъ. Населеніе собралось по набату на площадь; многіе были вооружены вилами, косами, дрючками и т. д. „Ораторъ Николай" былъ тутъ же. Барабашъ просилъ крестьянъ пропустить его къ приставу. Крестьяне согласились на это и проводили Барабаша къ „плѣннику", но на требованіе освободить пристава отвѣтили отказомъ, требуя въ свою очередь предварительнаго освобожденія Безвиконнаго. Барабашъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ самое худшее, что

*) „Полтавскій Вѣстникъ", 5 февраля 1906 г., № 972.

только могъ сдѣлать: послѣ переговоровъ онъ сначала уѣхалъ съ своимъ отрядомъ, а потомъ вернулся къ торжествующей и ободренной этимъ отступленіемъ толпѣ. Здѣсь во время новыхъ переговоровъ произошелъ, между прочимъ, слѣдующій инцидентъ. Какая-то женщина ткнула длинной палкой въ морду коня начальника отряда, полковника Бородина. Ее застрѣлилъ казачій урядникъ К. *). Можно предполагать съ большой вѣроятностью, что именно этотъ выстрѣлъ, раздавшійся среди страшнаго напряженія еще до сигнальнаго рожка (когда полк. Бородинъ „уговаривалъ толпу“) и убившій женщину,— послужилъ сигналомъ для послѣдовавшей за нимъ свалки, которая разразилась стихійно и ужасно. На мѣстѣ остались смертельно раненый Барабашъ и 8 человѣкъ сорочинскихъ жителей; 12 другихъ были тяжело ранены и убиты въ разныхъ мѣстахъ, на дворахъ и улицахъ мѣстечка.

На другой день (то есть 20 декабря),—по словамъ того же урядника Котляревскаго,—*„все уже было спокойно“*. Въ переполненной больницѣ подавали помощь раненымъ. Барабашъ и нѣсколько сорочинскихъ жителей умерли. Возбужденіе предшествующихъ дней сразу упало. Наступила полная реакція.

Это былъ критическій моментъ всего дѣла, мертвая точка, съ которой оно могло направиться по новому пути, намѣченному манифестомъ, или ринуться по старому въ глубину административнаго произвола. За дни возбужденія и волненій, корни которыхъ тоже вѣдь надо было искать „глубже организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій“,—мѣстечко заплатило уже тяжкой, кровавой цѣной. Теперь только судъ могъ съ достаточнымъ авторитетомъ разобраться въ первомъ дѣйствіи этой трагедіи, отъ которой погибъ Барабашъ, но погибло также двадцать сорочинскихъ жителей, не говоря о раненыхъ...

Если бы обѣщанія манифеста искренно признавались не отвлеченными разсужденіями, а живой и дѣйствующей силой, съ которой „администрація должна сообразовать свои дѣйствія“, то, конечно, судъ вступилъ бы со своимъ вмѣшательствомъ тотчасъ послѣ „усмиренія“...

Вышло не такъ. Полтавская администрація еще разъ взяла на себя старую роль судьи въ дѣлѣ, въ которомъ, по самымъ элементарнымъ представленіямъ, она, съ момента усмиренія, должна была явиться уже только стороной,—обвиняющей и, можетъ быть, защищающейся противъ обвиненій...

---

*) Листъ моего дѣла 50 и послѣдующіе. На полковника Бородина этотъ случай произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Передаютъ, что ему все чудится убитая баба...

Отъ старыхъ привычекъ отказываться трудно, особенно, когда нѣтъ къ тому и особаго желанія...

Наступало, роковымъ образомъ, второе дѣйствіе сорочинской драмы...

Въ мѣстечко былъ командированъ Ф. В. Филоновъ, старшій совѣтникъ губернскаго правленія, въ распоряженіе котораго данъ отрядъ казаковъ, съ двумя пушками. Отрядъ вступилъ въ Сорочинцы 21-го декабря, и уже въ ночь на 22-е были безпрепятственно произведены аресты такъ называемыхъ „зачинщиковъ“.

Тѣмъ не менѣе, 22-го, по приказанію Филонова, казаки согнали безъ разбора на площадь передъ волостью причастныхъ и непричастныхъ къ событіямъ жителей. Здѣсь Филоновъ поставилъ всю тысячную толпу на колѣни въ снѣгъ... Толпа покорно встала, что уже само по себѣ даетъ яркое доказательство отсутствія всякаго бунта. Тѣмъ не менѣе, Филоновъ продержалъ ее въ этомъ положеніи по самымъ умѣреннымъ показаніямъ (казачьихъ есауловъ и полицейскихъ) не менѣе 3 часовъ,—что уже само по себѣ составляетъ истязаніе... На этомъ фонѣ производились и другія дѣйствія, подробно описанныя въ моемъ „Открытомъ письмѣ“.

На слѣдующій день, 23-го отрядъ выступилъ въ Устивицу, куда перенесъ ту же грозу, не смотря на то, что тамъ не было никакихъ насилій, никого не арестовали и не убивали, а только самовольно закрыли винную лавку.

Все происшедшее было оглашено въ газетѣ „Полтавщина“, въ номерахъ, вышедшихъ 23 и 30 декабря...

Таковы были событія, — чудовищные и какъ всегда еще преувеличенные разсказы о которыхъ я засталъ, вернувшись въ Полтаву передъ самымъ Рождествомъ 1905 года. По этому поводу ко мнѣ, какъ къ одному изъ замѣтныхъ работниковъ печати, присылали письма, являлись лично возмущенные, взволнованные, негодующіе люди, съ требованіями о болѣе энергичномъ вмѣшательствѣ независимой прессы.

Упрекаю себя въ томъ, что я нѣкоторое время медлилъ. У меня была своя спѣшная работа. Я считалъ, что многое въ этихъ разсказахъ преувеличено, и не могъ взяться за это дѣло безъ тщательной провѣрки. Наконецъ—въ печати были уже оглашены всѣ факты. Земскій начальникъ (Данилевскій) официально докладывалъ о нихъ губернатору (кн. Урусову)... Почетный мировой судья Лукьяновичъ, имѣніе котораго находится по сосѣдству съ Устивицей, 31 декабря послалъ подробное оффиціальное сообщеніе прокурору полтавскаго окружного суда... Трудно было думать, что и послѣ этого никто, ни

администрація, ни судебная власть не удержитъ дальнѣйшихъ безцѣльныхъ жестокостей.

Никто не удержалъ ихъ, и вскорѣ изъ уѣздовъ стали приходить извѣстія самаго тревожнаго свойства. Въ селѣ Кривая Руда, въ *которой не было уже никакихъ безпорядковъ*, Филоновъ произвелъ погромъ, показывавшій, что военный отрядъ отданъ, повидимому, въ распоряженіе человѣка, одержимаго какими-то болѣзненными приступами непонятной жестокости...

II.

Кривая Руда. Эпидемія насилій.

На этотъ разъ погромъ былъ вызванъ забастовкой на хуторѣ земскаго нач. Надерверя. Отправляясь туда, Филоновъ распорядился, чтобы староста *села Кривой Руды*, черезъ которую только лежалъ путь на хуторъ земскаго начальника, заготовилъ (безплатно) обѣдъ для казачьяго отряда и созвалъ полный сходъ. Жители Кривой Руды, не допускавшіе въ своемъ селѣ никакихъ беззаконій, считали и себя, въ свою очередь, состоящими подъ охраной законовъ и потому отказали старшинѣ въ безплатной выдачѣ припасовъ, а сходъ, собравшись въ полномъ составѣ, ждалъ съ утра до 8 часовъ вечера. Видя, что отряда нѣтъ, старшина счелъ себя въ правѣ распустить усталыхъ и озябшихъ людей по домамъ.

Этого для Филонова было достаточно, чтобы повторить въ мирномъ селѣ все то, что онъ произвелъ въ Сорочинцахъ, гдѣ всетаки было ранѣе вооруженное столкновеніе. Пріѣхавъ вечеромъ, онъ прежде всего потребовалъ къ себѣ старшину, сорвалъ съ него знакъ, избилъ палкой по лицу, затѣмъ принялся за писарей, которыхъ таскалъ за бороды изъ одного конца комнаты въ другой. Среди холода и темноты наскоро былъ согнанъ сходъ изъ 200—300 человѣкъ, ничего не понимавшихъ и ни къ какимъ забастовкамъ непричастныхъ („многіе изъ попавшихъ на этотъ сходъ сами имѣютъ годовыхъ рабочихъ“,—прибавляетъ корреспондентъ). Выйдя на крыльцо, Филоновъ закричалъ: „Шапки долой, на колѣни, мерзавцы! Выдавай виновныхъ!“ Толпѣ не было объяснено даже, кто виновенъ, и въ чемъ виновенъ, и кого слѣдуетъ выдавать... Въ это время казаки привели къ крыльцу отставного земскаго фельдшера Багно. Увидавъ его, Филоновъ закричалъ: „Долой шубу“. Съ больного старика сорвали шубу, закатили пиджакъ, два казака нагнули за волосы и за бороду, а два начали бить, пока онъ свалился на землю. Послѣ этого его заперли въ арестантскую и принялись за толпу по очереди. „Выби-

рать не выбирали, а просто били по порядку, кто ближе стоялъ на колѣняхъ“...

Тогда, подъ вліяніемъ ужаса (все это, напомнимъ, происходило въ темнотѣ и среди полнаго недоумѣнія о причинахъ нападенія), кто-то въ толпѣ поднялся, чтобы бѣжать. Толпа послѣдовала этому примѣру... Люди побѣжали въ безпорядкѣ. Казачій есаулъ крикнулъ: „руби!“. „Никто не успѣлъ опомниться—все смѣшалось. Каждый видѣлъ передъ собою только смерть. Ночь безлунная, хотя и звѣздная, наводила еще большій ужасъ на души суевѣрныхъ беззащитныхъ крестьянъ... Бѣжали прямо подъ шашки, топча и давя другъ друга“ *)...

Къ этой картинѣ, которой мнѣ приходится дополнить свое „письмо“, прилагаемое ниже, считаю необходимымъ прибавить здѣсь же слѣдующую оговорку: она заимствована мною изъ корреспонденціи газеты „Полтавщина“, напечатанной долго спустя **), такъ какъ редакція подвергла ее предварительно самой тщательной провѣркѣ. По этому поводу губернаторъ, князь Урусовъ (къ сожалѣнію, слишкомъ поздно) командировалъ чиновника, г-на Устимовича, для провѣрки газетныхъ свѣдѣній о дѣяніяхъ своего „старшаго совѣтника“, а вѣроятно также на предметъ возбужденія новаго дѣла противъ газеты. Но г. Устимовичъ счелъ своей обязанностью сдѣлать правдивый докладъ, *подтвердившій свѣдѣнія, сообщенныя корреспондентомъ*. Въ пріобщеніи къ моему дѣлу этого доклада мнѣ было отказано, но самый фактъ командировки и ея результатовъ установленъ показаніемъ старшаго совѣтника губернскаго правленія г. Ахшарумова, который,—правда, въ очень смягченной формѣ,—призналъ въ своемъ показаніи по моему дѣлу, что дознаніе Устимовича дѣйствительно было и что Филоновъ „при исполненіи служебныхъ обязанностей, примѣнялъ по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ репрессивныя мѣры, граничащія съ физическимъ воздѣйствіемъ, *почему судебнаго преслѣдованія противъ газеты за означенную корреспонденцію возбуждено не было*“ ***)...

„Мѣры, граничащія съ физическимъ воздѣйствіемъ“—это, конечно, выраженіе очень изящное, въ чисто канцелярскомъ стилѣ, но за то окончаніе изящной фразы вполнѣ опредѣленно: газета не была привлечена къ отвѣтственности, не смотря на всю готовность администраціи, потому что ея свѣ-

*) Изувѣченныхъ и раненыхъ оказалось, по словамъ корреспондента, болѣе 40 человѣкъ (22-мъ была оказана медицинская помощь).

**) Въ апрѣлѣ 1906 г., № 23, уже послѣ смерти Филонова.

***) Показанія по моему дѣлу старш. сов. губ. правленія Ахшарумова. Листъ 247 и слѣд.

дѣнія подтвердились. А она говорила не о мѣрахъ, „граничащихъ съ воздѣйствіемъ", а о такихъ мѣрахъ, которыя далеко перешли границу, отдѣляющую простыя „воздѣйствія" отъ *истязаній*, и примѣнялись къ мирнымъ жителямъ, ничѣмъ, съ своей стороны, не нарушившимъ существующихъ законовъ...

Была еще причина, побудившая меня взяться за перо: жестокость Филонова заражала подчиненныхъ и переходила въ какую-то эпидемію.

Еще Петръ Великій на своемъ образномъ языкѣ указывалъ послѣдствія того, „когда начальствующій сойдетъ съ фарватера" правды и закона. „Первѣе всего станетъ тщиться всю коллегію въ свой фарватеръ сводить... А видя то, подчиненные въ какой роспускъ впадутъ".

Этотъ „роспускъ" уже ширился по губерніи. Почетный мировой судья Лукьяновичъ сообщалъ прокурору о появленіи въ его усадьбѣ какой-то пьяной банды, которая, безъ всякихъ законныхъ полномочій, начинала рыскать по хуторамъ, чтобы хватать неблагонадежныхъ, а вѣрнѣе, конечно,—сводить свои счеты... Изъ Хорольскаго уѣзда газетѣ „Полтавщина" сообщали, что, послѣ „усмиренія" на хуторѣ Дубовомъ, исправникъ для производства дознанія собралъ жителей и крикнулъ: „На колѣни, крамольники!". „Крамольники" стояли въ лужѣ, но, окруженные казаками, стали на колѣни въ ледяную воду и простояли два часа. „Крамолу изгнали,—прибавляетъ корреспондентъ,—а ревматизмовъ пріобрѣтено не мало"*).

Такія извѣстія приходили изъ разныхъ мѣстъ. Одни слухи о приближеніи филоновскаго отряда вызывали панику, которую ярко рисуютъ нѣкоторые свидѣтели по моему дѣлу.

„Я наблюдала картину настоящей паники,—говоритъ, напримѣръ, устивицкая учительница Крапивина **). — Люди куда-то шли изъ центра мѣстечка и вели съ собой дѣтей. Шли оторванныя отъ предпраздничной работы женщины, запачканныя въ мѣлѣ, такъ какъ онѣ мазали хаты".

Другой свидѣтель, случайно гостившій въ Устивицѣ, даетъ картину первыхъ моментовъ послѣ занятія отрядомъ села: „Одинъ ожидаемый пріѣздъ отряда нагналъ на народъ панику. Многіе съ уѣзда (пріѣзжіе?) принялись убѣгать даже съ дѣтьми, куда глаза глядятъ. Были такіе, что прятались въ лѣсу или въ сосѣднихъ селеніяхъ". На улицѣ ему попа-

*) „Полтавщина", 1906 г., № 8.
**) Листъ моего дѣла 209.

лись два казака, которые гнали какого-то старика (на сходъ), подгоняя его нагайками. Взобравшись (вѣроятно, для безопасности) на колокольню, онъ „хорошо видѣлъ, что казаки (нѣсколько человѣкъ) бѣгаютъ по улицамъ, по дворамъ и гоняются за какими-то людьми, не то мужчинами, не то женщинами“...

„Одна мѣстная жительница, красивая, молодая женщина, еле отдѣлалась отъ любезностей гонявшихся за нею, и такъ перепугалась, что нервно заболѣла“ *).

Вотъ во что, подъ вліяніемъ „старшаго совѣтника“, „уклонившагося съ фарватера закона“, превращались отряды, назначенные для возстановленія закона и „спокойнаго довѣрія къ власти“... И не было видно такой закономѣрной власти, которая бы пожелала и смогла положить этому предѣлъ и напомнить объ отвѣтственности „не однихъ обывателей, но и должностныхъ лицъ“.

Администрація, повидимому, не желала.

Судъ, вѣроятно, не могъ...

Оставалась печать, и я чувствовалъ угрызенія совѣсти, что не сдѣлалъ ничего тотчасъ же по полученіи извѣстій о сорочинской катастрофѣ. Я надѣялся на послѣдствія фактическихъ газетныхъ корреспонденцій и на оффиціальныя сообщенія почетнаго мирового судьи. Но за ними послѣдовали только истязанія ни въ чемъ неповинныхъ криворудскихъ жителей. Очевидно, нужно было сказать что-нибудь болѣе яркое и болѣе сильное, чѣмъ фактическія корреспонденціи провинціальной газеты.

При данныхъ обстоятельствахъ эта задача явно ложилась именно на меня и, послѣ извѣстій о Кривой Рудѣ, я уже не могъ думать ни о какихъ другихъ работахъ.

Разумѣется, наиболѣе благодарнымъ матеріаломъ для ея исполненія являлся криворудскій эпизодъ, не осложненный никакими „безпорядками“, гдѣ *явное беззаконіе, съ начала и до конца, было на одной только сторонѣ.* Но это требовало, разумѣется, новой тщательной провѣрки, а дни уходили, разнося ужасъ и панику, подавляя всякія надежды на законный исходъ, принося, быть можетъ, новыя экспедиціи и новыя жестокости.

Въ это именно время въ Полтаву пріѣхали 12 человѣкъ сорочинскихъ жителей, которые сами пожелали дать для печати свѣдѣнія о происшествіяхъ въ ихъ селѣ, принимая

---

*) Листъ моего дѣла 178. Показаніе учителя духовнаго училища Кремянскаго.

отвѣтственность за правильность сообщенія... Я по очереди опросилъ ихъ, записалъ ихъ показанія, сопоставилъ ихъ другъ съ другомъ и исключилъ все, что возбуждало хоть въ комъ-нибудь изъ нихъ сомнѣніе и не подтверждалось двумя-тремя человѣками.

Такъ былъ полученъ матеріалъ для нижеслѣдующаго письма, которое я привожу цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій. Читатель увидитъ, надѣюсь, что картина, въ немъ изображенная, блѣднѣе той, которая рисуется слѣдственнымъ матеріаломъ... И если при этомъ мнѣ приходится повторять о мертвомъ то, что я писалъ, призывая къ суду живого; если мнѣ придется дополнить картину его дѣйствій новыми подробностями, доставленными запоздалымъ оффиціальнымъ разслѣдованіемъ, то пусть вина въ этомъ падетъ на тѣхъ, кто въ теченіе цѣлаго года, пользуясь моей сдержанностію въ ожиданіи суда, — продолжали извращать факты, извѣстные цѣлому краю, не останавливаясь при этомъ даже передъ подлогами отъ имени покойнаго Филонова.

Истина имѣетъ свои права, и теперь пусть общество судитъ не только о дѣйствіяхъ Филонова, но и о томъ, какими средствами защищали этотъ образъ дѣйствій его живые единомышленники...

III.

Открытое письмо статскому совѣтнику Филонову *).

Г. статскій совѣтникъ Филоновъ!

Лично я васъ совсѣмъ не знаю, и вы меня также. Но вы чиновникъ, стяжавшій широкую извѣстность въ нашемъ краѣ походами противъ соотечественниковъ. А я писатель, предлагающій вамъ оглянуться на краткую лѣтопись вашихъ подвиговъ.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ происходили собранія и говорились рѣчи. Жители Сорочинецъ, очевидно, полагали, что манифестъ 17 октября далъ имъ право собраній и слова. Да оно, пожалуй, такъ и было: манифестъ дѣйствительно далъ эти права и прибавилъ къ этому, что никто изъ русскихъ гражданъ не можетъ подлежать отвѣтственности иначе, какъ

*) „Полтавщина", 12 января 1905 г., № 8. Всѣ примѣчанія, которыми я здѣсь снабжаю текстъ своего письма, взяты изъ слѣдственнаго дѣла о писателѣ В. Г. Короленкѣ и редакторѣ газ. „Полтавщина" Д. О. Ярошевичѣ, привлеченныхъ къ слѣдствію по п. 6, гл. 5, отд. III временныхъ правилъ о печати. Ссылки не полны. Я отдавалъ предпочтеніе показаніямъ казаковъ, полицейскихъ, священниковъ и должностныхъ лицъ.

по суду. Онъ провозгласилъ еще участіе народа въ законодательствѣ и управленіи страной и назвалъ все это „незыблемыми основами“ новаго строя русской жизни.

Итакъ, въ этомъ отношеніи жители Сорочинецъ не ошибались. Они не знали только, что, на ряду съ новыми началами, оставлены старыя „временныя правила“ и „усиленныя охраны“. Правда, администрація приглашалась сообразовать свои дѣйствія съ духомъ новаго основного закона, но... у нея были и старые циркуляры, и новыя внушенія въ духѣ прежняго произвола.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ высшая полтавская администрація колебалась между этими противоположными началами. Въ городѣ и въ губерніи происходили собранія, и народъ жадно ловилъ разъясненія происходящихъ событій. Конечно, были при этомъ и рѣзкости, быть можетъ излишнія, среди разныхъ мнѣній и заявленій были и неосновательныя. Но мы привыкли оцѣнивать явленія по широкимъ результатамъ. Фактъ состоитъ въ томъ, что въ самые бурные дни, когда отовсюду неслись вѣсти о погромахъ, убійствахъ, усмиреніяхъ, — въ Полтавѣ ничего подобнаго не было. Не было также тѣхъ рѣзкихъ формъ аграрнаго движенія, которыя вспыхивали въ другихъ мѣстахъ. Многіе, и не безъ основанія, приписывали это, между прочимъ, и сравнительной терпимости, которую проявила высшая полтавская администрація къ свободѣ собраній и слова. Подъ ихъ вліяніемъ стихійныя страсти народа умѣрялись, сознаніе росло, ожиданія вводились въ законномѣрное русло, надежды обращались къ будущимъ законномѣрнымъ учрежденіямъ страны. Казалось, еще немного, и народное мнѣніе сложится и прояснится, какъ проясняется вино послѣ шумнаго и мутнаго броженія. А затѣмъ ему предстояла окончательная переработка въ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны...

Теперь это уже только прошлое. Съ 13 декабря полтавской высшей администраціи угодно было перемѣнить свой образъ дѣйствій. Результаты тоже налицо: въ городѣ дикій казачій погромъ, въ деревнѣ—потоки крови. Вѣра въ значеніе манифеста подорвана, сознательныя стремленія сбиты, стихійныя страсти рвутся наружу, или, что гораздо хуже—временно вгоняются внутрь, въ видѣ подавленной злобы и мести...

Зачѣмъ я говорю вамъ все это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ? Я, конечно, хорошо знаю, что всѣ великія начала, провозглашенныя (къ сожалѣнію лишь на словахъ) манифестомъ 17 октября 1905 года, вамъ и непонятны, и органически враждебны. Тѣмъ не менѣе, это уже основной законъ

русскаго государства, его „незыблемыя основы“. Понимаете ли вы, въ какомъ чудовищно-преступномъ видѣ предстали бы всѣ ваши дѣянія передъ судомъ этихъ началъ?

Но я буду „умѣренъ“... Я буду болѣе чѣмъ умѣренъ, я буду до излишества уступчивъ... Поэтому, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я примѣню къ вамъ лишь обычныя нормы старыхъ русскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ до 17 октября.

Факты.

Въ Сорочинцахъ и сосѣдней Устивицѣ происходили собранія безъ формальнаго разрѣшенія. На нихъ говорились рѣчи, принимались резолюціи. Между прочимъ, постановлено закрыть винныя монополіи. Составлены приговоры и, не ожидая оффиціальнаго разрѣшенія, монополіи закрыли, на дверяхъ повѣсили замки...

18 декабря, на основаніи усиленной охраны, т. е. въ порядкѣ внѣ-судебномъ, арестованъ одинъ изъ сорочинскихъ жителей, Безвиконный. Односельцы потребовали, чтобы его предали суду, а до суда отдали имъ на поруки. Такія требованія о судебномъ разслѣдованіи, вмѣсто ненавистнаго административнаго усмотрѣнія,—становятся общими, имѣли мѣсто въ разныхъ селахъ и мѣстечкахъ нашей губерніи и сопровождались кое-гдѣ успѣхомъ. Сорочинцамъ было отказано. Тогда они, въ свою очередь, арестовали урядника и пристава.

19 декабря помощникъ исправника Барабашъ пріѣхалъ въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ. Онъ видѣлся съ арестованными и, какъ говорятъ, уступая ихъ убѣжденіямъ, обѣщалъ ходатайствовать объ освобожденіи Безвиконнаго и отошелъ съ отрядомъ. Но затѣмъ, къ несчастью, онъ остановился на окраинѣ, раздѣлилъ свой отрядъ, сдѣлалъ обходное движеніе и опять подъѣхалъ къ толпѣ. Произошло роковое столкновеніе, подробности котораго установитъ судъ. Въ результатѣ смертельно раненъ помощникъ исправника, смертельно ранено и убито до 20 сорочинскихъ жителей...

Извѣстно ли вамъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли эти двадцать человѣкъ? Всѣ они убивали исправника? Нападали? Сопротивлялись? Защищали убійцъ?

Нѣтъ. Казаки не удовольствовались разсѣяніемъ толпы и освобожденіемъ пристава. Они кинулись за убѣгавшими, догоняли и убивали ихъ. Этого мало: они бросились въ мѣстечко и стали охотиться за жителями, случайно попадавшимися на пути.

Такъ именно около дома г-на Малинки убитъ сторожъ

Отрешко, мирно обмотавшій снѣгъ около хозяйскаго крыльца"): Такъ *Евстафій Гарковенко* „смыкалъ" для скота сѣно изъ стога, въ своемъ дворѣ, за версту отъ волостного правленія. Казакъ прицѣлился, и раненый Гарковенко упалъ ранѣе, чѣмъ могъ замѣтить злодѣя. Такъ старикъ аптекарь Фабіанъ *Перевозскій* возвращался съ сыномъ изъ почтоваго отдѣленія. Около дома Орлова ихъ настигъ убійца-казакъ, который застрѣлилъ сына на глазахъ отца. Такъ Сергѣй Ивановичъ *Ковтунъ* убитъ въ шести саженяхъ отъ своихъ воротъ. Такъ *женщина*, жена крестьянина *Маковецкаго*, убита въ самыхъ воротахъ. Такъ у *дѣвушки Келеповой* простѣлены пулей обѣ щеки **). Я могъ бы вамъ перечислить, при какихъ условіяхъ и гдѣ именно убиты всѣ погибшіе въ Сорочинцахъ. Но я считаю достаточнымъ сказать, что 8 человѣкъ убиты у волостного правленія и въ непосредственной близости, двѣнадцать же пали на улицахъ, у своихъ домовъ и въ глубинѣ дворовъ ***)...

Теперь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я позволю себѣ спросить: одно ли преступленіе совершено въ Сорочинцахъ 19 декабря, или ихъ совершено много? Думаете ли вы, что драгоцѣнна только кровь людей въ мундирахъ, а кровь людей въ свиткахъ и сермягахъ, кровь Отрешка, Гарковенка, Ковтуна, Маковецкой, Келеповой и имъ подобныхъ можно

---

*) Показанія: *свящ. Греченко* (листъ дѣла 215): „Казакъ перегнулся черезъ заборъ и выстрѣлилъ". Показ. *дворянина Малинки* (листъ 245 и слѣд.): Отрешко былъ раненъ подъѣхавшимъ казакомъ изъ-за забора въ то время, какъ онъ былъ во дворѣ". Показаніе *старшины Копитько* (листъ 214), *старосты Повзика* (листъ 216), *урядника Котляревскаго* (листъ 216—217) и др. Интересно указаніе дворянина Малинки, что серія выстрѣловъ, отъ которой между прочимъ погибъ Отрешко, раздалась долго спустя послѣ залповъ у волостного правленія. Урядникъ Котляревскій слышалъ, что это стрѣляли казаки, возвращавшіеся изъ больницы, куда они отвезли Барабаша.

**) Объ Евстафіи Гарковенко есть показанія, что онъ раненъ не во дворѣ, а на площади. *Ковтунъ* найденъ въ 20 саженяхъ отъ своихъ воротъ (показанія: *урядника Котляревскаго*, листъ 216; *старосты Повзика*, л. 216; *Кіяшко*, л. 217 и слѣд., *старшины Копитько*, л. 214, и др.). *Келепова* не ранена, а убита у женской школы, а у *Маковецкой* простѣлены щеки недалеко отъ ея воротъ (*урядникъ Котляревскій*, кр. *Кіяшко*, староста *Повзикъ*, *свящ. Греченко* и др.).

***) Показанія кр. *Кіяшко* (217). На его глазахъ стрѣляли въ женщинъ, убѣгавшихъ по улицѣ. Женщины шли не отъ волости, а иныя стояли у своихъ воротъ. *Анна Сорока* (218) видѣла, какъ казаки стрѣляли въ лежавшую на снѣгу дѣвушку. Въ нее (Сороку) тоже стрѣляли, когда она перебѣгала улицу (далеко отъ волости). *Гриценко* (217) и урядникъ *Котляревскій* (216) слышали, что это дѣлалъ отрядъ, возвращавшійся изъ больницы, куда отвезли Барабаша. Фактъ погони и убійствъ на улицахъ *признанъ и опредѣленіемъ суда по моему дѣлу.*

лить безнаказанно, какъ воду? Не кажется ли вамъ, что, если необходимо изслѣдовать, кто и при какихъ обстоятельствахъ убилъ несчастнаго Барабаша, то не менѣе необходимо, чтобы правосудіе занялось и тѣмъ, кто, вооруженный, убивалъ на улицахъ, на дворахъ, въ огородахъ безоружныхъ простыхъ людей, не нападавшихъ, не сопротивлявшихся, не бывшихъ на мѣстѣ рокового происшествія, не знавшихъ о немъ и умершихъ въ этомъ незнаніи.

О, да! Мнѣ нѣтъ никакой надобности примѣнять къ этой трагедіи великія начала новаго основного закона... Для этого достаточно любого закона любой страны, имѣющей хоть самыя несовершенныя понятія о законѣ писанномъ или обычномъ. Отправьтесь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въ страну полудикихъ курдовъ, на родину башибузуковъ. И тамъ любой судья отвѣтитъ вамъ: „У насъ,—скажетъ онъ безъ сомнѣнія,— тоже много вооруженнаго разбоя, опозорившаго нашу страну передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но и наши несовершенные законы признаютъ, что кровь людей въ простой одеждѣ такъ же взываетъ къ правосудію, какъ и кровь убитаго чиновника“.

Рѣшитесь ли вы открыто и гласно отрицать это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ?

Навѣрное—нѣтъ! И, значитъ, мы оба согласны, что представителю власти и закона, отправлявшемуся въ Сорочинцы впервые послѣ трагедіи 19 декабря, предстояла суровая, но и почетная и торжественная роль. Въ это мѣсто, уже охваченное смятеніемъ, печалью и ужасомъ, онъ долженъ былъ внести напоминаніе о законѣ, суровомъ, но безпристрастномъ, справедливомъ, стоящемъ выше увлеченій и страсти данной минуты, строго осуждающемъ самосудъ толпы, но также (замѣтьте это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ) *не допускающемъ и мысли о кастовой мести со стороны чиновничества всему населенію*...

Ему предстояло еще показать народу, что прежніе законы въ Россіи не перестали дѣйствовать, но что и гарантіи правосудія, торжественно обѣщанныя царскимъ манифестомъ,— тоже не мертвая буква и не нарушенное обѣщаніе. Но объ этомъ мы уже условились не говорить съ вами, г. статскій совѣтникъ Филоновъ... При томъ же, если бы эта послѣдняя задача имѣлась въ виду, то, конечно, ее возложили бы не на васъ.

Между тѣмъ, къ удивленію многихъ въ Полтавѣ, именно на васъ возложена тяжелая, трудная и почетная роль представителя „законной“ власти въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ послѣ 19 декабря.

Какъ вы ее поняли? И какъ выполнили?

Факты.

22 декабря изъ Сорочинецъ увезли тѣло несчастнаго Барабаша, умершаго въ больницѣ. Еще не стихъ печальный перезвонъ церковныхъ колоколовъ, какъ вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въѣхали въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ *).

Были ли въ то время какіе-нибудь признаки возмущенія? Было ли вамъ оказано сопротивленіе? Построили вамъ навстрѣчу баррикады? Собрались съ оружіемъ? Мѣшали вашимъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ?

Нѣтъ, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ не было уже никакихъ признаковъ, которые бы говорили о сопротивленіи и противодѣйствіи.

Жители были подавлены страшнымъ несчастіемъ 19 декабря, разразившимся надъ ними неожиданно, стихійно и такъ ужасно **). Они понимали, что теперь неизбѣжно вмѣшательство правосудія и, если бы въ село прибылъ судебный слѣдователь, вооруженный только закономъ, то и онъ не встрѣтилъ бы ни малѣйшаго сопротивленія. А если бы съ нимъ и были казаки, то они знали бы, что ихъ роль—только охрана должностного лица и его законныхъ дѣйствій, а не наказаніе еще не обвиненныхъ людей, не буйство, не истязанія, не насилія, которыя, въ свою очередь, караются закономъ.

Да, это несомнѣнно было бы такъ, тѣмъ болѣе, что отъ судебной власти жители ждали бы правосудія и для себя, за кровь своихъ близкихъ...

Но въ Сорочинцы былъ посланъ не судебный слѣдователь, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ (старшій совѣтникъ губернскаго правленія), и на васъ падаетъ вина въ томъ, что вооруженный отрядъ, отданный въ ваше распоряженіе, изъ охранителей силы закона превратился въ его нарушителей и насильниковъ.

Вы сразу стали поступать въ Сорочинцахъ, какъ въ завоеванной странѣ. Вы велѣли „согнать сходъ“ и объявили, что, если сходъ не соберется, то вы разгромите все село,

---

*) Не точно: тѣло Барабаша увезено 22 декабря утромъ. Отрядъ Филонова прибылъ еще наканунѣ, 21, и уже въ ночь были произведены аресты. Это показываетъ еще яснѣе, что въ Сорочинцахъ *къ этому времени не было никакихъ признаковъ бунта*, если уже наканунѣ экзекуціи можно было не только арестовывать, но и истязать арестованныхъ. Показаніе старшины Копитько (л. 214 и слѣд.): „21, въ 4 ч. утра потребованъ Филоновымъ въ волость и видѣлъ тамъ арестованныхъ Готлиба и Герасима Муху. Они были избиты до того, что ихъ трудно было узнать“.

**) „На слѣдующій день все было спокойно“ (показаніе урядника).

„не оставивъ отъ него и праха“ *). Мудрено ли, что послѣ такого приказанія и въ такой формѣ казаки принялись выгонять жителей по своему. Мудрено ли, что теперь въ селѣ, называя имена, говорятъ о цѣломъ рядѣ вымогательствъ и даже изнасилованій, произведенныхъ отрядомъ, состоявшимъ въ вашемъ распоряженіи **)?

Для чего же вамъ понадобился этотъ сходъ, и какія законныя слѣдственныя дѣйствія производили вы въ его присутствіи?..

Прежде всего, вы поставили ихъ *всѣхъ на колѣни*, окруживъ казаками съ обнаженными шашками и выставивъ два орудія. Всѣ покорились, стали на колѣни, безъ шапокъ и на снѣгу... Только часа черезъ два вы спохватились, что въ этой колѣнопреклоненной толпѣ есть два георгіевскихъ кавалера. Вы ихъ отпустили. Потомъ отпустили новобранцевъ и малолѣтнихъ. Остальныхъ, подъ угрозой смерти, вы держали, такимъ образомъ, въ теченіе 4½ часовъ, даже не подумавъ о томъ, что въ этой беззаконно истязуемой вами толпѣ могутъ быть лица, еще не похоронившія невинно убитыхъ 19 декабря братьевъ, отцовъ, дочерей, передъ которыми другіе должны бы стоять на колѣняхъ, вымаливая прощеніе — въ убійствѣ ***)...

---

*) „Филоновъ говорилъ, что навѣрное по мѣстечку придется открыть огонь“ (показаніе подъесаула Ончакова, л. 116 и слѣд.). „Филоновъ объявилъ, что, если бы отрядъ вновь былъ встрѣченъ набатомъ, то мѣстечко могло бы быть сожжено“ (показаніе подъесаула Чернявскаго, л. д. 118).

**) Показанія о грабежахъ въ Сорочинцахъ и Устивицѣ: *урядника Котляревскаго*: „многіе, въ особенности евреи, *заявляли мнѣ* объ ограбленіи“ (л. д. 216—217). Поч. миров. судья *Лукьяновичъ* (со словъ урядника Бокитько, л. д. 124). *Урядникъ Бокитько:* казаки забирались въ частные дома. „Мнѣ заявляли, что *они просто грабили*“ (л. 211 и слѣд.); *Кремянскій* (воспитатель дух. уч., л. д. 178): „стражникъ Балакшій подтвердилъ, что забирались въ дома, и сказалъ: мы сами ихъ отгоняли“. Свящ. *Станиславскій* показалъ, что были грабежи, но приписывалъ ихъ не казакамъ (л. 208). Старшина *Луценко* (Устивица): по приказанію исправника собиралъ заявленія потерпѣвшихъ, но затѣмъ исправникъ приказалъ заявленія уничтожить, а свою (исправника) бумагу вернуть ему обратно (л. 209). Есть еще показаніе старшины Повзика (л. 216). Анны Сороки (грабежъ въ присутствіи пристава, Юровскаго, 219), Герасима Мухи, Авр. Готлиба. Существованіе упорныхъ слуховъ о насиліяхъ надъ женщинами подтверждаетъ Кремянскій, Гриценко (л. 217), Сура Готлибъ (220), Кіяшко (л. 217) и др.

***) О томъ, что толпа была поставлена въ снѣгъ на колѣни, единогласно говорятъ всѣ, начиная съ полковника Бородина и кончая казаками и урядниками. Разно опредѣляютъ только время: *хорунжій Дюжинъ* и *подъесаулъ Ончаковъ* (112 и 114) опредѣляютъ время въ 3 часа, старшина *Бокитько* (211), *староста Повзикъ* (216) и *урядникъ Котляревскій* отъ 1 до 4½ ч. Въ Устивицѣ 2—2½ часа.

Эта толпа нужна была вамъ, какъ фонъ, какъ доказательство вашего совѣтницкаго всемогущества, величія и... презрѣнія къ законамъ, ограждающимъ личность и права русскихъ гражданъ отъ безразсуднаго произвола. Дальнѣйшее „дознаніе“ состояло въ томъ, что вы вызывали отдѣльныхъ лицъ по заранѣе составленному списку.

Для чего? Для допроса? Для установленія степени вины и отвѣтственности?

Нѣтъ, едва вызванный раскрывалъ ротъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, объясниться, быть можетъ, доказать полную свою непричастность къ случившемуся, какъ вы собственной совѣтницкой рукой, съ размаха ударяли его по физіономіи и передавали казакамъ, которые, по вашему приказу, продолжали начатое вами преступное истязаніе, валили въ снѣгъ, били нагайками по головѣ и лицу, пока жертва не теряла голоса, сознанія и человѣческаго подобія...

Такъ именно поступили вы, напримѣръ, съ Семеномъ Гриценко, у котораго, какъ вамъ донесли, ночевалъ одинъ изъ „ораторовъ“. Укажите мнѣ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, такой законъ, по которому человѣкъ, пріютившій другого на ночь, отвѣчалъ бы за всѣ его слова и дѣйствія, самая преступность которыхъ тоже еще не доказана? И, однако, едва Гриценко открылъ ротъ для объясненій, какъ вы принялись бить его по лицу, а затѣмъ передали для побоевъ казакамъ. Избитаго разъ, его посадили въ холодную. Этого вамъ показалось мало: вы опять его вызвали, опять не дали говорить, опять били сами и передали казакамъ для вторичнаго истязанія... Такъ же поступили вы еще съ Герасимомъ Мухой, у котораго хранился ключъ отъ закрытой обществомъ „монополіи“, только этого вы еще ударили ногою въ животъ. Такъ же (два раза) били вы Василія Покрова, потомъ истязали Аврама Готлиба, Семена Сорокина, Семена Коверко. Я не стану перечислять здѣсь всѣхъ двадцать человѣкъ, которыхъ вы били собственными руками, лягали ногами и приказывали бить еще нагайками *). Упомяну еще только студента Романовскаго...

*) Относительно собственноручной расправы Филонова и дальнѣйшихъ побоевъ нагайками свидѣтели показываютъ единодушно. Привожу наиболѣе характерныя показанія: *хорунжій Дюжинъ:* „нѣкоторыхъ изъ наиболѣе главныхъ зачинщиковъ Филоновъ самъ вытаскивалъ, давая тумаки“ (л. 112); подъесаулъ *Ончаковъ* (114): „Филоновъ своими руками выхватывалъ подлежащее экзекуціи лицо и приказывалъ идти въ волость, въ арестантскую, и его по дорогѣ принимала экзекуц. команда и била нагайками“. Свящ. *Греченко* (215) видѣлъ, какъ „Филоновъ какого-то человѣка толкалъ ногами, когда тотъ не въ состояніи былъ встать“. Священникъ два раза уходилъ со схода, чтобы не видѣть этого.

Студентъ Романовскій лицо „привилегированное“, и потому вы не посмѣли бить его собственноручно. Вы даже не сразу приказали бить его и казакамъ; вы только отправили его въ холодную. Тогда кто-то изъ казаковъ сказалъ: „Почему же не подъ нагайки“...

Вы нашли, что спросившій правъ. Всѣ равны передъ закономъ. Вы здѣсь творили вопіющія беззаконія. почему же не уравнять всѣхъ передъ беззаконіемъ? Студента вызвали изъ холодной. Едва онъ вышелъ на крыльцо, его толкнули на снѣгъ и избили... Къ счастью, какой-то сердобольный человѣкъ посовѣтовалъ ему предварительно обернуть голову и лицо башлыкомъ *).

Но и этого всего вамъ показалось недостаточно, и потому, оглядѣвъ толпу, стоявшую на колѣняхъ передъ вашимъ совѣтницкимъ величіемъ, вы вдохновились на новый актъ изысканной жестокости. Вы велѣли евреямъ отдѣлиться отъ православныхъ, поставили ихъ на колѣни отдѣльно и приказали казакамъ бить ихъ всѣхъ, безъ разбора. Вы объяснили это тѣмъ, что „евреи—умны и что они—враги Россіи“. Казаки ходили среди колѣнопреклоненной толпы и хлестали направо и налѣво мужчинъ, подростковъ, сѣдыхъ стариковъ. „Якъ вівчаръ вівці“ (какъ овчаръ овецъ)—по картинному выраженію одного изъ очевидцевъ **). А вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, глядѣли на это избіеніе и поощряли бить сильнѣе.

Г. статскій совѣтникъ Филоновъ! Повѣрьте мнѣ: я усталъ, излагая только на бумагѣ всѣ беззаконныя истязанія и звѣрства, которымъ вы, подъ видомъ яко-бы законныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, подвергали безъ разбора жителей Сорочинецъ, не стараясь даже уяснить себѣ, причастны они, или не причастны къ трагедіи 19 декабря... А между тѣмъ, вы производили все это надъ живыми людьми, и мнѣ предстоитъ еще

---

*) Эпизодъ со студ. Романовскимъ единогласно подтверждаютъ всѣ свидѣтели казаки, утверждая только, что по головѣ вообще не били.

**) Этотъ фактъ тоже установленъ многочисленными свидѣт. показаніями. Особенно характерны: *подъесаулъ Овчаковъ* (116—118): „Короленко написалъ неправду, будто били толпу. Дѣйствительно, былъ такой эпизодъ: мѣстные евреи были поставлены отдѣльно на колѣни. Когда Филоновъ подошелъ къ нимъ, и они „загалдѣли“, начали вставать съ колѣнъ, то Филоновъ приказалъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ проучить нагайками“. То же показали: *подъесаулъ Чернявскій* (119), *сотникъ Ивановъ* (119), прибавляетъ: „давали 10—15 ударовъ, не болѣе“.—„экзекуція была легкая“(?). *Староста Повякъ* (216): „всей толпы поголовно казаки не били, а избили выдѣленную толпу евреевъ“. Кр. *Кіяшко* (217): „Всей толпы не били, евреевъ же колотили всѣхъ поголовно“.

разсказать, какъ вы отправились на слѣдующій день для новыхъ подвиговъ въ Устивицу... А за вами, какъ за тріумфаторомъ, избитые, истерзанные, изстрадавшіеся, тащились ваши сорочинскіе плѣнники, которымъ мѣсто было только въ больницѣ...

Такъ ѣхали вы въ Устивицу возстановлять силу закона...

Въ дальнѣйшемъ я буду кратокъ.

Что было въ Устивицѣ до вашего появленія? Тамъ не было ни бунта, ни ареста пристава, ни убійства исправника, ни столкновеній. Тамъ только жители постановили приговоръ о закрытіи монополіи и привели его въ исполненіе ранѣе полученія оффиціальнаго разрѣшенія. Замокъ на дверяхъ монополіи одинъ только свидѣтельствовалъ о томъ, что жители села рѣшили „самовольно“ прекратить у себя пьянство *).

Они сдѣлали это съ нарушеніемъ законныхъ формъ... Да, это правда. Ну, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, вы— чиновникъ и слуга закона! Сами вы соблюдали „законныя формы“ при совершеніи вашего злого дѣла?

Здѣсь я скажу только, что, мстя на этотъ разъ лишь за права казенной винной продажи, вы, прежде всего, избили старосту, съ котораго сорвали знакъ и бросили въ снѣгъ. Затѣмъ вы поколотили писаря, котораго били не только руками, но изломали на немъ счеты, послѣ чего писарь не могъ уже составлять протоколовъ и писать приговоры. Тутъ же избитъ вами Діонисій Ив. Бакало, пришедшій въ правленіе за справками, котораго вы колотили по головѣ „исходящей книгой“ **)... Жителей Устивицъ вы такъ же поставили въ

---

*) Показ. свящ. А. А. Тропины: жители еще въ октябрѣ ходатайствовали о закрытіи винной лавки. Когда пріѣзжалъ чин. Коноваловъ, они повторили просьбу, и онъ обѣщалъ ходатайствовать (л. 175).

**) Показанія: *старшины Луценко* (л. 209—212): Филоновъ началъ бить людей у чернаго входа въ волость... Досталъ откуда-то простую палку и началъ бить находившихся въ корридорѣ людей. Его (старшину) началъ бить сразу, сорвалъ знакъ, разбилъ губы и велѣлъ еще бить казакамъ. Писарь Волошинъ, избитый Филоновымъ, „теперь (іюнь 1906) еще въ больницѣ въ Полтавѣ“.—*Ур. Бокитько* (211—213): при немъ Фил. побилъ старосту Кирьяна, судью Панкова и писаря Волошина (послѣдняго билъ счетами и канцел. книгами). Фил. посылалъ его разыскивать учительницу и, по словамъ казачьяго сотника, „хотѣлъ ее для примѣра сильно выпороть“.—Учит. *Крапивина* (209): *Филоновъ* кричалъ въ волости: „подайте мнѣ эту бабу, я ее проучу“.—*Терещенко* (177): Дениса Бокала 9 казаковъ били 3 раза; „я думалъ, его убьютъ“.—*Свящ. Тропына* (188): Фил. избилъ старшину и писаря. Сходъ былъ поставленъ на колѣни (2 часа). Свидѣтель сталъ заступаться, доказывая, что старшина и писарь не виновны, а на сходѣ по большей части находятся люди, непричастные къ закрытію винной лавки. Тогда Филоновъ велѣлъ людямъ встать съ колѣнъ и потомъ вновь поставилъ на колѣни и заставилъ извиняться передъ стар-

нѣгъ на колѣни, такъ же казаки били ихъ нагайками и такъ же суду, если таковой состоится, предстоитъ рѣшить, правильны ли ужасающіе разсказы жителей объ изнасилованіяхъ, которымъ подвергали устивицкихъ женщинъ казаки, находившіеся въ вашемъ распоряженіи *)... Вы поймете, конечно, что имена жертвъ въ этихъ случаяхъ не такъ легко поддаются оглашенію.

Толпу вы держали и здѣсь на колѣняхъ два часа, вымогая у нея, какъ и въ Сорочинцахъ, имена „зачинщиковъ“ и требуя приговора о ссылкѣ непріятныхъ администраціи лицъ. Вы забыли при этомъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, что пытка отмѣнена еще Александромъ I, что тѣлесное наказаніе, *даже по суду*, отмѣнено для всѣхъ манифестомъ отъ 11 августа 1904 года, а приговоры, добытые подобными, явно преступными, пріемами, не имѣютъ ни малѣйшей силы...

Я кончилъ. Теперь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я буду ждать.

Я буду ждать, что, если есть еще въ нашей странѣ хоть тѣнь правосудія, если у васъ, у вашихъ сослуживцевъ и у вашего начальства есть сознаніе профессіональной чести и долга, если есть у насъ обвинительныя камеры, суды и судьи, помнящіе, что такое законъ или судейская совѣсть, то кто-нибудь изъ насъ долженъ сѣсть на скамью подсудимыхъ и понести судебную кару. Вы или я.

Вы, — такъ какъ вамъ гласно кинуто обвиненіе въ дѣяніяхъ, противныхъ служебному долгу, достоинству и чести, въ томъ, что вы, подъ видомъ слѣдственныхъ дѣйствій, внесли въ Сорочинцы и Устивицу не идею правосудія и законной власти, а только свирѣпую и беззаконную месть чиновничества за чиновника и за ослушаніе чиновникамъ.

Месть даже не виновнымъ, — для ихъ установленія нужно было разслѣдованіе. Нѣтъ, вы принесли слѣпую и дикую грозу истязанія и насилія надъ людьми безъ разбора, въ томъ числѣ и надъ завѣдомо невинными!..

А если вы можете отрицать это, то я охотно займу ваше мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ и буду доказывать, что вы со-

---

шиной за то, что онъ, Филоновъ, наказалъ его невинно, за людей. Сторожъ Галайдичъ разсказывалъ свидѣтелю, что у него въ хатѣ казаки 23 декабря избили его чахоточнаго сына солдата, вернувшагося раненымъ съ войны, за то, что, будто бы, онъ не хочетъ идти на сходъ. *Бережной* (учит. мин. шк., 176). У избитаго Филоновымъ Панкова видѣлъ кровь на лицѣ.

*) *Кремянскій* (воспит. дух. уч.), л. 178: Мѣстная жительница, молодая, красивая женщина, еле отдѣлалась отъ любезностей казаковъ, которые гонялись за нею, и такъ перепугалась, что нервно заболѣла.

вершили больше, чѣмъ я здѣсь могъ изобразить моимъ слабымъ перомъ... Я докажу, что, называя васъ истязателемъ, насильникомъ и беззаконникомъ, я говорю лишь то, что непосредственно вытекаетъ изъ совершенныхъ вами дѣяній. Потому что вы, несомнѣнно, производили истязанія, насилія и беззаконія. Вы попирали всѣ законы, старые и новые, вы подрывали въ народѣ не только уже вѣру въ искренность и значеніе манифеста, но и самую идею закона и власти. А это значитъ, что вы и подобные вамъ толкаете народъ на путь отчаянія, насилія и мести.

Я знаю, вы можете сослаться на то, что вы не одинъ, что дѣянія, подобныя вашимъ, можетъ быть, превосходившія ваши,—остаются у насъ безнаказанными... Это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ,—пока печальная истина.

Но это не оправданіе для васъ. Къ вамъ же я обращаюсь потому, что живу въ Полтавѣ, что она полна живыми образами вашихъ насилій, что до меня доносятся стоны и жалобы вашихъ жертвъ...

А если и вы, какъ другіе вамъ подобные, останетесь безнаказаннымъ, если, избѣгнувъ всякаго суда по снисходительности начальства и безсилію закона, вы вмѣстѣ съ кокардой предпочтете носить клеймо этихъ тяжелыхъ публичныхъ обвиненій, то и тогда, я вѣрю, что это мое обращеніе не пройдетъ безслѣдно.

Пусть страна видитъ, къ какому порядку, къ какой силѣ законовъ, къ какой отвѣтственности должностныхъ лицъ, къ какому огражденію правъ русскихъ гражданъ зовутъ ее два мѣсяца спустя послѣ манифеста 17-го октября.

IV.

Чего я добивался своимъ открытымъ письмомъ.

Прежде всего и всего важнѣе: правильно или неправильно я изложилъ факты?

Я нарочно воспроизвелъ выше текстъ своего письма, снабдивъ его подстрочными примѣчаніями изъ „дѣла“, которое по справедливости можно было бы назвать „дѣломъ о сообщеніи *завѣдомо правильныхъ* свѣдѣній“... Всякій, кто далъ себѣ трудъ сличить текстъ съ примѣчаніями, можетъ видѣть, въ какой степени свидѣтельскія показанія колеблютъ или подтверждаютъ фактическую часть моего письма, и много ли выигрываетъ память Филонова отъ этихъ дополненій.

Уже однихъ показаній казачьихъ офицеровъ и урядниковъ достаточно, чтобы установить, что тысячная толпа, безъ разбора виновныхъ и невинныхъ, въ томъ числѣ старики и под-

ростки, была поставлена на колѣни, въ снѣгъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ... На 3 часа (!), какъ говорятъ свидѣтели-казаки, на 4 или 5 часовъ, какъ утверждаютъ полицейскій урядникъ, сельскія власти, священники, частныя лица. Въ этой толпѣ огуломъ били людей, стоящихъ на колѣняхъ, но... не всѣхъ, а только евреевъ, поставленныхъ отдѣльно и позволившихъ себѣ роптать на это истязаніе. Арестованныхъ ранѣе избивали до неузнаваемости... Филоновъ, по показанію казаковъ, расправлялся собственноручно, вытаскивалъ изъ толпы, надѣлялъ тумаками, по словамъ священника, — ударами ноги онъ поднималъ тѣхъ, кто самъ не могъ подняться (такъ какъ на снѣгу коченѣли ноги!..). По показанію старосты, священника, другихъ свидѣтелей,—тотчасъ по пріѣздѣ въ Устивицу онъ досталъ откуда-то „простую палку“ и кинулся бить ею людей, стоявшихъ у входа въ правленіе... Онъ кричалъ, чтобы ему подали „эту бабу“, съ которой онъ намѣренъ расправиться... Рѣчь шла объ учительницѣ, которая, счастливо избѣгнувъ звѣрской расправы изступленнаго чиновника, ни къ какому даже дознанію не привлекалась...

Таковы, между прочимъ, „маленькія дополненія“, которыя внесло слѣдствіе, тянувшееся около года. Неточности, которыя теперь мнѣ приходится признать, состоятъ въ томъ, что у меня сказано, будто Маковецкая убита, а у Келеповой прострѣлены щеки, тогда какъ въ дѣйствительности убита Келепова, а ранена Маковецкая... Есть указанія на то, что Гарковенко раненъ не во дворѣ, а на площади... Били не всѣхъ, стоявшихъ на колѣняхъ, а только евреевъ, но за то „били поголовно“ (показаніе Кіяшко). „Если кто падалъ, то били и лежачаго“,—какъ простодушно свидѣтельствуетъ одинъ изъ исполнителей, бомбардиръ Кожевниковъ *).

И подумать, что все это дѣлалось послѣ того, какъ „зачинщики“ *были арестованы уже наканунѣ*, безъ малѣйшаго съ чьей бы то стороны сопротивленія... Все это было извѣстно въ первые же дни высшей администраціи края изъ доклада земскаго начальника (г-на Даниловскаго), отъ священниковъ, нарочно пріѣзжавшихъ для этого къ губернатору, изъ газетъ... А суду—отъ почетнаго мирового судьи Лукьяновича, а затѣмъ изъ дознанія, произведеннаго товарищемъ прокурора на мѣстѣ...

И не смотря на все это, ст. совѣтнику Филонову было дозволено продолжать свои походы, послѣдствіемъ чего явилось новое кровавое избіеніе уже совершенно неповинныхъ жителей Кривой Руды!..

*) Листъ дѣла 110.

„Обращаясь къ тѣмъ частямъ письма Короленко, — говорится въ утвержденномъ окружнымъ судомъ заключеніи прокурора,—гдѣ изложена *чисто фактическая сторона событій съ момента столкновенія толпы съ казаками* (а только это, замѣчу отъ себя, и лежало въ компетенціи суда), *нельзя не признать ее въ общемъ соотвѣтствующей дѣйствительности.* Несомнѣнно, есть и въ этой части „ошибки и неточности", по выраженію свидѣтелей, но это всегда возможно при полной правдивости автора, когда приходится излагать событія, передаваемыя со словъ другихъ, да еще потерпѣвшихъ людей. Какъ выяснилось на предварительномъ слѣдствіи, *нѣкоторыя лица были убиты въ м. Сорочинцахъ далеко отъ волости* *), а сторожъ г. Малинки, Отрешко, ни въ чемъ неповинный, былъ убитъ дѣйствительно во дворѣ. Что касается „корреспонденціи изъ Устивицы", *всѣ изложенные въ ней факты нашли себѣ полное подтвержденіе на предварительномъ слѣдствіи.* Не подтвердилось лишь сообщеніе о грабежахъ и насиліяхъ казаковъ надъ жителями, хотя по этому поводу въ м. Устивицы, какъ и въ мѣст. Сорочинцахъ ходили упорные слухи" **).

Итакъ, даже по признанію суда факты изложены правильно. Отсюда ясна первая цѣль, которую я преслѣдовалъ, печатая свое письмо:

Она состояла въ оглашеніи правды.

Далѣе. Авторъ „заключенія", утвержденнаго судомъ, какъ и авторы нѣкоторыхъ газетныхъ статей, находятъ, что писатель Короленко не достаточно ярко оттѣнилъ событія, предшествовавшія столкновенію 19 декабря, и что даже стиль писателя Короленко, въ первой части его письма тусклый и блѣдный, рѣзко отличается отъ слишкомъ яркаго стиля, которымъ онъ изображаетъ дѣйствія Филонова... Правда, и г. прокуроръ, и члены окружнаго суда, утверждавшіе его заключеніе, высказываютъ справедливое соображеніе, что, во-первыхъ, „освѣщеніе событій не наказуемо" (иначе сказать, не подле-

---

*) Прибавимъ: долго спустя послѣ столкновенія у волостного правленія.

**) Позволяю себѣ исправить „фактическую неточность", допущенную судомъ. Въ дѣлѣ есть показанія урядника, сельскихъ должностныхъ лицъ и священника, говорящихъ не только о *случаяхъ*, но и о *прямыхъ заявленіяхъ потерпѣвшихъ*, а это не одно и то же. Урядникъ Бокитько, старшина Луценко и поч. миров. судья Лукьяновичъ говорятъ о начатомъ уже дознаніи и о составленныхъ спискахъ потерпѣвшихъ, уничтоженныхъ исправникомъ. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить, что слухи не подтвердились, а если не подтвердились, то—почему?

жить и судебной квалификаціи), и во-вторыхъ, что оно „можетъ быть результатомъ просто точки зрѣнія автора".

Это послѣднее соображеніе совершенно вѣрно. У меня есть на всѣ эти событія своя точка зрѣнія, отчасти, пожалуй, совпадающая съ заявленіями, приложенными къ манифесту 17 октября. Съ этой точки зрѣнія,—„корни волненій, охватившихъ русскій народъ", лежатъ очень глубоко, и, чтобы говорить о нихъ съ достаточной полнотой, пришлось бы, пожалуй, подняться къ событіямъ гораздо болѣе раннимъ, чѣмъ 17—18 декабря 1905 года. Но и помимо всякихъ „точекъ зрѣнія", суду не угодно было обратить вниманіе, что „разница стилей" и настроеній писателя въ данномъ случаѣ отражала только *вопіющую разницу положеній*...

Сорочинскіе жители за то, что произошло 19 декабря, понесли уже тяжкую кару, для очень многихъ далеко несоразмѣрную съ виной: 20 человѣкъ изъ нихъ было убито, при чемъ нѣкоторые, по признанію самого суда, убиты далеко отъ волости и совершенно безвинно. Другіе изранены и подверглись истязаніямъ, потому что стоять на колѣняхъ въ снѣгу, для иныхъ еще подъ ударами нагаекъ, хотя бы и 3 часа,— есть жестокое истязаніе. Наконецъ, третьи—и теперь, когда я пишу эти строки, ждутъ еще судебнаго воздаянія...

А ст. совѣтникъ Филоновъ въ то время, когда я, взволнованный разсказами объ его дѣйствіяхъ, писалъ открытое письмо,—оставался на своемъ посту и отправился въ новыя экспедиціи.

Полагаю, что критики, болѣе компетентные въ вопросахъ стиля и настроенія,—увидятъ въ моемъ письмѣ естественное негодованіе противъ *безнаказанности* оффиціальнаго лица, допустившаго массовыя истязанія, тогда какъ жители Сорочинецъ понесли наказаніе свыше всякой законной мѣры и готовы нести прибавочную кару уже по закону...

Отсюда—другая цѣль, которую я ясно выразилъ въ концѣ своего письма:

Я добивался суда и для другой стороны.

Была и третья. Она диктовалась надеждой, что громко сказанная правда способна еще *остановить разливающуюся все шире эпидемію жестокости.*

Наконецъ... Въ то время, когда я писалъ свое письмо,— въ моемъ воображеніи неотступно стояло представленіе объ этой сѣрой толпѣ, такъ рѣзко пережившей такія противоположныя настроенія. Еще недавно она была охвачена эпидемическимъ волненіемъ, загипнотизированная сильной волей одного, почти невѣдомаго ей человѣка... Черезъ два дня тѣ

же люди стояли на колѣняхъ передъ другимъ человѣкомъ, окружившимъ ихъ войскомъ и пушками, загипнотизировавшимъ ихъ ужасомъ беззаконныхъ насилій.

Я хотѣлъ разсѣять этотъ гипнозъ, вызвать новое настроеніе, достойное будущихъ гражданъ обновляющейся страны. Голосъ печати, независимый и смѣлый, долженъ былъ поднять этихъ людей съ колѣнъ и напомнить, что и у нихъ есть право, скрѣпленное обѣщаніями равенства передъ закономъ, котораго они должны добиваться сознательно и открыто.

Сдавленныя чувства людей, покорно стоящихъ на колѣняхъ въ снѣгу, подъ ударами нагаекъ и жерлами пушекъ,—плохая почва для „общественнаго спокойствія“, не говоря уже о „новыхъ началахъ“ и ихъ гарантіяхъ. Гораздо надежнѣе со всѣхъ точекъ зрѣнія напоминаніе „о законѣ, суровомъ, но безпристрастномъ и справедливомъ, стоящемъ выше увлеченій и страстей данной минуты, строго осуждающемъ самосудъ толпы *), но также устанавливающемъ равновѣсіе между виной и наказаніемъ и не допускающемъ мысли о безграничномъ произволѣ... однимъ словомъ о законѣ, какимъ онъ *долженъ быть*, къ которому *необходимо стремиться*.

И если бы дружнымъ усиліямъ независимой печати, лицъ изъ общества, подобныхъ мировому судьѣ Лукьяновичу, священникамъ, пріѣзжавшимъ къ губернатору и, наконецъ, самимъ потерпѣвшимъ, удалось вывести самонадѣяннаго чиновника изъ-за окоповъ „служебной гарантіи“, если бы состоялся судъ и приговоръ, который бы сказалъ свое внушительное „Quos ego!“ не одному Филонову, но и его многочисленнымъ подражателямъ, то это было бы законнымъ выходомъ изъ трагическаго положенія, первой еще фактической побѣдой новыхъ началъ на мѣстахъ, однимъ словомъ, это создавало бы въ дѣлѣ „карательныхъ экспедицій“ то, что называютъ „прецедентомъ“.

Вотъ для чего я рѣшился замѣнить безличныя корреспонденціи своимъ „открытымъ письмомъ“, начинавшимъ планомѣрную кампанію. Какъ бы ни были слабы шансы успѣха, возможный всетаки результатъ былъ тѣмъ дороже, что онъ былъ бы достигнутъ на почвѣ борьбы вполнѣ закономѣрной, къ которой призывалось также и само населеніе.

И если бы это дѣйствительно удалось, если бы мы имѣли возможность огласить первые рѣшительные и твердые шаги въ этомъ направленіи администраціи и суда,—съ той самой поры та же независимая печать стремилась бы только укрѣ-

*) Цитата изъ моего открытаго письма.

пить довѣріе къ суду и вызывать ему всякое содѣйствіе... И тогда стиль писателя Короленко своимъ спокойствіемъ и равномѣрностью удовлетворилъ бы, я увѣренъ, самыхъ взыскательныхъ критиковъ изъ среды полтавскихъ судей...

V.

Слабые проблески.

Была ли какая-нибудь надежда на то, что эта прямая и ясная цѣль моего письма будетъ достигнута?

Я знаю, какія улыбки вызоветъ мой отвѣтъ послѣ всего, что произошло, и послѣ того, какъ самъ я цѣлый годъ состоялъ подъ слѣдствіемъ и въ подозрѣніи за сообщеніе *завѣдомо правильныхъ свѣдѣній*... И тѣмъ не менѣе, я все-таки отвѣчу, что эта надежда не была лишена нѣкоторыхъ основаній.

Мое письмо было воспроизведено, частью цѣликомъ, частью въ значительныхъ выдержкахъ, на страницахъ многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. Затѣмъ переводы и выдержки появились въ заграничной прессѣ. Я получалъ изъ-за границы письма, съ просьбой о сообщеніи дальнѣйшихъ судебъ этого дѣла. Населеніе, въ свою очередь, шло на-встрѣчу усиліямъ печати, и мнѣ предлагали сотни свидѣтельскихъ показаній на случай суда. Двѣ женщины, потерпѣвшія тяжкія оскорбленія, соглашались даже разсказать о своемъ несчастіи, если дѣйствительно состоится судъ надъ Филоновымъ или надо мною.

Тяжба между независимой печатью и произволомъ была поставлена широко и всенародно. На глазахъ у всей страны были указаны факты вопіющаго беззаконія въ то самое время, когда она призывалась къ законности, и характеръ репрессіи явно не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ: уже въ Сорочинцахъ толпа стояла на колѣняхъ; въ Устивицѣ картина еще менѣе осложнялась незначительными волненіями и закрытіемъ винной лавки. Криворудскій погромъ не осложнялся уже ничѣмъ, и вопіющія стороны „карательныхъ пріемовъ“ Филонова выступали неприкрытыя и беззащитныя передъ самымъ элементарнымъ правосудіемъ.

Къ тому же, я оставался на мѣстѣ, готовый поддерживать свое обвиненіе или отвѣчать за него. Такимъ образомъ, типичная картина усмиреній была поставлена, точно подъ стекляннымъ колпакомъ, на виду у русской и заграничной печати. Оставалось довести ее до конца, освѣщая весь ходъ этого дѣла и каждый шагъ правосудія.

Есть нѣкоторыя, косвенныя, правда, указанія на то, что по-

ложеніе полтавской администраціи въ эти дни было очень затруднительно, и что въ ея средѣ существовали колебанія, пошатнувшія служебную неприкосновенность ст. сов. Филонова. Это я заключаю, между прочимъ, изъ той позиціи, которую послѣ моего открытаго письма занялъ оффиціозный органъ мѣстнаго чиновничества „Полтавскій Вѣстникъ“ (редакторъ его, г. Иваненко, чиновникъ, совмѣщающій съ редактированіемъ „Вѣстника“ также и должность редактора „Губернскихъ Вѣдомостей“).

И вотъ, въ одной изъ статей, появившейся спустя три дня послѣ моего письма, эта газета не рѣшается прямо опровергать, а только заподозриваетъ правильность фактовъ (которые, конечно, оффиціозу были отлично извѣстны). Далѣе газета указываетъ на „наше время“, когда „разные агитаторы заставляютъ толпу ходить съ красными флагами, пѣть безсмысленныя пѣсни, звѣрски мучить животныхъ (sic), пускаютъ по міру ни въ чемъ неповинныхъ людей“, при чемъ „зарево пожаровъ освѣщаетъ путь озвѣрѣлой толпы“. Еще далѣе идутъ не особенно тонкіе намеки на то, что именно писатель Короленко своей литературной дѣятельностью поощряетъ и вызываетъ всѣ эти ужасы, и наконецъ высказывается предположеніе, что „открытое письмо“ вызвано ничѣмъ инымъ, какъ мученіями совѣсти, которая по всѣмъ этимъ причинамъ терзаетъ писателя Короленко.

Статья кончается слѣдующими строками, характерными на столбцахъ завѣдомаго оффиціоза:

„Г. Короленко не прочь сѣсть на скамью подсудимыхъ, если на ней не сядетъ Филоновъ. Лучше всего, если сядутъ *оба рядомъ*,—писатель Короленко и статскій совѣтникъ Филоновъ—и свободно выскажутся одинъ противъ другого—можетъ быть тогда яснѣе станетъ, насколько каждый изъ нихъ праведникъ и насколько грѣшникъ... И окажутся *писатель и статскій совѣтникъ одной цѣны*“ *).

То, что сказано о „писателѣ Короленко“, разумѣется, никого удивить не можетъ. Но когда небольшой мѣстный чиновникъ рѣшается въ субсидируемой газетѣ поставить „старшаго совѣтника губернскаго правленія“ на ряду съ такимъ жалкимъ субъектомъ, какъ писатель Короленко... когда онъ позволяетъ себѣ даже высказывать ужасное предположеніе, что старшій совѣтникъ губернскаго правленія *одной цѣны* съ авторомъ „открытаго письма“ и достоинъ занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, то есть значительныя основанія ду-

*) „Полтавскій Вѣстникъ“, 15 января 1906 г.

мать, что положеніе старшаго совѣтника Филонова очень пошатнулось и что, значитъ, достиженіе той цѣли, который я добивался своимъ письмомъ, становилось уже вѣроятнымъ. Я думаю и теперь, что статскій совѣтникъ Филоновъ въ тѣ дни, когда г. Иваненко позволялъ себѣ ставить его на одну доску съ писателемъ Короленко, былъ, по крайней мѣрѣ, на распутьи между безнаказанностью и скамьей подсудимыхъ, пожалуй, даже ближе къ послѣдней...

Къ сожалѣнію, это теперь остается въ области предположеній, которыя многими (не безъ видимыхъ основаній) считаются слишкомъ наивными въ нашихъ русскихъ условіяхъ. Объективные факты, видимые всѣмъ на поверхности жизни, говорили другое. Для преданія Филонова суду нужно было предварительное согласіе высшей администраціи. Но если бы начальство не одобряло его дѣйствій, то онъ не былъ бы посланъ во вторую экспедицію послѣ того, какъ сорочинская была разоблачена и гласно, и оффиціально...

Это, во-первыхъ.

Во-вторыхъ, въ это время въ нашемъ краѣ находился генералъ-адъютантъ Пантелѣевъ, посланный для „водворенія порядка“ въ губерніяхъ юго-западнаго края. 12-го января появилось мое письмо, а уже 14-го, по телеграммѣ этого генералъ-адъютанта, газета, которая разоблачила нынѣ доказанные факты изъ дѣятельности чиновника, была пріостановлена. Всѣ видѣли въ этомъ „административномъ воздѣйствіи“ обычный и единственный отвѣтъ администраціи на оглашенія печати и на ея призывы къ правосудію...

Судъ хранилъ таинственное молчаніе... Передавали, такъ сказать, подъ рукой, что прокурорскій надзоръ производилъ какое-то негласное дознаніе, но не только его результаты, а и самый фактъ дознанія сохранялся въ строжайшемъ секретѣ, точно это не была обязательная и закономѣрная функція судебной власти, сопряженная съ открытымъ опросомъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей, а какое-то тончайшее дипломатическое предпріятіе, которое приходится скрывать самымъ тщательнымъ образомъ, точно развѣдки въ непріятельскомъ лагерѣ *).

Такимъ образомъ, на поверхности полтавской жизни оставалась старая картина: вопіющій произволъ чиновника... одностороннее вмѣшательство суда, направленное только на обывателей, уже потерпѣвшихъ свыше мѣры... Администра-

*) Интересно, что на мою просьбу,—пріобщить къ дѣлу переписку объ этомъ дознаніи, мнѣ было отвѣчено, что такой переписки... не было!

тивное закрытіе газеты... Безсиліе призывовъ къ правосудію и нестерпимое зрѣлище безнаказанности вопіющихъ насилій.

При этихъ условіяхъ стремленіе независимой печати и писателя Короленко, взывавшихъ къ правосудію и надѣявшихся на него, могло, разумѣется, казаться совершенной наивностью... И въ глубинѣ смятенной жизни, полной темноты и безправія, уже назрѣвало новое вмѣшательство, которому суждено было сразу устранить и гласную тяжбу, начатую независимой печатью, и таинственныя движенія робкаго правосудія, если они дѣйствительно были...

VI.

Убійство Филонова и его обстановка.

Раннимъ утромъ, 17 января, Филоновъ вернулся въ Полтаву съ трудной задачей,—оправдать свои дѣйствія, слава которыхъ теперь вышла далеко за предѣлы канцелярій и даже мѣстной печати. По свидѣтельству ст. совѣтника Ахшарумова (нынѣшняго замѣстителя Филонова), когда онъ явился къ губернатору, то послѣдній потребовалъ, чтобы онъ отвѣтилъ печатно на письмо Короленко *).

Свиданіе это было, вѣроятно, съ бытовой точки зрѣнія, очень интересно. Для начальства Филоновъ уже раньше „объяснилъ“ свои дѣйствія. Не смотря на оффиціальныя сообщенія земскаго начальника, священниковъ, почетнаго мирового судьи—объясненіе это признано вполнѣ удовлетворительнымъ, и Филоновъ командированъ вторично. Отъ него требовали теперь объясненія печатнаго...

Положеніе затруднялось еще тѣмъ, что между Сорочинцами и этимъ свиданіемъ легло „новое обстоятельство“, въ видѣ разгрома уже явно неповинной Кривой Руды.

Въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ“ было напечатано впослѣдствіи, что Филоновъ заходилъ въ этотъ день также въ редакцію этой газеты. Старшій совѣтникъ губернскаго правленія явился къ редактору, маленькому и зависимому чиновнику, еще недавно позволившему себѣ въ субсидируемой газеткѣ дерзко сравнить его съ писателемъ Короленко и высказать пожеланіе, чтобы они *сѣли рядомъ на скамью подсудимыхъ*... Старшій совѣтникъ Ахшарумовъ свидѣтельствуетъ, что Филоновъ „не обладалъ литературнымъ талантомъ“; очень вѣроятно поэтому, что онъ нуждался теперь въ просвѣщенныхъ совѣтахъ дерзкаго редактора... Здѣсь онъ сказалъ, что вечеръ этого дня и слѣдующее утро намѣренъ посвятить на составленіе (требуемаго губернаторомъ) отвѣта ..

*) Показаніе г. Ахшарумова, листъ дѣла 217.

18-го декабря въ обычное время (10 часовъ утра) онъ отправился въ губернское правленіе и здѣсь, на людной улицѣ, неизвѣстный молодой человѣкъ убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера и скрылся...

Сложное и запутанное положеніе, создавшееся изъ привычныхъ насилій, изъ ихъ поощренія, изъ широкой гласности, изъ начинавшихся колебаній въ средѣ администраціи, изъ слабыхъ признаковъ пробужденія правосудія, изъ „наивныхъ“ призывовъ независимой печати, — разрѣшилось трагически просто... „Наивная“ тяжба снималась съ арены. Передъ нами, вмѣсто противника, который долженъ былъ защищаться и которому мы приготовились отвѣчать новыми, еще болѣе вопіющими фактами,—лежалъ трупъ внезапно убитаго человѣка. Администраціи представился удобный случай сдѣлать изъ него, въ своихъ оффиціозахъ, мученика долга, а изъ писателя Короленко—„моральнаго подстрекателя къ убійству“...

Что насилія, подобныя насиліямъ въ Сорочинцахъ и Кривой Рудѣ, вызываютъ чувства остраго негодованія, а оглашеніе ихъ въ печати распространяетъ эти чувства, это вѣрно, какъ и то, что особенную остроту и силу этимъ чувствамъ придаетъ обычная безнаказанность...

Однако, была ли въ данномъ случаѣ прямая связь между моимъ письмомъ и убійствомъ 18 января на Александровской улицѣ города Полтавы?

Въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ“, получающемъ свѣдѣнія о происшествіяхъ изъ непосредственныхъ полицейскихъ источниковъ,—самое убійство описано слѣдующимъ образомъ:

„Покойный только наканунѣ (т. е. 17 января) возвратился изъ служебной командировки, чувствовалъ себя усталымъ, почти больнымъ, и предполагалъ нѣсколько дней не выходить изъ дому. Но вчера утромъ, *въ обычное время* *) отправился на службу. Шелъ *обычной дорогой* по Александровской улицѣ. Какъ говорятъ очевидцы, за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, шла какая-то женщина, по виду торговка, а за ней молодой человѣкъ. Поровнявшись съ открытыми воротами во дворъ Варшавскихъ **), молодой человѣкъ забѣжалъ впередъ и выстрѣлилъ въ лицо Филонову... Затѣмъ онъ побѣжалъ во дворъ дома Варшавскихъ и скрылся“ ***).

А на другой день газета прибавила слѣдующія, довольно существенныя соображенія:

---

*) Курсивы мои. В. К.

**) Этотъ дворъ проходной. В. К.

***) „Полтавскій Вѣстникъ“, 19 января 1906.

„Преступникъ, *видимо, изучилъ ранѣе дорогу, по которой Филоновъ имѣлъ обыкновеніе ходить на службу*,—поджидалъ его вблизи воротъ дома В—скихъ, гдѣ помѣщается чиновничье собраніе, и, прогуливаясь тамъ, разсматривалъ магазинныя витрины“ *)...

Въ книгѣ „Къ убійству Ф. В. Филонова“, изданной родными покойнаго, воспроизведены газетныя извѣстія и статьи, вызванныя этой трагедіей, — съ слишкомъ тенденціознымъ подборомъ. Интересно, что, воспроизведя первую замѣтку, издатели совершенно обошли молчаніемъ вторую. И это понятно. Неизвѣстный убійца *„видимо ранѣе изучилъ дорогу, по которой Филоновъ имѣлъ обыкновеніе ходить на службу*“, и выбралъ мѣсто у проходного двора. Но Филонова не было въ Полтавѣ въ то время, когда появилось мое письмо, и вплоть до 17 января онъ былъ въ командировкѣ, а на службу явился въ самое утро убійства... Итакъ, *изучить обычную дорогу*, взвѣсить всѣ ея удобства и неудобства можно было только во время, предшествовавшее появленію открытаго письма, въ тѣ дни, когда Филоновъ вернулся изъ командировки въ Сорочинцы и еще не уѣхалъ въ Кривую Руду.

А это значитъ, конечно, что убійство было взвѣшено и обдумано ранѣе, чѣмъ появилось мое письмо, и не могло явиться его послѣдствіемъ...

Эти соображенія, справедливость и огромная вѣроятность которыхъ била въ глаза, издатели упомянутой книги и редакція „Полтавскаго Вѣстника“ сочли болѣе удобнымъ скрыть отъ читателя, предпринимая противъ писателя Короленко продолжительный клеветническій походъ, поддержанный всѣми оффиціозами провинціальной и столичной Россіи... Открытъ онъ въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ“ непосредственно послѣ появленія письма, но сначала неувѣренно. „Писатель Короленко“ признавался только равнымъ ст. сов. Филонову, которому все же отводилось мѣсто *на скамьѣ подсудимыхъ*.

„За что убитъ Филоновъ,—спрашиваетъ „Полтавскій Вѣстникъ“ еще 19-го января, — неужели за тѣ „преступленія“, которыя указывались г. Короленко? Но вѣдь Короленко звалъ Филонова на судъ“...

Скоро, однако, всѣ эти оговорки исчезаютъ, Филоновъ безповоротно превращается въ „вѣрнаго царскаго слугу“ и „доблестнаго исполнителя долга“, а писатель Короленко выставляется сознательнымъ подстрекателемъ и моральнымъ убійцей...

---

*) „Полт. Вѣстникъ“, 20 января 1906 г., № 959. Въ книгѣ эта замѣтка *не воспроизведена*.

Все это закрѣпляется появленіемъ „посмертнаго письма ст. сов. Филонова“.

VII.

„Посмертное письмо ст. сов. Филонова писателю Короленко“.

Письмо это появилось при торжественной обстановкѣ, въ самый день похоронъ Филонова, подъ звонъ колоколовъ, когда его тѣло переносили изъ собора на кладбище, въ сопровожденіи войскъ, оффиціальнаго персонала, сослуживцевъ, знакомыхъ и толпы народа.

Въ это самое время, то есть въ разгаръ разносторонняго возбужденія, вызваннаго быстро смѣнявшимися событіями, ходилъ по рукамъ № „Полтавскаго Вѣстника“, въ которомъ покойный чиновникъ обращался къ писателю съ рядомъ отвѣтныхъ обвиненій-упрековъ... Очевидно, и редакція „Полтавскаго Вѣстника“, и ея непосредственные вдохновители, обвинявшіе писателя Короленко въ томъ, что его письмо имѣло значеніе подстрекательства, не особенно считались съ обстановкой, при которой сами они выпускали „Посмертный отвѣтъ“.

Что же представляло собою это отвѣтное письмо изъ-за могилы? Была ли это правда, которую можно печатать при всякихъ обстоятельствахъ?

Черезъ нѣсколько дней послѣ его появленія въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ“, въ редакцію газеты „Полтавщина“ явился одинъ изъ родственниковъ Филонова и выразилъ желаніе, даже требованіе, чтобы газета *во имя справедливости* перепечатала отвѣтъ Филонова на тѣхъ же столбцахъ, съ которыхъ раздались обвиненія. Редакторъ, Д. О. Ярошевичъ, отвѣтилъ на это готовностью помѣстить „письмо“, выразивъ только желаніе видѣть оригиналъ, подписанный самимъ Филоновымъ, такъ какъ въ городѣ упорно говорили, что письмо подложное, и что составлено оно не умершимъ Филоновымъ, а его живыми единомышленниками и защитниками. Г. Ярошевичъ затѣмъ повторилъ этотъ вызовъ печатно.

Родственникъ г. Филонова обѣщалъ „поискать оригиналъ“ и удалился.

Оригиналъ доставленъ не былъ.

Затѣмъ, когда возникло наше „дѣло“, и я былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, то я просилъ, между прочимъ, о пріобщеніи этого оригинала, какъ единственнаго показанія по настоящему дѣлу самого участника... Я считалъ необходимымъ *установить его подлинность.*

По требованію судебнаго слѣдователя, редакція „Вѣстника“ прислала рукопись, служившую для набора, и препроводительное письмо, подписанное г-жей Филоновой. Я просилъ подвергнуть эти документы оффиціальному осмотру. Оказалось:

Во-первыхъ, что *письмо писано не рукой Филонова.*

Во-вторыхъ, что *подпись въ концѣ письма сдѣлана не Филоновымъ.*

Въ-третьихъ, что *всѣ имѣющіяся на рукописи поправки тоже сдѣланы не филоновскимъ почеркомъ* *).

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, сослуживецъ и замѣститель Филонова, нынѣшній старшій совѣтникъ губ. правленія Л. И. Ахшарумовъ призналъ, что *форма изложенія тоже не филоновская*, „такъ какъ покойный не отличался литературными дарованіями“ **).

Обстоятельства, при которыхъ могло (или не могло) быть написано это письмо, тоже очень выразительны. Въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ“ по этому поводу есть двѣ замѣтки. Въ первой сообщается, что Филоновъ былъ въ командировкѣ и не могъ отвѣтить на обвиненія Короленко. Вернулся онъ 17-го и въ разговорѣ съ знакомыми сообщилъ, что *вечеромъ въ тотъ же день займется составленіемъ отвѣта*... На другой день онъ былъ убитъ ***).

Въ другой (редакціонной) статьѣ говорится: „Наканунѣ покойный, только возвратившись изъ поѣздки, на минуту забѣгалъ къ пишущему эти строки и говорилъ, что *вечеромъ этого дня и слѣдующій* онъ посвятитъ *исключительно* на отвѣтъ и защиту себя противъ обвиненій, какія въ его отсутствіи были брошены ему въ извѣстномъ письмѣ Короленко. *Но ему самому себя защитить не судилось*,—вчера онъ убитъ“ ****)...

Итакъ, „Полтавскій Вѣстникъ“, самъ даетъ два свидѣтельскихъ показанія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что Филоновъ лишь собирался писать свой отвѣтъ, но *написать* его *не успѣлъ*.

Въ дополненіе мы имѣемъ еще показаніе вдовы покойнаго, которая утверждаетъ, наоборотъ, что черновикъ письма былъ написанъ ея мужемъ еще въ уѣздѣ и привезенъ готовымъ;

---

*) Одна изъ этихъ поправокъ особенно характерна. Письмо начинается словами: „*Я третьяго дня* вернулся въ Полтаву и прочелъ Ваше письмо“... Затѣмъ „третьяго дня“ зачеркнуто и чьей-то рукой написано: „*Я только* что вернулся“... Филоновъ вернулся 17-го, убитъ 18-го. „Третьяго дня“ онъ могъ бы написать только послѣ смерти...

**) Показаніе Л. И. Ахшарумова (л. д. 247).

***) См. книгу „Къ убійству Филонова“, стр. 17.

****) „Полтавскій Вѣстникъ“, 19 января 1906 г. Воспроизведено въ книгѣ „Къ убійству Филонова“, стр. 17—18.

затѣмъ письмо переписано начисто 17-го января, т. е. уже въ самый день пріѣзда Филонова, и доставлено ея мужу однимъ изъ чиновниковъ губернскаго правленія. Однако, самый отвѣтъ Филонова начинается словами: „*Я только-что вернулся изъ командировки и прочелъ Ваше письмо*“...

Старшій совѣтникъ губернскаго правленія Л. И. Ахшарумовъ, спрошенный слѣдователемъ, заявилъ категорически, что „въ числѣ чиновниковъ губернскаго правленія нѣтъ лицъ, пишущихъ такимъ почеркомъ“, какимъ переписана рукопись... Самъ онъ яко-бы въ первый разъ увидѣлъ „посмертный отвѣтъ“ у слѣдователя... При этомъ оказалось, однако, что препроводительное письмо въ редакцію „Полтавскаго Вѣстника“ *написано рукою самого г-на Ахшарумова*. Обстоятельство это онъ объяснилъ тѣмъ, что „во время похоронъ Филонова“ братъ его вдовы подошелъ къ нему и спросилъ совѣта, отъ чьего имени послать въ редакцію „отвѣтное письмо“. Г. Ахшарумовъ далъ совѣтъ и согласился написать черновикъ письма въ редакцію.

Давая это объясненіе, г. Ахшарумовъ забылъ только, что въ день похоронъ „посмертное письмо“ *уже было напечатано*... Значитъ, о письмѣ г-нъ Ахшарумовъ несомнѣнно зналъ раньше, и показаніе его явно расходится съ истиной.

Наконецъ, что касается отсутствія самого оригинала, то г-жа Филонова дала по этому поводу слѣдующее удивительное объясненіе, которое прибавляетъ послѣдній и самый замѣчательный штрихъ къ этой любопытной исторіи: „18-го января,—говоритъ она въ своемъ письменномъ показаніи слѣдователю,—мужъ мой отправился въ губернское правленіе, имѣя въ лѣвомъ карманѣ сюртука записную книжку, въ которой были замѣтки по поводу сорочинскихъ событій, а также вышеупомянутые клочки бумаги и черновикъ письма... Въ тотъ день онъ былъ убитъ, при чемъ *убійца захватилъ ту книжку, а также черновикъ письма*“...

... Я далекъ отъ того, чтобы строго осуждать бѣдную женщину за все, что „доброжелатели“ научили ее дѣлать въ эти дни ея растерянности и горя. Я понимаю также, что чувства ея „къ писателю Короленко“ были не таковы, чтобы удержать отъ неправдивыхъ показаній или хотя бы отъ явнаго злоупотребленія именемъ ея покойнаго мужа... Читатель согласится, однако, что появленіе „письма“ при всѣхъ описанныхъ выше обстоятельствахъ болѣе, чѣмъ странно, а подлинность его такъ же вѣроятна, какъ и то, что убійца, только что застрѣлившій человѣка среди бѣлаго дня, на людной улицѣ, заботится о какихъ-то черновикахъ никому невѣ-

домаго „отвѣта“, который, вдобавокъ, по показаніямъ „Полтавскаго Вѣстника“, покойный еще только собирался писать... *)

Итакъ, документъ, которымъ полтавскій оффиціозъ открывалъ кампанію противъ „писателя Короленко“, я имѣю всѣ основанія считать явнымъ и завѣдомымъ *подлогомъ*... Все, что намъ извѣстно точно объ его происхожденіи, сводится къ тому, что въ немъ, не исключая и подписи, нѣтъ ни одного слова, написаннаго покойнымъ, и что онъ присланъ въ редакцію вдовой, при препроводительномъ письмѣ, которое писано старшимъ совѣтникомъ губ. правленія г-мъ Ахшарумовымъ.

Такимъ образомъ, въ лицѣ послѣдняго къ сему похвальному дѣлу приложила руку „полтавская бюрократія“...

Послѣдній въ своемъ показаніи говоритъ, что полтавскій губернаторъ кн. Урусовъ, при свиданіи съ Филоновымъ въ день его пріѣзда, потребовалъ, чтобы онъ отвѣтилъ на письмо Короленко...

„Самъ онъ этого сдѣлать не успѣлъ“ (слова „Полтавскаго Вѣстника“). За него это сдѣлали другіе, не остановившіеся передъ очевиднымъ подлогомъ...

Это освобождаетъ меня отъ обязанности воспроизводить здѣсь цѣликомъ этотъ обширный продуктъ коллективнаго творчества невѣдомыхъ поддѣлывателей. Тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ нѣкоторый интересъ, уже не какъ отвѣтъ участника сорочинской драмы, а какъ отвѣтъ его среды, считающей массовыя истязанія, какъ доблестное исполненіе долга.

Что же представляетъ этотъ отвѣтъ по существу?..

Прежде всего въ немъ было бы совершенно напрасно искать опроверженіе приведенныхъ мною ужасающихъ фактовъ. Авторы „посмертнаго письма“ ограничиваются заявленіемъ, что „девять десятыхъ приписываемыхъ Филонову подвиговъ ложно“. И ложно, между прочимъ, что въ Сорочинцахъ ко времени Филоновской экспедиціи уже не было бунта.

„Писатель Короленко!—говоритъ мнимый Филоновъ:—когда я пріѣхалъ въ Сорочинцы, тѣло „несчастнаго“ Барабаша валялось въ грязномъ сараѣ. Неоднократныя мольбы родственниковъ о выдачѣ тѣла успѣха не имѣли, ни одинъ изъ „мирныхъ“ обывателей Сорочинецъ не хотѣлъ дѣлать гроба, а священники, боясь „справедливаго народнаго гнѣва“, отказывались служить панихиду. И только благодаря моему

*) Всѣ показанія о моментѣ убійства говорятъ, что молодой человѣкъ выстрѣлилъ и тотчасъ бросился бѣжать...

воздѣйствію, подкрѣпленному казаками, удалось добиться, чтобы несчастной жертвѣ служебнаго долга былъ оказанъ послѣдній христіанскій долгъ. Изъ этого между прочимъ видно, насколько правдиво Ваше указаніе, что „въ то время въ Сорочинцахъ не было уже никакихъ признаковъ бунта“...

Все это очевидная дѣтски безпомощная неправда... Изъ дѣла извѣстно, что Филоновъ съ отрядомъ прибылъ въ Сорочинцы 23 декабря, и въ ту же ночь были арестованы зачинщики... И не только арестованы, но и избиты такъ, что вполнѣ благонамѣренный старшина Копитько не могъ узнать ихъ, когда они были приведены въ правленіе.

Никто при этомъ никакого сопротивленія не оказалъ... А когда толпу согнали на площадь и приказали стать на колѣни, она покорно стояла 4 часа.

И это признаки бунта?

Жители не хотѣли дѣлать гроба... Но вѣдь всѣмъ жителямъ и не приказывали это дѣлать. Значитъ, и этотъ изумительный признакъ бунта могъ относиться развѣ только къ плотникамъ. Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, кто и къ кому обращался съ заказомъ. Гробъ всетаки сдѣланъ, и 22 декабря утромъ тѣло проводили изъ села по Миргородской дорогѣ...

„Тѣло валялось въ грязномъ сараѣ“, во власти толпы, которая отказала яко-бы выдать его, „не смотря на неоднократныя мольбы родственниковъ“... Эта картина, заимствованная изъ донесенія самого Филонова, которымъ, очевидно, пользовались составители письма, повторялась всѣми оффиціозами, стремившимися оттѣнить упорную преступность сорочинскихъ жителей и лживость писателя Короленко. *По странному недоразумѣнію, она часто приводится также и въ „заключеніи“ прокурора.*

Между тѣмъ все это совершенно ложно: сотникъ Щетихинъ со своими казаками отвезли раненаго Барабаша и сдали его въ больницу *). Никакая толпа послѣ этого имъ не овладѣвала и, если бы тѣло умершаго валялось въ грязномъ сараѣ, то это было бы не бунтомъ сорочинскихъ жителей, а только нерадѣніемъ больничнаго персонала.

Но и этого не было. Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія подложнаго письма въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ“ сорочинскій врачъ, завѣдующій больницей, прислалъ опроверженіе, напечатанное 31 января въ той же газетѣ **). Въ опровер-

*) Листъ дѣла 108.

**) „Полтавскій Вѣстникъ“, 31 января 1907 г., № 968.

женіи этомъ говорится, что тѣло Барабаша не валялось ни въ какомъ сараѣ, а было поставлено въ коморѣ (горницѣ), которая служитъ мертвецкой, и куда тѣло было вынесено вмѣстѣ съ кроватью и постелью...

Что касается родственниковъ, „умолявшихъ толпу“, то совершенно очевидно, что къ толпѣ имъ обращаться не было ни малѣйшей надобности, такъ какъ тѣло не находилось въ ея власти. Въ дѣлѣ опять нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, къ кому именно и кто именно обращался съ мольбами. Есть показанія совершенно обратныя. Такъ, приставъ Якубовичъ говоритъ, что, „по пріѣздѣ въ Миргородъ, онъ сообщилъ о происшедшемъ несчастіи женѣ покойнаго, которая такъ была убита горемъ, что не знала, что дѣлать, и *поручила ему распорядиться относительно доставленія тѣла въ Миргородъ*“. Это и было исполнено 22 декабря...

Наконецъ, „*священники боялись служить панихиды*“... Если бы это было такъ, то опять возникаетъ вопросъ,—основательна ли была эта боязнь и виновно ли въ томъ тогдашнее настроеніе жителей или излишняя опасливость сорочинскихъ пастырей.

Въ дѣлѣ опять есть одно прямое показаніе, которое этому противорѣчитъ. Тотъ же приставъ Якубовичъ разсказываетъ, что въ день его ареста одинъ изъ сорочинскихъ священниковъ, о. Владиміръ Греченко, смѣло вошелъ въ средину возбужденной толпы съ крестомъ въ рукѣ, „убѣждая ее не приводить въ исполненіе преступнаго намѣренія и предупреждая объ отвѣтственности“... (Тотъ же священникъ далъ впослѣдствіи правдивыя показанія о дѣйствіяхъ Филонова). Можно ли повѣрить, что этотъ человѣкъ, не боявшійся уговаривать толпу въ дни наибольшаго ея возбужденія, отказалъ бы въ панихидѣ надъ тѣломъ, лежавшимъ въ больницѣ, если бы его о томъ попросили... Нужно ли прибавлять, что въ дѣлѣ нѣтъ опять-таки указаній, кто просилъ объ этомъ и кто отказывалъ...

Урядникъ Копитько говоритъ опредѣленно, что „*на слѣдующій день* (20 декабря) *все было спокойно*“... И если всѣ эти признаки, за которые хватаются авторы подложнаго письма,—говорятъ о чемъ-нибудь, то развѣ о томъ, какъ легкомысленно извѣстная среда устанавливаетъ порой „признаки бунта“ и какъ тяжко приходится расплачиваться за это преступное легкомысліе.

Чтобы дать понятіе объ общемъ характерѣ „посмертнаго отвѣта“, я приведу еще его начало:

„Г. писатель Короленко! Я только-что вернулся изъ коман-

дировки и прочелъ ваше открытое письмо... Сначала я не хотѣлъ отвѣчать на него. Къ чему? Мы слишкомъ разно смотримъ на вещи... Вы ненавидите всякую законную власть, презираете правительство, я—агентъ этой правительственной власти. Можете ли вы, поэтому, честно и безпристрастно отнестись къ этой власти? Конечно, нѣтъ. Я недавно прочелъ (гдѣ?) заявленіе „убѣжденнаго журналиста“ (кого именно?) изъ вашихъ единомышленниковъ (?)... Онъ говоритъ: „Уважающій себя писатель не имѣетъ права теперь говорить правду“. По крайней мѣрѣ откровенно... Но въ такомъ случаѣ, какую цѣну можетъ имѣть Ваше письмо?..“

Таково начало посмертнаго отвѣта. Оно даетъ полное представленіе о тонѣ, какимъ написано все „письмо“, и объ его полемическихъ пріемахъ... На обвиненія, поставленныя точно, ясно, съ указаніемъ именъ и фактовъ, съ призывомъ къ суду,—невѣдомые защитники отвѣчаютъ, будто Филоновъ недавно прочелъ, неизвѣстно гдѣ, заявленіе невѣдомаго журналиста, по невѣдомымъ причинамъ признаваемаго за единомышленника Короленко... Этотъ журналистъ будто бы не рекомендуетъ вообще говорить правду. Значитъ,—и Короленко говоритъ неправду въ своемъ письмѣ...

Таково это возраженіе чиновника писателю, вѣрнѣе,—таковъ отвѣтъ извѣстной среды на вызовъ независимой печати.

Фактическая часть этого отвѣта—явная неправда!

Публицистическая—наивнѣйшая инсинуація...

Нравственная—грязный подлогъ отъ имени мертваго.

. . . . . .

VIII.

Отвѣтъ клеветникамъ.

Продолженіе соотвѣтствовало началу. Подложное письмо дало тонъ печати извѣстнаго лагеря. За „Полтавскимъ Вѣстникомъ“ отозвался „Кіевлянинъ“. За нимъ „Русская Правда“ (издатель—бывшій земскій дѣятель г. Квитка!), „Черниговскія Губернскія Вѣдомости“, какая-то орловская газетка, помѣстившая „некрологъ писателя Короленко“, написанный врачомъ Петровымъ, „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, „Новое Время“... Цѣлый рядъ явно и тайно черносотенныхъ изданій въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ на разные лады комментировали и извращали факты...

Наконецъ, даже высоко-оффиціозный органъ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина счелъ достойнымъ своей оффиціозной роли, не дожидаясь постановленія суда, укра-

сить свои столбцы безоглядным утвержденіемъ, будто „травля Филонова, произведенная г. Короленко, имѣла прямой цѣлью убійство даннаго лица“ *).

Эта дрянная выходка оффиціоза, вѣроятно, не имѣющая примѣровъ во всей оффиціозной печати всѣхъ европейскихъ странъ,—явилась достойнымъ завершеніемъ кампаніи, начатой подлогомъ. Послѣ этого оставалось только повторить ее въ новорожденной россійской палатѣ... И дѣйствительно, низкая клевета вползла, наконецъ, и на парламентскую трибуну...

12 марта 1907 года, въ государственной думѣ, во время обсужденія законопроекта о военно-полевыхъ судахъ, депутатъ отъ Волынской губерніи г. Шульгинъ выразилъ пожеланіе, чтобы казнямъ подвергались „не тѣ несчастные сумасшедшіе маніаки, которыхъ посылаютъ на убійство другія лица, а тѣ, которые ихъ послали, интеллектуальные убійцы, подстрекатели, умственныя силы революціи, которые пишутъ и говорятъ передъ нами открыто... Если будутъ попадать такіе люди, какъ извѣстные у насъ писатели убійцы...

„*Голосъ:* Крушеванъ?

„*Деп. Шульгинъ.* Нѣтъ, не Крушеванъ, а гуманный и дѣйствительно талантливый писатель В. Короленко, убійца Филонова!

„*Голоса:* Довольно! вонъ!

„*Предсѣдатель:* Прошу не касаться личностей, а говорить о вопросѣ.

„*Шульгинъ:* Слушаюсь“.

Этотъ эпизодъ я заимствую буквально изъ стенографическаго отчета. Въ то время, когда г. Шульгинъ стоялъ на трибунѣ государственной думы и передъ собраніемъ депутатовъ беззаботно кидалъ обвиненія, всю тяжесть которыхъ, очевидно, не способенъ понять умомъ или почувствовать совѣстью,—телеграммы уже сообщили, что дѣло писателя Короленко и редактора Ярошевича направлено къ прекращенію, такъ какъ факты, ими изложенные, подтвердились...

Когда-то Людовикъ XIV потребовалъ объясненія у одного изъ своихъ генераловъ, который проигралъ битву, потому что не пустилъ въ дѣло артиллерію.

— Государь, — отвѣтилъ генералъ, — у меня есть тысячи причинъ. Первая: отсутствіе пороху...

— Довольно,—отвѣтилъ король,—докажите наличность этой одной, можно не излагать остальныхъ.

Я отвѣчаю то же достойному хору моихъ обвинителей: у

---

*) „Россія“. Цитирую изъ „Русск. Вѣд.“ 16 сент. 1906 г., № 228.

меня много причинъ написать мое письмо, но для всякаго непредубѣжденнаго человѣка достаточно одной: покойный Филоновъ дѣйствительно совершилъ возмутительныя насилія, и было бы преступленіемъ со стороны печати молчать о нихъ.

Правда, наше время — ужасное время, когда каждое слово падаетъ, какъ искра, въ умы, возбужденные всѣмъ, что совершается кругомъ, среди грохота и шума тяжело перестраивающейся жизни. Однако, — слѣдуетъ ли изъ этого, что печать должна замалчивать факты беззаконій, истязаній, насилія?

Гг. правые, называющіе себя приверженцами закона, правды и порядка, осуждающіе „моральное подстрекательство печати“! Оглянитесь на ваши собственныя дѣйствія.

Вотъ вы на столбцахъ оффиціозныхъ органовъ продолжаете кампанію, начатую подлогомъ, и съ высоты парламентской трибуны считаете возможнымъ заявлять, что писатель Короленко—сознательный подстрекатель и убійца!

Думаете ли вы о томъ, что вѣдь и ваши слова падаютъ, какъ искра, въ возбужденные умы вашихъ приверженцевъ?

Вы скажете, конечно, что считаете себя въ правѣ не принимать этого въ соображеніе. Вы просто указываете на то, что, по вашему, сдѣлалъ писатель, и не вы виноваты, если это кого-нибудь возмущаетъ.

Справедливо. Но тогда не имѣлъ ли и писатель Короленко такое же право сказать свое мнѣніе о дѣйствіяхъ чиновника, истязавшаго безъ разбора тысячную толпу, стоявшую передъ нимъ на колѣняхъ, и затѣмъ продолжавшаго невозбранно тотъ же образъ дѣйствій въ другихъ мѣстахъ?

Нѣтъ, не оглашеніе, а самые факты мучатъ, терзаютъ, доводятъ до отчаянія, обезцѣниваютъ жизнь, отравляютъ чуткія совѣсти сознаніемъ безправія, побуждаютъ къ этому ужасному самопожертвованію и ужаснымъ самосудамъ. И если бы еще печать замолчала, то жизнь была бы отдана всецѣло во власть стихійныхъ страстей и ихъ необузданной ярости. Тогда, среди мрачнаго молчанія, раздавались бы только выстрѣлы съ одной и съ другой стороны, какъ это мы уже видимъ въ Лодзи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа...

Нѣтъ, выходъ не въ молчаніи, а въ правдѣ. Я доказалъ, что говорилъ правду, не выдумывая и не искажая фактовъ и освѣщая ихъ по своему разумѣнію и совѣсти.

А вы, прибѣгающіе къ подлогамъ и клеветѣ въ защиту насилія... можете ли вы доказать то, что говорите? И понимаете ли вы все значеніе вами сказаннаго?

Писатель, который, открыто взывая къ гласности и суду, въ дѣйствительности стремился бы только подстрекнуть дру-

гого на убійство,—совершилъ бы величайшую низость, какую только возможно совершить при помощи пера и печатнаго станка...

Но если такъ, то каковъ же долженъ быть нравственный уровень среды, для которой возможны обвиненія въ такой низости безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ того, что писатель сказалъ суровую правду о насиліяхъ, совершенныхъ чиновникомъ.

А эти обвиненія раздавались со столбцовъ органа „конституціоннаго“ министерства и съ парламентской трибуны!

. . . . . .

IX.

Заключеніе.

Много еще можно бы сказать по этому предмету, но на этотъ разъ я кончаю.

Не для г. Шульгина и не для „министерской газеты“, а для людей, способныхъ искренно и честно вдуматься въ современное положеніе, я хочу закончить эти очерки небольшимъ эпизодомъ.

На второй день послѣ убійства Филонова ко мнѣ прямо изъ земскаго собранія явился крестьянинъ, мнѣ незнакомый, и съ большимъ участіемъ мнѣ сообщилъ, что онъ случайно слышалъ въ собраніи разговоръ какого-то чиновника съ кучкой гласныхъ. Чиновникъ сообщалъ, будто состоялось уже постановленіе объ арестѣ писателя Короленко. И мой незнакомый посѣтитель пришелъ, чтобы предупредить меня объ этомъ.

Я поблагодарилъ его и затѣмъ спросилъ:

— Послушайте, скажите мнѣ правду. Неужели и вы и ваши думаете, что я дѣйствительно хотѣлъ убійства, когда писалъ свое открытое письмо?

Онъ уже прощался и, задержавъ мою руку въ своей мозолистой рукѣ и глядя мнѣ прямо въ глаза, отвѣтилъ съ тронувшимъ меня деликатнымъ участіемъ:

— Я знаю... и много нашихъ знаетъ, что вы добивались суда. А прочіе думаютъ разно... Но...

Онъ еще глубже заглянулъ мнѣ въ глаза и прибавилъ:

— И тѣ говорятъ спасибо.

Впослѣдствіи не въ однихъ Сорочинцахъ при разговорахъ съ крестьянами объ этихъ событіяхъ мнѣ приходилось встрѣчать выраженіе угрюмой радости...

— Ничего,—говорилъ мнѣ молодой крестьянинъ, у котораго еще лѣтомъ болѣли распухшія отъ ревматизма ноги.— У меня ноги не ходятъ, а *онъ* не глядитъ на Божій свѣтъ...

Таковъ результатъ двухъ факторовъ: стоянія на колѣняхъ и чувства мести за безнаказанныя насилія...

Но это не то дѣло, которое начато было въ Полтавѣ независимой печатью. Мы вызывали эту толпу, еще недавно стоявшую на колѣняхъ, къ дѣятельному, упорному, сознательному и смѣлому отстаиванію своего права *прежде всего* законными средствами. Она слишкомъ скоро получила удовлетвореніе иное, болѣе сильное и трагически мрачное...

Мы потерпѣли неудачу. И я, быть можетъ, болѣе искренно, чѣмъ многіе сослуживцы покойнаго Филонова, былъ огорченъ его смертью. Не изъ личнаго сочувствія,—послѣ всего изложеннаго я считалъ его человѣкомъ очень дурнымъ и жестокимъ... И не потому, что для меня съ этой смертію былъ связанъ рядъ волненій и опасностей, что за ней послѣдовалъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго я былъ мишенью безчисленныхъ клеветъ, оскорбленій и угрозъ. Не потому, наконецъ, что эта кампанія, начавшись подложнымъ письмомъ въ Полтавѣ, перешла на столбцы правительственнаго органа и на парламентскую трибуну...

А потому, что выстрѣлъ, погубившій Филонова, разрушилъ также то дѣло, которое было начато независимой печатью, и которое я считалъ и считаю важнымъ и нужнымъ... Такъ какъ, сколько бы ни предстояло еще потрясеній и испытаній нашей родинѣ на пути ея тяжкаго обновленія, и какіе бы пути ни вели къ этой цѣли,—всетаки окончательный выходъ изъ смятенія лежитъ въ той сторонѣ, гдѣ свѣтитъ законность и право, для всѣхъ равное: и для избитаго на сорочинской площади человѣка въ сермягѣ, и для чиновника въ мундирѣ, для рабочаго одинаково, какъ и для министра... И эту дорогу нужно искать всюду, гдѣ еще возможно, и когда возможно, какъ бы она ни загораживалась старыми привычками и властными интересами, какъ бы ни перепутывалась съ другими тропами, какъ бы ни терялась среди царящаго мрака и беззаконій...

Въ дѣлѣ Филонова независимая печать звала именно на этотъ путь, оглашая правду о сорочинской и другихъ подобныхъ трагедіяхъ. Взывая къ суду, она исполнила свою обязанность, но осталась одинокой... Ее не поддержала ни мѣстная, ни высшая администрація. Судъ тоже безмолвствовалъ, пока Филоновъ производилъ свои истязанія, и выступилъ только съ попыткой... привлечь писателя за завѣдомую правду. Если бы другіе закономѣрные факторы жизни исполняли свой долгъ въ эти критическіе дни, послѣ обѣщаній манифеста, то правда, которую такъ поздно пришлось подтвердить и суду,—

не была бы отравлена сознаніемъ одиночества и безсилія такихъ призывовъ... Тогда не было бы и сорочинской трагедіи... Не было бы, вѣроятно, и набата, и массоваго гипноза, и убійства Барабаша, и карательныхъ экспедицій, когда, какъ въ Кривой Рудѣ, „въ безлунныя темныя ночи“ люди рубятъ людей безъ смысла, безъ вины и безъ цѣли...

Не было бы, навѣрное, и выстрѣла 18 января, не было бы надобности и русскимъ писателямъ выступать съ „открытыми письмами“ къ ст. совѣтникамъ и съ тяжелыми очерками, какими я въ настоящее время терзаю читателей.

Кто же виноватъ, что этими мотивами переполнилась вся наша жизнь на зарѣ начинающагося обновленія...

Оглавленіе

VI тома.

стр.

Надъ лиманомъ. Изъ записной книжки путешественника.
I. „Некрасовскій корень“ 3
II. „Искатели“ 16
III. 36
Наши на Дунаѣ.
I. Ходоки изъ „Русской Славы“ 38
II. Домну Катріанъ, соціалистъ 43
III. Удачи и неудачи домну Катріана 47
IV. Лука и его жена 54
V. На магалѣ. 62
VI. Гора Денизъ-Тепе 64
VII. Собственный цыганъ Луки 67
VIII. Липованъ изъ Черкесской Славы 73
IX. Столкновеніе 75
X. Вечеръ въ балканахъ 79
XI. Ночной сходъ въ „Русской Славѣ“ 81
Турчинъ и мы. Изъ впечатлѣній въ Добруджѣ 91
Нирвана. Изъ поѣздки на пепелища дунайской сѣчи. (Отрывокъ). . 123
У казаковъ. Изъ лѣтней поѣздки на Уралъ.
I. Дорогой.—Вольная степь.—„Рыбопошлинная застава“. 130
II. На учугѣ.—Гг. наказные атаманы и обычай 138
III. Старый городъ.—Гробница казачьихъ вольностей.—Курени.—Пугачовскій дворецъ и домъ Устиньи Кузнецовой 151
IV. Поѣздка по верховымъ станицамъ.—Ночлегъ въ Трекиныхъ хуторахъ.—„Кочкинъ Пиръ“.—Послѣдніе отголоски крамолы.—Объ „агличанкѣ“ 159
„ Песчаная мятель.—Требухинскій поселокъ.—Старый казакъ Хохлачевъ.—О Пугачовѣ.—О киргизахъ и ихъ усмиреніи. — Убіенный маръ и старое поле битвы 167
V. Въ Январцевѣ. — Казачка-поэтесса. — Казакъ Григорій Терентьевичъ Хохловъ.—Уральскіе „искатели“ . 172
Путешествіе уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство 177
VI. Опять дорога.—Кирсановская станица.—Косцы.—Нѣчто о „киргизской мечтѣ“.—Казакъ-поэтъ и его поэма о пугачовцѣ Чикѣ. — Опять переносные пески.—Драма степного уголка. 198
VII. Крѣпостная деревня. — Наемка въ Ташлинской станицѣ.—Ночлегъ на базу.—Обратные переселенцы.—Стачка косцовъ и смиренный мужичокъ. — Бабушка Душарея.—Граница.—Городище.—Летучка 206

VIII. Въ гостяхъ у поселковаго атамана.—Пренія о вѣрѣ.—Пограничныя недоразумѣнія. — Дипломатическая нота атамана и ея послѣдствія 212
IX. По рѣчкѣ Кинделѣ. — Казакъ Поляковъ. — Желѣзная дорога и верблюды. — Спиритическія явленія въ степномъ хуторѣ. — В. А. Щаповъ. — Ночлегъ въ степи. 214
X. Илецкою степью. — Реформа въ Илецкой общинѣ. — Покосъ „ударомъ“.—Казаки татаре 221
XI. Начало Илека.—Борьба двухъ казачьихъ общинъ.—Общинный „эгоизмъ“ и эпизодъ изъ жизни І. И. Желѣзнова 225
XII. Въ гостяхъ у степного сановника.—Обратный путь.—Утва.—Аулъ чингисхановичей.—Опять въ Январцевѣ.—Заключеніе 247

Случайныя замѣтки.

Метаморфоза „Гражданина“. 259
Переселеніе духоборовъ въ Америку 270
Нѣсколько мыслей о національмѣ. 287
Письмо къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей“ 300
Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмановой 302
Курскій проектъ устраненія желтой опасности 307
Князь Мещерскій и покойные министры. 310
Откровенныя изліянія кн. Мещерскаго. 317
Князь Мещерскій—прогрессистъ! 321
9 января 1905 г. 325
Поэзія и проза въ коммиссіи Д. Ѳ. Кобеко 337
Національмъ, гуманность, нагайка, война 342
Морской штабъ «на мирномъ положеніи» 347
Письма къ жителю городской окраины.
Письмо первое 352
Письмо второе 354
Письмо третье 357
Письмо четвертое 360
Наши «государственные люди» и новый гулльскій инцидентъ 366
Единство кабинета или тайны министерства внутреннихъ дѣлъ. Сенсаціонный уголовно-политическій романъ 374
Возвращеніе генерала Куропаткина 380
Историческая справка. Вниманію гг. казачьихъ офицеровъ. 388
Заботы добраго пастыря о грѣшной паствѣ 390
Генералъ Думбадзе, ялтинскій генералъ-губернаторъ 393
О латинской благонадежности 398
«Крестъ и полумѣсяцъ» 407
Сорочинская трагедія по даннымъ судебнаго разслѣдованія.
Предисловіе 412
I. Сорочинцы и Устивица 414
II. Кривая Руда. Эпидемія насилій 419
III. Открытое письмо статскому совѣтнику Филонову . . . 423
IV. Чего я добивался своимъ открытымъ письмомъ 434
V. Слабые проблески 439
VI. Убійство Филонова и его обстановка 442
VII „Посмертное письмо ст.сов. Филонова писателю Короленко“. 445
VIII. Отвѣтъ клеветникамъ 451
IX. Заключеніе 454

STANDING LIST OCT 15 1949

LR
K8467
489679
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Полное собрание сочинений.
v.6
[Translit: Polnoe sobranie sochinenyi]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET